

2024
3 (77)

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

*PHILOLOGY
AND CULTURE*

**Казанский
федеральный
УНИВЕРСИТЕТ**

**Филология и культура.
Philology and Culture**

*Журнал основан в 2003 году. Выходит 4 раза в год.
Учредитель и издатель – ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»*

*Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-47510 от 23.11.2011 г.*

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ
Материалы журнала размещаются на сайте Научной электронной библиотеки, включаются в национальную
информационно-аналитическую систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)*

Редакционный совет журнала:

Бак Дмитрий Петрович – профессор Российского государственного гуманитарного университета, директор Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственного литературного музея) (Россия).

Головко Евгений Васильевич – член-корреспондент Российской академии наук, директор Института лингвистических исследований Российской академии наук (Россия).

Гусейнова Махира Наги Кызы – профессор, декан филологического факультета, проректор по международным связям Азербайджанского государственного педагогического университета (Азербайджан).

Дзиффер Джорджо – профессор Университета в Удине (Италия).

Кибрик Андрей Александрович – профессор, директор Института языкознания Российской академии наук (Россия).

Леблан Сесиль – профессор университета «Париж-3, Новая Сорбонна» (Франция).

Лефельдт Вернер – профессор Гёттингенского университета (Германия).

Онер Мустафа – профессор Эгейского университета (Турция).

Сривастава Анамика – научный сотрудник Глобального Университета Джиндал (Индия).

Шаймердинова Нурила Габбасовна – профессор Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (Казахстан).

Шайтанов Игорь Олегович – профессор, заведующий кафедрой истории литературы Российского государственного гуманитарного института.

Ширинова Раима Хакимовна – доктор филологических наук, профессор, проректор по международным связям Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Узбекистан).

Главный редактор – **Замалетдинов Радиф Рифкатович**, д-р филол. наук, профессор, директор Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Заместитель главного редактора – **Ярмакеев Искандер Энгелевич**, д-р пед. наук, профессор, заместитель директора по научной деятельности Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Состав редколлегии:

Агеева Юлия Викторовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бакиров Марсель Хаернасович, д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра по изучению наследия Льва Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бочина Татьяна Геннадьевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бреева Татьяна Николаевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галимуллина Альфия Фоатовна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галиуллина Гульшат Раисовна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой татарского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Гафиятова Эльзара Васильовна, д-р филол. наук, доцент, заместитель директора по международной деятельности и развитию Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Горобец Елена Анатольевна, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Ерофеева Ирина Валерьевна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Есин Радий Германович, д-р мед. наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЛ «Нейрокогнитивные исследования», Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Жолобов Олег Феофанович, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Закирзянов Альфат Магсумзянович, д-р филол. наук, профессор, и.о. заведующего отделом литературоведения Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

Закирова Ильсеяр Гамиловна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Зинин Сергей Александрович, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет.

Каюмова Диана Фердинандовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Крылов Вячеслав Николаевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Кулькова Мария Александровна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мардиева Ляйля Агъдасовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мингазова Ляйля Ихсановна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры татарской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Мухаметшина Резеда Фаилевна, д-р пед. наук, профессор, декан Высшей школы русского языка и межкультурной коммуникаций имени И. А. Бодуэна де Куртенэ Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Неселова Ольга Олеговна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Николаева Наталия Геннадьевна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой латинского языка и медицинской терминологии, Казанский государственный медицинский университет.

Пашкуров Алексей Николаевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Поляков Олег Юрьевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры культурологии и журналистики, Вятский государственный университет.

Сайфулина Флера Сагитовна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой татарской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Салехова Ляйля Леонардовна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры билингвального и цифрового образования, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Солнышкина Марина Ивановна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Соловьев Валерий Дмитриевич, д-р физ.-мат. наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЛ «Текстовая аналитика», Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Тарасова Фануза Харисовна, д-р филол. наук, доцент, декан высшей школы русской и зарубежной филологии имени Льва Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Файзуллина Гузель Чахваровна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры теории и методики начального и дошкольного обучения, Тобольский педагогический институт имени Д. И. Менделеева (филиал Тюменского государственного университета в г. Тобольск).

Фаттахова Наиля Нурыхановна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Хабибуллина Лилия Фуатовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Харисов Фираз Фахразович, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры татарского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Явгильдина Зилия Мухтаровна, д-р пед. наук, профессор, проректор по научной работе, Казанский государственный институт культуры.

Сотрудники:

Ответственный редактор:

Хабутдинова М. М., кандидат филологических наук.

Выпускающий редактор:

Умарова Л. Д., кандидат филологических наук.

Ведущие редакторы:

Свирина Л. О., кандидат филологических наук.

Хасанова Л. И.

Компьютерная верстка – Герасимова Н. В.

Адрес издателя: 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Адрес редакции: 420021, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2

Контактный телефон: (843) 292-92-06

Сайт журнала: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

E-mail: journal@ifi.kpfu.ru

Подписной индекс: 66015

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лингвистика

- Ахметзянова Л., Садыкова И.** Даниил Хармс: языковые «аномалии» или логика языка. 7
- Габдреева Н., Светлова Р., Лисина Г.** Арабские заимствования в русском языке, вошедшие в язык при посредстве французского. 12
- Галеев Т., Бочкарев В., Ван Мэняо** Количественная характеристика процесса интернационализации русской лексики. 19
- Зубенко Н.** О понятии «функция» в функциональной лингвистике. 26
- Карабулатова И., Цюхуа Сунь, Чао Сунь, Иванова-Якушко М.** Проблема интерпретации метафорических эвфемизмов в переводных текстах традиционной китайской медицины (ТКМ). . 40
- Килина Л., Колосова Е.** Религиозная лексика и особенности ее употребления в русском языке (на примере прилагательного *адский*). 53
- Климкович О., Немыка А.** Время в старорусских и старобелорусских судебных текстах XV века. 61
- Макарова Л.** Состав, предмет и наименования филологических наук М. В. Ломоносова. 68
- Михайлова М., Ильдуганова Г., Вахитова Р.** Человек как объект номинации в институциональном дискурсе фотографов: семантический и прагматический аспекты. 77
- Насибуллова Г.** Идентификация образов женщин и мужчин в художественном дискурсе в русском и английском художественном дискурсе (на материале произведений Ольги Славниковой и Сары Холл). 84
- Павленко А., Гукалова Н.** Историко-этимологический аспект лексикографического портрета глагола *can* в шотландском языке (по данным старых и новых словарей). 90
- Семенова А.** «А сколько нас таких?»: о способах самоидентификации в мемуарной прозе Надежды Мандельштам. 98
- Скрипка В.** Указательные местоимения *сей* и *оний* в переводе «Истории управления настоящего Империи Оттоманской» П. А. Толстого. 104
- Соболева А.** Четыре проложных текста об Александре Свирском: история, соотношение, особенности. 110
- Спиридонов А.** Структурно-семантическая и функционально-стилистическая характеристика окказионализмов Евгения Попова (на материале сборника рассказов «Тихоходная барка „Надежда“»). 117
- Фатхутдинова В.** Производные наименования «матерчатого» убранства русского дома: этнолингвистический аспект. 122
- Ширяева-Ширинг О., Савченкова И.** Концепт *лидер* в деловом медиадискурсе: ядерная семантика и функции. 128

Литературоведение

- Абилова Ф.** От «англичанина» к «британцу»: образ джентльмена в английской литературе XIX–XXI вв. (Ч. Диккенс, Т. Гарди, А. К. Дойл, Я. Флеминг, К. Исигуро). 137
- Бекметов Р.** Омар Хайям в русской литературной интерпретации (роман Вардвана Варжапетяна «Запах шиповника»). 145
- Бекметов Р., Пейкани М.-Д.** Будда в кругозоре мусульман: очерк-статья Льва Толстого «Будда» в татарском и персидском переводах. 152
- Бреева Т.** Проблема постпамяти в романе Елены Чижовой «Город, написанный по памяти». . . . 158
- Брянцева И.** Проблема национальной самоидентификации персонажей американской альтернативно-исторической прозы. 164

Ван Гоин, Бреева Т. Типология образов в цикле Владислава Крапивина «Сказки и были Безлюдных пространств».	170
Вафина А. Особенности нарратива в романе Маргарет Дрэббл «Мой золотой Иерусалим».	175
Вихрова К. Американская исключительность и богооставленность в романах Хьюберта Селби-мл.	181
Ворожцова Н. Философское осмысление русских культурно-исторических мифов в цикле К. К. Случевского «Баллады, фантазии и сказы».	187
Галимуллина А., Гайнуллина Г. Традиции классической литературы в творчестве русских и татарских писателей Республики Татарстан.	193
Груздева Е. Антиколониальный дискурс в романе Мо Яня «Смерть пахнет Сандалом».	199
Журчева О., Журчева Т. Осмысление национальных культурных мифов в творчестве Вадима Леванова.	205
Жэнь Тяньи, Нагуманова Э. Локус дома в романе Е. А. Катишонок «Жили-были старик со старухой».	211
Иванова И., Федяй С., Евдокимова О. Национальный код отечественной литературы последней трети XX – начала XXI века (особенности воплощения).	218
Кузнецов А. Форма диалога в структуре поэмы «Манели» (1947) Нима Юшиджа.	226
Мингазова Л., Оразова Б., Каюмова Г. Творческая интерпретация и этнокультурная адаптация: переводы Роберта Миннуллина для детей.	235
Пирогова Т. Орнитологические образы в романе Георгия Венуса «Зяблики в латах».	242
Сайфулина Ф., Насипов И. Татарский фольклор, собранный тюркологом В. В. Радловым: опыт перевода на русский язык.	248
Салахова А. Портретный код в рассказе «Дама с собачкой» А. П. Чехова.	256
Серебрякова Е. Национальное, массовое и общечеловеческое в романе А. Ганиевой «Жених и невеста».	262
Сидорова О. Когда постколониальное становится национальным (роман Р. Флэнагана «Узкая дорога на дальний Север»).	269
Усанова И. Образ народа в поэзии Р. П. Ругина.	275
Хабибуллина Л. «Кельтское освещение» травматической проблематики романа А. Мердок «Школа добродетели».	281
Хабутдинова М., Мотигуллина А. Жанровое своеобразие романа-новеллы Марселя Галиева «Тимэ, яшәсен!» («Не трогай, пусть живет!»).	286

ПЕДАГОГИКА

Агеева Ю., Ван Нин Региональный компонент при обучении русскому языку как иностранному (на примере Республики Татарстан).	293
Бастриков А., Бастрикова Е., Смоленцева Л. Медиаресурсы в формировании социокультурной компетенции студентов на занятиях РКИ.	299
Гимранова Т., Колосова Е. Формирование профессиональной коммуникативной компетенции будущего иностранного специалиста (из опыта работы со студентами-лингвистами).	305
Ерофеева И., Карасева А. Обогащение словарного запаса учащихся на уроках русского языка при изучении былин.	314
Ибрагимова Е. Роль социокультурного контекста при интерпретации современных художественных текстов в обучении РКИ.	319
Овтина Е. Русская редупликация: единицы и рамки повторяемости (лингводидактический аспект).	325
Свирина Л., Ашрапова А. Об адаптационных умениях учителя иностранного языка.	331
Сяной Лю, Москалева Л. Взаимосвязь и взаимозависимость формирования коммуникативно-речевой и лингвокультурологической компетенций в обучении русскому языку как иностранному.	336

ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Юсупова З., Закирьянов К. К тайнам происхождения слов... (рецензия на книгу ученого-лингвиста И.В. Ерофеевой «Путешествие в историю русского языка»).	342

CONTENTS

PHILOLOGICAL STUDIES

Linguistics

<i>Akhmetzyanova L., Sadykova I.</i> Daniil Harms: language “anomalies” or the logic of language.	7
<i>Gabdreeva N., Svetlova R., Lisina G.</i> Arabic borrowings in the Russian language transmitted to Russian through French.	12
<i>Galeev T., Bochkarev V., Wang Mengyao</i> Quantitative characteristics of Russian vocabulary internationalization.	19
<i>Zubenko N.</i> On the concept of “function” in functional linguistics.	26
<i>Karabulatova I., Qiuhua Sun, Chao Sun, Ivanova-Iakushko M.</i> The problem of interpreting metaphorical euphemisms in translated texts of traditional Chinese medicine (TCM).	40
<i>Kilina L., Kolosova E.</i> Religious vocabulary and the features of its usage in the Russian language (based on the adjective <i>адски</i> (<i>hellish</i>)).	53
<i>Klimkovich O., Nemyka A.</i> Time in the old Russian and old Belarusian judicial 15th- century texts. . . .	61
<i>Makarova L.</i> Composition, subject and names of Mikhail Lomonosov’s philological sciences.	68
<i>Mikhaylova M., Ilduganova G., Vakhitova R.</i> Person as an object of nomination in the institutional discourse of photographers: semantic and pragmatic aspects.	77
<i>Nasibullova G.</i> Identification of women and men images in the fictional discourse of Olga Slavnikaya and Sarah Hall.	84
<i>Pavlenko A., Gukalova N.</i> Historical and etymological constituent of the lexicographic portrait of the verb <i>can</i> in Scots (according to old and new dictionaries).	90
<i>Semenova A.</i> “How many of us are here?”: on ways of self-identification in Nadezhda Mandelstam’s memoir prose.	98
<i>Skripka V.</i> Demonstratives <i>sei</i> and <i>onyi</i> in P. Tolstoy’s translation of “The History of the Present State of the Ottoman Empire”.	104
<i>Soboleva A.</i> Four synaxarion redactions about Alexander Svirsky: history, correlation, features.	110
<i>Spiridonov A.</i> Structural-semantic and functional-stylistic characteristics of Evgeniy Popov’s newly coined words (based on the collection of stories “The low-speed barge ‘Nadezhda’”).	117
<i>Fatkhutdinova V.</i> Derived names of the Russian house “cloth” decoration: an ethnolinguistic aspect. . .	122
<i>Shiryaeva-Shiring O., Savchenkova I.</i> The concept leader in business media discourse: essential semantics and functions.	128

Literary Studies

<i>Abilova F.</i> From “an Englishman” to “a Briton”: the image of a gentleman in English literature of the 19th – 21st centuries (C. Dickens, Th. Hardy, A. C. Doyle, Y. Fleming, C. Ishiguro).	137
<i>Bekmetov R.</i> Omar Khayyam in Russian literary interpretation (Vardvan Varzhapetyan’s novel “The smell of a wild rose”).	145
<i>Bekmetov R., Peikani M.-J.</i> The Buddha in Muslims’ worldview: the essay-article “The Buddha” by Leo Tolstoy in Tatar and Persian translations.	152
<i>Breeva T.</i> The problem of post-memory in Elena Chizhova’s novel “The city written from memory”. . .	158
<i>Briantseva I.</i> The problem of national self-identification of the characters from American alternate historical prose.	164
<i>Wang Goin, Breeva T.</i> Typology of images in Vladislav Krapivin’s cycle “Fairy tales and true stories of deserted spaces”.	170
<i>Vafina A.</i> The narrative mode in the novel “Jerusalem the golden” by Margaret Drabble.	175
<i>Vikhrova K.</i> American exceptionalism and godforsakenness in Hubert Selby jr.’s novels.	181
<i>Vorozhtsova N.</i> Philosophical understanding of Russian cultural and historical myths in K. Sluchevsky’s cycle “Ballads, fantasies and tales”.	187
<i>Galimullina A., Gainullina G.</i> Traditions of classical literature in the work of modern Russian and Tatar writers from the Republic of Tatarstan.	193
<i>Gruzdeva E.</i> Anti-colonial discourse in Mo Yang’s novel “Death smells of sandalwood”.	199
<i>Zhurcheva O., Zhurcheva T.</i> Comprehension of national cultural myths in Vadim Levanov’s works. . .	205
<i>Ren Tianyi, Nagumanova E.</i> The locus of the house in the novel “There lived an old man and his wife” by E. Katishonok.	211

Ivanova I., Fedyay S., Evdokimova O. National code of Russian literature in the second half of the 20th – early 21st centuries (features of embodiment).	218
Kuznetsov A. Dialogue form in the structure of Nima Yushij's poem "Maneli" (1947).	226
Mingazova L., Orazova B., Kayumova G. Translations for children by Robert Minnullin: creative interpretation and ethno-cultural adaptation.	235
Pirogova T. Ornithological images in the novel "Finches in armor" by Georgy Venus.	242
Sayfulina F., Nasipov I. Tatar folklore collected by turkologist V. Radlov: experience of translation into the Russian language.	248
Salakhova A. Portrait code in Anton Chekhov's short story "The lady with the dog".	256
Serebryakova E. National, mass and general human features in A. Ganieva's novel "Bride and groom".	262
Sidorova O. When the post-colonial transforms into the national ("The narrow road to the deep north" by R. Flanagan).	269
Usanova I. The image of the people in R. Rugin's poetry.	275
Khabibullina L. "Celtic backlighting" of the traumatic issues in Murdoch's novel "The good apprentice".	281
Khabutdinova M., Motigullina A. Genre originality of the novel-novella "Tima, yashasen!" ("Leave him alone, let him live!") by Marcel Galiev.	286

PEDAGOGY

Ageeva Yu., Wang Ning Regional component in teaching Russian as a foreign language (exemplified by the Republic of Tatarstan).	293
Bastrikov A., Bastrikova E., Smolentseva L. Media resources used to develop students' socio-cultural competence in RFL classes.	299
Gimranova T., Kolosova E. Developing international students' professional communicative competence (based on the experience of working with students majoring in linguistics).	305
Erofeeva I., Karaseva A. Enriching students' vocabulary in Russian language lessons while studying epics.	314
Ibragimova E. Interpretation of modern literary texts: the role of socio-cultural context in teaching Russian as a foreign language.	319
Ovtina E. Russian reduplication: units and frames of recursion (linguodidactic aspect).	325
Svirina L., Ashrapova A. On adaptation skills of a foreign language teacher.	331
Xiangyu Liu, Moskaleva L. Interrelation and interdependence of the communicative-speech and linguocultural competences development in teaching Russian as a foreign language.	336

UNIVERSITY LIFE

Yusupova Z., Zakiryanov K. On etimologycal mysteries of words... (review of the book "a journey into the history of the Russian language" by linguist I. V. Yerofeeva).	342

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'371

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-7-11

ДАНИИЛ ХАРМС: ЯЗЫКОВЫЕ «АНОМАЛИИ» ИЛИ ЛОГИКА ЯЗЫКА

© Лиана Ахметзянова, Илсояр Садыкова

DANIIL HARMS: LANGUAGE “ANOMALIES” OR THE LOGIC OF LANGUAGE

Liana Akhmetzyanova, Ildoyar Sadykova

The linguistic and aesthetic comprehension of Daniil Harms's texts should, first of all, be interpreted based on the postulates of avant-gardeism, to which the literary and theatrical group OBERIU belonged – an association of real art. Harms, as the founder and a prominent representative of this group, modeled his own linguistic and poetic concept of constructing literary texts paying fundamental attention to the semantemes of the lexemes *absurd*, *antinorm*, *abstruse* and *alogism*. We turn to Harms's discourse and identify the fundamental principle of his life and work – total inversion. Total inversion appears at all linguistic levels, which, as a result, leads to a narrative deviation, the destruction of the actual formation of words and meanings in the writer's linguopetics. In this regard, it is important to note that the author's linguistic picture is based on his own socio-political worldview. Harms perceived the reality around him extremely keenly, which is why he created his own artistic world, a world that has the ability to maximally interpret the real one, in which the writer had to exist. In this fictional, unreal world, “the purity of order” comes into action when the reader is invited to forget about the laws of language and comprehend harmony - with the work, the world and oneself.

Keywords: Daniil Harms, absurdization of the text, narrative deviation, linguistic-aesthetic comprehension

Лингво-эстетическое осмысление текстов Даниила Хармса следует, прежде всего, интерпретировать исходя из постулатов авангардизма, к которому принадлежала литературно-театральная группа ОБЭРИУ – объединение реального искусства. Хармс как основатель и яркий представитель данной группы смоделировал свою собственную лингво-поэтическую концепцию построения художественных текстов, уделяя принципиальное внимание семантемам лексем *абсурд*, *антинорма*, *заумь*, *алогизм*. Мы обращаемся к дискурсу Хармса и выявляем основополагающий принцип его жизни и творчества – тотальную инверсию. Тотальная инверсия появляется на всех языковых уровнях, что в результате приводит к нарративной девиации, разрушению собственно слово- и смыслообразования в лингвопоэтике писателя. В связи с этим представляется важным отметить, что языковая картина автора строится исходя из его собственного социально-политического мировоззрения. Хармс предельно остро воспринимал окружающую его действительность, именно поэтому он создает свой собственный, художественный мир, мир, имеющий возможность максимально интерпретировать реальный, в котором писателю приходилось существовать. И в вымышленном, ирреальном мире действует «чистота порядка», когда читателю предлагается забыть о законах языка и постичь гармонию – с произведением, миром и самим собой.

Ключевые слова: Даниил Хармс, абсурдизация текста, нарративная девиация, лингво-эстетическое осмысление

Для цитирования: Ахметзянова Л., Садыкова И. Даниил Хармс: языковые «аномалии» или логика языка // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 7–11. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-7-11

В процессе знакомства с произведением читателю открывается уникальный мир тем, мотивов, настроений. Своеобразное художественное

послевкусие остается по завершении чтения. Только насколько долго оно останется в памяти – зависит не только от читателя с его субъектив-

ным мироощущением и степени гармонии с миром, но и, определенно, от автора произведения.

По мере знакомства с прозаическими и поэтическими текстами Даниила Хармса, писателем XX века, адресованными взрослой аудитории, в сознании читателя, несомненно, остается послевкусие. Послевкусие, заправленное гаммой эмоций, как, например, ощущением ужаса: *толпа отрывает ему голову*; чувством абсурдности ситуации, поскольку тот персонаж, о котором идет речь, оказался случайной жертвой; неверием в происходящее (*оторванная голова, застрявшая в люке; чувство удовлетворения толпы, которой нет разницы, кого убивать*) [1, с. 323].

Противоположное наблюдается в произведениях для детей, которые, благодаря игровой манере обращения к читателю, ритмичности, рифмовке, звукоподражаниям, создают ощущение легкости, задора; каждый текст переносит в понятный, светлый, гармоничный мир ребенка. После остается доброе, светлое послевкусие. Так, в следующем примере можем наблюдать частые приемы детской хармсовской поэтики: повтор, гиперболу, «лесенку» как один из способов деления поэтического текста на части:

Профессор:

Давно мы не встречались,
давно мы не видались,
давно не попадались
друг другу на глаза.
Был я во Франции,
был я в Италии,
был и в Америке,
был и подальше ... [2, с. 40]

Или, к примеру, использование онomatопеических (звукоподражательных) элементов (*га-ра-рар, ду-д-ду, жу-жу-жу, му-му-му*) в стихотворном тексте «Игра» [Там же, с. 56].

В текстах для взрослых игровая «забавность» уступает место «непривлекательной действительности», как назвал её Хармс. Проза полна гротескных фантазий и цинизма, которые «оголяют» всю неприглядность мира. Как, например, вербализация физиологических изменений женщины пожилого возраста, когда начинают седеть брови, волосы, дрожать руки, когда само существование становится в тягость настолько, что единственный выход видится в смерти: *в землю лбом ложись и тлей* [1, с. 245], или мысль о том, *как много в жизни несчастных*, которые не по своей воле попадают в проблемные ситуации без выхода [Там же, с. 141].

Даниил Хармс, безусловно, является одним из уникальных писателей с его эстетикой аван-

гарда, писателей, чье творчество во многом, с одной стороны, деструктивно, с другой – основно и рационалистично.

Писатель создает занимательные и калейдоскопические комбинации слов, играя на смысловых допустимостях и противоречиях языка. Это придает его произведениям особую звучность и остроту. Д. Хармс демонстрирует, что мир слова бесконечен и подвластен автору, который способен играть с ним как с живым организмом.

Автор манифестирует выход за рамки условностей, традиций, духовную свободу. Так, им создаются произведения по принципу художественной деформации. Происходит разрыв с устоявшейся системой ценностей, с законами языка. Частной иллюстрацией моделирования текста служит стихотворение «Осса», в котором сидящая на потолке муха *уже старуха*.

Исследователи художественной практики Д. Хармса (Ж.-Ф. Жаккар, А. Кобринский, М. Ямпольский, Д. Токарев, А. Герасимова, Л. Панова, В. Сажин и др.) обращают внимание на алогизм речи, на семантический сдвиг, на игру с языковыми нормами. Но, как говорит сам Хармс в письме своей подруге Клавдии Пугачёвой в 1933 году: «Я начал приводить мир в порядок. И для этого надо освободить вещь, предмет от понятия. И тогда он будет сливаться с чистым образом, с миром – и я с ним. Когда я пишу стихи, то самым главным мне кажется не идея, не содержание и не форма, и не туманное понятие „качество“, а нечто еще более туманное и непонятное рационалистическому уму, но понятное мне, это – чистота порядка» [3, с. 51]. Так, Хармс верил в абсолютную гармонию мира. Не было идеи более враждебной ему, чем идея раздробленности и хаотичности бытия. Тем не менее он честно, пунктуально и кропотливо отображал последствия этой раздробленности. Но идеалом его оставалась целостность восприятия и открытость миру. Он «приводил мир в порядок» [4, с. 66]. Иначе говоря, нарративные девиации Хармса есть не что иное, как способ построения нового мира, мира без схематичности и общепринятости. Мы видим, насколько виртуозно он умел вкладывать яркие характеристики жизни своего времени в смешанные с фантазмогоричностью «сюжеты» своих текстов. Иногда сквозь призму комизма. Подобное наблюдаем в прозаическом миниатюрном ироничном тексте о том, как легко настигает человека смерть: *съел антрекот, икнул и умер*. А дальнейшее словно буднично, обыкновенно: *официанты положили его на пол вдоль стены, прикрыв грязной скатертью* [1, с. 89].

Остановимся на концептуальном понятии «комизм» и его взаимосвязи с нарративной практикой Хармса.

Если обратимся к истокам возникновения данного явления, первое, что вспоминается, – это народная смеховая культура и то, что принято называть «шутовством» и «юродством». Можно полагать, что основы фантасмагоричного художественного мира Хармса, как, впрочем, и сама фигура – Хармс, лежат именно в русле русской культуры, провокационной карнавально-смеховой. Юродивые – это особые люди, которые играют важную роль в религиозной культуре. Их поведение и высказывания заставляют задуматься и искать глубинный смысл. Смех, который вызывает юродивый, часто не похож на обычный. Он может быть искренним, пронзительным, вызывающим смешанные чувства. Смех юродивого может стать для нас уроком мудрости. Он показывает, что не всегда то, что кажется смешным или странным, действительно таковым является. Этот вид смеха учит нас не только не судить по первому впечатлению, но и искать глубинный смысл во всем происходящем.

Смех Хармса – явление уникальное. Мы наблюдаем, как высокое превращается в низкое, как великое становится обыденным. Частной иллюстрацией подобного становятся хармсовские ситуации, в которых персонажи – прототипы известных ученых, писателей, деятелей культуры и искусства – деформируются, теряют свою индивидуальность, уникальность, «высокость», значимость. Для Хармса смех был не просто формой юмора, но и способом преодоления трудностей и проблем. Он придавал особое значение карнавальному смеху, который способен очистить наш разум от негативных эмоций и стереотипов. Через смех Хармс показывал, что даже самые серьезные вопросы можно рассматривать с легкостью и иронией. Писатель стремился сделать свои произведения максимально «нелепыми», чтобы вызвать у читателя не просто улыбку, а истинный смех над самим собой. Так называемые «перевертыши» разрушают привычные шаблоны, заставляют читателя посмотреть на привычные вещи под новым углом. Цель такого приема не просто вызвать смех, но провести через зеркало абсурда, заставить задуматься над смыслом. Так, в произведениях создается мир, где правят абсурд и нелепость. Отметим, что тексты Д. Хармса с точки зрения смеха и юмора специфичны, однако, определенно, большинство из них, благодаря прагматико-семантическому потенциалу лексико-грамматических единиц, адекватно читательской рецепции. Читателю предоставляется возможность самостоятельно интерпретировать происхо-

дящее, оценивая лингвосемантический потенциал хармсовского стиля.

Синтез комического и сатирического, смешного и одновременно ужасающего, алогического и семантически рационального – вот что отличает Даниила Хармса как человека, писателя с его дуалистичным подходом к миропониманию, примеряющего на себя функции шута или юродивого, чтобы читатель смог разглядеть то положительное, идеальное в неидеальном, которое возможно постичь только посредством глубокой рефлексии.

Исследователи смеховой культуры Д. С. Лихачев и А. М. Панченко утверждают, что «смех заключает в себе разрушительное и созидательное начала одновременно. Смех показывает бессмысленность и нелепость существующих в социальном мире отношений: отношений причинно-следственных, осмысляющих существующие явления, условностей человеческого поведения и жизни общества» [5, с. 3]. В том числе Бахтин М. М. предлагал рассматривать данное явление как способ (временный) уйти от проблем жизни и давления общественных институтов [6, с. 46].

Одной из ключевых особенностей произведений Хармса являются странные образы и неожиданные сюжеты. Автор часто использует абсурдные ситуации и персонажей, что создает комический эффект. Например, рассказ о том, как человек пытается продать квартиру, находящуюся на пятом этаже пятиэтажного дома без пятого этажа, заставляет читателя улыбнуться над бессмысленностью происходящего.

Сюжеты его стихов, рассказов и сценок кажутся неупорядоченными, происходит разрушение акта коммуникации, но при этом в них есть особая логика. К примеру, следует обратить внимание на цикл «Случай», состоящий из 30 абсурдистских новелл и мини-пьес [1, с. 308–339], где сквозным мотивом является мотив исчезновения / несуществования предметов, персонажей и, закономерно, самой реальности. Например, в рассказе «Сон» санитарная комиссия увидя *Калугина, нашла его антисанитарным и приказала выкинуть вместе с сором*, после чего *Калугина сложили пополам и выкинули* [1, с. 315]. Целесообразно предположить, что мотив исчезновения (стирания, забвения) связан с политическими репрессиями того времени, в котором жил Хармс, когда человек мог выйти на улицу и исчезнуть.

Семиотическое пространство художественного текста отвергает внутреннюю логику, сюжетность, «моделирует вполне узнаваемую действительность, при этом представляя собой иллюзию достоверности» [7, с. 1233].

Общеизвестно, что хармсовский специфический художественный язык рассматривается в контексте творческой авангардной группы ОБЭРИУ (Объединение реального искусства), чьи эстетические и философские установки вполне логично объясняют то, что в исследованиях о Хармсе называется «алогизмом», «абсурдом» или «заумным языком»: «В своем творчестве мы расширяем и углубляем смысл предмета и слова, но никак не разрушаем его. Конкретный предмет, очищенный от литературной и обиходной шелухи, делается достоянием искусства. В поэзии – столкновение словесных смыслов выражает этот предмет с точностью механики» [8].

Для Д. Хармса нет положительного или отрицательного персонажа. Образы персонажей, их имена, действия, речь – лишь попытка персонификации, индивидуализации, приобретения конкретного очертания и смысла. Ярко выраженная дефигурация проявляется в разрушении связи означающего и означаемого:

Тут Константин Федин и Валентин Стенич выскочили на двор и принялись разыскивать подходящий камень. Камня они не нашли, но нашли лопату. Этой лопатой Константин Федин съездил Ольге Форш по морде. Тогда Алексей Толстой разделся голым и, выйдя на Фонтанку, стал ржать лошадиному. Все говорили: «Вот ржет крупный современный писатель». И никто Алексея Толстого не тронул [1, с. 87].

Герои кажутся не только нелепыми, но и лишены человеческих качеств, таких как понимание добра и зла, способность к рефлексии и анализу своих поступков. Они просто существуют, переживая странные приключения и ситуации, не задаваясь вопросом «зачем» или «почему». Для нас, как для читателей, герои Хармса могут показаться смешными и жалкими одновременно. Мы смеемся над их попытками походить на людей, над их бездушием и абсурдностью. Возможно, через этот смех Хармс хотел показать нам безумие и абсурдность нашего собственного мира.

Важно отметить, что творчество Даниила Хармса интертекстуально. Интертекстуальность – феномен взаимодействия текста с семиотической системой культуры. В числе отсылок прямые и латентные реминисценции и аллюзии к именам и текстам известных русских и зарубежных поэтов, писателей, философов, художников, исторических деятелей, критиков и пр. Определенно, Даниил Хармс был всесторонне развитой личностью. В круг его интересов входили знания по кабалистике, религии, философии, литературе, музыке, иностранным языкам, истории, ну-

мерологии. Стоит отметить цикл коротких смешных (спорно) рассказов Хармса о русских писателях: Л. Н. Толстом, А. С. Пушкине, Ф. М. Достоевском, Н. В. Гоголе, М. Ю. Лермонтове, И. С. Тургеневе и других. Ярким примером интертекстуальности в лингвопоэтике Хармса может служить экзистенциальная работа, состоящая из умозаключений в 60 пунктов «О существовании, о времени, о пространстве» [9], в которой писатель размышляет о категории времени, принципах существования прошлого, настоящего, будущего, об однородности и раздробленности мира. Вполне очевидно наблюдается корреляция с идеями французского философа Анри Луи Бергсона, крупнейшего представителя иррационализма XX века и философии жизни. Бергсоновские концепции внутреннего времени (длительности времени), эволюции, познания наложили отпечаток на сознание Даниила Хармса, чему находим подтверждение в дневниковых записях писателя.

Д. Хармс – поэт и драматург, уникальность языковой манеры которого заключена в виртуозном манипулировании языковым материалом, в легком и непринужденном жонглировании элементами языка на разных его уровнях. Так, его по праву можно называть языковым экспериментатором, а тотальную инверсию – вполне закономерным способом художественной репрезентации абсурда: *У храпа есть концы голос подобны хрипы занятым подушку спутанных волос перекрести ключом святым, из головы цветок ворастает сон ли это или смерть* [10, с. 148].

В заключение скажем, что словотворчество и заумь, бессюжетность и абсурдизация, разрушение привычного составляют культурно-эстетический феномен «Хармс». Его произведения оставляют после себя ощущение странности и неуловимости, заставляя читателя пересматривать привычные рамки и искать новые грани выражения. Чтение Хармса – это как погружение в сон, где реальность и фантазия переплетаются, создавая уникальный мир, который так и манит к себе своей загадочностью.

Список источников

1. Хармс Д. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Новая анатомия. СПб.: Азбука, 2000. 416 с.
2. Хармс Д. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Тигр на улице. СПб.: Азбука, 2000. 384 с.
3. Хармс Д. Полет в небеса. Стихи. Проза. Драммы. Письма. СПб.: Советский писатель, 1991. 560 с.
4. Шенкман Я. Логика абсурда (Хармс: отечественный текст и мировой контекст) // Вопросы литературы, 1998. № 4. С. 64–80.

5. Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 204 с.
6. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
7. Дзюбенко А. И. Семиозис в художественном тексте: достоверность и ирреальность // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2023. Т. 16. Вып. 4. С. 1229–1335.
8. Манифест ОБЭРИУ. URL: <http://xapmc.gorodok.net/documents/1423/default.htm> (дата обращения: 05.09.2024) (In Russian)
9. О существовании, о времени, о пространстве. URL: <https://d-harms.ru/library/realnost-pogranichnogosuschestvovaniya-ya-v-mire-daniila-harmsa18.html> (дата обращения: 05.09.2024)
10. Хармс Д. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Авиация превращений. СПб.: Азбука, 2000. 576 с.

References

1. Harms, D. (2000). *Sobranie sochinenii: v 3 t. T. 2. Novaya anatomiya* [Collected Works: 3 v. Vol. 2. New Anatomy]. 416 p. St. Petersburg, Azbuka. (In Russian)
2. Harms, D. (2000). *Sobranie sochinenii: v 3 t. T. 3. Tigr na ulitse* [Collected Works: 3 v. Vol. 3. The Tiger on the Street]. 384 p. St. Petersburg, Azbuka. (In Russian)
3. Harms, D. (1991). *Polet v nebesa. Stikhi. Proza. Dramy. Pis'ma* [A Flight to the Skies. Poems. Prose. Dramas. Letters]. 560 p. St. Petersburg, Sovetskii pisatel'. (In Russian)

4. Shenkman, Ya. (1998). *Logika absurda (Harms: otechestvennyi tekst i mirovoi kontekst. Voprosy literatury. No. 4, pp. 64–80. (In Russian)*
5. Likhachev, D. S., Panchenko A. M. (1976). *“Smekhovoi mir” Drevnij Rusi* [“The Laughing World” of Ancient Rus']. 204 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)
6. Bakhtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [The Works of François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. 543 p. Moscow, Khudozh. lit. (In Russian)
7. Dzyubenko, A. I. (2023). *Semiozis v hudozhestvennom tekste: dostovernost' i irreal'nost'* [Semiosis in a Literary Text: Authenticity and Unreality]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, T. 16. Vyp. 4, pp. 1229–1335. (In Russian)
8. *Manifest OBERIU* [Manifest of OBERIU]. URL: <http://xapmc.gorodok.net/documents/1423/default.htm> (accessed: 05.09.2024). (In Russian)
9. *O sushchestvovanii, o vremeni, o prostranstve* [On Existence, on Time, on Space]. URL: <https://d-harms.ru/library/realnost-pogranichnogosuschestvovaniya-ya-v-mire-daniila-harmsa18.html> (accessed: 05.09.2024). (In Russian)
10. Harms, D. (2000). *Sobranie sochinenii: v 3 t. T. 1. Aviatsiya prevrashchenii* [Collected Works: In 3 vol. Vol. 1. Transformations of Aviation]. 576 p. St. Petersburg, Azbuka. (In Russian)

The article was submitted on 08.09.2024
Поступила в редакцию 08.09.2024

Ахметзянова Лиана Михайловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
lianaorx@rambler.ru

Садыкова Илсояр Афтаховна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
isadikova7@mail.ru

Akhmetzyanova Liana Mikhailovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
lianaorx@rambler.ru

Sadykova Ilsoyar Aftahovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
isadikova7@mail.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-12-18

АРАБСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ВОШЕДШИЕ В ЯЗЫК ПРИ ПОСРЕДСТВЕ ФРАНЦУЗСКОГО

© Наталия Габдреева, Розалия Светлова, Гульнара Лисина

ARABIC BORROWINGS IN THE RUSSIAN LANGUAGE TRANSMITTED TO RUSSIAN THROUGH FRENCH

Natalia Gabdreeva, Rozaliia Svetlova, Gulnara Lisina

This paper examines the lexemes of Arabic origin that entered the Russian language via French at different periods of time. The aim of the study is to identify the changes that have occurred as a result of their entry and assimilation into the Russian language. There are insufficient studies of borrowed lexemes of Arabic origin in the Russian language, which accounts for the scientific novelty of our research. The article presents the phonetic system of the Arabic language in comparison with the Russian phonetic system. The existing differences are analyzed based on lexemes of Arabic origin that entered the Russian language indirectly, through other languages, in this case through the French language. These differences are examined based on Arabicisms that entered the Russian language through French. An analysis of morphological, phonetic and semantic changes of borrowed lexemes is provided in comparison with the prototype. We analyze the semantic field of lexemes in the source language (Arabic), in the intermediary language (French), and in the receptor language (Russian). The results obtained showed that the lexemes that penetrate into the Russian language through an intermediary language are transformed, experiencing the influence of the intermediary language.

Keywords: Arabicism, lexemes, French language, semantic field, prototype

В данной работе рассматриваются лексические единицы арабского происхождения, вошедшие в русский язык при посредстве французского в разные периоды времени и выявленные в ходе анализа различных словарей иностранных слов. Цель исследования – выявить существующие изменения, произошедшие в результате вхождения и ассимиляции лексем арабского происхождения в русском языке. Научная новизна исследования определяется недостаточной степенью изученности заимствованных лексем арабского происхождения в русском языке. В статье представлена фонетическая система арабского языка в сравнении с русской фонетической системой. Существующие различия разбираются на примерах лексем арабского происхождения, вошедших в русский язык не прямо, а опосредованно, через другие языки, в данном случае через французский язык. Приводится анализ морфологических, фонетических и семантических изменений заимствованных лексем в сравнении их с прототипом. Предпринята попытка проанализировать семантическое поле лексем в языке источнике (в арабском), в языке посреднике (во французском), а также в языке-рецепторе (в русском). Полученные результаты показали, что лексемы, проникающие в русский язык через язык-посредник, трансформируются, испытывая на себе влияние языка-посредника.

Ключевые слова: арабизм, лексемы, французский язык, семантическое поле, прототип

Для цитирования: Габдреева Н., Светлова Р., Лисина Г. Арабские заимствования в русском языке, вошедшие в язык при посредстве французского // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 12–18. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-12-18

Наука, которая занимается изучением заимствований в языке, – контактология – имеет сегодня разработанную терминосистему, которая включает универсальные для любого языка термины: язык-источник, язык-рецептор, уровни ассимиляции (иногда называемые адаптацией), субституции, замены и т. д. Общеизвестно, что

процесс пополнения лексики языка является закономерным и естественным и связан с внешними и внутренними причинами, которые в разные исторические периоды неодинаковы по своему влиянию. В языке заложено обновление, которое связано с изменениями в окружающей действительности: процесс познания становится глубже.

Лексический состав русского языка меняется, и это постоянный процесс, который характеризуется появлением новых слов за счет номинации новых реалий, явлений, предметов и характеристик. Заметное место в его структуре занимает заимствованная лексика различной этимологии. Отметим, что процесс заимствования сегодня подразделяется на внешний и внутренний. Первый подразумевает миграцию языковых элементов (слов, фонем, значений, моделей и др.) из одной системы в другую, внутреннее заимствование предполагает переход единиц из национальных пластов в литературный язык. Так, например, в XIX веке постоянный словообмен наблюдался между диалектами, жаргонами и разговорной разновидностью литературного языка. В результате внутренней миграции под воздействием различных факторов сегодня уже вошли в обиход такие слова, как *зазнайка*, *глухомань*, *детвора*, *клянчить*, *бубнить*, *беднота*, *выкрутасы* (диалектные слова) и *темнить*, *прикид*, *в открытую*, *крышевать*, *тачка*, *лавашка*, *замкадонец*, *чувак* (жаргоны и аргю).

Процесс пополнения словаря русского языка происходит также за счет заимствований из других языков. К примеру, в настоящее время русский язык активно пополняется за счет англицизмов. Кластерное заимствование характерно для целого ряда сфер науки и техники, спорта, фитнеса, диетологии, музыки и косметологии и т. д.

В статье мы остановимся на рассмотрении внешних заимствований в русском языке. Судьба заимствованных единиц в исторической перспективе неодинакова: какие-то элементы стремительно покидают активный словарь принимающего языка и входят в пассивный, какие-то могут забываться ввиду редкого (специфического) употребления, а какие-то навсегда остаются в языке, адаптируясь к нормам принимающей системы. Как мы ранее отметили, основная система понятий и терминов в контактологии разработана и является устойчивой и общепотребительной. Однако некоторые положения еще продолжают обсуждаться и ждут своего изучения. Так, неоднозначно решается вопрос об идентификации слов, которые заимствуются опосредованно. В этимологических словарях в этом случае наблюдается неоднозначное толкование: одни указывают в качестве источника язык, где имеется соответствующий прототип (пусть и видоизмененный), другие – язык-посредник, который оказал заметное влияние на эту единицу. Так, например, слово *алкоголь* в словаре П. Я. Черных трактуется как галлицизм (первая фиксация в 1789 г.), однако первоисточником называется

арабский прототип [1, с. 37]; аналогично как западно-европейская трактуется лексема *алгебра*, восходящая к арабскому первоисточнику [Там же, с. 36]. Н. М. Шанский возводит этот термин к польскому языку, который является посредником, при этом указывая на арабский прототип: Заимств. в XVIII в. из польск. яз., в котором *algiebra* < нем. *Algebra*, восходящего к ср.-лат. *algebra*, переоформлению араб. *al gabr* «восстановление (разрозненных) частей» [2, с. 40].

Вопрос этот большой и неоднозначный. В своей работе мы предпримем попытку проанализировать две группы арабизмов: те, что вошли в разные периоды времени в русский язык напрямую (без языка-посредника), а также те арабские слова, которые включались в русскую языковую систему опосредованно, через французский язык.

Анализ лексикографических источников показывает, что в русской языковой системе присутствует множество арабских лексем, которые приходили через посредство французского, турецкого, татарского и др. языков. Так И. И. Огиенко в начале XX века отмечал: «Деятельными посредниками между славянами и арабами были волжские болгары», имея в виду татарское посредничество [3, с. 36], и далее в качестве посредников ученый называет турецкий, французский, испанский и ряд других языков. Он причисляет к арабским заимствованиям слова *майдан*, *лимон*, *магазин*, *лутня*, *кинжал*, *фитиль*, *кайма*, *набат*, *харч*, *бальзам*, *лафа*, *мишура* и множество других. Однако, обращаясь к этимологическим словарям, можно заметить, что с происхождением всех этих слов все не так однозначно.

Итак, задачи, которые стояли перед нами, сводятся к следующим: выявить лексемы арабского происхождения в русском языке, определить, какие изменения произошли в словах вследствие ассимиляции и какое влияние оказало французское посредничество. Для сбора анализируемых единиц с арабским прототипом в работе нами использовался метод контролируемого отбора лексем непосредственно от носителей арабского языка, а также метод сплошной выборки при анализе лексикографических источников, таких как словари М. Фасмера [4], А. Н. Булыко [5], Н. Г. Комлева [6], А. Ю. Москвина [7], Л. П. Крысина [8].

Благодаря проделанной работе, нами была обнаружена большая группа (более 300 единиц) лексических единиц арабского происхождения, к примеру: *магазин*, *попугай*, *матрац*, *алгебра*, *альбатрос*, *жираф*, *массаж*, *кафе*, *кофе*, *майдан*, *сахар*, *саван*, *талык*, *тариф*, *бисер*, *шербет*, *шифр*, *халва*, *алкоголь*, *фитиль*, *султан*, *талисман*, *цифра*, *халат*, *хна* и т. д. В процессе прове-

денной работы было установлено, что целая группа данных лексем вошла в русский язык при посредстве французского, к примеру: *газ, маска, графин, енот, жакет, попугай, алгебра, алгоритм, алембик, ализарин, альбатрос, тариф, цифра, шифр, амальгама, мат, массаж, минарет, софа, эликсир, бурнус, арсенал, кармин, магазин, арабеск, камей, лакей, бедуин, оттоманка, сироп* и другие лексеммы (не менее 36 единиц). Эти лексические единицы, проникнув в русский язык, под влиянием языка-рецептора изменились внешне, наполнились новыми смыслами, то есть подверглись морфологическим, фонетическим и, конечно, семантическим изменениям.

Данные трансформации лексических единиц, несомненно, вызывают большой интерес и требуют детального и кропотливого исследования, анализа. Стоит отметить, что некоторые арабизмы в процессе адаптации к нормам русского языка, попав под влияние различных факторов, так видоизменили очевидные восточные корни, что даже носители арабского языка не всегда могут соотнести заимствованное слово с арабским прототипом. Примером таких лексем являются, *شارب* [sharab] – ‘сироп’, *قهوة* [kahwa] – ‘кафе’, *طلسم* [tilsam] – ‘талисман’, *الخوارزمي* [alhawarizmi] – ‘алгоритм’ и пр.

Как известно, любая единица, проникая в язык-рецептор, начинает осваиваться этой системой на всех ее уровнях. Этот процесс носит название «ассимиляция». Так, проникая в устную и письменную речь, арабская лексема должна быть оформлена по правилам русского языка: используются звуки и буквы принимающего языка. Анализируя фонетическую систему арабского языка, отметим, что, в отличие от русского, здесь всего 28 букв, при этом имеется большое количество звуков, не имеющих русских аналогов. Примерами могут явиться звуки *ج* [dj], *ث* [the], *ذ* [the], *ع* [ajn], *ق* [kaf], *ظ* [tho], *و* [yay].

В то же время в русской фонетической системе присутствует целый ряд звуков, которых нет в арабском, к примеру, небно-зубные [ш], [ж], [ч]; губно-губные звуки [п], [п']; губно-зубные [в], [в']; переднеязычный зубной [ц]. Гласные звуки двух сравниваемых фонетических систем также имеют несоответствия. Так, русская фонетическая система представлена десятью гласными буквами а, о, у, э, ы, и, я, ю, е, ё, и 6 гласными звуками, это [о], [э] [а], [у] [и], [ы], в арабском же языке есть только 3 гласные буквы *ا* [alif], *و* [yay], *ي* [ja], которые соответствуют трем русским звукам [а], [у], [и].

Спецификой арабского языка является то, что в своем составе этот язык имеет гласные звуки двух типов: долгие и краткие. Такие звуки как

[alif], *و* [yay], *ي* [ja] являются долгими, но фиксируются и краткие гласные – это *кясра*, которая соответствует русскому [и], *фатха*, похожая на русскую [а], и *дама*, соответствующая русскому звуку [у]. Их принято называть *харакатами* (огласовками) или надстрочными знаками. На письме их обычно не прописывают, потому что носители арабского языка и так знают, как читать то или иное слово, и в харакатах не нуждаются. Они указываются лишь в Священном Коране, а также в учебниках по обучению чтению, так как харакаты помогают понять смысл написанного, объясняют правильность произнесения. Это важно, так как использование харакатов может менять значение слов. Например, лексема *медресе* заимствована из арабского языка и имеет арабский прототип *مدرسة* [madrasa] – ‘школа’, однако, если поменять харакат *م* (фатха) на *د* (дамма), то лексема меняет значение *مدرسة* [mudarisa] – ‘учительница’.

Анализ арабизмов и их прототипов, вошедших в русский язык, показывает, что в процессе заимствования имеют место фонетические изменения. Так, арабский звонкий взрывной согласный *ب* [b] в процессе заимствования трансформируется в смычный глухой согласный звук русского языка [п]: заимствованная лексема *попугай*, имеющая арабский прототип *ببغاء* [babagai], где отображается явление замены звонкого взрывного согласного *ب* [b] на русский звук [п]; арабизм *сироп* возник от арабского прототипа *شارب* [sharab] – ‘напиток’, в этом примере можно объяснить появление буквы и звука п [п] в конце слова характерным для всех славянских языков явлением – оглушением согласного в абсолютном конце слова. Арабская аффриката *ج* [dj] в русской языковой системе преобразуется в задненебный смычный звук [г]. Примером замены арабского звука [dj] в прототипе на характерное русское [г] является слово *алгебра*.

Гортанные по природе арабские *ح* [h] и *خ* [h], войдя в русский язык, превращаются в задненебный звук [г], это видно из следующих примеров: *алгоритм*, имеющий прототип *الخوارزمي* [alhawarizmi]; *гарем* с прототипом *حريم* [haram]; *магазин*, у которого арабский прототип *مخزن* [mahzan]. Глубокий задненебный арабский *ق* [k], который отсутствует в русской фонетической системе, и небно-смычный *ك* [k] соответствуют русскому заднеязычному смычному звуку [к]. Это явление можно обнаружить в заимствованных лексемах *факир*, который имеет арабский прототип *فقيه* [fakir]; *кафе* с прототипом *قهوة* [kahwa]; *эликсир* – *الكسيري* [aliksir], *калибр*, прототипом которого является арабское слово *قالب* [kaalab]. Арабский звук *ز* [z] в результате заим-

ствования трансформируется в альвеолярный звук [ж]: к примеру, арабизм *жираф* имеет прототип زرافة [zarafa]. Анализируя гласные звуки, можно также заметить характерные изменения арабской лексемы, которые отмечаются при вхождении ее в русский язык. Так арабский долгий звук ي [ja] в заимствованных словах соответствует русскому звуку [э], это подтверждают лексемы *гарем*, имеющий прототип حريم [harim], и *лакей*, имеющий прототип لقي [laki].

Таким образом, при вхождении в русский язык арабская лексема фонетически ассимилируется, отсутствующие звуки заменяются на близкие или подобные.

Безусловно, в процессе заимствования прототипы арабского происхождения подвергались не только фонетическим изменениям, но и морфологическим. Поскольку все исследуемые нами лексемы являются именами существительными, то целесообразно рассмотреть грамматические категории именно этой части речи.

Анализ грамматических особенностей существительных обоих языков позволяет выделить их сходства и различия. В каждом имеется категория рода, однако в русском она представлена тремя типами, а в арабском только двумя – мужским и женским. В рассматриваемых языках присутствуют падежи, числа, а также категория одушевленности и неодушевленности.

В результате проведенного анализа заимствованных лексем было обнаружено, что у целого ряда слов род не всегда совпадает с родом прототипа в языке-источнике. Это можно объяснить тем, что способы оформления категории рода неодинаковы в русском и арабском языках и в процессе заимствования и адаптации возможны изменения. Мы выделили несколько групп. Они включают:

1) лексемы, в которых в процессе перехода из первоначального языка-источника категория рода не изменилась. К ним относятся, к примеру: حريم [harim] – ‘харам’, مخزن [mahzan] – ‘магазин’, طيسم [tilsam] – ‘талисман’, شراب [sharab] – ‘сироп’, فقير [fakir] – ‘факир’ и пр.;

2) слова, в которых арабский прототип имеет показатели категории мужского рода, а заимствование – категории женского рода. Например, الجبر [aljebr] – ‘алгебра’, صفا [suf] – ‘софа’ и пр.;

3) арабизмы, которые в процессе заимствования также изменили принадлежность к категории рода: прототип относится к женскому роду, а входящее в русский язык слово – к мужскому роду: منارة [minara] – ‘минарет’, عرفة [a'arif] – ‘тариф’, زرافة [ziraфа] – ‘жираф’ и пр. Можно предположить, что данная трансформация произошла из-за особенностей конечной арабской буквы ة

[ta'marbuta]. Данная буква отсутствует в арабском алфавите, является графическим вариантом ت [ta]. Она указывает на то, что существительное или прилагательное относятся к женскому роду. Например, منارة [minara], при произнесении слов, в составе которых есть ة [ta'marbuta], носители арабского полностью опускают ее, произносят только краткий гласный звук долго. Поэтому при заимствовании в русский язык подобные арабизмы из категории женского рода переходят в категорию мужского;

4) не существующий в арабском языке средний род существительных появляется в русском языке в форме арабизма *кафе*. Несмотря на то, что изначально прототип имел женский род: قهوة [qahwa], под влиянием французского языка-посредника появилось вполне гармоничное для русского языка явление: *café*.

Результатом анализа является то, что заимствованные лексические единицы, попадая в иной язык, подвергаются грамматической ассимиляции принимающей системы или языка-посредника. Арабизмы активно вживаются в русский язык, образуя с помощью словообразовательных морфем производные, пополняющие словарный состав. Работа со словообразовательными словарями подтверждает это: так, лексема *факир* имеет следующие производные: *факиришка, факирство, факирский*; лексема *тариф* имеет производные: *тарифицировать, тарифный, тарификация*. Такое количество производных лексем говорит о том, что арабизмы активно включаются в живую речь носителя языка, полноценно живут по законам принявшего их языка.

Рассмотрим лексемы арабского происхождения с точки зрения трансформаций их семантического поля. Как известно, изначально заимствованная лексическая единица чаще всего входит в принимающий язык в одном единственном значении. Это происходит, даже если в языке-источнике прототип являлся полисемичным. Таким образом, «предполагается выбор из его семантической структуры необходимый языку-реципиенту лексико-семантический вариант» [9, с. 268]. В дальнейшем наблюдается трансформация лексического значения, например, сужение семантического поля или, наоборот, расширение, если лексема трансформировалась «в результате вторичного заимствования» [Там же]. Данный процесс является закономерным.

Анализируя семантический спектр лексем арабского происхождения, мы выявили некоторые особенности. Так, в словаре А. Н. Булыко, лексема *кофе*, обозначающая «растение <...> и порошок из семян кофейного дерева» [5, с. 361], имеет арабский прототип قهوة [qahwa]. Заимство-

ванная лексема проникла в наш язык при посредстве английской лексемы *coffee*, которое имеет в английском языке такое же значение, что и в русском [8, с. 168]. Этот же прототип имеет и другое иноязычное слово. Речь идет о слове *кафе*, вошедшее в русский литературный язык из французского. По данным словаря Л. П. Крысина, в русском языке оно обозначает, «небольшой ресторан, где можно закусить, выпить кофе...» [Там же, с. 140]. Обе эти лексемы *кофе*, *кафе* имеют один арабский прототип قهوة [qahwa]. В арабском языке данная языковая единица قهوة [qahwa] имеет значение «сваренный из кофейного зерна или порошка напиток».

Это не единичное явление, то же самое наблюдается у другой пары заимствованных единиц *шифр* / *цифра*. Лексема *шифр* появилась в русском языке при посредстве французского в значении «система условных знаков для секретных сообщений; условный регистрационный знак на книгах; код» [Там же, с. 389], имеет арабский прототип رفص [sifr], обозначает «ноль», «ничто», «пустота». Этот же прототип выявляется у заимствованной лексемы *цифра*. Лексема *цифра* имеет в русском языке значение «знак, обозначающий число; количество чего-либо» [5, с. 788]. Она заимствована из арабского при посредстве польского языка и имеет арабский прототип رفص [sifr].

Интересно то, что арабское слово *sifr* повлияло также на появление слова *зеро*, обозначающее «нулевое очко», «ноль». В русский язык оно пришло из французского *zéro* с тем же значением [8, с. 114]. В то же время французское слово *zéro* произошло от итальянского *zefiro* – ‘зефир’, происхождение которого было арабским: *sifr* – ‘ноль’.

Анализ этого явления позволяет сделать вывод, что арабские лексемы, проникая в русский язык разными путями, ведут к появлению этимологических дуплетов, то есть в языке образуются лексемы, имевшие первоначально одну основу, но, войдя в русский язык посредством разных языков, обнаруживают различия в значении, написании, произношении.

Еще раз подчеркнем, что в литературе, посвященной языковым контактам, со времен И. А. Бодуэна де Куртенэ разработана терминосистема, которая используется на современном этапе. Однако, по нашему мнению, до сих пор недостаточное внимание уделяется роли языка-посредника в процессе заимствования. Так, для одного слова могут быть приведены в разных словарях неодинаковые источники, в зависимости от критериев описания, которыми руководствуется ученый или составитель словаря. Анализ лексем

арабского происхождения, заимствованных при посредстве французского языка, позволил нам условно разделить все исследуемые единицы на несколько групп:

1) Лексемы в процессе заимствования сохранившие свои прототипические значения. Мотивировочный признак арабской лексемы первоначально был заимствован во французский язык, а затем, сохраняя первичную семантику арабского слова, перешел в русский. Речь идет о таких существительных, как *алгоритм*, *алгебра*, *нафталин*, *бедуин*. Разберем для примера арабизм *бедуин*. Данная арабская лексическая единица, пришедшая в наш язык из французского, имеет прототип بدوي [badawiy]. И во французском, и в русском языках имеет одно значение – «араб – кочевник, обитатель пустыни» [8, с. 52]. Этот же процесс наблюдается у арабизма *алгебра*. Слово имеет прототип الجبر [aljbr]. Пройдя описанный выше путь, мигрировав во французский, а потом перейдя в русский со значением языка-источника, слово обозначает – 1. Раздел математики; 2. Учебная дисциплина [5, с. 34].

2) Арабизмы, у которых произошло расширение семантического значения в процессе заимствования. Имеет место тенденция расширения значения в принимающем языке при сохранении архисемы. Примером этого процесса является история слов *надир* и *зенит*. В арабском языке эти слова имеют астрономическое значение: *Зенит* : В астрономии – «точка, где линия, выходящая из центра Земли, заканчивается на прямой линии с ростом человека и пересекается с ним в конце диаметра, простирающегося в направлении от ступней до нижней точки надира» (перевод авторов) [10]. Расположение зенита и надира зависит от положения наблюдателя на поверхности Земли, поэтому, если наблюдатель находится на северном полюсе Земли, то северный полюс неба располагался в зените, а надир всегда должен был находиться в направлении земного притяжения.

Надир ردف :оволс еоксбара :[ридан] في ظي-жающее сходство одной вещи с другой. В астрономии – это точка, находящаяся на расстоянии 180° от зенита, то есть точка, простирающаяся вертикально из-под ног наблюдателя так, что она проходит через центр Земли в сторону космоса.

Во французском языке появляется переносное значение, которое заимствуется русским в 20–30 гг. XIX века. «*Зенит* стал элементом литературной фразеологии, в отношении термина *надир* даже и не предпринималось таких попыток» – отмечает Ю.С. Сорокин [11, с. 449]. Однако можно констатировать функционирование слов в переносном значении уже в переводах конца

XVIII века, например в «Персидских письмах» Ш. Монтескье 1789 и 1792 г. Отметим, что не все этимологические словари русского языка фиксируют переносное значение слова *зенит* – «наивысшая точка каких-либо достижений», например, оно отсутствует в упомянутом словаре П. Я. Черныха [1, с. 54].

В словах *сераль* и *гарем* также отмечается переносное значение «жены, наложницы», которое отсутствует в арабском языке и пришло в русский из языка-посредника. Так в «Персидских письмах» Монтескье (в оригинале и переводах к. XVIII века) функционируют обе лексемы. Ср. в арабском языке гарем *محرم* – «место или здание, имеющее центральное религиозное значение». В религиях это место имеет особое почитание и значимость, что выражается в посещении и защите данного места. *Сераль* *سراي* – турецкое слово персидского происхождения, в арабском языке означает «дворец».

3) Слова, семантическое значение которых не соответствует семантическому значению прототипа: атипичное семантическое изменение. Примером может послужить лексема *диван*, которая в арабском языке *نوبيد* [диван] – «встроенный административный орган, состоящий из Великого визирия и членов правящего класса» (перевод авт.) [10]. По мнению П. Я. Черныха, развитие значения «государственный совет – суд, трибунал – важное совещание – зал заседаний – длинный мягкий диван вдоль стены – диван, вид мебели» произошло на арабский почве. Однако в русский язык попало именно из французского, где использовалось в значении «софа» с 1742 года [1, с. 251]. В Этимологическом словаре Н. М. Шанского отмечено: значение «софа» заимств. в конце XVIII в. из франц. яз., где *divan* < иран. *divan* в значении «возвышение, покрытое коврами и подушками» (в помещении заседания государственного совета, называемого диваном) [2, с. 34].

Таким образом, вопрос о том, каким образом квалифицировать данные лексемы, с одной стороны, имеющие явно выраженный этнокультурный компонент и прототип в арабском языке, а с другой – унаследовавшие форму и значение из языка-посредника, до сих пор остается открытым. Однако очевидно, что факторы, изменившие план содержания и план выражения заимствований, не учитывать нельзя.

Список источников

1. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 7-е изд. М.: Русский язык: Медиа, 2006. Т. 1. 621 с.

2. Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. Под ред. Н. М. Шанского. М.: Московский университет, 1973. Т. I. Вып. V. Д, Е, Ж. 304 с.

3. Огиенко И. И. Иноземные элементы в русском языке: История проникновения заимствованных слов в русский язык. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2010. 136 с.

4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Ок. 4500 слов. М.: ООО «Изд-во Астрель», 2003. 864 с.

5. Булыко А. Н. Современный словарь иностранных слов. Более 25000 слов и словосочетаний. М.: «Мартин», 2004. 848 с.

6. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: изд-во ЭКСМО 2006. 669 с.

7. Большой словарь иностранных слов / сост. А. Ю. Москвин. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф: ООО «Поллюс», 2003. 816 с.

8. Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов. М.: АСТ-Пресс: Школа, 2020. 416 с.

9. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ЭЛПИС, 2008. 495 с.

10. Almaany. [Электронный словарь] URL: <https://www.almaany.com/ar/dict/ar-ar/%D8%B3%D9%85%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D8%B1%D8%A3%D8%B3/> (дата обращения: 27.08.2024)

11. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-90 годы XIX века. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.

References

1. Chernykh, P. (2006). *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. 621 p. Moscow, Russkii yazyk. Media. (In Russian)

2. Shansky, N. (1973). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. 304 p. Moscow, Moskovskii universitet. (In Russian)

3. Ogienko, I. (2010). *Inoyazychnyye elementy v angliyskom yazyke: Istoriya proniknoveniya zaимstvovannykh slov v russkii yazyk* [Foreign Elements in English: History of the Penetration of Borrowed Words into Russian]. 136 p. Moscow, Librokom. (In Russian)

4. Vasmer, M. (2003). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka v 4 tomakh* [Etymological Dictionary of the Russian Language in 4 Volumes]. 864 p. Moscow, Astrel. (In Russian)

5. Bulyko, A. (2003). *Sovremennyy slovar' inostrannykh slov. Bolee 25000 slov i slovosochetaniy* [Modern Dictionary of Foreign Words. More than 25,000 Words and Phrases]. 848 p. Moscow, Martin. (In Russian)

6. Komlev, N. (2004). *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. 669 p. Moscow. (In Russian)

7. Moskovin, A. (2003). *Bol'shoy slovar' inostrannykh slov* [Large Dictionary of Foreign Words].

816 p. Moscow, Tsentrpoligraf. ООО "Polyus". (In Russian)

8. Krysin, L. (2020). *Sovremennyy slovar' inostrannykh slov* [Modern Dictionary of Foreign Words]. 416 p. Moscow, AST. (In Russian)

9. Marinova, E. (2008). *Inoyazychnyye slova v russkoi rechi kontsa 20- nachala 21 v.: problemy osvoyeniya i funktsionirovaniya* [Foreign Words in Russian Speech in the Late 20th–Early 21st Centuries: Problems of Development and Functioning]. 495 p. Moscow, ELPIS. (In Russian)

10. *Almaany* [Electronic Dictionary]. URL: <https://www.almaany.com/ar/dict/ar-ar/%D8%B3%D9%85%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D8%B1%D8%A3%D8%B3/> (accessed: 27.08.2024). (In Arabic)

11. Sorokin, Yu. (1965). *Razvitiye slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka: 30–90 gody XIX veka* [Development of the Vocabulary of the Russian Literary Language: 1830–1890]. 565 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 26.08.2024
Поступила в редакцию 26.08.2024

Габдреева Наталия Викторовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
n.gabdreeva@mail.ru

Светлова Розалия Мансуровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский государственный медицинский
университет Минздрава России,
420110, Россия, Казань,
Бутлерова, 49.
habibi.rozana@mail.ru

Лисина Гульнара Монировна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Казанский государственный медицинский
университет Минздрава России,
420110, Россия, Казань,
Бутлерова, 49.
sistercarry1980@yandex.ru

Gabdreeva Natalia Viktorovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
n.gabdreeva@mail.ru

Svetlova Rozaliia Mansurovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan State Medical University,
49 Butlerov Str.,
Kazan, 420110, Russian Federation.
habibi.rozana@mail.ru

Lisina Gulnara Monirovna,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Kazan State Medical University,
49 Butlerov Str.,
Kazan, 420110, Russian Federation.
sistercarry1980@yandex.ru

УДК 81'33 Прикладная лингвистика
DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-19-25

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

© Тимур Галеев, Владимир Бочкарев, Мэняо Ван

QUANTITATIVE CHARACTERISTICS OF RUSSIAN VOCABULARY INTERNATIONALIZATION

Timur Galeev, Vladimir Bochkarev, Mengyao Wang

The article is devoted to the competition of borrowed and native vocabulary in the Russian language in the 18th–20th centuries. The relevance of the study: due to the large number of non-native speakers, the etymological picture of Russian vocabulary is somewhat shifted towards the dominance of internationalisms, characterized by their universality and conventionality in most languages. This fact predetermines a spontaneous transformation of the typical lexical tools of scientific, official business and journalistic speech, and calls for the need to change the lexicographic norms.

Our analysis has shown that internationalisms, denoting already existing concepts, can displace native words, especially in literary speech. The article identifies linguistic patterns in lexical combinability of native and borrowed words, and determines stylistic differences between them. When working with text corpora, we have revealed discrepancies in syntactic combinability between synonyms, which allows us to state the stylistic demarcation of borrowings and native Russian words. Etymological synharmonism and connotation show the way words of different genesis form context. We studied the change in the frequency of native and borrowed words' usage in diachrony using text corpora.

As a result, we have come to the following conclusions: borrowed words have a clearer semantic orientation in the Russian language; they are characterized by a lower frequency and narrow combinability. We have analyzed the cases of native lexemes' displacement by foreign-language borrowings from the point of view of their frequency growth dynamics in the corpus. We have determined the average duration of the period, during which a foreign word exceeds its analog frequency of the Slavic origin in book speech – 40-60 years. The results obtained are important for studying the deep changes in society, since we are talking about internationalisms that denote already existing social phenomena or objects.

Keywords: loanwords, internationalisms, native vocabulary, etymological picture, corpus analysis, semantics, stylistics

Статья посвящена конкуренции заимствованной и исконной лексики в русском языке на протяжении XVIII–XX вв. Актуальность исследования: ввиду большого количества говорящих и пишущих инофонов размывается этимологическая однородность картины русской лексики в сторону засилья интернационализмов в силу их универсальности и конвенциональности. Это предопределяет стихийное преобразование типичного лексического инструментария научной, официально-деловой и публицистической речи, а также необходимость смены норм в лексикографии.

Анализ показывает, что интернационализмы, обозначающие уже существующие понятия, могут вытеснять исконные слова, особенно в книжной речи. Авторы выявляют закономерности в сочетаемости исконных и заимствованных слов, а также определяют стилистические различия между ними. Работа с корпусами текстов также выявляет расхождения в синтаксической сочетаемости между синонимами, что позволяет говорить о стилистическом размежевании заимствований и исконно русских слов. Этимологический сингармонизм и коннотация показывают, как слова различного генеза формируют контекст. Исследуется изменение частотности употребления исконных и заимствованных слов в диахронии с использованием корпусов текстов.

В результате было выявлено, что заимствованные слова имеют более чёткую семантическую структуру в русском языке, но характеризуются более низкой частотностью и узкой сочетаемостью. С учётом хронологии вхождения иноязычных слов в русский язык и их частотности в книжной речи была определена средняя продолжительность периода, во время которого иностранное слово превосходит по частотности свой аналог славянского происхождения в книжной речи – от 40 до 60 лет. Полученные результаты имеют важное значение для изучения глубинных изменений

общества, которые влияют на характер и результат конкуренции интернационализмов, обозначающих существующие общественные явления, с их аналогами исконно русского происхождения.

Ключевые слова: заимствованные слова, интернационализмы, исконная лексика, этимологическая картина, корпусной анализ, семантика, стилистика

Для цитирования: Галеев Т., Бочкарев В., Ван Мэняо. Количественная характеристика процесса интернационализации русской лексики // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 19–25. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-19-25

Многовековой социальный опыт наравне с инновационными идеями непрерывно передаются от народа к народу, из общества в общество, оставляя на своём пути приметный этимологический след в самых разных языках. Обширный пласт слов русского языка восходит к этимонам из распространённых языков древнего мира (древнегреческий, латинский, арабский) благодаря языкам-посредникам европейских и тюркских народов. Многочисленные латинизмы и грецизмы, а в последнее время ещё и англицизмы, не только обогащают русский язык, но и играют важную роль в книжной речи. При этом часть заимствованных слов иноязычного происхождения по значению и употреблению может иметь синонимы, определяемые носителями языка как исконная лексика. Одной из форм языковой вариативности принято считать равнозначное использование исконного и заимствованного слова для обозначения одного понятия.

Существует обширная лексическая категория, охватывающая распространённые слова, которые, приходя в тот или иной язык, начинают конкурировать по частотности и лексическому объёму с существующими в языке словами исконного происхождения. Лингвисты называют такую категорию интернациональными словами (интернационализмами): *ресурс* / *запас*, *негативный* / *отрицательный*, *компенсировать* / *возмещать*, *публиковать* / *издавать*. Со временем такая конкуренция стремится к разрешению в семантическом (*посещение* / *визит*, *секрет* / *тайна*, *стабильный* / *устойчивый*, *идея* / *мысль* / *понятие*) или стилистическом плане (*рекомендовать* / *советовать*, *инфекционный* / *заразный*, *термометр* / *градусник*). Представляется, что наличие интернационализмов и способ их конкуренции с исконными словами свидетельствуют и о появлении новых явлений в обществе, и о глубинных изменениях самого общества, особенно если речь идёт об интернационализмах, обозначающих уже существующие общественные явления или предметы (*гомосексуалист* / *мужеложец*, *суицид* / *самоубийство*) (см. рис. 1).

Актуальность изучения вариативности определяется также тем, что русский язык, уже выйдя на уровень языка международного общения (хотя

и относительно компактного – СНГ и страны Восточной Европы), со временем набирает большую популярность в государствах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, становясь по-настоящему глобальным языком. В связи с этим ввиду большого количества говорящих и пишущих инофонов несколько смещается этимологическая картина русской лексики в сторону засилья интернационализмов благодаря их универсальности и конвенциональности в большинстве языков мира. Это предопределяет стихийное преобразование типичного лексического инструментария научной, официально-деловой и публицистической речи, а также необходимость смены норм в словарях, учебниках русского языка.

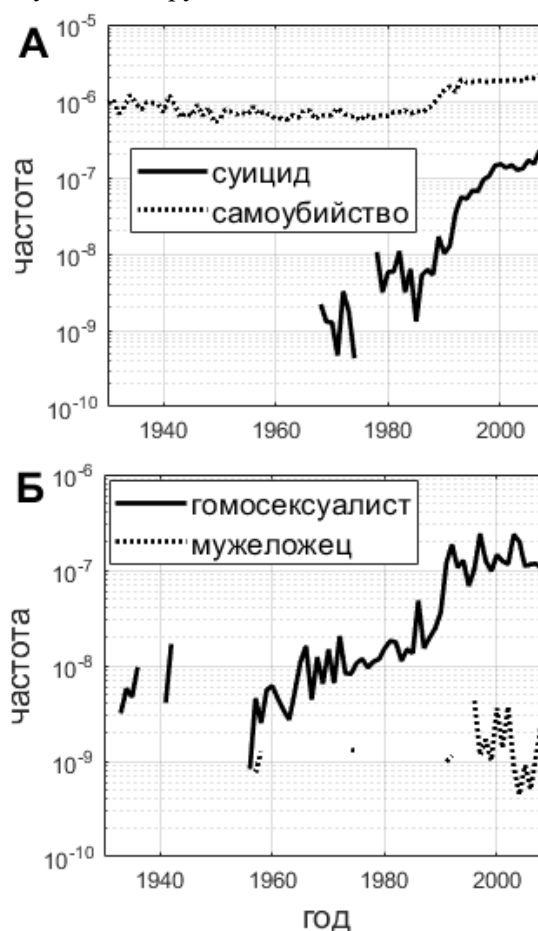

Рис. 1. Корреляция частотности в диахронии слов *суицид* и *самоубийство* (А); *гомосексуалист* и *мужеложец* (Б).

С целью изучения конкуренции исконных лексем с интернационализмами мы составим выборку самых распространённых пар «заимствованное / исконное слово» по словарям и справочникам [1], [2], [3]. Далее, применяя количественный метод на материале корпуса текстов «Гугл Книги» [4], мы сравним частотность иноязычных лексем и их русских эквивалентов в разные исторические периоды, а также, пользуясь семантической разметкой ГИКРЯ (Генеральный Интернет-Корпус Русского Языка) [5], проанализируем степень близости значений слов в каждой синонимической паре, а также различия в комбинаторных свойствах каждого её члена.

К применяемым методам исследования необходимо также отнести семантическую интерпретацию языковых единиц, классификацию, сопоставление синтаксических моделей, статистическую обработку материалов.

Основным материалом данного исследования будут данные корпусов «Гугл Книги Ngram» [4] и «Открытый корпус русского языка» [5].

Корпус «Гугл Книги Ngram» содержит 67 миллиардов словоупотреблений на материале 600 тыс. размеченных текстов книг на русском языке из 40 университетских библиотек разных стран мира. «Открытый корпус русского языка» (OpenCorpora) содержит тексты различных жанров и стилей, что позволяет использовать его для проведения лексикологических исследований. Его преимуществами являются объём корпуса (более 1 миллиарда словоупотреблений); возможность поиска по ключевым словам, частям речи, грамматическим признакам и другим параметрам; наличие разметки, которая позволяет анализировать семантические, синтаксические и другие особенности текстов.

По графикам, построенным уже на основе тысяч словоупотреблений, мы можем со значительно большей уверенностью судить о степени освоенности иноязычного слова. К тому же, именно корпусные данные могут помочь исследователям с примерной датировкой вхождения слова, в том числе заимствованного, в русский язык.

К применяемым методам исследования необходимо также отнести морфологическую классификацию языковых единиц, их семантическую интерпретацию, сопоставление синтаксических моделей, в которых функционируют упомянутые заимствования.

Исследование пар конкурирующих лексем как элемента языковой избыточности представляет стабильный интерес в русистике, а также корпусной и теоретической лингвистике. На тему проникновения в различные языки интерна-

циональных слов написано немало работ, в которых поднимались вопросы эволюции языка [6] и психологии личности [7] в условиях глобализации, возможных семантических преобразований в языке-реципиенте [8], стилистической окраски заимствований [9], их коннотации [10]. Дать исчерпывающий обзор литературы в области исследования языковых контактов и эволюции языка не представляется возможным, поэтому мы остановимся на нескольких наиболее интересных с нашей точки зрения работах.

Х. Пфандль, изучая влияние интернационализмов на немецкий и славянские языки, указывает на зависимость «успеха» адаптации заимствования в языке от следующих факторов: краткость интернационализма; прозрачность его внутренней формы для носителей принимающего языка; степень освоенности языковым коллективом того явления, которое обозначается заимствованием; экстралингвистические факторы, в частности – взаимодействие государства и СМИ [11].

В Юго-Восточной Азии, где китайский язык выступает в качестве регионального языка международного общения, при изучении влияния китайизмов на малайский язык было использовано несколько китайских лингвистических корпусов для сбора лексических данных, морфологической и семантической разметки и аннотирования текстов [12].

Мы отобрали 125 наиболее частотных заимствований из древнегреческого, латинского и арабского языков, из них 73 существительных, 29 глаголов, 23 прилагательных и наречия.

В паре *дискуссия / спор* с заимствованным словом наиболее часто сочетаются прилагательные *острый*, *широкий* и *оживлённый*, а с русизмом – *горячий*. Необходимо отметить, что слова почти не имеют точек соприкосновения в плане сочетаемости. Представляется, что это является иллюстрацией разницы в семантике между заимствованиями и исконными словами, по крайней мере, в книжной речи.

В паре *бизнесмен (молодой, преуспевающий, талантливый)* и *предприниматель (частный, обычный, простой)* сочетаемость отражает коннотацию и несёт аксиологическую нагрузку, то есть выражает позицию автора. Следует отметить, что слово *предприниматель* в корпусе «Гугл Книги» значительно более частотно за счёт обязательного использования его в юридических текстах. *Бизнесмен* же, несмотря на сходный объём понятия, не применяется в юридических и экономических текстах, оставаясь только в языке СМИ.

В паре *спиртной / алкогольный* заимствованное из арабского языка прилагательное гораздо шире комбинаторно и, помимо существительных *напитки, изделия, пары* (бывают и *спиртные*, и *алкогольные*), сочетается также с существительными *психоз, галлюцинация, эксцесс, раствор* (только *алкогольные*). Это редкий случай для русского языка, когда заимствованное слово демонстрирует более высокую частотность и широкую сочетаемость. Следует отметить, что дополнительную лексическую сочетаемость прилагательное *алкогольный* приобретает именно в медицинской сфере.

На основе данных о частотности и сочетаемости прилагательных *положительный* и *позитивный* мы можем заметить, что с обоими прилагательными наиболее часто сочетаются следующие существительные: *ответ, опыт, результат, эффект*. Стоит отметить, что существительные имеют схожую сочетаемость, однако её же можно считать устойчивой и исторически сложившейся. Например, можно сказать *положительный заряд* (*позитивный заряд* почти не употребляется), но при этом *положительная оценка* (*позитивная* – нельзя). Следовательно, лексема славянского происхождения многократно превосходит по частотности интернационализм и, согласно лексикографии, при равной сочетаемости обладает большим количеством лексических значений. Анализ комбинаторных свойств лексемы позволил определить стилистическую маркировку «науч.» для заимствований и их славянских аналогов.

Рассмотрим пару *аналогичный / подобный*. Анализ заимствованного прилагательного *аналогичный* в корпусе «Гугл Книги Ngram» показывает его сочетаемость с существительными *показатель, результат, процесс, эффект, случай* и др. С исконным словом *подобный* часто сочетаются существительные *случай, вещи, труд, вопрос, взгляд, порядок* и т. д. Разная сочетаемость отражает стилистическое размежевание синонимов: заимствование используется в сочетании с более книжными словами (*аналогичный результат*), а с русизмом – слова стилистически нейтральные (*подобный случай*). Стоит отметить, что у словосочетания *подобный случай* более высокая частотность.

Конкуренция среди наречий (*абсолютно / совершенно, абсолютно / совсем*) также заслуживает внимания исследователей. По сравнению с заимствованным словом *абсолютно* исконно-русские лексемы *совсем* и *совершенно* обычно сочетаются с наречиями (*совсем недавно, совсем рядом, совершенно неожиданно, совершенно невозможно*). Заимствованное же слово *абсолютно*

в основном стоит в препозиции к прилагательным: *абсолютно сухой, чёрный*. Таким образом, мы наблюдаем расхождение синонимов в плане синтаксической сочетаемости.

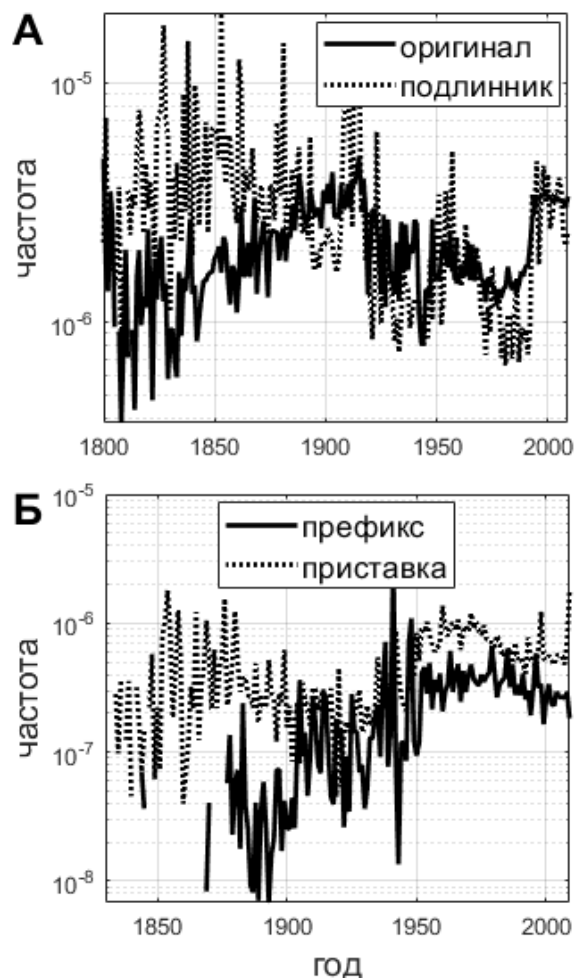

Рис. 2. Корреляция частотности в диахронии слов оригинал и подлинник (А); префикс и приставка (Б).

На основании анализа частотности и сочетаемости этих и многих других лексем мы пришли к выводу, что исконные лексемы значительно более распространены за счёт большего количества значений и широкой сочетаемости. Приведём для примера несколько графиков частотности конкурирующих лексем, демонстрирующих различные тенденции сосуществования когнат и исконных слов в языке. Наиболее распространёнными являются долговременная конкуренция (рис. 2) и резкое вытеснение славянизма иноязычным словом, завершившееся (рис. 3, А) и продолжающееся (рис. 4, Б).

Исследование комбинаторных свойств лексических единиц позволило выявить определённые закономерности:

1) этимологический сингармонизм, предполагающий тенденцию к сочетанию заимствованных и исконных слов друг с другом (*абсолют-*

ный ... + интернационализм, напр. *абсолютный максимум*, *совершенный* ... + русизм, напр. *совершенный образец*;

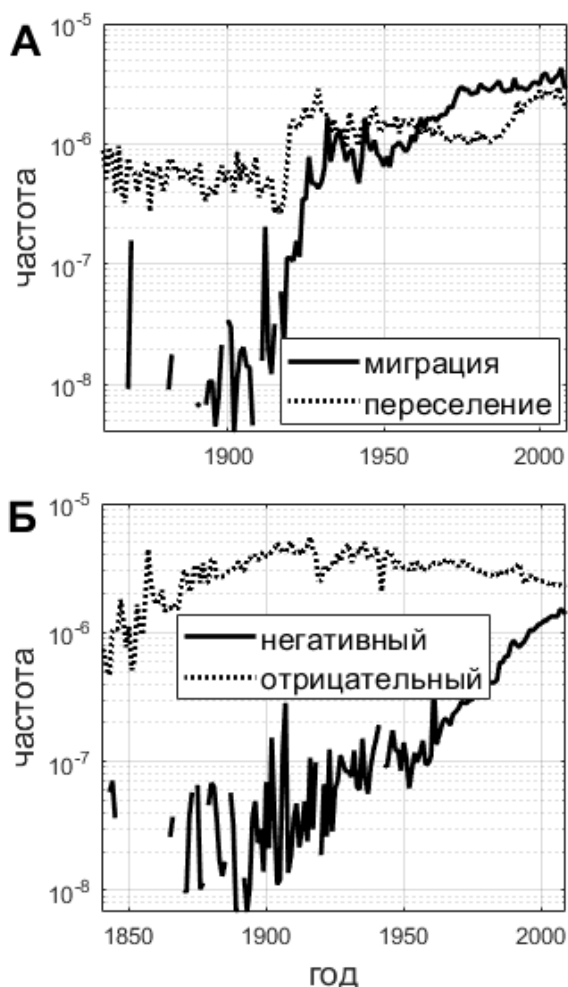

Рис. 3. Корреляция частотности в диахронии слов миграция и переселение (А); негативный и отрицательный (Б).

2) особенности ономастики – «русизм + имя собственное», топоним (*переселиться в Турцию, в Петербург*) // «интернационализм + имя нарицательное» (*мигрировать в города, в страны, на юг / север*);

3) синтаксическая сочетаемость, «наречия славянского происхождения + наречия» (совершенно / совсем+наречие – *совсем недавно, близко, рядом; совершенно ясно, справедливо, правильно*), «наречия-интернационализмы + прилагательные» (абсолютно+прилагательное – *абсолютно сухой, чёрный, белый*);

4) аксиология, экспрессивность – славянизмы часто сочетаются с оценочными словами и словами, для которых характерна выразительность, в том числе эмоциональная (*ужасное происшествие*), в то время как заимствования сочетаются со стилистически нейтральной лексикой (*неприятный инцидент*).

Как было сказано выше, самостоятельной темой исследования стало составление хронологии вхождения иноязычных слов в словарный фонд русского языка (например, слово *аргумент* впервые встречается в документе 1771 г.). Зависимость частотности интернационализма в книжной речи от даты его появления в письменных текстах не была обнаружена. Единственное наблюдение связано с тем, что большое количество слов кон. XVIII – нач. XIX вв. возглавляют рейтинг абсолютной частотности словоупотребления. Представляется необходимым применение оригинальных лексико-статистических исследовательских методик, включающих анализ продолжительности функционирования слова в книжной речи и его частотности, а также рассмотрение каждого отдельного слова в историко-этимологическом аспекте.

На основе визуального анализа 125 графиков было определено, что типичное время замещения составляет от 40 до 60 лет. Эти показатели отражают скорость вытеснения заимствованием исконных слов.

Изученные нами явления, происходящие на протяжении десятилетий и отражающиеся, в первую очередь, в изменениях частотности слов, можно назвать микроэволюцией языка. Таким образом, в данной статье была предпринята попытка разработки методологии работы со сверхобъёмными корпусами текстов и построении на их основе объяснительных и предсказательных моделей языковой микроэволюции.

Список источников

1. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009, 1087 с.
2. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: «Аделант», 2014, 800 с.
3. Давайте говорить правильно! Новейшие и наиболее распространённые заимствования в современном русском языке: краткий словарь-справочник. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004, 217 с.
4. Lieberman E., Michel J.-B., Jackson J., Tang T., Nowak M.A. Quantifying the evolutionary dynamics of language // Nature. 2007. Vol. 449. Pp. 723–716. URL: <http://www.nature.com/nature/journal/v449/n7163/abs/nature06137.html> (дата обращения: 15.12.2020).
5. OpenCorpora. URL: <http://opencorpora.org> (дата обращения: 25.06.2024).
6. Дуличенко А. Д. Русангл, или: Будем ли мы говорить на интеррусском? // Русский язык конца XX столетия / Werner Lehfeldt. Munchen: Verl. Otto Sagner, 1994. С. 315– 336.

7. Wellman B. Little Boxes, Glocalisation, and Networked Individualism. – Berlin: Springer-Verlag, 2002. Pp. 11–25.

8. Нецименко Г. П. Заимствования как проявление культурно-языковых контактов и их функционирование в языке-реципиенте // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). Научн. совет по истории мировой культуры. М., 2002. 479 с.

9. Щитова О. Г. Функционально-стилевая миграция заимствований как один из критериев их ассимиляции в языке-реципиенте // Вестник Томского государственного ун-та. 2007. № 294. С. 102–108.

10. Бизюков Н. В. Манипулятивный потенциал коннотации интернационализмов (на материале публицистического и рекламного дискурса) // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. № 2 (32). 2015. С. 203–206.

11. Пфандль Х. О силе и бессилии пуризма. Англицизмы и интернационализмы и их возможные альтернативы (на материале русского, словенского и хорватского языков) // Вопросы языкознания. 2003. № 6. С. 108–122.

12. Kia L.S., Dan Su'Ad A. A study of education-related chinese words used in Malaysia-based computer corpus. 2019, № 37 (1). Pp. 83–107.

References

1. Lyashevskaya, O. N., Sharov, S. A. (2009). *Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (based on materials from the National Corpus of the Russian Language)]. 1087 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)

2. Egorova, T. V. (2014). *Slovar' inostrannykh slov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Foreign Words in the Modern Russian Language]. 800 p. Moscow, "Adelant". (In Russian)

3. *Davaite govorit' pravil'no! Noveishie i naibolee rasprostranennye zaimstvovaniya v sovremennoy russkom yazyke: kratkii slovar'-spravochnik* (2002) [Let's Speak Correctly! The Newest and Most Common Borrowings in Modern Russian: A Short Dictionary-Reference Book]. 217 p. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPBGU; Moscow, Izdatel'skii tsentr "Akademiya". (In Russian)

4. Lieberman, E., Michel, J.-B., Jackson, J., Tang, T., Nowak, M. A. (2007). *Quantifying the evolutionary*

dynamics of language. Nature. Vol. 449, pp. 723–716. URL: <http://www.nature.com/nature/journal/v449/n7163/abs/nature06137.html> (accessed: 15.12.2020). (In English)

5. *OpenCorpora*. URL: <http://opencorpora.org> (accessed: 25.06.2024). (In English)

6. Dulichenko, A. D. (1994). *Rusangl, ili: Budem li my govorit' na interrusskom?* [Rusangl, or: Will We Speak InterRussian?]. *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya*. Werner Lehfeldt. Pp. 315–336. Munchen, Verl. Otto Sagner. (In Russian)

7. Wellman, B. (2002). *Little Boxes, Glocalisation, and Networked Individualism*. Pp. 11–25. Berlin, Springer-Verlag. (In English)

8. Neshchimenko, G. P. (2002). *Zaimstvovaniya kak proyavlenie kul'turno-yazykovykh kontaktov i ikh funktsionirovanie v yazyke-retsipiente* [Borrowings as a Manifestation of Cultural and Linguistic Contacts and Their Functioning in the Recipient Language]. *Vstrechi etnicheskikh kul'tur v zerkale yazyka (v sopostavitel'nom lingvokul'turnom aspekte)*. Nauchn. совет po istorii mirovoi kul'tury. 479 p. Moscow. (In Russian)

9. Shchitova, O. G. (2007). *Funktsional'no-stilevaya migratsiya zaimstvovaniy kak odin iz kriteriev ikh assimilyatsii v yazyke-retsipiente* [Functional and Stylistic Migration of Borrowings as One of the Criteria for Their Assimilation in the Recipient Language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta*. No. 294, pp. 102–108. (In Russian)

10. Bizyukov, N. V. (2015). *Manipulyativnyi potentsial konnotatsii internatsionalizmov (na materiale publitsisticheskogo i reklamnogo diskursa)* [The Manipulative Potential of the Connotation of Internationalisms (Based on Journalistic and Advertising Discourse)]. *Vestnik KGPU im. V. P. Astaf'eva*. No. 2 (32), pp. 203–206. (In Russian)

11. Pfandl, Kh. (2003). *O sile i bessilii purizma. Anglitsizmy i internatsionalizmy i ikh vozmozhnye al'ternativy (na materiale russkogo, slovenskogo i khovratskogo yazykov)* [On the Power and Impotence of Purism. Anglicisms and Internationalisms and Their Possible Alternatives (Based on the Russian, Slovenian and Croatian Languages)]. *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 6, pp. 108–122. (In Russian)

12. Kia, L. S., Dan Su'Ad, A. (2019). *A Study of Education-Related Chinese Words Used in Malaysia-Based Computer Corpus*. No. 37 (1), pp. 83–107. (In English)

The article was submitted on 09.08.2023

Поступила в редакцию 09.08.2023

Галеев Тимур Ильдарович,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tigaleev@kpfu.ru

Galeev Timur Ildarovich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tigaleev@kpfu.ru

Бочкарев Владимир Владимирович,
научный сотрудник,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
vbochkarev@mail.ru

Ван Мэняо,
магистр,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mengyao@bk.ru

Bochkarev Vladimir Vladimirovich,
researcher,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
vbochkarev@mail.ru

Wang Mengyao,
Master's student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mengyao@bk.ru

О ПОНЯТИИ «ФУНКЦИЯ» В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

© Наталья Зубенко

ON THE CONCEPT OF “FUNCTION” IN FUNCTIONAL LINGUISTICS

Natalya Zubenko

The article considers the concept of “function” in linguistics as the essence of language which determines its nature. The purpose of the study is to define the main concept of language “function” in linguistics and to identify the invariant function of language in functional linguistics. Language, acting as an instrument of exteriorization both of thinking, knowledge and of consciousness, performs many functions. Thus, monofunctionalists believe that the fundamental function of language is its communicative function, which is a derivative for other functions, subfunctions and epifunctions. The interest of polyfunctionalists is primarily focused on determining the number of inherent functions of language and their hierarchical relationship and interdependence. Today, the question of the concept “function” semantic content in linguistics remains open, since there is no exact definition of the term primarily due to the “multidimensionality” of language itself; therefore, disputes arise in the definition of this concept both between linguistic schools and within the framework of one linguistic circle. On the basis of the conducted research, we give the definition of the concept of language “function” as the essence, the meaning (purpose) of language existence. The function, having predetermined the nature of language, forms both the structure of language and its elements, as well as the connections between these elements. In the process of language “functioning”, linguistic units are selected, which are capable of realizing a certain communicative task (meaning) that the subject of speech wants to achieve in the process of a communicative act. In addition, the article concludes that in the modern linguistic paradigm, which is based on the concept of “function”, the regulatory function acts as an invariant function of language. At the initial stages of the human development, the trigger that provoked the emergence of an iconic instrument for regulation of social interaction was the collision of the “due” and the “given”. In the course of evolution, “regulation” expands its scope from influencing the behavior to influencing the consciousness of a person and society by expanding their “ordinary” picture of the world.

Keywords: function, monofunctionalism, polyfunctionalism, regulatory function of language, reality

В статье рассматривается понятие «функция» в лингвистике как сущность языка, определяющая его природу. Целью исследования является определение магистрального понятия «функция» языка в лингвистике и выявление инвариантной функции языка в функциональной лингвистике. Язык, выступая орудием экстерииоризации не только мышления, знания, но и сознания, выполняет множество функций. Так, монофункционалисты считают, что основополагающей функцией языка выступает коммуникативная функция, являющаяся производной для других функций, субфункций и эпифункций. Интерес же полифункционалистов сосредоточен, в первую очередь, на определении количества присущих языку функций и их иерархической взаимосвязи и взаимообусловленности. Сегодня остается открытым вопрос о семантическом наполнении понятия «функция» в лингвистике, так как «размытость» определения термина обусловлена, в первую очередь, «многомерностью» самого языка, поэтому споры при определении данного понятия возникают как между лингвистическими школами, так и в рамках одного лингвистического кружка. На основе проведенного исследования дается определение понятия «функция» языка как сущности, смысла (назначения) существования языка (реалии). Функция, предопределив природу языка, формирует как структуру языка, так и его элементы, а также связи между этими элементами. В процессе «функционирования» языка происходит отбор языковых единиц, способных к реализации определенной коммуникативной задачи (смысла), которой хочет достичь в процессе коммуникативного акта субъект речи. Кроме того, делается вывод о том, что в современной лингвистической парадигме, в основе которой лежит понятие «функция», в качестве инвариантной функции языка выступает регулятивная. На начальных этапах человеческого развития триггером, спровоцировавшим возникновение знакового орудия регуляции по социальному взаимодействию, стало столкновение «должного» и «данного». В ходе эволюции «регулирование» расширяет свои рамки от воздей-

вия на поведение до воздействия на сознание человека, социума путем расширения их «обыденной» картины мира.

Ключевые слова: функция, монофункционализм, полифункционализм, регулятивная функция языка, реалья

Для цитирования: Зубенко Н. О понятии «функция» в функциональной лингвистике // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 26–39. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-26-39

Язык по своей природе функционален: возникновение его обусловлено необходимостью экстерииоризации мышления как субъективной формы отражения мира Homo sapiens. Это позволяет говорить о том, что язык – средство общения, «средство взаимного сообщения мысли» [1, с. 8], отражающее восприятие действительности. При таком подходе основополагающей функцией языка является коммуникативная функция.

Наряду с мышлением язык является орудием познания, которое в первую очередь связано с сознанием, отражающим не только действительность, но и выражающим отношение человека к этой действительности в виде чувств и состояний.

Сознание как феномен включает в себя чувственно-рациональный и эмоционально-ценностный уровни: первый уровень характеризуется познавательными способностями, накапливающими «знание-информацию»; второй уровень представляет собой, с одной стороны, палитру человеческих чувств и эмоций, с другой, – «ценностный компонент» – духовно-нравственный фундамент личности: ее стремления, интересы, цели, мотивы и т. д., и, конечно, способности создавать все эти элементы [2, с. 526]. При этом не следует отождествлять понятия «сознание» и «мышление», так как мышление является, наряду со знанием, главной составной частью функционирования сознания, позволяющего человеку выявлять закономерности объективного мира, формировать отношение к явлениям действительности, взаимодействовать с социальной средой, определять ценностные ориентиры [3].

Основываясь на идеях И. А. Бодуэна де Куртене, что сущностное свойство языка – быть функцией – выступает в качестве переменной, обеспечивающей взаимодействие между сознанием человека и его коммуникативной деятельностью, О. В. Лещак считает, что недопустимо смешивание функции сознания и функции языка, так как сознание, по мнению автора, выполняет смыслообразующую функцию, а язык – семиотическую (эксплицирующую и коммуникативную) функцию [4].

Выступая орудием экстерииоризации не только мышления, знания, но и сознания, язык наряду с коммуникативной (передача информации) выполняет множество других функций. По мнению Л. Г. Зубковой, сущность языка определяет его функции, следовательно, функции, приписываемые языку, напрямую зависят от подхода к пониманию языка и его сущности [5]. Поэтому первостепенен вопрос не столько о «наделении» языка теми или иными функциями, сколько об определении самого понятия «функция», которое зависит от подхода к пониманию сущности самого языка.

На современном этапе развития лингвистических исследований вопрос о функциях языка остается открытым: одни ученые придерживаются позиции монофункциональности языка, при которой основополагающей, фундаментальной функцией является коммуникативная, но при этом и не отрицается наличие производных от нее функций (Д. Г. Богусевич, Ю. Д. Дешериев, Р. В. Пазухин и др.). Среди полифункционалистов мнение о ведущей функции языка расходится: одни отдают «пальму первенства» коммуникативной функции (В. А. Аврорин, О. В. Лещак, М. Мамудян, А. Мартине, Д. Н. Шмелев, Р. О. Якобсон), другие считают, что не только появление, но и развитие языка связано в первую очередь с регулятивной функцией языка (В. И. Абаев, Ю. В. Дорофеев, В. И. Заика, А. А. Леонтьев, А. Н. Рудяков, Н. А. Рудяков).

Позиция полифункциональности языка наиболее распространенная в лингвистических кругах. При этом единогласие между исследователями отсутствует: причина, на наш взгляд, кроется в том, что язык проявляется при анализе в различных ипостасях: язык и общество, язык и мышление, язык и сознание, язык и речь (в том числе и речевая деятельность), язык и система. Исходя из теории Вильгельма фон Гумбольдта [6] о языке как посреднике между миром объективной действительности и субъективным (внутренним) миром человека, можно утверждать, что закономерный процесс эволюции обуславливает изменение в процессе познавательной деятельности не только представления о внешнем мире, но и о самом человеке, следовательно, представ-

ление о языке, его функциях и их иерархии также динамично.

При полифункциональности языка перед лингвистами в первую очередь стоит вопрос: какое же количество функций языка считать оптимальным, отвечающим реальной языковой картине, а уж затем рассматривать вопрос об их иерархичности (Д. Г. Богушевич, В. У. Дресслер, А. В. Карабыков, М. Мамудян), об основных и добавочных функциях (Р. О. Якобсон), о предметных и объектных функциях (В. В. Иваницкий), о первичных и вторичных функциях (Б. А. Абрамов, В. И. Заика, О. В. Лещак, Н. Ю. Шведова, М. А. Шелякин), о разграничении функций языка и функций речи (В. А. Аврорин, В. В. Иваницкий, А. А. Леонтьев, Д. Н. Шмелев). Зачастую количество функций, рассматриваемое лингвистами, представляется либо как ограниченный набор (К. Бюлер, А. Мартине, М. А. К. Хэллiday, Р. О. Якобсон) – не более пяти-шести, либо как открытый, ничем неограниченный.

Так, И. Г. Ольшанский отмечает, что диапазон языковых функций достаточно широк и «колеблется» от 2 до 25 функций [7]. А. К. Киклевич выделяет 12 функций языка на основе функциональной релевантности, реализующейся в экспликативном и процедурном аспектах [8].

В. З. Демьянков, анализируя функционализм конца XX в. зарубежной лингвистике, приводит в алфавитном порядке и дает характеристику 73 функциям языка, которые, по мнению автора, наиболее частотны в упоминании в научной литературе, отмечая при этом, что приведенный список не является исчерпывающим и не представляет собой иерархичной организации [9]. Наряду с общеизвестными функциями, в списке отмечены такие, как дейктическая, идеационная, индексальная, латентная, перифрастико-экспликативная, перлокутивная и др. Автор, предлагая «крупные группировки функций» при их делении на классы – от двухчастного до четырнадцатичастного деления, отмечает прямую зависимость в размытости основания классификации от количества функций: чем большее количество функций, тем туманнее представляется основание для их деления или составления иерархии, поэтому наиболее оптимальной цифрой в классификации функций автор считает «число три» [Там же, с. 103].

Монофункциональность языка

Существует множество точек зрения на функции языка. Некоторые ученые придерживаются позиции полифункциональности языка, тогда как другие считают, что единой, «интегрированной» функцией языка является коммуника-

тивная (Л. Блумфильд, Д. Г. Богушевич, Ю. Д. Дешериев, В. В. Иваницкий, Г. В. Колшанский, Р. В. Пазухин и др.). Следует отметить, что монофункциональность понимается учеными не в чистом виде: коммуникативная функция языка является не единственной, а основополагающей, из которой вытекают другие функции языка, которые, в свою очередь, тесно переплетаются, взаимодополняются, обуславливаются друг другом, как некое поле: ядром такого поля выступает коммуникативная функция, следовательно, чем периферийнее функции, тем больше ими утрачиваются самостоятельность и выраженность.

Так, Ю. Д. Дешериев считает, что коммуникативная функция, будучи главной функцией языка, детерминирует не только другие функции языка, но и саму его природу. Наряду с коммуникативной функцией языка автором выделяются общественная, экспрессивная, которая теснейшим образом связана с эстетической функцией языка, и гносеологическая функции. При этом автор считает, что методологическая характеристика любой из вышеперечисленных функций представляет собой не что иное, как характеристику конкретного проявления коммуникативной функции языка [10, с. 221].

Г. В. Колшанский отмечает, что при подходе к языку как средству общения обоснованным является рассмотрение языка в его единственной, коммуникативной, функции, так как она, представляя собой сложное интегрированное явление всех свойств языка, обслуживает жизнь человеческого общества, в независимости от этапа его развития [11, с. 3].

Р. В. Пазухин, учитывая многомерность такого образования, как язык, отмечает иерархичность функций: конститутивной функцией языка (Φ_1) автор называет такую функцию, которая «характеризует его как целое» [12, с. 43]. С этой задачей, по мнению автора, справляется коммуникативная функция; но жизнедеятельность конститутивной функции возможна лишь при сочетании субфункций, «функций составных частей» (Φ_2 , Φ_3 , Φ_4) [Там же]. Выделяя конститутивный уровень, субуровень и эпиуровень (употребление языка в конкретных ситуациях), Р. В. Пазухин считает, что при выделении исследователями двух и более функций языка происходит подмена понятий, связанная с отношением к языку свойств, относящихся лишь к одному из его элементов, – поэтому сопоставление конститутивной (коммуникативной) функции и эпифункций, по мнению автора, неправомерно. Так, например, к субфункциям Р. В. Пазухин относит аккумулятивную функцию, а к эпифункциям – поэтическую, эстетическую, фатическую, метаязыковую.

Из этого следует, что монофункционализм, по мнению автора, – это не провозглашение одной-единственной функции, а признание того, что сущность и назначения языка как средства общения определяется только коммуникативной функцией [12, с. 44].

Таким образом, признание коммуникативной функции монофункционалистами как фундаментального назначения языка не предполагает отсутствия других функций у языка; ими признается существование как субфункций, так и эпифункций, обеспечивающих возможность реализации языка как средства общения, но лишь при условии рассмотрения этих функций языка на разных уровнях и системном перечислении.

В. В. Иваницкий, как и Р. В. Пазухин, не отрицает наличие производных функций у языка, так называемых субфункций и эпифункций, представляемых автором как некая иерархия: если основанием построения иерархии выступает *сущность языка*, то в этом случае знаковая (семиологическая или семиотическая) функция, которая «представляет лингвистический знак» [13, с. 106], выступит в качестве онтологической, предполагающей наличие как субфункций (номинативной, предикативной, метаязыковой, когнитивной и т. д.), так и эпифункций. Стоит отметить, что аналогичная последовательность – «функция», «функтив», «член функции» – встречается уже в работе Л. Ельмслева [14].

Если же в основу построения иерархии положена *природа языка*, которая воплощается в речи и языковой деятельности, то коммуникативная функция будет выступать в качестве ядра, а разные ее аспекты – структурными элементами иерархичности системы функций: коммуникативная функция → функции, составляющие коммуникативный акт → прочие функции [13].

Вслед за Р. В. Пазухиным, В. В. Иваницкий, развивает свою позицию с небольшим отклонением: считая, что коммуникативная функция реализуется только при наличии минимум двух участников коммуникативного акта, отказывает внутренней речи в функции коммуникации, так как размышление «внутри себя» предполагает только одного участника, поэтому эта функция определяется автором как «функция самоопределения и автокоррекции» [13, с. 107]. За коммуникативной функцией следуют «функции, составляющие коммуникативный акт», которые определяются В. В. Иваницким как функции речи (согласно классификации Р. В. Пазухина – это субфункции коммуникативной функции). К ним автор относит следующие функции речи (здесь стоит отметить, что сами субфункции не представлены автором в иерархичном порядке, так

как они теснейшим образом переплетаются как между собой, так и с коммуникативной функцией в целом): эмотивная, апеллятивная, волюнтаривная, дейктическая, эротематическая, репрезентативная; функции, проявляющиеся в языковой деятельности: фатическая, поэтическая (эстетическая), аксиологическая, герменевтическая, эвристическая, кумулятивная, идеологическая, религиозная, магическая (суггестивная), социальная – все эти функции без исключения могут члениться, в том числе и на эпифункции [13].

Таким образом, монофункционализма в чистом виде не существует, но, на наш взгляд, он более структурирован, системен: ядром этой системы выступает коммуникативная функция, одновременно являясь и «производной», и «производящей» функцией языка. Монофункционализм как иерархически системная модель, в основании которой лежит понимание невозможности существования способов естественного употребления языка вне коммуникации, приводит к выводу, что абсолютной функцией по праву является коммуникативная, а вариативность воплощения данной функции определяется целевым многообразием использования языка в жизни [15, с. 83].

Д. Г. Богушевич, анализируя позиции полифункционалистов и монофункционалистов, отмечает системный подход, который основывается на единстве языка, как сильные позиции монофункционалистов. Системный подход предполагает выявление и установление связей между «наиболее существенными общими чертами» [16, с. 37]. При таком подходе оправдано положение монофункционалистов: инвариантной функцией языка является коммуникативная, все остальные функции являются производными, которые реализуются в тех или иных условиях общения. При этом Д. Г. Богушевич соглашается с тем, что большинство функций языка исследователи сводят к коммуникативной функции, но абсолютно отрицает «сведение» экспрессивной и эмотивной функций, так как в основе этих двух функций, по мнению автора, отсутствует общение как неотъемлемый элемент коммуникации [Там же, с. 38]. Так, например К. Фосслером, которого также можно отнести к монофункционалистам, выделяется в качестве основной функции – экспрессивная функция языка, основанная на антропоцентрическом взгляде лингвиста [17]. А вот игнорирование системного подхода полифункционалистами приводит исследователей к расщеплению языка при стремлении обнаружить и перечислить условия и случаи употребления языка.

Определение понятия «функция» в лингвистике

На сегодняшний день остается открытым вопрос не только о количестве функций, их соотносительности, обусловленности и т. д., но и, в первую очередь, вопрос об определении самого термина «функция» в лингвистике в целом, и в ее функциональном аспекте в том числе. При попытке найти четкое определение данному понятию в научной литературе было обнаружено, что своего рода абстрактность понятия обусловлена, в первую очередь, тем, что каждый ученый или лингвистическая школа, в том числе и функциональная, кладет в основу определения различные основания: у одних функция – это свойство реальности (А. Н. Рудяков), у других – цель (И. Г. Ольшанский), роль, назначение (В. И. Заика), целое назначение элемента (В. Г. Гак); с другой стороны, лингвисты больше сосредоточены на вопросе о количестве функций языка, поэтому вопрос *что есть функция* или *что есть функция языка* остается в тени [18].

Термин «функция» не имеет ни четкого определения, ни единого мнения при подходе к его толкованию среди лингвистов. Незначительный интерес к интерпретации объясняется, на наш взгляд, тем, что термин «функция» является межнаучным заимствованием, в первую очередь, из философии и математики, с одной стороны, и «многомерностью» самого языка – с другой: онтология, природа, бытование, обусловленные различными подходами при изучении. Кроме того, применительно к лингвистике ни одна функция языка не существует автономно – сосуществование проявляется в переплетении, перекрещивании функций и даже перетекании одной функции в другую в рамках одного речевого акта.

Так, В. У. Дресслер, отмечая многозначность понятия «функция» не только в разных науках, но и в пределах одной науки – лингвистики, подчеркивает, что «одно-однозначность» термина «функция» отсутствует в пределах одной функциональной школы, а что говорить о дискуссиях между различными лингвистическими школами [19]. Кроме того, термин «функция» применим лингвистами как языку, так и к речи, к языковым единицам и в том числе высказываниям [8, с. 271].

Г. И. Ольшанский, считая термин «функция» расплывчатым и неопределенным, акцентирует внимание на том, что именно функция является фундаментальным понятием, определяющим «онтологию и телеологию языка», характеризующим не только язык в целом, но и его элементы системы и структуры [7, с. 269].

«Расплывчатость» понятия «функция» в науке в целом и в пределах лингвистических исследований объясняется в работах Л. Г. Ведениной: автор отмечает, что в традиционной грамматике «функция» – это роль лингвистических единиц в высказывании, в глоссематике – отношения между двумя лингвистическими единицами, в генеративной грамматике – грамматические отношения между структурными элементами [20, с. 5].

Важно отметить на данном этапе рассуждений, что в исследовании нами разделяется позиция ученых, считающих разграничение понятий «функции языка» и «функции речи» нецелесообразным. Так, например, Д. Н. Шмелев, считает, что функция (-ии) языка является его имманентной сущностью, а практическое применение языка обуславливает лишь, с одной стороны, отбор языковых средств, и различный характер коммуникации при ее реализации – с другой [21].

По мнению А. В. Карабыкова, целью применения языка является речь, следовательно, противопоставление функций языка функциям речи бессмысленно, так как «каждая функция языка есть функция речи и наоборот» [15, с. 79]. Аналогичной позиции придерживается и Р. В. Пазухин, утверждая, что противоположение «язык-речь» никак не связано с вопросом о коммуникативной функции языка и его эпифункциях [12, с. 46].

В. И. Заика, соглашаясь с тем, что именно речь является определяющим фактором того, что происходит с языком, считает, что термин «функции речи» применим лишь тогда, когда необходимо определить «характер отношения конкретного высказывания к элементам коммуникативной ситуации» [18, с. 419] (разрядка наша – Н. З.) При этом разнообразие целей деятельности субъекта определяет разнообразие функций речи, совокупность которых и будет реализовывать основополагающую функцию языка.

О. В. Лещак, рассматривая языковую систему и речевую деятельность в функциональном отношении, приоритет отдает языковой системе в том, что языковые знания существуют «до и вне речевой деятельности», кроме того, речевые знаки воспроизводятся со строгим учетом правил и законов языка. Но при этом не стоит забывать, что источником, пополняющим языковую систему новыми элементами, является речь; в генетическом отношении (и онтогенетическом, и филогенетическом) автор считает, что понятия «язык», «речь» и «речевая деятельность» абсолютно равноценны [4].

Г. В. Колшанский, отмечая неправомерной дихотомию «язык и речь», определяет понятие «функции речи» как дуплет понятия «функции языка» [11].

При этом стоит отметить, что ряд ученых считают подобное разграничение основополагающим при определении количества функций языка: например, Ф. де Соссюр, В. А. Аврорин, В. В. Иваницкий, А. К. Киклевич, А. А. Леонтьев, М. А. Шелякин и др.

А. А. Леонтьев в одной из ранних своих работ выделяет три основные функции языка: 1) закрепление и передача достижений человеческого мышления (то есть передача знаний), 2) средство коммуникации, 3) средство выражения отношения говорящего к содержанию речи, а также выражение эмоции и воли. Конституирующей функцией на данном этапе лингвистического взгляда автора является функция языка как форма существования мышления человека [22, с. 124]. В данной работе автор не только не разграничивает функции языка и речи, но и предлагает достаточно схематичное отражение функций языка, упуская из внимания такие функции языка, как, например, эстетическая, экспрессивная.

В более поздних работах А. А. Леонтьев [23], [24] расширяет круг функций языка до шести, отдавая приоритетность коммуникативной функции, а также выделяет, наряду с функциями языка, «факультативные» функции, которые автор приписывает речи, – эмотивную, поэтическую (эстетическая), магическую, фатическую, функцию «марки», или номинативную, диакритическую. К функциям же языка А. А. Леонтьевым отнесены: коммуникативная, функция языка как орудия интеллектуальной деятельности человека, функция овладения общественно-историческим опытом человечества (при индивидуальном аспекте), быть формой существования общественного опыта, национально-культурная, орудие познания (при социальном аспекте) [24, с. 243–244]. О том, какое понимание А. А. Леонтьев вкладывает в коммуникативную функцию языка, будет рассмотрено позже.

Вслед за А. А. Леонтьевым, В. А. Аврорин не только разграничивает понятия «функции языка» и «функции речи», но и выделяет «функции языковых единиц», считая неправомерным рассмотрение функция языка как целостной системы и функций отдельных элементов языковой структуры в одном плане. Язык, по мнению В. А. Аврорина, не выполняет лингвистическую функцию, так как входит в систему социальных явлений, следовательно, его функции только социальные, общественные [25]. К социальной функции языка автор относит, в том числе, и комму-

никативную функцию, в то время как, например, Ю. Д. Дешериев, противопоставляет социальной функции языка коммуникативную [10].

При этом В. А. Аврорин считает, что функции «придают языку движение, развитие», поэтому язык не может существовать вне функций; а речь, являясь внешним проявлением языка, его конкретной реализацией, проявляет в себе функции языка, но наряду с этим имеет свои специфические, характерные только ей функции: номинативную, эмотивно-валютативную, сигнальную, поэтическую, магическую, этническую [25, с. 35]. Кроме того, функции речи в рамках одного речевого акта способны органически сочетаться как между собой, так и с функциями языка, что в конечном итоге значительно затрудняет не только их понимание, но и разграничение. Функции языка (коммуникативная, экспрессивная, конструктивная и аккумулятивная), по мнению автора, действуют постоянно при его практической реализации, а вот функции речи обусловлены целью конкретного высказывания. При этом система функций языка, в концепции В. А. Аврорина, является константой: все звенья этой системы находятся во взаимодействии и взаимообусловленности, поэтому вся система может быть представлена как единая функция, четыре стороны которой неразрывны [Там же, с. 48]. Таким образом, функции речи, по мнению В. А. Аврорина, являются переменной величиной, в то время как функции языка – величиной постоянной, лишь с одной оговоркой, что данная система (язык) может дать «сбой» только при условии, что человечество будет в силах создать более совершенное средство общения – чего в обозримом будущем не предвидится.

Примечательно, что М. А. Шелякин различает не только функции языка и речевые функции, но и речевые функции языковых единиц, являющиеся, по мнению автора, «частными вариантами системных функций при их употреблении в речи» [26, с. 11].

Таким образом, анализ различных подходов к понятию «функция» показывает, что функции языка являются величинами неизменными, а функции речи, функции языковых единиц или же речевые функции языковых единиц – величинами производными.

Появление понятия «функция» в лингвистике и наполнение ее соответствующим лингвистическим смыслом связано с Копенгагенской лингвистической школой: в работе Л. Ельмслева «Принципы всеобщей грамматики» (1928) появляется определение «грамматическая функция», после, уже в работе «Прологомены к теории языка», впервые опубликованной в 1943 году, Л.

Ельмслев определит функцию как «зависимость, отвечающую условиям анализа»: так, если мыслить категориями класс и сегменты, из которых состоит данный класс, то функция существует как между классом и его сегментами, так и между сегментами [14, с. 57]. В терминологии автора объект, который имеет «функцию» к другому(-им) объекту(-ам), определяется понятием «функтив» – «постоянная» и «переменная». Исходя из этого, автором выделяется три типа функции: взаимозависимость – функция между двумя постоянными, детерминация – функция между постоянной и переменной, констелляция – функция между двумя переменными; при взаимозависимости и детерминации Л. Ельмслев вводит понятие когезии, а для взаимозависимости и констелляции – реципроции [Там же]. Здесь следует отметить, что в теории, предложенной Л. Ельмслевым, исследователи обнаруживают как неточности, так и противоречия: начиная от абстрактного понимания самого определения «функции» до противоречий как в самой терминологии, так и в логическом основании [27].

Обоснованно считать, что понятие «функция» получает свое развитие и широкое применение в работах Пражского лингвистического кружка [28], что станет в последующем фундаментом для развития функционализма как закономерного явления смены лингвистических парадигм: так, В. Скаличка отмечает, что термин «функция» «пражцами» применим к слову и предложению, если речь идет о значении, или к фонеме, если речь идет о структуре смысловых единиц [29, с. 97].

В предисловии к «Тезисам» Н. Кондрашов отмечает, что пражскими лингвистами функция понимается как «целевая установка», «значение того или иного языкового элемента в системе языка», то, «что обусловлено или обуславливается (системой)» [28, с. 7]. При анализе речевой деятельности обнаруживается, что «выражение» является целью говорящего, в связи с этим наиболее оправдан в этом случае функциональный подход к лингвистическому анализу, так как с позиции функционализма *«язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели»* [Там же, с. 17]. Поэтому учет системы, к которой принадлежит языковое явление, детерминирует его понимание.

Учеными отмечается, что наиболее широко и разносторонне дано определение понятию «функция» М. А. Шелякиным: называя функцией свойство целостного объекта, автор отмечает, что «свойство» порождается функционированием объекта [26, с. 8]. Поэтому носителем функции является система или ее элементы; функция,

создаваясь во взаимодействии со средой, обеспечивает связь «носителя» с этой средой. Кроме того, функция, «порождаясь» предназначенностью, имеет свою среду реализации и способность приспосабливаться к этой среде и не может существовать изолированно, поэтому, находясь в системных отношениях с другими функциями, входит в функциональную систему. Рассматривая функцию в лингвистической плоскости, М. А. Шелякин отмечает, что носителями функций в этом случае выступает языковая система в целом или ее языковые элементы, способные выполнять то или иное назначение [Там же, с. 8–9].

Аналогичную позицию в понимании функции можно наблюдать в работах А. Н. Рудякова [30], [31]. При определении понятия «функция» автор считает бессмысленным обращение к философским или лингвистическим словарям, поэтому целесообразным считает взять за основу понятие «реалия», так как функция «структурно обусловлена» [32, с. 30]. В концепции А. Н. Рудякова «реалия» – это «нечто существующее», то, что было очеловечено или находится в процессе очеловечивания Универсума. Сущность реалии, утверждает автор, – ее функция, то есть природа реалии детерминируется функцией. Следовательно, функция, создавая реалию, определяет ее субстанциональное строение, именно поэтому «адекватность» описания мира невозможна без признания за функцией одного из доминирующих системообразующих факторов человеческого мира. По мнению автора, функция первична, реалия – вторична, поэтому именно функцией обусловлено появление (создание) новых реалий. При этом А. Н. Рудяковым разделяются такие понятия, как «функция» и «использование», так использований реалии может быть много: например, ведро (не важно, цинковое, эмалированное, из пластмассы), структура которого определена удобством переноса жидкости, сыпучих веществ, может использоваться как кашпо, как головной убор снеговика или в качестве какого-нибудь арт-объекта и проч. [31, с. 22]. Иными словами, функция – это причина появления в Универсуме реалии, следовательно, язык – это реалия, появление которой обусловлено необходимостью взаимодействовать между собой посредством унифицированной системы.

Интересный вопрос ставит А. Н. Рудяков не только перед собой, но и перед исследователями: раз функция порождает реалию, но функция по своей сути тоже реалия, в таком случае, какую функцию выполняет функция? Или перефразируем этот вопрос, вслед за А. Н. Рудяковым: Какова функция функции? Еще один немаловаж-

ный вопрос: У субстанции вообще есть функция? Если есть, то какая? (Под субстанцией А. Н. Рудяков понимает «некую свободную “валентность”», то есть это то, что еще не «втянуто» в мир человека, но со временем, возможно, будет).

Рассуждая над этим вопросом, А. Н. Рудяков приходит к выводам, что субстанция имеет функцию, которая заключается в «предчувствии» («готовность к функциональному предназначению») функции. Так, например, множество субстанции, чье «предчувствие» было реализовано теми или иными функциями: «очеловечивание» глины и практическое применение ее в быту, использование камня в функции рубки (пратопор); наряду с этим, существует другое множество, чье «предчувствие», пока не реализовано [Там же, с. 24]. Говоря о существующих субстанциях, не следует забывать о субстанциях, создаваемых «искусственно» (создателем этих субстанций является не природа, а человек – это всевозможные сплавы, органические и неорганические соединения и т. д.). Таким образом, назначение функции заключается в том, чтобы ввести и сделать реалию частью очеловеченного мира, культуру: «Функция – причина и цель бытия реалии в нашем мире» [Там же]; в свою очередь, сущность реалии – это «служение» человеку.

В качестве инвариантного определения понятия «функция» В. Г. Гак дает следующее: функция – это целое назначение элемента (объекта), созданное природой или же человеком, и его роль в системе. Кроме того, В. Г. Гак отмечает, что любой элемент (объект) создается с конкретной целью, поэтому функция структурно обусловлена [33, с. 7–8]

А. В. Бондарко, выделяя потенциальный и целевой аспекты в понятии «функция» применительно к языковым единицам, отмечает, что функция языковых единиц интерпретируется как способность языковых единиц выполнять определенные назначения и как реализация цели в процессе функционирования. Кроме того, при функции-потенциале на передний план выступает сторона «для говорящего», при функции-цели – «для слушающего» [34]. Иными словами, языковые единицы – это некий строительный материал, обладающий назначением «для строительства» (ну, как например, строительный и декоративный камень, смена назначений которых приводит к нерациональному их использованию, хотя взаимозаменяемость допустима). Эффективное использование строительного материала – это процесс, обусловленный конечным результатом, зафиксированным в проектной документации (если же речь идет о языке, то зафиксированные в виде образов в сознании).

А. Б. Абрамов, рассуждая о понятии «функции» как «функционировании» языковых единиц, также считает, что предназначенность языковых единиц (функция) заключается в достижении результата посредством их употребления [35, с. 79].

Г. А. Золотова, определяя понятие функции в широком смысле «как значение языковой единицы», задается вопросом о целесообразности наличия дублета понятия «значение» и понятия «функция». При этом она подчеркивает, что до сих пор понятие «функция» является составляющим элементом таких понятий, как «значение», «смысл», «употребление единицы» [36], что объясняет отсутствие самостоятельного определения данному понятию, с одной стороны, и отождествлению, с другой стороны, с общеязыковыми и речевыми функциями. В понимании Г. А. Золотовой понятие функции сопряжено с соотношением части и целого, элемента и системы: функция рассматривается как предназначенность элемента к существованию в системе, к своего рода «служению» этой системе. Кроме того, автором подчеркивается, что понимание функции, связанное лишь с речью или употреблением языка, вне связи с грамматической системой, приводит к одностороннему пониманию, а также утрачивает как научное, так и практическое значение [37, с. 45]. Следовательно, понятие «функции» тесно связано с единицами, являющимися носителями этих функций, с одной стороны, и находящимися в «иерархически-последовательных взаимоотношениях» при организации речевой деятельности – с другой.

Интересна концепция С. Н. Сыроваткина решения не только проблемы определения понятия «функция», но и количества этих функций. При рассмотрении языка как семиотического феномена вопрос о функциях языка следует рассматривать в плоскости функций и свойств языковых знаков, поэтому логичней выделять, по мнению автора, функции знака: семиотическую, прагматическую, синтаксическую, которые в свою очередь представляют систему родовых и видовых функций знака [38, с. 46].

И. Г. Ольшанский, определяя понятие «функция» в широком смысле в лингвистической парадигме как диаду «потенция-реализация», характеризует потенциальный аспект как способность языковых единиц к реализации конкретной коммуникативной задачи, а целевой аспект – как реализацию этой потенции в речи. При функционировании языка происходит процесс актуализации и взаимодействия единиц в речи, который, по мнению И. Г. Ольшанского, включает в себя три этапа и представ-

ляет собой отбор единиц (актуализация), взаимодействие структур и функций (функционирование), а затем преобразование функций-потенций в функции-цели (варьирование) путем отклонения от узуса и нормы, развитие вариативности. При этом функция-потенция ближе к языковому значению (объективному инварианту значения), которое и будет выведено в речь посредством актуализации, функция-цель обращена к смыслу (личностный смысл), внеязыковой цели значения. Исходя из этого, Г. И. Олышанский склонен утверждать, что одна и та же языковая форма – «полифункциональна», а одна и та же функция «полиморфна», может воплощаться разными языковыми средствами. Поэтому автором предлагается при функциональном подходе к лексикологии, к дуализму элементов «формазначение» (ономасиология и семасиология) добавить третий элемент цепочки – функцию [7, с. 269].

Аналогичную позицию в определении понятия «функция» можно наблюдать у В. У. Дресслера: понимая под термином «операция» свойство формы, автор отмечает, что для «операции» характерны свойства, позволяющие выполнять функцию эффективнее, а свойство операции определяется ее функцией; при этом каждая операция способна иметь множество функций, а каждая функция может реализоваться посредством нескольких операций [19, с. 61].

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие «функция» в лингвистике определяется следующим образом.

Язык – это реалия (Н. А. Рудяков), вовлеченная в мир социума, возникновение и развитие которой обусловлено, в первую очередь, ее функцией. Функция, предопределяя природу реалии, формирует как структуру этой реалии, так и ее элементы, единицы и связи между этими элементами, единицами (строительными единицами); взаимодействие единиц в процессе «функционирования» реалии есть реализация функции: реальной или потенциальной. Следовательно, функция есть сущность, суть, смысл (назначение, цель) существования реалии (языка), носителями которой выступают языковые единицы. Будучи структурно обусловленной, функция определяется нами как процесс «функционирования» элементов (единиц) языка с целью реализации их потенциала в достижении цели, поставленной в коммуникативном акте. При этом одна и та же цель может осуществляться несколькими элементами (единицами), обладающими соответствующим этой цели потенциалом.

Регуляция как инвариантная функция языка

Как отмечалось выше, многими учеными-лингвистами коммуникативная функция языка представляется в качестве ведущей, основополагающей, инвариантной (В. А. Аврорин, В. В. Иваницкий, А. А. Леонтьев, А. В. Карабыков, А. Мартине, Д. Н. Шмелев и др.). В концепции некоторых ученых к коммуникативной функции тесно примыкает экспрессивная функция (К. Бюлер, Р. О. Якобсон, А. Мартине, «Пражцы» К. Фосслер и др.). При этом игнорируется регулятивная функция языка или же имплицитно выражается в коммуникативной функции (В. И. Заика, А. А. Леонтьев)

А. Р. Лурия отмечает, что регулятивная функция речи на протяжении длительного времени игнорировалась учеными, как психологами, так и лингвистами. Но при этом автор выражает надежду на то, что прагматическая, регулирующая функция речи не только привлечет должное внимание ученых, но и подвергнется всестороннему изучению, так как, по мнению ученого, речь является одним из наиболее эффективных средств регуляции поведения человека [39].

Уже в работах Л. Ельмслева отмечена идея регулятивности языка: «Язык – инструмент, посредством которого человек формирует мысль и чувство, настроение, желание, волю и деятельность, инструмент посредством которого человек влияет на других людей, а другие влияют на него...» [14, с. 29].

В трудах советского антрополога Ю. Б. Поршнева [40] возникновение языка объясняется жизненной необходимостью регуляции сначала поведения человека человеком, а затем и сознания другого человека. По мнению автора, речевое взаимодействие – это «регулятор», тормозящий веления «первой сигнальной системы» – инстинктов и подчиняющий анализ и синтез «непосредственных раздражителей требованиям предварительной инструкции», которая стоит перед человеком. Поэтому речь – как внешняя, так и внутренняя – является основой регуляции поведения человека в отношении друг друга, что является проявлением общественных отношений [Там же, с. 152]. В основу регуляции Б. Ю. Поршнев кладет суггестию – фундаментальное средство воздействия на поведение, таким образом, функция внушения является, в концепции автора, ядром второй сигнальной системы (языка), из чего следует, что речь возникает из необходимости регуляции деятельности субъекта, воспринимающего речь, а не из общепризнанной необходимости обмена информацией (сообщения) [Там же, с. 556].

Как и антрополог Б. Поршнев, психолингвист А. А. Леонтьев считает, что еще формирующейся сигнальной системе была присуща «регулирующая функция речевых средств», которая осуществила появление знаковой функции речи, позволившей «опредмечивать» в знаке различные формы деятельности человека [23, с. 92]

Выделяя коммуникативную функцию языка как основную, А. А. Леонтьев считает ее не чем иным, как регуляцией поведения, так в понятии «коммуникация», по мнению автора, ничего другого не содержится. Причем А. А. Леонтьев выделяет регуляцию – непосредственную и опосредствованную, а также выступающую в таких вариантах, как индивидуально-регулятивная, коллективно-регулятивная, саморегулятивная функция. Но на любой вид регуляции вызывается моментальная или задержанная реакция [Там же, с. 32].

В. И. Заика, отмечая разнообразие функций речи (реализаций языка), делит их на координативные и некоординативные: к первым автор относит функции, объединенные целью координации деятельности получателя отправителем, – репрезентативную, апеллятивную, эмотивную; ко вторым – фатическую, магическую, эстетическую, которые не предполагают координацию поведения собеседника, за исключением сопорождения информации. Координация поведения становится возможной благодаря осуществлению замысла посредством определенной последовательности знаков, при транслировании которых обеспечивается сопорождение смысла собеседником – «координативная» реализация языка определяет как свойство языка, так и обуславливает изменения в нем [18, с. 421].

Д. Г. Богушевич, определяя язык как систему «универсальной регуляции любой деятельности», выделяет функцию организации деятельности в качестве основной. Рассуждая над тем, что возникновение языка обусловлено потребностью общения человека с другими людьми, объясняет возникновение этой потребности необходимостью взаиморегуляции деятельности индивида в социуме и общественного поведения в целом. Соответственно, при построении иерархии лингвистических единиц в высший класс будут входить единицы, позволяющие осуществлять функцию регуляции, и эта единица, по мнению автора, – диалог; при этом другими исследователями, как отмечает автор, данная «единица» определяется такими терминами, как коммуникативный акт (В. А. Аврорин), текст (В. Г. Кольшанский) и т. д. [16].

В работах А. Н. Рудякова развивается идея не только регуляции поведения (деятельности) как

собеседника, так и общества в целом, но и регуляция сознания, расширение картины мира партнера по социальному взаимодействию; речевое взаимодействие происходит с позиции идеала: мое мировосприятие правильно, поэтому я вступаю в речевой контакт со своим собеседником, чтобы расширить, отрегулировать его мировосприятие, мышление и сознание; результатом моего «наведения порядка» в картине мира собеседника будет «отрегулированное» поведение [30], [31].

Еще в работах Н. А. Рудякова, отца А. Н. Рудякова, ставится под сомнение первенство коммуникативной функции, так как диалектическое понимание сущности языка как «язык – сознание» меняет ориентиры не только в понимании языка, но и в самом объекте его изучения: языковая личность, использующая язык для реализации своих практических целей, становится объектом изучения, следовательно, предметом изучения становится речь, что приводит к тому, что коммуникативная функция, считавшаяся традиционно основной, уступает свои позиции функции воздействия на собеседника и регуляции его деятельности [41].

Позднее идея развивается и получает свое научное обоснование в работах А. Н. Рудякова [30], [31], [32], [42], в которых утверждается, что регулятивная функция языка является системообразующей, определяющей саму сущность языка, а сам процесс коммуникации – это не что иное, как «форма осуществления регуляции» [42, с. 123]. Еще в работе «Лингвистический функционализм и функциональная семантика» А. Н. Рудяков определяет регулятивную функцию языка как инвариантную [43], так как противоречие между тем, каким должен быть мир с точки зрения говорящего, и тем, что есть на самом деле, является «движущей силой» человеческой деятельности, для реализации которой создаются инструменты, орудия. Поэтому единственным на сегодняшнем этапе развития человечества инструментом, орудием, способным «навести порядок» в сознании собеседника, социальной группы, человечества в целом, является язык. Так как субстанцией, способной обеспечить реализацию функции регуляции является знаковость, следовательно, язык «единственное знаковое (семиотическое) орудие регуляции» [31].

Таким образом, в современной лингвистической парадигме можно отметить закономерную смену структуралистской парадигмы функциональной, в основе которой лежит понятие «функция», определенное нами как потенциальная способность языковых единиц реализовать в процессе функционирования цели, поставленные

субъектом речевой деятельности. При таком понимании термина «функция» в качестве инвариантной функции языка совершенно обоснованно можно считать регулятивную функцию языка, которая на сегодняшний день вызывает все больший интерес в лингвистических кругах. Кроме того, ученые, определяющие в качестве ведущей функции языка коммуникативную, подразумевают при этом в той или иной степени регуляцию, лишь с одним отклонением: одни считают, что происходит регуляция лишь поведения объекта коммуникативного акта, другие же расширяют «функционализацию», определяя регуляцию не только поведения, но и сознания (картины мира) участника по социальному взаимодействию.

Список источников

1. *Потебня А. А.* Полное собрание трудов: Мысль и язык / Подготовка текста Ю. С. Рассказова и О. А. Сычева. Комментарии Ю. С. Рассказова. М.: Лабиринт, 1999. 269 с.
2. *Словарь философских терминов* / Научная редакция профессора В. Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2005. XVI. 731 с.
3. *Абаев В. И.* Избранные труды: В 4 т. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание / Отв. Ред. и сост. В. М. Гусалов. Владикавказ: Ир, 1995. 724 с.
4. *Лещак О. В.* Методологические основы функционального исследования языковой деятельности: на материале славян. яз.: дис... д-ра филол.наук: Тернополь, 1997. 529 с. + Прил. (121 с.: ил.).
5. *Зубкова Л. Г.* Общая теория языка в развитии: Учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 2002. 472 с.
6. *Гумбольдт В. фон* Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. Ред. Г. В. Рамишвили; Послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
7. *Ольшанский И. Г.* От функции к функциональной лексикологии // XI Международная конференция по функциональной лингвистике «Функциональное описание естественного языка и его единиц». Сборник научных докладов. Ялта, 4-8 октября 2004 г. С. 269–270.
8. *Киклевич А. К.* Притяжение языка. Т. 2: Функциональная лингвистика. Ольштын, 2008. 391 с.
9. *Демьянков В. З.* Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX в. // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. Научн.-информ. Исслед. Отд. Языкознания; Редкол.: Ромашко С.А., отв. ред. и др. М., 2000. (Сер.: Теория и история языкознания). С. 26–136.
10. *Дешериев Ю. Д.* Социальная лингвистика. К основам общей теории. М.: Наука, 1977. 382 с.
11. *Колшанский Г. В.* Коммуникативная функция и структура языка / Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 176 с.
12. *Пазухин Р. В.* Язык, функция, коммуникация // Вопросы языкознания. 1979. № 6. С. 42–50.
13. *Иваницкий В. В.* Функции языка // Вестник Новгородского государственного университета, 2004. № 29. С. 103–110.
14. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка: Пер. с англ. / Сост. В. Д. Мазо. М.: КомКнига, 2006. 248 с.
15. *Карабыков А. В.* К вопросу о системном представлении функций языка // Вестн. Ом. Ун-та. 2008. № 3. С. 79–84.
16. *Богушевич Д. Г.* Единица, функция, уровень: К проблеме классификации единиц языка. Мн.: Выш. Шк., 1985. 116 с.
17. *Фосслер К.* Эстетический идеализм: Избранные работы по языкознанию: Пер. с нем. / Сост. В. Д. Мазо; Вступ. ст. О. А. Радченко; ст. В. А. Звегинцева. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 144 с.
18. *Заика В. И.* Модель функций языка и речи для дисциплин, изучающих употребление языка // Białostockie Archiwum Językowe. 2013. № 13. Рр. 415–430.
19. *Дресслер В. У.* Против неоднозначности термина «функция» в «функциональных» грамматиках // Вопросы языкознания. 1990. № 2. С. 57–64.
20. *Веденина Л. Г.* Основная проблематика французского функционализма: Вступительная статья // М. Мамудян Лингвистика / пер. с франц. яз. и вступ. Статья Л. Г. Ведениной. М.: Прогресс, 1985. С. 5–30.
21. *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях (К постановке проблемы). Москва: Наука, 1977. 167 с.
22. *Леонтьев А. А.* Возникновение и первоначальное развитие языка. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. 139 с.
23. *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
24. *Леонтьев А. А.* Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. 368 с.
25. *Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (К вопросу о предмете социолингвистики). Ленинград: Наука, 1975. 276 с.
26. *Шелякин М. А.* Функциональная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 2001. 288 с.
27. *Степанов Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975. 311 с.
28. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок: сб. статей. Сост., ред. и предисл. И. А. Кондрашова. М.: Прогресс. 1967. 558 с.
29. *Скаличка В.* Копенгагенский структурализм и «Пражская школа» // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч 2. М.: Просвещение, 1960. С. 92–99.
30. *Рудяков А. Н.* Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 312 с.
31. *Рудяков А. Н.* Функция и язык: к регулятивной парадигме в лингвистике. М.: Издательский дом ЯСК, 2023. 216 с. (Studia philologica).

32. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка). Киев: Грамота, 2004. 224 с.

33. Гак В. Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. Москва: Наука, 1985. С. 5–15.

34. Бондарко А. В. К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Москва: Наука, 1985. С. 16–29.

35. Абрамов Б. А. О функциях, изофункциях, функциональном подходе и функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики. Москва: Наука, 1985. С. 77–87.

36. Золотова Г. А. К построению функционального синтаксиса русского языка // Проблемы функциональной грамматики. Москва: Наука, 1985. С. 87–93.

37. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Содорова; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. Москва: Ин-т рус. яз. РАН им. В.В. Виноградова, 2004. 540 с.

38. Сыроваткин С. Н. Значение высказывания и функции языка в семиотической трактовке // Вопросы языкознания. 1973. № 5. С. 43–49.

39. Лурия А. Р. Язык и сознание / Под редакцией Е. Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1979. 320 с.

40. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии) / Под ред. Б. А. Диленко. М.: «ФЭРИ-В», 2006. 640 с.

41. Рудяков Н. А. Поэтика, стилистика художественного произведения. Симферополь: Таврия, 1993. 146 с.

42. Рудяков А. Н. Лингвистика и её «скелеты в шкафу». М.: Издательский центр «Азбуковник», 2020. 416 с.

43. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. Симферополь: Таврия-плюс, 1998. 224 с.

References

1. Potebnya, A. A. (1999). *Polnoe sobranie trudov: Mysl' i yazyk* [Complete Works: Thought and Language]. Podgotovka teksta Yu. S. Rasskazova i O. A. Sycheva. Kommentarii Yu. S. Rasskazova. 269 p. Moscow, Labirint. (In Russian)
2. *Slovar' filosofskikh terminov* (2005) [Dictionary of Philosophical Terms]. Nauchnaya redaktsiya professora V. G. Kuznetsova. XVI. 731 p. Moscow, INFRA-M. (In Russian)
3. Abaev, V. I. (1995). *Izbrannye trudy: V 4 t. T. 2. Obshchee i sravnitel'noe iazykoznanie* [Selected Works: In 4 Vols. Vol. 2. General and Comparative Linguistics]. Otv. red. i sost. V. M. Gusalov. 724 p. Vladikavkaz, Ir. (In Russian)
4. Leshchak, O. V. (1997). *Metodologicheskie osnovy funktsional'nogo issledovaniya yazykovoi deyatel'nosti: Na materiale slavyan. yaz.: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.19.* [Methodological Foundations of the Functional Study of Linguistic Activi-

ty: Based on the Material of the Slav Languages: Doctoral Thesis]. Ternopol', 529 p. + Pril. (121 p.: il.). (In Russian)

5. Zubkova, L. G. (2002). *Obshchaya teoriya yazyka v razviti: Ucheb. Posobie* [The General Theory of Language in Development: A Textbook]. 472 p. Moscow, izd-vo RUDN. (In Russian)

6. Gumbol'dt, V. fon (2000). *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu: Per. s nem.* [Selected Works on Linguistics: Trans. from German]. Obshch. Red. G. V. Ramishvili; Poslesl. A. V. Gulygi i V. A. Zvegintseva. 400 p. Moscow, OAO IG "Progress". (In Russian)

7. Ol'shanskii, I. G. (2004). *Ot funktsii k funktsional'noi leksikologii* [From Function to Functional Lexicology]. XI Mezhdunarodnaya konferentsiya po funktsional'noi lingvistike "Funktsional'noe opisanie estestvennogo yazyka i ego edinit". Sbornik nauchnykh dokladov. Yalta 4-8 oktyabrya, pp. 269–270. (In Russian)

8. Kiklevich, A. K. (2008). *Prityazhenie yazyka. T. 2: Funktsional'naya lingvistika* [The Attraction of Language. Vol. 2: Functional Linguistics]. 391 p. Ol'shtyn. (In Russian)

9. Dem'yankov, V. Z. (2000). *Funktsionalizm v zarubezhnoi lingvistike kontsa XX v.* [Functionalism in Foreign Linguistics of the Late 20th Century]. Diskurs, rech', rechevaia deyatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty: Sb. Obzorov. RAN. INION. Tsentr gumanitar. Nauchn.-inform. Issled. Otd. Yazykoznaniiya; Redkol.: Romashko S. A., otv. red. i dr. (Ser.: Teoriya i istoriya yazykoznaniiya), pp. 26–136. (In Russian)

10. Desheriev, Yu. D. (1977). *Sotsial'naya lingvistika. K osnovam obshchei teorii* [Social Linguistics. On the Basics of General Theory]. 382 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

11. Kolshanskii, G. V. (2007) *Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazyka* [The Communicative Function and Structure of Language]. Izd. 3-e. 176 p. Moscow, izdatel'stvo LKI. (In Russian)

12. Pazukhin, R. V. (1979). *Yazyk, funktsiya, kommunikatsiya* [Language, Function, Communication]. Voprosy yazykoznaniiya. No 6, pp. 42–50. (In Russian)

13. Ivanitskii, V. V. (2004). *Funktsii yazyka* [Language Functions]. Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. No 29, pp. 103–110. (In Russian)

14. El'msliev, L. (2006). *Prolegomeny k teorii yazyka: Per. s angl.* [Prolegomena to the Theory of Language: Translated from English]. Sost. V. D. Mazo. 248 p. Moscow, KomKniga. (In Russian)

15. Karabykov, A. V. (2008). *K voprosu o sistemnom predstavlenii funktsii yazyka* [On the Issue of the System Representation of Language Functions]. Vestn. Om. Un-ta. No. 3, pp. 79–84. (In Russian)

16. Bogushevich, D. G. (1985). *Edinita, funktsiya, uroven': K probleme klassifikatsii edinit yazyka* [Unit, Function, Level: On the Problem of Classification of Language Units]. 116 p. Minsk, Vysh. Shk. (In Russian)

17. Fossler, K. (2007). *Esteticheskii idealizm: Izbrannye raboty po yazykoznaniiyu: Per. s nem* [Aesthetic Idealism: Selected Works on Linguistics: Trans. from German]. Sost. V. D. Mazo; Vstup. st. O. A. Radchenko; st. V. A. Zvegintseva. 144 p. Moscow, izdatel'stvo LKI. (In Russian)

18. Zaika, V. I. (2013). *Model' funktsii yazyka i rechi dlya distsiplin, izuchaiushchikh upotreblenie yazyka* [A Model of Language and Speech Functions for Disciplines Studying the Use of Language]. Białostockie Archiwum Językowe. No. 13, pp. 415–430. (In Russian)
19. Dressler, V. U. (1990). *Protiv neodnoznachnosti termina "funktsiya" v "funktsional'nykh" grammatikakh* [Against the Ambiguity of the Term "Function" in "Functional" Grammars]. Voprosy yazykoznaniiya. No. 2, pp. 57–64. (In Russian)
20. Vedenina, L. G. (1985). *Osnovnaya problematika frantsuzskogo funktsionalizma: Vstupitel'naya stat'ya* [The Main Problem of French Functionalism: An Introductory Article]. M. Mamudian Lingvistika. per. s frants. iaz. i vstup. Stat'ya L. G. Vedeninoy. Pp. 5–30. Moscow, Progress. (In Russian)
21. Shmelev, D. N. (1977). *Russkii yazyk v ego funktsional'nykh raznovidnostiakh (K postanovke problemy)* [The Russian Language in Its Functional Varieties (On the Formulation of the Problem)]. 167 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
22. Leont'ev, A. A. (1963). *Vozniknovenie i pervonachal'noe razvitiye yazyka* [The Origin and Initial Development of Language]. 139 p. Moscow, izd-vo Akademii Nauk SSSR. (In Russian)
23. Leont'ev, A. A. (1969). *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'* [Language, Speech, Speech Activity]. 214 p. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)
24. Leont'ev, A. A. (1974). *Osnovy teorii rechevoi deyatel'nosti* [Fundamentals of the Theory of Speech Activity]. 368 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
25. Avrorin, V. A. (1975). *Problemy izucheniya funktsional'noi storony yazyka (K voprosu o predmete sotsiolingvistiki)* [Problems of Studying the Functional Side of Language (On the Subject of Sociolinguistics)]. 276 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)
26. Shelyakin, M. A. (2001). *Funktsional'naya grammatika russkogo yazyka* [Functional Grammar of the Russian Language]. 288 p. Moscow, Russkii yazyk. (In Russian)
27. Stepanov, Yu. S. (1975). *Metody i printsipy sovremennoi lingvistiki* [Methods and Principles of Modern Linguistics]. 311 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
28. *Tezisy Prazhskogo lingvisticheskogo krugha* (1967) [Abstracts of the Prague Linguistic Circle]. Prazhskii lingvisticheskii krughok: sb. statei. Sost., red. i predisl. I. A. Kondrashova. 558 p. Moscow, Progress. (In Russian)
29. Skalichka, V. (1960). *Kopengagenskii strukturalizm i "Prazhskaya shkola"* [Copenhagen Structuralism and the Prague School]. Zvegintsev V. A. Istoriya yazykoznaniiya XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. Ch. 2, pp. 92–99. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)
30. Rudyakov, A. N. (2013). *Topory i teksty. Lingvisticheskaya instrumentologiya: uchebnoe posobie* [Axes and Texts. Linguistic Instrumentology: A Textbook]. 312 p. Moscow, FLINTA, Nauka. (In Russian)
31. Rudyakov, A. N. (2023). *Funktsiya i yazyk: k regulativnoi paradigme v lingvistike* [Function and Language: Towards a Regulatory Paradigm in Linguistics]. 216 p. Moscow, izdatel'skii dom YaSK. (Studia philologica). (In Russian)
32. Rudyakov, A. N. (2004). *Yazyk, ili Pochemu lyudi govoryat (opyt funktsional'nogo opredeleniya estestvennogo yazyka)* [Language, or Why People Speak (Experience of Functional Definition of Natural Language)]. 224 p. Kyiv, Gramota. (In Russian)
33. Gak, V. G. (1985). *K tipologii funktsional'nykh podkhodov k izucheniyu yazyka* [On the Typology of Functional Approaches to Language Learning]. Problemy funktsional'noi grammatiki. Pp. 5–15. Moscow, Nauka. (In Russian)
34. Bondarko, A. V. (1985). *K teorii funktsional'noi grammatiki* [Towards the Theory of Functional Grammar]. Problemy funktsional'noi grammatiki. Pp. 16–29. Moscow, Nauka. (In Russian)
35. Abramov, B. A. (1985). *O funktsiyakh, izofunktsiyakh, funktsional'nom podkhode i funktsional'noi grammatike* [About Functions, Isofunctions, Functional Approach and Functional Grammar]. Problemy funktsional'noi grammatiki. Pp. 77–87. Moscow, Nauka. (In Russian)
36. Zolotova, G. A. (1985). *K postroeniyu funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Towards the Construction of the Functional Syntax of the Russian Language]. Problemy funktsional'noi grammatiki. Pp. 87–93. Moscow, Nauka. (In Russian)
37. Zolotova, G. A. (2004). *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [The Communicative Grammar of the Russian Language]. G. A. Zolotova, N. K. Onipenko, M. Yu. Sodorova; Ros. akad. nauk. In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova, Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova. Filol. fak. 540 p. Moscow, In-t rus. yaz. RAN im. V. V. Vinogradova. (In Russian)
38. Syrovatkin, S. N. (1973). *Znachenie vyskazyvaniya i funktsii yazyka v semioticheskoi traktovke* [The Meaning of the Utterance and the Function of Language in a Semiotic Interpretation]. Voprosy yazykoznaniiya. No. 5, pp. 43–49. (In Russian)
39. Luriya, A. R. (1979). *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. Pod redaktsiei E. D. Homskoi. 320 p. Moscow, izd-vo Mosk. Un-ta. (In Russian)
40. Porshnev, B. F. (2006). *O nachale chelovecheskoi istorii (Problemy paleopsikhologii)* [On the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology)]. Pod red. B. A. Dilenko. 640 p. Moscow, FJeRI-V. (In Russian)
41. Rudyakov, N. A. (1993). *Poetika, stilistika khudozhestvennogo proizvedeniya* [Poetics and Stylistics of a Fictional Work]. 146 p. Simferopol', Tavriya. (In Russian)
42. Rudyakov, A. N. (2020). *Lingvistika i eye "skelety v shkafu"* [Linguistics and Its "Skeletons in the Closet"]. 416 p. Moscow, izdatel'skii tsentr "Azbukovnik". (In Russian)
43. Rudyakov, A. N. (1998). *Lingvisticheskii funktsionalizm i funktsional'naya semantika* [Linguistic Functionalism and Functional Semantics]. 224 p. Simferopol', Tavriya-plyus. (In Russian)

The article was submitted on 05.07.2024

Поступила в редакцию 05.07.2024

Зубенко Наталья Викторовна,
аспирант,
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского,
295000, Россия, Симферополь,
Ленина, 11;
ассистент,
Севастопольский государственный
университет,
299053, Россия, Севастополь,
Университетская, 33.
zubenko.natalia.1985@mail.ru

Zubenko Natalya Viktorovna,
graduate student,
Crimean Federal University
named after V. I. Vernadsky,
11 Lenin Str.,
Simferopol, 295000, Russian Federation;
Assistant Professor,
Sevastopol State University,

33 Universitetskaya Str.,
Sevastopol, 299053, Russian Federation.
zubenko.natalia.1985@mail.ru

УДК 81'33

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-40-52

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ В ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТАХ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ МЕДИЦИНЫ (ТКМ)

© Ирина Карабулатова, Цюхуа Сунь, Чао Сунь, Мария Иванова-Якушко

INTERPRETING METAPHORICAL EUPHEMISMS IN TRANSLATED TEXTS ON TRADITIONAL CHINESE MEDICINE (TCM)

Irina Karabulatova, Qiuhua Sun, Chao Sun, Mariia Ivanova-Yakushko

The author's hypothesis proceeds from the fact that the ethnolinguocultural value code can serve as the basis for translating psychophysiological communication signals of TCM into verbal concepts; with their help signs of the body "behavior" are translated into a specific dialogue of the organism and a person. The purpose of the work is to analytically examine the euphemistic space of the TCM terminology in the interpretative practice of decoding information in TCM. The need to translate terms, representing metaphorical euphemisms of philosophical and linguistic-cultural content, is a serious challenge for specialists who must coordinate different worldviews in order to accurately convey the content. The results of the study are related to the search for new approaches to the postulates and terminology of TCM from the standpoint of communication studies and psycholinguistics, allowing us to analyze the terminology of TCM in terms of the axiological ethnocultural code. We have found that the mythologization of the TCM concepts is due to the taboo and sacralization of the human body physiological processes, which predetermined the use of multiple metaphorization of "the body language" as neuro-psychophysiological communication, expressed through verbalization of the physical manifestation of the body through a euphemistic and metaphorical definition of this physiological problem with subsequent interpretation by a TCM specialist to build harmonization of human communication with one's body and psyche.

Keywords: TCM, TCM terminology, body language, euphemisms, verbalization of body problems, formalization, alternative communication

Авторская гипотеза исходит из того, что этнолингвокультурный ценностный код может выступать основой для перевода сигналов тела в традиционной китайской медицине (далее – ТКМ) в вербальные понятия, с помощью которых интерпретируются знаки «поведения» тела в специфический диалог организма с человеком. Цель работы состоит в аналитическом рассмотрении эвфемистического пространства терминологии ТКМ в интерпретативной практике декодирования информации в ТКМ. Необходимость перевода терминов, представляющих собой метафорические эвфемизмы философского и лингвокультурного содержания, является серьезным вызовом для специалистов, которые должны согласовать разные картины мира и понятия разных наук для точной передачи содержания. Результаты исследования связаны с поиском новых подходов к постулатам и терминологии ТКМ с позиций коммуникативистики и психолингвистики, позволяя анализировать терминологию ТКМ с позиции ценностного этнокультурного кода. Выяснено, что мифологизация понятий в ТКМ обусловлена табуированностью и сакрализацией физиологических процессов человеческого тела, что предопределило использование множественной метафоризации «языка тела» как способа коммуникации, выражаемого через вербализацию физического проявления тела посредством эвфемистического и метафорического определения этой физиологической проблемы с последующей интерпретацией специалистом ТКМ для выстраивания гармонизации коммуникации человека со своим телом и психикой.

Ключевые слова: ТКМ, терминология ТКМ, язык тела, эвфемизмы, вербализация проблем тела, формализация

Для цитирования: Карабулатова И., Цюхуа Сунь, Чао Сунь, Иванова-Якушко М. Проблема интерпретации метафорических эвфемизмов в переводных текстах традиционной китайской медицины (ТКМ) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 40–52. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-40-52

Культурная традиция ТКМ вследствие непонимания метафорического языка терминологии часто становится объектом мифологизации и вульгаризации в обыденном сознании носителей лингвокультур, отличных от восточной. Важность представления терминологии ТКМ обусловлена активным продвижением практик восточной медицины в систему здравоохранения не только в странах Юго-Восточной Азии (прежде всего, в Китае), но и России, странах постсоветского мира и дальнем зарубежье. В связи с этим возникает вопрос необходимости глубокого анализа текстов ТКМ с позиции понимания терминологии и восточной лингвофилософии в целом, что обусловлено сохранившейся сакрализацией человеческого тела и его проблем, в особенности в азиатских лингвокультурах. Актуальность работы предопределена усилением контактов между Россией и Китаем, распространением переводной литературы по ТКМ, ростом интереса к лечению ТКМ за пределами первичного ареала практики, необходимостью подробного комментирования специализированной древнекитайской терминологии, поскольку семантика последней в силу метафоричного представления затемнена и непонятна без развернутых теоретических изысканий.

Следует отметить, что сам термин ТКМ объединяет в себе традиционные медицинские практики, разработанные и широко используемые на ее базе в странах, по которому проходил Великий Шелковый путь, влияя на сакрально-ритуальные практики традиционного врачевания, которые смогли быть интегрированы в методы европейской медицины. Так, в Казани сформировалась своя научная школа иглорефлексотерапии, которая базируется на принципах ТКМ [1]. На наш взгляд, это стало возможным благодаря схожести взглядов на сверхъестественные причины болезней в виде злых духов или духов демонов, о воздействии которых сигнализирует человеческое тело [2]. Вместе с тем практически каждый регион Китая разработал свои методологические принципы с региональными пояснениями к текстам ТКМ, что повлекло за собой изменения в трактовке метафорических терминов в рамках заимствования [3].

Китайская практика использования иглол (сначала каменных, потом металлических) и трав в различном виде насчитывает более 6 тысячелетий. Парадоксально, что, несмотря на устойчивость традиции, языковая система ТКМ в самом Китае начала активно рассматриваться как целостная терминологическая система восточных воззрений на тело лишь в 2002 г. На сегодняш-

ний день Институтом информации традиционной китайской медицины в Пекине выявлено более 120 000 концепций, в которых используется свыше 300 000 терминов и около 1,5 млн. семантических реляционных ссылок на древнекитайском языке оригинала в рамках исследований по цифровизации культурного наследия ТКМ [4].

К сожалению, собранная на китайском языке коллекция не дает возможности создать полноценный классификатор с четким определением каждого терминологического понятия из-за отсутствия исторического, лингвокультурологического комментариев и непонимания логики причинно-следственных связей внутри метафорических терминов, что обусловлено недостаточной компетенцией специалистов по искусственному интеллекту в сфере различных областей теоретической и прикладной лингвистики [4], [5]. Вследствие этого и переводные издания на русском языке также имеют подобного рода недостатки.

При этом российские учебники используют терминологические обозначения (как правило, в виде прямого заимствования в транслитерации) без пояснений, что создает дополнительные трудности для изучения этого типа медицины [1].

На эту проблему указывают китайские исследователи, поясняя, что профессиональная деятельность специалистов существенно страдает из-за отсутствия комментированного переводного словаря-справочника по терминологии китайской иглотерапии [4], [5]. Для нас важно понимание того факта, что перед нами вторичная интерпретация наименований симптомов или физиологических проявлений тела как неких коммуникативных сигналов в рамках одной этнолингвокультуры, которая вступает во взаимодействие с принципами интерпретации, принятыми в другой системе лингвосемиотических координат. В связи с этим существует объективная сложность перевода международных медицинских терминов латинского происхождения на китайский язык [6].

Сложность текстов ТКМ связана с их ориентированностью на функционально-прагматический подход, что находит свое отражение в интерпретационном разнообразии сигнально-знаковой коммуникации тела как с самим человеком, так и внешним миром.

Поэтика образов в языке медико-философских переводных произведений Древнего Китая ставит тексты ТКМ в особую позицию не только в переводческом пространстве с языка оригинала на иностранный язык, но и с древнекитайского

языка вэньянь на современный китайский язык. Это связано с тем, что в литературе Древнего Китая метафора подчинялась строгому канону допустимой сочетаемости сравниваемых понятий, что создавало разницу в развитии метафоры в профессиональной терминологии и в быденной речи. Так, в разговорной речи женский цикл обозначался эвфемизмом *приезд старшей тётушки*, что связано с историческим анекдотом [7]. Однако метафорический канон в терминологии ТКМ предписывал использование принципов древнекитайской философии, соединяющей работу человеческого организма как микрокосма с циклами Вселенной как макрокосмоса. Эта традиция предопределила возникновение в медико-философских сочинениях древности эвфемистического термина *спящий свет Луны*, под которым понимается и подчинение женского организма лунному циклу, и наблюдения о влиянии полнолуния на гормональную систему женщины.

Сложная логика причинно-следственных связей в этих текстах обусловлена причудливым переплетением мировоззренческих принципов и практической направленностью трактатов ТКМ. Так, использование понятия *Врата* (*Верхние Врата*, *Нижние Врата*, *Центральные Врата* и т. п.) указывает на то, что само *тело* воспринималось как *государство*, и это сохранилось в китайской лингвокультуре для обозначения человека с избыточным весом или крупного телосложения через эвфемизм *богатое государство*. Вместе с тем каждые *Врата* закреплены за конкретным местоположением. Например, понятие *Верхние Врата Бессмертия* обозначает конкретную зону в конусах лопаточной области, где расположены триггерные точки максимального мышечного напряжения, которые задействуют различные нервно-мышечные слои, сухожилия и соединительную ткань, что приводит с возрастом к так называемой *«позе просителя»* [8]. В народной культуре есть выражения *его согнуло под тяжестью лет*; *груз времени на плечах* и т. п. Соответственно, воздействие на эти точки способствует расправлению плеч, а следовательно, стройности, которая свойственна молодым. Вместе с тем *Защитные Врата*, расположенные спереди у верхнего края отростка лопатки, гарантируют свободное дыхание, обеспечивая энергией все тело, выступают гарантами нормального функционирования *Верхних Врат Бессмертия*.

Поэтика терминологических наименований и метафорика характеристики симптомов и психофизиологических состояний человека, лингвофилософские обоснования применения трав, минералов (*киноварь*, *жемчуг*, *янтарь*, *глина*, *сера*), определенных частей различных животных

(*крылья жуков*, *змеиная желчь*, *кости тигра*, *кожа морских коньков*, *створки раковины устриц*) сопряжены с четкостью применения в лечебно-диагностических целях. При этом для усиления суггестивного воздействия травяных препаратов на пациента в наименованиях этих лекарственных сборов используются поэтически окрашенные, яркие символы метафорического плана. Например, болусы «Белый феникс» являются натуральным минерально-травяным препаратом ТКМ для лечения астенических состояний вне зависимости от пола, а также применяются при упадке сил и гормональных нарушениях у мужчин и женщин. Сам фармаконим имеет отсылку к легенде о фениксе, который, чувствуя приближение смерти, начинает вить на солнечном месте гнездо из различных трав, древесных смол, в котором принимает очищающий и восстанавливающий его тело огонь [9]. Однако в текстах ТКМ в составе реальных лекарственных средств используются такие наименования ингредиентов, как «Слеза дракона», «Объятия дракона», что вызывает затруднения для идентификации не только у переводчиков, но и у специалистов по китайскому языку и китайской культуре. Можно предположить, что под *слезой дракона* подразумевается зеленый чай из набухших цветочных почек жасмина, либо природный перламутр. Однако в китайской кулинарии известен десерт под названием «Слеза дракона», а в ювелирном искусстве иногда такое обозначение могут иметь изделия из перламутра и т. д.

Вместе с тем длительная закрытость китайского общества от внешнего мира способствовала отстраненности в обучении западных специалистов методам ТКМ. Кроме того, недостаточный уровень понимания китайского мировоззрения, зафиксированного в нем, способствовал мифологическому толкованию терминов и их недопониманию, вследствие чего закрепились точка зрения о невозможности осуществления адекватного и точного перевода понятий ТКМ [10], поскольку они содержат в себе безэквивалентную лексику (например: жизненная энергия *ци*; божественный дух, или бессмертная духовная энергия *шэнь*; психическая энергия *шэнь ци*; изначальная эссенция *цин*; некая совокупность проявлений нравственно-духовных и психологических устремлений *син* и проявленная человеческая судьба; физиологически предопределенный сценарий жизни *мин*).

Стандартизация интерпретаций наименований устойчивых симптомов позволила ТКМ выработать специфический, метафорически богатый словарь, с помощью которого расшифровывается табуированная и сакрализованная ин-

формация, транслируемая телом во внешнюю среду. Например, специалист по ТКМ, выступая интерпретатором «языка тела» пациента, использует простые, но емкие понятия, создающие сразу яркий образ: *шерсть» языка, Верхние Врата Жизни* и, соответственно, *Нижние Врата Жизни, чудесный канал Действия, Бьющий Источник, Кровавое море, чудесный канал почек* и т. д.

Метафорические обозначения взаимодействия систем и органов человеческого организма показаны в текстах ТКМ с использованием сравнений, аналогий и аллегорий, которые вписываются в систему координат «опасно – безопасно» и «предпочтительно – неважно» [11]. Например, ключевой термин в ТКМ *двойное возвращение син-мин* обозначает проявления сущности человека во времени и пространстве для обретения долголетия и / или бессмертия. В связи с тем, что данное понятие является эксклюзивной ценностью в этнокультурном китайском традиционном ценностном коде, этот термин не переводится на другие языки. В своем отдаленном трактовании этот термин напоминает алхимическое обретение бессмертия, при этом часть *син* обозначает *сердце* с акцентуацией понятия *жизни*, то есть *бьющееся, живое сердце*, а вторая часть термина – *мин* – обозначает *предопределение человеческой судьбы свыше*.

В некотором смысле понятие *син-мин* трактуется как следование правилам гармонизации жизни для обеспечения долголетия, жизненной активности с обретением внутреннего покоя как главного параметра, определяющего нейтральность влияния причинно-следственных отношений, отражающих логические связи взаимодействия всех систем человеческого организма.

Не случайно «эмоциональные качели» рассматриваются в ТКМ как ведущий провокативный фактор, приводящий к нестабильности эмоций, неразличению психоэмоциональных состояний, их смешению в попытках вербализовать, что в конечном итоге приводит к различным болезненным состояниям. Причем это относится не только к переживанию отрицательных эмоций, передаче их через реакции тела и, соответственно, вербализацию их с помощью разнообразных метафорических конструкций, но и к переживанию положительных эмоций. Вместе с тем экстралингвистические факторы эмотивности в ТКМ хорошо вписываются в синонимическую шкалу, в связи с чем можно проследить, как постепенное нагнетание психоэмоциональных реакций приводит к экспрессии внутреннего диалога, которая открывает вариативность восприятия на уровне «языка тела» в ТКМ через

сравнение понятной психологической связи «мать – сын».

Методология опирается на этнопсихолингвистическое осмысление обозначений устройства тела в традиционной культуре народной медицины стран Востока и постулаты переводоведения в ситуации неблизкородственного двуязычия. Интерпретации текстов ТКМ опираются на филологическую, естественно-научную, мифологическую, фольклорную традиции [12], [13], [14], [15] вследствие активного использования метафорических эвфемизмов в качестве медицинских терминов в китайской культуре. За тысячи лет медицинской деятельности традиционная китайская медицина сформировала такие основные ценности, как даосская концепция жизни; концепция здоровья, учитывающая как форму, так и дух; холистический и сбалансированный образ мышления; вербально-диагностическая и терапевтическая концепция доказательного лечения; этическая концепция искренности врача как целителя души и тела. На протяжении долгого времени сменяющие друг друга поколения практиков китайской медицины следовали общей классике и теории, придерживались одних и тех же правил и идей.

В целом можно говорить, что понимание терминов эвфемистической направленности в текстах ТКМ затруднено как в рамках самой китайской лингвокультуры, так и за ее пределами в переводных версиях текстов ТКМ, что создает порой курьезные случаи. Например, носителям русской культуры непонятно, почему при болезнях позвоночника и суставов специалист восточной медицины указывает на неполадки функционирования *чудесного канала почек*. Однако такое объяснение понятно любому носителю китайского языка, потому что китайское мировосприятие рассматривает энергетический *канал почек* как главную движущую силу усвоения необходимых минералов и микроэлементов, важных для функционирования опорно-двигательного аппарата.

Семантический анализ терминологии в ТКМ важен для понимания классификационных параметров обмена информацией на уровне «языка тела» и выявления проблем неоднозначной интерпретируемости семантических терминологических выражений в ТКМ с учетом лингвокультурологических воззрений, связанных с ней.

Сам учет метафорических эвфемизмов, использующихся в качестве терминов в ТКМ, может быть сгруппирован по нескольким блокам, отражающим лексико-семантические связи в рамках китайской лингвокультуры, что нашло отражение в представленном фрагменте таблицы

тематического распределения эвфемии в текстах ТКМ (табл. 1).

Таблица 1

Маркеры эвфемии в текстах ТКМ

Способы эвфемии в текстах ТКМ	Данные для текстов ТКМ	
	количество единиц	Примеры
Акцентуация логических взаимосвязей на основе причины и следствия	238	<i>Слепящий свет Луны; Поля производства киновари; период Ветра</i>
Выражение переживания эмотивных состояний	174	<i>Обитель Тайны; Море Дыхания; посленебесное состояние; чудесный канал; токсин Огня; Жар Печени</i>
Выражение дефиниций в виде сравнений	388	<i>Путь Желтого двора; Врата Дракона; Нефритовая Подушка; Желтая река; Дворец Ветра; Центральный Желтый Дворец; Цветущий Пруд</i>

На наш взгляд, эвфемизмы в ТКМ отражают теорию регуляции и доминантные критерии клинических признаков, которые отсылают к четырем основным моделям регуляции организма через системы координат таких дуальных философских понятий, как *наполненность – пустота, внешние – внутренние поражения, инь – ян и холод – жар*. Подход к телу в ТКМ носит сугубо прагматический характер, базируясь на соразмерной функциональности систем и органов, их включенности в работу всего организма, подчеркивая необходимость изучения «языка тела» в междисциплинарном ключе [16].

«Язык тела» в ТКМ использует метафоры и эвфемизмы, характерные для описания табуированных тем [17], [18]. Так, низ живота традиционно видится сакральным в любой языковой картине мира, и китайский язык не является исключением. В китайском мироощущении именно низ живота обеспечивает долголетие и / или бессмертие, поэтому значимость этой части тела подчеркивается через использование такого эвфемизма, как *Центральный Желтый дворец*, что указывает на приоритет систем, расположенных в брюшной полости, в обеспечении долголетия организма.

При этом акцентуация внимания идет за счет использования определений *центральный* и *желтый*, поскольку прилагательное *центральный* указывает на главенствующее значение органов малого таза для репродуктивных и жизненных сил тела, а колоронимная характеристика *желтый* отсылает нас к пониманию императорской власти в Древнем Китае с приращением дополнительной ассоциативной «ауры» значений. Не случайно исследователь У Пейхуа указывает на эту колоронимную метафоричность желтого цвета в китайской лингвокультуре [19]. В то же время в татарском мировосприятии желтый цвет также связан с архетипно-протокатегориальным толкованием символа солнца, а следовательно, и сытости, и благоденствия [20]. Вместе с тем имплицитность колоронимной номинации в терминологии ТКМ, которая понятна носителям китайской культуры, вступает в когнитивный диссонанс при восприятии текста носителем русской лингвокультуры [21] с активацией эмотикемы негативизации и для носителей татарского языка вследствие русско-татарского билингвизма (типа: *желтый дом* – как обозначение психбольниц и психоневрологических диспансеров; *желтый билет* (до революции) – документ, заменяющий паспорт для проститутки в царское время) [22], [23].

В сакральной лингвосемиотике тела *Центральный Императорский дворец* символизирует собой табуированный низ живота, но сам *император* находится за пределами *Дворца*, поскольку в ТКМ под *императором* здоровья подразумевается *сердце* [24]. Считается, что любой сбой в «настроении» императора (сердца) отражается на его «общении» со всем «государством» (телом), влияя на всех его «подданных» (системы и органы), что проявляется в виде нарушений «коммуникации» между всеми членами «империи» (тела). При этом под коммуникацией подразумеваются *изменение сердечного пульса, изменение качеств внешнего кожного покрова, нарушения работы желудка* и т. п. [25]. Все эти эвфемистические понятия выстраиваются в большую мета-мультиграфовую систему, мультиграфы которой «распаковываются» при погружении в более глубокие уровни системы, позволяя обнаружить взаимосвязь между метафорическим обозначением деятельности той или иной системы организма с вариантами интерпретации вербального смысла с последующей декодировкой инструментами тела как поликодового коммуникатора внутреннего и внешнего миров: *тело (государство) – триггерные зоны (врата) – системы органов (дворцы) – сердце (император) – печень (полководец)* и т. д.

Вместе с тем при составлении травяных микстур специалист ТКМ также опирается на понимание иерархии трав по степени воздействия на живой организм, подобно тому, как государство влияет на человека. В связи с этим описание рецепта отвара передается через понимание структуры власти в обществе: 1) *Правитель*; 2) *кабинет министров*; 3) *палата помощников*; 4) *группа посланников*. Для решения основной проблемы осуществляется подбор травы, выполняющей роль *Правителя*.

Однако в отличие от реальной властной структуры в обществе рецепт может включать в себя нескольких *Правителей*. *Трава-Министр* выбирается из состава *кабинета министров*, дополняя действие *травы-Правителя* для лечения конкретной болезни. Например, высокая температура всегда сопровождается обезвоживанием

организма. В этом случае рецептура будет содержать траву, снижающую температуру, в качестве *Правителя*, а в дополнение будет применяться трава, восполняющая потерянную влагу, в качестве *Министра*. Свой роли выполняют травы, обозначаемые как *помощники* и *посланники*. Следует отметить, что эти обозначения являются актуальными и по сей день для ТКМ.

Мультиграфовая архитектура показывает, каким образом соединены блоки понятий между собой в когнитивной системе человека, что позволяет смоделировать работу систем искусственного интеллекта в понимании больших языковых моделей. Верхний уровень архитектуры терминологического эвфемизма *Врата Жизни* содержит в себе указания как на общечеловеческие, так и на этнокультурные, конфессионально-мировоззренческие характеристики (рис.1).

Рис.1. Верхнеуровневая архитектура терминологического эвфемизма *Врата Жизни*

Несмотря на четкость локализации самой точки *Врата Жизни* на теле (область поясницы, место расположения почек, напротив пупка), метафора указывает на значимость этого триггера для нормального функционирования организма. Вместе с тем анатомически эта зона иглоукалывания обозначает «точку сборки» мышц, нервно-мышечных окончаний, соединительной ткани, сухожилий всего организма, а также всех систем

внутренних органов, находящихся в нижней части тела (брюшной полости и малом тазу) [1].

Эта совокупность обозначений характеристик тела составляет блок физических признаков витальности организма, который раскрывается в дополнительной метаграфовой системе параметризации [26]. Наблюдения за нормальным функционированием живого организма привели к созданию классификаций важных признаков, ха-

рактизирующих хорошее здоровье, что стало обоснованием для формирования философии понимания жизни как надсубъектного феномена, что ярко прослеживается в языковом сознании каждого народа [27]. Вместе с тем обозначение места как *Врата Жизни* имплицитно указывает на эту точку как маркера здоровья тела, выступающего в виде целостной, сложноорганизованной биодинамической системы. Соответственно, чувство физического дискомфорта носит характер коммуникативного маркера, указывающего на наличие нарушений в теле.

Исходя из этого, работа всего живого организма отсылает нас к древним мифологемам, извлеченным из преданий и легенд, в которых описывается некий таинственный мир, где люди, природа, боги и духи зависят друг от друга, но при этом находятся в постоянном общении друг с другом (*Верхние Врата Бессмертия; Врата Жизни; Преднебесное состояние; Дыхание Демона; Озеро Тайны*) [25]. Благодаря такому подходу к интерпретации «языка тела», мы можем прочувствовать специфику коммуникации между представителями разных миров (боги, человек, демоны, животные, растения, земля – звезды, люди, подземный мир и пр.) посредством использования красочных образов прошлого, выступающих в роли этнокультурных триггеров. Кроме того, это дает возможность понять витальность метафорического восприятия реалий не только в древности, но и в современном китайском социуме, что может быть отражено путем создания онтологий соответствия мифологических образов с конкретными системами человеческого организма.

Эвфемистический термин ТКМ опирается на мифологему как составной элемент мифологического сюжета в китайской мифопоэтике, поэтому образы ТКМ соотносятся с единицами мифологической китайской системы, выступая в виде специфической репрезентации мифа. Атрибуция вербально-телесного триггера в системе коммуникативных координат «человек – тело» обобщенно отражает действительность в виде чувственно-конкретных ассоциаций, которые появляются в человеческом сознании. Например, сложный комплекс регуляторных систем, находящихся в головном мозге, трактуется в китайской философской традиции как *Открытый Хрустальный дворец*, который включает важнейшие органы нейрогуморальной системы (шишковидную железу, таламус, гипоталамус и гипофиз) [28]. При этом китайская лингвокультура использует выражение *Он имеет проблемы с мозгом* вместо понятия «глупость», акцентируя внимание, прежде всего, на специфике мыслительной деятель-

ности, что отличается от позиционирования в русском и или татарском языках. Как указывает Ма Цин [29], в русской лингвокультуре образ глупого человека и / или дурака воспринимается более положительно, чем в китайском обществе, и поэтому использование репрезентантов концепта *глупость* является сильным оскорблением в китайском языке, в связи с чем само понятие табуируется. В русском социуме считается, что глупое поведение может быть оправдано особенностями возраста, в то же время в китайском обществе само понятие «глупость» образует особую группу фразеологизмов (чэньюй), в состав которой включено восемь иероглифов, закрепленных конкретными историческими фактами в китайской культуре.

Древнекитайские врачи, придерживавшиеся искусства врачевания, были нацелены на медитацию, культивирование бессмертия, оздоровление и омоложение организма, поэтому считалось, что они обладают сверхъестественными способностями, благодаря чему в китайском фольклоре выделяются тексты, которые отражают так называемое искусство врачевания через трансляцию *Дао бессмертия*. Вместе с тем запрет на использование прямых обозначений частей тела, проблем со здоровьем и способов лечения привел к созданию развернутого метафорического пространства человеческого организма как некоего иносказательного текста в координатах борьбы *Добра и Зла, Жизни и Смерти, Блезни и Здоровья*.

Само понятие боль является одним из ключевых мультидисциплинарных понятий (сравни: боль – болезнь, боль – больной) в психофизиологии тела, в медицине, народной культуре и языке [30], [31], [32], что позволило современным специалистам трактовать боль с позиций восприятия эмоций, нейрогуморальной активности и нервно-мышечного напряжения [33], [34]. Такой подход сближает понимание реакций тела в ТКМ с последними достижениями в исследованиях эмоций с другими параметрами вербально-невербальной коммуникации по Х. Лёвхейму [35]. При этом интерпретация ключевого понятия *боль* с точки зрения этнолингвокультурного анализа позволяет определить национально-культурную специфику языка ТКМ и китайского мироощущения [36], поскольку ТКМ определяет эмоции как главный источник телесного здоровья, в связи с чем эмотивность и сенситивность человеческой натуры являются провокативными факторами для нарушения психофизиологического баланса в теле. Так, с точки зрения китайского мировосприятия чувство боли сопряжено с состоянием организма, переживающего прони-

зывающий холод внутри тела. В «Трактате Желтого императора о внутреннем» [24], [25] акцентируется внимание на переживании чувства холода внутри тела – маркера разнообразной боли в костях и мышцах, что метафорически передается такими выражениями, как *вымораживающая боль, изнуряющая боль, пронзительная боль, жгучая боль, колющая боль, ноющая боль, тупая боль, легкая боль, свербящая боль, «плавающая» боль, локализованная / нелокализованная боль, адская боль, безумная боль* и т. д. Всего нами выделено более 130 метафорических характеристик боли, которые зафиксировали оценку переживания боли по степени интенсивности, продолжительности, характеру, способу и месту проявления и т. п. Понятие боли трактуется в ТКМ как присутствие некоего блокирующего дисбаланса между энергией *ци* и потоком крови, который лишает человека жизненных сил и энергии [7], [27], [28], [33]. Системная акцентуация на переживании отрицательных эмоций имплицитно сообщает о разбалансировке психофизиологических процессов с формированием разнообразных патологических болезненных состояний, что отсылает к пониманию протосхем в архетипическом ядре китайской культуры, обнаруживающих иной подход к категоризации понятий мироустройства макрокосма и микрокосма, что транслируется посредством иероглифического письма как глубинной лингвосомиотической системы на основе метафорики.

Известно, что метафора является отличительной чертой человеческого мышления в его языковом выражении. Кроме того, сама концептуальная система, на которой основаны мышление и язык, также построена на метафоре. Анализ текстов ТКМ показывает, что в процессе восприятия и переживания реального мира люди развивают ментальные представления (правила, концепции, образы и аналогии) наряду со способностью к анализу, суждению и рассуждению. Присущий ТКМ процесс объяснений в виде аналогового рассуждения также ярко характеризует метафоричность мышления, свойственного традиционным лингвокультурам [32], [37]. Понятийные схемы и существующие концепции ТКМ используются для объяснения или понимания трудно вербализируемых процессов организма с целью опосредованного познания.

Метафорические терминологические эвфемизмы, которые используются в ТКМ, относятся к метафорам с когнитивными характеристиками концептуального типа, связывая вместе концептуальные домены для обозначения сложных понятий, относящихся к тематическому полю абстракции [38]. Таким образом, «язык тела» в тек-

стах ТКМ представляет собой яркий пример метафорической эвфемии, помогающей понять табуированный мир проблем человеческого тела в китайской языковой картине мира.

Уникальная медико-теоретическая система декодирования «языка тела», представленная в текстах ТКМ, формировалась и развивалась постепенно в ходе тысячелетней практики лечения и наблюдений за ним на основе древних идей простого материализма и спонтанной диалектики.

Список источников

1. Табеева Д.М. Руководство по иглорефлексотерапии. Москва: МЕДпресс-информ, 2018. 751 с.
2. Тычинских З. А., Зиннатуллина Г. И. Элементы шаманизма в народной медицине сибирских татар // Genesis: исторические исследования. 2022. № 12. С. 51–61. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39304 (дата обращения: 30.03.2024)
3. Naghizadeh A., Hamzeheian D., Akbari S., Rezaeizadeh H., Alizadeh Vaghasloo, M., Mirzaie M., Karimi M., Jafari M. Revisiting Temperaments with a Fine-Tuned Categorization Using Iranian Traditional Medicine General Ontology// Preprints. 2019, electronic journal. URL: <https://doi.org/10.20944/preprints201911.0024.v1> (дата обращения: 18.10.2023).
4. Long, H., Zhu, Y., Jia, L., Bo Gao, Jing Liu, Heinrich Herre. An ontological framework for the formalization, organization and usage of TCM-Knowledge// BMC Medical Informatics and Decision Making, 2019, № 19 (Suppl 2), article 53, electronic journal. URL: <https://doi.org/10.1186/s12911-019-0760-9> (дата обращения: 23.03.2024).
5. Tingyu Fang, Shenglou Ni, Yanping Wang, Xiaoli Li, Liangxiao Ma, Ochs Shelley. Proposal of translation of commonly-used acupuncture and moxibustion terminology by Beijing University of Chinese Medicine// Journal of Traditional Chinese Medical Sciences, 2023. №10 (2). Pp. 127–128. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jtcms>. (дата обращения: 03.03.23)
6. Фэн, В., Перфильев, А. К., Ху, П. Перевод медицинских терминов на китайский язык// Litera. 2023. № 12. С. 306–314.
7. Карабулатова И. С., Ко Ч., Сунь Ц., Иванова-Якушко М. М. Метафорическая эвфемизация нейропсихофизиологической коммуникации в терминологии традиционной китайской медицины // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 33–51.
8. Zhu, W., He, X., Cheng, K., Zhu W., He X., Cheng K., Zhang L., Chen D., Wang X., Qiu G., Cao X., Weng X. Ankylosing spondylitis: etiology, pathogenesis, and treatments// Bone Research. 2019. №7 (22), electronic journal. URL: <https://doi.org/10.1038/s41413-019-0057-8> (дата обращения: 03.03.23)
9. Чистякова А. Н. «Феникс» в мифологизированных описаниях (по материалам мифов и сказок Китая) // Вестник Новосибирского государственного

университета. Серия: История, филология. 2007. №6 (3). С.179–188.

10. Моран Ж. С. *де*. Китайская акупунктура. Классифицированная и уточнённая китайская традиция. М.: Профит Стайл, 2005. 536 с.

11. Тютюнник В. М., Биркин А. А., Гуцин Ю. Г. Основы лингвистической психофизиологии. Тамбов: Нобелистика, 2016. 191 с.

12. Поповкина Г. С. Традиционная китайская медицина в контексте пандемии Covid-19 в русскоязычных СМИ и научных публикациях // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 76–86.

13. Позднеева Л. Д. К проблеме источниковедческого анализа древнекитайских философских трактатов // История китайской литературы: собрание трудов. Москва: Восточная лит., 2011. С. 13–28.

14. Ван Хайянь, Кузьменко Г. Н. Проблема научного статуса традиционной китайской медицины в КНР // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2023. №1 (45). С. 68–78.

15. Nichols R. Understanding East Asian holistic cognitive style and its cultural evolution: a multidisciplinary case study of Traditional Chinese Medicine // *Journal of Cultural Cognitive Science*. 2021. № 5. Pp. 17–36.

16. Zhang L., Karabulatova I., Nurmukhametov A., Lagutkina M. Association Strategies of Speech Behavior of Communicators in Coding Discourse: An Interdisciplinary Approach Towards Understanding the Role of Cognitive and Linguistic Processes in Communication // *Journal Psycholinguistic Research*. 2023. Pp. 1–11. URL: <https://doi.org/10.1007/s10936-023-09966-z> (дата обращения: 10.10.2023)

17. Арсентьева Ю. С. Сигнификативно-денотативный компонент значения фразеологизмов-эвфемизмов английского и русского языков // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2012. № 1 (27). С. 5–9.

18. Лагуткина М. Д., Карабулатова И. С. Эвфемизмы в современном манипулятивном дискурсе СМИ // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 4 (44). С. 454–463.

19. У Пейхуа. Семантика цветообозначения ЖЕЛТЫЙ в китайской и русской лингвокультурах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. №3. С. 729–746.

20. Василова А. Ш. Семантика цветообозначения сары («желтый») в татарской поэзии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн.5. С.1300–1307.

21. Bulegenova I. B., Karabulatova I. S., Kenzhetayeva G. K., Beysembaeva G. Z., & Shakaman Y. B. Negativizing emotive coloronyms: A Kazakhstan-US Ethno-Psycholinguistic comparison // *Amazonia Investiga*. 2023. № 12(67). Pp. 265–282.

22. Замалетдинов Р. Р., Файзуллина Г. Ч. Языковой образ интеллектуально полноценного / неполноценного человека в сибирских диалектах татарского языка // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 7. С. 165–169.

23. Karabulatova I. S., Anumyan K. S., Korovina S. G. & Krivenko G. A. Emotiveme SURPRISE in the News Discourse of Russia, Armenia, Kazakhstan and China // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2023. № 14(3). Pp. 818–840.

24. Трактат Желтого императора о внутреннем / под редакцией Яо Чуньпэна; перевод с китайского Б. Б. Виноградского. Т. 1: Вопросы о простейшем. Москва: Шанс, 2022. 489 с.

25. Трактат Желтого императора о внутреннем / под редакцией Яо Чуньпэна; перевод с китайского Б. Б. Виноградского. Т. 2: Ось духа. Москва: Шанс, 2022. 330 с.

26. Garanyuk Yu.E., Terekhov V.I., Ivlev V. Y., Kaganov Yu. T., Karabulatova I.S., Oseledchik M.B., Semenov D. V. Principles of Creating Hybrid Intelligent Information Systems Based on the Granular-Metagraph Approach // *Biologically Inspired Cognitive Architectures 2023 Proceedings of the 14th Annual Meeting of the BICA Society*, ed. Alexei V. Samsonovich, Tingting Liu in *Studies in Computational Intelligence*, vol. 1130, Cham, Switzerland: Springer Nature, 2024. Pp. 356–366. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-50381-8_37 (дата обращения: 10.10.24)

27. Замалетдинов Р.Р., Замалетдинова Г.Ф. О роли пословиц в исследовании национально-культурных особенностей языкового сознания // Филология и культура (Вестник ТГПУ). 2010. № 2 (20). С. 73–78.

28. Цзя М., Чиа М., Саксер Д. Эмоциональное здоровье: трансформация отрицательных эмоций в жизненную силу: руководство на каждый день; пер. с англ. Н. Гончаровой. Москва: София, 2016. 221 с.

29. Ма Цин. Фразеологические и паремические репрезентанты концепта «глупость» в русском языке на фоне китайского // Русистика. 2014. № 3. С. 53–57.

30. Балязин В. А. Боль – мультидисциплинарная проблема медицины // Главврач Юга России. 2018. № 2 (60). С. 4–6.

31. Романов, А. А., Сорокин, Ю. А. Вербо - и психосоматика: две карты человеческого тела. Москва - Тверь: Агросфера, 2008. 171 с.

32. Живая традиция заговора Сибири: сакрально-ритуальный дискурс знахарской практики / под ред. Карабулатовой И. С. Тюмень: Экспресс, 2005. 366 с

33. Панов Г. А., Татаринцева Р. Я., Татаринцева Г. Ю. Представление об эмоциях в традиционной китайской медицине и их современная интерпретация // *Современные научные исследования и инновации (электронный журнал)*. 2012. № 11 URL: <https://web.snauka.ru/issues/2012/11/18349> (дата обращения: 16.11.2018).

34. Мельникова С.А. Мотивационная и генетическая характеристика лексико-семантического поля «Сила, здоровье / слабость, болезнь» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Москва, 2012. 24 с.

35. Lövhelm, H. A new three-dimensional model for emotions and monoamine neurotransmitters // *Medical hypotheses*. 2012. №78 (2). Pp. 341–348.

36. Пушкарская Н. В. Традиционная медицина как пример китайской эпистемической культуры // Идеи и идеалы. 2022. №1. Т. 14. Ч.1. С.50–67.

37. Ван Тяньцзяо. Модели концептуальных метафор в языковом воплощении этических концептов «добро» и «зло» в русской фразеологии и паремиологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Нижний Новгород, 2021. 26 с.

38. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Москва: УРСС, 2004 (ООО РОХОС). 252 с.

References

1. Tabeeva, D. M. (2018). *Rukovodstvo po iglorefleksoterapii* [A Guide to Acupuncture]. Moscow, 751 p. MEDpress-inform. (In Russian)
2. Tychinskikh, Z. A., Zinnatullina, G. I. (2022). *Elementy shamanizma v narodnoi meditsine sibirskikh tatar* [Elements of Shamanism in Folk Medicine of the Siberian Tatars]. Genesis: istoricheskie issledovaniya. No. 12, pp. 51–61. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39304 (accessed: 30.03.2024). (In Russian)
3. Naghizadeh, A., Hamzeheian, D., Akbari, S., Rezaeizadeh, H., Alizadeh Vaghasloo, M., Mirzaie, M., Karimi, M., Jafari, M. (2019). *Revisiting Temperaments with a Fine-Tuned Categorization Using Iranian Traditional Medicine General Ontology. Preprints*. Electronic journal. URL: <https://doi.org/10.20944/preprints201911.0024.v1> (accessed 18.10.2023). (In English)
4. Long, H., Zhu, Y., Jia, L., Bo Gao, Jing Liu, Heinrich Herre. (2019). *An Ontological Framework for the Formalization, Organization and Usage of TCM-Knowledge*. BMC Medical Informatics and Decision Making. No. 19 (Suppl 2), article 53, electronic journal. URL: <https://doi.org/10.1186/s12911-019-0760-9> (accessed 23.03.2024). (In English)
5. Tingyu Fang, Shenglou Ni, Yanping Wang, Xiaoli Li, Liangxiao Ma, Ochs Shelley (2023). *Proposal of Translation of Commonly-Used Acupuncture and Moxibustion Terminology by Beijing University of Chinese Medicine*. Journal of Traditional Chinese Medical Sciences. No. 10 (2), pp. 127–128. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jtcms> (accessed: 03.03.23). (In English)
6. Feng, W., Perfiliev, A. K., Hu, P. (2023). *Perevod meditsinskikh terminov na kitaiskii yazyk* [Translation of medical terms into Chinese]. Litera. No. 12, pp. 306–314. (In Russian)
7. Karabulatova, I. S., Kuo, Ch., Sun, Q., Ivanova-Yakushko, M. M. (2024). *Metaforicheskaya evfemizatsiya neiropsikhoфизиологической коммуникации в терминологии традиционной китайской медицины* [Metaphorical Euphemization of Neuropsychophysiological Communication in the Terminology of Traditional Chinese Medicine]. Voprosy sovremennoi lingvistiki = Issues of modern linguistics. No. 1, pp. 33–51. (In Russian)
8. Zhu W., He X., Cheng K., Zhang L., Chen D., Wang X., Qiu G., Cao X., Weng X. (2019). *Ankylosing spondylitis: etiology, pathogenesis, and treatments*. Bone Research. No. 7 (22). Electronic journal. URL:

<https://doi.org/10.1038/s41413-019-0057-8> (accessed: 03.03.23) (In English)

9. Chistyakova, A. N. (2007). *“Feniks” v mifologizirovannykh opisaniakh (po materialam mifov i skazok Kitaia)* [“Phoenix” in Mythologized Descriptions (based on the myths and fairy tales of China)]. Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology. No. 6 (3), pp. 179–188. (In Russian)

10. Moran, Zh. S. de. (2005). *Kitaiskaya akupunktura. Klassifitsirovannaya i utochnyonnaya kitaiskaya traditsiya* [Chinese Acupuncture. Classified and Refined Chinese Tradition]. 536 p. Moscow, Profit Stajl. (In Russian)

11. Tyutyunnik, V. M., Birkin, A. A., Gushchin, Yu. G. (2016). *Osnovy lingvisticheskoi psikhofiziologii* [Fundamentals of Linguistic Psychophysiology]. 191 p. Tambov, Nobelstika. (In Russian)

12. Popovkina, G. S. (2022). *Traditsionnaya kitaiskaya meditsina v kontekste pandemii Covid-19 v russkoazychnykh SMI i nauchnykh publikatsiyakh* [Traditional Chinese Medicine in the Context of the Covid-19 Pandemic in Russian-language Media and Scientific Publications]. Izvestiya Vostochnogo instituta. No. 4, pp. 76–86. (In Russian)

13. Pozdneeva, L. D. (2011). *K probleme istochnikovedcheskogo analiza drevnekitaiskikh filosofskikh traktatov* [On the Problem of Source Analysis of Ancient Chinese Philosophical Treatises]. Istoriya kitaiskoi literatury: sobranie trudov. Moscow, Vostochnaya literatura, Pp. 13–28. (In Russian)

14. Wang Haiyan, Kuzmenko, G. N. (2023). *Problema nauchnogo statusa tratsionnoi kitaiskoi meditsiny v Kitae* [The Problem of the Scientific Status of Traditional Chinese Medicine in China]. Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences. No. 1 (45), pp. 68–78. (In Russian)

15. Nichols, R. (2021). *Understanding East Asian holistic cognitive style and its cultural evolution: a multidisciplinary case study of Traditional Chinese Medicine*. Journal of Cultural Cognitive Science. No. 5, pp. 17–36. (In English)

16. Zhang, L., Karabulatova, I., Nurmukhametov, A., Lagutkina M. (2023). *Association Strategies of Speech Behavior of Communicators in Coding Discourse: An Interdisciplinary Approach Towards Understanding the Role of Cognitive and Linguistic Processes in Communication*. Journal Psycholinguistic Research. Pp. 1–11. <https://doi.org/10.1007/s10936-023-09966-z> (accessed 10.10.2023). (In English)

17. Arsentieva, Yu. S. (2012). *Signifikativno-denotativny component znachenya frazeologizmov-evfemizmov angliiskogo i russkogo yazykov* [Significative-Denotative Component of Meaning of English and Russian Phraseological Euphemisms]. Philology and Culture. No. 1 (27), pp. 5–9. (In Russian)

18. Lagutkina, M. D., Karabulatova, I. S. (2021). *Evfemizmy v sovremennom manipulativnom diskurse SMI* [Euphemisms in the Modern Manipulative Discourse of the Media]. Bulletin of the Mari State University. Vol. 15. No. 4 (44), pp. 454–463. (In Russian)

19. Wu Peihua (2018). *Semantika tsvetooboznacheiia ZHELTY v kitaiskoi i russkoi lingvokulturakh* [Semantics of the Color Designation YELLOW in Chinese and Russian linguocultures]. Vestnik Rossiiskogo un-ta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. Tom 9. No. 3, pp. 729–746. (In Russian)
20. Vasilova, A. Sh. (2016). *Semantika tsvetooboznachenia sary ("zheltyi") v tatarskoi poezii* [The Semantics of the Color Designation of Sarah ("Yellow") in Tatar Poetry]. Uchyonye zapiski Kazanskogo un-ta. Seriya: Gumanitarnye nauki. Tom 158. Kniga 5, pp. 1300–1307. (In Russian)
21. Bulegenova, I. B., Karabulatoval, I. S., Kenzhetaeva, G. K., Beysembaeva, G. Z., & Shakaman, Y. B. (2023). *Negativizing Emotive Coloronyms: A Kazakhstan-US Ethno-Psycholinguistic Comparison*. Amazonia Investiga. No. 12(67), pp. 265–282. (In English)
22. Zamaletdinov, R. R., Faizullina, G. Ch. (2016). *Yazykovoi obraz intellektual'no polnotsennogo/nepolnotsennogo cheloveka v sibirskikh dialektakh tatarskogo yazyka* [The Linguistic Image of an Intellectually Complete / Incomplete Person in the Siberian Dialects of the Tatar Language]. Vestnik Chelyabinskogo gos.ped.un-ta. No. 7, pp. 165–169. (In Russian)
23. Karabulatoval, I. S., Anumyan, K. S., Korovina, S. G. & Krivenko, G. A. (2023). *Emoticeme SURPRISE in the News Discourse of Russia, Armenia, Kazakhstan and China*. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. No. 14(3), pp. 818–840. (In English)
24. *Traktat Zheltogo imperatora o vnutrennem* (2022) [The Yellow Emperor's Treatise on the Inner]. Red. Yao Chunpeng; per. s kitaiskogo B. B. Vinogradskogo. Tom 1. 489 p. Moscow, Shans. (In Russian)
25. *Traktat Zheltogo imperatora o vnutrennem* (2022) [The Yellow Emperor's Treatise on the Inner]. Edited by Yao Chunpeng; per. s kitaiskogo B. B. Vinogradskogo. Tom 2. 330 p. Moscow, Shans. (In Russian)
26. Gapanyuk, Yu. E., Terekhov, V. I., Ivlev, V. Y., Kaganov, Yu. T., Karabulatoval, I. S., Oseledchik, M. B., Semenov, D. V. (2024). *Principles of Creating Hybrid Intelligent Information Systems Based on the Granular-Metagraph Approach*. Biologically Inspired Cognitive Architectures 2023 Proceedings of the 14th Annual Meeting of the BICA Society, ed. Alexei V. Samsonovich, Tingting Liu in Studies in Computational Intelligence, Vol. 1130, pp. 356–366. Cham, Switzerland, Springer Nature, https://doi.org/10.1007/978-3-031-50381-8_37. (In English)
27. Zamaletdinov, R. R., Zamaletdinova, G. F. (2010). *O roli poslovits v issledovanii natsional'no-kul'turnykh osobennostei yazykovogo soznanya* [On the Role of Proverbs in the Study of National and Cultural Characteristics of Linguistic Consciousness]. Philology and Culture (Vestnik Tatarskogo Gosudarstvennogo Gumanitarno-Pedagogicheskogo Universiteta). No. 2 (20), pp. 73–78. (In Russian)
28. Jia, M., Chia, M., Sakser, D. (2016). *Emotsional'noe zdorov'ye: transformatsiya negativnykh emotsii v zhiznennuiu silu: rukovodstvo na kazhdyi den'* [Emotional Health: Transformation of Negative Emotions into Vitality: A Guide for Every Day]. Per. s angliiskogo N. Goncharova. 221 p. Moscow, Sofia. (In Russian)
29. Ma Qing (2014). *Frazeologicheskie i paremicheskie reprezentaty kontsepta "glupost'" v russkom yazyke na fone kitaiskogo* [Phraseological and Paremiological Representations of the Concept of "Stupidity" in the Russian Language against the Background of Chinese]. Rusistika. No. 3, pp. 53–57. (In Russian)
30. Balyazin, V. A. (2018). *Bol' – mul'tidistsiplinarnaya problema meditsiny* [Pain is a Multidisciplinary Medical Problem]. Glavvrach Yuga Rossii = Chief Physician of the South of Russia. No. 2 (60), pp. 4–6. (In Russian)
31. Romanov, A. A., Sorokin, Yu. A. (2008). *Verbo- i psikhosomatika: dve karty cheloveskogo tela* [Verbo- and Psychosomatics: Two Maps of the Human Body]. 171 p. Moscow – Tver'; Agrosphera. (In Russian)
32. *Zhivaya traditsia zagovora Sibiri: sakral'no-ritual'nyi diskurs znakharskoi praktiki* (2005) [The Living Tradition of Siberian Spells: The Sacred and Ritual Discourse of Witch-Doctors' Practices]. Pod red. I. S. Karabulatoval. 366 p. Tyumen, Express. (In Russian)
33. Panov, G. A., Tatarintseva, R. Ya., Tatarintseva, G. Yu. (2012). *Predstavlenie ob emotsiakh v traditsionnoi kitaiskoi meditsine i ikh sovremennaya interpretatsiya* [The Idea of Emotions in Traditional Chinese Medicine and Their Modern Interpretation]. Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii (electronic journal). No. 11 URL: <https://web.snauka.ru/issues/2012/11/18349> (accessed 16.11.2018). (In Russian)
34. Mel'nikova, A. A. (2012). *Motivatsionnaya i geneticheskaya kharakteristika leksiko-semanticheskogo polia "Sila, zdorov'ye/ slabost', bolezni"* v russkom yazyke: avtoreferat diss. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01 [Motivational and Genetic Characteristics of the Lexical and Semantic Field "Strength, Health / Weakness, Disease" in the Russian Language: Ph.D. Abstract]. Moscow, Lomonosov MSU, 24 p. (In Russian)
35. Lövhelm, H. (2012). *A New Three-Dimensional Model for Emotions and Monoamine Neurotransmitters*. Medical hypotheses. No. 78 (2), pp. 341–348. (In English)
36. Pushkarskaya, N. V. (2022). *Traditsionnaya meditsina kak primer kitaiskoi epistemicheskoi kul'tury* [Traditional Medicine as an Example of Chinese Epistemic Culture]. Idei i idealy = Ideas and Ideals. No. 1. Tom 14 (1), pp. 50–67. (In Russian)
37. Wang, Tianjiao. (2021). *Modeli kontseptual'nykh metafor v yazykovom voploshchenii eticheskikh kontseptov "dobro" i "zlo" v russkoi frazeologii i paremiologii: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk* [Models of Conceptual Metaphors in the Linguistic Embodiment of the Ethical Concepts of "Good" and "Evil" in Russian Phraseology and Paremiology: Ph.D. Abstract]. Nizhny Novgorod, 26 p. (In Russian)

38. Lakoff, J., Johnson, M. (2004). *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors by Which We Live]. Per. s angl. A. N. Baranova i A. V. Morozovoi; pod red. i s

predisl. A. N. Baranova. Moscow, URSS (LLC ROXAS). 252 p. (In Russian)

The article was submitted on 26.03.2024

Поступила в редакцию 26.03.2024

Карабулатова Ирина Советовна,
доктор филологических наук,
профессор,
ведущий научный сотрудник лаборатории
«Семантический анализ и машинное
обучение» Института перспективных
исследований проблем искусственного
интеллекта и интеллектуальных систем
МГУ им. М. В. Ломоносова,
119992, Россия, Москва,
Ломоносовский проспект, 27, корпус 1, помещение Г-602;
руководитель Научно-исследовательского
центра цифровых гуманитарных технологий
Хэйлунцзянского университета,
150080, Китайская Народная Республика, Харбин,
район Наньган,
Сюэфулу, 74, корпус 1, зона «А»;
профессор кафедры иностранных языков
филологического факультета РУДН
им. П. Лумумбы,
117198, Россия, Москва,
Миклухо-Маклая, 10;
профессор кафедры «Автоматические
системы управления-5» МГТУ
им. Н. Э. Баумана,
105005, Россия, Москва,
Вторая Бауманская, 5.
radogost2000@mail.ru

Сунь Цюхуа,
доктор филологических наук,
профессор,
проректор по международному
сотрудничеству,
Хэйлунцзянский университет Харбин, Китай,
150080, Китайская Народная Республика, Харбин,
район Наньган,
Сюэфулу, 74, корпус 1, зона «А».
sunqihua15@163.com

Сунь Чао,
доктор филологических наук,
профессор,
директор Института русского языка,
Хэйлунцзянский университет Харбин, Китай,

Karabulatova Irina Sovetovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Leading Researcher of the Laboratory “Seman-
tic Analysis and Machine Learning” of the Insti-
tute for Advanced Studies of Artificial Intelli-
gence and Intelligent Systems of Lomonosov
Moscow State University,

Room G-602, B. 1, 27 Lomonosov Prospect,
Moscow, 119992, Russian Federation;

Head of the Research Center for Digital
Humanities of Heilongjiang University,

Room 418, Zone “A”, B.1, 74 Xuefulu Str.,
Harbin, Nangang District, 150080, People's Republic of
China;

Professor in the Department of Foreign
Languages, the Faculty of Philology of the
RUDN-University,
10 Miklukho-Maklay Str.,
Moscow, 117198, Russian Federation;
Professor in the Department “Automatic Control
Systems -5”, Bauman Moscow State Technical
University,
5 Second Baumanskaya Str.,
Moscow, 105005, Russian Federation.
radogost2000@mail.ru

Sun Qiuhua,
Doctor of Philology,
Professor,
Deputy-Rector for International Cooperation,
Heilongjiang University, Harbin, China,
Room 418, Zone “A”, B.1, 74 Xuefulu Str.,
Harbin, Nangang District, 150080, People's Republic of
China.
sunqihua15@163.com

Sun Chao,
Doctor of Philology,
Professor,
Director of the Institute of Russian Language,
Heilongjiang University, Harbin, China,

150080, Китайская Народная Республика, Харбин,
район Наньган,
Сюэфулу, 74, корпус 1, зона «А».
sunqihua15@163.com

Иванова-Якушко Мария Михайловна,
Заместитель директора по учебно-
методической работе,
Академия профессиональной переподготовки
и инновационных технологий,
142603, Россия, Орехово-Зуево,
Стаханова, 28, каб.7.
yakushko-m@mail.ru

Room 418, Zone “A”, B.1, 74 Xuefulu Str.,
Harbin, Nangang District, 150080, People's Republic of
China.
sunqihua15@163.com

Ivanova-Yakushko Mariia Mikhailovna,
Deputy Director for Educational, Methodologi-
cal and Scientific Work,
Academy of Professional Retraining and Inno-
vative Technologies,
Room 7, 28 Stakhanov Str.,
Orekhovo-Zuevo, 142603, Russian Federation.
yakushko-m@mail.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *АДСКИЙ*)

© Лилия Килина, Елена Колосова

RELIGIOUS VOCABULARY AND THE FEATURES OF ITS USAGE IN THE RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON THE ADJECTIVE *АДСКИЙ* (*HELLISH*))

Liliya Kilina, Elena Kolosova

The current article analyzes the sacred vocabulary functioning in the Russian language. Based on the lexical-graphical sources and the Russian National Corpus, we examine the history of the adjective *adskii* (hellish), which demonstrates typical ways of religious vocabulary desacralization and the juxtaposition of the conceptual meanings of *sacred* and *profane*. The diachronic method of research allowed us to trace back the mentioned adjective's history; the descriptive method, with reference to the written sources first and foremost, helped with the description of this lexeme's function specifics in different periods of the Russian language development. We used the materials of explanatory dictionaries of different eras to establish the chronological borders of the word's semantic changes, such as the "Materials for a Dictionary of Ancient Russian" by Izmail Sreznevsky, the "Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th" edited by Stepan Barhudarov, the "Dictionary of the Russian Language of the 18th century" and the data from the "Dictionary of Russian Idioms" by Galina Kustova created on the basis of the Russian National Corpus. The most important stages for the desacralization of the adjective *adskii* are its usage in an uncharacteristic context, as well as the changes in its semantics caused by the similar changes in the semantics of the noun it was derived from. As a result of our research, we have come to the conclusion that the adjective *adskii* in the modern Russian language serves a pragmatic function of the evaluative intensifier, while saving its figurativeness and negative connotation.

Keywords: Russian language, sacred vocabulary, adjective, semantic, desacralization

Статья посвящена анализу функционирования в русском языке сакральной лексики. С опорой на лексикографические источники и материалы Национального корпуса русского языка рассмотрена история прилагательного *адский*, которая демонстрирует типичные пути десакрализации религиозной лексики, противопоставление концептуальных понятий *сакральное* и *профанное*. Диакронический метод исследования позволил авторам статьи проследить историю трансформации значений у данного прилагательного, описательный метод помог описать специфику функционирования этой лексемы в разные периоды развития русского языка, в первую очередь с опорой на случаи употребления лексемы в письменных источниках. Авторы статьи использовали материалы толковых словарей разных эпох, чтобы установить хронологические рамки изменения семантики слова, прежде всего это «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, «Словарь русского языка XI–XVII вв.» под редакцией С. Г. Бархударова, «Словарь русского языка XVIII века» и данные «Словаря русской идиоматики» Г. И. Кустовой, созданный на основе Национального корпуса русского языка, включающий слова со значением высокой степени. Было установлено, что противопоставление религиозного и светского значений является ключевым для языкового сознания русских, процесс десакрализации религиозной лексики имеет несколько направлений, но каждая лексема проходит свой путь трансформации значений. Так, для прилагательного *адский* важными этапами на пути десакрализации являются использование слова в нехарактерном для него контексте, а также изменения семантики самой единицы, обусловленные аналогичными изменениями в семантике производящего существительного. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что в современном русском языке прилагательное *адский* выполняет прагматическую функцию оценочного интенсификатора, при этом сохраняет образность и имеет негативную коннотацию.

Ключевые слова: русский язык, сакральная лексика, прилагательное, семантика, десакрализация

Для цитирования: Килина Л., Колосова Е. Религиозная лексика и особенности ее употребления в русском языке (на примере прилагательного *адский*) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 53–60. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-53-60

Интерес языковедов к религиозной лексике вызван несколькими причинами, в частности тем, что язык и религия, являясь двумя формами общественного сознания, тесно связаны между собой. Кроме того, изучая слова и выражения с религиозным значением, мы имеем возможность определить основные языковые тенденции, а также влияние экстралингвистических факторов на развитие языка в разные исторические эпохи. Сказанным обусловлена актуальность проведенного авторами статьи исследования истории отдельно взятой лексемы как свидетельство происходящих в языке процессов трансформации семантики слова.

Многие исследователи отмечают, что основой русской языковой и концептуальной картины мира является противостояние языческой и христианской культур, что в дальнейшем приводит к оппозиции «конкретного и абстрактного значения слов» [1, с. 1]. Ряд ученых приходит к выводу, что противопоставление конкретного и абстрактного отражения действительности в языковом сознании русских людей привело к «синкретизму семантики религиозных лексем» [Там же] и, в конечном счете, способствовало развитию у слова противоположных коннотативных значений (см. раб. Т. В. Кузьминой, О. А. Добычиной, В. В. Сайгина).

Функционирование религиозной лексики в русском языке напрямую зависит от тех процессов, которые происходили и происходят в российском обществе, например, с формированием светской культуры в эпоху Петра I, что отразилось «на литературном языке и языковых стилях» [2, с. 239]. Самые очевидные изменения произошли в эпоху советской власти, когда слова с религиозным значением табуировались, в результате чего они в итоге сместились на языковую периферию. Исследователи этого периода языкового развития обращают внимание на практически полное вытеснение значительного пласта религиозной лексики из общенародного языка во времена СССР (см. раб.: О. А. Добычиной, Го Сюеяо и др.). Актуализация сакральной лексики, по наблюдениям этих ученых, а также её возврат в активную часть словарного запаса начинается с конца XX в. [3, с. 12].

Исследование религиозной лексики может осуществляться на различных языковых уровнях, при этом в большинстве научных работ предметом изучения становится именно семантика ре-

лигиозных единиц, часто подвергающихся десакрализации, под которой обычно понимают процесс нивелирования религиозных компонентов значения в семантической структуре языковой единицы. Поскольку десакрализация – это не результат, а процесс, мы можем рассматривать данное явление как в синхронии, так и в диахронии. Диахронический анализ позволяет выявить некоторые способы десакрализации, причем граница между способом десакрализации и её причиной, а иногда и признаком, в некоторых случаях не столь явная.

В данной статье мы обращаемся к истории прилагательного *адский* и рассматриваем особенности функционирования этой лексемы в разные периоды развития русского языка, привлекаем материалы лексикографических источников, а также контекстные примеры и статистику употребления, используя Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

Обратимся к материалам исторических словарей. Существительное *ад* является заимствованием из греческого и связано с именем бога преисподней Аида [4, т. 1, с. 28]. Это слово употреблялось в старославянских текстах, как и прилагательное *адьскъ*, которое приведено в «Старославянском словаре», здесь же указаны прилагательные *адовъ*, *адовьнь*, *адовьскъ* [5, с. 66–67]. В словаре И. И. Срезневского [6, с. 7] и «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [7, с. 21] приведены те же прилагательные *адовъ* (*адъвъ*), *адовнии* (*адовный*), *адьскыи* (*адский*). Однако во всех указанных лексикографических источниках прилагательные, образованные от существительного *ад*, объясняются через него же. Другой важный момент: из всех возможных ранее производных прилагательных в русском языке сейчас активно употребляется только *адский*, тогда как *адовый*=*адский* – «чрезвычайный, чрезмерный» (*скука адовая*, *муки адовые*) является разговорным [8].

Наиболее подробное толкование прилагательного *адский* находим только в «Словаре русского языка XVIII в.»: «относящийся к аду (1); свойственный ему // из ада исходящий, адом вдохновленный» (пропасть, недра, дно, челюсти, уста; силы, духи, чудовища; боги, богини), перен. «такой как в аду (1), как из ада; злобный, коварный» (замысел, план, выдумка, дело и т. п.), «доставляющий мучения, мучительный, мучительский», «огромной силы, величины, страш-

ный, ужасный» [9]. Внутри словарной статьи приведены выражения *адский князь, правитель* – «сатана» и *адский пес, собака* – «цербер», отдельно указаны *адские врата* и *адский камень*:

«Адские врата [зѣвъ, гортань, пропасть]. Церк.-слав., Ритор. То же, что врата ада. См. Ад. Султан ... из гортани Адския, и от врат смерти возвращен, и уздравлен бысть. Кн. Сист. 963. Адской камень (ср. лат. *lapidus infernalis*). Хим. Ляпис. Крм. ДВ XII 162» [Там же].

В современных словарях лексема *адский* представлена как прилагательное к существительному *ад*, кроме того, приведены значения «такой, как в аду; ужасный, отвратительный» (дорога), «злобный, коварный» (замысел), разговорное «чрезвычайный, чрезмерный» (холод, боль, терпение) [8]. Как видим, значения прилагательного фактически не изменились, очевидно, процесс десакрализации этой единицы начался в русском языке достаточно давно, по крайней мере в текстах XVIII века мы уже наблюдаем такие изменения:

Не знаю какой адской лазутчикъ донесъ моей женѣ о новомъ моемъ союзѣ, ревность ея въ лютейшую переменялась злость. (Ф. А. Эмин. *Непостоянная fortuna или похождение Мирамонда. Ч.2 (1763)*) (здесь и далее разрядка наша – И. К., Е. К.) [10].

В этом примере прилагательное, судя по всему, употребляется в значении «злобный, коварный», ср. также:

Но оставляя жизнь, жалѣю только о тебѣ; отпусти мнѣ преступленіе того снисхожденія, которое показъ я сей адской злобѣ. (Н. Ознобишин (перевод). *Нещастной французъ, или жизнь кавалера Беликурта, описанная имъ самимъ (1764)*) [Там же].

Десакрализация прилагательного *адский* напрямую связана с тем, что в русском языке с течением времени произошло переосмысление религиозного понятия *ад*, которое в «Большом толковом словаре русского языка» (БТС) представлено следующим образом:

«1. По религиозным представлениям: место, куда попадают души умерших грешников, обречённых на вечных муки (в отличие от рая, находящегося на небесах, ад расположен под землёй). Попасть в ад. Грозить адом. *Благими намерениями дорога в ад вымощена (Посл.). 2. Обстановка, условия, пребывание в которых мучительно, невыносимо. Ад сражения. Не жизнь, а сплошной ад у кого-л. Кромешный ад (о невыносимо тягостных условиях). 3. О нравственных страданиях, душевных муках,

испытываемых кем-л. Носить в себе ад. Испытывать муки ада» [8].

Для современного русского человека актуальными являются именно последние два значения, развитие которых и повлекло за собой изменение смысловой структуры производных слов.

В БТС указаны фразеологизмы, которые, по сути, являются терминами: *адский камень* (лат. *lapis infernalis*) – «старое название азотнокислого серебра, ляписа, которое используется в медицине как противовоспалительное средство», *адская машина* (уст.) – «снаряд, снабжённый взрывателем, регулируемым часовым механизмом» [8]. Появление терминов, в составе которых есть прилагательное *адский*, свидетельствует о процессе десакрализации этой лексемы, у нее нет здесь ни смысловой нагрузки, ни яркой оценочной характеристики: «Осуществляя процесс специализации, прилагательные несут основную смысловую нагрузку, уточняют понятие, создают словосочетание видового характера, выполняют классифицирующую функцию» [11, с. 44]. Следует обратить внимание и на тот факт, что сочетание *адский камень* зафиксировано уже в «Словаре русского языка XVIII в.» (см. выше).

Прилагательное *адский* активно используется в современном русском языке, так, в основном корпусе НКРЯ (здесь и далее статистика приводится по данным на 04.07.2024) в 454 текстах XX в. представлено 692 примера употребления этого слова, наибольшее количество вхождений приходится на художественные и публицистические тексты (51,88% и 40,9% соответственно), для сравнения прилагательное *адовый* в этой же выборке встречается в 55 примерах и 45 текстах [10].

Сегодня у лингвистов есть возможность использовать «Словарь русской идиоматики», созданный на основе НКРЯ, в котором содержатся «сведения о словах со значением высокой степени и их сочетаемости» [12]. Обратим внимание, что создатель этого словаря Г. И. Кустова идиоматику понимает в широком смысле, как «сочетания и языковые выражения, которые носитель языка не конструирует по правилам семантической и грамматической сочетаемости, а запоминает и использует в готовом виде» [Там же]. В данном источнике есть только прилагательное *адский*, которое, как и другие приведенные здесь единицы, относится к словам «со значением высокой степени», то есть является интенсификатором. М. В. Сандакова под лексическими интенсификаторами понимает «класс слов и устойчивых сочетаний, выражающих значение величины, количества или степени» [13, с. 329]. Иссле-

дователь отмечает, что интенсификаторами в основном являются прилагательные и наречия и что целью их употребления может быть не только выражение градации явления, но и выделение этого явления среди прочих [14, с. 204]. Н. Д. Арутюнова по этому поводу пишет: «Там, где говорящий передает свои впечатления, такие понятия, как мера и измерение теряют свой точный смысл...» [15, с. 248].

В зависимости от характера выражения оценки М. В. Сандакова выделяет три группы интенсификаторов: безоценочные (оценочно универсальные), тяготеющие к выражению положительной или отрицательной оценки интенсифицируемого явления, оценочные. Безоценочные интенсификаторы универсальны в оценочном плане и могут также быть универсальны семантически или иметь семантически заданную сочетаемость (напр., *очень, совершенно, весьма, полностью, слишком*). Интенсификаторы, тяготеющие к выражению положительной или отрицательной оценки, сами по себе имеют нейтральное значение, но сочетаются «с названиями сущностей какого-либо одного знака» [14, с. 206], например, *весомый, несказанный, яркий* (положительно-оценочные) и *крайний, непомерный, несусветный* (отрицательно-оценочные). Значения оценочных интенсификаторов уже содержат оценку, которая обычно отражена в дефиниции слова: *катастрофический, невыносимый, мучительный* и т. д. Прилагательное *адский* М. В. Сандакова относит к оценочным интенсификаторам, возникшим в результате метафорического переноса и сохраняющим вместе с оценкой и свою образность: *адская боль, холод; ангельское терпение; божественная красота; дремучий невежда; дьявольская хитрость; чудовищная жестокость* [Там же].

Среди всех сочетаний, представленных в «Словаре русской идиоматики» (24 единицы), наиболее употребительными являются:

адская мука (158 текстов 192 примера), *адское мучение* (64 текста 79 примеров), *адская боль* (58 текстов 63 примера), *адская жара* (41 текст 41 пример), *адская сила* (37 текстов 45 примеров), *адский труд* (41 текст 42 примера), *адская злоба* (24 текста 26 примеров), *адский холод* (25 текстов 25 примеров), *адский шум* (34 текста 39 примеров) [12].

Таким образом, чаще всего прилагательное *адский* как интенсификатор используется в сочетании с существительными, обозначающими мучение или то, что его вызывает (*боль, жара, холод* и т. д.), в данном случае мы можем говорить о наличии связи с адом как с местом, где грешники испытывают вечные мучения.

Сочетание *адская сила* может употребляться в качестве обобщенного наименования потусторонних злых существ (ср. также *нечистая сила, темная сила*):

Какая-то адская сила там господствовала, какие-то враждебные духи, слетевшие на добычу и над ней разыгравшиеся, бешено мчались повсюду, сталкивались, разлетались, прыдали с колонны на колонну, прилипали к люстрам, бегали по кровле, обвившись около статуй, выскакивали в окна и боролись с людьми, которые мелькали черными тенями, пробега по яркому пламени. (В. Г. Авсеенко. 200 лет С.-Петербурга. Исторический очерк (1903)) [10].

Человек, которым помыкает жена, одурманенный ведьмами, с кровоточащей совестью. Он по трупам взбирается на трон и замыкает врата милосердия перед друзьями, их женами и детьми. Его посещают призраки, терзают угрозами адские силы. Зреет заговор, поднимается мятеж, растет всеобщая ненависть. И жить ему в тягость, и растет жалость к самому себе (О. И. Даль. Дневники. Письма. Воспоминания (1972)) [Там же].

Кроме того, *адская сила* может быть темной стороной человека, которая однажды проявляется:

Иногда человек не властен в себе; в него вселяется какая-то адская сила, на сердце падает мрак, а в глазах блещут молнии. (И. А. Гончаров. Обломов (1859)) [Там же].

Вне связи с религиозным контекстом это же сочетание используется как экспрессивное средство обозначения какого-либо разрушительного явления, имеющего, как правило, страшные последствия:

Известно, что ветер врывается в пробоину с такой адской силой, что срывает всю одежду с людей – голые трупы будут качаться на волнах. (Игорь Ефремов. Суд да дело // «Звезда», 2001) [Там же].

Индус находился с другой стороны горы, там, где проявилась вся адская сила атомного взрыва. (И. А. Ефремов. Адское пламя (1948)) [Там же].

Сочетание *адский труд* употребляется тогда, когда необходимо подчеркнуть очень большие усилия, прилагаемые человеком для достижения цели:

Когда мы учились, это был какой-то адский труд, мы скотчем клеили киноленту, голодали, чтобы купить на стипендию бобины пленки. (Вячеслав Суриков, Анна Меликян. Последний киномант // «Эксперт», 2014) [Там же].

В том-то и дело, что дилетанту, который прыгает по науке в поисках удачи, счастливый случай не даст-

ся. Нет, нет, можете даже не думать! А дастся он только тем, кто работает, не щадя себя. Случай – это награда за танталовы муки, адский труд! (В. М. Саннин. Мы – псковские» (2001)) [Там же].

В последнем примере есть также устойчивое сочетание *танталовы муки*, указывающее на связь тяжкого интенсивного труда с мучениями, которые человек при этом испытывает.

Отдельного комментария, на наш взгляд, заслуживает сочетание *адская злоба*, которое чаще используется в текстах XIX вв., чем в текстах XX в. (13 и 7 примеров соответственно), а в текстах XXI в. его практически нет (только 1 пример):

Такая ожесточенная адская злоба врагов его и особенно последнее доказательство этой злобы оледенили сердце Голядкина. (Ф. М. Достоевский. Двойник (1846)) [Там же];

Но если они с адской злобой соединяют и адское бескорытие и ежели при этом свою адскую ограниченность возводят на степень адского убеждения – тогда это уже совершенные исчадия сатаны. (М. Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо (1878-1879)) [Там же].

Сочетание *адская злоба* является своего рода плеоназмом, так как существительное *злоба* обозначает чувство вражды, ненависти по отношению к кому-либо или чему-либо и само по себе указывает на сильную степень проявления негативного отношения. В то же время второй пример явно иллюстрирует религиозное мировоззрение, *адская злоба* здесь – то, что делает человека приверженцем темных сил, дьявола.

Интересно, что в приведенном выше списке из «Словаря русской идиоматики» нет сочетания *адская машина*, хотя в самом корпусе примеры его употребления, безусловно, есть. Так, если воспользоваться функцией поиска коллокатов применительно к подкорпусу текстов XXI в., то мы получим 34 случая употребления этого выражения. В словарном значении это сочетание встречается в 17 примерах, причем в некоторых случаях оно заключается в кавычки:

От «адской машины», заложенной в мусорном бачке на платформе, погибли два человека, более десятка получили ранения различной степени тяжести. (Николай Гритчин. Бог нам не судья. Почему присяжные оправдали чеченского террориста (2001) // «Известия», 24.08.2001) [Там же].

В некоторых примерах это словосочетание используется по отношению к средству передвижения:

Злой демон ГИБДД мог вызвать адскую машину, кошмар каждого автомобилиста – эвакуатор, который увезёт любимую на штрафстоянку, и вернуть её будет, пожалуй, не проще, чем душу из царства Аида. (Герман Садулаев. Таблетка (2008)) [Там же].

Как видим, в данном контексте сочетание приобретает определенный смысл и указывает на связь с царством мертвых. В следующем примере автор обыгрывает название марки автомобиля:

Адэшка – «универсал» Nissan AD, одна из самых дешёвых и деревянных моделей японских автомобилей вообще. Также – адэха, аццкая машина (В. О. Авченко. Правый руль (2009)) [Там же]

Последний случай интересен еще и тем, что здесь трансформируется графический облик прилагательного с целью имитации произношения. Кроме того, адской машиной могут называть в принципе любое техническое средство, которое доставляет неудобства:

Мы с мужем повздыхали, покряхтели: все-таки компьютер – вещь для нас недешевая, но живем в современном мире, понимаем, что это нужно, ну и поднапряглись и купили... Правда, подержанный, но сын был рад ему так, будто это был самый лучший и самый новый компьютер на свете. <...> Ради того, чтобы посмотреть на такую радость, может, и стоило купить эту «адскую машину». Но только ради этого. Потому что вскоре эмоции улеглись, и началась жизнь с компьютером. А это, скажу я вам, оказалось нелегким испытанием. (Елена Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004) [Там же].

Во всех этих примерах прилагательное *адский* используется в значении «доставляющий мучения, мучительный, мучительский», которое есть в исторических словарях, похожее значение есть и в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой: «2. Такой, как в аду; ужасный. // перен. разг. Мучительный, невыносимый» [16].

Кроме того, в нашей выборке оказались примеры, в которых существительное *машина* используется в значении «о какой-л. организации, ведомстве и т. п., действующих, подобно механизму, бесперебойно, точно, ритмично» (государственная, военная, полицейская (о репрессивных государственных структурах)) [8]. Такое употребление в целом характерно для публицистического стиля, сочетание *адская машина* становится здесь ярким образным средством с негативной коннотацией:

Целых 11 лет в этих невыносимых, нечеловеческих условиях, когда ты все время борешься с адской машиной, которая называется антинарод-

ным режимом. (Любовь Журавлева. Нашим народам порознь не выжить (2004) // «Правда», 29.10.2004) [10].

В то же время отрицательная оценка может быть нивелирована в контексте:

Гаснут светильники, плотная голубоватая ткань, укрывавшая сцену от досужих взглядов, разлетается в стороны. Вздрагивает – запускаясь всеми своими бесчисленными механизмами часа на два, на три – адская машина театра! (Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010) [Там же].

В подкорпусе текстов XXI в. мы также обнаружили 17 контекстов, в которых встречается коллокат *адская машинка*, его употребление в целом не отличается от употребления коллоката *адская машина*, однако по понятным причинам не используется в качестве характеристики организации, ведомства и т. д.:

Но человек, что сотворил эту адскую машинку, неплохо разбирался в подрывном деле. (Евгений Сухов. Делу конец – сроку начало (2007)) [Там же].

Игорь и чернявый Дима отправляются топить баню – им надо раскочегарить адскую машинку, которая греет воду, идущую в душ. (Д. Е. Верясова. Муляка // «Волга», 2012) [Там же].

Соединение в одном сочетании прилагательного с негативной коннотацией и существительного с уменьшительным суффиксом – яркий пример включения слова *адский* в нехарактерный для него контекст.

Подводя итоги, следует отметить, что из всех производных от существительного *ад* прилагательных, когда-то употреблявшихся в русском языке, сегодня сохранились *адовый* и *адский*, однако первое ушло на периферию, закрепившись за разговорным стилем, а второе часто используется в современном русском языке (преимущественно в художественных и публицистических текстах). Уже в текстах XVIII века отмечаются изменения в семантике прилагательного *адский*, обусловленные аналогичными процессами в семантике производящего существительного. В результате десакрализации обеих лексем прилагательное *адский* в результате метафорического переноса становится оценочным интенсификатором, сохраняя при этом образность. Согласно данным «Словаря русской идиоматики», в качестве интенсификатора *адский* чаще всего используется в сочетании с существительными, обозначающими мучение или то, что его вызывает. Данный факт свидетельствует о наличии в языковом сознании связи с понятием ада как с

местом, в котором грешники обречены вечно мучиться.

Из представленных в словарях разных эпох терминов, в состав которых входит прилагательное *адский*, сейчас активно употребляется сочетание *адская машина*, однако терминологическое значение этого сочетания, очевидно, следует считать устаревшим (на что указывают и толковые словари). В то же время данное выражение имеет устойчивый характер и может употребляться для обозначения любого средства передвижения, какого-либо технического устройства, а также при характеристике организации, предприятия и т. д., являясь средством выражения негативной оценки.

Таким образом, в современном русском языке прилагательное *адский* выполняет прагматическую функцию интенсификатора, однако можно предположить, что в сознании носителей русского языка оно до сих пор связано с понятием ада в его религиозном значении, а также с общей оценкой пребывания в аду как в мучительной и невыносимой ситуации.

Список источников

1. Сайгин В. В. Концепт «грех» в свете антиномии религиозного и светского содержания ключевых концептов русской культуры // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. Серия: Филологические науки. 2014. №2 (30). С. 1–6.
2. Петрухина Е. В. Процессы десакрализации лексики в русском языке: роль словообразовательных формантов // Русский язык в поликультурном мире. II Международный симпозиум. Сборник научных статей. Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. Т. 1. С. 238–248.
3. Добычина О. А. Сакральная семантика языковых единиц в современном социокультурном контексте: дис. ... канд. филол. наук: Екатеринбург, 2017. 116 с.
4. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. М.: Русский язык, 1999. Т.1. 622 с.
5. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. 842 с.
6. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. Р-Я / Отд. рус. яз. и словесности Император. АН. СПб.: Изд. Отделения Русского языка и Словесности Имп. АН, 1912, 1684 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 (А-Б) / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. С. Г. Бархударов; сост.: Н. Б. Бахилина, Г. А. Богатова, Е. Н. Прокопович [и др.]. М.: Наука, 1975. 371, [1] с.

8. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar> (дата обращения: 20.06.2024).
9. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. URL: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/> (дата обращения: 20.06.2024).
10. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.06.2024).
11. Косова М. В. Терминологизация как лексико-семантический процесс // Вестник ОГУ. Оренбург. 2004. № 2. С. 42–48.
12. Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 20.06.2024).
13. Сандакова М. В. Динамика класса интенсификаторов в русском языке XXI в.: синтагматическое расширение // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. №7. С. 329–334.
14. Сандакова М. В. Оценочные интенсификаторы в современном русском языке: семантический и прагматический аспект // Проблемы лингвистической прагматики: доклады Международной научной конференции. Калуга, 10–12 сентября 2021 г. / отв. ред. А. Н. Ерёмин. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2021. С. 203–211.
15. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
16. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 20.06.2024).
3. Dobychina, O. A. (2017). *Sakral'naya semantika yazykovykh edinit v sovremennom sotsiokul'turnom kontekste: dis. ... kand. filol. nauk* [Sacred Semantics of Language Units in a Modern Socio-Cultural Context: Ph.D. Thesis]. Yekaterinburg, 116 p. (In Russian)
4. Chernykh, P. Ya. (1999). *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. V 2-kh tomakh. T. 1. 622 p. Moscow, "Russkii Yazik". (In Russian)
5. *Staroslavianskii slovar' (po rukopisyam X-XI vekov)* (1999) [Dictionary of Ancient Russian (based on manuscripts of the 10th–11th centuries)]. Red. R. M. Tseitlin, R. Vecherka, E. Blagova. Izd. 2^{oe}. 842 p. Moscow, izd. "Russkii Yazik". (In Russian)
6. Sreznevskii, I. I. (1912). *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym payyatnikam* [Materials for the Dictionary of Ancient Russian Language by the Scriptural Writings. Dictionary of the Russian Language]. T. 3. R-Ya. Otd. rus. yaz. i slovesnosti Imperator. AN. 1684 p. St. Petersburg. (In Russian)
7. *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* (1975) [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vyp. 1 (A-B). AN SSSR, In-t rus. yaz. Gl. red. S. G. Barkhudarov; sost. N. B. Bahilina, G. A. Bogatova, E. N. Prokopovich. 371 [1] p. Moscow, "Nauka". (In Russian)
8. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Large Dictionary of the Russian Language]. Ed. by S. A. Kuznetsov. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar> (accessed: 20.06.2024). (In Russian)
9. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of XVIII century]. AN SSSR, In-t rus. yaz. Leningrad, "Nauka". URL: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/> (accessed: 20.06.2024). (In Russian)
10. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 20.06.2024). (In Russian)
11. Kosova, M. V. (2004). *Terminologizatsiya kak leksiko-semanticheskii protsess* [Term Formation as a Lexical-semantic Process]. Vestnik OGU. Orenburg. No. 2, pp. 42–48. (In Russian)
12. Kustova, G. I. *Slovar' russkoi idiomatiki* [Dictionary of Russian Idioms]. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (accessed: 20.06.2024). (In Russian)
13. Sandakova, M. V. (2022). *Dinamika klassa intensifikatorov v russkom yazyke XXI v.: sintagmaticheskoe rasshirenie* [Intensifier Class Dynamics in the Russian Language of the 21st Century: Syntagmatic Extension]. Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii. No. 7, pp. 329–334. (In Russian)
14. Sandakova, M. V. (2021). *Otsenochnye intensifikatory v sovremennom russkom yazyke: semanticheskii i pragmaticheskii aspekt* [Evaluative Intensifiers in the Modern Russian Language: Semantic and Pragmatic Aspects]. Problemy lingvisticheskoi pragmatiki: doklady Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Pp. 203–211. Otv. red. A. N. Eryomin. Kaluga. KGU named after K. E. Tsiolkovsky. (In Russian)

Библиографический список

1. Го Сюэяо. Религиозная лексика в художественных произведениях для детей: деривационный и семантический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Казань, 2023. 24 с.
2. Кузьмина Т. В. Сакральная составляющая в лексических единицах русского языка (с привлечением единиц из болгарского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: М., 2011. 21 с.

References

1. Saigin, V. V. (2014). *Kontsept "grekh" v svete antinomii religioznogo i svetskogo sodержaniya klyuchevykh kontseptov russkoi kul'tury* ["Sin" Concept in the Light of the Antimony of Religious and Secular Meanings of the Russian Culture Key Concepts]. Uchenye zapiski: elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 2 (30), pp. 1–6. (In Russian)
2. Petrukhina, E. V. (2018). *Protsessy desakralizatsii leksiki v russkom yazyke: rol' slovoobrazovatel'nykh formantov* [Processes of Desacralization of Lexicon in the Russian Language: The Role of Derivational Formants]. Russkii yazyk v polikul'turnom mire. II Mezhdunarodnyi simpozium. Vol. 1, pp. 238–248. Simferopol, "Ariol". (In Russian)

15. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Meanings. Evaluation. Occurrence. Fact]. 338 p. Moscow, "Nauka". (In Russian)

16. Efremova, T. F. (2000). *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory-Derivational]. Moscow, izd. "Russkii Yazyk". URL: <https://www.efremova.info/> (accessed: 20.06.2024). (In Russian)

Bibliography

1. Guo Xueyao (2023). *Religioznaya leksika v khudozhestvennykh proizvedeniyah dlya detei:*

derivatsionnyi semanticheskii aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Religious Lexicon in Modern Russian Children's Literature: Derivative and Semantic Aspects: Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan, p. 24. (In Russian)

2. Kuzmina, T. V. (2011). *Sakral'naya sostavlyajushchaya v leksicheskikh edinitakh russkogo yazyka (s privilecheniem edinit iz bolgarskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Sacred Element in Lexical Units of the Russian Language (with Bulgarian Language Units): Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, p. 21 (In Russian)

The article was submitted on 26.08.2024

Поступила в редакцию 26.08.2024

Килина Лилия Фаатовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Удмуртский государственный университет,
426034, Россия, Ижевск,
Университетская, 1.
kilin_74@mail.ru

Колосова Елена Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
hkolosova@yandex.ru

Kilina Liliya Faatovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Udmurt State University,
1 Universitetskaya Str.,
Izhevsk, 426034, Russian Federation.
kilin_74@mail.ru

Kolosova Elena Ivanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
hkolosova@yandex.ru

УДК 811.161(094)''14''04:115

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-61-67

ВРЕМЯ В СТАРОРУССКИХ И СТАРОБЕЛОРУССКИХ СУДЕБНЫХ ТЕКСТАХ XV ВЕКА

© Ольга Климкович, Анна Немыка

TIME IN THE OLD RUSSIAN AND OLD BELARUSIAN JUDICIAL 15th-CENTURY TEXTS

Olga Klimkovich, Anna Nemyka

The article analyzes linguistic means by which temporal characteristics are represented in Old Russian and Old Belarusian 15th-century court documents. The purpose of the work is to characterize the verbalization features of temporal characteristics in the 15th-century court verdicts, created in various Russian territories and in the Grand Duchy of Lithuania. To achieve this goal, the following tasks have been solved in the work: 1) the means of representing calendar and descriptive time in the 15th-century judicial texts have been characterized; 2) the similarities and differences in the use of various verbalization means of time characteristics in Old Russian and Old Belarusian texts have been revealed. The relevance of the work is determined by the fact that a comparative study of judicial texts can clarify the development features of business writing in two closely related East Slavic languages. The descriptive and comparative methods are used in the work.

We have established that the similarity of the considered texts in the use of linguistic means, characterizing time, is manifested in the presence of identical constructions denoting the date and the use of such adverbs as *потом* (*later*), *ныне* (*now*), the adjectives *давний* (*long-ago*), *извечный* (*eternal*), the nouns *год* (*year*), *лето* (*summer*), *день* (*day*), the adverbial participial constructions *отходя сего* (*leaving this*) / *того света* (*of that world*) and verbs in the past tense. Local differences are determined by the use of different lexemes denoting the terms of judicial actions and court sessions, the mandatory indication of the document compilation date in Old Belarusian texts and its optional nature in Old Russian texts, and the presence of time-rich segments in Old Belarusian texts.

Keywords: historical style, category of accuracy, time, judicial writing, court verdicts

Статья посвящена анализу языковых средств, с помощью которых репрезентируются временные характеристики в старорусских и старобелорусских судебных документах XV века. Цель работы – охарактеризовать особенности вербализации временных характеристик в приговорах судов XV в., созданных на различных русских территориях и в Великом княжестве Литовском. Для достижения указанной цели в работе решены следующие задачи: 1) охарактеризованы средства репрезентации календарного и описательного времени в судебных текстах XV века; 2) выявлено сходство и различие в использовании средств вербализации временных характеристик в старорусских и старобелорусских текстах. Актуальность работы определяется тем, что сопоставительное изучение судебных текстов позволит уточнить особенности развития деловой письменности в двух близкородственных восточнославянских языках. В работе использованы описательный и сопоставительный методы.

Установлено, что сходство рассмотренных текстов в использовании средств репрезентации временных характеристик проявляется в наличии одинаковых конструкций, обозначающих дату, употреблении таких наречий, как *потом*, *ныне*, прилагательных *давний*, *извечный*, существительных *год*, *лето*, *день*, деепричастного оборота *отходя сего* / *того света*, глаголов в форме прошедшего времени. Локальные отличия определяются употреблением разных лексем для обозначения терминов судебных действий, судебных заседаний; обязательным указанием даты составления документа в старобелорусских текстах и его факультативностью в старорусских текстах, наличием в старобелорусских текстах насыщенных временными характеристиками отрезков.

Ключевые слова: историческая стилистика, категория точности, время, судебная письменность, приговоры судов

Для цитирования: Климкович О., Немыка А. Время в старорусских и старобелорусских судебных текстах XV века // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 61–67. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-61-67

Изучение стилистического своеобразия старорусской и старобелорусской деловой письменности в сопоставительном аспекте базируется на определении средств репрезентации отдельных текстовых категорий, среди которых важнейшей выступает категория точности в силу своей корреляции со сходной стилевой чертой деловой письменности. В деловых документах точность отражена в подробном перечислении имен участников коммуникации, в указании количественных, временных и пространственных характеристик.

При изучении истории развития деловой письменности время рассматривается в грамматическом аспекте или характеризуется как текстовая категория. Функционирование временных форм глагола в деловой письменности анализируется в работах Т. В. Кортавы [1], В. В. Колесова [2, с. 306 – 327], Н. А. Беловой [3]. Особенности употребления падежей со значением времени описаны В. И. Борковским [4, с. 356 – 357; 375 – 376; 380], активность придаточных времени в допросах XVIII в. обозначена А. И. Сумкиной [5, с. 241], особенности выражения времени в восточнославянских языках охарактеризованы авторами труда «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения» [6, с. 255–257, 271–274]. Время как текстовая категория, репрезентирующаяся средствами разных языковых уровней, анализируется в работах О. А. Горбань [7], Н. В. Паляшчук [8]. Мы предлагаем рассматривать указания на время как необходимый компонент детализации делового текста, способствующий точности изложения материала и восприятия делового текста.

Цель представленной работы – охарактеризовать особенности вербализации временных характеристик в приговорах судов XV в., созданных на различных русских территориях (далее – ст.-рус. тексты) и в Великом княжестве Литовском (далее – ст.-бел. тексты). Термины «старорусский» и «старобелорусский» языки в отношении текстов XV в. используются согласно лингвистической традиции, хотя в научной литературе можно встретить и другие названия. Для достижения указанной цели в работе решены следующие задачи: 1) охарактеризованы средства репрезентации календарного и описательного времени в судебных текстах XV века; 2) выявлено сходство и различие в использовании средств вербализации временных характеристик в ст.-рус. и ст.-бел. текстах. Акту-

альность работы определяется тем, что сопоставительное изучение языка судебных текстов позволит уточнить особенности развития деловой письменности в двух близкородственных восточнославянских языках. В работе использованы исательный и сопоставительный методы.

Материалом для исследования стали тексты судебной письменности, которые опубликованы в изданиях актового материала XIX–XXI вв.: большинство рассмотренных ст.-рус. текстов опубликовано в изданиях «Акты феодального землевладения и хозяйства» [9], «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – XVI вв.» [10]; ст.-бел. тексты представлены в книгах Литовской метрики [11], [12], [13], [14]. Всего было проанализировано 134 ст.-рус. текста, датированных периодом 1406–1499–1506 гг. (при этом к первой половине XV в. относится только 8 грамот) и 163 ст.-бел. текста, датированных периодом 1457–1499 гг.

Опубликованные судебные ст.-рус. тексты обозначены как *правые грамоты, докладные правые грамоты, бессудные правые грамоты, судные списки, разъезжие грамоты*. Среди ст.-рус. судебных текстов есть как те, которые созданы в XV веке, так и те, которые датированы XV в., но обнаружены в списках XVI–XVIII вв. Согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.» *правая грамота* – это «1) документ о правах; 2) приговор суда, вручаемый стороне, выигравшей дело» [15, вып. 18, с. 124]; *докладная грамота* – «документ, приобретающий законную силу после утверждения его полномочным представителем власти» [Там же, вып. 4, с. 291], таким образом, отличие правой грамоты от докладной правой грамоты состоит в том, что во втором случае нужна была процедура доклада для утверждения принятого решения; *бессудная правая грамота* – «грамота с обвинительным приговором, выданная истцу без судебного разбирательства (за неявкой ответчика)» [Там же, вып. 1, с. 175]; *докладной список* – «протокол судебного разбирательства, передававшийся низшим судьей на доклад высшей инстанции» [Там же, вып. 4, с. 291]; *судный список* – «письменный судебный приговор, выдававшийся после судебного разбирательства» [Там же, вып. 28, с. 268], *разъезжая грамота* – «документ о состоявшемся межевании, фиксирующий границу между владениями» [Там же, вып. 21, с. 261]. Из 134 ст.-рус. судебных текстов XV в. к правым грамотам относится 49 текстов (19, созданных в XV в., 30 – в более

поздних списках), к докладным правым грамотам – 53 текста (18 оригиналов, 35 в списках), к бессудным правым грамотам – 4 (1 оригинал, 3 в списках), к судным спискам – 26 текстов (8 – оригинальных, 18 – списки), к разъезжим грамотам – 2. А. А. Калашникова подчеркивает, что «существуют два вида судебных документов, подводящих итоги судебной тяжбе: правые и докладные правые грамоты. Судный список отражал лишь промежуточную стадию судебного процесса» [16, с. 30], хотя жанр некоторых опубликованных текстов также может быть определен не совсем корректно: правая грамота может быть названа судным списком, а судный список – правой грамотой. Место написания текстов указывается не всегда. Есть ссылки на написание текстов в Москве.

В публикациях ст.-бел. судебные тексты определены как *выроки, декреты, sprawy, судовые листы, свѣдѣства*. Из 163 рассмотренных документов в разных изданиях к вырокам относится 99, декретам – 23, справам – 17, судовым листам – 10, остальные документы – это записи отдельных свидетельских показаний, записи о переносе сроков. В «Гістарычным слоўніку беларускай мовы» значения указанных терминов определены следующим образом: *вырок* «1) рашэнне, пастанова, указ; 2) прыгавор» [17, вып. 6, с. 80–81]; *декрет* «1) пастанова, 2) прыгавор боскага суда» [Там же, вып. 8, с. 25]; *справа* – «адміністрацыйны або судовы разбор якога-небудзь здарэння, факта; судовы працэс» [Там же, вып. 32, с. 215]; *судовый лист* – «дакумент, які змяшчае рашэнне суда, вердыкт» [Там же, вып. 17, с. 62]. Тексты были созданы в Вильне, Троках, Городне, Каменце и в др. населенных пунктах.

В судебных документах представлено *календарное* и *описательное* время. Под *календарным* временем понимается такое, которое включает в себя названия дней недели, месяцев или указания на год согласно принятой системе летоисчисления. *Описательное* время – это указания срока какого-либо события, отрезков времени, повторяемости действий в определенный промежуток, их последовательности без упоминания названий дней недели, месяцев или указания конкретного года.

Лексико-синтаксические единицы, вербализующие календарное время, как правило, появляются в концовке при указании места и даты создания документа, они обязательны для ст.-бел. текстов и единичны в ст.-рус. судебных документах XV века: *Писанъ у Вильни. Марта 30 день. Индиктъ 13* [11, с. 66]; *Писанъ у Вильни, въ лѣто 7003, мѣсяца Іюля*

20 день [Там же, с. 79]; *Писанъ въ Беритахъ, Марта третее недѣли поста, въ второкъ* [Там же, с. 168] (здесь и далее разрядка наша – О. К., А. Н.). В исследованных ст.-рус. текстах XV в. датировка репрезентируется с помощью устойчивых конструкций: *А дана грамота на Москвѣ м(е)с(а)ца ноємвріа въ 12 д(е)нь, индикта въ 4-е* [10, III, с. 55]; *А писана грамота лета 7007-го году* [Там же, III, с. 143]. Кроме этого, в ст.-бел. текстах в содержательной части употребляются названия дней недели: ... *и того Степана Сенкова сына Митнева поставити о семое субботѣ придучои подѣ страченіемъ права* [11, с. 90].

Значимыми для судебных текстов являются средства репрезентации *описательного* времени, среди которых наречия, прилагательные, сочетания с различными существительными, предлоги с временным значением, деепричастные обороты и придаточные части.

В тексте фиксируются наречия с временным значением. В ст.-рус. документах отмечены наречия: а) обозначающие прошедшие, настоящие или будущие события: *доселе, изъстарины, летось, ныне, нынеча, потом, назавтре*; б) указывающие на повторяемость действий: ... *а молвят: Сечь нам его еждоень* ... [18, с. 355].

Ст.-бел. судебные тексты XV в. отличает частота употребления таких наречий, их использование в различных блоках содержательной части, возможность повторения в одном тексте. Это наречия, которые обозначают: а) прошедшие, настоящие или будущие события, их последовательность: *давно, давна, недавно, первой* «спачатку» [17, вып. 24, с. 82], *ныне, теперь, потом, напотом, затым, далее*; б) нерушимость, невозможность изменения решений или распоряжений: *навѣки, вѣчно, вечно, на веки вечныи: Ино в листе том стоить, што ж вни тѣю землю кѣтили в того Еска, брата своего вечно. А князь(ь) Иван тѣю землю кѣтил в брат(ь)и его теж вечно* [12, с. 167]; ... *ижъ имѣ тыхъ именей не искати было на пану Богданѣ на вѣки вѣчныи* [11, с. 31]; в) повторяемость действий: ... *штожъ много кротѣ отнимаются въ нихъ люди ихъ звѣчныи* ... [Там же, с. 67]; г) отрицание возможности совершения действия: ... *а послѣ дей присяги тебе есмы николи не просить* ... [Там же, с. 165]. Кроме того, в ст.-бел. текстах отмечены наречия *тогда, вже / вжо*: ... *а панъ Андрей Саковичъ вжо былъ тогда вмеръ* [Там же, с. 23].

Относительные прилагательные, определяющие *описательное* время, включены в состав устойчивых единиц. Среди таких прилагательных

доминируют те, которые подчеркивают характеристики предшествующих событий. В ст.-рус. – *извечный, старый, давний, вешний* и др.: ... *грамот у нас, господине, старых нет* ... [18, с. 349]; ... *земля извѣчна* □, *по давному отводу* [10, III, с. 54]; ... *по вешней воды полои по сухои берег* ... [10, II, с. 544]. В ст.-бел. отмечены прилагательные *давний, вечный, извечный*: ... *Макарикъ самъ з братьею передъ вами посветѣчиль, штожъ той земли Туговицкою, которую они роспахали, извечныи рубеж Мереика речка* [13, с. 85].

Существительные, использующиеся для репрезентации описательного времени, употребляются как самостоятельно, так и в составе различных сочетаний. В ст.-рус. судебных документах используются лексемы *срокъ, год, лето, неделя, день*: *а дай ми, господине, срокъ* ... [10, II, с. 351]; *лет с трицать* [18, с. 387]; *все годы* [Там же, с. 358]; *сего году* [10, III, с. 54], *по сроцѣ на третей д(е)нь* [Там же, II, с. 102]. Постоянно в разных судебных текстах и несколько раз в пределах одного текста повторяется лексема *срок*, употребляемая в устойчивых сочетаниях *дати срок, учинити срок, стати на срок*. Срок может уточняться с помощью упоминания праздников: *И старецъ Давыд тако рек: Даи мнѣ, г(о)с(поди)не, срок на Николин д(е)нь на вешней* ... [10, III, с. 85]; *И на срок за неделю до рожества христова митропиличи христиане* ... [9, с. 234]. Лексемы *год / лето* в ст.-рус. текстах употребляются либо с местоимениями *сей, тот, весь*, либо с числительными: ... *а оужо тому, г(о)с(поди)не тридѣцет (ь) лѣт бес трѣх* ... *оужо тому, г(о)с(поди)не, шестои год* ... [10, III, с. 88]; либо в устойчивом сочетании *помнити за ... лет*: *Мы, г(о)с(поди)не, помним за дватцат (ь) лѣтъ* ... [Там же, III, с. 302], которое появляется в текстах в 90-ых гг. XV в.

В ст.-бел. судебных текстах используются лексемы *час, рокъ, год, лето, неделя, день, раз*. Лексема *час* используется в сочетаниях *тот часъ, тые часы*, в значении «тады, у той час» [17, вып. 36, с. 298], *иниий час, до сих часов*. Лексема *рокъ* повторяется в содержательной части текста и может использоваться в устойчивых сочетаниях *положити рокъ* в значении «определить термин, назначить судебное заседание»: *И рокъ присязѣ положили есѣмо у пятницу* [11, с. 11]; *дати рокъ, рокъ зложоный*. Лексема может согласовываться с порядковыми числительными, прилагательными, местоимениями: *И роки есѣмо положили той заплатѣ: первый рокъ Великъ день, другий рокъ Матки Божее послѣднее, а остаточный рокъ*

Божее Нарожение приидущее; маеть онъ Богдану и сыну его Андрею въ тые роки вси тые пенязи заплатити конечно [11, с. 39]. Лексемы *год / лето* употребляются при указании какого-либо периода: *И они рекли: въ семи лѣтѣхъ отъ сихъ мѣсть* [Там же, с. 52] и в устойчивых сочетаниях, обозначающих взросление человека: ... *дѣти дей мамъ малы, еще не доросли лѣтъ своихъ* ... [Там же, с. 74]. Лексема *день*, как и в ст.-рус. текстах, употребляется при упоминании праздников: ... *и боярина своего Кунцю поставити на день Всихъ Светыхъ приидучи* [Там же, с. 66]. Лексема *раз* используется как при обозначении последовательности действий (*первый раз, другой раз*), так и при указании на время в прошлом: ... *и тыми разы они тотъ ихъ листъ передъ нами вказывали* [Там же, с. 73].

Для выражения описательного времени используются также временные предлоги в сочетании с существительными или местоимениями, не связанными с обозначением времени. В ст.-рус. текстах: *в сенокос, от мору, от роду, после живота, до живота, при отце, при архимандрите* и т. п.: *при твоем ещо отце, великом князи Иване Федоровичи, сидели есѣя у того Остафья в селе* ... *Тако же, господине, и после отца твоего преставленья, великого князя* ... [10, III, с. 386]; *прежи того, после того, наперед того*: ... *а после того, господине, жил княж Юрьев холоп Харя Лагирь* ... [9, с. 97]; ... *за тобою было дворское наперед того* ... [10, I, с. 236].

В ст.-бел. судебных текстах это предложноподлежащие сочетания *перед тым, перво* «перад» [17, вып. 24, с. 85] *сего, первой того*: ... *што первой того держал пан Мордасъ и сын его пан Стас* ... [12, с. 171]; *после того, после мужа, после небожика, опосле пана, после дядиное свое* ... *живота, после того суда, после еднаня, после присязи: То пакъ после того тата Зѣвала жаловала намъ на того Сен(ь)ка в том же селищи* [Там же, с. 192]; *при пану, при короли, при великом князи*: ... *што держалъ небожикъ отецъ ее кн(я)зь Митко Секира при великом князи Витовѣте и Жикгимонѣте* [14, с. 111]; *по нем, по своем животе, до своего живота, до смерти свое*.

И в ст.-бел., и в ст.-рус. текстах используется оборот *отходя сего / того света*, имеющий значение «умирая»: ст.-бел. ... *брат мой Андрей, отходя съ того свѣта, отписал мнѣ имѣние* ... [11, с. 78].

В во второй половине XV в. в ст.-рус. судебных текстах появляется временной вопрос: *И князь Василей спросил Палки и сына его Васъ-*

ка: *Сколько давно ту землю у вас пашет и кому то ведомо, что та земля архангельская* [10, III, с. 76].

В конце XV в. в ст.-бел. судебных документах фиксируется употребление сложных предложений с придаточными времени: *И тая Ганка передь нами повѣдила, штожь тыи два слѣды дала ей небощица пани Сенковая Гедыгелдовича, коли замужъ ее отдавала* [11, с. 52]; ... *маеть тая Ганка тую дѣлницу первого мужа своего въ томъ вѣнѣ своемъ держати до тыхъ часовъ, поки ей она тые пенязи заплатитъ* [Там же, с. 53]; ... *отложили есмо то до тыхъ часовъ, поки дѣти ее доростутъ лѣтъ своихъ* ... [Там же, с. 74].

Возможно употребление целого ряда временных конструкций в ст.-бел. текстах: ... *а Ивашко Кривецъ маеть тое отчины двѣ части держати до тыхъ часовъ, поки тотъ братаничъ его лѣтъ своихъ доростетъ* [Там же, с. 96]; ... *и взялъ былъ ихъ малыхъ собе за сыны мѣстъ и они въ него мѣшкали 30 лѣтъ, а того Миколаеви а Нѣхови, другіи два брата, мѣшкаютъ таки на ихъ отчинѣ и службу служатъ; и затымъ тотъ дядко ихъ зѣ жоною своею вмеръ и они послѣ дядка своего съ тое земли службу намъ служили и дякло давали ажъ и до тыхъ часовъ* [Там же, с. 101].

Действия, которые передаются в судебных документах, происходят до момента составления грамоты, поэтому тут распространены глагольные формы прошедшего времени: ст.-бел.: *Смотрѣли есмо того дѣла ... Жаловалъ намъ ... И мачоха его передь нами рекла ... отецъ его, зоставилъ мене въ томъ имѣны. Невѣстки его ... передь нами рекли ...* [Там же, с. 28]; ст.-рус.: *Сий суд судил ... Тягалься в троецкого место игумена ... Тако рек ... а тянули ... и всеми пошлинами тянули ..., а после того, господине, тянули ... И князь Дмитрией Юриевич спросил ...* [18, с. 349].

Анализ старорусских и старобелорусских судебных текстов позволяет сделать следующие выводы:

1) исследованные тексты сходны в использовании средств репрезентации временных характеристик, что проявляется в наличии одинаковых конструкций, обозначающих дату, употреблении таких наречий, как *потом, ныне*, прилагательных *давний, извечный*, существительных *год, лето, день*, деепричастного оборота *отходя сего / того света*, глаголов в форме прошедшего времени;

2) локальные отличия проявляются а) в употреблении разных лексем для обозначения терми-

нов ст.-рус. *срок*, ст.-бел. *рок*; б) в употреблении в ст.-рус. текстах вопроса о времени *сколько давно ...?*; в) в обязательности указания даты составления документа в ст.-бел. текстах и ее факультативности в ст.-рус. текстах; г) в наличии в ст.-бел. текстах насыщенных временными характеристиками отрезков;

3) в диахронии прослеживается увеличение случаев использования временных характеристик, что обусловлено стремлением к детализации излагаемой информации.

Список источников

1. Кортава Т. В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка: автореферат дис. ... д-ра. филол. наук: М., 1999. 49 с.
2. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб.: СПбГУ, 2010. 512 с.
3. Белова Н. А. Система форм глаголов прошедшего времени в новгородской письменности XIII–XIV веков: дис. ... канд. филол. наук: Нижний Новгород, 1999. 162 с.
4. Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот. Простое предложение. Львов: Изд-во Львов. ун-та, 1949. 392 с.
5. Сумкина А. И. Зависимость синтаксического строя некоторых памятников деловой письменности XVIII в. от их содержания // История русского языка: памятники XI–XVIII вв.: сб. науч. ст. М.: Наука, 1982. С. 232–257.
6. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения / под ред. В. И. Борковского. М.: Наука, 1968. 297 с.
7. Горбань О. А. Региональные документы XVIII века в аспекте категории темпоральности // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2014. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-dokumenty-xviii-veka-v-aspekte-kategorii-temporalnosti> (дата обращения: 26.06.2024).
8. Паляшчук Н. В. Сродкі вираження темпоральності ў полацкіх дакументах // Скориновские чтения – 2019: современные тенденции развития издательского дела: материалы IV Международного форума, Минск, 24–25 сентября 2019 г. Минск: БГТУ, 2019. С. 63–66.
9. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков: в 3 ч. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. Ч.1. 400 с.
10. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–XVI вв.: в 3 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1964.
11. Акты Литовской Метрики. Том первый. Выпуск первый. 1413–1498 гг. Собраны заслуженным профессором Императорского Варшавского университета Ф. И. Леонтовичем. Варшава: издание Императорского Варшавского университета, 1896. 170 с.
12. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1(6). Сборник документов канцелярии велико-

го князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. 664 с.

13. Lietuvos metrika. Lietuvos istorijos institutas. Kn. 3: (1440–1498): Užrašymų knyga 3. Vilnius, 1998. 161 p.

14. Lietuvos metrika. Lietuvos istorijos institutas. Kn. 4: (1479–1491). Užrašymų knyga 4. Vilnius: Žara, 2004. 286 p.

15. Словарь русского языка XI–XVII вв.: вып. 1–31 / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз.; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1975.

16. Калашикова А. А. Русские судебные документы XV – первой половины XVI в. как исторический источник: дис. ... канд. истор. наук: Санкт-Петербург, 2021. 329 с.

17. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. А. І. Жураўскага. Мінск: Навука і тэхніка, 1982–2017. Вып. 1–37.

18. Каушанов С. М. Очерки русской дипломатики. М.: Наука, 1970. 502 с.

References

1. Kortava, T. V. (1999). *Moskovskii prikaznyi yazyk XVII veka kak osobyi tip pismennogo yazyka: avtoreferat dis. ... dokt. filol. nauk* [The Moscow Business Language of the 17th Century as a Special Type of Written Language: Doctoral Thesis Abstract]. Moscow, 49 p. (In Russian)

2. Kolesov, V. V. (2010). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: uchebnyk dlya vysshikh uchebnykh zavedenii Rossiiskoi Federatsii* [Historical Grammar of the Russian Language]. 512 p. St. Petersburg, SPbGU. (In Russian)

3. Belova, N. A. (1999). *Sistema form glagolov proshedshego vremeni v novgorodskoi pismennosti XIII – XIV vekov: diss. ... kand. filol. nauk* [The System of the Past Tense Verb Forms in the Novgorod Script of the 13th–14th Centuries: Ph.D. Thesis]. Nizhnii Novgorod, 162 p. (In Russian)

4. Borkovskii, V. I. (1949). *Sintaksis drevnerusskikh gramot. Prostoe predlozhenie* [The Syntax of Ancient Russian Charters. A Simple Sentence]. 392 p. Lvov, izd-vo Lvov. un-ta. (In Russian)

5. Sumkina, A. I. (1982). *Zavisimost sintaksicheskogo stroya nekotorykh pamyatnikov delovoi pismennosti XVIII v. ot ikh soderzhaniya* [The Dependence of the Syntactic Structure of Some Business Writing Monuments of the 18th Century on Their Content]. *Istoriya russkogo yazyka: pamyatniki XI – XVIII vv.: sb. nauch. st.* Pp. 232–257. Moscow. (In Russian)

6. *Sravnitelno-istoricheskii sintaksis vostochnoslavianskikh yazykov. Chleny predlozheniya* (1968) [Comparative Historical Syntax of East Slavic Languages. Parts of the Sentence]. Pod red. V. I. Borkovskogo. 297 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

7. Gorban, O. A. (2014). *Regionalnye dokumenty XVIII veka v aspekte kategorii temporalnosti* [The 18th-Century Regional Documents in the Aspect of the Category of Temporality]. *Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie*. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/arti->

[cle/n/regionalnye-dokumenty-xviii-veka-v-aspekte-kategorii-temporalnosti](#) (accessed: 26.06.2024). (In Russian)

8. Palyashchuk, N. V. (2019). *Srodki vyrazheniya temporalnosti v polackikh dokumentakh* [Means of Expressing Temporality in Polotsk Documents]. *Skorinovskie chteniya – 2019: sovremennye tendentsii razvitiya izdatelskogo dela: materialy IV Mezhdunarodnogo foruma*, Minsk, 24–25 sentyabrya 2019 g. Pp. 63–66. Minsk, BGUTU. (In Belorussian)

9. *Akty feodalnogo zemlevladieniya i hozyaystva XIV–XVI vekov: v 3 ch.* (1951) [Acts of Feudal Land Ownership and Economy of the 14th–16th Centuries]. Ch. 1. 400 p. Moscow, izd-vo Akad. nauk SSSR. (In Russian)

10. *Akty sotsialno-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi kontsa XIV–XVI vv.: v 3 t.* (1952–1964) [Acts of the Northeastern Russia Socio-Economic History of the Late 14th–16th Centuries: In 3 Vol.]. Moscow, izd-vo Akad. nauk SSSR. (In Russian)

11. *Akty Litovskoi Metriki. Tom pervyi. Vypusk pervyi. 1413–1498 gg. Sobrany zasluzhennym professorom Imperatorskogo Varshavskogo universiteta F. I. Leontovichem* (1896) [Acts of the Lithuanian Metric. Volume One. The First Issue. 1413–1498. Collected by the Honored Professor of the Imperial Warsaw University F. I. Leontovich] 170 p. Varshava, izdanie Imperatorskogo Varshavskogo universiteta. (In Russian)

12. *Akty, otnosyashiesya k istorii Zapadnoi Rossii. T. 1(6). Sbornik dokumentov kantselyarii velikogo knyazya litovskogo Aleksandra Yagellonchika, 1494–1506 gg. Shestaya kniga zapisei Litovskoi metriki* (2012) [Acts Relating to the History of Western Russia. Vol. 1(6). Collection of documents of the of the Grand Duke of Lithuania Office Alexander Jagiellonchik, 1494–1506. The sixth book of records of the Lithuanian Metric]. 664 p. Moscow. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. (In Russian)

13. Lietuvos metrika. Lietuvos istorijos institutas. Kn. 3: (1440–1498): Užrašymų knyga 3 (1998) [Lithuanian Metrics. Lithuanian Institute of History: (1440–1498): Book of Notes 3]. 161 p. Vilnius. (In Russian)

14. Lietuvos metrika. Lietuvos istorijos institutas. Kn. 4: (1479–1491). Užrašymų knyga 4. (2004) [Lithuanian Metrics. Lithuanian Institute of History: (1479–1491). Book of Notes 4]. 286 p. Vilnius, Žara. (In Russian)

15. *Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* (1975) [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vyp. 1–31. Ros. akad. nauk, In-t rus. yaz.; redkol.: S. G. Barhudarov (otv. red.) [i dr.]. Moscow, Nauka. (In Russian)

16. Kalashnikova, A. A. (2021). *Russkie sudebnye dokumenty XV – pervoi poloviny XVI v. kak istoricheskii istochnik: diss. ... kand. istor. nauk* [Russian Judicial Documents of the 15th–Early 16th Century as a Historical Source: Ph.D. Thesis]. St. Petersburg, 329 p. (In Russian)

17. *Gistarychny sloŭnik belaruskai movy* (1982–2017) [Historical Dictionary of the Belarusian Language]. Pad red. A. I. Zhuraŭskaga. Minsk, Navuka i tehnika, Vyp. 1–37. (In Belorussian)

18. Kashtanov, S. M. (1970). *Ocherki russkoi diplomatiki* [Essays on Russian Diplomacy]. 502 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 08.07.2024

Поступила в редакцию 08.07.2024

Климкович Ольга Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова,
210038, Беларусь, Витебск,
проспект Московский, 33.
olga-klimkovich@mail.ru

Klimkovich Olga Aleksandrovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Vitebsk State University
named after P. M. Masherov,
33 Moskovskiy Avenue,
Vitebsk, 210038, Belarus.
olga-klimkovich@mail.ru

Немыка Анна Анатольевна,
доктор филологических наук,
доцент,
Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодар,
Ставропольская, 149.
annemyka@yandex.ru

Nemyka Anna Anatol'evna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Kuban State University,
149 Stavropolskaya Str.,
Krasnodar, 350040, Russian Federation.
annemyka@yandex.ru

УДК 80(091)

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-68-76

СОСТАВ, ПРЕДМЕТ И НАИМЕНОВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК М. В. ЛОМОНОСОВА

© Любовь Макарова

COMPOSITION, SUBJECT AND NAMES OF MIKHAIL LOMONOSOV'S PHILOLOGICAL SCIENCES

Liubov Makarova

The composition, structure and subject of philological sciences were different in different epochs, so were their names. This is important to know in order to properly understand the state of the scientific theory in the period under study. The system of modern philological sciences, which is based on the division into sciences of language and sciences of fiction, was formed at the beginning of the 19th century. It differs significantly from the system of “sciences of language arts [slovesnost]” created by Mikhail Lomonosov in the second half of the 18th century. It represented a slightly modified late antique trivium of grammar, dialectics (logic) and rhetoric, which, together with the quadrivium of mathematical sciences, was part of the classical cycle of “seven liberal arts”. This cycle presupposes a certain sequence, a method of teaching sciences (arts) relevant in Lomonosov's epoch: “sciences of language arts [slovesnost]” (trivium) were the first stage forming the speech and thinking skills of a linguistic personality. The article analyses the content, subject and names of each “science of language arts [slovesnost]” in the second half of the 18th century, starting with Mikhail Lomonosov, and traces the development and modifications of Lomonosov's trivium and the names of sciences in his followers' works, from N. Kurganov to I. Davydov, up to the 1840s.

Keywords: philological sciences, trivium, sciences of language arts [slovesnost], rhetoric, grammar, logic, Mikhail Lomonosov's sciences of language arts [slovesnost]

Состав, структура и предмет филологических наук в разные эпохи были различными, и наименование этих наук было разным. Это важно осознавать, чтобы правильно понимать состояние научной теории изучаемого периода. Система современных филологических наук, в основе которой лежит разделение на науки о языке и науки о художественной литературе, сложилась в к. XIX в. Она значительно отличается от системы «словесных наук», созданной М. В. Ломоносовым во 2 пол. XVIII в. и представляющей собой несколько видоизмененный позднеантичный тривиум грамматики, диалектики (логики) и риторики, входивший, вместе с квадривиумом математических наук, в классический цикл «семи свободных искусств». Этот цикл предполагает определенную последовательность, методику обучения наукам (искусствам), актуальную и в ломоносовскую эпоху: «словесные науки» (тривиум) были первой ступенью, формирующей речемыслительные навыки языковой личности. В статье анализируются содержание, предмет и наименования каждой «словесной науки» 2-ой пол. XVIII в., начиная с М. В. Ломоносова, а также прослеживается развитие и видоизменения ломоносовского тривиума и наименований наук у его последователей, от Н. Г. Курганова до И. И. Давыдова, вплоть до 40-х гг. XIX в.

Ключевые слова: филологические науки, тривиум, словесные науки, риторика, грамматика, логика, словесные науки М. В. Ломоносова

Для цитирования: Макарова Л. Состав, предмет и наименования филологических наук М. В. Ломоносова // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 68–76. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-68-76

Даже студент-филолог, если только он не за- час¹. Изучая «Российскую грамматику» [2] и
нимается историей образования, вряд ли отдает
себе отчет, что состав, границы и предмет фило-
логических наук не были всегда такими, как сей-

«Риторикой»² М. В. Ломоносова, он не подозревает, что один из отцов-основателей русской филологии, ее терминологии и научного стиля подразывал под ней весьма отличную от современной научную область. (И дело вовсе не в появлении, особенно в XX–XXI вв., новых научных направлений, неизвестных в то время). Терминов «филология», «филологические науки» он также не употреблял: последнего термина тогда не было, а первый употреблялся в других значениях. М. В. Ломоносов создал термин для обозначения этих наук – «словесные науки» [4, с. 238]. Какое содержание он включал в понятие «словесные науки»?

Дело в том, что европейская система образования, в соответствии с которой учился М. В. Ломоносов, проникла на территорию Юго-Западной Руси в конце XVI – начале XVII вв. сначала в виде так называемых «братских школ», копировавших программы протестантских или иезуитских колледжей. Самой известной является Киевская школа (1615 г.; с 1632 коллегия), получившая в 1701 г. статус академии, поскольку в ней читалась философия, а позже и богословие (знаменитая Киево-могилянская академия). Но и будучи коллегией, она уже фактически являлась первым высшим учебным заведением Руси [5]; [6, с. 75–85]. На территории Московской Руси первым «высшим» учебным заведением стала Славяно-греко-латинская академия (1685), учебная программа которой была создана братьями И. и С. Лихудами по образцу программы Падунского университета. Эта система образования основана на позднеантичном цикле «семи свободных искусств» (7 artes liberales), возникшем, вероятно, в III в. по Р. Х.; впервые он зафиксирован во II книге трактата блаж. Августина «De ordine» (IV в. по Р.Х.) [7, с. 375–376]. Цикл состоит из двух ступеней: 1) тривиума, в который входили грамматика, диалектика (логика) и риторика, и 2) квадравиума, включавшего в себя четыре математические науки (арифметику, геометрию, астрономию и музыку). Тривиум был первой, подготовительной ступенью, без которой нельзя было приступить ко второй, поскольку он

учил правильно мыслить и убедительно выражать свои мысли в слове. «Свободные искусства» (то есть приличные свободному человеку) охватывали все знание, за исключением его высшего уровня и конечной цели – философии и богословия, и были не только классификацией знаний, но и программой, методикой обучения знаниям по принципу движения от простого к сложному.

В системе университетского образования тривиум преподавался на «младшем» («артистическом») факультете (с XVI в. стал называться философским), после чего образование можно было закончить и служить на общественной должности, что и делало подавляющее большинство молодых людей, или продолжить на одном из «старших» факультетов (юридическом, теологическом или медицины) [6, с. 38]. Принцип двухступенчатого обучения довольно долго соблюдался и в первом российском университете, Императорском московском (1755), в создании проекта которого участвовал М. В. Ломоносов: все студенты должны были пройти курс «подготовительных» наук, включая тривиум³, и лишь потом могли перейти к изучению «высших» наук на философском, юридическом или медицинском факультете.

«Словесные науки» М. В. Ломоносова – воплощение классического тривиума. Впервые термин появился в «Кратком руководстве к красноречию» (1748) [3], притом прямо в названии: «Книга первая, в которой содержится риторика... сочиненная в пользу любящих словесные науки», и в самом тексте больше не употреблялся⁴. В «Краткой риторике»⁵ (1744) [9] обобщающего термина для наук о языке и слове не было. Из последующих крупных авторов термином «словесные науки» пользуется Н. Ф. Кошанский вместе с латинским синонимом «Studia

¹ Сейчас под филологией мы понимаем «содружество гуманитарных дисциплин – языкознания, литературоведения, текстологии, источниковедения, палеографии и др., – изучающих духовную культуру человека через язык и стилистический анализ письменных текстов» [1].

² Под «Риторикой» М. В. Ломоносова мы будем понимать его «Краткое руководство к красноречию» (1744–47) [3], второй, опубликованный учебник риторики, который обычно и изучается в курсе истории русского языка или русской риторики.

³ По проекту М. В. Ломоносова было 3 классических факультета: философский, юридический и медицинский (теологического, точнее богословского факультета в русских университетах не было); по постановлению университетской конференции 1766 г. все студенты сначала учились 3 года на философском факультете [6, с. 186–187, 201]. Уставом 1804 г. вместо факультетов были введены 4 отделения: нравственных и политических, медицинских, физических и математических, словесных наук; курс «подготовительных» наук был сокращен до 1 года [Там же, с. 270].

⁴ Кроме данного употребления, термин используется М. В. Ломоносовым во вступлении к статье «О нынешнем состоянии словесных наук в России» [8].

⁵ «Краткое руководство к риторике» (1744 г.) предшествовало «Краткому руководству к красноречию», но долго оставалось в рукописи и было опубликовано лишь в 1895 г.

literarum». В круг этих наук входят грамматика, логика, риторика, «оратория» и «поэзия». М. В. Ломоносов написал только два руководства: по риторике (в двух вариантах) и по грамматике. Судя по названию книги первой «Краткого руководства к красноречию», помимо риторики как общей теории искусства красноречия, в него должна была входить также «оратория», то есть теория прозаического красноречия, и «поэзия», или теория поэтического красноречия. Существуют также предположения (впрочем, не слишком достоверные), что Ломоносов планировал написать руководство по логике.

Какими представлены науки тривиума у М. В. Ломоносова? Во 2 пол. XVIII в. и вплоть до 30-40-х гг. XIX в. грамматики делились на частные (то есть конкретного языка) и «общие» или «всеобщие», «универсальные», «философские», то есть объясняющие происхождение человеческого языка и категории, общие для всех языков. Это разделение фиксируют многие авторы: М. В. Ломоносов («грамматика общая / особливая») [2], И. С. Рижский («грамматика всеобщая (философская) / особенная (частная)») [10], И. М. Борн («грамматика общая / каждого языка») [11], Л. Г. Якоб («грамматика всеобщая / частная») [12], Н. Ф. Кошанский [13] и И. И. Давыдов («грамматика общая / частная») [14]. «Философские» или «всеобщие» грамматики восходят к знаменитой рациональной «Грамматике Пор-Рояль» А. Арно и К. Лансло [15]. Грамматика М. В. Ломоносова типологически также является рациональной, но частной; однако ее первый раздел посвящен проблематике «всеобщей» грамматики.

Логика – наиболее «таинственная» часть его «словесных наук», так как оригинальная логическая теория М. В. Ломоносова находится в его риторике и тесно связана с ней. То, что это цельная, своеобразная и притом первая изданная на русском языке логическая теория, показал А. О. Маковельский [16, с. 424–428]. Кроме того, по ней защищено одно диссертационное исследование [17]; но это, пожалуй, и все (не считая упоминаний в учебниках по истории логики), что, на наш взгляд, ничтожно мало. Несмотря на лаконичность, логика М. В. Ломоносова охватывает теорию понятия (которое он называет «простой идеей»), теорию суждения («рассуждения») и умозаключения (последние два он относит к «сложным идеям»); помимо дедуктивных доказательств (силлогизмов), рассматривается индукция. Таким образом, охвачены все основные части традиционного для того времени учебника логики [18, с. 68]. Революционными были отказ от частных суждений (при наличии общих и

единичных («особенных»)) и реформа учения о категорическом («прямом») силлогизме [16, с. 425–427].

Риторика, по определению М. В. Ломоносова, «есть наука о всякой предложенной материи красно говорить и писать» [9, с. 23]. «Материя» – это «все, о чем говорить и писать можно» «красно», то есть отбирая лексический материал и описывая предмет речи «пристойными» (подходящими случаю и слушателям (читателям)), словами [Там же]. Цель такого украшенного высказывания – «чтобы слушателей и читателей о справедливости ее удостоверить» [Там же]. Предмет риторики как науки – общие правила обоих видов искусства красноречия, как прозы, так и поэзии [3, с. 97]. В. И. Аннушкин обратил внимание на то, что М. В. Ломоносов впервые развел понятия (и термины) «риторики» и «красноречия» как науки и искусства, а также утвердил «красноречие» как термин для обозначения искусства из ряда существовавших синонимичных вариантов [4, с. 239–240]; это различие сохранялось в русской риторической традиции вплоть до сер. XIX в. Риторика М. В. Ломоносова построена по традиционному для Нового времени трехчастному канону: *inventio* («изобретение»), *elocutio* («украшение»), *dispositio* («расположение»), – но вторая и третья части переставлены местами (русские термины М. В. Ломоносова).

От общей теории речи М. В. Ломоносов отделил теорию прозаической речи, которую назвал «ораторией»⁶. Термин, по-видимому, произведен от латинского «*ars oratoria*», «ораторское искусство, красноречие», и зафиксирован в словарях в двух значениях: «искусство (красноречие)» и «наука, учебный предмет об этом искусстве» [19, с. 65–66]. У М. В. Ломоносова этот термин встречается также в «Российской грамматике»: «Тупа Оратория, косноязычна Поэзия, неосновательна Философия... без грамматики» [2, с. 392]. Из последователей термин использует Н. Г. Курганов [20], архим. Амвросий (Серебрянников) [21] и анонимный автор «Краткого и всеобщего чертежа наук и свободных художеств» [22]. У первого термин «оратория» употребляется скорее в значении искусства, у второго – как в значении науки (синоним «риторики»), так и в значении искусства (способности); у последнего автора – в значении науки. Термин «оратория» не стал общеупотребительным: большинство авторов обозначали теорию прозы

⁶ В «Кратком руководстве к красноречию»; в «Кратком руководстве к риторике» в этом значении также употребляется термин «риторика».

термином «риторика». Далеко не все они продолжили предложенное М. В. Ломоносовым разделение теории речи: у авторов, рассмотренных нами (см. таблицу), трехчастное разделение на общую теорию обоих видов красноречия («риторику»), теорию прозаического красноречия («ораторику») и теорию поэтического красноречия («поэзию» или «пиитику») есть у Н. Г. Курганова, у автора «Краткого всеобщего чертежа» и у И. И. Давыдова в «Системе российской словесности» [23]. Остальные авторы предлагают двухчастное разделение: либо 1) на общую теорию красноречия и теорию поэтического красноречия («риторику» и «поэзию (пиитику)»), либо 2) на теорию прозаического и теорию поэтического красноречия («риторику» и «пиитику (поэзию)»). Наконец, один автор (И. С. Рижский [24]) 3) на «риторику» как одновременно теорию общего и прозаического красноречия и «поэзию» (теорию поэтического красноречия). Еще у одного автора (И. М. Борна) [11] представлена «теория слога в прозе и стихах», к которой отнесено и «стопосложение» (стихосложение).

Таблица
«Словесные науки» в представлении авторов
2 пол. XVIII – 1 трети XIX в.⁷

Ломоносов М. В.	Грамматика общая, частная	Логика	Общая теория речи (риторика)	Теория прозаической речи («оратория» (риторика))	Теория поэтической речи (поэзия)
Курганов Н. Г.	Грамматика частная	Логика	Общая теория речи (риторика («витийство»)) ⁸	—	Теория поэтической речи (поэзия)
«Краткий и всеобщий»	Грамматика частная	—	Общая теория речи (риторика)	Теория прозаической речи	Теория поэтической речи (поэзия)

⁷ В таблице даны представления авторов о том, что входит в условные «словесные науки» (в терминологии М. В. Ломоносова); это не значит, что по всем этим наукам они создали учебные книги.

⁸ Термин «оратория» обозначает у Н. Г. Курганова «искусство прозаической речи»; а термин «поэзия» означает как искусство поэтической речи, так и науку.

чертеж				(оратория)	(стихотворство)
Нехачин И. В.	Грамматика частная, азбука, филология ⁹	—	Общая теория речи (риторика)	—	Теория поэтической речи (поэзия)
Рижский И. С.	Грамматика всеобщая, частная	Логика	Наука красноречия:		
			Общая теория речи (риторика) (наука красноречия)	Теория прозаической речи (риторика)	Теория поэтической речи (поэзия)
Никольский А. С. [26]	Грамматика ¹⁰	Логика	Общая теория речи (риторика)	—	—
Никольский А. С. [27]	Грамматика всеобщая, частная	Логические основания познания (во введении)	Учение о словесности:		
	«стихословие»		Общая теория речи (риторика), классификация родов и видов поэзии		[Теория поэтической речи (поэзия): поделена между грамматикой и риторикой]
Борн И. М.	Грамматика всеобщая, частная	—	Общая теория речи (теория слога вообще), «стопосло-	—	—

⁹ «Филология есть наука, которая показывает основательное познание языков» [25, с. 6]. К ней автор относит определение языка, классификации языков и средства изучения языков (словари, грамматики, писатели, критики, исторические записки древних, мифы).

¹⁰ В «Краткой логике и риторике» определения грамматики нет, поэтому утверждать, что автор в тот момент разделял грамматику (науку) на общую и частную, с уверенностью нельзя.

			жение»		
Якоб Г. Л. ¹¹	—	—	—	Теория прозаической речи (риторика)	Теория поэтической речи («пиитика»)
Мерзляков А. Ф. [28]	Грамматика частная	Логика (диалектика)	—	Теория прозаической речи (риторика)	Теория поэтической речи («пиитика»)
Мерзляков А. Ф. [29]	—	—	—	Теория изящной словесности: правила прозаического красноречия (риторика)	правила стихотворства («пиитика»)
Кошанский Н. Ф.	Грамматика общая, частная	—	—	Теория прозаической речи (риторика общая, частная)	Теория поэтической речи (поэзия)
Давыдов И. И. [14]	Грамматика общая, частная, «механизм стиха»	—	Общая теория речи (риторика)	—	Теория поэтической речи («пиитика»)
Давыдов И. И. [23]	Грамматика общая, частная	—	Общая теория человеческой речи ¹²	Изящная словесность: Теория прозаической	Теория поэтической

			(риторика)	ской речи (оратория)	речи («пиитика»)
Греч Н. И. [30]	Наука о языке: 1. историческая часть 2. философическая часть: а) грамматика всеобщая б) грамматика частная	—	—	Теория прозаической речи (риторика)	Теория поэтической речи («пиитика», наука стихотворства)

Поэтика не была обязательной частью 7 свободных наук (искусств), но с античности была областью приложения как грамматики, так и риторики [31, с. 591–592]. В отечественной традиции «техническая» часть поэтического искусства зачастую отходила грамматике (виды стоп, рифма, размер), а в риторику входила, как минимум, классификация родов и видов поэзии; но были и отдельно изданные поэтики, содержавшие обе части (напр., архим. Аполлоса (Байбакова) [32], И. С. Рижского [33]). Разделение поэтики на две части подчеркивалось и существованием со 2 пол. XVIII в. двух групп терминов, «стихо- / стопосложение» («слоготечение») (для техники стиха) и «стихотворство (поэзия)» (для искусства). Примечательно, что даже когда риторика не являлась общей теорией речи (а лишь теорией прозы), именно учебники риторики и их авторы несли ответственность за невразумительность поэтической теории¹³.

Для наименования поэтики (науки) в рассматриваемый период чаще всего употреблялся термин «поэзия» (М. В. Ломоносов, автор «Краткого чертежа», И. В. Нехачин, И. С. Рижский, А. С. Никольский, Н. Ф. Кошанский, И. И. Давыдов

¹¹ У Г. Л. Якоба есть «Всеобщая грамматика» и «Всеобщая логика», но в состав собственно «словесных (изящных) искусств / наук» они не входят.

¹² Согласно «Системе российской словесности», риторика изучает 1) общие формы выражения человеческого слова 2) формы, свойственные определенному языку [23, с. 19].

¹³ См., например, статью «Поэтика» А. Г. Горнфельда в «Словаре Брокгауза и Эфрона»: «Несмотря на живые веяния в критической литературе... теория поэзии неизменно хранила схоластические традиции прошлых веков [речь идет о нач. XIX в. - ЛМ]... Венцом и наиболее ярким выразителем направления всей этой традиции является «Риторика» Кошанского, долго бывшая непререкаемым кодексом пиитической науки», — заявлял автор, притом, что поэтики у Н. Ф. Кошанского не было, и риторика являлась теорией прозаической речи [34, с. 841].

(в «Логике» [35]); реже «пиитика» (Г. Л. Якоб [36], А. Ф. Мерзляков [29], И. И. Давыдов (в «Системе словесности» [23] и в «Учебной книге русского языка» [14]), Н. И. Греч [30]). Термин «поэзия» одновременно употреблялся в значении «поэтическое искусство» (А. С. Никольский, И. И. Борн, Н. Ф. Кошанский), наряду с термином «стихотворство».

Итак, рецепция классического тривиума в трудах М. В. Ломоносова представляет собой начальную ступень образования, на которой формируются речемыслительные навыки будущей языковой личности. Грамматика дает навыки чтения, письма и понимания текстов (учит правильному пониманию значений и отбору слов, основам стиля); логика учит законам мышления, построению разных типов высказывания (предложение отражает суждение), объясняет устройство языковой системы; риторика учит правильно, красиво и убедительно выражать свои мысли (устно и письменно) в соответствии с заданной целью. Система словесных наук М. В. Ломоносова, и каждая из этих наук в особенности, послужили образцами для его учеников и последователей, заимствовавших и развивавших, трансформировавших его идеи (что наглядно представлено в таблице). В связи с кризисом риторики и формированием сравнительно-исторического метода с началом XIX в. этот тривиум постепенно распадается и в 30-е гг. превращается в новый, «словесный» тривиум грамматики, теории и истории словесности [37, с. 311–313].

Список источников

1. Аверинцев С. С. Филология // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4713046> (дата обращения: 17.05.24).
2. Ломоносов М. В. Российская грамматика // Полное собрание сочинений. АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. URL: <https://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-3892.htm> (дата обращения: 17.05.24).
3. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки // Полное собрание сочинений. АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 89–378. URL: <https://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-0892.htm> (дата обращения: 17.05.24).
4. Аннушкин В. И. Задачи освоения и изучения «Краткого руководства к красноречию» // Литературоведческий журнал № 29: Материалы XII Международных научных чтений памяти Н.Ф. Фёдорова / РАН. Отд-ние ист.-филол. наук. Секция языка и лит., ИНИОН; Гл. ред. Николюкин А.Н. М.: ИНИОН, 2011. С. 236–249.
5. Серов Б. Н. Братские школы // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2000 – Т.6. С. 194–198. URL: <https://www.pravenc.ru/text/153351.html> (дата обращения: 17.05.24).
6. Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII, первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
7. И. Адо. Свободные искусства и философия в античной мысли. М.: Греко-лат. кабинет (ГЛК), 2002. 475 с.
8. Ломоносов М. В. О нынешнем состоянии словесных наук в России // Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 579–583. URL: <https://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/Lo7-5792.HTM> (дата обращения: 17.05.24).
9. Ломоносов М. В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия // Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 19–79. URL: <https://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-0192.htm> (дата обращения: 17.05.24).
10. Рижский И. С. Умословие, или Умственная философия, написанная в С. Петербургском горном училище в пользу обучающегося в нем юношества Иваном Рижским. В Санктпетербурге: в типографии Горного училища, 1790. 244 с.
11. Борн И. М. Краткое руководство к российской словесности. Санктпетербург: Печатано в типографии Ф. Дрехслера, 1808. 162 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002986877?page=179&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 17.05.24).
12. Якоб Л. Г. Курс философии для гимназий Российской империи, сочиненный доктором Лудвигом Гейнрихом Якобом, коллежским советником и кавалером, изданный от Главного правления училищ. Ч. 2. Начертание всеобщей грамматики. Санкт-Петербург: печатано при Императорской Академии наук, 1812. 104 с.
13. Кошанский Н. Ф. Начальные правила русской грамматики: Для благородных воспитанников Университетского пансиона. Издание шестое. Москва: В Университетской типографии, 1822. 93 с.
14. Давыдов И. И. Учебная книга русского языка: Содержащая этимологию, орфографию, синтаксис, просодию и краткие правила риторики: Для благородных воспитанников Университетского пансиона. Издание второе. Москва: В Университетской типографии, 1823. 158 с.
15. Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля: Пер. с франц., коммент. и послесл. Н. Ю. Бокадоровой / Общ. ред. и вступ. ст. Ю. М. Степанова. М.: Прогресс, 1990. 272 с.

16. *Маковельский А. О.* История логики. М.; Жуковский: Кучково поле, 2004 (Калуга: ГУП Облиздат). 478 с.
17. *Барулина Л. Г.* Вопросы теории познания и логики в трудах М. В. Ломоносова: дис. ...канд. философ. Наук: М., 1952. 244 с.
18. *Бажанов В. А.* История логики в России и СССР: (концептуальный контекст университетской философии). Москва: КАНОН+, 2007. 335 с.
19. Словарь русского языка XVIII в. Л.: Наука, 1984. Вып. 17. Оный – Открыть. 253 с. URL: <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/15/sl1806507.htm> (дата обращения: 17.05.24).
20. *Курганов Н. Г.* Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие: Предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку: С семью присовокуплениями разных учебных и полезнотрагических вещей. Издано во граде святого Петра: [Тип. Морск. кад. корпуса], 1769. 424 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000202_000006_2568023?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 17.05.24).
21. *Амвросий (Серебренников), арх.* Краткое руководство к оратории российской: Сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося. В Москве: В Университетской типографии, 1778. 168 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003339469?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 17.05.24).
22. Краткий и всеобщий чертеж наук и свободных художеств: Российское сочинение. Москва: Унив. тип., у В. Огорокова, 1792. 93 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003341158?page=5&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 17.05.24).
23. *Давыдов И. И.* Система российской словесности. Сост. проф. Иван Давыдов. Москва: Унив. тип., 1832. 41 с.
24. *Рижский И. С.* Опыт риторики, сочиненный и преподаваемый в С.-Петербургском Горном Училище. 2-е изд. Харьков, 1805 г.
25. *Нехачин И. В.* Новое краткое понятие о всех науках, или детская настольная учебная книга. Изд. Дмитрием и Иваном Нехачиным. В 4х отд. Отд. 1. М.: Тип. А. Решетникова, 1796–1797. 228 с.
26. *Никольский А. С.* Краткая логика и риторика: Для учащихся в российских духовных училищах. Издание 4-ое. Москва: В типографии Н. С. Всеволожского, 1817. 76 с.
27. *Никольский А. С.* Основания российской словесности. Издание 5-ое. Санктпетербург: В типографии Ивана Глазунова, 1823. Ч. 1: Грамматика. 87 с. Ч. 2: Риторика. 121 с.
28. *Мерзляков А. Ф.* Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических, изд. для благородных воспитанников Московского Университетского Пансиона профес. А. Мерзляковым. Изд. 4ое. М.: в Университетской Типографии, 1828. 113 с.
29. *Мерзляков А. Ф.* Краткое начертание теории изящной словесности: В двух частях. Издано профессором А. Мерзляковым. Москва: В Университетской типографии, 1822. Ч.1: [Пиитика]. 328 с.
30. *Греч Н. И.* Учебная книга русской словесности или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории русской литературы, изданные Николаем Гречем. 2-е изд., испр. Санкт-Петербург: тип. Имп. Воспитат. дома, 1830. 4 т. Ч. 3: [Поэзия: Краткие правила пиитики]. 327 с.
31. *Гаспаров М. Л.* Средневековые латинские поэтики в системе средневековой грамматики и риторики // Избранные труды, том I. О поэтах. М.: «Языки русской культуры», 1997. С. 590–657.
32. *Аполлос (Байбаков А.Д.), архим.* Правила пиитические: В пользу юношества, обучающегося в Московской славено-греко-латинской академии, в Заиконоспасском монастыре. Выбранные и в Вольном Российском собрании, что при Имп. Московском университете одобренные. Собрал из разных мест Моск[овской] Ак[адемии] поэзии учитель и тогож Собрания почетный член Андрей Байбаков 1774 года. [Москва]: Печ. при Императорском Московском университете, [1774]. 40 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003340655?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 17.05.24).
33. *Рижский И.* Наука стихотворства, сочиненная Императорской российской академии членом, коллежским советником и кавалером Иваном Рижским, и оною Академией изданная. Санкт-Петербург: Тип. В. Плавильщикова, 1811. 352 с.
34. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. Санкт-Петербург: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907. Т. 24а: Полярные сияния – Прая. 1898. С. 476–958. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003924212?page=3&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 17.05.24).
35. *Давыдов И. И.* Начальные основания логики: Для благородных воспитанников Университетского пансиона. Москва: В Университетской типографии, 1821. 149 с.
36. *Якоб Л. Г.* Умозрение словесных искусств, для гимназий Российской империи, сочиненное Людвигом Гейнрихом Якобом, коллежским советником и кавалером. Издано от Главного правления училищ, в Санктпетербурге, при Императорской Академии наук, 1813. 103 с.
37. *Аннушкин В. И.* Русская риторика: исторический аспект: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2003. 397 с.

References

1. Averintsev, S. S. (2004–2017). *Filologiya* [Philology]. Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4713046> (accessed 17.05.24). (In Russian)
2. Lomonosov, M. V. (1952). *Rossiiskaya grammatika* [Russian Grammar]. Polnoe sobranie sochinenii. Akademiya nauk SSSR. T. 7: Trudy po filologii 1739–1758, pp. 389–578. Moscow, Leningrad, izd-vo AN SSSR. URL: <https://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-3892.htm> (accessed 17.05.24). (In Russian)

3. Lomonosov, M. V. (1952). *Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiyu. Kniga pervaya, v kotoroi sodержitsya ritorika, pokazuyushchaya obshchie pravila oboego krasnorechiya, to est' oratorii i poezii, sochinennaya v pol'zu lyubyashchikh slovesnye nauki* [A Brief Guide to Eloquence. The First Book, Rhetoric]. Polnoe sobranie sochinenii. Akademiya nauk SSSR. T. 7: Trudy po filologii 1739–1758, pp. 89–378. Moscow, Leningrad, izd-vo AN SSSR. URL: <https://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-0892.htm> (accessed 17.05.24). (In Russian)
4. Annushkin, V. I. (2011). *Zadachi osvoeniya i izucheniya "Kratkogo rukovodstva k krasnorechiyu"* [Tasks of Familiarization and Studying the "Brief Guide to Eloquence"]. Literaturovedcheskii zhurnal No. 29. Materialy XII Mezhdunarodnykh nauchnykh chtenii pamyati N. F. Fedorova. RAN. Otd-nie ist.-filol. nauk. Sektsiya yazyka i lit., INION, pp. 236–249. Moscow, INION. (In Russian)
5. Serov, B. N. (2000). *Bratskie shkoly* [Orthodox Fraternity Schools]. Pravoslavnyaya entsiklopediya. T. 6, pp. 194–198. Moscow, Tserkovno-nauchn. tsentr "Pravoslavnyaya entsiklopediya". URL: <https://www.pravenc.ru/text/153351.html> (accessed 17.05.24). (In Russian)
6. Andreev, A. Yu. (2009). *Rossiiskie universitety XVIII, pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoi istorii Evropy* [Russian Universities of the 18th, the First Half of the 19th Centuries in the Context of the European University History]. 640 p. Moscow, Znak. (In Russian)
7. Ado, I. (2002). *Svobodnye iskusstva i filosofiya v antichnoi mysli* [Liberal Arts and Philosophy in Ancient Thought]. 475 p. Moscow, Greko-lat. kabinet. (In Russian)
8. Lomonosov, M. V. (1952). *O nyneshnem sostoyanii slovesnykh nauk v Rossii* [On the Current State of Verbal Sciences in Russia]. Polnoe sobranie sochinenii. Akademiya nauk SSSR. T. 7: Trudy po filologii 1739–1758, pp. 579–583. Moscow, Leningrad, izd-vo AN SSSR. URL: <https://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/Lo7-5792.HTM> (accessed 17.05.24). (In Russian)
9. Lomonosov, M. V. (1952). *Kratkoe rukovodstvo k ritorike na pol'zu lyubitelei sladkorechiya* [A Brief Guide to Rhetoric]. Polnoe sobranie sochinenii. Akademiya nauk SSSR. T. 7: Trudy po filologii 1739–1758, pp. 19–79. Moscow, Leningrad, izd-vo AN SSSR. URL: <https://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-0192.htm> (accessed 17.05.24). (In Russian)
10. Rizhskii, I. S. (1790). *Umoslovie, ili Umstvennaya filosofiya, napisannaya v S. Peterburgskom gornom uchilishhe v pol'zu obuchayushhegosya v nem yunoshstva Ivanom Rizhskim* [Logic, or Mental Philosophy]. 244 p. Saint-Petersburg, v tipografii Gornogo uchilishcha. (In Russian)
11. Born, I. M. (1808). *Kratkoe rukovodstvo k rossiiskoi slovesnosti* [A Brief Guide to the Russian Literature ('Slovesnost')]. 162 p. Saint-Petersburg, v tipografii F. Drekhslera. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002986877?page=179&rotate=0&theme=white> (accessed 17.05.24). (In Russian)
12. Yakob, L. G. (1812). *Kurs filosofii dlya gimnazii Rossiiskoi imperii, sochinennyi doktorom Ludvigom Geinrikhom Yakobom, kollezhskim sovetnikom i kavalerom, izdannyi ot Glavnogo pravleniya uchilishh. Ch. 2. Nachertanie vseobshhei grammatiki* [Philosophy Course for Gymnasiums of the Russian Empire. Part 2: Description of the Universal Grammar]. 104 p. Saint-Petersburg, pechatano pri Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian)
13. Koshansky, N. F. (1822). *Nachal'nye pravila russkoi grammatiki: Dlya blagorodnykh vospitannikov Universitetskogo pansiona* [Elementary Rules of Russian Grammar]. 6-e izd. 93 p. Moscow, v Universitetskoi tipografii. (In Russian)
14. Davydov, I. I. (1823). *Uchebnaya kniga russkogo yazyka: Soderzhashchaya etimologiyu, orfografiyu, sintaksis, prosodiyu i kratkie pravila ritoriki: Dlya blagorodnykh vospitannikov Universitetskogo pansiona* [The Textbook of the Russian Language]. 2-e izd. 158 p. Moscow, v Universitetskoi tipografii. (In Russian)
15. Arno, A., Lanslo, K. (1990). *Grammatika obshchaya i ratsional'naya Por-Royal'a* [General and Rational Grammar of the Port-Royal]. Per. s frants., komment. i poslesl. N. Yu. Bokadorovoi. 272 p. Moscow, Progress. (In Russian)
16. Makovel'skii, A. O. (2004). *Istoriya logiki* [The History of Logic]. 478 p. Moscow, Zhukovskii, Kuchkovo pole (Kaluga, GUP Oblizdat). (In Russian)
17. Barulina, L. G. (1952). *Voprosy teorii poznaniya i logiki v trudakh M. V. Lomonosova: dis. ...kand. filos. nauk* [Questions of the Theory of Knowledge and Logic in the Works of M. V. Lomonosov: Ph.D. Thesis]. Moscow, 244 p. (In Russian)
18. Bazhanov, V. A. (2007). *Istoriya logiki v Rossii i SSSR: (kontseptual'nyi kontekst universitetskoi filosofii)* [The History of Logic in Russia and the USSR: (The Conceptual Context of University Philosophy)]. 335 p. Moscow, KANON+. (In Russian)
19. *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* (1984) [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Vyp. 17. Onyi–Otkrutit'. 253 p. Leningrad, Nauka. URL: <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/15/sl1806507.htm> (accessed 17.05.24). (In Russian)
20. Kurganov, N. G. (1769). *Rossiiskaya universal'naya grammatika, ili Vseobshhee pismoslovie: Predlagayushhee legchaishii sposob osnovatel'nogo ucheniya russkomu yazyku: S sem'yu prisovokupleniyami raznykh uchebnykh i poleznobavnykh veshij* [Russian Universal Grammar, or Universal Writing: Offering the Easiest Way to Thoroughly Teach the Russian Language]. 424 p. Izdano v grade svyatogo Petra (Tip. Morsk. kad. korpusa). URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000202_000006_2568023?page=1&rotate=0&theme=white (accessed 17.05.24). (In Russian)
21. Amvrosii (Serebrennikov), arkh. (1778). *Kratkoe rukovodstvo k oratorii rossijskoi: Sochinennoe v Lavrskoi seminarii v pol'zu yunoshstva, krasnorechiyu obuchayushhagosya* [A Brief Guide to the Russian Oratory]. 168 p. Moscow, v Universitetskoi tipografii. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003339469?p

age=1&rotate=0&theme=white (accessed 17.05.24). (In Russian)

22. *Kratkii i vseobshchii chertezh nauk i svobodnykh khudozhestv: Rossiiskoe sochinenie* (1792) [A Brief and General Drawing of Sciences and Liberal Arts: A Russian Essay]. 93 p. Moscow, v Universitetskoi tipografii u V. Okorokova. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003341158?page=5&rotate=0&theme=white> (accessed 17.05.24). (In Russian)

23. Davydov, I. I. (1832). *Sistema rossiiskoi slovesnosti* [The System of Russian Literature ('Slovesnost')]. 41 p. Moscow, v Universitetskoi tipografii. (In Russian)

24. Rizhskii, I. S. (1805). *Opyt ritoriki, sochinennyi i prepodavaemyi v S.-Peterburgskom Gornom Uchilishche* [Experience in Rhetoric, Composed and Taught at the St. Petersburg Mining School]. 2-e izd. Khar'kov. (In Russian)

25. Nekhachin, I. V. (1796–1797). *Novoe kratkoe ponyatie o vsekh naukakh, ili detskaya nastol'naya uchebnaya kniga*. V 4-kh otd. [A New Brief Concept of All Sciences, or a Children's Desktop Educational Book]. Otd. 1. 228 p. Moscow, tipografiya A. Reshetnikova. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000207_000017_RU_RGDB_BIBL_0000360529?page=210&rotate=0&theme=white (accessed 17.05.24). (In Russian)

26. Nikol'skii, A. S. (1817). *Kratkaya logika i ritorika: Dlya uhashchikh v rossiiskikh dukhovnykh uchilishchakh* [Brief Logic and Rhetoric: For Students of Russian Theological Schools]. 4-e izd. 76 p. Moscow, v tipografii N. S. Vsevolozhskogo. (In Russian)

27. Nikol'skii, A. S. (1823). *Osnovaniya rossiiskoi slovesnosti* [The Foundations of Russian Literature]. 5-e izd. Ch. 1: Grammatika. 87 p. Ch. 2: Ritorika. 121 p. St. Petersburg, v tipografii Ivana Glazunova. (In Russian)

28. Merzlyakov, A. F. (1828). *Kratkaya ritorika, ili Pravila, otnosyashchiesya ko vsem rodam sochinenii prozaicheskikh, izd. dlya Blagorodnykh vospitannikov Moskovskogo Universitetskogo Pansiona* [Brief Rhetoric, or Rules Relating to All Kinds of Works in Prose]. 4-e izd. 113 p. Moscow, v Universitetskoi tipografii. (In Russian)

29. Merzlyakov, A. F. (1822). *Kratkoe nachertanie teorii izyashnoi slovesnosti: V dvukh chastyakh* [Brief Outlines of The Theory of Fine Literature: In Two Parts]. Ch.1: [Piitika]. 328 p. Moscow, v Universitetskoi tipografii. (In Russian)

30. Grech, N. I. (1830). *Uchebnaya kniga russkoi slovesnosti ili Izbrannye mesta iz russkikh sochinenii i perevodov v stikhakh i proze, s prisovokupleniem kratkikh*

pravil ritoriki i piitiki i istorii russkoi literatury, 4 t. [Russian Literature Textbook or Selected Passages from Russian Writings and Translations in Verse and Prose, Vol. 4]. 2^{oye} izd. Ch. 3. Poyeziya: Kratkie pravila piitiki. 327 p. St. Petersburg, tip. Imp. Vospitat. doma. (In Russian)

31. Gasparov, M. L. (1997). *Srednevekovye latinskie poetiki v sisteme srednevekovoi grammatiki i ritoriki* [Medieval Latin Poetics in the System of Medieval Grammar and Rhetoric]. Izbrannye Trudy, tom I, pp. 590–657. O poetakh. (In Russian)

32. Apollos (Baibakov, A. D.), arkhim. (1774). *Pravila piiticheskie: V pol'zu yunoshestva, obuchayushhegosya v Moskovskoi slaveno-greko-latinskoi akademii, v Zaikonospasskom monastyre* [Piitical Rules: To Benefit the Youth Studying at the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy, at the Zaikonospassky Monastery]. 40 p. Moscow, v Universitetskoi tipografii. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003340655?page=1&rotate=0&theme=white> (accessed 17.05.24). (In Russian)

33. Rizhskii, I. (1811). *Nauka stikhotvorstva, sochinennaya Imperatorskoi rossiiskoi akademii chlenom, kollezhskim sovetnikom i kavalerom Ivanom Rizhskim, i onoyu Akademiei izdannaya* [The Science of Poetry]. 352 p. Saint-Petersburg, tipografiya V. Plavilshchikova. (In Russian)

34. *Entsiklopedicheskii slovar'*, pod red. prof. I. E. Andreevskogo. (1890–1907). T. 24a: Polyarnyya siyaniya – Praya [Encyclopedic Dictionary, edited by Prof. I. E. Andreevskiy]. Pp. 476–958. St. Petersburg: F. A. Brockhaus, I. A. Efron. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003924212?page=3&rotate=0&theme=white> (accessed 17.05.24). (In Russian)

35. Davydov, I. I. (1821). *Nachal'nye osnovaniya logiki: Dlya blagorodnykh vospitannikov Universitetskogo pansiona* [The Initial Foundations of Logic]. 149 p. Moscow, v Universitetskoi tipografii. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000207_000017_RU_RGDB_BIBL_0000360458?page=5&rotate=0&theme=white (accessed 17.05.24). (In Russian)

36. Yakob, L. G. (1813). *Umozrenie slovesnykh iskusstv, dlya gimnazii Rossiiskoi imperii, sochinennoe Lyudvigom Geinrikhom Yakobom, kollezhskim sovetnikom i kavalerom* [Speculation of Verbal Arts, for Gymnasiums of the Russian Empire]. 103 p. St. Petersburg, pechatano pri Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian)

37. Annushkin, V. I. (2003). *Russkaya ritorika: istoricheskii aspekt. Ucheb. posobie* [Russian Rhetoric: A Historical Aspect]. 397 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)

The article was submitted on 25.06.2024

Поступила в редакцию 25.06.2024

Макарова Любовь Евгеньевна,
преподаватель,
Академия хорового искусства
им. В. С. Попова,
125565, Россия, Москва,
Фестивальная, 2.
lmakarova@yandex.ru

Makarova Liubov Yevgenyevna,
Assistant Professor,
V. Popov Academy of Choral Art,
2 Festivalnaya Str.,
Moscow, 125565, Russian Federation.
lmakarova@yandex.ru

УДК 81-26

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-77-83

ЧЕЛОВЕК КАК ОБЪЕКТ НОМИНАЦИИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ФОТОГРАФОВ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

© Маргарита Михайлова, Гульнара Ильдуганова, Рузиля Вахитова

PERSON AS AN OBJECT OF NOMINATION IN THE INSTITUTIONAL DISCOURSE OF PHOTOGRAPHERS: SEMANTIC AND PRAGMATIC ASPECTS

Margarita Mikhaylova, Gulnara Ilduganova, Ruzilia Vakhitova

The article analyzes the semantics of photo-participants' nominations, the principles and reasons for their distribution in Russian and English versions of the photographers' institutional discourse. We assume that the analysis of photo-participants' nominations is relevant, because it reveals the socio-professional and status-role relations of the communication participants by means of creating units using the associative ability of words. Moreover, it indicates emotional-evaluative relations within the institution of the photo activity participants and a linguo-creative potential of the communicants. The result of the study is a classification of nominations, based on the denotative macrocomponent, which made it possible to identify groups of photography subjects, demonstrating 1) complementary signs of professionalism and social status; 2) certain brands of photographic equipment; 3) certain events, objects and locations. The photographed people are represented by a group of nominations classified according to their professional criteria, events or emotions. The connotative macrocomponent indicates a socio-professional confrontation expressed by a dismissive, derogatory or abusive seme. The mechanisms of semantic transformation, when creating nominations for participants in the photo process, are diverse and actualize images, both obvious and difficult to identify and interpret. The appearance of the photographers and other participants' nominations in the photographic process is due to extralinguistic (to give designations for persons performing new activities) and intralinguistic factors (inconsistency of the existing nomination with the requirements of communicants).

Keywords: institutional discourse, nomination, name, photographer, denotative macrocomponent, connotative macrocomponent

Статья нацелена на изучение семантики номинаций участников фотосъемки, механизмов и причин их появления в русском и английском вариантах институционального дискурса фотографов. Полагаем, что анализ номинаций участников фотодеятельности актуален, так как раскрывает социально-профессиональные и статусно-ролевые отношения между участниками коммуникации посредством создания единиц с использованием ассоциативного потенциала слов, указывает на эмоционально-оценочные отношения внутри института участников фотодеятельности и демонстрирует лингвокреативный характер коммуникантов. Результатом исследования выступает классификация номинаций на основе денотативного макрокомпонента, который позволил выделить группу субъекта фотосъемки, демонстрирующую 1) комплементарные признаки профессионализма и социального статуса; 2) определенные бренды фотооборудования; 3) определенные мероприятия, объекты, локации фотосъемки. Объекты фотосъемки представлены группой номинаций, классифицируемых по профессиональному признаку, мероприятию или эмоциям участников. Коннотативный макрокомпонент указывает на социально-профессиональное противостояние и выражен пренебрежительной, уничижительной или бранной семой. Механизмы семантических переосмыслений при создании номинаций участников фото процесса разнообразны и актуализируют образы как очевидные, так и сложные для идентификации и интерпретации. Появление наименований фотографов и других участников фото процесса обусловлено экстралингвистическим (дать обозначения для лиц, выполняющих новую деятельность) и внутрилингвистическим (несоответствие существующей номинации требованиям коммуникантов) факторами.

Ключевые слова: институциональный дискурс, номинация, наименование, фотограф, денотативный макрокомпонент, коннотативный макрокомпонент

Для цитирования: Михайлова М., Ильдуганова Г., Вахитова Р. Человек как объект номинации в институциональном дискурсе фотографов: семантический и прагматический аспекты // *Филология и культура. Philology and Culture*. 2024. № 3 (77). С. 77–83. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-77-83

Человек как объект номинации не становился объектом изучения в русскоязычном и англоязычном институциональных дискурсах людей, занятых в фотодеятельности, но были исследованы некоторые аспекты коммуникации в фотообществах. Е. И. Голованова [1] изучала механизмы фиксации профессионального восприятия мира на материале фольклора фотографов, М. И. Солнышкина и О. Ю. Амурская [2] анализировали дискурс сообществ обмена фотографиями, М. А. Михайлова рассматривала профессиональную предметную сферу как аспект профессионального дискурса фотографов [3].

Полагаем, что институциональный дискурс фотографов – это вербальное общение людей в устной и/или письменной форме, где по крайней мере один из участников коммуникации является представителем фотоиндустрии «для решения теоретических и/или практических задач, требующих специальной подготовки, теоретических знаний и практического опыта в сфере искусства фотографии» [4, с. 51]. Участниками фото процесса выступают люди, осуществляющие фотосъемку (фотограф, ассистент фотографа, редактор снимков, техник/мастер по съемному оборудованию, фотограф-любитель), и люди, являющиеся объектом съемочного процесса (клиент, модель, креативный дизайнер и др.). Таким образом, институциональный дискурс фотографов включает общение профессионала с профессионалом и профессионала с непрофессионалом и реализуется в заданных рамках статусно-ролевых отношений.

Считаем, что лексические репрезентации наименований лиц по профессии являются «составляющими единой категории профессионального деятеля» [5, с. 61] и выступают неотъемлемой частью институционального дискурса людей, занятых в фотодеятельности.

Задачами, способствующими достижению цели, явились: 1) сбор наименований участников процесса фотографирования русского и английского вариантов дискурса; 2) классификация собранного лексического материала на основе денотативного признака и выявление коннотативного макрокомпонента в значениях номинаций; 3) верификация механизмов семантических переосмыслений; 4) выявление причин появления номинаций людей, профессионально связанных с

искусством фотографии в русскоязычном и англоязычном изучаемых дискурсах.

Методологической базой исследования выступают: 1) метод сплошной выборки, позволяющий сформировать лексический корпус исследования, материалом которого послужили оригинальные тексты, размещенные на русскоязычных и англоязычных фотосайтах; 2) метод классификации, актуализированный при упорядочении номинаций в группы на основе идентифицирующего денотативного признака; 3) семантический анализ слова в контексте, который использовался при вычленении идентифицирующих сем в денотативном и коннотативном макрокомпонентах номинаций и позволил выявить механизмы семантических переосмыслений; 4) изучение причин образования номинаций людей фотоиндустрии, опирающийся на прагматический лингвистический анализ.

Фактическим материалом исследования послужили 113 единиц русского и 166 единиц английского вариантов институционального дискурса фотографов. Источником материала исследования послужили тексты, размещенные на русскоязычных «Photography.Ru» [6] и «КлубФото.Ru» [7] и англоязычном «Photo Net» [8] форумах с 2022 по 2024 г.

Выявление денотативного компонента в значениях номинаций людей, задействованных в фотоиндустрии, в русском и английском вариантах институционального дискурса фотографа позволило распределить лексические единицы по двум основным группам: 1) субъект фотосъемки (фотографы и лица, которые участвуют в редакции фотоснимков); 2) объект фотосъемки (фотографируемые).

В русском и английском вариантах дискурсов фотографов группы номинаций представлены наименованиями с различными понятийными признаками, которые указывают на идентичность фотографа, что подтверждает положение Е. А. Рудневой о том, что «вход новых идеологий в информационное поле приводит к увеличению количества языковых вариантов» [9, с. 164].

Наименования фотографов с комплементарным признаком уровня профессионализма реализуются в бинарной категории «профессиональный фотограф – непрофессиональный фотограф», что демонстрирует внеязыковую профес-

сиональную иерархию. Денотативными макрокомпонентами номинативных единиц русского языка **профессиональный фотограф, профи, фотограф-знаток, фотограф-профессионал** и английского языка **pro** от professional (букв. 'про'), **protographer** от professional photographer (букв. 'про фотограф'), **primary photographer** (букв. 'основной фотограф') выступают понятийные признаки 'занимающийся фотографией как профессией' и 'безупречно, мастерски фотографировать'. Примечательно, что наименования профессионалов несут нейтральную коннотацию. Например, «Мой знакомый **профи** тестил Leica vario-elmarit-sl 24-70 F/2.8 и был в восторге?» [7]. «**Фотографы-знатоки**, подскажите модель!» [Там же]. "I think you'll be happier in the long-run to hire **a protographer** who has the gear and the skill to produce professional-looking products" [8]. – «Я думаю, что в долгосрочной перспективе вы будете счастливее, если наймете **профессионального фотографа**, у которого есть оборудование и навыки для создания профессионально выглядящих продуктов» (здесь и далее перевод М. А. Михайловой. – М. М., Г. И., Р. В.). "Any working **pro** has had or will have clients like this!" [6]. – «У любого работающего **профессионала** были или будут такие клиенты».

Появление наименований непрофессиональных или начинающих фотографов в низком регистре коммуникации обусловлено взаимономинацией специалистов и отражает противостояние фотографов в профессиональной среде и их неодобрительное отношение друг к другу. Одним из параметров, обуславливающих наименование непрофессионала, является выполняемая человеком функция. Например, профессионализм русского языка **оруженосец** 'помощник основного фотографа, который носит оборудование для съемки' образован путем переосмысления предмета ношения – оружие молодого воина и фотооборудование фотографа. В основу наименования неопытного фотографа в английском варианте институционального дискурса легло переосмысление единицы **machine gunner** (букв. 'пулеметчик') 'неопытный фотограф, делающий большое количество однотипных снимков без изменения настроек, например, экспозиции'. «У меня есть свадьбы, где ассистент тупо **оруженосец**, а оплата 10 % от прибыли» [7]. "A **machine gunner** takes multiple shots even though he needs one" [6]. – «**Пулеметчик** делает несколько снимков, хотя ему нужен один».

Конкретным мотиватором семантической деривации, основанной на схожести функции деятеля, является глагол действия. В английском дискурсе непрофессиональный фотограф, делающий большое количество некачественных снимков, именуется **clicker** от глагола **click** (букв. 'нажимать'), **snapper** от **snapp** (букв. 'щелкать'). Например: "Without understanding of man there is no photographer. There is just a **clicker**" [6]. – «Без понимания человека нет фотографа. Есть просто **кликер**». "Cindy, did your photo shoot turn out nice? No, it was awful. That guy was such a **snapper**" [10]. – «Синди, твоя фотосессия получилась хорошей? Нет, это было ужасно. Этот парень просто щелкал». Наименования по схожести функций или действия отражают разграничение видов профессиональной деятельности во внеязыковой действительности.

Следующая группа охватывает номинацию фотографов, только начавших деятельность. Профессионализмы русскоязычных фотографов **новичок, новобранец, начинающий фотограф** и англоязычных фотограф **newbie** (букв. 'ново-рожденный'), **beginner** (букв. 'новичок'), **starter** (букв. 'новичок'), означающих начинающих и неопытных фотографов, подверглись специализации значения и приобретению денотативной семы 'в фотоиндустрии'. Например: «Мне иногда стреляет в голову, что нужно быстрее выходить из **начинающих фотографов**, тогда у меня случается период пополнения портфолио» [7]. "They would gradually work **the newbie** up to more and more difficult situations" [6]. – «Они бы постепенно подгоняли **новичка** ко все более и более трудным ситуациям».

Отдельную группу составляют номинации фотографов, пользующиеся определенной фототехникой или определенными программами для корректировки фотоизображений. В русскоязычном институциональном дискурсе указанная группа представлена следующими профессионализмами: **канонист/кенонист** 'приверженец, владелец фотоаппаратов Canon', **никонист** от Nikon, **оликовод/олимпусовод** от Olympus, **пентаксист** от Pentax, **соневод/соневед** от Sony, **фудживед** от Fuji. Например: «Эти **кэнонисты** заполнили весь интернет» [7]. «Еще один вопрос **никонистам**» [8]. «Из всех **пентаксистов**, которых я встречал, только 1 оказался порядочным (научный сотрудник), остальные подлецы» [8]. Англоязычный институциональный дискурс демонстрирует следующие варианты номинаций: **canonist/canonese** (букв. 'канонист') 'приверженец, владелец фотоаппаратов Canon', **nikonese/nikonite/nikonian** (букв. 'никонист') от Nikon, **pentaxian/Pentax guy** (букв. 'пентаксист')

¹ Орфография и пунктуация автора сохранены.

от Pentax. Например: “*I am Nikonian and really do not know how Canon AF system works in practice*” [6]. – «Я **никонист** и действительно не знаю, как на практике работает система Canon AF». – “*I am probably a Pentax guy but I never pondered getting their 70-200/2.8 for that sluggish AF!*” [6]. – «Я, вероятно, **пентаксист**, но я никогда не задумывался о том, чтобы получить 70-200/2,8 для этого вялого автофокуса!» Полагая, что возникновение номинаций фотографов, которые используют определенную марку фототехники или графического редактора в изучаемых дискурсах фотографов, является результатом социально-профессионального запроса создать наименования для новых референтов.

Отметим, что номинации **олимпусовод**, **олимпусовед**, **оликовод**, **соневед**, **соневод** образованы аффиксальным способом словообразования с суффиксоидом *-вод/-вед* со значением ‘лицо по профессии, связанное с какой-либо отраслью знания’ [11, с. 248], наименования **канонист**, **кенонист**, **пентаксист**, **никонист** заимствованы из английского варианта дискурса фотографов. Подобная закономерность моделей словообразования указывает на тенденцию к регулярности внутриязыковых отношений. Например, «Тут один **оликовод** сравнивал фиксы с зумами» [7]. «Можно сказать, что я **соневед**. Я работаю с RX100 II с зайцем F1.8» [7].

Обращает на себя внимание номинация **сапожник** ‘приверженец, владелец фотоаппаратов Canon’, возникшая посредством визуальной схожести графического облика единицы английского языка **Canon** и русского слова **сапог**. Подобный перенос наименования указывает на лингвокреативный характер деятелей фотоиндустрии. Например: «Нажимать в нужный момент на кнопку спуска затвора можно научить не только обезьяну, а даже **сапожника**» [7].

Фотографы, работающие в определенном месте или фотографирующие определенные предметы, события, именуются непосредственно с указанием предмета, сферы, места съемки на лексическом уровне, о чем свидетельствуют следующие профессионализмы русского языка: **аэрофотограф** ‘фотограф, делающий снимки территории с высоты’, **военный фотограф** ‘фотограф, снимающий боевые действия’, **макрофотограф/макрушник** ‘фотограф, делающий макро-снимки’, **фотограф-анималист** ‘фотограф животных’ и английского языка **army/military photographer** ‘военный фотограф’, **wedding photographer** ‘фотограф свадеб’, **portrait photographer** / **portraiture** ‘портретный фотограф’, **street photographer** / **street tog** ‘уличный фотограф’. Например, «Многие отечественные аэрофотогра-

фы были военными летчиками или учеными-геологами» [6]. “*I would find it hard if not self defeating to make a coherent case for Bresson not being a street photographer*” [8]. – Мне было бы трудно, даже саморазрушительно, привести вразумительные доводы в пользу того, что Брессон не является **уличным фотографом**.

Процесс фотографирования дуален – предполагает субъекта (фотографа) и объекта (фотографируемого) съемки. Интерес в аспекте лингвокреативности и языковой регулярности представляет группа наименований жениха, невесты и подружек невесты с капризным и нервным поведением в виду значимого мероприятия – **bridezilla** (букв. ‘невеста-годзилла’), **groomzilla** (букв. ‘жених-годзилла’), **bridesmaidzilla** (букв. ‘подружка-годзилла’). Указанные наименования несут негативную оценку и пренебрежительное отношение к референту. Например: “*At least no bridezilla and combative new spouse were involved*” [6]. – «По крайней мере, в этом не участвовали невеста и агрессивный новый супруг». Противоположной единицей в коннотативном аспекте выступает жаргонизм **bridechilla** от *bride* и *chill* (букв. ‘спокойный’) ‘спокойная невеста’ или **anti-bride** (букв. ‘анти-невеста’) ‘невеста с оригинальным, неклассическим образом’, демонстрирующие одобрительное отношение фотографов к референту. Например: “*A perfect wedding doesn’t exist. Forget unrealistic expectations. Don’t be a bridezilla*” [10]. – «Идеальной свадьбы не существует. Забудь о нереалистичных ожиданиях. Не будь **капризной невестой**».

Основой наименования родственников мужского или женского рода, выполняющих функцию фотографа на мероприятии, могут выступать антропонимы, например: **Uncle Bob**, **Aunt Sue**. Выбор собственных имен *Bob* и *Sue* объясняется их этнокультурной и исторической значимостью для англоговорящих фотографов. “*I also was Uncle Bob on a number of occasions*” [6]. – «Я также несколько раз был **дядей Бобом**».

В изучаемых вариантах институционального дискурса фотографов функционируют единицы с различной коннотацией, позволяющие дифференцировать эмоцию и оценку к фотографу или фотографируемому человеку. Например, фотограф, делающий снимки с автоматическими настройками, именуется **anti-photographer** (букв. ‘антифотограф’), **pseudo-photographer** (букв. ‘псевдофотограф’). “*It looks to me that those pictures were taken by anti-photographer... no focus, no exposure*” [10]. – «Мне кажется, что эти снимки были сделаны **антифотографом**... ни фокуса, ни экспозиции». В русском варианте дискурса фотографов зафиксированы вульгариз-

мы с бранным коннотативным компонентом: пренебрежительное **фотожопер** ‘человек, редактирующий фотографии не соответствуя современным стандартам’ от «фотошоппер». Например: «Господа **фотожоперы**, помогите советом!» [8].

В русскоязычном дискурсе зажатые и скованные клиенты фотосъемки именуются **хмуриками**, семантика жаргонизма выражается через апелляцию к глаголу **хмуриться**. Например: «Попадались вам молодожены **хмурики**?» [7].

Если в вышеуказанных примерах модель переосмысления понятна и очевидна, то в некоторых профессиональных наименованиях «знание об абстрактных объектах выражается через апелляцию к одному или нескольким конкретным предметам» [12, с. 113]. Например, ассоциация с комплексом профессиональных действий зафиксирована в единице **школьница** ‘модель с активной мимикой’. Результат работы способен выступать доминирующим при создании наименования, например **cover girl** (букв. ‘девушка с обложки’) ‘модель с обложки журнала’.

Таким образом, денотативный компонент позволил выделить группы наиболее релевантных номинаций людей в русскоязычном и англоязычном институциональных дискурсах фотографов, а именно субъект фотосъемки и объект фотосъемки. Первая группа демонстрирует следующие категории наименований: 1) наименования фотографов с комплементарным признаком профессионализма (профессиональные, непрофессиональные фотографы, новички в фотосфере); 2) наименования фотографов, пользующихся определенной фототехникой или определенными программами для корректировки фотоизображений; 3) наименования фотографов, снимающих определенные события и предметы. Вторая группа представлена участниками свадьбы, представителями модельного бизнеса и людей, не желающих фотографироваться. Денотативный макрокомпонент демонстрирует ведущую роль в формировании номинации лиц, занятых в фотоиндустрии, и является идентифицирующим признаком, который указывает на уровень профессиональных и социальных отношений, качество предоставляемых фотоуслуг, бренд фотооборудования, тип и местоположение съемки.

Наименования с коннотативным макрокомпонентом, а именно с ярко выраженной неодобрительной семой, объясняются потребностью в эмоционально-экспрессивном компоненте, тенденцией к дифференциации и дисфемизации.

Образы переосмысления, предназначенные для выражения предикативных признаков, разнообразны. Идентифицирующими семами вы-

ступают как очевидные внешние сходства референтов, так и ассоциации, основанные на смежной, неочевидной связи, которые отражаются в сознании участников фото процесса и выражаются в номинациях.

Причины порождения наименований участников фото процесса детерминированы экстралингвистическими и внутрилингвистическими факторами. В первом случае создание номинации объясняется социально-профессиональным запросом дать наименование новой профессии, новому виду деятельности. Во втором случае появление номинации обусловлено отсутствием в ее значении требуемой денотативной или коннотативной семы. Существующая номинация не соответствует требованиям коммуникантов.

Перспектива дальнейшего исследования видится в сравнительно-сопоставительном анализе институционального дискурса фотографа с другими институциональными дискурсами представителей различных профессий.

Список источников

1. Голованова Е. И. Отражение профессионального восприятия мира в устной коммуникации фотографов // Вестник Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 57. № 24. С. 208–211.
2. Amurskaya O. Y., Solnyshkina M. I. Photo-sharing communities discourse: strategies and language // Journal of Language and Literature. 2015. № 6 (2). P. 93–100.
3. Михайлова М. А. Профессиональный дискурс фотографов // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: материалы X Международной научно-практической конференции. Казань: Отечество, 2019. С. 177–180.
4. Михайлова М. А. Языковая личность фотографа (на материале русскоязычных и англоязычных интернет-форумов): дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2022. 259 с.
5. Голованова Е. И. Наименования лиц по профессии и должности в южноуральских деловых памятниках XVIII в. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naimenovaniya-lits-po-professii-i-dolzhnosti-v-yuzhnouralskih-delovyh-pamyatnikah-xviii-v/viewer> (дата обращения: 29.06.2024).
6. PR – Photographer.Ru. URL: <https://www.photographer.ru/> (дата обращения: 09.07.2024).
7. CFR – Club Foto.Ru. URL: <https://foto.ru/> (дата обращения: 09.07.2024).
8. PN – Photo Net. URL: <https://www.photo.net/> (дата обращения: 10.07.2024).
9. Руднева Е. А. Наименования людей с инвалидностью. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naimenovaniya-lyudey-s-invalidnostyu-v-sovremennom-russkom-yazyke/viewer> (дата обращения: 21.06.2024).

10. *UD* – Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=snapper&page=7> (дата обращения: 10.07.2024).

11. *РГ* – Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1982. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 1980. Т. 2: Синтаксис. 792 с.

12. Голованова Е. И. Лингвокреативный характер профессиональной номинации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokreativnyy-harakter-professionalnoy-nominatsii/viewer> (дата обращения: 21.06.2024).

References

1. Golovanova, E. I. (2011). *Otazhenie professional'nogo vospriyatiya mira v ustnoi kommunikatsii fotografov* [Reflection of Professional Perception of the World in Photographers' Oral Communication]. *Vestnik Chelyab. gos. un-ta. Filologiya. Iskuststvovedenie*. Vyp. 57. No. 24, pp. 208–211. (In Russian)

2. Amurskaya, O. Y., Solnyshkina, M. I. (2015). *Photo-sharing Communities Discourse: Strategies and Language*. *Journal of Language and Literature*. No. 6 (2), pp. 93–100. (In English)

3. Mikhailova, M. A. (2019). *Professional'nyi diskurs fotografov* [Professional Discourse of Photographers]. *Sokhranenie i razvitiye rodnykh yazykov v usloviyakh mnogonatsional'nogo gosudarstva: problemy i perspektivy: materialy X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Pp. 177–180. Kazan', Otechestvo. (In Russian)

4. Mikhailova, M. A. (2022). *Yazykovaya lichnost' fotografa (na materiale russkoyazychnykh i angloyazychnykh internetforumov): diss. ... k. filol. n.* [The Linguistic Personality of a Photographer (based on

Russian-language and English-language Internet forums): Ph.D. Thesis]. Kazan', 259 p. (In Russian)

5. Golovanova, E. I. (2018). *Naimenovaniya lits po professii i dolzhnosti v yuzhnoural'skikh delovykh pamyatnikakh XVIII v.* [Nominations of Persons by Profession and Position in the South Ural Business Monuments of the 18th Century]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naimenovaniya-lits-po-professii-i-dolzhnosti-v-yuzhnouralskih-delovykh-pamyatnikakh-xviii-v/viewer> (accessed: 29.06.2024). (In Russian)

6. *PR* – *Photographer.Ru*. URL: <https://www.photographer.ru/> (accessed: 09.07.2024). (In Russian)

7. *CFR* – *Club Foto.Ru*. URL: <https://foto.ru/> (accessed: 09.07.2024). (In Russian)

8. *PN* – *Photo Net*. URL: <https://www.photo.net/> (accessed: 10.07.2024). (In English)

9. Rudneva, E. A. (2023). *Naimenovaniya lyudei s invalidnost'yu* [Nominations of People with Disabilities]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naimenovaniya-lyudey-s-invalidnostyu-v-sovremennom-russkom-yazyke/viewer> (accessed: 21.06.2024). (In Russian)

10. *UD* – Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=snapper&page=7> (accessed: 10.07.2024). (In English)

11. *RG Russkaya grammatika: v 2 t.* (1980) [Russian Grammar: In Two Volumes]. Gl. red. N. Yu. Shvedova. T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya. 1980. T. 2: Sintaksis. 792 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

12. Golovanova, E. I. (2020). *Lingvokreativnyi kharakter professional'noi nominatsii* [The Linguistic and Creative Nature of Professional Nomination]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokreativnyy-harakter-professionalnoy-nominatsii/viewer> (accessed: 21.06.2024). (In Russian)

The article was submitted on 10.06.2024

Поступила в редакцию 10.06.2024

Михайлова Маргарита Андреевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
gergy-93@inbox.ru

Ильдуганова Гульнара Миншакировна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ildugan@mail.ru

Mikhailova Margarita Andreevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
gergy-93@inbox.ru

Ilduganova Gulnara Minshakirovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ildugan@mail.ru

Вахитова Рузиля Ирековна,
Старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ruzilya.vahitova@mail.ru

Vakhitova Ruzilia Irekovna,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ruzilya.vahitova@mail.ru

УДК 81'42:82

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-84-89

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОБРАЗОВ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ДИСКУРСАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОЛЬГИ СЛАВНИКОВОЙ И САРЫ ХОЛЛ)

© Гузель Насибуллова

IDENTIFICATION OF WOMEN AND MEN IMAGES IN RUSSIAN AND ENGLISH FICTIONAL DISCOURSE (BASED ON THE WORKS OF OLGA SLAVNIKOVA AND SARAH HALL)

Guzel Nasibullova

This work is carried out within the framework of anthropocentric linguistics, which focuses on the “man in language”. The main purpose of the study is to reveal specific ways of identifying men and women images in the modern female linguistic picture of the world. The research is based on the fictional discourse of Olga Slavnikova and Sarah Hall, contemporary female authors of Russian and English literature. The comparative analysis of the two pieces of discourse helps to reveal the individual characteristics of the female authors, as well as the national characteristics of the two linguistic worldviews. The novelty of this work is the first identification of men and women images from a female point of view. The study revealed that in the modern woman’s linguistic picture, the images of men and women differ from the established stereotypes due to their negative assessment and degradation of images. In lexical-semantic terms, female authors use various methods, the most active being connotative tropes and evaluative adjectives. The authors often refer to the zoomorphic image when identifying themselves and representatives of the opposite sex, and the assessment of a man is given through his comparison to a woman. To achieve the goal, the following methods were used: the descriptive, comparative, contextual methods and the stylistic analysis.

Keywords: discourse, man, woman, author-woman, identification, image

Данная работа выполнена в рамках антропоцентрической лингвистики, в центре которой рассматривается «человек в языке». Основная цель исследования – выявить специфические способы идентификации образов мужчины и женщины в современной женской языковой картине мира. Материалом исследования был выбран художественный дискурс Ольги Славниковой и Сары Холл – современных авторов-женщин русской и английской литературы. Сравнительный анализ двух дискурсов способствует раскрытию индивидуальных особенностей авторов-женщин, а также национальных особенностей двух языковых картин мира. Новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые рассматривается идентификация образа мужчины и женщины с женской точки зрения. Восприятие современной женщиной образов мужчины и женщины отличается от устоявшихся стереотипов, оно претерпевает изменения, которые выражаются в языковой картине мира способами отрицательной оценки и снижения сложившихся образов. В лексико-семантическом плане авторы-женщины используют различные способы, самыми активными из которых являются коннотативные тропы и оценочные прилагательные. Авторы часто обращаются к зооморфному образу при идентификации себя и представителей противоположного пола, также оценка мужчине дается через сравнение с женщиной. Для достижения цели были использованы следующие методы: описательный, сравнительный, контекстуального и стилистического анализа.

Ключевые слова: дискурс, мужчина, женщина, автор-женщина, идентификация, образ

Для цитирования: Насибуллова Г. Идентификация образов женщин и мужчин в русском и английском художественном дискурсе (на материале прозы Ольги Славниковой и Сары Холл) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 84–89. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-84-89

В языке существуют универсальные концепты, которые являются общими для всех языковых картин. Концепты «мужчина» и «женщина» – одни из таких фундаментальных понятий, которые занимают важное место в языковом сознании отдельной личности и всей лингвокультуре. Наряду с общечеловеческими устоявшимися качествами концепты имеют характеристики, свойственные только для определенной национальной картины мира.

Мужчина и женщина в языкознании рассматриваются как бинарные концепты феминности и маскулинности, которым посвящены многочисленные исследования (Е. И. Горошко, А. В. Кириллина, М. В. Ласкова, И. И. Халеева, З. Р. Хачмафова, R. Lakoff и др.). В обществе существуют устоявшие представления о роли, о характере мужчин и женщин, которые постулируются уже с древности. «Мужскими чертами характера считаются рациональность, хладнокровие; женскими – эмоциональность, чувствительность, легкая смена эмоциональных состояний, склонность к слезам» [1, с. 38].

Однако в современном мире устоявшиеся гендерные стереотипы меняются. Классическое понятие о мужчине и женщине утратило свою строгую противоположность и трансформировалось в сложную многомерную конструкцию. Исследователи в своих трудах, направленных на изучение культурологии и гендера, характеризуют современный мир как время «кризиса маскулинности» [2, с. 55]. Эти изменения ярко отражаются в художественной культуре мира современных авторов-женщин. Женская проза отражает общечеловеческие и национальные ценности нового мира. В художественных текстах авторы-женщины описывают реальность, окружающую их, раскрывают свой внутренний мир. Мы предполагаем, что исследование идентификации образа мужчины и женщины на материале женской прозы позволит увидеть отношения женщины к себе и противоположному полу.

Целью данной работы является исследование особенностей идентификации образа мужчины и женщины в современном русском и английском художественном дискурсе авторов-женщин.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в их творчестве отражаются особенности общечеловеческой и национальной культуры, в произведениях современных авторов-женщин изображается новая реальность, содержится определенный жизненный материал, в котором можно увидеть модель современного общества и его гендерную структуру. Анализ художественного дискурса авторов-женщин показывает, что появляются новые индивидуальные

языковые средства, характерные только для женского пера. Окружающий мир, созданный писательницами, их отношение к действительности создают женскую картину мира.

Также мы считаем, что сравнительный анализ художественного дискурса авторов-женщин поможет конкретизировать содержание концепта маскулинности и женственности в русском и английском языках и культурах.

Объектом нашего исследования является идентификация образов мужчины и женщины в художественном дискурсе Ольги Славниковой [3] и Сары Холл [4]. Под художественным дискурсом в этом случае мы понимаем совокупность текстов данных авторов. Обращение к творчеству этих писательниц обусловлено не только тем, что они являются представителями современной прозы, но и тем, что в центре произведений О. Славниковой и С. Холл описываются взаимоотношения мужчин и женщин. Материалом для исследования были выбраны сборники рассказов О. Славниковой «Любовь в седьмом вагоне» и сборник рассказов С. Холл «The Beautiful Indifference». В данных сборниках раскрываются основные проблемы в жизни женщин, их интересы, то, что больше волнует современную женщину.

Идентификацию образа мужчины и женщины в языковой картине мира О. Славниковой и С. Холл можно группировать по следующим параметрам: а) общая характеристика образа; б) характеристика по параметру «возраст»; в) характеристика по параметру «внешность»; г) характеристика по параметру «внутренний мир». Обращаясь к различным лингвистическим приемам, авторы-женщины дают свою оценку мужчине и женщине по вышеперечисленным категориям.

В художественном дискурсе О. Славниковой при концептуализации мужчины и женщины доминируют характеристики с отрицательной интерпретацией, это позволяет нам утверждать, что автор относится с критикой к противоположному полу и себя как женщину оценивает с самоиронией. В художественном дискурсе С. Холл чаще всего описывается влюбленная женщина, которая обоготворяет мужчину.

Исследуя репрезентации внешности женщин в языке, Н. Вулф пишет, что «обыденные вещи – внешний вид, тело, лицо, волосы, одежда – значат много» [5, с. 262]. Анализ художественного дискурса О. Славниковой и С. Холл доказывает, что современные женщины следуют принципам Н. Вулфа. В. Маслова предлагает рассматривать в рамках внешности не только рост, фигуру, одежду, но и голову, и ее части (глаза, волосы, нос, бороду, губы) [6, с. 129]. Авторы-женщины при создании образа героинь больше внимания

уделяют описанию именно частей головы, нежели росту и фигуре, а при описании мужчин преобладают характеристики фигуры.

При описании женщины О. Славникова в большей мере обращает внимание на глаза, волосы и лицо: ... *молодого блеска длинных хитреньких глаз, от веселых кудряшек, способных, казалось, звенеть, как бубенцы* [3, с. 11]. Через описание частей лица дается описание не только внешности, но и подчеркивается возраст героини. Звон бубенцов, блеск глаз олицетворяют молодость. Для привлечения внимания читателя к образу женщины писательница использует уменьшительно-ласкательные прилагательные: *хитренькие, молоденькая*.

Как отмечают исследователи творчества О. Славниковой, излюбленным приемом автора является «нанизывание образа» [7]. Автор использует широкий спектр сравнений. Она очень умело использует сравнительные обороты для выражения своих впечатлений, для оценки и для создания индивидуального неожиданного образа, при помощи которых в ее рассказах герои и героини предстают более понятными для читателя.

О. Славникова сравнивает человека либо с насекомым, либо с оловом, либо с едой. Например, при описании внешности женщины автор очень часто обращается к компаративным тропам с компонентом названий еды: ... *с лицом как сладкий сухофрукт* [3, с. 14]; ... *молоденькая, чье круглое личико напоминало подтаявший пломбир* [Там же, с. 42]; ... *седая баба с большими, как сухари, желтыми пятнами на плоском лице* [Там же, с. 69]. Как и в большинстве случаев, в выше приведенных примерах мы видим, что писательница акцентирует внимание на возраст женщины: *молоденькая, седая баба*.

Оценка героинь в художественном дискурсе О. Славниковой выражается через компаративные тропы с зооморфным компонентом. В основном писательница обращается к традиционным образам, таким как *женщина – бабочка, женщина – кошка*. Здесь также ярко проявляется снижение образа при концептуализации женщины: ... *с безумными глазами, как понесшей лошади* [Там же, с. 108]; ... *почувствовала себя мухой, ползущей по потолку* [Там же, с. 109].

Женщины С. Холл – существа одинокие, чувствительные, порой слабые, инфантильные, не способные постоять за себя, зависящие от мужчины, но с изящной внешностью.

Круг профессий героинь С. Холл так же узок, как и у героинь О. Славниковой. В основном авторы-женщины описывают свою сферу общения: это писательницы, филологи или переводчицы.

При идентификации внешности женщины С. Холл отмечает форму, длину и цвет волос.

При описании глаз автор всегда подчеркивает цвет, использует неожиданные, но положительные коннотации: *Her eyes were petrol blue, oily and volatile, ready to flare up and burn again. But they didn't ignite* [4, с. 5]. – *Ее глаза были серовато-голубыми, маслянистыми и изменчивыми, готовыми вспыхнуть и снова загореться. Но они не загорелись* (здесь и далее перевод наш – Г. Н.); ... *her eyes were what my grandad would have called ower glisky – bright after the rain* [Там же, с. 11]. – *Такие глаза мой дед называл бы «цвета эля глиски» – сияющими после дождя*.

С. Холл очень внимательно относится к описанию волос женщины. Для писательницы прически, цвет волос в первую очередь не признак привлекательности, она больше использует их для идентификации возраста: ... *gorgeous tumbling locks, brown and gleaming in their wedding photographs. ... it had thinned or greyed, for she now wore the unwilling bob of a woman proud for most of her life of her hair's beauty* [Там же, с. 53]... – *роскошные ниспадающие локоны, каштановые и сверкающие на их свадебных фотографиях. ... они поредели или поседели, потому что теперь она носила свободную стрижку женщины, которая раньше гордилась своими красивыми волосами...* По преображению прически можно проследить за возрастными изменениями женщины.

С. Холл внешность женщины описывает через самооценку героини. В большинстве случаев это недовольство собой, неудовлетворенность внешностью, что выражает неуверенность женщины в себе. Тщательное изображение внешности, внимательное описание каждого элемента показывает внутреннее недовольство героини собой. Автор обращает внимание на каждую деталь внешности: *She stood from the bed and looked at herself in the mirror. Her skin was luminous and secretive. She stared. After a minute or so her appearance became unstructured, a collection of shapes and colours.* [Там же, с. 33]. – *Она встала с кровати и посмотрела на себя в зеркало. Ее кожа была сияющей и упругой. Она смотрела. Примерно через минуту ее внешний вид стал бесструктурным, превратившись в набор форм и цвета*.

Глаза женских образов С. Холл в большинстве синего цвета, и в одежде женщины преобладает синий цвет: ... *She had bought a new dress. The blue was good on her, lighting her face and complementing her eyes* [Там же, с. 102]. – *Она купила новое платье. Синий цвет ей очень шел, освещая лицо и дополняя глаза* [Там же, с. 31]; *She had on*

her old blue bonnet ... [Там же, с. 47]. – На ней была старая синяя шляпка.

Компаративные тропы с зооморфным компонентом не так широко, как у О. Славниковой, используются в дискурсе С. Холл при идентификации образов. Английская писательница при описании женщины обращается к классическим образам, но при этом также проявляется снижение образа или отрицательная оценка: *She had eyes that got set off easily, like a dog chained up all its life and kicked about, prone to attack for no other provocation than it catches you looking its way* [Там же, с. 7]. – У нее были глаза, которые легко загорались как у собаки, которую всю жизнь держали на цепи и пинали ногами, склонной нападать только по той причине, что она поймает ваш взгляд в свою сторону. *Manda had her good features, those fire-dog eyes among them, and a heavy chest at fifteen, but that wasn't it* [Там же, с. 11]. – У Манды были хорошие черты лица, те самые глаза пожарной собаки и тяжелая грудь в пятнадцать лет, но это было не все. Выше представленные примеры также позволяют выделить некоторые модели метафорической концептуализации при описании героев. Интересен тот факт, что в произведениях О. Славниковой и С. Холл встречаются общие сферы-источники, которые идентифицируют противоположные полы. Одним из таких является концептуальная область ЧЕЛОВЕК – ЖИВОТНОЕ. В художественной картине мира О. Славниковой ментальные проекции строятся следующим образом: МУЖЧИНА – СОБАКА, ЖЕНЩИНА – КОШКА: ...*(мужчину) подкармливают, ...нажил ценой собачьей седины* [3, с. 152]; *треугольное личико (Лоры) с острым подбородком, скулы, покрытые легким пушком, глаза, огромные и круглые, напоминающие кружки лимона* [Там же, с. 135].

Из животного мира при концептуализации женщины в дискурсе С. Холл преобладают птицы. Автор использует неполные сравнения, построенные по конструкции образ-предмет: *...like rooks on their desks, sawing in her ear* – каркали ей на ухо, как грачи; *my appearance seemed hawkish* – мой вид показался ястребиным; *whittled as a swift's* [Там же, с. 127] – подтянулась, как стриж.

При создании образа мужчины писательницы используют различные лексико-семантические средства, если описание внешности у обеих авторов стабильны и совпадают со стереотипными характеристиками маскулинности; в описании внутреннего состояния можно заметить индивидуальные особенности дискурса.

При идентификации мужчины О. Славникова также часто обращается к компаративным тропам – сравнениям. Писательница в большей мере уделяет внимание внешности мужчины. При описании героев мы наблюдаем широкий круг образов сравнения: предметы обихода, транспортные средства, растения. Но самый частотный компонент – это зооморфные образы.

При описании внешности О. Славникова акцентирует внимание читателя на росте мужчины, волосах, наличии усов или бороды, на определенных частях тела героя: *руки болтались, будто брошенные весла; ноги были тяжелы, будто у каменной статуи; рука ... напоминала звено тракторной гусеницы; словно перегретый грузовик.*

О. Славникова ломает сложившийся стереотип «мужчина – лев, мужчина – орел, мужчина – сильное существо». В сравнительных оборотах автора с зооморфными компонентами наблюдается снижение образа. Мужчины О. Славниковой – мыши, жабы, щенки, различные насекомые. Автор обращается к животному миру не только при описании внешности мужчины, но и внутреннее состояние, чувства, характер героев раскрываются через зооморфные образы. Самые частотные компаративные тропы с зооморфным компонентом О. Славниковой можно группировать по следующей тематике:

Животные: *Солдатики ... похожие в респираторах на детишек, наряженных на елку ежиками и мышами* [3, с. 73]; *Небритый второй подбородок напоминал свернувшегося ежа* [Там же, с. 9]; *Но Геннадий Андреевич ... почувствовал себя тяжелой жабой* [Там же, с. 76].

Птицы: *... его глаза дивной красоты сделались как у совы* [Там же, с. 14]; *Его косая борода издали напоминала гусиное крыло* [Там же, с. 85]; *Был он похож одновременно на курицу и яйцо: узкоплечий, с большими женскими бедрами и яйцеобразной, совершенно лысой головой ...* [Там же, с. 101].

Насекомые: *... опять попал, как муха, в невидимую паутину ...* [Там же, с. 49].

При описании мужчины О. Славникова часто использует компаративные тропы с компонентом «растительный мир». Здесь также преобладает отрицательная оценка, снижение образа мужчины: *лысой, как гриб* [Там же, с. 63]; *оглушенный, с носом как баклажан* [Там же, с. 68]; *Иванов ... защитном костюме похожим на перезрелый желтый огурец; ... удивительные уши его цвели, будто голландские розы* [Там же, с. 89].

В русском семантическом словаре определение лексемы «мужчина» дается как оппозиционное понятию «женщина»: «Мужчина – лицо,

противоположное женщине по полу» [8]. Понятия «мужчина – женщина» являются архетипическими для человеческого сознания и базовыми для русской культуры, всегда рассматриваются во взаимосвязи. Эта взаимосвязь проходит красной нитью через всю художественную картину мира О. Славниковой. Писательница описывает отношения женщины к мужчине для более точного раскрытия образа героя. Например: ... *женщины, относившиеся к Виктору Ивановичу в лучшем случае как к приبلудному псу, которого подкармливают, но миску выносят за дверь* [Там же, с. 35]; ... *словно видели на нем печать с истекишим сроком годности* [Там же, с. 36].

В современном обществе меняются роли. Если раньше мужчина концептуализировался как царь, глава, хищник, то в языковой картине мира О. Славниковой он – добыча женщины: ... *как кошка трогает лапой полумертвую добычу* [Там же, с. 47].

В художественной картине мира Сары Холл образ мужчины в какой-то мере сохранил традиционную концептуализацию. Мужчина Сары Холл – царь, повелитель, хозяин: *The father, Geordie Slessor, went about town like the next in line for the throne, beating the Duke of Edinburgh ..* [4, с. 11]. – *Отец, Джорди Слессор, разъезжал по городу как следующий в очереди на трон, почтище герцога Эдинбургского....*

Сара Холл обращает внимание на запах женщины и мужчины, чего мы не встречали у О. Славниковой. Признаки обоняния всегда интерпретируются с положительной оценкой образа:

Запах мужчины: *The smell of his wet hair was one of her strongest memories now* [Там же, с. 56]. – *Запах его мокрых волос теперь был одним из самых ярких ее воспоминаний.*

Запах женщины: ... *her arm her skin smelled of the lake, almost sexual, eel-like* [Там же, с. 68]. – ... *ее кожа пахла озером, почти сексуально, как угорь.*

Если в языковой картине мира О. Славниковой женщина – кошка, мужчина – собака, то у С. Холл идентификация мужчины дается через образ кошки. Она сравнивает мужчину с существом женского пола – кошкой, которая несет своего детеныша в зубах.

С. Холл дает оценку мужчине через сравнение его с женщиной. В художественном дискурсе писательницы оппозиция феминности и маскулинности очень ярко выражается и является частотным способом создания образа: *My dad had more heaviness to him than in just his arms and legs and the big belly where he rested his glass after dinner. But he was light compared to my mother's leftovers; her wardrobe of sour-smelling clothes, the*

elasticated jam-jars and dusty talcums [Там же, с. 14]. – *В моем отце было больше тяжелого, чем просто руки, ноги и большой живот, куда он ставил свой стакан после ужина. Но он был легче по сравнению с тем, что осталось от моей матери; ее гардероб, состоящий из кисло пахнущей одежды, баночки из-под варенья с эластичными крышками и пыльный тальк.* Здесь делается упор на то, что женщина любит хранить ненужные вещи, ее гардероб занимает больше места, чем гардероб мужчины.

Таким образом, при идентификации мужчины и женщины О. Славникова и С. Холл используют обширный спектр языковых средств. В художественном дискурсе наблюдается снижение образа мужчины и ирония к образу женщины. При концептуализации мужчин и женщин О. Славникова активно пользуется сравнениями, которые помогают конкретнее и нагляднее представлять образ. Для коннотации мужчин и женщин писательница использует неожиданные компаративные тропы с гастрономическими, предметными и зооморфными компонентами. В художественной картине мира мужчина предстает красивым, высоким, статным, женщина – влюбленной в него и обоготворяющей своего любимого. С. Холл уделяет пристальное внимание деталям, писательница описывает каждую часть тела, внешности своего героя.

Список источников

1. Коробкова Е. С. Механизм сравнений в произведениях Ольги Славниковой // Челябинский гуманитарий. 2010. № 2 (11). С. 38–40.
2. Ефремов В. А. От мачо к метросексуалу // Русская речь. 2009. № 4. С. 55–59.
3. Славникова О. А. Любовь в седьмом вагоне: рассказы. Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2023. 316 с.
4. Hall Sarah The Beautiful Indifference. London: Faber and Faber, 2014. 208 p.
5. Вулф Н. Миф о красоте. Как представления о красоте используются против женщин // Основы гендерных исследований: хрестоматия // Отв. редактор О. А. Воронина. Москва: Московский центр гендерных исследований. 2001. 416 с.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
7. Гергель О. В. Образные парадигмы сравнений, характеризующих мужчину и женщину: на материале современной англоязычной женской прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Уфа, 2014. 21 с.
8. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / URL: <http://thesaurus.ru/> (дата обращения: 21.03.2024).

References

1. Efremov, V. A. (2009). *Ot macho k metroseksualu* [From Macho to Metrosexual]. *Russkaya rech'*. No. 4, pp. 55–59. Moscow. (In Russian)
2. Gergel', O. V. (2014). *Obraznye paradigmy sravnenii, kharakterizuyushchikh muzhchinu i zhenshchinu: na materiale sovremennoi angloyazychnoi zhenskoi prozy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Figurative Paradigms of Comparisons Characterizing a Man and a Woman: Based on Modern English-language Women's Prose: Ph.D. Thesis Abstract]. Ufa, 21 p. (In Russian)
3. Hall, Sarah. (2014). *The Beautiful Indifference*. 208 p. London, Faber and Faber. (In English)
4. Korobkova, E. S. (2010). *Mehanizm sravnenii v proizvedeniyakh Ol'gi Slavnikovoi* [The Mechanism of Comparisons in the Works of Olga Slavnikova]. *Chelyabinskii gumanitarii*. No. 2 (11), pp. 38–40. Chelyabinsk. (In Russian)
5. Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturalology]. *Uchebn. Posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii*. 208 p. Moscow, izdatel'skii tsentr "Akademiia". (In Russian)
6. *Russkii assotsiativnyi slovar'* [Russian Associative Dictionary]. URL: <http://thesaurus.ru/> (accessed 21.03.2024). (In Russian)
7. Slavnikova, O. A. (2023). *Lyubov' v sed'mom vagone* [Love in the Seventh Carriage]. 316 p. Moscow, izdatel'stvo AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi. (In Russian)
8. Vulf, N. (2001). *Mif o krasote. Kak predstavleniya o krasote ispol'zuyutsya protiv zhenshin* [The Myth of Beauty. How Are Ideas of Beauty Used against Women]. *Osnovy gendernykh issledovaniy: khrestomatiya*. 65 416 p. Moscow, Moskovskii tsentr gendernykh issledovaniy. (In Russian)

The article was submitted on 12.06.2024
Поступила в редакцию 12.06.2024

Насибуллова Гузель Ришатовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Guz1983@mail.ru

Nasibullova Guzel Rishatovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Guz1983@mail.ru

УДК 811.112

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-90-97

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ГЛАГОЛА *CAN* В ШОТЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ДАННЫМ СТАРЫХ И НОВЫХ СЛОВАРЕЙ)

© Александр Павленко, Надежда Гукалова

HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL CONSTITUENT OF THE LEXICOGRAPHIC PORTRAIT OF THE VERB *CAN* IN SCOTS (ACCORDING TO OLD AND NEW DICTIONARIES)

Alexander Pavlenko, Nadezhda Gukalova

The lexicographic portraiture method can help in implementing a comprehensive project of a functional-semantic description of the modal verbs system in Scots. The integrity principle of the lexicographic description of a word can be successfully implemented on Scottish material due to a wide “line” of dictionaries of Scots, despite the total lack of its codified standard variety. The historical and etymological constituent of the lexicographic portrait of words, including modal verbs, is of independent significance. In this regard, it seems possible and necessary to describe this group of verbs in the light of the integral principle precisely by considering their origin and family relationships according to the data of the corresponding dictionaries. The article characterizes, on the basis of lexicographical sources, the general picture of the modal verb “can” origin and historical development in the Scottish language. Based on the material of historical, etymological and dialectological dictionaries, we obtained a general picture of the verb “can” existence in Scots during the period from the 14th to the 17th centuries. The most reliable and complete historical information about the lexeme “*can*” is provided by the DOST dictionary, based on material from the Scots language corpora. The use of “*can*” as a modal verb, according to this dictionary, is already observed in the text of the poem “Bruce” (second half of the 14th century). According to the data of the examined dictionaries, it is also possible to add to the lexicographic portrait of the verb “*can*” the fact that in Scots, like in English, the semantics “to be able to” and the functions of the modal verb itself began to predominate, which is not a differential, but an integral feature of both languages.

Keywords: lexicographic portraiture, principle of integrity of the lexicographic description of a word, Scots language, modal verb *can*, historical and etymological dictionaries

Метод лексикографического портретирования способен помочь в реализации комплексного проекта функционально-семантического описания системы модальных глаголов шотландского языка. Принцип интегральности лексикографического описания слова может быть успешно реализован на шотландском материале благодаря наличию широкой «линейки» словарей шотландского языка, несмотря на отсутствие у него кодифицированного литературного варианта. Историко-этимологическая часть лексикографического портретирования слов, в том числе модальных глаголов, отличается самостоятельной значимостью. В связи с этим представляется возможным и необходимым начать описание этой группы глаголов в свете интегрального принципа именно с рассмотрения их происхождения и родственных связей по данным соответствующих словарей. В статье предпринимается попытка охарактеризовать на основе лексикографических источников общую картину происхождения и исторического развития модального глагола *can* в шотландском языке. На материале историко-этимологических и диалектологических словарей получена общая картина бытования глагола *can* в шотландском языке на протяжении периода с XIV-го по XVII-й в. включительно. Наиболее достоверную и цельную информацию исторического характера о лексеме *can* дает словарь DOST, основанный на материале корпусов шотландского языка. Использование *can* как модального глагола, согласно этому словарю, наблюдается уже в тексте поэмы «Брюс» (вторая половина XIV в.). По данным рассмотренных словарей, к лексикографическому портрету глагола *can* можно также добавить то, что в шотландском языке у него, как и в английском, стали преобладать семантика («уметь», «быть способным») и функции собственно модального глагола, что является не дифференциальным, а интегральным признаком обоих языков.

Ключевые слова: лексикографическое портретирование, принцип интегральности лексикографического описания слова, шотландский язык, модальный глагол *can*, историко-этимологические словари

Для цитирования: Павленко А., Гукалова Н. Историко-этимологический аспект лексикографического портрета глагола *can* в шотландском языке (по данным старых и новых словарей) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 90–97. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-90-97

В процессе описания системы модальных глаголов в шотландском языке представляется целесообразным и необходимым охарактеризовать ключевые модальные глаголы (*can*, *may*, *taun*) по отдельности, чтобы определить их морфологические, семантические и функциональные особенности в сопоставлении с соответствующими английскими эквивалентами. Первичными источниками могут послужить доступные лексикографические справочники в традиционном или электронном формате, взаимно дополняющие друг друга. Богатая шотландская лексикографическая традиция насчитывает не одно столетие и обеспечивает обширные возможности для подобного исследования [1, с. 239]. Само же описание лексем (в нашем случае модальных глаголов) как единиц языковой системы можно выполнить с достаточной полнотой с помощью метода лексикографического портретирования [2], [3].

Принцип интегральности лексикографического описания слова, разработанный отечественными лингвистами, может быть реализован при наличии достаточной «линейки» словарей соответствующего идиома, и шотландский язык, несмотря на неполный набор социальных функций и отсутствие официального статуса, вполне отвечает данному требованию. Интегральное описание модальных глаголов шотландского языка можно осуществить на материале таких источников, как EDSL [4], SDD [5], DOST [6], SND [7], CSD [8]. Особенности содержания и структуры данных словарей подробно описаны в литературе ([9] и др.).

Перечисленные словари способны обеспечить материал для:

1. семантического и прагматического представления лексической единицы;
2. характеристики ее фонетических (отчасти), сочетаемостных, синтаксических, морфологических, стилистических и прагматических свойств;
3. информации о семантических связях значений данной лексической единицы с другими значениями в словаре (синонимов, антонимов, некоторых типов дериватов и др.) [2, с. 55–56].

Несомненно, в процессе сбора подобной информации о лексических единицах «малого» (в нашем случае, регионального) языка, каковым является шотландский, возможно возникновение лакун, по тем или иным сформулированным выше параметрам. Тем не менее достигнутый уровень лексикографирования шотландского языка таков, что можно надеяться свести к минимуму подобные лакуны в описании.

Таким образом, метод лексикографического портретирования может послужить существенным подспорьем в реализации комплексного проекта функционально-семантического описания системы модальных глаголов шотландского языка. Задача данной части проекта состоит в том, чтобы на основе лексикографического портрета модальных глаголов *can*, *may* и *taun*, составленного по данным словарей, дать интегральное описание упомянутых глаголов в шотландском языке, а также выявить те их особенности, которые можно охарактеризовать как шотландизмы [10], [11].

Соответственно, первая часть цели данной статьи, имеющей двухчастный характер, состоит в определении подхода к описанию модальных глаголов шотландского языка в русле лексикографического портретирования на основе интегрального принципа, что и было сделано выше.

Словарные статьи в современных академических словарях DOST и SND, а также в кратком словаре CSD, составленном на их основе, дают относительно обильную информацию о модальных глаголах применительно к разным языковым уровням и периодам истории шотландского языка. Учитывая близкое родство шотландского и английского языков, а также их сосуществование в пределах общего диалектного континуума в равнинной Шотландии, составители больших академических словарей шотландского языка включили в их микроструктуру информацию историко-этимологического, сравнительно-сопоставительного и диалектологического характера. Для обеспечения цельности и достоверности описания мы будем использовать также некоторые словари английского языка, в частности CDEE и OCDEE. Наша задача заключается в том, чтобы определить дифференциальные при-

знаки модальных глаголов шотландского языка в сопоставлении с английским. При этом такие дифференциальные признаки мы и будем именовать шотландизмами, трактуя понятие «шотландизм» в расширительном ключе вслед за такими авторами, как О. А. Строганова [12].

Историко-этимологическая часть лексикографического портретирования слов, в том числе модальных глаголов, отличается значительной сложностью и самостоятельной значимостью. В связи с этим представляется возможным и необходимым начать описание этой группы глаголов в свете интегрального принципа именно с рассмотрения их происхождения и родственных связей по данным соответствующих словарей. Первым из описываемых модальных глаголов может быть, например, глагол *can*, который входит в состав ядра модальных глаголов не только английского, но и шотландского языка, и является одним из наиболее частотных глаголов данной группы, что обусловлено всем комплексом факторов функционально-синтаксического, семантического, прагматического и стилистического характера [13, с. 367], [14, с. 146]. Исходя из этого, вторую часть цели данной статьи можно определить как попытку охарактеризовать на основе лексикографических источников общую картину происхождения и исторического развития модального глагола *can* в шотландском языке. В этой связи в качестве отправной точки приведем периодизацию истории шотландского языка, разработанную А. Дж. Эйткеном и признанную большинством специалистов:

1. Древнеанглийский до 1100 г.
2. Старошотландский 1100 г. – 1700 г.
 - 2.1 Шотландский язык до появления литературных памятников 1100 г. – 1375 г.
 - 2.2 Шотландский язык ранних литературных памятников 1375 г. – 1450 г.
 - 2.3 Среднешотландский 1450 г. – 1700 г.
 - 2.3.1 Ранний среднешотландский 1450 г. – 1550 г.
 - 2.3.2 Поздний среднешотландский 1550 г. – 1700 г.
3. Современный шотландский 1700 г. – до наших дней [8, с. xiii] (периодизация истории английского языка общеизвестна, и ее не составит труда соотнести с вышеописанной).

Рассмотрение модального глагола *can* на предмет его лексикографического портретирования представляет определенную сложность в связи с тем, что в английском и шотландском языках в разные периоды существовало и продолжает существовать несколько лексем, восходящих к индоевропейскому корню **ǵn-* и к общегерманскому реконструированному корню

**kann-* с семантикой «знать», ср. [15]. Это такие лексемы, как *can, con, know, ken, cunning* и *uncouth*. Кроме того, изучение некоторых из них осложняется наличием произносительных и графических территориальных и исторических вариантов.

Обращаясь непосредственно к лексикографическим источникам, отметим, что старые словари EDSL (нач. XIX в.) и SDD (нач. XX в.) дают весьма скудную информацию по интересующему нас вопросу, заставляющую до некоторой степени усомниться в существовании в шотландском языке самостоятельного модального глагола *can* как такового, что, правда, отнюдь не подтверждается материалом DOST и SND.

В словаре EDSL нет упоминания глагола *can* как специализированного модального, однако имеется статья, посвященная шотландскому глаголу *to ken*, эквивалентом которого в английском языке является глагол *to know*. Составитель словаря, Дж. Джеймисон, кратко отмечает, что в древнеанглийском существовал глагол, аналогичный современному шотландскому *to ken*, имевший формы претерита и причастия прошедшего времени *kent* [4].

Кроме семантики *‘to know’* – «знать», современному шотландскому *to ken* присуще значение *‘to be able’* – «уметь, быть способным», которое освещается в подпункте 5-м словарной статьи.

Дж. Джеймисон соглашается с неким авторитетом (м-ром Макферсоном), который проводит параллель между шотландским *ken* и французским *scavoir* – *‘to know’*, *‘to be able’*, а также с древнеанглийской лексемой *craeft* – *‘art’*, *‘strength’*.

В EDSL имеется и статья, дающая краткую характеристику глаголу *to can* (написание Джеймисона – *А.П., Н.Г.*), который характеризуется с помощью пометы *v.a.* (то есть *“verb active”*) как «активный глагол». Его значение (единственное по Дж. Джеймисону) эквивалентно глаголу *to know*, а примером использования служит цитата из Р. Генрисона: *...Quhilk can no gud, and als littill will leir* [Там же].

Знакомство с вышеупомянутыми статьями EDSL и сравнение их с материалом DOST вызывает предположение о том, что *to ken* и *to can* в графике Дж. Джеймисона – это *can* (модальный и смысловой глагол) и *to ken* (смысловой глагол), представленные в DOST в современной графике.

Как известно, данные древнеанглийского и, отчасти, среднеанглийского периода, отраженные в этимологических словарях английского языка, во многом актуальны и для шотландского языка в силу их близкого родства и общности судьбы.

Так, данные EDSL о глаголах *ken* и *can* (если признать их разными словами, а не фонетическими и графическими вариантами одного и того же слова), хотя и весьма скудные, не противоречат CDEE, который был составлен У. Скитом примерно на семьдесят лет позднее словаря Дж. Джеймисона. В нем Скит указывает, что в древнеанглийском (у Скита «англо-саксонском») варианты *can* и *canp* являются формами 1 и 3 л. ед.ч. наст. вр. глагола *cunpan* (*to know*). Форма презенса *can* является древней формой прошедшего времени (У. Скит отмечает общеизвестный в германистике факт, согласно которому *can* относится к так называемым претерито-презентным глаголам, о чем Дж. Джеймисон еще, по-видимому, не знал), что характерно и для других германских языков, напр. нидерл. *kunnen*, исланд. и швед. *cunna*, дат. *kunde* (*to know, to be able*), нем. *können* (*to know*) [16].

У. Скит также отмечает, что форма простого прошедшего глагола *can* – *could* – характеризуется наличием немого 'l', представляющего собой позднейшее новообразование. Он отмечает также, что соответствующими формами в среднеанглийском и древнеанглийском были *coude* и *cūde*. Он сравнивает гот. *kuntha*, нидерл. *koude* и нем. *könnte*, которые, по его мнению, показывают, что древнеанглийская форма *cūde* (*cunde**) потеряла 'n'. При этом причастие прошедшего времени *couth*, в англосаксонском *cūð* (*known*), сохраняется только в современном слове *uncouth* [Там же].

Необходимо упомянуть еще один известный словарь шотландского языка, SDD, который, однако, отнюдь не дает обильного материала по интересующему нас вопросу.

В нем имеется статья, посвященная существительному *can*, обозначающему 1. «умение» *skill*, «знание» *knowledge*; 2. «способность» *ability*; 3. «ум» *cleverness*; 4. «интуитивное знание» *intuitive knowledge* [5].

Другая статья посвящена глаголу *cun*, имеющему значения 1. «узнавать» *to learn*, «знать» *to know*; 2. «пробовать на вкус» *to taste*; «проверять, пробуя на вкус» *to test by tasting* [Там же].

Статья, посвященная модальному глаголу *can* как таковому, в словаре отсутствует. Можно предположить, что составитель словаря, А. Уоррак, по каким-то соображениям ограничился рассмотрением существительного, а соответствующий глагол проигнорировал, воспринимая его существование как общеизвестный факт, не требующий упоминания в диалектологическом словаре. Так или иначе, семантика «способности» присутствует у существительного *can*, что кос-

венно позволяет соотнести его с соответствующим глаголом.

DOST, являющийся историко-этимологическим словарем, построенным на современных научных принципах, дает подробную информацию о глаголе *can*, при этом дается последовательное и цельное описание формы и семантики данной лексемы, что в значительной степени устраняет проблему установления ее тождественности, как это имеет место в старых словарях. Любопытно, что в словаре используется периодизация истории английского языка, с которой соотносится и история шотландского.

Как указывается в DOST [6], глагол *can* и его грамматические формы в исторической ретроспективе, по данным памятников, относящихся к периоду примерно с 1375 по 1700 гг., представлены многочисленными фонетико-графическими вариантами. В левосторонней части словарной статьи в роли заголовочных слов выступают каноническая форма *can* и ее произносительно-графические варианты *cane*, *kan(e)*. Здесь же приводятся словоизменительные формы, представленные вариантами формы простого прошедшего (p.t.): *cuth(e)*, *cuthht*, *cwth*; *couth* (*couyht*), *couthht* (*cought*), *cowth(e)*, *kouth*, *kowth*, *qwoth*; *cwde*, *cuid*, *kuid*, *cud*, *coud(e)*, *cowd*, *coit*; *culd* (*cwld*), *cuild*, *cowld*, *could*, *cold*.

Заголовочная часть словарной статьи снабжена комментариями, уточняющими временную и территориальную отнесенность данных групп форм (канонические формы, характерные для среднеанглийского периода, *can* (*kan*, *canne*), *con* и древнеанглийского – *can*, *con*; а также словоизменительные формы прошедшего времени (p.t.) среднеанглийские (северные) – *cuth*, *couth*, (центральные и южные) – *couthe*, *cowthe*, ранне-среднеанглийская и древнеанглийская – *cūde*; среднеанглийская – *coude* (XIV в.), а также ранне-новоанглийские – *could*, *cold*.

Функционально-семантические особенности глагола *can* представлены тремя случаями:

1. *Can* “is (etc.) able”; прост. прош. *could* “was (etc.) able”, то есть «способен», «был способен». В качестве иллюстраций приведем первый и последний примеры из групп примеров, соответствующих в словаре каждой из дефиниций. Примеры снабжены датировкой [6].

Настоящее время

1375 г.

Othyr ma, That I thair namys can nocht saya

1616 г.

I kan nevir find that he gevis any apparant reason

Прошедшее время

1375 г.

He couth set tharfor na rede

1660 г.

Vseing all the diligence ... they culd

В словарной статье отмечается также, что глагол *can* используется в эллиптических конструкциях, характеризующихся пропуском смыслового глагола (напр. *can* без do или have), таких как:

1500 г.

Siching full sadlie, [he] said, 'I can no moir'

1603 г.

Thus I ... may ... vnkend pas out, For ocht my keipars can

2. Следующий случай использования глагола *can* освещается в пункте 2., в котором указывается, что формы презенса и претерита – *can* и *couth* – использовались как вспомогательные (по-видимому, полностью лексически опустошенные) глаголы. Любопытно, что в этом случае, по данным словаря, и *can*, и *couth* в равной степени выражали грамматическое значение прошедшего времени.

В подпункте (а) приводятся примеры с *can*, а в подпункте (b) – с *couth*:

(a)1375 г.

Sone to Parys can he ga

1500-е гг.

Ane litill dwerff fast efter them can gone

(b)1375 г.

The croune, that Ihesu couth ber

1604–31 гг.

And so ... Through the wood could they hie

3. Использование глагола *can* как знаменательного глагола с семантикой «знать», «обладать знанием или умением» приводится в третьем пункте словарной статьи и снабжено пометой *tr.*, то есть в данном употреблении глагол *can* является переходным:

1400-е гг.

Thai mak thame maisteris and can nocht the craft

1596 г.

Throw vse and experience scho could meikle of our effairis and was verie expert.

Вывод, который можно сделать на основе знакомства с материалом DOST, заключается в том, что лексема *can*, рассматриваемая в ретроспективе, присутствовала в шотландском языке на протяжении всего или большей части старошотландского периода с XIV по XVIII в. в трех употреблениях: 1) как собственно модальный глагол, 2) как вспомогательный глагол видовременной конструкции *can / could* + инфинитив и 3) как полнозначный смысловой глагол переходного употребления, имеющий семантику «знать», и эквивалентный английскому *know*.

Данные DOST о лексеме *can* согласуются в общих чертах и с другими рассмотренными шотландскими словарями, однако в них информация о ней представлена значительно менее последовательно и в менее упорядоченном виде.

Достаточно полно и при этом компактно представлена информация о функционально-семантических особенностях глагола *can* в английском языке в исторической ретроспективе в CODEE. Отмечается, что глаголы *can* и *know* в равной степени восходят к общей индоевропейской основе **ǵn-*, **ǵnē-*, **ǵnō-*. В словаре удачно прослеживается исторический путь гнезда производных общегерманской основы **kann-*. В статье, посвященной глаголу *can*, отмечается, что исходными (и устаревшими) значениями этой лексемы являются «знать» – *know* и «знать как» – *know how*. В сочетании с последующим инфинитивом глагол приобретал значения «иметь силу» – *have power*, «быть способным» – *be able*. Как и в словаре У. Скита, отмечается, что *can* – один из группы претерито-презентных глаголов (*can, dare, may, shall, wit*), первоначальную семантику которого можно интерпретировать, как «узнал» – *have learned; come to know*. Здесь же сравниваются родственные лексемы, существовавшие в древнегерманских языках, такие как др. англ. *cunnan*, др. сакс. *cunnan*, др. верх. нем. *kunnan* (нем. *können*), др. сев. *kunna* и готск. *kunnan* [17].

Шотландский язык в данной статье не упоминается, но указанное описание во многом актуально и для шотландского глагола *can*, тем более что в статье, посвященной лексеме *ken*, в этом же словаре рассматривается соотношение всех трех упомянутых глаголов (*ken, can* и *know*) в контексте их происхождения и распространения в английском и шотландском языках. В частности, отмечается, что в английском значение «знать» у глагола *know* могло развиваться под влиянием древнескандинавского; в шотландском языке с этой же семантикой закрепился глагол *ken*, вытеснивший *knew, know* [Там же].

Таким образом, на материале историко-этимологических и диалектологических словарей можно восстановить общую картину бытования глагола *can* в шотландском языке на протяжении длительного периода с XIV-го по XVII-й в. включительно. Такая картина, сформированная на основе данных литературных и других письменных памятников, созданных в период, начиная с 1375 г. (время создания Дж. Барбуром поэмы «Брюс») до 1700-го г., условной границы между среднешотландским (1450–1700 гг.) и современным шотландским языком (1700 г. – до наших дней), станет частью интегрального лексикографического описания лексемы *can*.

Наиболее достоверную и цельную информацию исторического характера о лексеме *can* дает словарь DOST, основанный на материале корпусов шотландского языка. Использование *can* как модального глагола, согласно этому словарю, наблюдается уже в тексте поэмы «Брюс» (вторая половина XIV в.).

Данные более ранних словарей шотландского языка, EDSL и SDD, в целом согласуются с DOST. Они, несомненно, могут использоваться как справочники в работе с памятниками шотландского языка, однако с появлением DOST их роль оказывается вторичной и вспомогательной, хотя при этом они не перестают быть важными памятниками шотландской лингвистической мысли в целом и шотландской лексикографии, в частности.

Необходимо отметить, что в словарях шотландского языка рассматривается языковое состояние только со второй половины XIV в. по XVII в. включительно и позднее. Общий с английским языком древнеанглийский период упоминается, но не рассматривается; отсутствуют в них и более древние – общеиндоевропейские и общегерманские – лексемы и основы. Для включения в лексикографический портрет глагола *can* подобной информации приходится обращаться к этимологическим словарям английского языка, в которых она представлена относительно подробно.

По данным рассмотренных словарей, к лексикографическому портрету глагола *can* можно также добавить, что в шотландском языке у него (как и у английского) стали преобладать семантика и функции собственно модального глагола, что является не дифференциальным, а интегральным признаком обоих языков. При этом значение «знать» в шотландском языке, в конечном итоге, стал выражать глагол *ken* (являющийся лексическим шотландизмом), в отличие от английского, в котором, как известно, закрепился глагол *know*.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00049 «Система модальных глаголов в современном шотландском языке: происхождение и функционально-семантические особенности». URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00049/>

Список источников

1. Павленко А. Е., Павленко Г. В. Ранние словари шотландского языка // Перевод в меняющемся мире: Материалы II Международного научного симпозиума, Иваново, 4–5 февраля 2016 г. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 239–242.

2. Апресян Ю. Д. Основные принципы и понятия системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 33–74.

3. Шерстяных И. В. Лексикографическое портретирование слова (на примере интегрального описания слова «жизнь») // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 2(14). С. 62–68.

4. An Etymological Dictionary of the Scottish Language (EDSL). To which is prefixed, a dissertation on the origin of the Scottish language. By: Jamieson, John, 1759–1838, Longmuir, John, 1803–1883, ed., Donaldson, David, F.E.I.S., jointed. Published: 1879. URL: <http://books.google.com/books?id=-rgrAAAAMAAJ&oe=UTF-8> (дата обращения: 11.05.2024)

5. Warrack A. The Scots Dialect Dictionary (SDD). New Lanark, Scotland: Waverley. 2000. 475 p. URL: https://archive.org/details/scotsdialectdict0000unse_y2v5/page/6/mode2up (дата обращения: 01.05.2024)

6. A Dictionary of the Older Scottish Tongue (DOST). In: Dictionaries of the Scots Language. URL: <https://dsl.ac.uk/results/“can”/headword/whole/dost> (дата обращения: 07.05.2024)

7. Scottish National Dictionary (SND). In: Dictionaries of the Scots Language. URL: <https://dsl.ac.uk/results/“can”/headword/whole/snd> (дата обращения: 17.05.2024)

8. Concise Scots Dictionary (CSD). Mairi Robinson (ed.), 1997. The Concise Scots Dictionary. Edinburgh: Chambers. 820 p.

9. Macleod I., McClure J. D. (Eds.) Scotland in Definition: A History of Scottish Dictionaries. Edinburgh: John Donald, 2012. 342 p.

10. Aitken A. J. Scottish accents and dialects / Ed. by Peter Trudgill // Language in the British Isles. Cambridge–London–New York, etc., 1984. Pp. 94–114.

11. Dossena M. Scotticisms in Grammar and Vocabulary: Like Runes upon a Standin Stane? Edinburgh: John Donald, 2005. 178 p.

12. Строганова О. А. Понятие «грамматический шотландизм» и уровень структурной самостоятельности языка (на материале шотландской поэзии XVIII–XX вв. // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Филологические науки. Т. 1. №3. 2013. С. 195–206.

13. Beal J. Syntax and Morphology / Charles Jones (ed.) // The Edinburgh History of the Scots Language. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1997. pp. 335–77.

14. Millar R. M. A History of the Scots Language. Oxford: Oxford University Press, 2023. xi, 196 p.

15. Watkins C. Индоевропейские корни на *G // Garshin.ru: The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots. 2000. URL: <https://www.proto-indo-european.ru/dic-watkins/ier-g.htm> (дата обращения: 11.06.2024)

16. Concise Dictionary of English Etymology (CDEE). Walter W. Skeat. The Concise Dictionary of English Etymology. Ware: Wordsworth Editions Ltd., 1993. xii, 633 p.

17. Concise Oxford Dictionary of English Etymology (CODEE). T. F. Hoad (ed.), The Concise Oxford Dic-

tionary of English Etymology. Oxford–New York: Oxford University Press, 1996. 552 p.

References

1. Pavlenko, A. Ye., Pavlenko, G. V. (2016). *Rannii slovari shotlandskogo yazyka* [Early Dictionaries of the Scots Language]. Perevod v menyayuschemsya mire: Materialy Vtorogo Mezhdunarodnogo nauchnogo sympoziuma, Ivanovo, 4–5 fevralya 2016 g. [Translation in the Changing World: Proceedings of the Second International Symposium, Ivanovo, February 4–5, 2016]. Pp. 239–242. Moscow, Izdatel'skii tsentr Azbukovnik. (In Russian)
2. Apresian, Yu. D. (2006). *Osnovnye printsipy i ponyatiya sistemnoi leksikografii* [The Basic Principles and Notions of Systemic Lexicography]. Yu. D. Apresian (ed.). Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya. Pp. 33–74. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur. (In Russian)
3. Sherstyanykh, I. V. (2011). *Leksikograficheskoe portretirovanie slova (na primere integralnogo opisaniya slova "zhizn")* [On Lexicographic Portraying of the Word "Life"]. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. No. 2(14), pp. 62–68. (In Russian)
4. *An Etymological Dictionary of the Scottish Language* (EDSL) (1879). To which is prefixed, a dissertation on the origin of the Scottish language. By: Jamieson, John, 1759–1838, Longmuir, John, 1803–1883, ed., Donaldson, David, F.E.I.S., jointed. URL: <http://books.google.com/books?id=rgrAAAAMAAJ&oe=UTF-8> (accessed: 11.05.2024). (In English)
5. Warrack, A. (2000). *The Scots Dialect Dictionary* (SDD). New Lanark, Scotland: Waverley. 475 p. URL: https://archive.org/details/scotsdialectdict0000unse_y2v5/page/6/mode2up (accessed: 01.05.2024). (In English)
6. *A Dictionary of the Older Scottish Tongue* (DOST). In: Dictionaries of the Scots Language. URL: "can"/headword/whole/dost (accessed: 07.05.2024). (In English)
7. *Scottish National Dictionary* (SND). In: Dictionaries of the Scots Language. URL: "can"/headword/whole/snd (accessed: 17.05.2024). (In English)
8. *Concise Scots Dictionary* (CSD) (1997). Mairi Robinson (ed.). The Concise Scots Dictionary. 820 p. Edinburgh, Chambers. (In English)

9. Macleod, I., McClure, J. D. (Eds.) (2012). *Scotland in Definition: A History of Scottish Dictionaries*. 342 p. Edinburgh, John Donald. (In English)
10. Aitken, A. J. (1984). *Scottish Accents and Dialects*. In Peter Trudgill (ed.) Pp. 94–114. Cambridge–London–New York, etc. (In English)
11. Dossena, M. (2005). *Scotticisms in Grammar and Vocabulary: Like Runes upon a Standin Stane?* 178 p. Edinburgh, John Donald. (In English)
12. Stroganova, O. A. (2013). *Ponyatiie "grammaticheskii shotlandizm" i uroven' strukturnoi samostoitel'nosti yazyka (na materiale shotlandskoi poezii XVIII – XX vekov)* [The Notion of "Grammatical Scotticism" and the Level of Structural Autonomy of a Language (the Evidence of the Scottish Poetry of 18th–20th Centuries)]. Vestnik LGU imeni A. S. Pushkina. Filologicheskie nauki. Vol. 1. No. 3, pp. 195–206. St. Petersburg, LGU named after A. S. Pushkin. (In Russian)
13. Beal, J. (1997). *Syntax and Morphology*. In Charles Jones (ed.), *The Edinburgh History of the Scots Language*. Pp. 335–377. Edinburgh, Edinburgh University Press. (In English)
14. Millar, R. M. (2023). *A History of the Scots Language*. xi, 196 p. Oxford, Oxford University Press. (In English)
15. Watkins, C. (2000). *Indoeuropeiskie korni na *G* [Indo-European Roots with *G]. Garshin.ru: The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots. URL: <https://www.proto-indo-european.ru/dic-watkins/ier-g.htm> (accessed: 11.06.2024). (In English)
16. *Concise Dictionary of English Etymology* (CDEE) (1993). Walter W. Skeat. The Concise Dictionary of English Etymology. xii, 633 p. Ware, Wordsworth Editions Ltd. (In English)
17. *Concise Oxford Dictionary of English Etymology* (CODEE) (1996). T. F. Hoad (ed.). The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. 552 p. Oxford–New York, Oxford University Press. (In English)

Список использованных сокращений:

- A Dictionary of the Older Scottish Tongue – DOST
 An Etymological Dictionary of the Scottish Language – EDSL
 Concise Dictionary of English Etymology – CDEE
 Concise Oxford Dictionary of English Etymology – CODEE
 Concise Scots Dictionary – CSD
 Scottish National Dictionary – SND
 The Scots Dialect Dictionary – SDD

The article was submitted on 31.08.2024
 Поступила в редакцию 31.08.2024

Павленко Александр Евгеньевич,
 доктор филологических наук,
 доцент,
 профессор кафедры английского языка,
 Таганрогский институт имени А. П. Чехова,
 (филиал) «РГЭУ (РИНХ)»,

Pavlenko Alexander Yevgenievich,
 Doctor of Philology,
 Associate Professor,
 Professor of department of English,
 A. P. Chekhov Institute of Taganrog (branch of)
 "Rostov State University of Economics (RINH)",

347936, Россия, Таганрог,
Инструментальная, 48.
alex_pavlenko@inbox.ru

Гукалова Надежда Владимировна,
ассистент,
Южный федеральный университет,
347922, Россия, Таганрог,
Чехова, 2.
nadegda-ni@yandex.ru

48 Instrumentalnaya Str.,
Taganrog, 347936, Russian Federation.
alex_pavlenko@inbox.ru

Gukalova Nadezhda Vladimirovna,
Assistant Professor,
Southern Federal University,
2 Chekhov Str.,
Taganrog, 347922, Russian Federation.
nadegda-ni@yandex.ru

УДК 81'373

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-98-103

«А СКОЛЬКО НАС ТАКИХ?»: О СПОСОБАХ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ НАДЕЖДЫ МАНДЕЛЬШТАМ

© Александра Семенова

“HOW MANY OF US ARE HERE?": ON WAYS OF SELF- IDENTIFICATION IN NADEZHDA MANDELSTAM'S MEMOIR PROSE

Aleksandra Semenova

On the one hand, the memoir heritage of Nadezhda Yakovlevna Mandelstam turns out to be a significant source for studying O. Mandelstam's literary heritage; on the other hand, it reveals unique linguistic examples that help identify the idiosyncrasy of the writer herself. It is interesting that N. Mandelstam was not only the wife of a prominent poet, but also an elitist linguistic personality; therefore, her texts are characterized by artistic storytelling, deep reflection and intent attention to details. These and other characteristics of the memoirist's text encourage a thorough study of her works, in particular the first book, "Memoirs," and the second, "The Second Book." The memoirs of N. Mandelstam are not only a story about the life of a person living in the twentieth century, but also an attempt to preserve the memory of the writer's contemporaries who, as well as she did, had to go through a series of severe trials. The article considers the methods of the author's self-identification, presented from a linguistic point of view, in N. Mandelstam's ego-documents. The specificity of Mandelstam's works allows us to highlight several features of "female" writing, salient for the memoirist.

Keywords: Nadezhda Mandelstam, memoirs, self-identification, "female" writing, ego-document

Мемуарное наследие Надежды Яковлевны Мандельштам, с одной стороны, безусловно оказывается значимым источником изучения литературного наследия О. Э. Мандельштама, но с другой – обнаруживает уникальные языковые примеры, которые способствуют выявлению идиостиля самой писательницы. Интересным становится и то, что Н. Я. Мандельштам была не только женой крупного поэта, но и элитарной языковой личностью, в связи с чем ее текстам присущи художественность повествования, глубокая рефлексия и пристальное внимание к деталям. Эти и другие характеристики текста мемуаристки подталкивают к тщательному изучению ее произведений, в частности первой книги – «Воспоминания», и второй – «Вторая книга». Воспоминания Н. Я. Мандельштам – это не только рассказ о жизни человека XX века, это попытка сохранить память о современниках писательницы, которым, как и ей, пришлось пройти череду жесточайших испытаний. В статье предпринята попытка рассмотреть с лингвистической точки зрения способы авторской самоидентификации, представленные в эго-документах Н. Я. Мандельштам. Специфика произведений позволяет также затронуть некоторые особенности «женского» письма, характерные для мемуаристики.

Ключевые слова: Надежда Мандельштам, мемуары, самоидентификация, «женское» письмо, эго-документ

Для цитирования: Семенова А. «А сколько нас таких?»: о способах самоидентификации в мемуарной прозе Надежды Мандельштам // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 98–103. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-98-103

Мемуарную прозу Н. Я. Мандельштам по праву можно назвать результатом труда многогранной личности. Ее воспоминания являются синтезом документальной фиксации реалий жизни представительницы опальной части советской интеллигенции; филолога, анализирующего мир

сквозь призму языка; человека, умеющего видеть смешное даже во время тяжелых испытаний; жены выдающегося поэта. Зафиксировать исследовательское внимание лишь на одной из этих составляющих, не затрагивая другие, представляется весьма затруднительным, однако вопрос о

способах самоидентификации писательницы кажется одним из наиболее значимых. Как известно, дневники и воспоминания (мемуары) развоятся исследователями как с литературоведческой, так и с лингвистической точки зрения. Кроме того, модели самоидентификационного и самопрезентационного дискурсов выстраиваются в них по-разному [1, с. 11]. В контексте данного исследования речь идет о способах самоидентификации, но стоит сразу отметить тесную взаимосвязь между обеими формами репрезентации автора в тексте. Мемуарная литература, создаваемая много позже описываемых событий, предполагает большее проявление самопрезентации автора, поскольку обязательно ориентирована на читателя, чего нельзя сказать о дневниковых записях, ведущихся в первую очередь для себя. Однако воспоминания Н. Я. Мандельштам, как представляется, с точки зрения жанровой принадлежности тяготеют более к дневникам, создаваемым «в период потрясений», о чем можно судить, например, по масштабу, трагичности и детализации описываемого [2, с. 16].

Так, важно отметить, что первая глава «Воспоминаний» (первая книга мемуаров Н. Я. Мандельштам) начинается не сухой автобиографической справкой, а повествованием об Осипе Мандельштаме, оказавшемся в центре литературного скандала: «...Дав пощечину Алексею Толстому, О. М. немедленно вернулся в Москву» [3, с. 79]. Первое предложение начато с многоточия, которое в данном случае может выполнять разные функции: указание на тот факт, что представленная часть текста является продолжением повествования о чем-то, не зафиксированном на бумаге; подчеркивание того, что читатель уже погружен в контекст описываемых событий; способ вовлечения читателя в «разгар» истории, не требующий усилий на приведение менее значимых для автора деталей и т. д. Этот же отрывок иллюстрирует важную особенность текстов Н. Я. Мандельштам – высокую степень концентрации на личности О. Э. Мандельштама и их союзе. Трепетное отношение к супругу регулярно выражается, например, в использовании «мы инклюзивного» как способе вербализации семейно-родственного типа идентичности [1, с. 27]:

«Мы были париями, неприкасаемыми социалистического общества» [3, с. 261]; «в нашей изоляции мы были отрезаны от всякой мысли» [Там же, с. 359] (здесь и далее разрядка наша. – А. С.).

Предложения подобной тональности характерны для Н. Я. Мандельштам. Исследователи отмечают, что многочисленные женские эго-документы конца XIX – начала XX в. выделяются тем, что их авторы концентрируют внимание на выдающихся членах своих семей (отцах, мужьях и других родственниках). В этом смысле тексты Н. Я. Мандельштам как будто бы продолжают традицию женской мемуаристики, сложившуюся в Российской империи к началу XX в. Предполагается, что подобная отсылка к мужской части семьи свидетельствует либо об отсутствии самоидентификации авторов эго-документов, либо об их заниженной самооценке в целом [4, с. 168]. Однако в контексте анализа мемуаров Мандельштам подобная интерпретация кажется неуместной: автор неоднократно подчеркивает, например, свою роль «спасительницы стихов». Такие высказывания встречаются в разных частях воспоминаний: «не дать затоптать след, который оставил на земле этот человек, мое „ты“, спасти стихи» [5, с. 33].

Таким образом, можно говорить о самоидентификации Н. Я. Мандельштам в качестве самостоятельной личности, равной мужу, наследницы его творчества, но не того автора, который выстраивает свою идентичность «через значимых других» [6, с. 35]. Стремление писательницы к обособлению своего авторского «Я», несомненно, отличает ее от мемуаристок более ранних периодов женской автобиографии в России, когда традиция идентификации себя предписывала женщинам-авторам «следовать» за авторитетом мужчины. В связи с этим интересным представляется и тот факт, что с точки зрения гендерных исследований языка идиостиль Н. Я. Мандельштам одновременно и «соответствует» традиционным представлениям о том, как пишут женщины, и отклоняется от них. С одной стороны, автор идентифицирует себя в качестве женщины, заботящейся о семье, оберегающей здоровье мужа, волнующейся о бытовом комфорте семьи, что соответствует традиционным представлениям о женских темах: «Скрыв от него свою температуру, <...> я умолила его пойти к психиатру» [3, с. 202]. С другой стороны, стиль Мандельштам демонстрирует так называемые «отклонения» от «женской» письменной речи, один из признаков которых присутствует, например, в следующем отрывке:

«Я зажарила яичницу <...> Все трое протянули ко мне руки и закричали: „Она наша мама!“, а О. М. тут же переименовал: „Она мама нас!“ Я рассердилась: „Старые, противные, почему я вам мама?“ – но ниче-

го не помогло, и я так и осталась „маманасом“...» [Там же, с. 308].

Мемуары Н. Я. Мандельштам наполнены повествованием о тяжелых годах жизни отдельных людей и общества в целом, однако текст при этом не лишен юмора, хотя порою и циничного. Эта особенность произведений писательницы также становится примечательной с точки зрения отклонения от традиций «женского» письма. Так, Е. В. Луганская считает, что женская ирония менее оскорбительна для адресата, в то время как мужская – часто переходит в негативную оценку [7, с. 260]. Однако трудно с уверенностью сказать, что становится причиной возникновения злой иронии в анализируемых текстах, поскольку, как представляется, ею в равной мере могли стать как индивидуальные свойства характера писательницы, так и тяжелейшие жизненные обстоятельства, в которых она оказалась. Рассуждая о собственной судьбе, автор регулярно подчеркивает свою принадлежность к тем женщинам, которые обладают большой стойкостью перед испытаниями, выпадающими на долю семьи:

«Я должна была беречь силы, чтобы пройти по всем путям, уже протоптанным другими женщинами» [3, с. 90].

Такой способ построения текста, в соответствии с предложенными М. А. Лаппо семантическими формулами социальной идентичности, можно отнести к «Формуле 3»: описание группы как бы со стороны, внешним наблюдателем [1, с. 14], которым в данном случае является сама Мандельштам. Другим примером идентификации себя в качестве члена притесняемой группы можно назвать отрывок, в котором наблюдается и действие «Формулы 3», и самоирония писательницы, и оппозиция «мы – они», противопоставляющая «народ» и притесняемую часть советской интеллигенции:

«Когда-то народ в России жалел „несчастеньких“ арестантов и каторжников, а интеллигенция считала долгом поддерживать политических ссыльных, но это исчезло <...> люди боялись нас: мы были не только нищими, но и замученными» [3, с. 393].

Характер повествования Н. Я. Мандельштам предполагает разделение «МЫ» на несколько смысловых планов. На общий план, как представляется, вынесены все, кто подвергся репрессиям. На крупный – сами супруги Мандельштам, их духовное и физическое единство, однако на этом же крупном плане присутствует и несколько

ко других значимых для писательницы людей. Так, например, подробно описывая дружеские отношения с А. А. Ахматовой, писательница подчеркивает свою включенность в мир литературной интеллигенции. Здесь же интересно и то, что зачастую Н. Я. Мандельштам включает такие отрывки в текст с долей комичности, реализованной при помощи нарочитой грубости и некоторой экспрессивности:

«Мне не захотелось переодеваться, <...>, и я послала за папиросами ее: „Сбегайте, Анна Андреевна, а я пока поставлю чай...“ Она навеки запомнила этот случай <...> не могла забыть, как ее послали за папиросами» [5, с. 239].

Характерной чертой мемуарного жанра становится разделение повествователя на «хроникера» и «свидетеля» [8, с. 14]. Н. Я. Мандельштам выступает по большей части в роли «хроникера», представляя читателю субъективную точку зрения на описываемое. Как известно, мемуары Н. Я. Мандельштам могли вовсе не стать доступными для широкого круга читателей, однако это смогло произойти, поэтому представляется возможным удостовериться в том, что писательница, создавая тексты, рассчитывала на большую читательскую аудиторию. В воспоминаниях она ведет постоянный диалог с читателем, регулярно рефлексировав над тем, что должно стать подобием личного опыта и для него:

«Как все каторжанки, стопятницы, пленницы, я думала только о времени, в котором жила, и вместе с себе подобными терзалась одним-единственным вопросом: как это могло случиться, как мы до этого дошли?..» [5, с. 29].

Подобные вопросы, поднимаемые Н. Я. Мандельштам перед собой и читателем, пронизывают текст, создавая атмосферу обреченности и напряженного размышления о причинах ее возникновения:

«А сколько нас таких? Не думайте, пожалуйста, что я исключение. Имя нам легион» [3, с. 214].

Такой способ конструирования авторского повествования прослеживается не только в активном использовании знаков вопроса или риторических вопросах, но и в регулярном использовании многоточий:

«Она молча исчезала на своей половине, но через секунду появлялась <...> с кружкой молока и остатками собственного обеда – оладьями, картошкой, капустой... <...> она приносила еще кусок мяса: „Ешьте – свое, не купленное...“ Наши женщины сво-

его труда никогда не считают, <...> это „свое“, денег не стоит, Богом данное...» [Там же, с. 428].

Н. Я. Мандельштам вводит многоточия в предложения с целью усиления ощущения беспомощности, обреченности; в качестве знака, маркирующего чувство грусти, сожаления, тоски. Похожие характеристики описывает, например, А. В. Леденев, анализируя специфику пунктуации В. В. Набокова. Говоря о многоточии, исследователь называет его знаком «запинки», используемом в ситуациях глубоких душевных волнений рассказчика, переживающего потерю близкого человека [9, с. 19]. В то же время такие примеры намеренного замедления читателя, привлечения его внимания к эмоционально сложным для писательницы отрывкам текста более характерны для Н. Я. Мандельштам, чем, например, конструкции с восклицанием. Как представляется, склонная к наиболее выдержанной манере повествования Н. Я. Мандельштам включает в текст экспрессивные элементы в первую очередь в том случае, если речь идет о несправедливости по отношению к тем людям, которые составляют «МЫ» для писательницы. Высокий уровень эмоциональности Н. Я. Мандельштам, проявляющийся при выражении субъективной точки зрения, характеризуется использованием восклицательных предложений, а также стилистически окрашенной лексики:

«Я в бешенстве выключила жалкую баллаболку: хорош гусь, <...> На каторгу, видите ли, ему не захотелось!..» [5, с. 30];

«он воспитан на рационалистическом хлебо́ве» [Там же, с. 35];

«подробно рассказывал, как идиотка Ольшеская учила его» [Там же, с. 124].

Субъективность и эмоциональность автора прослеживается и в том, как писательница конструирует комическое. Несмотря на то, что юмор не выступает тематической основой анализируемых текстов, произведения Н. Я. Мандельштам отличаются регулярным использованием языковой игры для выражения позиции автора-«хроникера»:

«В этой среде мужей называли супругами. Супругами – какой добродетельный звук! – а в ц е к и с т с к о й – «товарищами...» [3, с. 94].

Мемуаристка часто цитирует других (в частности, А. А. Ахматову). Такие отрывки свидетельствуют о широком использовании иронии, как было отмечено выше, а также позволяют говорить о регулярном возникновении языковой

игры или острословия, что характеризуется исследователями как одна из черт носителей элитарной речевой культуры, склонных к творческому отношению к слову [10, с. 25]:

«Не было опыта для распознавания старческого идиотизма, и Ахматова лишь через много лет придумала формулу: „м а р а з м а т и с т - з а т е й н и к“ – или, вздыхая, говорила про безумных стариков: „М а р а з м к р е п ч а л“ ...» [5, с. 58].

При этом интересным представляется то, как Мандельштам рефлексировал над концептом собственного «Я», что становится заметнее во «Второй книге», где речь идет по большей части о жизни писательницы после гибели О. Э. Мандельштама. Автор подчеркивает, что первая книга воспоминаний была написана иначе, «совершенно естественно», однако теперь писательница чувствует, как «Я» проступает в ней самой:

«Видно, ко мне начинает возвращаться мое „я“, раз я задумалась, есть ли у меня значение <...> Я снова возникла, когда завершилось мое основное дело» [Там же, с. 36].

Подобные части текста иллюстрируют важность предназначения и самореализации для самоидентификации Мандельштам в качестве писательницы и наследницы творчества поэта. Такая черта женского мемуарного текста говорит о значительном отличии самосознания автора середины XX в. от женщин, создававших эго-документы на заре женской автодокументальной прозы [11, с. 122].

Таким образом, тщательное рассмотрение автобиографической прозы Н. Я. Мандельштам позволяет судить о разнообразии способов самоидентификации писательницы. Проанализированные примеры демонстрируют как следование классическим моделям самоидентификации создательниц эго-документов, так и способы идентификации, указывающие на развитие женской мемуарной литературы XX в. В связи с этим, говоря о традициях мемуаристики, представляется невозможным не принять во внимание и гендерную специфику текстов писательницы, поскольку такие аспекты, как выбор центральных тем повествования, способы создания комического, ведение дискуссии с читателем, позволяют судить о неоднозначной характеристике текста с точки зрения существующих исследований. Однако это лишь способствует развитию исследовательского интереса и может служить стимулом для дальнейшей работы с автодокументальной литературой этого периода.

Список источников

1. Ланно М. А. Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2018. 35 с.
2. Ромашикина М. В. Дневник как литературная форма (С. Киркегор, М. Ю. Лермонтов, Ф. Кафка, А. Камю, Ж.-П. Сартр): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 25 с.
3. Мандельштам Н. Я. Собрание сочинений в 2 т. Т. 1: Воспоминания и другие произведения (1958–1967). Екатеринбург: Гонзо, 2014. 864 с.
4. Синова И. В. Самоидентификация женщин конца XIX – начала XX в.: анализ эго-документов // *Historia Provinciae – журнал региональной истории*. 2022. Т. 6. № 1. С. 164–210.
5. Мандельштам Н. Я. Собрание сочинений в 2 т. Т. 2: «Вторая книга» и другие произведения (1967–1979). Екатеринбург: Гонзо, 2014. 1008 с.
6. Савкина И. Л. Пишу себя. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere: University of Tampere, 2001. 360 с.
7. Луганская Е. В. Сравнительный анализ использования комического в мужской и женской оценке (на материале англоязычных писем в редакцию) / Е. В. Луганская // *Научный альманах*. 2017. № 4–2 (30). С. 259–262.
8. Богатырева Д. А. Формы выражения авторского присутствия в мемуарной прозе М. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: М., 2009. 18 с.
9. Леденев А. В. Художественные ресурсы пунктуации в произведениях В. В. Набокова: от языкового к образному знаку // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 2022. Т. 81. № 6. С. 16–25.
10. Иванчук И. А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Саратов, 2005. 65 с.
11. Бурмистрова С. В. Специфика репрезентации авторского я в женской мемуарной прозе // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2011. № 11 (113). С. 119–124.

References

1. Lappo, M. A. (2018). *Samoidentifikatsionnyi diskurs russkoi elitarnoi yazykovoi lichnosti: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Self-Identification Discourse of the Russian Elitist Linguistic Personality: Doctoral Thesis Abstract]. Novosibirsk, 35 p. (In Russian)
2. Romashkina, M. V. (2016). *Dnevnik kak literaturnaya forma (S. Kirkegor, M. Yu. Lermontov, F. Kafka, A. Kamyu, Zh.-P. Sartr): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Diary as a Literary Form (S. Kierkegaard, M.

Yu. Lermontov, F. Kafka, A. Camus, J.-P. Sartre): Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 25 p. (In Russian)

3. Mandel'shtam, N. Ya. (2014). *Sobranie sochinenii v 2-kh t. T. 1: Vospominaniya i drugie proizvedeniya (1958–1967)* [Collected Works in 2 Volumes. Vol. 1: Memoirs and Other Works (1958–1967)]. 864 p. Ekaterinburg, Gonzo. (In Russian)

4. Sinova, I. V. (2022). *Samoidentifikatsiya zhenshchin kontsa XIX - nachala XX v.: analiz ego-dokumentov* [Self-identification of Women at the End of the 19th—Beginning of the 20th Centuries: The Analysis of Ego Documents]. *Historia Provinciae – zhurnal regional'noi istorii*. T. 6. No. 1, pp. 164–210. (In Russian)

5. Mandel'shtam, N. Ya. (2014). *Sobranie sochinenii v 2-kh t. T. 2: "Vtoraya kniga" i drugie proizvedeniya (1967–1979)* [Collected Works in 2 Volumes. T. 2: "The Second Book" and Other Works (1967–1979)]. 1008 p. Ekaterinburg, Gonzo. (In Russian)

6. Savkina, I. L. (2001). *Pishu sebya. Avtodorokumental'nye zhenskie teksty v russkoi literature pervoi poloviny XIX veka* [I'm Depicting Myself. Auto-Documentary Women's Texts in Russian Literature of the First Half of the 19th Century]. 360 p. Tampere, University of Tampere. (In Russian)

7. Luganskaya, E. V. (2017). *Sravnitel'nyi analiz ispol'zovaniya komicheskogo v muzhskoi i zhenskoi otsenke (na materiale angloyazychnykh pisem v redaktsiyu)* [Comparative Analysis of the Comic Element Use in Male and Female Evaluation (based on English-language letters to the editor)]. *Nauchnyj al'manah*. No. 4–2, pp. 259–262. (In Russian)

8. Bogatyreva, D. A. (2009). *Formy vyrazheniya avtorskogo prisutstviya v memuarnoi proze M. Tsvetaevoi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Forms of Expression of the Author's Presence in the Memoir Prose of M. Tsvetaeva: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 18 p. (In Russian)

9. Ledenev, A. V. (2022). *Khudozhestvennye resursy punktuatsii v proizvedeniyah V. V. Nabokova: ot yazykovogo k obraznomu znaku* [Artistic Resources of Punctuation in the Works of V. V. Nabokov: From a Linguistic to a Figurative Sign]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. T. 81. No. 6, pp. 16–25. (In Russian)

10. Ivanchuk, I. A. (2005). *Ritoricheskii komponent v publichnom diskurse nositelei elitarnoi rechevoi kul'tury: avtoref. dis. ... doktora filologicheskikh nauk* [Rhetorical Component in the Public Discourse of Representatives of Elite Speech Culture: Doctoral Thesis Abstract]. Saratov, 65 p. (In Russian)

11. Burmistrova, S. V. (2011). *Spetsifika reprezentatsii avtorskogo ya v zhenskoi memuarnoi proze* [Specifics of Representation of the Author's Self in Women's Memoir Prose]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 11(113), pp. 19–124. (In Russian)

The article was submitted on 04.09.2024
Поступила в редакцию 04.09.2024

Семенова Александра Александровна,
аспирант,
ассистент кафедры русского языка,
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург,
набережная реки Мойки, 48.
Semenova_al_al@mail.ru

Semenova Aleksandra Aleksandrovna,
graduate student,
Assistant Professor,
Herzen State Pedagogical University of Russia,

48 Moika Embankment,
St. Petersburg, 191186, Russian Federation.
Semenova_al_al@mail.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-104-109

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ *СЕЙ* И *ОНЫЙ* В ПЕРЕВОДЕ «ГИСТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ НАСТОЯЩАГО ИМПЕРИИ ОТТОМАНСКОЙ» П. А. ТОЛСТОГО

© Вероника Скрипка

DEMONSTRATIVES *SEI* AND *ONYI* IN P. TOLSTOY'S TRANSLATION OF "THE HISTORY OF THE PRESENT STATE OF THE OTTOMAN EMPIRE"

Veronika Skripka

The paper considers the use of demonstrative pronouns *sei* and *onyi* in the treatise "The History of the Present State of the Ottoman Empire" (the manuscript of the Academy of Sciences Library, No. 31.3.22), translated from Italian into Russian by P. Tolstoy at the beginning of the 18th century. The purpose of the study is to determine the principles Tolstoy was guided by when choosing a particular pronoun and the facts that could have influenced his translation technique.

We have determined that some regularities could be found: for instance, Tolstoy preferred to translate Italian proximal deictic pronouns (*questo* and etymologically proximal *ciò*) using *sei*, while *quello*, a distal deictic pronoun, was translated using *onyi*, which indicates that the pronouns retain their ancient meaning, although they are not opposed as a means of anaphora either in the Russian or in the Italian text. However, when there is no demonstrative pronoun in the original text, of the two pronouns Tolstoy preferred to add *onyi* in the anaphoric function and *sei* in the common deictic expressions *preže sego* 'before', *vyše sego* 'above' and *niže sego* 'below'.

While the manuscript was being prepared for publication, some grammatical corrections were made; in general, it did not concern the pronouns *sei* and *onyi*, except for one fact: the inconsistent replacements of *onyi* with *tot* when the pronoun related to a subordinate clause. The change, in our opinion, could be explained by the features of the Russian demonstrative pronouns system: since at least the 14th century up to the present time, this function has been performed by *tot*. Having appeared in this role under the influence of the Italian pronoun *quello*, the pronoun *onyi*, which consistently performs this function in Italian, in the eyes of the editor, was to be replaced.

Keywords: demonstrative pronouns, Russian literary language, Piotr Tolstoy, Petrine Era, translations from Italian, translation technique

Статья посвящена употреблению указательных местоимений *сей* и *оний* в трактате «Гистория управления настоящего Империи Оттоманской» (рукопись Библиотеки Академии наук № 31.3.22), который был в начале XVIII в. переведен на русский язык П. А. Толстым с итальянского языка. Целью исследования было определить, какими принципами выбора того или иного местоимения руководствовался Толстой и что могло влиять на его переводческую технику.

В результате исследования были найдены некоторые закономерности: так, итальянские местоимения ближнего дейксиса (*questo* и этимологически относящееся к ним *ciò* 'этот, это') Толстой предпочитал переводить при помощи *сей*, тогда как *quello* 'тот', местоимение дальнего дейксиса, – при помощи *оний*, что свидетельствует о сохранении у русских местоимений их древнего значения, хотя в анафорической функции они не противопоставлены ни в русском, ни в итальянском тексте произведения. Но в случаях, когда Толстой не переводил указательное местоимение оригинала, а добавлял его от себя, он из этих двух местоимений предпочитал в анафорической функции использовать *оний*, а в составе устойчивых дейктических выражений *preže sego*, *vyše sego*, *niže sego*, напротив, только *сей*.

При подготовке рукописи к печати была произведена грамматическая правка; она практически не касалась местоимений *сей* и *оний*, кроме одного факта: непоследовательных замен *оний* на *tot* в функции соотносительного слова при придаточном. На это, по нашему мнению, повлияли особенности русской системы указательных местоимений: эта функция как минимум с XIV в. по настоящее время принадлежит слову *tot*. Местоимение *оний*, появившись в этой роли под влия-

нием итальянского *quello*, последовательно выполняющего эту функцию в итальянском языке, в глазах редактора подлежало замене.

Ключевые слова: указательные местоимения, русский литературный язык, Петр Толстой, Петровская эпоха, переводы с итальянского, переводческая техника

Для цитирования: Скрипка В. Указательные местоимения сей и оный в переводе «Гистории управления настоящего Империи Оттоманской» П. А. Толстого // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 104–109. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-104-109

П. А. Толстой – известный государственный деятель петровской эпохи, дипломат, получивший за свои заслуги титул графа. С филологической точки зрения П. А. Толстой больше всего известен как автор путевых заметок, сочиненных им во время своего путешествия по Европе в 1697–1699 гг. [1], которые обнаруживают его незаурядный бытописательский талант. Менее известно, что Толстой выступал как переводчик: в частности, в 1702–1714 гг. он, занимая должность посла России в Османской империи, перевел сочинение *The Present State of the Ottoman Empire* [2, с. 387], написанное за полвека до этого английским дипломатом Полем Рико, который также был послом в Константинополе. Эта книга, вышедшая в Лондоне на английском языке в 1668 г. [3], была спустя два года переведена на французский язык [4], а ещё спустя два года – с французского на итальянский, о чем гласит надпись на титульном листе венецианского издания [5]. Перевод П. А. Толстого «Гистория управления настоящего Империи Оттоманской», в свою очередь, был выполнен именно с итальянского языка, что прямо указано в конце рукописи с этим сочинением: *реведена с Итал анс аго на Русс й язы <...> етро^и Андрѣевиче^и То^исты^и в арѣградѣ* [6, л. 262 об.].

«Гистория...» сохранилась в двух экземплярах [2, с. 386–388]; в качестве материала для анализа нами была взята рукопись Библиотеки Академии наук, № 31.3.22 [6]. Все количественные данные, приводимые в работе, основаны на материале сплошного исследования 30 листов (лл. 216–246 об.). После каждой приводимой в тексте статьи цитаты в круглых скобках указан номер листа по этой рукописи, орфография оригинала сохранена, однако добавлены заглавные буквы и знаки препинания для уточнения смысла. Рядом приводится параллельный итальянский текст, в круглых скобках указана страница по итальянскому изданию [5], орфография источника сохранена. После дается перевод на современный русский язык в тех случаях, когда текст Толстого не дословно соответствует итальянскому оригиналу.

Местоимения *сей* и *оний* – самые употребительные в тексте «Гистории...». Вначале пред-

ставим в виде таблицы их соотношение в качестве средств перевода итальянских выражений (таблица 1). При подсчете разделены атрибутивы (местоимения-прилагательные, образующие в сочетании с существительным указательную группу¹) и субстантивы (местоимения-существительные), полужирным выделены преимущественно используемые средства перевода.

Таблица 1.

Соотношение указательных местоимений в переводе П. А. Толстого и соответствующих им итальянских выражений (на материале 30 листов)

итал. \ рус.	<i>сей</i> - атрибу- тив	<i>сей</i> - субстан- тив	<i>оний</i> - атрибу- тив	<i>оний</i> - субстан- тив
<i>questo</i> ('этот')	43	6	2	–
<i>ciò</i> ('это')	2	11	–	–
<i>quello</i> ('тот')	4	3	16	33
личное местоимение	–	1	5	7
нет местоимения	13	4	14	18
наречное выражение	–	15	–	–

Из таблицы видно, что П. Толстой для каждого местоимения предпочитает определенный способ перевода, однако не строго следует ему во всех аналогичных случаях. Очевидно, что в сознании переводчика основным эквивалентом местоимений *questo* и *ciò* было *сей*, тогда как *quello* переводилось чаще всего с помощью *оний*, например: *помѣ си воис* (226) – *oltre questa Milizia* (249); *си слѣги* (230 об.) – *questi Seruidori* (256); *сие салтан чинит* (232 об.) – *il Gransignore fa ciò* (259); *оние до оды* (227 об.) – *quelle entrate* (250); *оние*

¹ Указательная группа — термин Е. В. Падучевой [7, с. 158].

та же сажают деревья (238) – *quelli pure s'occupano à piantare degli arbori* (265) (здесь и далее разрядка наша – В. С.).

В современном итальянском языке местоимения-атрибутивы *questo* и *quello* входят в дейктическую оппозицию *questo* – *quello* ‘ближний’ – ‘дальний’, однако при недейктическом использовании эта оппозиция практически нейтрализуется и местоимения распределяются следующим образом: атрибутив *questo* чаще служит средством анафоры или катафоры, а в роли соотносительного слова, отсылающего именно к придаточному предложению, употребляется субстантив или атрибутив *quello* [8, с. 97]. В итальянском переводе «Гистории...», по нашим наблюдениям, это верно относительно *quello*, а в качестве средства анафоры используются оба местоимения-атрибутива: и *questo*, и *quello*. Субстантив *questo* используется редко, а в качестве нейтрального анафорического субстантива выступает *ciò*, не имеющее атрибутивной формы.

Судя по полученным данным, для Толстого было очевидно, что местоимение ближнего дейксиса более естественно переводить с помощью *сей*, тогда как местоимение дальнего дейксиса — при помощи *онный*. В этом можно увидеть древние значения этих местоимений: *сь* в древнерусском языке указывало на предмет, близкий к говорящему, тогда как *он* — на более отдаленный [9, с. 297]. Эти значения восходят к индоевропейскому периоду [10, с. 251]; такая дейктическая оппозиция засвидетельствована в русской деловой письменности вплоть до XV в. [11, с. 15]. Но позднее эти местоимения в живом языке выходят из употребления, а в дейктической оппозиции их место занимают *этот* и *тот*. *Сей* и *онный* становятся книжными элементами, и в анафорической функции различия между ними практически нивелируются. «Их синонимичность — явление сравнительно недавнего прошлого (XVII–XVIII в.),» — замечает об этих двух местоимениях А. Д. Григорьева [12, с. 138]. Впрочем, в некоторых контекстах противопоставленность этих местоимений сохраняется: так, в сочинениях М. В. Ломоносова «онный регулярно замещает первый из упомянутых объектов, а *сей* — названный вторым» [13, с. 613], на что, по мнению исследовательницы, повлияла латинская пара *hic* – *ille*. Неслучайно прежнее местоимение ближнего дейксиса *сей* отсылает ко второму из пары упомянутых лиц или предметов, то есть ближайшему к самому местоимению, тогда как прежнее местоимение дальнего дейксиса *онный* относится к первому лицу или предмету, то есть более далекому из двух от самого местоимения. Конструкции, подобные описанным А. С. Смир-

новой в текстах М. Ломоносова, ни в итальянском оригинале, ни в переводе «Гистории...» нами не были найдены; для выражения этих смыслов не используются указательные местоимения, к примеру: *рунаю за лаго здѣсь описать о едино^о осоливом воис е... еже есть сег ани и сери^ожани. е^рвые араулят о оз авалери сои, а^о рхгие – инфа^отери сои* (248) – *Li primi custodiscono il Bagaglio della Cavalleria, e gli altri quello dell'Infanteria* (279).

Перевод Толстого, по нашему мнению, свидетельствует о том, что в языковом сознании переводчика оппозиция *сей* – *онный* ‘ближний’ – ‘дальний’ сохранялась. В анафорической функции в итальянском тексте «Гистории...» противопоставление местоимений было нестрогим, в пользу чего могут свидетельствовать немногочисленные переводы *quello* как *сей*, а *questo* – как *онный*, однако статистически такие употребления находятся в меньшинстве (таблица 1).

Нейтральное итальянское анафорическое местоимение-субстантив *ciò*, судя по постоянству Толстого в выборе местоимения *сей* в качестве средства перевода, для него тоже относится к местоимениям ближнего дейксиса, что можно объяснить с диахронической точки зрения происхождением *ciò* из дейктической частицы *ессе* и латинского местоимения ближнего дейксиса *hoc* (*ессе-hoc*)² [15, с. 205]. По данным, приводимым Е. Э. Бабаевой и Т. В. Пентковской, Толстой знал латынь [16, с. 10].

Однако *сей* и *онный* не всегда используются для перевода именно указательных местоимений, а могут служить соответствием для местоимений личных; в этой роли Толстой из двух местоимений отдает предпочтение местоимению *онный*. Это, например, субстантивы: *онное ораняется я о самовлстное няжест ѿ* (226 об.) – *essa passa come vn Principato indipendente* (250); *онные мють самовлстие* (228 об.) – *egli no hanno l'assoluto comando* (254) или указательные группы с атрибутивом, где существительное добавлено переводчиком по смыслу: *онное послание привело в таое своеволство* (243) – *essa gli hà resi tanto insolenti* (271).

Переводчик также неоднократно добавляет указательные местоимения без прямого эквивалента в итальянском тексте. В этом случае используется как *сей*, так и *онный*, однако количественно преобладает *онный* (32 употребления *онный*,

² Интересно отметить, что на индоевропейском уровне во всех этих словах (*ессе*, *hoc*, *сей*) реконструируется один и тот же корень *o-*, *e-*, *(e)i-*, *(i)io-* [14, с. 609-610].

17 – *сей*). Субстантив *оный* в именительном падеже добавляется во фразу, в которой нет подлежащего в оригинальном тексте, заменяя опущенное местоимение 3-его лица: *оные не на азгют ся по налгжжитости* (242 об.) – *non si gastigano come si dourebbe* (271). Атрибутив *оный* с подходящим существительным может выступать в той же роли: *В домъ раиняго везиря должны оные чауши со иратися по вся дни для ра³сыл и в ро³ные мѣста с у аз ами* (245 об.) – *Il Palazzo del primo Visir è il luogo nel quale si radunano, per portare le esposizioni in molti luoghi dell'Imperio* ('дворец первого визиря – это место, в котором собираются, чтобы везти указы в разные места империи') (275). Указательная группа с *оный* может заменять существительное с определенным артиклем: *во оном городе* (226 об.) – *nella Città* (250), *она я овалерия* (229) – *Li Cavalieri* 'всадники' (254).

Из пары *сей* – *оный* только местоимение *сей* встречается в наречных выражениях в дейктической функции: во-первых, в сочетании *прежде сего* (л. 216, 218, 225, 233, 237 об., 244 и др.), где *се* отсылает к текущему моменту (временной дейксис). С его помощью переводится итальянское наречное выражение *altre volte* – 'ранее, до этого' (234, 236, 242, 259, 264) либо *una volta* – 'когда-то, однажды' (272). Ещё две конструкции отсылают к тому месту в тексте, в котором они употреблены: это *выше сего* (до этого, о том, что говорилось прежде) и *ниже сего* (после этого, о том, что будет сказано далее). У них нет точной параллели в итальянском языке: *a писано выше сего* (240) – *come habbiamo dimostrato* 'как мы показали' (267); *о чем напишеⁿ ниже сего* (234) – *come diremo qui appresso* 'как скажем здесь после' (260). В этих двух конструкциях местоимение *се* называет то место в тексте, в котором оно употреблено, то есть выражает пространственный дейксис. Все три упомянутые выражения с *се* характерны и для русской деловой письменности XVII в. [17, с. 288–289].

В заключение скажем о грамматической правке, которая была произведена при подготовке «Гистории...» к печати. Во второй из сохранившихся рукописей «Гистории...» [18] отражена правка, которая была сделана в 1720-х гг., скорее всего, сыном П. А. Толстого, Иваном [19, с. 11]. Все конструкции с указательными местоимениями *сей* и *оный* сохраняются редактором и не исправляются в этой рукописи. Книга была напечатана спустя два десятилетия, в 1741 г., под заголовком «Монархия Турецкая. Описанная чрез Рикота...» [20], и именно в печатном тексте появляется частая, но непоследовательная замена: в функции соотносительного слова место-

имение *оный*, употребляемое вслед за итальянским *quello*, закрепленным в этой роли, исправляется на *тот*: *прочтут с прилгжанием оное что написали* (215 об.) – *прочтут с прлгжан ем то, что нап сали* [20, с. 221]; *погргжшают оные а торые отят ра³суждати* (216) – *погргжшают тг, от орые отят разсуждати* [Там же, с. 221] и т. д. Однако неисправленными остаются другие аналогичные конструкции с местоимением *оный*: *оны е оторые имгют отя малую пра ти у* (215 об.) – *оны е, от орые имгют отя малую пра т у* [Там же, с. 221]; *оны е от орые отят освгдомитца* (221) – *оны е, от орые вос отят освгдомитца* [Там же, с. 227] и т. д. По всей видимости, редактор, исправляя эту конструкцию, предпочитал опираться не на итальянский оригинал, а именно на особенности русского употребления указательных местоимений: функция соотносительного слова, по крайней мере с XIV в., судя по исследованным нами данным деловой письменности [11], и по сей день принадлежит именно местоимению *тот*.

Таким образом, можно сказать, что в переводе указательные местоимения в некоторых случаях зависят от итальянского оригинала. Местоимения ближнего дейксиса П. А. Толстой предпочитает переводить при помощи *сей*, а дальнего дейксиса — при помощи *оный*, хотя они в большинстве случаев не используются в дейктической функции и разница между ними и в итальянском, и в русском тексте несущественна. Однако можно отметить и закономерности, которые нельзя объяснить итальянским текстом: в качестве местоимения 3-его лица переводчик отдает предпочтение местоимению-субстантиву *оный* перед *сей*, а в устойчивых сочетаниях в сфере дейксиса, напротив, использует местоимение *сей*, невзирая на итальянский оригинал.

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 23-28-00314 «Языковая личность в Петровскую эпоху: П. А. Толстой как переводчик».

Список источников

1. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699. Изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М.: Наука, 1992. 380 с.
2. *Ни о лаев С. И.* Титульный лист русского издания Монархии Турецкой 1741 года // *Fons omnis honesti – o literaturze w służbie wartości: tradycja antyczna, kultura ziemiańska, encyklopedyzm i komunikacja* („Analecta Literackie i Językowe”, t. XIV). Red. M. Kuran. Łódź, 2020. Pp. 385–391.
3. *Rycaut P.* The Present State of the Ottoman Empire. London: for John Starkey and Henry Brome, 1668. 218 p.

4. Rycaut P. Histoire de l'état présent de l'Empire Ottoman [...] Traduit de l'Anglois [...] par Monsieur Briot. Paris, Sébastien Mabre-Cramoisy, 1670. 382 p.

5. Rycaut P. Istoria dello stato presente dell'Imperio Ottomano [...] Composta prima in lingua inglese dal sig. Ricaut [...] Tradotta poscia in francese dal sig. Briot, e finalmente trasportata in italiano da Costantin Belli. Venezia: Combi & La Nou, 1672. 296 p.

6. История управления настоящего империи Османской. Рукопись Библиотеки Академии наук № 31.3.22. 262 л. XVIII в.

7. а дучева Е. В. Высказывание и его соотношение с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). Изд. 6-е, испр. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 292 с.

8. Szantyka I. A. Lo studio morfo-sintattico dei costrutti determinanti con il pronome dimostrativo variabile *quello* // Lublin Studies in Modern Languages and Literature. 2017. Vol. 41. № 2. Pp. 96–111.

9. Галинская Е. А. Историческая грамматика русского языка. Фонетика. Морфология. М.: Ленанд, 2015. 412 с.

10. Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М.: Высшая школа, 1974. 410 с.

11. Скрипа В. К. Функционирование указательных местоимений в русской деловой письменности XIV–XVII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: М., 2024. 24 с.

12. Григорьева А. Д. К истории местоимений *сей* и *оний* в русском литературном языке начала XIX в. (*Сей* и *оний* у Пушкина) // Труды Института языкознания. 1953. № 2. С. 137–197.

13. Смирнова А. С. Специфика употребления местоименной пары *сей* — *оний* в сочинениях М. В. Ломоносова. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. № 18 (3). С. 609–620.

14. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern, München: Francke Verlag, 1959. 1183 p.

15. Rohlfs G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Vol. 2. Morfologia. Torino: Giulio Einaudi editore s. p. a., 1968. 401 p.

16. Баева Е. Э., ент овс ая Т. В. Петр Андреевич Толстой как переводчик // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия. Вып. 3. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2023. С. 7–12.

17. Скрипа В. К. Указательное местоимение *сеи* в русской деловой письменности XVI–XVII вв. // Русский язык в научном освещении. 2023. № 2. С. 281–292.

18. История управления настоящего империи Османской. Рукопись Библиотеки Академии наук № 34.5.28. 193 л. XVIII в.

19. ент овс ая Т. В., Шишина Е. В. Петр Толстой и Савва Рагузинский как переводчики Петровской эпохи: языковые сходства и различия. Часть 1 // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 9–18.

20. Монархия Турецкая. Описанная чрез Рикота бывшего аглинского секретаря посольства при Отто-

манской Порте. СПб.: Типография Академии Наук, 1741. 278 с.

References

1. Ol'shevskaya, L. A., Travnikov, S. N. (Eds.). (1992). *Puteshestvie stol'ni a P. A. Tolstogo po Evrope. 1697–1699* [Steward P. A. Tolstoy's Travel across Europe. 1697–1699]. 380 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

2. Nikolaev, S. I. (2020). *Titul'nyi list russ o go izdaniya Monarkhii Turetskoi 1741 goda* [Title page of the Russian edition of the Turkish Monarchy 1741]. Kuran, M. (Ed). Fons omnis honesti – o literaturze w służbie wartości: tradycja antyczna, kultura ziemiańska, encyklopedyzm i komunikacja (Analecta Literackie i Językowe, vol. XIV). Pp. 385–391. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. (In Russian)

3. Rycaut, P. (1668). *The Present State of the Ottoman Empire*. 218 p. London, for John Starkey and Henry Brome. (In English)

4. Rycaut, P. (1670). *Histoire de l'état présent de l'Empire Ottoman* [...] Traduit de l'Anglois [...] par Monsieur Briot [History of the Present State of the Ottoman Empire (...) Translated from English (...) by Monsieur Briot]. 382 p. Paris, Sébastien Mabre-Cramoisy. (In French)

5. Rycaut, P. (1672). *Istoria dello stato presente dell'Imperio Ottomano* [...] Composta prima in lingua inglese dal sig. Ricaut [...] [History of the Present State of the Ottoman Empire (...) First composed in the English language by Mr. Ricaut (...)]. Tradotta poscia in francese dal sig. Briot, e finalmente trasportata in italiano da Costantin Belli. 296 p. Venezia, Combi & La Nou. (In Italian)

6. Gistoriya upravleniya nastoyashchago imperii Ottomanskoi [The Present State of the Ottoman Empire]. Manuscript of the Russian Academy of Sciences Library (BAN) No. 31.3.22. 262 p. 18th century. (In Russian)

7. Paducheva, E. V. (2010). *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii)* [Utterance and Its Correlation with Reality (referential aspects of the semantics of pronouns)]. 6-th ed. 292 p. Moscow, izdatel'stvo LKI. (In Russian)

8. Szantyka, I. A. (2017). *Lo studio morfo-sintattico dei costrutti determinanti con il pronome dimostrativo variabile quello* [The Morpho-Syntactic Study of Determining Constructions with the Variable Demonstrative Pronoun *Quello*]. Lublin Studies in Modern Languages and Literature. Vol. 41, No. 2, pp. 96–111. (In Italian)

9. Galinskaya, E. A. (2015). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Fonetika. Morfologiya* [Historical Grammar of the Russian Language. Phonetics. Morphology]. 416 p. Moscow, Lenand. (In Russian)

10. Savchenko, A. N. (1974). *Sravnitel'naya grammatika indoevropskikh yazykov* [Comparative Grammar of Indo-European Languages]. 410 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)

11. Skripka, V. K. (2024). *Funktsionirovanie u a zatel'ny h mestoimenii v russ o i delovoi pis'mennosti XIV–XVII vv.: avtoref. dis. ... a nd. filol. nau* [The Functioning of the Demonstrative Pronouns in Russian Busi-

ness Writing of the 14th–17th century: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 24 p. (In Russian)

12. Grigor'eva, A. D. (1953). *K istorii mestoimenii sei i onyi v russkom literaturnom yazyke nachala XIX v. (Sei i onyi u Pushkina)* [On the History of the Pronouns *Sei* and *Ony* in the Russian Literary Language of the Early 19th Century (*Sei* and *Ony* in Pushkin's Works)]. Trudy Instituta yazykoznaniiya, No. 2, pp. 137–197. (In Russian)

13. Smirnova, A. S. (2021). *The specifics of the use of the pronoun pair sei — onyi in the works of M. V. Lomonosov* [The Specifics of the Use of the Pronominal Pair *Sei* - *Ony* in the Works of M. V. Lomonosov]. Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature. No. 18 (3), pp. 609–620. (In Russian)

14. Pokorny, J. (1959). *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. 1183 p. Bern, München, Francke Verlag. (In German)

15. Rohlfs, G. (1968). *Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Vol. 2. Morfologia* [Historical Grammar of the Italian Language and Its Dialects]. 401 p. Torino, Giulio Einaudi editore s. p. a. (In Italian)

16. Babaeva, E. E., Pentkovskaya, T. V. (2023). *Petr Andreevich Tolstoy kak perevodchik* [Piotr Andreevich

Nolstoy as a Translator]. *Perevodchiki i perevody v Rossii do nachala XVIII stoletiya*. Vol. 3, pp. 7–12. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN. (In Russian)

17. Skripka, V. K. (2023). *Ukazatel'noe mestoimienie sei v russkoi delovoi pis'mennosti XVI–XVII vv.* [The Demonstrative Pronoun *Sei* in Russian Business Writing of the 16th–17th Centuries]. Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii, No. 2 (46), pp. 281–292. (In Russian)

18. *Istoriya upravleniya nastoyashchago imperii Ottomanskoi* (18th century) [The Present State of the Ottoman Empire]. Manuscript of the Russian Academy of Sciences Library (BAN) No. 34.5.28. 193 p. (In Russian)

19. Pentkovskaya, T. V., Shikina, E. V. (2023). *Piotr Tolstoy and Savva Raguzinsky as Translators of the Petrine Era: Linguistic Similarities and Differences* [Pyotr Tolstoy and Savva Raguzinsky as Translators of the Petrine Era: Linguistic Similarities and Differences]. Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology, No. 6, pp. 9–18. (In Russian)

20. *Monarkhiya Turetskaya. Opisannaya chrez Rikota byvshago aglinskago sekretarya posol'stva pri Ottomanskoi Porte* (1741) [The Turkish Monarchy. Described by Rycault, Former Secretary of the English Embassy to the Ottoman Porta]. 278 p. St Petersburg, Tipografiya Akademii Nauk. (In Russian)

The article was submitted on 20.09.2024

Поступила в редакцию 20.09.2024

Скрипка Вероника Константиновна,
аспирант,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1;
младший научный сотрудник,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
119019, Россия, Москва,
Волхонка, 18/2.
vkskripka@yandex.ru

Skripka Veronika Konstantinovna,
graduate student,
Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation;
Junior Researcher,
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volhonka Str.,
Moscow, 119019, Russian Federation.
vkskripka@yandex.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-110-116

ЧЕТЫРЕ ПРОЛОЖНЫХ ТЕКСТА ОБ АЛЕКСАНДРЕ СВИРСКОМ: ИСТОРИЯ, СООТНОШЕНИЕ, ОСОБЕННОСТИ

© Александра Соболева

FOUR SYNAXARION REDACTIONS ABOUT ALEXANDER SVIRSKY: HISTORY, CORRELATION, FEATURES

Alexandra Soboleva

This paper completes the study of the synaxarion redaction dedicated to St. Alexander of Svirsky. At the moment, I know three manuscript and one old-print editions. The focus of the paper is a brief history of each edition. For the 1st redaction, an additional source has been found - the synaxarion redaction of Varlaam of Khutynsk. The 2nd, 3rd and Early Printed Synaxarion redactions have the Menaion redaction of the Life of Alexander Svirsky as their source. All of them appeared independently of each other, none of the manuscript redactions was used in the compilation of The Early Printed Synaxarion redaction. All titles are given according to the dates of the manuscripts, in which they were found. The third edition, preserved in a single copy from the collection of the Russian State Library F. 37, No. 194, greatly damaged, has been partially reconstructed. This manuscript is a Prologue, which differs in composition from the known manuscript and The Early Printed Synaxarion redactions. It is clear from the inscription that for some time this Prologue was in the Alexander-Svirsky monastery courtyard. A preliminary examination revealed a group of texts known only from this manuscript or rarely spread in the manuscript tradition of the corresponding hagiographies. It is quite possible that all of them were created for this complex. All four Synaxarion Redactions have been prepared for publication in the appendix.

Keywords: Life of St. Alexander Svirsky, hagiography, The Synaxarion Redaction

Работа завершает исследование проложных текстов, посвященных прп. Александру Свирскому. На данный момент мне известны три рукописных и одна старопечатная редакции. В центре внимания статьи краткая история каждой. Для 1-й редакции обнаружен дополнительный источник – проложное житие Варлаама Хутынского. 2-я, 3-я и Старопечатная проложные редакции источником своим имеют Минейную редакцию Жития Александра Свирского. Все они появились независимо друг от друга, ни одна из рукописных редакций не использовалась при составлении Старопечатного пролога. Все названия даны в соответствии с датировками рукописей, в которых они обнаружены. Третья редакция, сохранившаяся в единственном списке из собрания РГБ ф. 37 № 194 с большими утратами, частично реконструирована. Эта рукопись представляет собой Пролог, отличающийся по составу от известных как рукописных, так и старопечатных вариантов. Из вкладной записи становится ясно, что некоторое время Пролог находился на подворье Александро-Свирского монастыря. При предварительном просмотре в нем обнаружена группа текстов, известных только по этой рукописи или редко распространенных в рукописной традиции соответствующих житий. Вполне возможно, все они и были созданы для этого комплекса. Все четыре проложные редакции Жития Александра подготовлены к публикации в приложении.

Ключевые слова: Пролог, агиография, Житие Александра Свирского, проложная редакция

Для цитирования: Соболева А. Четыре проложных текста об Александре Свирском: история, соотношение, особенности // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 110–116. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-110-116

Введение

Самая первая редакция Жития прп. Александра Свирского (далее – ЖАС), как известно, создана игуменом Иродионом Кочневым в 1545 году (ранний список 1549 г., РНБ ОСПК Q.I.317). В

этой же рукописи, предворяя текст Минейной редакции, записана 1-я Проложная редакция (далее – 1ПР). Игумен Иродион уже не был составителем данного текста: на это указывает его малая распространенность (на данный момент всего 17

списков из изученных 315). Появилась она предположительно к канонизации преподобного в 1547 г. вне стен Александрo-Свирского монастыря. Всего же мне известно четыре редакции для Пролога, три из которых только рукописные. В течение XVI в. появится 2-я Проложная редакция (далее – 2ПР), независимая от 1-ой, а по списку второй четверти XVII в. известна 3-я Проложная (далее – 3ПР) [1]. Все названия даны в соответствии с датировками самых ранних списков, в которых они обнаружены. К 1660 году Минейная редакция ЖАС будет переработана еще раз – теперь для третьего издания Старопечатного пролога (далее – СП). На данный момент изучено 315 списков Жития, это позволяет предположить, что мы имеем достаточно полную картину развития проложных текстов. Цель данной статьи – соотнести тексты Жития трех рукописных и Старопечатного прологов.

Материалом статьи стали следующие рукописи и печатные издания. Первая проложная редакция представлена 17 списками сер. XVI–XVII вв., здесь цитируется по самому раннему (РНБ ОСРК Q.I.317). Вторая и третья проложные редакции пока известны в единичном экземпляре: это РГБ ф. 354, Вологодское собрание, № 20, тр.четв. XVI в. (далее – Волог. 20) и РГБ ф. 37, собрание Большакова Т. Ф., вт.четв. XVII в. (далее – Бол.194) соответственно. Редакция Старопечатного пролога появляется в издании с 1660 г., в работе цитируется по РГБ, Музей Книги, фонд «Старопечатные книги Троице-Сергиевой Лавры», Пролог на июнь-август 1662 г. (2-й экземпляр). Минейная редакция цитируется по августовским томам миней четиих: ГИМ, Синодальное собрание, № 997, Великие миней чети, сер. XVI в. (далее – Син. 997), № 808, Миней Иоанна Милютина, 1654 г. (далее – Син. 808)

Композиция статьи обусловлена целью: сначала выявляются те события, о которых повествуется во всех проложных текстах, далее характеризуются особенности каждой редакции. В конце в Приложении полностью представлены все четыре редакции, тексты их даны в сравнении. Третья проложная редакция реконструирована.

События, о которых повествуется в проложных текстах

1. Сведения о прп. Александре (отроке Амосе), месте рождения, родителях. 2. Рождение по промыслу Божию. 3. Крещение. 4. Повествование о воспитании. 5. Рассказ о безуспешном обучении грамоте. 6. Молитва прп. Александра Богородице о помощи в обучении. 7. Божественное пророчество о помощи в учении. 8. Скорое обу-

чение грамоте. 9. Пребывание в посте, отказ от детских игр. 10. Желание родителей сочетать Амоса законным браком. 11. Устремление отрока к иноческой жизни. 12. Встреча с монахами Валаамского монастыря. 13. Тайный уход из дому. 14. Приход на Валаам, постриг. 15. Упоминание о наставнике иноческой жизни. 16. Постнические подвиги на Валааме. 17. Прославление от братии. 18. Молитва Богородице об уходе в пустынь, видение божественного луча. 19. Исход из монастыря. 20. Приход в пустынь. 21. Пророчество об устройении монастыря. 22. Приход первых насельников к прп. Александру. 23. Приход брата Иоанна. 24. Постническая жизнь, явление ангелов. 25. Явление Троицы. 26. Принятие священства. 27. Строительство храма. 28. Устройство обители, хозяйственные работы (в пекарне, в поварне и т. д.). 29. Строительство каменного храма Троицы. 30. Дар чудотворства. 31. Духовное завещание братии. 32. Преставление. 33. Прославление, упоминание о чудесах от раки или от гроба.

Старопечатный Пролог не сообщает о событиях под номерами 4, 12, 15, 16, 18, 22; Первая проложная редакция – 3, 7, 10, 11, 12, 16, 18, 21, 23, 24, 25, 33; Вторая проложная – 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 15, 16, 18, 21, 23, 29, 31, 33; Третья проложная – 4, 13, 14, 15, 21, 28, 29, 30, 31.

Итак, рукописные тексты сосредоточены главным образом вокруг отроческой жизни преподобного до его пострига. Старопечатный текст дает подробное повествование как об отроческой жизни (причем только в нем есть диалог, показывающий волнение матери о чрезмерном аскетизме отрока Амоса; описание явления ангела в образе спутника, проводившего прп. Александра до Валаама), так и о монашеской.

Известие о главном событии Жития – явлении Пресвятой Троицы – редакторы четырех текстов передают по-разному. В Минейной редакции ЖАС ему посвящена самостоятельная глава, которая на протяжении рукописной истории текста почти не правится, в отличие от других глав. Что касается прологов, то прямо о явлении Троицы сообщают только 1ПР и СП, в остальных эти сведения представлены имплицитно (см таблицу, строка 25). Редактор 2ПР смещает акцент на строительство церкви, посвященной Троице. Сходно строится повествование в 3-ей редакции: упоминается видение божественного луча прп. Александру на том месте, где позже он основал Свято-Троицкий монастырь.

Примечательно, что никто из редакторов не сообщает о некоторых, ключевых для составителя Минейной редакции, событиях. В прологи не попадают сообщения об Андрее Завалишине

(первом духовном ученике прп. Александра, ставшем впоследствии монахом Адрианом Ондрусовским), о старце Никифоре, о духовном чаде купце Данииле [2], а также о нескольких посланиях к великим князьям с просьбами о мастерах для строительства церкви и утвари для ее освящения.

Первая проложная редакция

Подробное исследование о языке, времени появления текста, уникальных сведениях и рукописной традиции по спискам XVI–XVII вв. отражено в работе [1]. Здесь же представлены новые данные, поскольку количество списков этой редакции увеличилось и удалось уточнить информацию об источниках текста. Несмотря на свой малый объем и относительно узкую распространенность, с самого начала копирования списков в тексте возникло важное разночтение, связанное с именем наставника прп. Александра во иночестве в Валаамском монастыре: Имѣаше себѣ наставника по Божѣ мниха нѣкоего священноинокѣ Лаврентіа именем, духовнаго старца, в том же монастыри пострижение имуща, и от сего навѣкъ, тако от искусна вождѣ, всему иночѣскому житію (Q.I.317, л. 363 об.) (здесь и далее в статье текст цитируется в орфографии указанного списка, но выносные внесены в строку без дополнительного обозначения). Никакого сообщения о духовном наставнике преподобного в тексте Минейной редакции не встретится [1, с. 160–162]. По этому признаку списки 1ПР делятся на три группы. Имя *Лаврентий* читается в рукописях РНБ Q.I.317, РГБ Егор. 643, Овч. 281; имя *Сергий* – в РГБ Рум. 397, Шиб. 168, ЯМЗ 14966, Львов 1263, Львов 2716, РНБ Соф. 419, Михайлов. 223, РГАДА ф. 187, № 144; а в списках РГБ Троиц. 629, ГИМ Барс. 1263, Син. 808, РНБ Погод. 861, Погод. 851 имя наставника опущено. В рукописи РНБ F.I 495 редакция представлена лишь начальными и конечными листами, поэтому данных для нее нет. Литературным источником упоминания о наставнике стало Житие Никона Радонежского: и пакы приходитъ къ блженному Сергію, и ѿ сего навѣкъ, тако ѿ искусна вождѣ, всему иночѣскому житію (РГБ, ф. 304/1, № 116, л. 415). Думаю, чтение *Сергий* попало в пролог из него, имя *Лаврентий* в таком случае может оказаться настоящим именем наставника преподобного. Здесь же добавлю, что Житие Никона Радонежского стало также источником Минейной редакции ЖАС, как недавно убедительно показала Н. В. Пак [3].

Ранее источником текста 1ПР была названа Минейная редакция ЖАС. Однако был установлен второй литературный источник – это про-

ложное Житие Варлаама Хутынского¹ (далее – ЖВХ), заимствования из которого представлены как на уровне текста, так и на уровне композиции. Пространная редакция Жития Варлаама является одним из основных источников Минейной редакции ЖАС, и, видимо, поэтому составитель 1ПР обращается к проложному тексту об этом святом. Приведу здесь некоторые заимствованные фразы, текст цитируется по изданию О. В. Лосевой [4], далее через тире следует цитата ЖАС, разночтения выделены курсивом:

И рече к себѣ²: поистинѣ житие се наше сѣнь и сонъ и тако коло вертѣться. И възненавидѣ мира и яже в мирѣ, и изыде в пусто мѣсто – и рече в себѣ: по истинѣ житіе се сѣнь и сонъ, и тако коло вертитсѣ. И възненавидѣ мира и яже в мирѣ, и вса истава³ изыде из дому ѿца своего.

Тружашасѣ постомъ и бдѣніемъ, дѣлаа своими руками: древа⁴ посѣкаа вспристанни и нивы твора, понужаа са самъ на дѣло Гѣ ради, сохраниа заповѣдь еѿгльскую⁴, иже⁵ рече: аще кто не дѣлаетъ, да не ястъ, по вса дни не дадаше бо сна своимѣ очима. – Тружашасѣ постомъ и бдѣніемъ, дѣлаа своими руками: древа посѣкаа и нивы твора, понужаасѣ самъ Гѣ ради, и сохраниа заповѣди, *иже въ еѿгліи*, иже кто не дѣлаа, да не ястъ, по вса дни не дадаше сна очима своимѣ.

Для сравнения приведу этот же текст про вырубку деревьев в Минейной редакции: Преподѣбныи александръ научѣт древа посѣкати, и нивы пахати, и сѣяти, и добръ тружатица (Син. 997. 1153 об.).

Далее в обоих житиях следует текст о кознях от лукавого, действующего либо через бесов, либо через подстрекаемых ими людей. И, если о происках бесов в Минейной редакции сообщается пространно, то о людских злодеяниях нет ни слова, текст в 1ПР полностью заимствован из проложного ЖВХ без изменения. Оттуда же заимствовано поучение Александра к духовным чадам удерживаться от «неправды, завѣсти, и клеветы, и ярости, и рѣзоиманіа, и ѿ мзды неправѣго соудни, и от роты на кривѣ». Приводимые О. В. Ло-

¹ Я хотела бы поблагодарить Наталью Викторовну Пак за указание на проложное Житие Варлаама Хутынского, благодаря ее комментариям удалось продвинуться в данной работе.

² К себе – доб. разночтение по спискам Увар. 325, Тип. 160. Лосева, Указ. соч., с. 319.

³ Чтение по спискам Увар. 325, Тип. 160, в ост. древо. Там же, с 320.

⁴ апостольскую: чтение по Увар. 325, Тип. 160. Там же, с 320.

⁵ Чтение по списку Увар. 325, в ост. иже. Там же, с 320.

сево́й разночтения показывают, что составитель Проложной редакции ЖАС пользовался текстом, близким к ГИМ, собрание Уварова, № 325.

Композиция 1ПР в начале (рождение, воспитание, уход в монастырь, уход в пустынь) во многом обусловлена ориентацией на проложное ЖВХ: например, сообщение *въспитаѣ* и *въ доврѣ* наказаніи есть только в 1ПР, и это переделанная фраза из *и въспитанъ бысть въ доврѣ* наказании. Для событий, отсутствующих в проложном ЖВХ, составитель обращается к Минейной редакции ЖАС: почти пословное совпадение с текстом Иродиона наблюдается в конце, при описании чудесных явлений прп. Александру и его кончины.

Вторая проложная редакция

Вторая проложная редакция по-прежнему известна по единственному списку из Пролога Волог. 20, тр.четв. XVI в., лл. 393–394. Текст ее очень краткий, многие вехи жизни святого едва намечены, повествование неравномерно и отрывисто: о рождении Александра, его родителях сказано подробно, затем без логического перехода сообщено и *наученъ бысть* божественным книгам (лл. 393–393 об.), далее вновь пространно говорится об уходе отрока в монастырь на Валаам, о поиске его родителями; о приходе его отца, Стефана, в монастырь; о постриге родителей, об иноческих трудах Александра, об уходе в пустынь. Таким образом, две трети повествования охватывают период времени от рождения до устройства Свирской обители, а о трудах и подвигах Александра, о явленных ему чудесах замечено коротко.

Третья проложная редакция сохранилась в единственном списке, в Прологе Бол. 194., лл. 505–508 об. Эта рукопись сильно повреждена, начало и конец ее утрачены: памяти святым начинаются не с 1, а с 16 марта, многие тексты содержат лакуны. Водяные знаки бумаги позволяют датировать ее 30–40 гг. XVII вв.: 1) л. 113. Гербовый щит с перевязью — подоб. Гераклитов № 324, 1635 г. 2) л. 223, 506. Щит под короной — близк. Гераклитов № 323, 1631 г. 2) л. 508. Щит с перевязью, под короной, контрамарка АН — соответствия в доступных альбомах не найдено, тип знака без контрамарки Гераклитов № 241, 1642 г. 4) л. 168, 187. Рог изобилия — тип Гераклитов № 68, 69, 1628–30 гг. На листах рукописи есть вкладная скорописная запись XVII в., которая, как нам представляется, может пролить свет на происхождение текста о прп. Александре Свирском: «Положил сию книгу Прелог в дом святых Троицы во градѣ Можайскѣ на пасадѣ с Москвы из-за Яузы Никитцкой поп Иван Васильев по своих родителей в вѣчный помин, при черном

священникѣ Варлаамѣ Григорьевѣ, подписаль поп Иоанн своею рукою» (Бол. 194, л. 18, 25, 32, 37, 52 и 65). В записи речь идет о церкви Никиты великомученика за Яузой. Благодаря разысканиям И. Д. Соловьевой известно, что к концу XVI в. она относилась к подворью Александро-Свирского монастыря, который в то время процветал: был у него «на Москве за Яузою двор монастырской у Никиты великомученика» [5, с. 32]. Скорее всего, наличие уникального текста в прологе обусловлено именно связями между северной обителью и Никитской церковью. Орфография ЖАС и других житий в Бол. 194 не дает каких-либо указаний на северное происхождение писцов, зато в ЖАС отражается аканье, если так допустимо квалифицировать повторяющиеся написания: на *аат ѣрку*, л. 506 об.; *иже* *есть на-натѣ рецѣ*, л. 505. В таком случае текст 3ПР мог быть создан или переписан в Москве. Тот факт, что на подворье монастыря для пролога выбирается не текст 1ПР, а используется новый, еще раз подтверждает мое предположение о том, что 1ПР появилась не в монастыре прп. Александра и игумен Иродион ее автором не является. Несмотря на то, что рукопись сильно повреждена и в ней много утрат из-за очень небрежной реставрации (бумагой заклеены не только края листов, но и фрагменты текста), сохранившаяся часть жития явно указывает на восхождение к Минейной редакции ЖАС (см. далее пример в таблице). По отношению к ней 3ПР имеет некоторые нововведения (например, указание на прозвище архиепископа новгородского Евфимия Брадатого, которое, помимо летописей, встречается, в житии Зосимы и Савватия Соловецких [6, с. 7, 88]). Текст 3ПР не лишен ошибок писцов: пропусков слогов и описок, например, *шестокаго* л. 507 вместо *жестокаго*, по *стуже* и *вдѣнью сѣло* *прилежащѣ* (л. 506) вместо *ко стуже* и *вдѣнью прилежащѣ*.

В тексте 3ПР заметно влияние Сказания от Жития Феодосия Печерского из этой же рукописи (л. 186–188). Фраза 3ПР *дѣтиньхъ же игрѣхъ* *всма вшааѣ* — это явная переработка не *любаѣ* во *дѣтиньхъ* *игрѣхъ* (л. 186), в Минейной редакции ЖАС говорится иначе: *якоже вбываѣ есѣтъ* *младенствоущим играти* (л. 375). Сопоставление с текстом Минейной редакции позволяет восстановить утраты в рукописи: они даются в угловых скобках, когда реконструкция уверенно поддерживается источником. Между листами 506 и 507, судя по тексту, не хватает целого листа: между фразами *старецѣ же бывѣ въ дому ихѣ* (*утрата*) и *по вса ноци из кѣлїа своеа излаз и тѣло свое до пояса вбнажаше* вполне мог уместиться объемный — по-

сколько он занимал весь лист – рассказ о том, как отроком прп. Александр (Амос) сбежал от родителей в монастырь; о чудесных видениях, предсказавших ему место устройства будущего монастыря; о том, как его отец, Стефан, разыскивал его; о первых иноческих годах и монастырском послушании. Из этого следует, что ЗПР задумывалась как пространная, по объему близкая к Старопечатному тексту. Большая ее часть – пересказ мирской жизни прп. Александра до принятия пострига в Валаамском монастыре, фактически все внимание редактора сосредоточено на моменте ухода отрока из дома, на принятии им решения стать монахом, на личностном усилии. Центральное событие Жития – явление Св. Троицы преподобному – остается за текстом, как и многочисленные явления ангелов и Божородицы преподобному.

Здесь же стоит сказать, что предварительный просмотр остальных текстов, записанных в Прологе Бол. 194, наводит на мысль, что часть из них также известна только по этому списку. Это краткие рассказы о житиях прп. Варсонофия Тверского и Казанского, Зосимы Соловецкого, Кирилла Белозерского, Макария Желтоводского; сказание об обретении мощей митрополита Алексея Московского. Вполне возможно, что все перечисленные тексты были созданы для одного кодекса.

Старопечатный пролог

Помимо собственно печатного текста, СП читается в 10 рукописях XVII–XIX вв. РГБ ф. 37, собр. Т. Ф. Большакова, № 404, лл. 161об.–163 об., датировка по описи XVII в., датировка по филиграням: pro patria, Клепиков 1978, № 79, 1744 г., 1745 г., 1754 г.; ф. 299, собр. Н. С. Тихонов, № 375, лл. 290–294, датировка по описи XVIII в., датировка по филиграням: голова шута, Дианова-Костюхина, № 478, 1680 г.; РНБ, ОСПК, Q.I. 403, сборник, 4°, лл. 183–186 об., датировка по описи XVII в., датировка по филиграням: герб города Амстердама разных типов, Дианова № 387, 1711–1716 гг., № 320, 1719 г.; собр. Н. Я. Колобова, № 155, сборник мон., 4°, XIX в., лл. 16 об.–29; собр. Ал.-Нев. Лавры, А-9, сборник, 2°, XIX в. (1831 г.), лл. 128–130; ОСПК, F.XVII. 44, сборник, 2°, XVIII в., лл. 155 об.–157.; собр. П. Н. Тиханова, № 389, сборник, 4°, XVIII в., лл. 9–18; собр. А. А. Титова, № 536, прологи, 2°, лл. 332 об.–336 об., датировка по описи XVI в., датировка по филиграням: Дианова, Костюхина, № 1125, 1678 г.; СПб ИИ РАН, ф. 238, оп. 1, № 248, сборник монастырский, 4°, XVIII в., лл. 7–95 об.; БАН 19.2.13, 1729 г. Таким образом, всего две рукописи относятся к последней четверти XVII

в., шесть списков XVIII в., две рукописи XIX в. Текст в рукописях XVII века восходит к Старопечатному прологу 1660 г.: совпадают орфография, оформление, знаки препинания.

Старопечатный пролог повествует о событиях, о которых мы знаем из Минейной редакции, дополнительных сведений не сообщается.

Существует гипотеза, что минеи Ионна Милютина (том за август 1654 г.) были предназначены для Московского Печатного двора с целью подготовки 3-го и 4-го издания Пролога [7, с. 268], в таком случае ЖАС СП, возможно, восходит к тексту этих миней. О редакторской работе Иоанна Милютина и его сыновей можно сказать следующее: ЖАС было подвергнуто характерной для этого книжника обработке, созвучной его правке и в других житиях. Например, в нем отсутствует предисловие игумена Иродиона, автора Жития, заголовок первой главы, о родителях преподобного, текст начинается со слов «сего блженнаго» [8]. В сам житийный текст вмешательства нет, если не считать описок и ошибок прочтения, которыми текст изобилует. Однако интереснейшее и, возможно, важное для нас, дополнение располагается в самом конце текста ЖАС, на л. 1434 об., сделанное теми же чернилами, что и основной текст. Мелким аккуратным почерком, близким к скорописному, написан отрывок, возможно, одного из ранних текстов об обретении мощей преподобного в 1641 г. Отрывок начинается словами «W wбрѣтении мощи прѣдвѣнаго Алектѣандра вкрацѣ» и частично цитирует полный вариант «Сказания об обретении мощей». Текст из Син. 808 приведен далее полностью: В лѣта зрѣмд апрѣля въ еѣ де(нь) в четвѣрток цвѣтныя нѣди в цѣртьво блгочестиваго црѣ Мѣхѣила и сѣна его црѣвѣна Алектѣя по повелѣнню црѣву развѣрша ветху црѣвѣ во имя стѣго Алектѣандра, в неже гробница вѣше поставлена над тѣлом прѣдвѣнаго, и в то время выс(ть) чѣдо страшно и удивлению достойно кѣ общему познанию угоднаго Бжѣя апрѣля въ еѣ де(нь), в чѣс цвѣтныя нѣди в вечер выс(ть) гром велми страшен и молния також велѣя и зѣло преудивлена, в негда приникнути еѣ на земли и хождѣше по земли на долгѣ час, а не якож(е) wвыгѣан.

ЖАС в Старопечатном прологе 1660 г. венчается фразой: «Многа исцѣления подающее с вѣроу приходящымъ к стѣй его рацѣ». Несмотря на скромность аргументации, предположу, что, возможно, упоминание раки преподобного связано как раз с представленным в Син. 808 пересказом текста «Сказания об обретении мощей».

Как рукописные проложные редакции, СП наследует чтения Минейной. Другого источника для этого текста не обнаружено.

Старопечатный пролог 1660 г.	Минейная редакция (Минеи Иоанна Милу- тина, Син. 808)
Ѣгда же время приидѣ учитиса книгѣмъ, вѣдѣ бываеѣтъ отъ нихъ вѣ науче- нне бѣжественнымъ писани- емъ. И сверстникомъ убо во учении спѣшно нѣкако изучившимся, стѣмъ же косно уѣащуся. Сие же бы- ваше по строенію бѣжнѣ, яко да отъ бѣга разумъ даѣтся ему, а не отъ члѣкъ, еже убо и быѣтъ.	Времени же оучѣнїа достиже, и даша и вѣ наученїе грамотѣ стѣмъ книгѣмъ. И сверстникомъ же стѣго вѣ оучѣнїи спѣшнѣ и нѣкако изучившимся, семѣмъ же косно и нескоро уѣащуся. оучѣтъ же егѣ(о) со многымъ прилежанїемъ оучѣа, и ни- чтоже оупѣваѣше. Се же бѣ по строенїю бѣжнѣ, тако да ѣ бѣга книжнымъ разумъ даѣтся ему, а не ѣ члѣкъ.

Список сокращений

ГИМ – Государственный исторический музей
РГБ – Российская государственная библиотека
РНБ – Российская национальная библиотека

Список источников

1. Соболева А. Е. Проложное житие Александра Свирского: реконструкция ранних этапов истории текста // *Slověne*. 2016. № 1. С. 148–183.
2. Карвонен И. Даниил – непрославленный ученик преподобного Александра Свирского // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «История»*. 2017. № 2. С. 39–54.
3. Пак Н. В. Об источниках Жития Александра Свирского: глава «о списавшемъ житие святого» // *Slověne*. 2017. №1. С. 350–380.
4. Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 466 с.
5. Соловьева И. Д. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь: художественное наследие и историческая летопись. СПб.: НП-Принт, 2008. 516 с.
6. Минеева С. В. Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). В 2-х томах. Том 2. Тексты. Москва: Языки Славянской культуры, 2001. 504 с.

7. Сиренов А. В. Милути́нские минеи // *Православная энциклопедия*. М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2017. Т. 45. С. 267–268.

8. Соболева А. Е. Житие прп. Александра Свирского в четиих минеях XVI–XVII вв. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2022. № 2 (88). С. 147–157.

References

1. Karvonen, I. (2017). *Daniil – neproslavlennyi uchenik prepodobnogo Aleksandra Svirskogo* [Daniel as an Unglorified Disciple of St. Alexander Svirsky]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Istoriya”*. No. 2, pp. 39–54. (In Russian)
2. Loseva, O. V. (2009). *Zhitiya russkikh svyatykh v sostave drevnerusskikh Prologov XII – pervoi treti XV vekov* [Hagiography of Russian Saints in the Old Russian Synaxarion of the 12th–Early 15th Centuries]. 466 p. Moscow. (In Russian)
3. Mineeva, S. V. (2001). *Rukopisnaya traditsiya Zhitiya prep. Zosimy i Savvatiya Solovetskikh (XVI–XVIII vv.)* [Manuscript Tradition of the Life of Sts. Zosima and Savvati of Solovetsky (the 16th–18th Centuries)]. V 2-kh tomakh. Tom 2. Teksty. 504 p. Moscow. (In Russian)
4. Pak, N. V. (2017). *Ob istochnikakh Zhitiya Aleksandra Svirskogo: glava “o spisavshem zhitie svyatago* [On the Sources for the “Life of Alexander of Svir”: The Chapter “About the Person who Wrote the Life of the Saint”]. *Slověne*. No. 1, pp. 350–380. (In Russian)
5. Sirenov, A. V. (2017). *Miliutinskije minei* [Miliutin’s Menaya]. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Vol. 45, pp. 267–268. Moscow. (In Russian)
6. Soboлева, A. E. (2016). *Prolozhnoe zhitie Aleksandra Svirskogo: rekonstruktsiya rannikh etapov istorii teksta* [The Synaxarion Redaction of the Life of St. Alexander Svirsky: A Reconstruction of the Early Stages of the Text History]. *Slověne*. No. 1, pp. 148–183. (In Russian)
7. Soboлева, A. E. (2022). *Zhitie prp. Aleksandra Svirskogo v chetiikh mineyakh XVI–XVII vv.* [The Life of St. Alexander Svirsky in the Menayon Manuscripts of the 16th–17th Centuries]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 2 (88), pp. 147–157. (In Russian)
8. Solov'eva, I. D. (2008). *Svyato-Troitskii Aleksandro-Svirskii monastyr': khudozhestvennoe nasledie i istoricheskaya letopis'* [Holy Trinity Alexander Svirsky Monastery: Artistic Heritage and Historical Chronicle]. 516 p. St. Petersburg. (In Russian)

The article was submitted on 16.06.2024
Поступила в редакцию 16.06.2024

Соболева Александра Евгеньевна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт русского языка им.
В. В. Виноградова РАН,

Soboлева Alexandra Evgenyevna,
Ph.D. in Philology,
Senior Researcher,
Vinogradov Russian Language Institute, Russian
Academy of Sciences,

119019, Россия, Москва,
Волхонка, 18/2.
aleksandra_soboleva@list.ru

18/2 Volkhonka Str.,
Moscow, 119019, Russian Federation.
aleksandra_soboleva@list.ru

УДК 811.161.1'373.611

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-117-121

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОККАЗИОНАЛИЗМОВ ЕВГЕНИЯ ПОПОВА (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ «ТИХОХОДНАЯ БАРКА „НАДЕЖДА“»)

© Александр Спиридонов

STRUCTURAL-SEMANTIC AND FUNCTIONAL-STYLISTIC CHARACTERISTICS OF EVGENIY POPOV'S NEWLY COINED WORDS (BASED ON THE COLLECTION OF STORIES "THE LOW-SPEED BARGE 'NADEZHDA'")

Aleksandr Spiridonov

The article analyzes individual authorial new-formations from the collection of stories "The Low-Speed Barge 'Nadezhda'" by Evgeny Popov. The work presents a comprehensive analysis of the writer's occasionalisms from the point of view of their semantic content, word-formation structure, functions performed and stylistic coloring. As a result of the study, We have established that the author's neologisms are created mainly using traditional methods of word formation, which include prefixation, suffixation, confixation, addition and its varieties. Linguistic units, created by non-traditional means, are rare. We are mainly discussing phonetic occasionalisms. As for functional features, Evgeniy Popov's occasionalisms can perform nominative, aesthetic, stylistic and emotionally expressive functions. These functions are in one way or another connected with the language game, or game function, which occupies an important place in the author's work. In general, we can say that in Evgeny Popov's novels, occasionalisms were created with the aim of attracting the readers' attention, involving them in a game and making the stories more imaginative and expressive. This also explains the transparent derivational structure of individual authorial new-formations, which in most cases allows the reader to easily interpret the author's intention.

Keywords: newly coined words, structure, semantics, stylistics, function, Eugene Popov

Статья посвящена рассмотрению индивидуально-авторских новообразований, извлеченных из текстов сборника рассказов Евгения Попова «Тихоходная барка „Надежда“». В работе представлен комплексный анализ окказионализмов писателя с точки зрения их семантического наполнения, деривационной структуры, выполняемых функций и стилистической окраски. В ходе исследования устанавливается, что авторские неологизмы создаются преимущественно при помощи узуальных словообразовательных способов, к которым относятся префиксация, суффиксация, конфикация, сложение и его разновидности. Языковые единицы, созданные неузуальными способами, единичны. В основном речь идет о фонетических окказионализмах. Что касается функциональных особенностей, то окказионализмы Евгения Попова могут выполнять номинативную, эстетическую, стилистическую и эмоционально-экспрессивную функции. Данные функции так или иначе связаны с языковой игрой, или ludic функцией, занимающей важное место в творчестве автора. В целом можно сказать, что окказионализмы в произведениях Евгения Попова создаются с целью привлечь внимание читателя, вступить с ним в игру, а также сделать рассказы более образными и выразительными. Этим объясняется и прозрачная деривационная структура индивидуально-авторских новообразований, в большинстве случаев позволяющая читателю с легкостью интерпретировать авторский замысел.

Ключевые слова: окказионализмы, структура, семантика, стилистика, функции, Евгений Попов

Для цитирования: Спиридонов А. Структурно-семантическая и функционально-стилистическая характеристика окказионализмов Евгения Попова (на материале сборника рассказов «Тихоходная барка «Надежда» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 117–121. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-117-121

Неузуальное словотворчество является объектом повышенного внимания лингвистов на протяжении многих лет. Одни ученые в качестве материала для анализа берут публицистические тексты [1], [2], другие – детскую художественную литературу [3], [4], третьи – произведения, адресованные взрослым читателям [5], [6]. Окказионализмы рассматриваются авторами в тех или иных аспектах [7], [8]. Некоторые ученые обращаются к лексикографической практике, создавая словари окказионализмов русских писателей и поэтов [9], [10].

Исходя из вышесказанного, считаем необходимым изучить функционально-стилистические и структурно-семантические особенности окказионализмов ученика и друга Василия Аксёнова, одного из ярких писателей современности – Евгения Попова, для творчества которого свойственны «усиление фиктивного творчества хронотоп, его пародирование, метатекстуальность, метаповествовательность, метакоммуникативные сигналы, игра в условных фиктивных авторов и рассказчиков» [11, с. 107]. Данные факты, по мнению О. Ю. Осьмухиной, «призваны усилить карнавальную атмосферу его новелл» [Там же]. В качестве материала для анализа были взяты тексты, входящие в сборник рассказов «Тихоходная барка „Надежда“» [12].

Цель исследования – дать структурно-семантическую и функционально-стилистическую характеристику окказионализмов Евгения Попова в сборнике рассказов «Тихоходная барка „Надежда“», а также выявить роль указанных новообразований в творчестве автора.

Для создания окказионализмов автор предпочитает использовать узуальные способы словообразования. К ним относятся префиксация, суффиксация, конфиксация и сложение.

1) Префиксация.

Как и в узусе, при помощи префиксации писателем могут создаваться имена прилагательные. Например, путем добавления префикса создано следующее окказиональное прилагательное со значением «очень, в высшей степени довольный»: *Я Сашу толкнул, а он отскочил ... Раздовольнехонький* [12] (здесь и далее разрядка наша – А. С.). Модель: *довольнехоньк(ий) + раз-* → *раздовольнехонький*, ср. с *развеселенький*.

2) Суффиксация.

Группа новообразований, созданных путем добавления суффикса, достаточно многочисленна. Таким способом могут создаваться окказиональные имена существительные. Например, в следующем контексте, где речь идет о женщине, которая работает в морге и выдает прах усопших

родственникам или членам семьи: *Выдавальщица сначала закричала, чтобы не мололи ерунду* [12]. Модель: *выдава(ть) + лыщ-* → *выдавальщица*, ср. с узуальным существительным *выдавальщица*.

При помощи суффиксации создаются и неузуальные глаголы, в том числе имеющие сниженную разговорную окраску: *Пахан-кастрюля, чо хипишишь ся?* [12]. Модель: *хипиш (жарг.) + -и(ть)ся* → *хипишиться*, ср. с разг. глаголом *кипишиться* в значении «поднимать хипиш, то есть шуметь, скандалить, конфликтовать и т. д.»

3) Конфиксация.

Данным способом, как и в узусе, могут создаваться глагольные окказионализмы. В рамках конфиксации возможны случаи чересступенчатого словообразования. Такие единицы также могут обладать разговорной коннотацией: *Я на-стелехаю сь, а она меня – скалкой* [12]. Модель: **стелеха(ть)ся + на- - ся* → *настелехать ся* в значении «выпить большое количество алкогольных напитков», ср. с разг. глаголом *накидаться* и разг. выражением *в стельку пьяный*.

3) Сложение.

Самую многочисленную группу окказионализмов Е. Попова составляют новообразования, созданные данным способом. Отметим, что автор использует разные виды сложения.

Например, для создания окказионализмов может использоваться чистое сложение. Этим способом создано следующее окказиональное имя существительное со значением «болезнь легких, чахотка, туберкулез»: *Мне одна бабушка на базаре в городе К. рассказала о себе, как она собачьим салом щенка Кутьки за зиму от харкотинки-чахотинки пять человек избавила* [12]. Модель: *харкотинк(а) + чахотинк(а)* → *харкотинка-чахотинка*.

Однако гораздо чаще в текстах писателя встречаются окказионализмы, созданные не при помощи чистого сложения, а при помощи его разновидностей. Например, следующее индивидуально-авторское имя существительное создано путем сложения с интерфиксацией и имеет значение «человек, который носит старую, мятую шляпу»: *А все виноват был тот самый беляшик, – сказал мятошляп* [12]. Модель: *мят(ая) + шляп(а)* → *мятошляп*.

Другая разновидность данного словообразовательного способа – сложение с усечением первого компонента. Так могут создаваться окказиональные имена прилагательные: *песни ... под аккомпанемент различных электровеселых инструментов* [12]. Модель: *электр[ический] +*

-о- + *весел(ый)* → *электровеселый* в значении «электрический инструмент, обладающий веселым характером».

В некоторых случаях словообразовательную природу окказионализма определить довольно трудно.

Например, следующее слово в значении «робкий, стеснительный человек, плохо идущий на контакт с другими людьми» могло быть создано как при помощи сложения, так и при помощи суффиксации: ...*творил ... будучи робким до идиотизма, мало контактабельным* [12]. Модель: *мало- + контактабельн(ый) → мало-контактабельный*. Или *малоконтактн(ый) + -бельн- → малоконтактабельный*.

Наконец, в единичных случаях для создания окказионализма автор использует аббревиацию как одну из разновидностей сложения. Например, в следующем контексте авторская аббревиатура обозначает название вымышленного научно-исследовательского института: *Однажды я получил высшее образование и работал младшим научным сотрудником в Научно-исследовательском институте экономики и планирования предприятий отдыха и зрелищных сооружений. Сокращенно – НИИЭППОИЗС* [12]. Автор сознательно создает такую труднопроизносимую аббревиатуру, чтобы показать, что сотрудники данной организации выполняют работу, которая не несет никакой пользы и никому не нужна.

Что касается новообразований, созданных неузальными способами, то их количество невелико. Нам встретилось несколько таких примеров. Так, в тексте одного из рассказов находим фонетические окказионализмы, стилизованные под речь взрослого человека, разговаривающего с маленьким ребенком: *Я Аникусця, и я буду у вас восцык, на лосцадке буду во-о-сцы-цек, на лосцадке* [12].

В другом контексте встречаем слово, образованное путем повтора и похожее на междометие или слово-паразит: *А ну, покажь, что у тебя в сундуке, п ф и м п ф!* [12].

В третьем случае видим окказионализм, семантика и структура которого непрозрачны: *Здорово, полупочтеннейшая скиадрома* [12].

Скиадромой в данном контексте молодой человек называет девушку легкого поведения. Возможно, герой намекает на район Скид-Роу, расположенный в центре Лос-Анджелеса и известный огромным количеством маргинальных личностей, в том числе представительниц древнейшей профессии.

Далее обратимся к функциям, которые выполняют окказионализмы Евгения Попова.

1) Номинативная функция. Индивидуально-авторские новообразования, хотя и условно, могут выполнять данную функцию. Например, в следующем контексте автор использует окказиональное имя существительное, чтобы дать наименование особому типу дверного глазка, встроенного в железную дверь: *Потом я ... помахал рукою в глазок-смотрелку от воров* [12]. Модель: *глазок + смотрелк(а) → глазок-смотрелка*.

Назвательную функцию могут выполнять не только конкретные, но и абстрактные имена существительные. Например, следующий окказионализм со значением «вести двойную жизнь, быть двойным агентом»: *Я, например, уже на пенсии, бывший бухгалтер. Но интересуюсь потому, что почти все годы двойницизм был моим хобби* [12]. Модель: *двойник + -изм → двойницизм*, ср. с *абсурдизм, абсолютизм* и т. д.

Указанную функцию могут выполнять не только имена существительные, но и имена прилагательные. Например, назвательную функцию выполняет следующее адъективное новообразование со значением «новая ступень, новый этап в жизни»: *Они весело въехали в чудную свою квартиру и сначала стали очень весело жить, ... привыкая медленно к новоступенчатой обстановке* [12]. Модель: *нов(ый) + ступенчат(ый) → новоступенчатый*.

2) Эстетическая функция. Ряд новообразований Е. Попова выполняет эстетическую функцию, помогая писателю создавать яркие и необычные образы. Так, данную функцию выполняет следующее окказиональное имя прилагательное, описывающее особенности естественного освещения в темное время суток: *В общем, когда мы приехали ... , была уже слаболунная ночь* [12]. Модель: *слаб(ый) + лунн(ый) → слаболунный*.

Окказионализмы, относящиеся к данной группе, могут состоять как из двух, так и из трех элементов, то есть зачастую являются поликомпонентными. За счет такого приема писатель получает возможность создать сложный, необычный, объемный образ: *...ухала приближающаяся электричка, разрезая световым ножом плотное кисельно-туманно-дождливое перронное варево!..* [12]. Модель: *кисельн(ый) + туманн(ый) + дождлив(ый) → кисельно-туманно-дождливый*.

3) Стилистическая функция. В текстах рассказов писателя нам встретился ряд окказионализмов, выполняющих данную функцию. Некоторые авторские новообразования, относящиеся к этой группе, обладают ярко выраженной сниженной коннотацией, в том числе разговорной:

Жарынь такая разлилась ... горелки газовые фырчужают [12]. Модель: *фырча(ть)* + -ук → *фырчужать*, ср. с разг. *фырчат* или разг. *фырка* со значением «издавать глухой отрывистый звук, выпуская откуда-либо с шумом воздух, пар».

Стилистическая функция может реализовываться благодаря наличию в составе окказионализма инвективного или полуинвективного компонента: *...дописался до какого-то грязного ду-рофрейдистского бреда* [12]. Модель: *дур(а)* + -о- + *фрейдистск(ий)* → *дуорофрейдистский* в значении «ненастоящий, ложный, неверно толкующий принципы фрейдизма».

Однако в текстах Евгения Попова встречаются не только новообразования, характеризующиеся принадлежностью к сниженному стилю, но и единицы, относящиеся к высокому стилю: *Сладкосердый ты наш!* [12]. Модель: *сладк(ое)* + -о- + *сердц(е)* → *сладкосердый* в значении «добрый, отзывчивый, с большим сердцем» (о человеке).

4) Эмоционально-экспрессивная функция.

Наконец, окказионализмы писателя выполняют эмоционально-экспрессивную функцию. Об этом может свидетельствовать семантика самой индивидуально-авторской единицы: *обвинение в творческой несостоятельности, малодобросовестности* [12]. Модель: *мал(ый)* + -о- + *добросовестность* → *малодобросовестность* в значении «недобросовестность, нечестность, низкая степень добросовестности».

Эмоционально-экспрессивная окраска окказионализма может усиливаться благодаря наличию в отрезке текста определенных лексических единиц: *Ведь есть в нем еще определенная легкомыслинка: вот вязался в дурацком оркестре участвовать* [12]. Модель: *легк(ий)* + -о- + *мыслинк(а)* → *легкомыслинка*.

Наконец, новообразование может содержать в своем составе компонент с эмоционально-экспрессивной коннотацией: *уронил голову на слабозамусоренный стол* [12]. Модель: *слабо* + *замусоренн(ый)* → *слабозамусоренный* в значении «мало, несильно, почти не замусоренный».

Отметим, что окказионализмы, выполняющие данные функции, так или иначе связаны с языковой игрой, занимающей важное место в творчестве Евгения Попова.

Таким образом, большинство окказионализмов писателя создано при помощи префиксации, суффиксации, конфиксации, сложения и его разновидностей, что в целом соответствует узусу и делает словообразовательную структуру авторских новообразований прозрачной. Окказиона-

лизмы, созданные неузальными способами, единичны.

Индивидуально-авторские новообразования писателя выполняют номинативную, эстетическую, стилистическую и эмоционально-экспрессивную функции. Независимо от выполняемой функции, окказионализмы Евгения Попова имеют игровой характер.

Подводя итоги исследования, можно утверждать, что автор специально включает окказионализмы в тексты своих рассказов. Принимая во внимание высокий художественный потенциал индивидуально-авторских новообразований, Евгений Попов с их помощью стремится вступить с читателем в игру, привлечь его внимание, сделать его полноценным участником событий, чтобы таким образом лучше донести до читателя авторский замысел, вкладываемый им в тексты своих произведений.

Список источников

1. *Ильясова С. В.* Олигарх Олигархович, или Словотворчество в языке современных СМИ (на материале наименований лиц) // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2011. №6 (2). Н.Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та. С. 217–221.
2. *Кудрявцева Л. А., Дорофеева Е. Н.* Окказиональное слово в современном русском массмедийном дискурсе // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. СПб.: Политехника, 2003. С. 281–286.
3. *Банникова П. В., Бодрова Е. В.* Неологизмы и окказионализмы в произведениях детских писателей // Юный ученый. 2024. № 4 (78). С. 1–3.
4. *Мысягина Л. В., Веккесен М. В.* Словообразовательные окказионализмы в детской литературе // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального ун-та. 2015. № 6. Т.6. С. 102–109.
5. *Володько Н. А.* Языковая игра на основе имен собственных в прозе современных писателей-сатириков // Мир русского слова. 2013. № 2. СПб.: Изд-во «РОПРЯЛ». С. 59–62.
6. *Никульцева В. В.* Сравнительный анализ неолексиконнов Игоря Северянина и Алексея Крученых // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2011. №6 (2). Н.Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та. С. 470–473.
7. *Шевченко Т. С.* Окказионализмы в русской эмигрантской прессе 1940-х годов (на материале публицистики Ильи Сургучева) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. №2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK219.pdf> (дата обращения: 29.06.2024).
8. *Зарипова Г.* Роль авторских неологизмов в русской художественной литературе // Ренессанс в парадигме новаций образования и технологий в XXI

веке. Нукус: Изд-во Каракалпакского государственного университета. 2023. №1(1). С. 285–286.

9. Словарь окказионализмов Андрея Вознесенского / сост. И.С. Самохин. М.: ФЛИНТА, 2023. 696 с.

10. Словотворчество Маяковского: опыт словаря окказионализмов: около 3500 слов / сост. В. Н. Валавин. М.: Азбуковник, 2010. 621 с.

11. Осмухина О. Ю. Специфика авторской повествовательной стратегии сборника рассказов Евг. Попова «Тихоходная барка „Надежда“» // Art Logos. 2017. №1. С. 107–115.

12. Попов Е. Тихоходная барка «Надежда». М.: Вагриус, 2001. URL: <https://www.rulit.me/books/tihohodnaya-barka-nadezhda-read-324943-134.html> (дата обращения: 29.06.2024).

References

1. Il'yasova, S. V. (2011). *Oligakrh Oligakrhovich, ili Slovtvorchestvo v yazyke sovremennykh SMI (na materiale naimenovaniy lits)* [Oligarch Oligarchovich, or Word Creation in the Language of Modern Media (based on the names of persons)]. Veknik Nizhegorod. un-ta im. N. I. Lobachevckogo. No. 6 (2), pp. 217–221. (In Russian)

2. Kudryavtseva, L. A., Dorofeeva, E. N. (2003). *Okkazional'noe slovo v sovremennom russkom massmediinom diskurse* [An Occasional Word in Modern Russian Mass Media Discourse]. Russkoe slovo v mirovoi kul'ture. Materialy X Kongressa mezhdunarodnoi assotsiatsii prepodavatelei russkogo yazyka i literatury. Pp. 281–286. St. Petersburg, Politekhnik. (In Russian)

3. Bannikova, P. V., Bodrova, E. V. (2024). *Neologizmy i okkazionalizmy v proizvedeniyakh detskikh pisatelei* [Neologisms and Occasionalisms in the Works of Children's Writers]. Yunyi uchenyi. No. 4 (78), pp. 1–3. (In Russian)

4. Mysyagina, L. V., Veksesep, M. V. (2015). *Slovoobrazovatel'nye okkazionalizmy v detskoj literature* [Word-formation Occasionalisms in Children's Literature]. Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnykh statei. No. 6. Is.6, pp. 102–109. (In Russian)

5. Volod'ko, N. A. (2013). *Yazykovaya igra na osnove imen sobstvennykh v proze sovremennykh*

pisatelei-satirikov [A Language Game Based on Proper Names in the Prose of Modern Satirical Writers]. Mir russkogo slova. No. 2, pp. 59–62. St. Petersburg, ROPRYaL. (In Russian)

6. Nikul'tseva, V. V. (2011). *Sravnitel'nyi analiz neoleksikonov Igorya Severyanina i Aleksey Kruchenykh* [Comparative Analysis of Neolexicons by Igor Severyanin and Alexey Kruchenykh]. Veknik Nizhegorod. un-ta im. N. I. Lobachevckogo. No. 6 (2), pp. 470–473. No. 6 (2). (In Russian)

7. Shevchenko, T. S. (2019). *Okkazionalizmy v russkoi emigrantskoi presse 1940-kh godov (na materiale publitsistiki Il'i Surgucheva)* [Occasional Events in the Russian Emigrant Press of the 1940s (based on Ilya Surguchev's journalism)]. Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya. No. 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK219.pdf> (accessed: 29.06.2024). (In Russian)

8. Zaripova, G. (2023). *Rol' avtorskikh neologizmov v russkoi khudozhestvennoi literature* [The Role of Author's Neologisms in Russian Fiction]. Renessans v paradigme novatsii obrazovaniya i tekhnologii v XXI veke. No. 1 (1), pp. 285–286. (In Russian)

9. Samokhin, I. S. (2023). *Slovar' okkazionalizmov Andrey Voznesenskogo* [Dictionary of Occasionalisms by Andrey Voznesensky]. 696 p. Moscow, FLINTA. (In Russian)

10. Valavin V. N. (2010). *Slovtvorchestvo Mayakovskogo: opyt slovary okkazionalizmov: okolo 3500 slov* [Mayakovsky's Word-making: The Experience of the Dictionary of Occasionalisms: About 3,500 Words]. 621 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)

11. Os'muhina, O. Yu. (2017). *Spetsifika avtorskoi povestvovatel'noi strategii sbornika rasskazov Evg. Popova "Tikhokhodnaya barka "Nadezhda"* [The Specifics of the Author's Narrative Strategy in the Collection of Short Stories by Evg. Popov "The Low-Speed Barge "Nadezhda""]. Art Logos. No. 1, pp. 107–115. (In Russian)

12. Popov, E. (2021). *Tikhokhodnaya barka "Nadezhda"* [The Low-Speed Barge "Nadezhda"]. Moscow, Vagrius. URL: <https://www.rulit.me/books/tihohodnaya-barka-nadezhda-read-324943-134.html> (accessed: 29.06.2024). (In Russian)

The article was submitted on 09.08.2024

Поступила в редакцию 09.08.2024

Спиридонов Александр Владимирович,

кандидат филологических наук,

доцент,

Казанский федеральный университет,

420008, Россия, Казань,

Кремлевская, 18.

aleshandro@mail.ru

Spiridonov Aleksandr Vladimirovich,

Ph.D. in Philology,

Associate Professor,

Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str.,

Kazan, 420008, Russian Federation.

aleshandro@mail.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-122-127

ПРОИЗВОДНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ «МАТЕРЧАТОГО» УБРАНСТВА РУССКОГО ДОМА: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© Венера Фатхутдинова

DERIVED NAMES OF THE RUSSIAN HOUSE “CLOTH” DECORATION: AN ETHNOLINGUISTIC ASPECT

Venera Fatkhutdinova

The article considers derived substantives in terms of ethnolinguistics, they serve as designations of the Russian house “cloth” decoration elements. The purpose of the work is to identify and describe lexical and word-formation semantics, typical word-formation models, as well as the internal form specifics of outdated household names. The study has found that the use of various nominative techniques, and above all, morphological methods of word formation, indicates that the objects of naming are involved in the sphere of social and everyday relations, their names reflect familiar to the Russian ethnic group view of things and their interrelationship. The semantics of such words focus on associative signs and representations related to spiritual, social and industrial activities of native speakers. The considered word-formation models and the range of word-formation meanings (of a concretizing or, conversely, generalizing type) allowed us to take a fresh look at the process of lexicalization of the internal word form and characterize the formation dynamics and the entry of a nominative unit into the vocabulary of the language. The derived names of artifacts, their semantic and linguistic-cultural features, as well as idioethnic labeling confirm the fact of the word formation selectivity. The subject's signs and properties most relevant for linguistic consciousness are subject to lexical transformation and modification, which indicates the pragmatic orientation of nominative processes. The obsolete derivative words, being designations of the realities of material culture, allow describing the national and cultural originality of the lexical, semantic and derivational space of the Russian language.

Keywords: ethnolinguistics, names of artifacts, derivative word, semantic, word-formation model

В статье в этнолингвистическом аспекте рассматриваются производные субстантивы, служащие обозначениями элементов «матерчатого» убранства русского дома. Цель работы – выявить и описать лексическую и словообразовательную семантику, типовые словообразовательные модели, а также специфику внутренней формы устаревших названий предметов домашнего обихода. В исследовании установлено, что использование разных номинативных техник, и прежде всего, морфологических способов словообразования, свидетельствует о том, что объекты именования вовлечены в сферу социально-бытовых отношений, их названия отражают привычный для русского этноса взгляд на вещи и их взаимосвязь. В центре семантики таких слов оказываются ассоциативные признаки и представления, связанные с духовной, социальной и производственной деятельностью носителей языка.

Рассмотренные словообразовательные модели и диапазон словообразовательных значений (конкретизирующего или, наоборот, обобщающего типа) позволили по-новому взглянуть на процесс лексикализации внутренней формы слова и охарактеризовать динамику формирования и вхождения номинативной единицы в словарный состав языка. Производные наименования артефактов, их семантические и лингвокультурные признаки, а также идиоэтническая маркированность подтверждают факт селективности словообразования. Лексической трансформации и модификации подвержены наиболее актуальные для языкового сознания признаки и свойства предмета, что свидетельствует о прагматической ориентации номинативных процессов. Вышедшие из употребления производные слова, будучи обозначениями реалий материальной культуры, позволяют описать национально-культурное своеобразие лексико-семантического и деривационного пространства русского языка.

Ключевые слова: этнолингвистика, наименования артефактов, производное слово, семантика, словообразовательная модель

Для цитирования: Фатхутдинова В. Производные наименования «матерчатого» убранства русского дома: этнолингвистический аспект // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 122–127. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-122-127

Введение

Как известно, производные наименования конкретных предметов выступают аксиологически значимыми единицами метаязыкового сознания человека. Их этнолингвистическая интерпретация позволяет выявить специфику деривационно-номинативных процессов на определенном этапе развития языка, а также способы модификации, трансформации и детализации смыслов в процессе формирования национальной концептосферы, отражающей материальные и нематериальные сущности. В этой связи предметом нашего исследования стала устаревшая, разговорно-просторечная и диалектная лексика, обозначающая типичные предметы «матерчатого» убранства русского дома. Ценность подобных артефактов как элементов русской бытовой культуры не исчерпывается их утилитарно-практической значимостью, они имеют символическое значение в качестве знаков, фиксирующих процесс накопления знаний об окружающем мире. Обозначение реалий повседневной жизни представляет собой синтез универсальных и этнокультурных представлений человека, поэтому такие слова являются индикаторами национальной специфики языка.

Цель работы – выявить и описать лексическую и словообразовательную семантику, типовые словообразовательные модели, а также специфику внутренней формы устаревших названий предметов домашнего обихода в рамках диахронического и синхронического динамизма. Новаторство работы обусловлено тем, что в ней впервые лингвистический анализ проводится в рамках культурологически ориентированного описания производных слов, их словообразовательных моделей и деривационных значений разной степени абстрактности.

Семантическая сфера «текстильные артефакты» включает в себя названия столового и постельного белья, спальных принадлежностей, разного рода занавесок и полотенец, предметов кухонного обихода и др. Актуальным с точки зрения словообразования становятся «производящие способности этих групп и причины, определяющие эти способности, закономерности сочетаемости мотивирующих слов с аффиксами различных частей речи; словообразовательная структура слов этих групп, использованные в них форманты» [1, с. 235].

Методы и материалы

В исследовании использовались ретроспективный и перспективный словообразовательный анализ, позволяющий соотнести этимологический, лексический и деривационный статус производного слова, а также метод этнолингвистического описания языковых фактов. Источниками производной лексики послужили словари и различного рода издания, посвященные истории и бытописанию русского этноса.

Результаты и обсуждение

Одной из теоретических посылок нашего исследования стала типология деривационных значений в сфере мутационного субстантивного словообразования (Л. А. Араева, З. И. Резанова, М. Н. Янценецкая, И. С. Улуканов и др.). Перечислим их типы по шкале от наиболее конкретного до максимально абстрактного: 1) индивидуальное лексико-словообразовательное; 2) лексико-словообразовательное; 3) деривационно-позиционное; 4) деривационно-субкатегориальное; 5) частное деривационное; 6) грамматико-деривационное; 7) инвариантное (обобщенное) деривационное (см. подробнее [2, с. 30–44]).

Словообразовательная семантика тесно связана с внутренней формой слова, которая рассматривается нами не только как способ морфемно-семантической организации производного слова, но и как способ выражения его этнокультурной специфики. Такой подход позволяет выявить информацию о национально-культурных предпочтениях носителей русского языка, о мотивах и стратегиях процессов вторичной номинации. «Феномен производности (вторичности) в любом случае всегда связан с процессом манипулирования первичными вербализованными структурами, которые приводят к формированию новых концептуальных структур» [3, с. 59]. В работе языковые факты анализируются с точки зрения этнолингвистики – научной дисциплины, изучающей взаимоотношения между этносами, культурой и языком. По мнению ученых, «этнолингвистике свойственно задавать широкое полотно историко-этимологической и культурно-языковой информации, в котором содержатся все собранные знания о языке и жизни того или иного народа» [4, с. 1401].

Рассмотрим производные наименования артефактов, предназначенных для накрывания мебели или украшения разных предметов домашнего обихода. Прежде всего это производные су-

существительные, образованные по конфиксальным и суффиксальным словообразовательным моделям и выражающие инвариантное (обобщенное) словообразовательное значение «наименование предмета, определяемого по его связям с другими предметами». Данное значение можно трактовать и как грамматико-деривационное, поскольку оно реализуется в сфере имен существительных. Следует отметить, что в этом случае в основу наименования положен не собственный признак предмета, а относительный, отражающий его связь с другими предметами в рамках функциональных и пространственных отношений.

Так, существительное *полавочник* – «накидка на лавки» образовано от основы *лавка* при помощи конфикса «по- ... -ник». В современном русском языке это непродуктивный словообразовательный формант, образующий «названия растений, которые характеризуются местоположением близ или вдоль того, что названо мотивирующим словом: *подорожник*, *поручейник*» [5, с. 377]. Следовательно, лексико-словообразовательное значение слова *полавочник* можно определить как «наименование предмета, который кладется на лавку вдоль ее длины»: *Кругом стен под окнами делались лавки, которые ... составляли часть постройки здания и были прикреплены к стенам неподвижно* [6, с.147]. Данная номинативная единица служила обозначением и другого артефакта: *полавочник* – «длинная полка или несколько полок, расположенных по периметру всей избы над лавками, место для хранения бытовых предметов» [7, с. 57]. В последнем случае словообразовательное значение сужается до статуса индивидуального: «название артефакта, расположенного над и вдоль другого предмета по периметру всего пространства».

Обратимся к анализу производных, образованных при помощи конфикса «на- ...-ник» – довольно регулярной и продуктивной в русском языке словообразовательной единице. Производные существительные, включающие в свой состав данный формант, обозначают «предметы, располагающиеся на поверхности того, что названо мотивирующим словом» [5, с. 272]. Так, на базе существительного *окно* образуется дериват *наоконник*: «наоконники – суконные, стеганные покрышки на подоконники» [8, с. 445]; ср. также *сундук* → *насундучник* – накидка на сундук.

По этой же модели от основы *стена* образовано и существительное *настенник* – «мешочек из ткани прямоугольной формы или с закругленной нижней частью для хранения хозяйственных мелочей: ниток, иголок, наперстков. Прибивается к стене избы» [7, с. 95]. Пропозициональным

признаком этого деривата является место расположения номинируемого объекта, предопределяющее его лексико-словообразовательное значение – «наименование предмета, расположенного (висящего) на стене».

Конфиксальную модель образования демонстрирует и существительное *набожник* – полотно на ткани, ткань для закрывания или украшения божницы. В словарном составе русского языка имеется другое идентичное производное, образованное при помощи суффикса *-ник*: *божник* (иконник) – «то же, что и набожник». Внутренняя форма и лексическая семантика этих производных обнаруживает синкретизм понятий «Бог» и «икона», выступающих в качестве единого мотивировочного признака, ср. также: *божница* (*боженка*, *божица*, *божка*, *иконник*) – «полочка или открытый шкафчик для постановки икон» [7, с. 65].

Проанализируем результаты других деривационно-семантических трансформаций в наименованиях данного артефакта. По конфиксальной словообразовательной модели образовано слово *накутник* (от церковнославянского *кут* – «угол, тупик») – небольшие украшенные полотнища холста, которые прикреплялись в красном углу избы под иконами. Для наименования данного предмета также используются производные субстантивы с иным характеризующим планом: *обвеска* (от глагола *обвесить*), а также существительное *благовестка*, мотивированное устойчивым словосочетанием (христианским термином) «благая весть»: «Такие занавески были распространены у старообрядцев во всех регионах России. Старообрядцы считали необходимым закрывать лики икон от посторонних глаз. Занавеску раздвигали только во время молитвы» [Там же, с. 94–97].

В семантике перечисленных производных объединяются смыслы, принадлежащие разным семантическим сферам: предметно-бытовой и духовно-религиозной. Их внутренняя форма позволяет узнать, какие именно коммуникативно значимые понятия получают номинативное оформление. При этом она свидетельствует об относительной независимости мотивационного и лексического значений. Лексико-словообразовательное значение исследуемых дериватов может быть сформулировано следующим образом: «наименование предмета, предназначенного для защиты или украшения того, что названо мотивирующим словом» или «наименование артефакта, определяемого по помещаемому за ним объектом (иконами)».

Таким образом, *божник*, *набожник*, *накутник*, *благовестка*, *обвеска* в конкретной религи-

озно-обрядовой ситуации выступают не только как бытовые предметы (занавески), но и как артефакты, имеющие высокий символический и семиотический статус, поскольку отражают сакральную сферу взаимодействия человека с Богом.

Одним из важных элементов «матерчатого» убранства русского дома являлась скатерть. Об утилитарно-практической значимости данного предмета свидетельствуют диахронически маркированные производные, мотивированные словом скатерть: *скатертник* (феминитив - *скатертница*) – 1) «мастер, изготавливающий скатерти»: «Да налево по Булаку ... Некраско рыболов, [двор] Нечайко *скатертник*»; 2) «тот, кто накрывал стол и осуществлял присмотр за столовым бельем, посудой»; *скатертная* – «помещение, где хранилось столовое белье и посуда»; *скатертка* (*скатерка*) – «маленькая скатерть»; *скатеришка* (*скатеришко*) – «небольшая или невысокого качества скатерть»; *скатертный* (*скатертный*) – «прил. относящийся к скатерти»: *скатертная изба, палата; скатертная сковорода* – «подаваемая на стол сковорода, металлическая тарелка с приготовленным кушаньем» [9, с. 181].

Непосредственно от основы *скатерть* при помощи конфикса «под ... -ник» образован субстантив *подскатертник* – «кусочек ткани, который подкладывался под скатерть»: «Во время трапезы поверх подскатертника стол накрывался скатертью» [10, с. 473].

Конфискальным способом образованы и производные *настольник* и *натрапезник*, являющиеся обозначениями скатерти. «Парадоксальность» внутренней формы последнего деривата обусловлена тем, что мотивирующим словом в данном случае выступает отвлеченный субстантив *трапеза*, в то время как закономерность мотивирующего признака «стол» в существительном *настольник* не вызывает сомнений.

Социально-функциональный принцип номинации и лексико-словообразовательное значение «наименование столового белья по способу производства ткани» фиксируется у существительного *браник* – «то же, что и скатерть из льняной, хлопчатобумажной ткани домашнего изготовления, выполненной в технике браного ткачества» [7, с. 66]. Внутренняя форма этого деривата указывает на такие характеристики артефакта, которые появились в результате производственной деятельности.

Рассмотрим еще одно устаревшее название скатерти: *камчатка* (*камчатник*) – «то же, что скатерть, но сшитая из камчатного полотна, т.е. тонкого белого льняного, со сложным белым же узором» [7, с. 79]; ср. другую дефиницию, свиде-

тельствующую о семантической трансформации мотивирующей основы *камка* (первоначально название шелковой китайской ткани): *камчатка*, *камчатник*, *бранина* или бранное полотно – «узорочная ткань, идущая на столовое белье, полотенца»; *камчатный*, *камчатый* – «узором на камку похожий; из камчатки, камчатной льняной ткани сделанный» [8, с. 82]. Таким образом, у существительного *камчатка* мотивировочный признак имеет предметно-признаковый характер, он позволяет определить объект номинации через его непосредственное соотношение с другим предметом, а именно с видом ткани. Конкретизация лексико-словообразовательного значения дает возможность установить более узкую семантику определительного типа: «наименование столового белья по ткани»; она появляется у замыкающего деривата словообразовательной цепи: *камка* → *камчатый* / *камчатный* → *камчатка*.

Производное наименование скатерти может быть мотивировано и глаголом: *постелить* → *постелюха* [7, с. 106]. Характеризующий принцип номинации, когда наименование предмета мотивировано по процессуальному (статальному или динамическому) признаку, можно обнаружить в субstantиве *квашенник* – «маленькая скатерть или кусок ткани, которым накрывают квашню во время брожения теста». Словообразовательная цепь в данном случае может быть представлена в двух вариантах: *квасить* → *квашня* → *квашенник* или *квасить* → *квашенный* → *квашенина* → *квашенник*. Следует отметить, что на базе глагола *квасить* образуются и другие наименования кухонной утвари: *квашня* / *квашонка* – посуда для заквашивания теста, капусты, молока и др.; *квашонник* (веселка) – специальная лопатка для размешивания теста; *квашенник* – специальный нож для соскабливания остатков теста с краев посуды [Там же, с. 188]. От глагола *повалить* (в значении «вывалить») при помощи суффикса *-ух(а)* образуется существительное *повалуха* – «скатерть, на которую вываливали тесто» [Там же, с. 287].

Во всех исследуемых дериватах конкретизация деривационного значения до уровня лексико-словообразовательного или индивидуального словообразовательного осуществляется на уровне широкой семантической темы «стол», детерминирующей лексическую семантику производных слов, но не всегда выраженной формально.

Производные существительные с идиоматическим типом словообразовательной семантики преобладают в наименованиях такого распространенного предмета быта, как полотенце. Так, от существительного *крюк* в значении «вешалка

для одежды и различных бытовых предметов; изготавливался из дерева различных пород с учетом естественного углового расположения ствола и сука» [Там же, с. 86] образуются субстантивы: *накрючник* и *крюковник* – «полотенце для украшения жилища во время религиозных праздников»; см. у Даля: *крючник* – «полотенце, утиральник, который висит на крюку» [8, с. 208].

В представленных дериватах в качестве мотивирующей основы выступает наименование предмета, статальный признак которого выдвигается на первый план и получает формальную маркированность. Фразеологизированный тип словообразовательной семантики отражает субстанциональные компоненты процессуальной ситуации: *крюковник*, *крючник*, *накрючник* – это предметы, которые вешаются на крюк, однако внутренняя форма этих слов не указывает на то, что данные номинации являются обозначениями полотенца.

Лексико-словообразовательное значение другого типа обнаруживается в существительном *рукотёрка* – «толстая холщовая или из другой ткани тряпка для вытирания лица и рук после умывания» [7, с. 296]. Внутренняя форма композита демонстрирует характеризующий принцип номинации, который позволяет предельно конкретно представить функцию называемого предмета. Этот принцип реализуется при мотивации словосочетанием *тереть (вытирать) руки*, то есть по акциональному (динамическому) признаку: «то, чем трут (вытирают) руки»; ср. *утиральник*, *утирка* – «то, чем утирают лицо и другие части тела».

Идиоматический тип словообразовательной семантики обнаруживается также в субstantиве *перебирка* – «домотканое полотенце, украшенное специальным – „перебранным“ – орнаментом», лексико-словообразовательное значение которого можно сформулировать следующим образом: «наименование артефакта по технологии изготовления ткани (по результату производимого действия)». Здесь представлена другая символизация реалии: важными являются не функциональные, а эстетические характеристики вещи.

Таким образом, дробные классы наименований мебели, элементов дома и бытовых предметов – *лавка*, *окно*, *сундук*, *стол*, *крюк* и др., выступающие в функции мотивирующих слов, детерминируют образование одноклассных дериватов с повторяющимся типом лексико-словообразовательного значения. И здесь следует согласиться с мнением ученых, что «мотивирующие единицы в акте словопорождения объединяются в деривационно значимую тематическую группу» [2, с. 42]. В структуре производного

слова находит отражение специфическая конфигурация лексической и словообразовательной семантики, включающая в себя как логико-семантический, так и идиоэтнический компонент.

Заключение

Итак, таксономическая классификация названий предметов домашнего обихода дает представление о номинативной деятельности человека и репрезентативной функции производных и непроизводных слов. Использование разных номинативных техник, и прежде всего, конфикального и суффиксального способов словообразования, свидетельствует о том, что объекты именования вовлечены в сферу социально-бытовых отношений, их названия отражают привычный для русского этноса взгляд на вещи и их взаимосвязь. В центре семантики таких слов оказываются ассоциативные признаки и представления, связанные с духовной, социальной и производственной деятельностью носителей языка.

Производные наименования артефактов, их деривационно-семантические и лингвокультурные признаки, а также идиоэтническая маркированность подтверждают факт селективности словообразования. Именуемый субъект выбирает те семантические сферы, которые больше всего нуждаются в дифференциации и конкретизации, – именно так формируется ценностно-смысловое пространство языка. Лексической трансформации подвержены наиболее актуальные для языкового сознания признаки и свойства предмета, что свидетельствует о прагматической ориентации деривационно-номинативных процессов.

Выявленные нами словообразовательные модели и диапазон словообразовательных значений (конкретизирующего или, наоборот, обобщающего типа) позволяет по-новому взглянуть на процесс лексикализации внутренней формы слова и охарактеризовать динамику формирования и вхождения номинативной единицы в словарный состав языка. Вышедшие из употребления производные слова, будучи обозначениями реалий материальной культуры, позволяют описать национально-культурное своеобразие лексико-семантического и деривационного пространства русского языка.

Список источников

1. Улукханов И. С. Словообразование. Морфология. Лексикология. Избранные работы по современному русскому языку. М.: «Азбуковник», 2019. 560 с.
2. Араева Л. А. Словообразовательный тип. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 272 с.

3. Болдырев Н. Н. Феномен производности в культуре и языке // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 57–69.

4. Бартминьски Е. Взаимодействие языка и культуры в исследовательском поле: границы и перспективы / Бартминьски Е., Березович Е., Вепрева И., Ковшова М., Шмелев А. // Quaestio Rossica. Т. 9. 2021. № 4. С. 1389–1408.

5. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: АСТ: Астрель, 2005. 636 с.

6. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях / Под ред. Н. И. Павленко. М.: Республика, 1992. 303 с.

7. Русская изба (Внутреннее пространство, убранство дома, мебель, утварь): Иллюстрированная энциклопедия / Авт. – сост.: Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Е. Л. Мадлевская и др. СПб.: Искусство – СПб, 1999. 376 с.

8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1995. 784 с.

9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24. / РАН, Ин-т русского языка; гл. ред. Г. А. Богданова. М.: Наука, 1999. 254 с.

10. Забылин М. М. Русский народ: его обычаи, предания, обряды и суеверия. М.: Эксмо, 2008. 608 с.

References

1. Ulukhanov, I. S. (2019). *Slovoobrazovanie. Morfologiya. Leksikologiya. Izbrannye raboty po sovremennomu russkomu yazyku* [Word Formation. Morphology. Lexicology. Selected Works on Modern Russian Language]. 560 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)

2. Araeva, L. A. (2009). *Slovoobrazovatel'nyi tip* [The Word-Formation Type]. 272 p. Moscow, Knizhnyi dom Librokom. (In Russian)

3. Boldyrev, N. N. (2021). *Fenomen proizvodnosti v kul'ture i yazyke* [The Phenomenon of Derivation in Culture and Language]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. No. 2, pp. 57–69. (In Russian)

4. Bartmin'ski, E. (2021). *Vzaimodeistvie yazyka i kul'tury v issledovatel'skom pole: granitsy i perspektivy* [The Interaction of Language and Culture in the Research Field: Boundaries and Prospects]. E. Bartmin'ski, E. Berezovich, I. Vepreva, M. Kovshova, A. Shmelev. Quaestio Rossica. T. 9. No. 4, pp. 1389–1408. (In Russian)

5. Efremova, T. F. (2005). *Tolkovyi slovar' slovoobrazovatel'nykh edinit russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Word-Formation Units of the Russian Language]. 636 p. Moscow, AST, Astrel'. (In Russian)

6. Kostomarov, N. I. (1992). *Ocherk domashnei zhizni i nravov velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh* [An Essay on the Domestic Life and Customs of the Velikorussian People in the 16th and 17th Centuries]. Pod red. N. I. Pavlenko. 303 p. Moscow, Respublika. (In Russian)

7. *Russkaya izba (Vnutrennee prostranstvo, ubranstvo doma, mebel', utvar')* (1999) [A Russian Log House (Interior Space, Home Decoration, Furniture, Utensils)]. Illyustrirovannaya entsiklopediya. Avt. - sost.: D. A. Baranov, O. G. Baranova, E. L. Madlevskaya i dr. 376 p. St. Petersburg, Iskuststvo – SPb. (In Russian)

8. Dal', V. I. (1995). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. V 4 t. T. 2. 784 p. Moscow, TERRA. (In Russian)

9. *Slovar' russkogo yazyka XI – XVII vv.* (1999) [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vyp. 24. RAN, In-t russkogo yazyka; gl. red. G. A. Bogdanova. 254 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

10. Zabylin, M. M. (2008). *Russkii narod: ego obychai, predaniya, obryady i sueveriya* [The Russian People: Their Customs, Traditions, Rituals and Superstitions]. 608 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

The article was submitted on 14.06.2024

Поступила в редакцию 14.06.2024

Фатхутдинова Венера Габдулхаковна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
favenera@mail.ru

Fatkhutdinova Venera Gabdulkhakovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
favenera@mail.ru

УДК 81'42

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-128-136

КОНЦЕПТ ЛИДЕР В ДЕЛОВОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ЯДЕРНАЯ СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ

© Оксана Ширяева-Ширинг, Ирина Савченкова

THE CONCEPT “LEADER” IN BUSINESS MEDIA DISCOURSE: ESSENTIAL SEMANTICS AND FUNCTIONS

Oksana Shiryayeva-Shiring, Irina Savchenkova

The article analyzes the functions of the concept *leader* based on contemporary Russian-language business discourse. The objectives of the study are to describe its essential semantics and to identify the place of this concept in the system of key concepts of business media discourse, as well as its main and secondary functions. Being a universal socio-political concept, which is characteristic of different types of discourse and world views and used to comprehend various spheres of social life, the concept *leader* is easily adapted to the needs of business media discourse. In business media discourse, the analyzed concept both serves as a tool for comprehending social reality and performs a number of additional functions, specifically, the function of providing coherence to the world view of business media discourse, reflecting a wide range of phenomena and events in economic, political, social, cultural, sporting and scientific life. The concept *leader* predominantly represents the subjective layer of the business world view, but in some cases it acquires objective semantics. The article pays special attention to the interaction, including the implicit one, of the concept *leader* with the business world view attitudes (agonality and shop solidarity) and other key concepts of business media discourse (*company, struggle, competition, business environment, etc.*), which seems essential from the perspective of conceptual modelling of business media discourse and the business world view as a whole.

Keywords: media discourse, business media discourse, business world view, concept, concept *leader*, conceptual modelling of discourse

В статье на материале современного русскоязычного делового дискурса анализируется функционирование концепта «лидер». Цели исследования заключаются в описании его ядерной семантики и в выявлении места данного концепта в системе ключевых концептов делового медиадискурса, а также его основных и побочных функций. Будучи универсальным общественно-политическим концептом, который характерен для разных дискурсов и картин мира и применяется для осмысления различных сфер социальной жизни, концепт «лидер» легко адаптируется к потребностям делового медиадискурса, в котором анализируемый концепт не только служит инструментом осмысления социальной действительности, но и выполняет ряд дополнительных функций, в частности, функцию обеспечения связности картины мира делового медиадискурса, которая отражает широкий круг явлений и событий экономической, политической, социальной, культурной, спортивной, научной жизни. Концепт «лидер» преимущественно репрезентирует субъектный слой деловой картины мира, однако в отдельных случаях приобретает объектную семантику. Особое внимание в статье уделяется взаимодействию, в том числе имплицитному, концепта «лидер» с установками деловой картины мира (агональность и цеховая солидарность) и другими ключевыми концептами делового медиадискурса (*компания, борьба, конкуренция, деловая среда* и т. д.), что представляется существенным с точки зрения концептуального моделирования делового медиадискурса и деловой картины мира в целом.

Ключевые слова: медиадискурс, деловой медиадискурс, деловая картина мира, концепт, концепт «лидер», концептуальное моделирование дискурса

Для цитирования: Ширяева-Ширинг О., Савченкова И. Концепт «лидер» в деловом медиадискурсе: ядерная семантика и функции // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 128–136. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-128-136

Хотя в структуре современного медиадискурса концепт «лидер» играет заметную роль, на материале делового медиадискурса он не анализировался. Это не означает, что этот концепт не становился объектом исследовательского интереса вообще. Например, он рассматривался на материале английского языка [1], [2] преимущественно в текстах общественно-политического, спортивного дискурса [3], англоязычного военного дискурса [4], [5]. В данной статье мы восполняем этот пробел, предлагая анализ функционирования концепта «лидер» в деловом медиадискурсе.

Материалом для исследования послужили актуализации концепта «лидер» в ведущих российских деловых изданиях («Ведомости», «Коммерсантъ», «РБК») за период с 2015 г. по первую половину 2024 г. Поскольку целью статьи является выделение базисных семантических и функциональных свойств указанного концепта в деловом медиадискурсе, мы ограничили материал манифестациями лексемы *лидер*, оставив за пределами анализа однокоренные слова (*лидерский*, *лидерство*, *лидировать*) и косвенные способы выражения идеи лидерства (синоним *первенство*, атрибуты типа *первый*, *ведущий*, формы превосходной степени *лучший*, выражения типа *первое место*, *ведущая позиция* и т. д.). Поле средств выражения концепта «лидер» в деловом медиадискурсе нуждается в отдельном детальном анализе.

В большинстве современных словарей [6, с. 496], [7, с. 435], [8, с. 326], [9, с. 236], [10, с. 540] фиксируется два значения слова *лидер*: «глава, руководитель общественной, политической организации» и «участник спортивного соревнования, который идет первым или опережает других участников по своим показателям». Имеется близкое, но частное значение этого слова, связанное со спортом, – «мотоциклист, едущий на соревнованиях перед велосипедистом (в гонке с лидером)» [9, с. 236]. В большинстве словарей также фиксируется значение, связанное с морским делом (*лидер* – это особый тип корабля, который плывет перед группой или колонной других кораблей), хотя отдельные словари фиксируют это значение как устаревшее [6, с. 496]. Обобщенное значение существительного *лидер* («тот, кто опережает остальных по каким-либо показателям»), чрезвычайно характерное для современного употребления, в словарях не фиксируется.

Концепт «лидер», будучи заимствованным из английского языка, глубоко интегрирован в русскую языковую картину мира. Количество однокоренных слов, посредством которых и в рус-

ском языке, и в деловом медиадискурсе выражается данный концепт, относительно невелико: словари фиксируют лексемы *лидер*, *лидерский*, *лидерство*, *лидировать*. Тем не менее этот набор, включающий конкретное существительное для обозначения лица (и, шире, любого субъекта), относительное прилагательное, глагол и абстрактное существительное, покрывает все основные грамматические формы, необходимые для описания феномена лидерства и различных его аспектов и проявлений.

Некоторые словари, в том числе новые [7], [8], [9], [10], не фиксируют лексему *лидерство*. Этот факт вряд ли можно объяснить новизной данного слова или его неупотребительностью. Существительное *лидерство* фигурирует уже в словаре под ред. Д. Н. Ушакова [11, с. 58]. По всей видимости, отсутствие этого слова обусловлено не особым статусом лексемы *лидерство* и тем более не ее периферийностью, а соображениями уменьшения объема словаря. Веских оснований утверждать, будто лексема *лидерство* является периферийной, не имеется. Судя по данным «Нового частотного словаря русской лексики» [12], частотность лексемы *лидерство* заметно выше, чем частотность лексемы *лидерский* (5,6 употреблений на миллион слов против 0,6 употреблений, 382 текста с употреблением против 47 текстов соответственно). Впрочем, существительное *лидерство* не является самым частотным: частотность лексемы *лидер* (92,2 употребления в миллионе текстов, 3 885 текстов с употреблением данной лексики) превосходит частотность лексемы *лидерство* многократно. Отметим, что лексема *лидер* занимает 1327 место и входит в полторы тысячи самых употребительных слов русского языка (на материале корпуса, включающего художественную литературу и публицистику).

Исходным в русском языке, по всей видимости, является значение, связанное с политической сферой. Так, в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка», выпущенном в США еще в 1921 г. (в дореволюционной орфографии), фиксируется только это значение, причем со ссылкой на политическую культуру Англии: «в Англии вождь политич. партии» [13, с. 307]. При этом смысловая структура слова *лидер* в ее современном виде установилась уже к середине прошлого века, что можно увидеть на основании «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова [11, с. 58] и «Словаря иностранных слов», выпущенного в 1949 г. в Москве [14, с. 368], где фигурируют все три обозначенных выше основных значения, а также че-

тыре основные лексемы: *лидер*, *лидерский*, *лидировать* и *лидерство*.

Концепт «лидер» является чрезвычайно характерным элементом различных дискурсов журналистики, а также современного медиадискурса в целом, причем значимость его возрастает. Об этом можно судить по некоторым косвенным показателям. Например, согласно данным частотного словаря О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова, по сравнению с публицистикой 50-60-х гг. прошлого века к 2000-м гг. частотность употребления существительного *лидер* в публицистике выросло примерно в 10 раз, с 19,3 до 199,9 вхождений на миллион словоформ [12]. Подобный рост частотности в последние десятилетия XX в. показывает, что данный концепт активно осваивается различными дискурсами и это освоение несколько запаздывает за упомянутым ранее словообразовательным освоением. Чрезвычайно высоким является показатель распределения 90, который свидетельствует о том, что данное слово используется в подавляющем большинстве текстов публицистического корпуса с самой разнообразной тематикой (максимальное значение, указывающее на присутствие слова во всех без исключения текстах, – 100).

Эти данные вряд ли показательны с точки зрения оценки статуса концепта «лидер» в современном деловом медиадискурсе: они характеризуют динамику использования слова *лидер* преимущественно на материале традиционной (печатной) советской и ранней постсоветской журналистики, а выделить в составе советской журналистики деловой дискурс вряд ли возможно (более подробно этот вопрос обсуждается в работе [15]). Однако косвенно, а особенно в сопоставлении с частотностью данного слова в художественной литературе (16,7 вхождений на миллион словоформ в 1990-2000-х гг. против указанных 199,9 вхождений), эти данные свидетельствуют о высокой «публицистичности» данного слова. По этой причине кажется целесообразным считать концепт «лидер» важным компонентом публицистики и ведущих медиадискурсов – общественно-политического, делового, спортивного.

Концепт «лидер» в деловой картине мира (которую следует отличать от картины мира делового медиадискурса, см. далее) выполняет особые функции. Это находит отражение в том, что на базе слова *лидер* образуются многие названия компаний, общественных объединений, программ, конкурсов и т. д.: управляющая компания «Лидер» (6,7%), конкурсы «Лидеры России» и «Лидеры поддержки. Женщины в экспорте». Также это проявляется в названиях конкур-

сов, номинаций, которые реализуют семантику превосходной степени (конкурсы «Лучший реализованный проект в области строительства», «Лучшая молодежная политика на предприятии», номинация в конкурсе «Лучшая low-code платформа для бизнес-задач»), в том числе имплицитно (Экспортер года = «лучший экспортер в данном году»). Впрочем, эти факты связаны не с деловым медиадискурсом, а с тем, как в нем отражается деловая действительность. Названия компаний, объединений, союзов, программ, конкурсов и т. д. возникают независимо от медиадискурса, и последний их только фиксирует.

В системе концептов делового медиадискурса концепт «лидер» занимает особое положение, и это проявляется в двух значимых моментах.

1. Первый момент связан с тем, какое место концепт «лидер» занимает в картине мира делового медиадискурса.

Ранее мы предложили базисную типологию ключевых концептов делового медиадискурса, которая предполагает вычленение в нем трех слоев. Субъектный слой воплощается в концептах-лингвотипажах, обозначающих экономических деятелей и / или субъектов, играющих заметную роль в деловой активности: *бизнесмен* (*предприниматель*, *деловой человек*), *банкир*, *олигарх*, *министр*, *чиновник*, *успешный человек*, *эксперт* и т. д. Объектный слой описывает явления жизни и социальной действительности, на которые направлена активность деловых субъектов (*бизнес*, *дело*, *компания*, *производство*, *рынок*, *деньги*, *успех* и т. д.). Наконец, к слою интеракции относятся концепты вроде *сотрудничество*, *конкуренция*, *торговля*, *контакты*, *борьба*, *управление*, *переговоры*, *связи* и т. п. [16, с. 47].

Эта типология дает лишь общую основу для осмысления статуса отдельных концептов. В частности, для некоторых концептов, составляющих объектный слой картины мира делового медиадискурса, характерны реализации, в которых они выступают в качестве субъекта. Это можно проиллюстрировать на примере концепта «компания». Компания – один из важнейших объектов, на которые направлены усилия делового человека: деловые люди создают компании, развивают их, реорганизуют, объединяют, продают, ликвидируют и т. д. Однако компания может рассматриваться как самостоятельно действующий субъект, ср.: *Также компания разрабатывает новые средства биологической защиты растений, методы внесения энтомофагов...* (РБК, 01.11.2023); *...различные компании периодически судятся с другими интернет-игроками из-за негативных отзывов и комментариев* (РБК, 26.06.2024); *Крупные компании, среди ко-*

торых *Zoom, Netflix и другие, полагаются на AWS, даже если конкурируют с Amazon в других отношениях* (РБК, 02.10.2021). Отличительная черта таких употреблений заключается в том, что они основаны не на олицетворении и, шире, метафорической модели (*бизнес растет, успех приходит, деньги тают / текут* и под.), а на метонимии: существительное *компания* выступает в качестве замены для выражений *руководство компании, сотрудники компании, представители компании* и под. Подобные реализации отражают тот факт, что все люди, участвующие в деятельности некоторой компании, формируют коллективного субъекта нового уровня и действуют от лица компании, реализуя ее цели.

Этот момент, не отменяя принципа выделения трех слоев, положенных в основу классификации, позволяет уточнить и углубить ее, выделив группу концептов, которые могут принадлежать как к субъектному, так и объектному слоям картины мира делового медиадискурса. В подтверждение этому можно привести то, что далеко не всем концептам присуща такая двойная функция. Концепты «бизнес» и «дело», пересекающиеся по смыслу и функциям с концептом «компания», фактически выступают только в качестве объектов приложения усилий, то есть принадлежат к объектному слою картины мира делового медиадискурса, а если и реализуют субъектную семантику, то в ее метафорической разновидности (*дело / бизнес развивается / растет*).

Концепт «лидер» с этой точки зрения аналогичен концепту «компания». С одной стороны, он принадлежит к субъектному слою, поскольку нередко соотносится с лицом (прежде всего, политическими лидерами), и субъектная семантика таких реализаций концепта очевидна. Преимущественно как лидеры осмысляются политические деятели, однако концепт «лидер» может применяться для осмысления других сфер социальной жизни: *Между тем президент Бразилии Жаир Болсонару, которого СМИ давно прозвали «бразильским Трампом», по-прежнему остается одним из немногих мировых лидеров, отрицающих угрозу коронавируса* (Коммерсантъ, 23.05.2020); *Главная героиня – ютуб-блогерша, лидер мнений среди подростков* (Коммерсантъ, 23.09.2019); *Лидер сборной США по волейболу вновь будет выступать за российский клуб* (Ведомости, 26.10.2022); *Группа депутатов внесла в Госдуму законопроект с предложением изолировать лидеров организованных преступных сообществ (ОПС) от других заключенных* (Коммерсантъ, 23.09.2022). С точки зрения деловой картины мира принадлежность концептов «лидер» и

«компания» к ее субъектному слою напрямую выражается в возможности сочетания *компания-лидер*.

Субъектная семантика при характеристике компаний также очевидно преобладает: *Компания считается мировым лидером в области трансграничных P2P (person-to-person)-платежей и денежных переводов* (Ведомости, 25.10.2022). Еще более характерно такое употребление для контекстов, в которых речь идет о государствах (*Лидером этого направления стал Тайвань* (Коммерсантъ, 24.06.2014)) или регионах (*Лидером стала Калужская область* (Коммерсантъ, 24.06.2024)). В общем случае субъектная семантика глубоко мотивирована: лидерские позиции – это результат целенаправленных усилий, заслуга самого лидера, проявление его субъектности.

Однако в отдельных реализациях концепта «лидер» отчетливо представлена объектная семантика. Так, он актуализируется при осмыслении явлений действительности, которые не могут быть субъектами, ср.: *Стремительнее всего развивается категория средств ухода за кожей. Ее лидером остается косметика для лица (доля более 70%)* (Ведомости, 25.10.2022). Большой интерес представляют случаи, когда объектная роль приписывается явлениям, которые типично осмысляются как субъекты. Это проявляется в конструкции *вывести в лидеры*: *В 2021 г. организация приобрела английский «Ньюкасл» за 300 млн фунтов – и теперь пытается вывести его в лидеры АПЛ* (Ведомости, 23.12.2023); *Мы наблюдаем бум в сфере БПЛА, который может вывести Россию в глобальные лидеры рынка беспилотников* (Ведомости, 21.04.2023); *По словам чиновника, инициативы должны вывести Волгоградскую область в число индустриальных и логистических лидеров* (Коммерсантъ, 20.06.2024). Ядерная семантика концепта «лидер» в этом случае вступает в противоречие с его конкретными реализациями: лидер по определению не может быть пассивным объектом сторонних манипуляций, а лидерские позиции – результатом сторонних усилий. По всей видимости, в этом случае на первый план выступает презентационная сторона лидерства, когда в первенстве акцентируется его репутационный компонент (что в крайних случаях может выливаться в то, что принято называть «показухой»).

В силу только что указанной субъектности лидера, который добивается первенства благодаря собственным усилиям, для концепта «лидер» субъектная семантика более характерна, чем для концепта «компания». Из этого, в частности, следует, что у разных концептов тяготение к

субъектному и объектному слоям может проявляться в разной степени.

2. Другой важный признак концепта «лидер» в деловом медиадискурсе состоит в том, что он выполняет связующую функцию между различными тематиками, обеспечивая единство и гомогенность картины мира делового медиадискурса. Проявляется это в том, что в деловом медиадискурсе концепт «лидер» в равной степени актуализируется при осмыслении таких сфер, как экономика, политика, спорт и даже культура, ср.: *Лидер группы Billy's Band Билли Новик отмечает, что принятие закона может привести к резкому сокращению количества «настоящих музыкантов и джазменов» на улице* (Коммерсантъ, 22.07.2022); *Утром Ваня (Вадик Королев – музыкант, лидер группы OQLAV, снимался в «Человеке из Подольска») завтракает сосисками с зеленым горошком, делает зарядку и бодрой походкой идет на работу в магазин товаров для рыбалки* (Ведомости, 15.03.2024). При этом частотность реализации данного концепта применительно к перечисленным сферам – за исключением текстов культурной тематики – является более или менее одинаковой (и одинаково высокой).

Существование концептов с подобной связующей ролью не является случайным. Между картиной мира делового медиадискурса и деловой картиной мира нет однозначного соответствия. Медиадискурс осваивает действительность экстенсивно, уделяя внимание не только собственно деловой и экономической проблематике, непосредственно отражаемой деловой картиной мира, но и освещению политической, социальной, спортивной, культурной, научной жизни (см., например [17]). Так проявляется характерная для современного делового медиадискурса тенденция представлять максимально широкий круг явлений общественной жизни. Причина этого кроется не только в том, что смежные области социального мира сложным образом детерминируют друг друга, а экономическая деятельность в высокой степени зависит от социально-политического контекста. Современный деловой медиадискурс расширяет охват социальной реальности с целью удержания своей ядерной аудитории (то есть предпринимателей, профессионалов и людей, интересующихся деловой тематикой) за счет удовлетворения всех информационных потребностей и своеобразной подмены собой конкурирующих изданий и типов медиадискурса, а также с целью привлечения потребителей из смежных аудиторий.

Тем не менее этим объяснением ограничиться нельзя. Концепт «лидер» приобретает свя-

зующую функцию еще и потому, что одновременно он выражает характерную для репрезентируемой деловым медиадискурсом картины мира общую установку на конкурентную борьбу и успех [18]. Политическое или спортивное лидерство может быть образцом для любого предпринимателя, который так же стремится к лидирующим позициям и доминированию над другими: занять наибольшую или существенную часть рынка, обойти конкурентов по тем или иным показателям, быть первым в предложении нового товара или услуги и т. д. Исследователи уже отмечали тот факт, что спортивная метафора характерна для политических и экономикоделовых текстов. Как пишет А. Ю. Рогозин, «спортивные концепты (*race*, лидерство, *round*, финальный тур и т. д.) одновременно относятся и к спортивным текстам, и к политической сфере (особенно если акцентировать внимание на предвыборных кампаниях), и даже к текстам сферы бизнеса» [3, с. 62]. Подобное функционирование концепта «лидер» и в политическом, и в спортивном дискурсах обусловлено тем, что данный концепт, возникший относительно поздно, прекрасно вписывается в принцип агональности, характерный для древнегреческой культуры, которая является не только родиной спортивных состязаний, но и образцом современной демократической, то есть по определению состязательной, политики. Восточная политическая модель, тяготеющая к авторитаризму, категорически исключает осмысление политической жизни через призму спортивной метафоры (правда, авторитарный руководитель в современном деловом медиадискурсе также характеризуется как лидер, в чем реализуется функция лидера как авторитета). Что касается идеи лидерства применительно к экономической сфере, то такие ассоциации восходят к Новому времени, то есть времени формирования конкурентной капиталистической экономики. Однако это не означает, что агональность не является единым феноменом, общим для политики, спорта и бизнеса.

Для концепта «лидер» в деловом медиадискурсе характерна сложная и отчасти противоречивая семантика. Это проявляется в таком моменте, как неединичность лидера и ее своеобразное преодоление (нейтрализация).

Ядерная семантика концепта «лидер» на первый взгляд подразумевает единичность и уникальность. Лидер – это тот, кто занимает первое место, а первое место всегда одно, ср.: *Пока лидером по продажам электромобилей в Китае остается американская Tesla* (Ведомости, 10.02.2021). Именно это создает условия для взаимодействия концепта «лидер» с другими

ключевыми концептами делового медиадискурса и деловой картины мира, прежде всего теми, которые формируют его интерактивный слой. Прямой манифестацией этого взаимодействия является выражение *борьба за лидерство* и близкие к нему по смыслу выражения: *Космос всегда был политизирован, всегда была борьба за лидерство* (Коммерсантъ, 21.07.2019); *На этот пост может претендовать Франсуа Фийон — во всяком случае, два года назад именно он был основным соперником господина Копе в борьбе за лидерство в партии* (Коммерсантъ, 16.06.2014); *Во время прошлой гонки за лидерство в партии Сунак выступал перед избранными членами партии тори в Брокет-холле* (Ведомости, 24.10.2024); *Дина Аверина захватила лидерство после первого дня турнира в Москве* (РБК, 03.10.2021) и т. п. В реализациях близкого по семантике концепта «конкуренция» идея лидерства никогда не выражается эксплицитно, а только подразумевается. Более того, конкуренция, направленная на обретение лидерской позиции, представляет собой частный случай конкуренции: целью конкуренции может быть, например, увеличение доли рынка за счет повышения качества услуг, предложения потребителям более выгодной цены и т. д., то есть цели, которые не обязательно предполагают занятие первого — и по определению единственного — места. Правда, синтагматические связи между концептами «лидер» и «борьба» также не исчерпывают смыслового потенциала данных концептов, поскольку для делового медиадискурса характерны такие выражения, как *борьба за выживание / рынки / ресурсы / конкурентное преимущество / власть, борьба против бедности / монополий / неравенства* и т. д. Все эти сочетания показывают, что лидерство — лишь одна из возможных целей борьбы. Тем не менее наличие устойчивого выражения *борьба за лидерство* свидетельствует о тесной связи между этими двумя концептами.

В то же время единичность лидера в деловом медиадискурсе нередко если не отрицается, то нейтрализуется. Это проявляется как минимум в двух формах.

Во-первых, в деловом медиадискурсе концепт «лидер» реализуется как указание на группу лидеров, то есть субъектов (компаний, банков, регионов, стран и т. д.), которые достигают наибольших успехов в той или иной области и имеют самые высокие показатели. Типичным для делового медиадискурса является выражение *тройка лидеров: Исследователи подчеркивают, что, хотя тройка лидеров среди самых конкурентоспособных рынков не изменилась, в ней произошла перестановка* (РБК, 28.06.2024);

Тройку лидеров по объемам строительства в столице на 1 сентября составили ГК «ПИК», «Донстрой» и MR Group (РБК, 01.09.2022); Тройку лидеров рейтинга составили Тамбовская, Белгородская области и Алтайский край (Коммерсантъ, 21.09.2022). Количество лидеров может варьировать, ср.: *...из пятерки лидеров была марка NISSAN, которую заменил бренд VOLKSWAGEN (Ведомости, 25.10.2022); В пятерку лидеров по количеству абонентов iKS-Consulting включал те же компании, но оценивал также и доходы компаний (Коммерсантъ, 22.05.2014).* Указание точного числа при выделении лидеров не является обязательным, они могут выделяться неопределенно-собираательно, и такое собирательное наименование сопровождается указанием на сферу (область) деятельности: *Лидерами в области повышения производительности стали предприятия дорожно-строительной отрасли, сельского хозяйства и пищевой перерабатывающей промышленности (Коммерсантъ, 22.09.2022); Скажу не без гордости, что банк входит в число лидеров в этой сфере (Коммерсантъ, 22.09.2022); В целом в России лидерами по найму курьеров стали логистические компании и операторы b2b-услуг по доставке (в том числе аутсорсинг курьерских услуг для крупных клиентов), розничные торговые сети и ИТ-компании (к которым относятся маркетплейсы, фудтех и т. п.) (Коммерсантъ, 23.04.2024); Среди стран — лидеров по выработке на угольных станциях — Германия (132 млрд кВт/ч), Польша (103 млрд кВт/ч) и Чехия (31 млрд кВт/ч) (Коммерсантъ, 23.04.2024).*

В данных реализациях концепта «лидер», по всей видимости, находит проявление своеобразная гармонизирующая функция медиадискурса, заключающаяся в смягчении конкурентной борьбы, которая при единичности позиции лидера приобретает максимально острые формы. В этом смысле можно утверждать, что концепт «лидер» имплицитно соотносится с такими ключевыми концептами деловой картины мира и делового медиадискурса, как *деловая среда (бизнес-среда), деловое сообщество (бизнес-сообщество), деловой климат.* Экономика как сфера деятельности — это не только поле, на котором сталкиваются эгоистичные интересы, но и продукт совместных усилий всех субъектов предпринимательской активности, а следовательно, деятельность, предполагающая «цеховую солидарность». Существенно, что концепт «деловая среда» одновременно используется для осмысления как самого делового сообщества, то есть совокупности его участников (*Новые экономические условия повлияли на деловую среду*

Екатеринбурга. Так, в последние годы увеличилось число предприятий малого и среднего бизнеса, Коммерсантъ, 14.06.2024), так и внешних, не обязательно зависящих от самого бизнеса условий, в которых бизнесмены осуществляют свою деятельность (...глава китайского правительства не обошел стороной наиболее чувствительные вопросы, в которых экономика тесно переплетена с геополитикой, призвав «обеспечить честную, справедливую и недискриминационную деловую среду для китайских предприятий», Коммерсантъ, 19.06.2024). Выделение особой «зоны» лидерства, в которой могут сосуществовать различные субъекты, не исключает стремления к лидирующим позициям, но делает конкуренцию менее острой.

Во-вторых, единичность лидера нейтрализуется при осмыслении политической сферы: политический лидер, взаимодействуя с другими лидерами, взаимодействует не с соперниками, а с равными себе. Особенно это характерно для случаев, когда речь идет о руководстве государств: После последних переговоров лидеры стран Евросоюза согласились на отсрочку «Брексита» до конца октября (Коммерсантъ, 23.04.2019); Ничего секретного о лидерах стран G7 там, конечно, не было (Коммерсантъ, 23.07.2022). Однако концепт «лидер» актуализируется и при осмыслении других политических единств: Лидеры фракций «Единая Россия» Владимир Васильев и «Справедливая Россия – За правду» Сергей Миронов сдают кровь для пострадавших от терактов в Дагестане и Севастополе (Коммерсантъ, 01.07.2024, подпись под фотографией); О своих губернаторских амбициях объявили шесть человек, четверо из них – лидеры региональных отделений парламентских партий (Коммерсантъ, 22.07.2022). Подобное употребление возможно и для деловой сферы: Лидеры делового сообщества России подписали Декларацию солидарности российского бизнеса в рамках общенациональной акции #МЫВМЕСТЕ (Ведомости, 26.10.2022).

За этими употреблениями скрывается сложная и в некоторых отношениях противоречивая конструкция. С одной стороны, позиция лидера государства достигается конкурентным путем (это характерно не только для демократических обществ, но и для авторитарных режимов, в которых лидер может приходиться к власти как при помощи жестких политических мер, так и выборов). Стать лидером государства – значит победить своих конкурентов в политической борьбе, какими бы методами она ни осуществлялась. Однако прямая конкуренция за лидерские позиции между лидерами государств и, шире, политическими лидерами (лидерами партий, фракций

и т. д.) вряд ли возможна. Поскольку они являются лидерами отдельных, автономных сообществ, они оказываются равными и подобными друг другу, а взаимодействие между ними – неконкурентным взаимодействием на равных. Конкуренция возможна между самими этими сообществами (государствами), и политические лидеры могут вступать в эту конкуренцию, в ней участвуя, ей содействуя, ею управляя и т. д. Тем не менее эта конкуренция будет не их прямой личной конкуренцией, а конкуренцией государств, которыми они руководят. По всей видимости, это обусловлено тем, что отождествление государства и его лидера невозможно в силу несовпадения их временных фаз: лидеры государства сменяются, тогда как само государство продолжает существовать, и сохранение или утрата государством лидерских позиций напрямую со сменой его лидера вряд ли связаны. Лидер – это не конкретный человек, это место, которое при других условиях мог бы занимать кто-то другой.

Подытоживая сказанное, отметим, что концепт «лидер» в деловом медиадискурсе выполняет ряд разноуровневых функций, и лишь некоторые из этих функций связаны с непосредственной репрезентацией актуальной социальной реальности. Не менее важной представляется функция гомогенизации различных тематик делового медиадискурса, которая при этом подкрепляется резонансом между концептом «лидер» и ключевыми установками и ценностями деловой деятельности: агональностью (установкой на конкуренцию и борьбу) и «цеховой солидарностью» (стремлением к формированию благоприятной деловой среды). Необходимо отметить взаимодействие между концептом «лидер» и другими ключевыми концептами, которое может быть как имплицитным (ср. выражения типа *тройка лидеров*, использование словоформы *лидеры*), так и эксплицитным, проявляющимся синтагматически (выражение *борьба за лидерство*). Представляется, что системное когнитивное моделирование любого частного дискурса невозможно без выявления подобных конкретных связей между концептами, и подобный анализ должен стать обязательной составляющей будущих исследований.

Список источников

1. Невзорова Е. Ю. Полевая структура концепта leadership // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 3 (47). С. 247–259.
2. Троценкова Е. В. Ценностный концепт «leadership» в современном американском общественно-политическом дискурсе // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5–2 (112). С. 425–430.

3. Рогозин А. Ю. Реконтекстуализация спортивных концептов в политических текстах // Дискурс. 2019. № 9 (35). С. 58–67.
4. Колтакова С. В., Неровная Н. А. Опыт разграничения близких по содержанию концептов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 11–16.
5. Koltakova S. V., Nerovnaya N. A., Zubova L. Yu. Comparing the content of the concepts leader and commander in military men mental sphere // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 37. С. 936–941.
6. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
7. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Изд-во Эксмо, 2006. 994 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 994 с.
9. Толковый словарь наиболее употребительных иностранных слов / Сост. А. А. Медведева. М.: Центрполиграф, 2009. 525 с.
10. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 1582 с.
11. Толковый словарь русского языка / Гл. ред. Б. М. Волин и Д. Н. Ушаков. В 4-х тт. Т. 2. Л–Ояловеть. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1938. 1040 с.
12. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Изд. центр «Азбуковник», 2009. 1090 с.
13. Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. New York: Издание книжного магазина М. Майзеля, 1921. 714 с.
14. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лёхина и проф. Ф. Н. Петрова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. 805 с.
15. Панченко А. А. Советская экономическая печать как предшественница бизнес-пресса новой России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (1). С. 378–381.
16. Ширяева О. В. Концептуальное моделирование дискурса // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей V Международной научно-практической конференции: в 2-х тт. Т. 1. М.: РУДН, 2021. С. 46–51.
17. Ширяева О. В. Информационно-аналитический медиадискурс деловой прессы: когнитивно-коммуникативный анализ // Австрийский журнал гуманитарных и общественных наук. 2014. № 11–12. С. 79–81.
18. Ширяева О. В. Частные топы в деловом медиадискурсе (на примере топа «успех») // Лингвистическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2014. № 19. С. 210–213.
19. Leadership]. Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta, No. 3 (47), pp. 247–259. (In Russian)
20. Troshchenkova E. V. (2015). *Tsennostnyi kontsept "leadership" v sovremennom amerikanskom obshchestvenno-politicheskom diskurse* [The Axiological Concept of Leadership in Modern American Sociopolitical Discourse]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*, No. 5–2 (112), pp. 425–430. (In Russian)
21. Rogozin, A. Yu. (2019). *Rekontekstualizatsiya sportivnykh kontseptov v politicheskikh tekstakh* [The Recontextualisation of Sports Concepts in Political Texts]. *Diskurs*, No. 9 (35), pp. 58–67. (In Russian)
22. Koltakova, S. V., Nerovnaya, N. A. (2018). *Opyt razgranicheniya blizkikh po sodержaniyu kontseptov* [Experience of Distinguishing Concepts that Are Similar in Content]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 3, pp. 11–16. (In Russian)
23. Koltakova, S. V., Nerovnaya, N. A., Zubova, L. Yu. (2019). *Comparing the Content of the Concepts Leader and Commander in Military Men Mental Sphere*. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Issue 37, pp. 936–941. (In English)
24. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (2000) [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Gl. red. S. A. Kuznetsov. 1536 p. St. Petersburg, Norint. (In Russian)
25. Krysin, L. P. (2006). *Tolkovyi slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. 994 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)
26. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (2006). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. 994 p. Moscow, TEMP. (In Russian)
27. *Tolkovyi slovar' naibolee upotrebitel'nykh inostrannykh slov* (2009) [Explanatory Dictionary of the Most Commonly Used Foreign Words]. Sost. A. A. Medvedeva. 525 p. Moscow, Tsentrpoligraf. (In Russian)
28. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (2003) [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. by D. V. Dmitriev. 1582 p. Moscow, Astrel', AST. (In Russian)
29. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (1938) [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Gl. red. B. M. Volin, D. N. Ushakov. Vol. 2. L–Oyalovet'. 1040 p. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei. (In Russian)
30. Lyashevskaya, O. N., Sharov, S. A. (2009). *Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [A Frequency Dictionary of Contemporary Russian (based on the National Corpus of the Russian Language)]. 1090 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)
31. Pavlenkov, F. (1921). *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [Dictionary of Foreign Words Incorporated into the Russian Language]. 714 p. New York, Izдание knizhnogo magazina M. Maizelya. (In Russian)
32. *Slovar' inostrannykh slov* (1949) [Dictionary of Foreign Words]. Gl. red. I. V. Lekhin, F. N. Petrov. 805 p. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei. (In Russian)

References

1. Nevzorova, E. Yu. (2019). *Polevaya struktura kontsepta leadership* [The Field Structure of the Concept

15. Panchenko, A. A. (2014). *Sovetskaya ekonomicheskaya pechat' kak predshestvennitsa biznes-pessy novoi Rossii* [Business Newspapers of the USSR: A New Point of View on the Development of the Russian Business Press]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. No. 2 (1), pp. 378–381. (In Russian)

16. Shiryayeva, O. V. (2021). *Kontseptual'noe modelirovanie diskursa* [Conceptual Modeling of Discourse]. *Yazyk i rech' v Internetе: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura: sbornik statei V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, vol. 1. Moscow, RUDN, pp. 46–51. (In Russian)

17. Shiryayeva, O. V. (2014 (a)). *Informatsionno-analiticheskii mediadiskurs delovoi pessy: kognitivno-kommunikativnyi analiz* [Information and Analytical Media Discourse of the Business Press: Cognitive and Communicative Analysis]. *Avstriiskii zhurnal gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk*. No. 11–12, pp. 79–81. (In Russian)

18. Shiryayeva, O. V. (2014 (6)). *Chastnye topy v delovom mediadiskurse (na primere topa "uspek")* [Private Topos in Business Media Discourse (based on the topos "success")]. *Lingvitoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty*. No. 19, pp. 210–213. (In Russian)

The article was submitted on 09.08.2024

Поступила в редакцию 09.08.2024

Ширяева-Ширинг Оксана Витальевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Южный федеральный университет,
344006, Россия, Ростов-на-Дону,
Большая садовая, 105/42.
shirayeva.oksana@gmail.com

Савченкова Ирина Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Южный федеральный университет,
344006, Россия, Ростов-на-Дону,
Большая садовая, 105/42.
sav@sfedu.ru

Shiryayeva-Shiring Oksana Vitalievna,
Doctor of Philology,
Professor,
Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya Str.,
Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation.
shirayeva.oksana@gmail.com

Savchenkova Irina Nikolaievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya Str.,
Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation.
sav@sfedu.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 820"18/20"-3А/Я.06

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-137-144

ОТ «АНГЛИЧАНИНА» К «БРИТАНЦУ»: ОБРАЗ ДЖЕНТЛЬМЕНА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XXI ВВ. (Ч. ДИККЕНС, Т. ГАРДИ, А. К. ДОЙЛ, Я. ФЛЕМИНГ, К. ИСИГУРО)

© Фируза Абилова

FROM "AN ENGLISHMAN" TO "A BRITON": THE IMAGE OF A GENTLEMAN IN ENGLISH LITERATURE OF THE 19th – 21st CENTURIES (C. DICKENS, Th. HARDY, A. C. DOYLE, Y. FLEMING, C. ISHIGURO)

Firuza Abilova

In the process of analyzing the works of English writers, we came to the conclusion that two types of gentlemen can be distinguished: "an Englishman" and "a Briton". The proposed typology is based on the reflections of J. Fowles on the conflicting identities of the island's inhabitants. In their novels, Ch. Dickens and Th. Hardy, with all the differences, created a classic image of an English gentleman, possessing such basic features as amateurism and rejection of professionalism, adherence to the norms of the moral and ethical code, the etiquette, a special attitude towards a lady, etc.

Sherlock Holmes from the stories of A. C. Doyle can be seen as a transitional character, representing the image of a gentleman-Briton. For him, the prestige of the state is of great importance, so the political component is included in his activities, remaining on the periphery of the amateur detective's interests. The image of a gentleman serving exclusively the political interests of Great Britain appears in Ian Fleming's James Bond novels. Traditional, even archetypal features of a gentleman in this image are found in the usual gentleman's attributes: his attractive appearance, the membership in a club, his loyalty to duty and devotion to ideals. But the professionalism of the counterintelligence officer and his lack of amateurism, as well as an ungentlemanly attitude towards a woman allows you to see him not as an Englishman, but as a Briton.

Christopher Banks, the protagonist of K. Ishiguro's novel "When We Were Orphans", has been dreaming of becoming a "true Englishman" since his childhood. But the certainty that the fate of the world depends on him makes us see him as a Briton. His returning from the line of military conflict between Japan and China forces Christopher Banks to reconsider his position and return, although not completely, to the lifestyle of a gentleman-Englishman.

Keywords: gentleman, Englishman, Briton, typology, amateur detective, professionalism, identity

В процессе анализа произведений английских писателей автор приходит к выводу, что можно выделить два типа джентльменов: «англичанин» и «британец». В основу предлагаемой типологии легли размышления Дж. Фаулза о противоречивой идентичности жителей острова. В рассматриваемых романах Ч. Диккенса и Т. Гарди при всех различиях создан классический образ английского джентльмена, обладающего такими базовыми чертами, как любительство и неприятие профессионализма, следование нормам морально-этического кодекса, этикета, особое отношение к даме и т. д. Шерлока Холмса из рассказов А. К. Дойла можно рассматривать как переходный к образу джентльмена-британца. Для него престиж государства имеет большое значение, поэтому политическая составляющая включена в его деятельность, оставаясь на периферии интересов сыщика-любителя. Образ джентльмена, служащего исключительно политическим интересам Великобритании, появляется в романах Я. Флеминга о Джеймсе Бонде. Традиционные, даже архетипические черты джентльмена в этом образе обнаруживаются в привычных джентльменских атрибутах: привлекательной внешности, членстве в клубе, верности долгу, преданности идеалам. Но профессионализм контрразведчика и отсутствие любительства, неджентльменское отношение к женщине позволяет видеть в нем не англичанина, а британца. Кристофер Бэнкс, герой романа К. Исигуро «Когда мы были сиротами», с детства мечтает стать «истинным англичанином». Но уверенность в

том, что от него зависит судьба мира, заставляет видеть в нем британца. Возвращение с линии военного конфликта между Японией и Китаем заставляет его пересмотреть свою позицию и вернуться, хотя и не абсолютно, к образу жизни джентльмена-англичанина.

Ключевые слова: джентльмен, англичанин, британец, типология, сыщик-любитель, профессионализм, идентичность

Для цитирования: Абилова Ф. От «англичанина» к «британцу»: образ джентльмена в английской литературе XIX–XXI вв. (Ч. Диккенс, Т. Гарди, А. К. Дойл, Я. Флеминг, К. Исигуро) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 137–144. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-137-144

В английской национальной картине мира наиболее репрезентативным типом личности является «английский джентльмен». К началу XV в. это понятие напрямую связывалось с рождением в благородной семье, но младший сын в силу закона о майорате, то есть единонаследия, оставался без наследства. Приобретение статуса джентльмена означало приобщение к респектабельному обществу. Финансовую независимость ему обеспечивало владение «землей или ценным имуществом», которое позволяло вести скромное существование и освобождало его от необходимости зарабатывать на жизнь своим трудом. Отказ от профессионализма стал признаком, упоминаемым «на протяжении столетий в качестве одного из важнейших свойств джентльмена» [1]. При этом приветствовались различные занятия любительского характера, хобби: путешествие, коллекционирование, выращивание экзотических растений, цветоводство, наблюдение за птицами, спорт и т. д.

Постепенно понятие «благородство» стало обозначать не только благородное происхождение, но и соответствующее поведение, на первый план стали выдвигаться личные качества джентльмена: воспитанность, образованность, следование определенным этическим нормам.

С течением времени это понятие претерпевает существенные изменения. Титулы и богатство стали необязательными для получения статуса джентльмена, пришлось примириться с необходимостью трудиться, чтобы зарабатывать деньги и обеспечивать свое существование. Но джентльмен не отказался от определенных норм поведения, этикета, от кодекса чести, представления о котором восходят «еще к рыцарским временам и во многом отражают галантный и куртуазный комплекс требований к мужскому достоинству» [2, с. 142]. Не знатность, а честь и достоинство теперь ассоциируется с понятием джентльмена.

Окончательное формирование образа джентльмена происходит в XIX в., в период правления королевы Виктории. Теперь это необязательно аристократ, джентльменом может быть представитель среднего класса, буржуа, но обладающий

такими качествами, как трудолюбие и экономность, умеющий зарабатывать и умело использовать заработанное. Появилась возможность стать джентльменом благодаря состоянию, а не происхождению. Это привело к тому, что значение понятия «джентльмен» становится более широким. Как писал философ А. Токвиль, «в каждом следующем столетии это слово применяют к людям, стоящим немного ниже на социальной лестнице» (цит. по: [3, с. 141]).

В современном мире понятие «джентльмен» утратило значение некой сословной принадлежности личности, приняв форму вежливого обращения к мужчине.

Образ викторианского джентльмена стал одним из центральных в английской литературе XIX в., приобретая почти архетипический характер. Не всегда джентльмен является носителем идеальных свойств, а потому его образ становится как объектом для подражания, так и предметом сатирического разоблачения. Тот или иной акцент в его трактовке зависит от особенностей мировоззрения писателя.

О том, как бедный сирота Пип мечтал стать джентльменом и как происходила ее реализация, рассказывает роман Ч. Диккенса «Большие надежды» (1860–1861). Н. П. Михальская тему джентльменства называет одной из главных в романе [4, с. 108]. «В нем показано действие социальных лифтов, благодаря которым не только богачи становились бедняками, но и простолюдины могли стать уважаемыми людьми», – уточняет А. А. Давиденко [5].

Мечта стать джентльменом зарождается у Пипа после знакомства с мисс Хэвишем и Эстеллой. В его представлении это означает быть богатым, вести легкую, приятную и счастливую жизнь. Он получает возможность осуществить свою мечту, когда у него появляется тайный покровитель. Модель поведения, которой следует Пип, была характерна для высших кругов английского общества: новые знакомства, членство в клубе, кредиторы, долги...

В ранних (1830-х гг.) романах Диккенса присутствуют образы добрых людей, добрых джент-

льменов. Это чудаковатый мистер Пиквик из «Посмертных записок Пиквикского клуба», добрый буржуа Браунлоу из «Приключений Оливера Твиста», безгранично доброжелательные братья Чирибль из романа «Жизнь и приключения Николаса Никльби». Это образы, подтверждающие, что не происхождение, а нравственное благородство является основополагающим в характеристике джентльмена. Это как раз образцы для подражания, поэтому в их изображении доминирует мягкий, доброжелательный юмор.

Изменившаяся к 1860-м гг. социально-нравственная ориентация Диккенса демонстрирует более серьезный аспект в трактовке темы джентльменства, показывая связь джентльменов с криминалом. Заманчивый мир джентльменов оборачивается миром каторжников и убийц, умело скрывающим свой настоящий облик. Эта мысль реализуется в образе Компесона, который «развивает тему разоблачения наносного джентльменства, нередко замещающего, а то и вытесняющего естественность, простоту, истинную интеллигентность» [6, с. 175].

Если Компесон – это «наносной» джентльмен, то Пип – джентльмен «сделанный». Его создателем оказался беглый каторжник Мэгвич, чье представление о джентльменстве достаточно простое, сформированное по стандарту буржуазных представлений. У него восторг вызывает перстень с бриллиантом и рубинами на пальце Пипа, его тонкое и нарядное белье, золотые часы, богатая библиотека – то есть все то, что является мерилем жизненных ценностей в буржуазном обществе.

Черты настоящего джентльмена в романе демонстрирует кузнец Джо Гарджери, который не может похвастать благородным происхождением, но который обладает подлинным благородством, воспитанностью, ответственностью, порядочностью. Благодаря ему Пип перестает быть «сделанным» и учится быть настоящим джентльменом.

Ч. Диккенс – «первый масштабный писатель-урбанист» [7, с. 10], события в большинстве его романов разворачиваются на территории Лондона. В отличие от него, Т. Гарди в своем творчестве местом действия своих романов и рассказов избирает сельскую, фермерскую Англию. Образцы викторианских джентльменов писатель создал в романе «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (1892).

Это прежде всего Энджел Клэр, младший сын бедного священника и потому не получивший наследства. В отличие от старших братьев, окончивших Кембридж и ставших профессионалами, Энджел – любитель, которого не заботит

финансовое благополучие и не интересует профессиональная деятельность. Он подумывает о том, чтобы заняться сельским хозяйством, и с этой целью отправляется на молочную мызу, чтобы изучить работу фермера. Энджел Клэр – джентльмен-фермер, фермер-любитель. Это говорит о том, что он – сторонник традиционной землевладельческой культуры, которая, однако, в Англии начинает утрачивать свое значение.

В результате индустриализации и урбанизации многое изменилось в образе жизни, нормах поведения и мировосприятии англичан XIX в., что не могло не привести и к трансформации образа джентльмена: теперь это горожанин среднего класса. Таков Алек д'Эрбервилль, тип нувориша, богатого бездельника, отец которого, разбогатевший буржуа Саймон Сток, присоединил к своей фамилии древнее аристократическое имя. Благодаря этой «операции» и согласно традиции Алек д'Эрбервилль стал наследственным джентльменом. Но он, скорее, играет роль джентльмена, поэтому для него первостепенное значение имеет внешняя атрибутика.

История любви джентльмена Энджела Клэра и работницы молочной фермы Тэсс Дарбейфилд составляет основную сюжетную линию романа. Главными качествами женщины в викторианскую эпоху были не столько ее красота или социальный статус, а скромность, невинность, добродетельность и т. п. В джентльменском кодексе отношение к женщине рассматривалось исключительно «в рамках законной любви и брака» [8, с. 42]. В этих рамках Энджел намеревается строить свои отношения с крестьянкой Тэсс.

Но при известии, что Тэсс – не простая крестьянка, а представительница древнего аристократического рода д'Эрбервиллей, он не скрывает облегчения. В этом проявляется снобизм Энджела Клэра, одно из неизменных и негативных качеств джентльмена. «Падение» Тэсс не вписывается в традиционное представление о браке, и он считает возможным оставить ее без помощи.

Отношение Алека д'Эрбервилля к женщине так же не соответствует принятым нормам поведения джентльмена: он просто пользуется тяжелым положением семьи Тэсс и принуждает ее к сожительству.

Джентльмены Диккенса и Гарди, при всех различиях, традиционные джентльмены – по происхождению, социальному положению, принципам поведения. Они не заняты физическим трудом, культивируют любительство в противовес профессионализму, не интересуются политикой, но для них очень важно владение зем-

лей. Это джентльмены-англичане, характеристику которым дает Дж. Фаулз:

«<...> нужно, чтобы по меньшей мере двое из четырех твоих дедов и бабок были англичанами, чтобы хоть половину жизни ты прожил в Англии и – разумеется, чтобы твоим родным языком был английский» [9, с. 143].

Размышления Дж. Фаулза о тех, кто живет в Англии, порождены раздвоенностью *«английской мысли между Зеленой Англией и Красно-бело-синей Британией»* [9, с. 146]. Можно сказать, что джентльмены Диккенса и Гарди вместе с Дж. Фаулзом выбирают Зеленую Англию.

Переходным к типу джентльмена-британца можно считать образ Шерлока Холмса, героя рассказов А. К. Дойла. Если для героев Ч. Диккенса и Т. Гарди важным условием было владение земельной собственностью, то Шерлок Холмс – горожанин, у которого такая собственность отсутствует, поскольку уходит в прошлое образ жизни старой земельной аристократии. Он также не владеет домом в викторианском стиле, а проживает в лондонской квартире по ставшему уже знаменитым адресу – Бейкер-стрит 221б. Главную роль в его характеристике играют личные качества, а не социальное начало.

III. Холмс – лондонский детектив, сыщик, и ему в очень большой степени свойственны черты идеального английского джентльмена. Он уважает порядок, частную собственность, верен данному слову, сохраняет спокойствие в самых непростых обстоятельствах, отличается точностью в своей работе, изысканностью в одежде и т. д.

Нельзя не отметить образованность Шерлока Холмса, которая позволяет ему на равных общаться с представителями высшего общества. Он знает несколько языков, латинская эпиграмма доступна ему без перевода; он любит оперу, пишет книгу о музыке, играет на скрипке и проводит химические эксперименты. Это разнообразие увлечений свидетельствует еще об одной черте Холмса как джентльмена – он не профессионал, а любитель, и это относится к его деятельности детектива. В противовес профи Скотланд-Ярда Холмс – сыщик-любитель, который расследует только те дела, которые вызывают у него интерес. Интерес не материальный, не связанный с выгодой, а репутационный, который для Холмса имел важное значение, поэтому зачастую он готов расследовать дело бескорыстно.

Свою работу Шерлок Холмс рассматривает как возможность избежать скуку и однообразие будничной жизни викторианского общества. Буржуазные принципы, распространившиеся на все сферы жизни и выразившиеся в нормативно-

сти морально-этического кодекса, в строгом регламентировании бытового уклада, в подмене духовных ценностей культом материального достатка, вызывают у Холмса отторжение. Его привлекает все, что противостоит однообразию и монотонности окружающей действительности, поэтому он отдает предпочтение расследованию необычайных происшествий.

Политика не интересовала джентльменов Ч. Диккенса и Т. Гарди. Политическая составляющая как будто отсутствует и у Холмса. Сообщения о революции, войне, о смене правительства и т. п. находились вне сферы его интересов, но не исчезали из его поля зрения. Он считает своей обязанностью следить за тем, *«какие преступления происходят на европейском континенте»* [10, с. 427].

Это слежение опять-таки не ради выгоды и не для того, чтобы *«увидеть свое имя в очередном списке награжденных»*. *«Еще никогда не выпадало тебе случая оказать родине столь большую услугу»*, – говорит детективу Майкрофт, родной брат Холмса и одновременно правительственный чиновник, поручая разыскать похищенные секретные чертежи новой подводной лодки. Холмс оказывает эту услугу, разыскав похитителя и сохранив тем самым военные секреты. Он спасает правительство, найдя пропавший Морской договор, в котором определялась будущая политика Великобритании. Его расследование приводит даже к раскрытию заокеанской организованной преступности: Холмс разоблачает деятельность ку-клукс-клана, тайного общества, преследовавшего негров после гражданской войны в США, и шайки бандитов из Чикаго. И, наконец, Холмс разоблачает профессора Мориарти, ставшего символом мирового зла, и готов к сражению с ним.

О том, что престиж государства имеет для Холмса огромное значение, свидетельствует его помощь полиции Лондона. Несмотря на иронию в его отношении к штатным сотрудникам и профессионалам Скотланд-Ярда, он не отказывает им в поддержке. Полиция, как и сам Шерлок Холмс, стоит на защите интересов государства. Но Холмс – *«не чиновник на службе закона... Холмс – рыцарь на службе своего общества...»* [11]. Он не пытается изменить порядок вещей, законы государства. Так же, впрочем, как и сам писатель А. К. Дойл, который *«был осторожен, предпочитая не переходить известной грани»* [12, с. 340].

В XX в. в типологию образов английских джентльменов встраивается еще один образ – джентльмен-шпион. В образе Джеймса Бонда, созданном Я. Флемингом, сохраняются некото-

рые признаки джентльменства: привлекательный внешний облик Бонда напоминает известного актера, его костюм всегда тщательно подобран и соответствует ситуации. Так, на карточную игру в клуб Бонд отправляется в белой шелковой сорочке и черном шелковом галстуке, синих брюках и начищенной обуви, добавляя к этому образу необходимые аксессуары в виде заполненного сигаретами портсигара и чековой книжки.

Долженствующий, в соответствии с кодексом джентльмена, быть членом клуба, Бонд посещает клуб Блэйдз, хотя не является его постоянным членом. Некогда аристократический, но утративший аристократизм *«благодаря перераспределению богатств»*, он тем не менее был привлекателен для джентльменов.

Любимым способом времяпровождения Бонда была игра в карты. Так же, как Шерлок Холмс разбавлял жизненное однообразие разгадыванием необычных дел, Джеймс Бонд делает это, пытаясь угадать ход противника в сражениях на карточном поле. Почти в каждом из романов об агенте 007 есть сцена карточной игры. Бонду нравилась атмосфера карточного клуба, нравилось *«быть одновременно актером и зрителем, и, сидя в своем кресле, влиять на поступки людей, когда наступит его черед сказать „да“ или „нет“»* [13, с. 28].

Джеймсу Бонду свойственны и такие качества, сближающие его с принципами джентльменства, как верность долгу, преданность идеалам; как и Шерлок Холмс, он сражается со злом. Но если Холмс раскрывал преступления, совершенные на территории Англии, то Джеймс Бонд действует за ее пределами. Там разворачивается конфликт между силами добра и зла, которые в его глазах олицетворяют Англия и Советский Союз. Поэтому Бонд *«не будет работать в Англии... Его дело – за граница»* [14, с. 126]. Там он выполняет задания правительства Великобритании.

Это делает Джеймса Бонда не-англичанином. Он – британец. А *«британец периода расцвета империи всей душой верил, что Британия есть и должна быть сильнее любой другой страны мира»* [9, с. 144]. И он готов в любую минуту отправиться на самый край света, чтобы встать на защиту идеалов Великобритании, великой колониальной державы. Для этого он готов использовать любые средства, а его шпионский код – 007 – означает разрешение на убийство. Оно было частью его профессии, и Бонд старался сделать это *«наилучшим образом»*, то есть профессионально, без сожалений. Британец Джеймс Бонд не имеет права сожалеть, иначе Секретная служба может потерять *«восхитительную маши-*

ну». Поэтому шпионы-коммунисты в романе «Из России с любовью» или нацист из романа «Мунрейкер», скрывающийся под маской джентльмена и мечтающий отомстить Англии за проигранную Германией войну, обречены.

«Большинство англичан... получает острейшее удовольствие от того, что они – англичане...», – пишет Дж. Фаулз, имея в виду национальную идентичность жителей острова [9, с. 154]. У Джеймса Бонда на первый план выходит политическая идентичность, он – британец. Еще одно подтверждение этому – неполное соответствие его образа традиционному представлению об английском джентльмене. В частности, у него отсутствует любительство. Джеймс Бонд – профессиональный шпион, контрразведчик. И ничто не может отвлечь его от работы, даже, казалось бы, такое любительское занятие, как написание книги. Если любитель музыки сыщик Холмс написал монографию о творчестве франко-фламандского композитора XVI в. Орландо ди Лассо, то из-под пера Бонда может выйти только инструкция *«по секретным приемам обороны без оружия»*.

Работа для Бонда – прежде всего. Она хорошо оплачивается, и Флеминг не упускает возможности подробно рассказать о финансовой составляющей деятельности Джеймса Бонда.

Нельзя назвать джентльменским отношение Бонда к даме. У него нет и не предвидится семьи, а женщины, с которыми он встречается, либо сотрудницы британской секретной службы, либо аналогичные представительницы враждебного мира. Поэтому его отношения с женщинами приносятся в жертву работе. Комментируя их, У. Эко пишет: *«<...> завершая каждую эротическую историю смертью возлюбленной (смертью реальной или символической), Бонд волею неволей сохраняет свою чистоту англосаксонца-холостяка»* [15].

Джеймс Бонд – это результат новой реальности, возникшей в условиях «холодной войны», когда потребовался персонаж, ассоциирующийся как с образом английского джентльмена, так и с фигурой борца за возрождение британского могущества. Это сочетание придало образу Бонда э м б л е м а т и ч е с к и й характер, узнаваемый и напоминающийся во многом благодаря фильмам о супермене с участием известных актеров.

Еще один джентльмен-британец – Кристофер Бэнкс, герой романа К. Исигуро «Когда мы были сиротами» (2000). Его раннее детство прошло в Китае, где в начале 1900-х гг. он жил вместе с родителями, представлявшими английские компании. В этих обстоятельствах у него сформировалось неясное представление о собственной

идентичности и желание стать «более настоящим, истинным англичанином» [16, с. 79]. Смысл этой фразы станет ему ясен после переезда в Лондон, куда его отправили после исчезновения родителей. Там он окончит школу, отучится в Кембридже, станет профессиональным детективом. Конечно же, он мечтает стать английским джентльменом. Бэнкс внимательно наблюдает за поведением учеников, подражает им, стремится усвоить правила этикета. Квартира, которую он снимает, напоминает о быте английского джентльмена времен правления королевы Виктории: дубовый книжный шкаф, непременный чай с печеньем. Беседа с приятелем о политике и немецкой философии демонстрирует умение вести беседы на отвлеченные темы. Все эти детали позволяют причислить Бэнкса к категории джентльменов.

Кристофер Бэнкс стал знаменитым детективом, и после успешного раскрытия нескольких преступлений он становится популярной фигурой в фешенебельных лондонских кругах. Но он решил заняться не раскрытием банальных происшествий лондонского высшего света, а серьезными политическими вопросами. В этом его убеждает некто сэр Сесил Медхэрст, якобы сыгравший роль в создании Лиги Наций. Потом будет участие в конференциях, дискуссиях, встречи с важными персонами. С этого времени Бэнкс беспокоится не о частных проблемах, а о судьбе всего мира. Он оставляет удочеренную девочку с гувернанткой, отказывается от встреч с любящей его женщиной, объясняя это необходимостью спасти мир. Бэнкс – один из тех, кто уверен в том, что от него зависит судьба мира. Эта уверенность заставляет видеть в нем не англичанина, а британца.

Бэнкс отправляется в Шанхай, чтобы найти преступника, с которым связана череда политических убийств и который может быть причастен к исчезновению его родителей. Но миссия оказывается невыполнимой: Бэнкс найдет преступника, но ни одной мировой проблемы ему не удастся решить, причина исчезновения родителей тоже окажется не политической и не общественной, а обусловленной их личными взаимоотношениями. Кроме того, Кристофер чувствует себя глубоко травмированным, узнав, что его благополучие оплачено почти легальным наркобизнесом, поддерживаемым Англией и процветавшим в Китае в 1930-е гг.

Возвращение Бэнкса в Лондон – это возвращение к традиционному образу джентльмена, не профессионала, а любителя: он гуляет в парках, посещает выставки, в старых газетах читает статьи о некогда прославивших его расследованиях.

Бэнкс переосмысливает свои жизненные цели и приоритеты, пересматривает свое отношение к дочери, понимая, что ей, а не решению неких мировых проблем должен был уделять внимание.

Переоценка жизненной позиции как будто приводит Бэнкса к возвращению к типу джентльмена-англичанина, к пониманию того, что быть «более настоящим, истинным англичанином» значит не быть британцем. Но иногда на него «накатывает ощущение опустошенности», и тогда состояние этого персонажа оказывается близким ощущению Дж. Фаулза: «наша английскость все еще борется с нашей британскостью» [9, с. 148].

Проведенный анализ образа джентльмена в произведениях английских писателей XIX–XXI вв. позволяет выделить некоторые его типы. За основу типологии взята идея Дж. Фаулза об англичанах и британцах. Джентльмены Диккенса и Гарди при всех различиях – англичане, традиционный тип джентльменов, для которых важно владение землей или другой собственностью. Они не интересуются политикой и предпочитают любительство профессионализму.

Интересы Шерлока Холмса, джентльмена, сыщика-любителя также вне политики, но престиж государства для него имеет важное значение, и он выполняет поручения правительства. И даже разоблачает за океанские преступные организации, действующие в Англии. Холмс – это переходный тип от англичанина к британцу.

В созданном Я. Флемингом образе Джеймса Бонда сохраняются некоторые признаки джентльменства, преимущественно внешние. А по сути он – британец, борец за возрождение британского могущества в XX в. Эмблематический характер этому образу придали фильмы о нем с участием известных актеров.

Герой романа Кадзуо Исигуро мечтает стать «истинным англичанином», но уверенность в том, что именно от него зависит судьба мира, переводит его в разряд британцев. Утрата многих иллюзий возвращает его, хотя и не абсолютно, к английскости.

Список источников

1. Вольский Н. Сыщик-джентльмен, или Социальная роль детективного жанра. URL: <https://ruthenia.ru/volsky/txt/volsky-1.doc> (дата обращения: 12.02.2024).
2. Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 640 с.
3. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.

4. Михальская Н. П. Чарльз Диккенс. М.: Просвещение, 1987. 128 с.

5. Давиденко А. А. Понятие «джентльмен» в фокусе внимания британцев XIX века // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 287–299. URL: https://roii.ru/publications/dialogue/article/65_21/davidenko_a.a./ (дата обращения: 15.02.2024).

6. Проскурнин Б. М., Яшенкина Р. Ф. История зарубежной литературы XIX в.: западноевропейская реалистическая проза. М.: Флинта, Наука, 1998. 416 с.

7. Гениева Е. Ю. Великая тайна // Тайна Чарльза Диккенса. М.: Книжная палата, 1990. С. 9–59.

8. Зброжек Е. В. Викторианство в контексте культуры повседневности // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 35. С. 28–44.

9. Фаулз Дж. Быть англичанином, а не британцем (пер. И. М. Бессмертной) // Дж. Фаулз. Кротовые норы. М.: АСТ, 2004. С. 143–160.

10. Доил А. К. Сиятельный клиент // А. К. Доил. Рассказы о Шерлоке Холмсе. М.: НФ Пушкинская библиотека, АСТ, 2002. С. 423–448.

11. Сидоров В. Повседневная жизнь эпохи Шерлока Холмса и доктора Ватсона. URL: <https://www.litres.ru/book/vasilij-g-sidorov/> (дата обращения: 15.02.2024).

12. Урнов М. В. На рубеже веков. Очерки английской литературы. М.: Наука, 1970. 432 с.

13. Флеминг Я. Казино «Руайяль» (пер. С. Козицкого) // Я. Флеминг. Казино «Руайяль». Мунрейкер. Бриллианты вечны. М.: Пролог, 1992. С. 3–104.

14. Флеминг Я. Мунрейкер (пер. С. Музалевского, В. Мазитова) // Я. Флеминг. Мунрейкер. Голдфингер. М.: Aspect Press Ltd, 1992. С. 5–216.

15. Эко У. Повествовательные структуры в произведениях Иэна Флеминга. URL: <http://seanconneryfan.ru/str3/statia100.html> (дата обращения: 20.02.2024).

16. Исиуро К. Когда мы были сиротами / пер. И. Я. Дорониной. М.: АСТ, 2002. 318 с.

References

1. Vol'skii, N. (2006). *Syshhik-dzhentl'men, ili Sotsial'naya rol' detektivnogo zhanra* [A Gentleman Detective, or the Social Role of the Detective Genre]. URL: <https://ruthenia.ru/volsky/txt/volsky-1.doc> (accessed: 12.02.2024). (In Russian)

2. Vainshtein, O. B. (2017). *Dendi: moda, literatura, stil' zhizni*. [Dandy: Fashion, Literature, Lifestyle]. 640 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

3. Ossovskaya, M. (1987). *Rytsar' i burzhua: Issledovaniya po istorii morali* [Knight and Bourgeois: Studies on the History of Morality]. 528 p. Moscow, Progress. (In Russian)

4. Mikhal'skaya, N. P. (1987). *Charl'z Dikens* [Charles Dickens]. 128 p. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)

5. Davidenko, A. A. (2018). *Ponyatie "dzhentl'men" v fokuse vnimaniya britantsev XIX veka* [The Concept of "Gentleman" in the Focus of the British People's Attention in the 19th Century]. 287-299 pp. Dialog so vremenem. Vyp. 65. URL: https://roii.ru/publications/dialogue/article/65_21/davidenko_a.a./ (accessed: 15.02.2024). (In Russian)

6. Proskurnin, B. M., Yashen'kina, R. F. (1998). *Istoriya zarubezhnoi literatury XIX v.: zapadnoevropeiskaya realisticheskaya proza* [History of Foreign Literature of the 19th Century: Western European Realistic Prose]. 416 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)

7. Genieva, E. Yu. (1990). *Velikaya taina. Taina Charl'za Dikensa*. [The Great Mystery. The Mystery of Charles Dickens]. Pp. 5–59. Moscow, Knizhnaya palata Publishing House. (In Russian)

8. Zbrozhek, E. V. (2005). *Viktorianstvo v kontekste kul'tury povsednevnosti* [Victorianism in the Context of the Everyday Life Culture]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 35, pp. 28–44. (In Russian)

9. Faulz, Dzh. (2004). *Byt' anglichaninom, a ne britantsem* [To Be an Englishman, not a Briton]. Faulz Dzh. Krotovye nory. Pp. 143–160. Moscow, OOO Izdatel'stvo AST. (In Russian)

10. Doil, A. K. (2002). *Siyatel'nyi klient* [The Adventure of the Illustrious Client]. (Transl. by A. Zhukov, D. Zhukov). Doil A. K. Rasskazy o Sherloke Holmse. Pp. 423–448. Moscow, NF "Pushkinskaya biblioteka", OOO Izdatel'stvo AST. (In Russian)

11. Sidorov, V. *Povsednevnyaya zhizn' epokhi Sherloka Holmsa i doktora Vatsona* [Everyday Life of Sherlock Holmes and Doctor Watson Era]. URL: <https://www.litres.ru/book/vasilij-g-sidorov/> (accessed: 15.02.2024). (In Russian)

12. Urnov, M. V. (1970). *Na rubezhe vekov. Ocherki angliiskoi literatury*. [At the Turn of the Century. Essays on English Literature]. 432 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

13. Fleming, Ya. (1992). *Kazino "Ruiyal"* [Casino Royal]. (Transl. Kozitsky S.). Pp. 3–104. Moscow, OOO PROLOG. (In Russian)

14. Fleming, Ya. (1992). *Munreiker* [Moonraker. Goldfinger]. (Transl. Muzalevsky S., Mazitov V.). Pp. 5–216. Moscow, Aspect Press Ltd. (In Russian)

15. Eko, U. (2006). *Povestvovatel'nye struktury v proizvedeniyakh Iyena Fleminga* [Narrative Structures in the Works of Ian Fleming]. URL: <http://seanconneryfan.ru/str3/statia100.html> (accessed 20.02.2024). (In Russian)

16. Isiguro, K. (2002). *Kogda my byli sirotami* (per. I. Ya. Doronoi) [When We Were Orphans]. (Transl. by I. Y. Doronina). 318 p. Moscow, OOO Izdatel'stvo AST. (In Russian)

The article was submitted on 08.07.2024
Поступила в редакцию 08.07.2024

Абилова Фируза Абуталибовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Дагестанский государственный университет,
367000, Россия, Махачкала,
М. Гаджиева, 37.
abilovafiruza@mail.ru

Abilova Firuza Abutalibovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Dagestan State University,
37 M. Gadzhiev Str.,
Makhachkala, 367000, Russian Federation.
abilovafiruza@mail.ru

УДК 821.161

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-145-151

ОМАР ХАЙЯМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (РОМАН ВАРДВАНА ВАРЖАПЕТЯНА «ЗАПАХ ШИПОВНИКА»)

© Ринат Бекметов

OMAR KHAYYAM IN RUSSIAN LITERARY INTERPRETATION (VARDVAN VARZHAPETYAN'S NOVEL "THE SMELL OF A WILD ROSE")

Rinat Bekmetov

The article analyzes Vardvan Varzhapetyan's (born in 1941) novel "The Smell of a Wild Rose" (1974–1978), a biographical narrative about Omar Khayyam, the medieval Persian thinker, mathematician and poet. The novel is part of a trilogy about writers from different national cultures and historical eras: in addition to O. Khayyam, V. Varzhapetyan artistically recreated the images of Li Bai ("The Traveler with a Candle", 1981–1984) and Francois Villon ("The Ballad of Fate", 1978–1981). There are practically no literary works studying the named text (as, indeed, the entire trilogy). This determines the scientific novelty of the article. It clarifies the genre nature of V. Varzhapetyan's work and traces the mechanisms of O. Khayyam's image embodiment through the ratio of documented factual and aesthetic (imaginary) elements; discusses the issues related to the ways of conveying the oriental flavor in the work ("oriental style" as a component of poetics); draws attention to its structural plan (a compositional ring as one of the techniques for coupling episodes and chapters). In the novel, O. Khayyam is not just a cheerful reveler, a regular of drinking establishments. He is a man with a subtle, receptive soul, suffering from the imperfections of the surrounding world, from the evil spread in it in the broadest sense of the word (ranging from ignorance and bad taste to the horrors of violence, murder and deception). It reflects the "Mozartian" context of a creative personality's fate: on the one hand, the ease of acceptance of being (hence the game motif of the Khayyam model of everyday behavior), on the other – the tragedy of the situation arising from the inability to fully realize good intentions, to purify the world from the filth of total recklessness. "The Smell of a Wild Rose" (the symbolism of the name is obvious) is the novel version of the universal "matrix" of human life as an eternal search for truth and beauty, set out on Iranian cultural material.

Keywords: Omar Khayyam, Vardvan Varzhapetyan, "The Smell of a Wild Rose", novel, genre modification, image system

Статья посвящена анализу романа Вардвана Варткесовича Варжапетяна (род. в 1941 году) «Запах шиповника» (1974–1978) – биографического повествования об Омаре Хайяме, средневековом персидском мыслителе, математике и поэте. Роман входит в состав трилогии о писателях разных национальных культур и исторических эпох: помимо О. Хайяма, В. Варжапетян художественно воссоздал образы Ли Бо («Путник со свечой», 1981–1984) и Франсуа Вийона («Баллада судьбы», 1978–1981). Литературоведческих работ, ставивших целью изучить названный текст (как, впрочем, и всю трилогию) практически нет. Этим определяется научная новизна статьи. В ней уточняется жанровая природа сочинения В. Варжапетяна, а также прослеживаются механизмы воплощения образа О. Хайяма через соотношение документально достоверной фактографии и эстетических (воображаемых) элементов; рассматриваются вопросы, связанные с передачей восточного колорита в произведении («ориентальный слог» как компонент поэтики); обращается внимание на его структурный план (композиционное кольцо как один из приемов сцепления эпизодов и глав). О. Хайям в романе – не просто жизнелюбивый гуляка, завсегдатай питейных заведений. Он еще и человек с тонкой, восприимчивой душой, страдающий от несовершенств окружающего мира, от разлитого в нем бесконечного зла в широком значении слова (в диапазоне от невежества и дурновкусия до ужасов насилия, убийств, обмана). В нем отражен «моцартовский» контекст судьбы творческой личности: с одной стороны, легкость приятия бытия (отсюда – игровой мотив хайямовской модели бытового поведения), с другой – трагизм ситуации от невозможности в полной мере реализовать благие замыслы, очистить ими мир от скверны тотального безрассудства. «Запах шиповника» (несомненна символичность названия) – изложенная на иранском культурном мате-

риале романная версия универсальной «матрицы» человеческой жизни как вечного поиска истины и красоты.

Ключевые слова: Омар Хайям, Вардван Варжапетян, «Запах шиповника», роман, жанровая модификация, образный строй

Для цитирования: Бекметов Б. Омар Хайям в русской литературной интерпретации (роман Вардвана Варжапетяна «Запах шиповника») // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 145–151. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-145-151

Имя Вардвана Варткесовича Варжапетяна нельзя отнести к числу широко известных, если за основу популярности брать количество филологических обращений к нему. Чтобы убедиться в этом, достаточно полистать разновременные подшивки библиографического журнала-указателя ИНИОН РАН либо задать имя автора в поисковике интернет-платформы «Киберленинка»: в обоих случаях придется констатировать, что названный писатель не является объектом рефлексивного внимания ученых. Между тем нельзя согласиться с подобным положением дел как минимум по двум причинам. Во-первых, Варжапетян – современный писатель с солидным стажем, и, во-вторых, что существеннее, написанные им тексты чрезвычайно интересны, поскольку созданы (скажем об этом без намека на высокопарную фальшь затверделых словесных формул) талантливой рукой, пронизательным умом и добрым сердцем – тремя базовыми элементами писательского мастерства.

Начнем с краткой биографической справки, систематизировав определенный материал, имеющийся в открытом интернет-доступе.

В. В. Варжапетян родился 21 сентября 1941 г. в Уфе – столице советской Башкирии (семья эвакуировалась туда, когда немцы подошли к окрестностям Москвы; Варжапетяны жили в уфимском бараке подселенными к ревизору железнодорожных путей; в 1943 г. они с трудом вернулись домой, в Москву). Отец писателя¹ окончил Ереванский художественный техникум и мечтал, чтобы сын пошел по стопам родителя («отец хотел сделать из меня художника, как столяр Джузеппе – выстругать из полена мальчика», – вспоминал Варжапетян о ранних годах [1]). Однако ни желания, ни способностей к живописи у сына не было². В 1958 г. он окончил среднюю школу в

Москве и пошел служить в ряды Советской армии (ракетные войска за Уралом).

В конце 1960-х гг. Варжапетян поступил на заочное отделение факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова (завершил обучение в 1971 г.)³. Как А. И. Куприну, ему пришлось сменить множество профессий, прежде чем он определился с журналистской стезей. Послужной список Варжапетяна включал такие специальности, как столяр (после школы, не помышляя о дальнейшей учебе, трудился на обувной фабрике «Парижская коммуна»), «плотник, лаборант, экспедитор, охранник, почтальон, охотник, грузчик, рабочий сцены» [3, с. 4]. Будучи журналистом, он сотрудничал со столичными и провинциальными изданиями: «Литературная газета», «Огонек», «Литературная учеба», «Отчизна», «Тувинская правда» (жил в Кызыле, столице Тувы). В 1990-е гг. благодаря его усилиям выходил в свет армяно-еврейский вестник «Ной»⁴, в котором на русском языке печатались поэтические и драматические произведения, сочинения эпической формы, публицистика, афоризмы, интервью; в журнале публиковались и переводные тексты⁵.

этой непростой работы. Отметим попутно и то, что тема судьбы творческой личности, ее внутренних мук в поисках красоты и гармонии станет одной из ведущих в писательской деятельности Варжапетяна.

³ В частном разговоре с журналистом Ф. Деревянкиным Варжапетян характеризовал московское образование как «крайне низкое» («почти все по блату были там»). В Московском университете он учился два последних года, а по два предыдущих – на заочных отделениях факультетов журналистики Уральского и Казанского университетов [2]. Научным руководителем дипломной работы у Варжапетяна в Московском университете был Д. Э. Розенталь (1900–1994), автор популярных учебных пособий и словарей-справочников по орфографии и пунктуации русского литературного языка.

⁴ Всего в период с 1992 по 1997 гг. – ровно 20 номеров.

⁵ Контент этого издания, редакторская политика, связанная с отбором и размещением материалов, заслуживают отдельного исследовательского внимания, как часть истории отечественной литературно-художественной журналистики, факт далекой эпохи,

¹ Его жена, мать Варжапетяна, Анастасия Петровна, в девичестве Хохлова, – русская, неграмотная, родилась в деревне Медведино Рязанской области.

² Как это часто бывает, жизнь порой сводит человека с теми людьми, чью профессию он по-настоящему не сумел освоить: Варжапетяну судьба потом подарила огромное количество встреч с выдающимися мастерами армянского изобразительного искусства, точно давая возможность выразить в слове все своеобразие

Им была написана книга «Число бездны» – многостраничный фолиант, состоящий из цифр; каждая цифра обозначала погибшего в Холокост еврея или еврейки⁶. Первая прозаическая книга Варжапетяна «Баллада судьбы» вышла в издательстве «Советский писатель» в 1983 г. (она содержала два романа: «Запах шиповника», об О. Хайяме, и «Баллада судьбы», о Ф. Вийоне; при перепечатке этих произведений в 1987 г. в издательстве «Книга» к ним был добавлен роман о Ли Бо «Путник со свечой»; три романа в итоге образовали трилогию о людях творческого поиска). Первый сборник стихов «Поле» – в 2014 г. (серия «Библиотечка Союза писателей Москвы», «книжка-визитка», ее «удобно носить с собой, приятно дарить, легко читать» [3, с. 3], ср. «rocket-book»)⁷. Варжапетян – автор нового перевода Торы; занимался он переложением рубаи Хайяма [5]. Перу Варжапетяна принадлежат сочинения просветительского толка («Сад цветущих букв», об армянском алфавите [6]). Печатался он в журналах «Дружба народов» и «Знамя» (см. рассказ «Жизнь Найденова» [7] и «Книга сказок» [8], в

хотя бы на уровне обобщенной описательности; эта тема другой статьи.

⁶ Замысел этот родился при посещении в Израиле мемориального комплекса истории Холокоста «Яд ва-Шем». Важным был принцип, легший в основу издания, – показать, что за цифрой стоит уникальная человеческая жизнь, необычный духовный мир и что всякая числовая округленность, которой иногда грешат историки в силу рода научных штудий и которую повторяют вслед за ними обыватели, непозволительна, под абстрактным углом реальность страшно искажается...

⁷ Сборник в потоке разнокачественной поэтической продукции 2000-х гг. не стал особенным событием (как, к примеру, в целом остались незамеченными – вновь судим по количеству литературно-критических отзывов и научно-филологических рефлексий – по своему замечательные лирические книги А. А. Долина, род. в 1949 г., российского японоведа и переводчика, см.: [4]). Однако он интересен, с одной стороны, тем, что составлен писателем-прозаиком (когда прозаик обращается к противоположному роду художественности, это вызывает любопытство: так, мы – подчас с удивлением – узнаем, что Ф. М. Достоевский писал стихи, М. Е. Салтыков-Щедрин увлекался стихотворчеством, Л. Н. Толстой сочинял ритмизованные произведения), а с другой – тем, что в нем использовался верлибр (возможно, по этой причине сборник и не вошел в орбиту читательского внимания: свободный стих, в подражание западным формам поэзии, занял прочное место в русской художественной системе, потеснив чеканный размер с рифмовкой – наследие советской традиции), ср., например, стихотворение «Воспоминание об Аральском море», в котором присутствует образ О. Хайяма [3, с. 8].

которой заметно влияние народного стиля Л. Н. Толстого). С 1974 г. Варжапетян – член Союза журналистов СССР; с 1986 г. – член Союза писателей СССР; с 2009 г. – член ПЕН-центра.

«Запах шиповника» – первый роман трилогии Варжапетяна, написанный в период с 1974 по 1978 г. Произведение это долго не печаталось, несмотря на положительные отзывы рецензентов, среди которых была М. О. Чудакова (1937–2021)⁸. Публикации помог случай. Автор пришел в издательство «Советский писатель» с рукописью о Хайяме и Вийоне. Ему отказали, однако он, человек с характером, настоял на том, чтобы его произведения остались в редакционной папке. Неожиданно в издательстве начались проверки, в ходе которых обнаружили правонарушения (составлялись договоры на ненаписанные сочинения). Попавшего в опалу заведующего отстранили, была сформирована новая редколлегия, которая, найдя готовую рукопись, отдала ее на очередное рецензирование. Один отзыв оказался «хвалебным», другой – «разгромным», третий – «хорошим», он и поставил точку в мытарствах Варжапетяна, дав добро на публикацию, вышедшую 100-тысячным тиражом и быстро распроданную. После успеха Варжапетяна приняли в Союз писателей СССР, и он мог заниматься творчеством, рассчитывая на оперативное издание своих трудов [2].

«Запах шиповника» начинается с путевой интриги, смысл которой раскрывается в финале. Некий старик, учивший в медресе Хайяма, идет в Нишапур, родной город персидского философа. По дороге около обугленной шелковицы он обнаруживает брошенного младенца, неистово плачущего ребенка-грудничка («*пищал, как птенец*» [9, с. 94]). Старик из жалости кормит его пережеванными во рту, скатанными в шарик листьями подорожника, однако стрела внезапно появившихся всадников убивает «учителя Хайяма», вонзившись ему в спину. Мальчик-сирота был забран служащим шахской администрации, а позднее продан в рабство. Брезгливо прозванный «Аффаном» («Тухлой Рыбой»), он затем, пройдя испытания (голод, холод, окрики, побои, труд невоготу), станет учеником Хайяма. Этот вымышленный композиционно замкнутый эпизод понадобился автору для того, чтобы передать атмосферу жизни средневекового Ирана: вопре-

⁸ Сам Варжапетян описывал свое положение следующим образом: «Приходишь в толстый журнал <в редакцию. – Р. Б.>, первый вопрос: „Вы член Союза писателей?“ – „Нет“ – „А Вам надо быть членом Союза писателей...“. Приходишь в издательство, они <сотрудники. – Р. Б.> тоже говорят: „А Вы член Союза писателей? Заколдованный круг“» [2].

ки расхожему мнению, возникшему за счет эффекта «аберрации», наука, культурная среда являлись тогда роскошью; эпоха характеризовалась иными принципами повседневного существования – жестокостью, морализаторством толпы с ее заскорузлыми стереотипами, и лишь случай, основанный на чувстве милосердия, способен был побороть инерцию разлитого в мире зла (Аффана из рабства выкупил цеховой переписчик Ибн Маджид, подарив ему свободу, дабы тот не превратился в «отупевшее животное» [Там же, с. 169]). Спасительность случая-чуда – в этом заключается концепция жизни, согласно Варжапетяну.

Как главный персонаж Хайям впервые появляется в главе «Северный ветер»⁹. Развернутого портрета героя мы в тексте не найдем; в описании Хайяма автор лаконичен, в первом приближении сказано, что, выезжая из Нишапура и отправляясь в Балх с караваном, «Хайям плотнее запахнул халат из верблюжьей шерсти» [Там же, с. 96]. Этот ход не случаен: Варжапетян создает не «каменное изваяние», а яркую «фигуративность»: его Хайям – человек движения, неутомимой страсти. Он – не оторванный от земных дел ученый, а открытая миру личность, которой не чужда стихия грубого народного смеха (верному ученику ал-Исфазари он рассказывает историю, связанную с халифом Муавией, который славился кротостью характера: к тому однажды во дворец пришел молодой человек, бродяга в грязной, изношенной одежде, и заявил, что хотел бы жениться на его овдовевшей матери, поскольку она, как якобы гласила молва, обладала «большим задом», «я же, – подчеркнул он, – люблю большой зад» [Там же, с. 97]¹⁰; показательна

глава «Балаганщик», в которой рассказано, как Хайям с интересом наблюдает за импровизированным кукольным театром на городской площади и становится свидетелем его разгона за мнимое богохульство со стороны власть имущих – «хранителей эмирских туфель» [Там же, с. 115]). Возникает на первых страницах и тема вина – в реалистическом ключе, как способ согреться после поездки в заснеженный день ([Там же, с. 101]); в дальнейшем она смыкается с потребностью Хайяма быть счастливым ([Там же, с. 115]). Но принципиальнее иное: Варжапетян обращает внимание на соположенность в мировоззрении Хайяма веры и науки. В советское время взгляды Хайяма трактовались различно; среди толкований если не превалировала, то была заметна позиция, ориентированная на выстраданный «атеизм» Хайяма. У Варжапетяна же Хайям – знаток науки и Корана. Так, ал-Исфазари он объясняет: «Если ты стал часто обращаться к Корану, чем к трудам Евклида и ал-Хорезми, тебе непростительно не знать, что терпение Создателя безгранично...» [Там же, с. 97]. Более того, Хайям молится, его пятикратный намаз – часть ежедневной жизни ([Там же, с. 100, 121, 168]). Хайям вспоминает хадж в Мекку, посещение Каабы, встречу с камнем, вмурованным в ее восточный угол, – для поэта это символ реальности, которая расположена по ту сторону земных связей [Там же, с. 137, 148]. Ощущая приближение смерти, Хайям в одиночестве припадает к земле, касается губами травы и, прочитывая суру «ал-Фатиха», просит прощения у Всевышнего с утверждением (в суфийском духе) о том, что «мое знание о Тебе <знание, почерпнутое через постижение тайн мироздания. – Р. Б.> – мой путь к Тебе...» [Там же, с. 168]. Вместе с тем это не мешает Хайяму считать молитву – видом рутины, которая отвлекает от главного труда. Одним из радостных событий его жизни были ночные бдения в Исфahanской обсерватории. «А днем досаждали люди, суета, молитвы...» [Там же, с. 148].

Можно заметить еще одну черту Хайяма в авторском изложении. Речь героя соединяет повседневное с высоким. Хайям может переходить от одной темы к другой – без искусственных склеек и смещений. Вопросы бытовой жизни занимают Хайяма в равной мере с вопросами о том, сколько весит снежинка и каков ее объем ([Там же, с. 99]). В этом амбивалентном сочленении заложена мысль о жизни как игре, в которой все взаимообусловлено; в параметрах евро-

⁹ Первая глава упоминает его сторонним образом, подобно тому как о Печорине читатель лермонтовского романа узнает вначале со слов штабс-капитана Максима Максимыча, в зеркале чужого восприятия, в кругозоре другого мнения.

¹⁰ Исторический Муавия, если, конечно, под ним понимается Муавия ибн Абу Суфьян (593–680), основоположник Омейядской династии, описывался в арабоязычных источниках, скорее, как носитель формального благочестия, в качестве умелого политика. По-видимому, правильнее было бы говорить не о его кротости, а о его терпеливости, благоразумии, мягкости; он действовал не силой, а уговорами. Источники выделяют в его чертах малый рост, крепкое телосложение, короткие ноги, большую голову и глаза, которыми он пристально смотрел, приводя собеседника в замешательство. Он был добродушен и искренен; когда кто-то из приближенных шутил, желая развеселить халифа, он весело, без задней мысли смеялся. В этой перспективе тот факт, что молодой человек в ро-

мане Варжапетяна после оскорбительных слов не был наказан, представляется достоверным.

пейской культуры перед нами «моцартовско-пушкинский» взгляд, нацеленный на приятие бытия и противопоставленный «сальеризму», бесплодному умствованию. Речь Хайяма не цветиста, она проста, изобилует афоризмами ([Там же, с. 107, 135]).

Варжапетян, таким образом, демонстрирует нам живого Хайяма, который выше всего ценит профессионализм («когда мне нужен кувшин, – говорит он гончару Муроду-Али, – я иду к тебе» [Там же, с. 119]). Воссоздавая живое начало, не обходит стороной автор любовный сюжет. Он включает два измерения: душевное (будучи одиноким, Хайям хотел бы разделить наступающую старость с юной женой-возлюбленной) и эротическое. Последнее воплощается через детали-намёки. Так, когда герой определился с выбором (им стала Зейнаб, дочь Мурода-Али¹¹), Варжапетян вводит контексты: указание на месяц «михр», «когда орехи... стучат по крышам, спугивая котов» [9, с. 123]; упоминание 2-ой суры Корана («Задув светильник, он <Хайям. – Р. Б.> приходил к Зейнаб – развязать пояс ее шальвар, ведь сказано в Коране: „Женщина вам пашня, пашите ее как угодно“» [9, с. 124]); описание пятки Зейнаб [9, с. 123]. Любовь в интерпретации Варжапетяна – сила оптимистическая, облагораживающая, возвышающая. Тем трагичнее выглядит судьба Хайяма: Зейнаб умирает во время родов, с ней умирает рожденный ею младенец – ребенок Хайяма. Для него это, с одной стороны, повод воспринимать счастье как иллюзию¹², с другой – Хайям пробует найти объяснение своей судьбе в том, что наука и поэзия, которой он посвятил жизнь, нужны людям. Да, рассуждает герой, мир, в который мы заброшены, напоминает кукольный театр; он похож на гончарный круг, вращающийся без остановки; поэзия и наука должны внести осмысленность в происходящее; его, Хайяма, заслуга перед обществом состоит в умении раскрыть тайны мира, его загадки. Тем не менее Хайям колеблется, «мир, – уверяет он, – не стал богаче с твоим приходом и не обеднеет, когда ты уйдешь» [Там же, с. 164]. Люди не мудры, они живут дразгами, взаимопонимание – редкость. Кроме того, Хайям подмечает невозможность осуществить социальную гармонию: благородная идея в

процессе воплощения претерпевает искажение, меняется. Мысль эта конкретизируется образом Хасана ибн Саббаха, который ради достижения цели обустройства общины на началах исмаилитской философии прибегал к репрессиям, переходил кровавую черту¹³.

Сочинение Варжапетяна называют повестью. Это не совсем точно. Отличие повести от романа не в объеме написанного, а в характере сюжета. В повести он строится хронологически, линейно; в романе используются композиционные инверсии. Перед нами упорядоченная «мозаика», назначение которой – показать судьбу гениального человека, драму его жизни и идей. Хайям вписан в историческое время, сквозь призму которого проглядывает универсальный архетип. Прав был Б. Ш. Окуджава, аттестовавший «Запах шиповника» в качестве «романа-притчи» [Там же, с. 7]. Символизм заложен в названии текста. Шиповник, по версии Варжапетяна, любимое растение Хайяма. Оно целительно; с ним также связывается победа ароматного запаха над запахами остальных цветов в восточном саду; его благоухание длится дольше, даже если цветок засох и пролежал нечаянно закладкой в рукописной книге [Там же, с. 149]. Запах шиповника – запах благоденствия. Когда он пропадает – уходит жизнь с ее раздумьями о прожитом. Нельзя сказать, что роман пессимистичен: у Хайяма остался ученик, которому суждено пройти «путь от терний к звездам». Как сам Варжапетян в отзыве о романе М. Д. Симашко, посвященном жизни Хайяма, подчеркнул, что его герой попал в безысходную ситуацию, которая все же не предполагает полной беспомощности, окончательной катастрофы [10, с. 260], так и мы можем сказать: «Безысходность, но не бессилие!».

Роман проникнут духом персидского Востока. Не в последнюю очередь ориентальный эффект создается лексикой, она определяет специфику авторского стиля, ориентированного на «восточный слог». Представление о восточных лексемах можно получить из составленного нами «Словаря» (см. приложение).

Роман Варжапетяна о Хайяме, как и всю трилогию о писателях Востока и Запада, предстоит изучить; тема, естественно, далеко не закрыта. Среди перспектив – обращение к архивно-издательским материалам: так, надо познако-

¹¹ Вызывает, правда, сомнения, что Зейнаб на правах супруги могла оказаться в доме Хайяма тайно, без процедуры бракосочетания, через обычную устную договоренность жениха с отцом невесты...

¹² Человек в оптике древней и средневековой идеологии – звено в цепи многочисленных поколений, лист на кроне дерева, и Хайяму, бесспорно, жаждалось продлить себя в детях.

¹³ Изображая секретную встречу Хайяма с лидером еретической секты в главе «Дорога в Тус», Варжапетян придерживается мнения, что они вместе учились в медресе, дав обещание по его завершении помогать друг другу. Историки все же склоняются к тому, что это – легенда, она не соответствует действительности.

миться с первыми рецензиями на произведения автора и соотнести их между собой.

Приложение.

Словарь восточных лексических единиц
(на материале романа В.В. Варжапетяна
«Запах шиповника»)

1) «Аллах», 2) «Коран», 3) «Кааба», 4) «сура», 5) «айят», 6) «намаз», 7) «мечеть», 8) «минарет», 9) «мудзин», 10) «шейх», 11) «имам», 12) «чалма», 13) «медресе», 14) «мактаб», 15) «хаджи», 16) «дервиш», 17) «суфий», 18) «мусульмане», 19) «ихрам» (кусоч белой материи), 20) «шах», 21) «султан», 22) «визирь», 23) «эмир», 24) «кади» (судья), 25) «факир» (аскет), 26) «фарраш» (слуга), 27) «тюбетейка», 28) «тюрбан», 29) «паранджа», 30) «тайласан» (накидка), 31) «джубба» (верхняя одежда), 32) «халат», 33) «шальвары», 34) «касаб» (вид ткани), 35) «кумган», 36) «афтобе» (кувшин), 37) «шахматы», 38) «алгебра», 39) «калам», 40) «караван», 41) «караван-баш», 42) «караван-сарай», 43) «шахристан» (центр города), 44) «базар», 45) «майдан», 46) «арык», 47) «айван» (веранда), 48) «чайхана», 49) «чайханщик», 50) «майхана» (питейный дом), 51) «шатер», 52) «суфа» (скамья), 53) «ковер», 54) «чай», 55) «пиала», 56) «дастархан», 57) «плов», 58) «изюм», 59) «кебаб» (блюдо из мяса), 60) «халва», 61) «финики», 62) «шербет», 63) «шурпа», 64) «арбуз», 65) «хурма», 66) «рейхан» (базилик), 67) «масгуп» (рыбное блюдо), 68) «фарсанг» (мера длины), 69) «дирхем», 70) «динары», 71) «кират» (мера веса), 72) «бахча», 73) «дарья» (река), 74) «жасмин», 75) «рубай», 76) «касыда», 77) «рубаб» (музыкальный инструмент), 78) «шахривар» и 79) «михр» (месяцы иранского календаря), 80) «гашиш», 81) «мухаррам» (месяц лунного календаря), 82) «ана-ша», 83) «кайф», 84) «шакал».

Список источников

1. Варжапетян В. Мои художники. Истории о больших мастерах и живой воде // Независимая газета. 14.12.2023 г. URL: https://www.ng.ru/style/2023-12-14/8_8903_style.html?ysclid=Iwhl9wxe325449457 (дата обращения: 10.05.2024).
2. Деревянкин Ф. Четыре сна Вардвана Варжапетяна. URL: <https://sreda.v-a-c.org/ru/read-17> (дата обращения: 10.05.2024).
3. Варжапетян В. В. Поле: стихи. М.: Союз писателей Москвы, 2014. 32 с.
4. Долин А. А. Сутра гор и вод: избранные стихотворения. СПб.: Гиперион, 2014. 336 с.
5. Хайям О. Рубай / пер. В. Варжапетяна. М.: Полина, 1998. 288 с.
6. Варжапетян В. Сад цветущих букв: рассказ о том, как Месроп Маштоц создал армянский алфавит, а народ сберег его. М.: Малыш, 1991. 40 с.

7. Варжапетян В. Жизнь Найденова: рассказ // Знамя. 2022. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/2/zhizn-najdenova.html> (дата обращения: 12.05.2024).

8. Варжапетян В. Книга сказок // Знамя. 2012. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/7/kniga-skazok.html> (дата обращения: 12.05.2024).

9. Варжапетян В. В. Путник со свечей. М.: Книга, 1987. 304 с.

10. Варжапетян В. Восхождение к Хайяму // Дружба народов. 1980. № 8. С. 258–260.

References

1. Varzhapet'an, V. *Moi khudozhniki. Istoriy o bol'shikh masterakh i zhivoi vode* [My Artists. Stories about Great Masters and Living Water]. *Nezavisimaya gazeta*. 14.12.2023. URL: https://www.ng.ru/style/2023-12-14/8_8903_style.html?ysclid=Iwhl9wxe325449457 (accessed: 10.05.2024). (In Russian)
2. Derev'anin, F. *Chetyre sna Vardvana Varzhapet'ana* [Vardvan Varzhapetyan's Four Dreams]. URL: <https://sreda.v-a-c.org/ru/read-17> (accessed: 10.05.2024). (In Russian)
3. Varzhapet'an, V. V. (2014). *Pole: stikhi* [A Field: Poems]. 32 p. Moscow, Soyuz pisetelei Moskvyy. (In Russian)
4. Dolin, A. A. (2014). *Sutra gor i vod: izbrannyje stikhotvoreniya* [The Sutra of Mountains and Waters: Selected Poems]. 336 p. St. Petersburg, Giperion. (In Russian)
5. Khayam, O. (1998). *Rubai* [Rubai]. *Perevod V. Varzhapet'ana*. 288 p. Moscow, Polina. (In Russian)
6. Varzhapet'an, V. (1991). *Sad tsvetuskhikh bukv: rasskaz o tom, kak Mesrop Mashtots sozdal armya'nskiy alfavit, a narod sber'og ego* [The Garden of Blooming Letters: The Story of How Mesrop Mashtots Created the Armenian Alphabet, and the People Saved It]. 40 p. Moscow, Malys. (In Russian)
7. Varzhapet'an, V. (2022). *Zhizn' Naidenova: rasskaz* [Naydenov's Life: A Story]. *Znamya*. No. 12. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/2/zhizn-najdenova.html> (accessed: 12.05.2024). (In Russian)
8. Varzhapet'an, V. (2012). *Kniga skazok* [The Book of Fairy Tales]. *Znamya*. No. 7. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/7/kniga-skazok.html> (accessed: 12.05.2024). (In Russian)
9. Varzhapet'an, V. V. (1987). *Putnik so svechoi* [The Traveler with a Candle]. 304 p. Moscow, Kniga. (In Russian)
10. Varzhapet'an, V. (1980). *Voskhozhdeniye k Khayamu* [The Ascent to Khayyam]. *Druzhba narodov*. No. 8, pp. 258–260. (In Russian)

The article was submitted on 25.06.2024
Поступила в редакцию 25.06.2024

Бекметов Ринат Ферганович,
доктор филологических наук,
профессор,
руководитель Центра по изучению наследия
Льва Толстого,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Head of Leo Tolstoy's Heritage Studies Center,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru

УДК 821.161

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-152-157

БУДДА В КРУГОЗОРЕ МУСУЛЬМАН: ОЧЕРК-СТАТЬЯ ЛЬВА ТОЛСТОГО «БУДДА» В ТАТАРСКОМ И ПЕРСИДСКОМ ПЕРЕВОДАХ

© Ринат Бекметов, Мохаммад-Джавад Пейкани

THE BUDDHA IN MUSLIMS' WORLDVIEW: THE ESSAY-ARTICLE "THE BUDDHA" BY LEO TOLSTOY IN TATAR AND PERSIAN TRANSLATIONS

Rinat Bekmetov, Mohammad Javad Peikani

The article provides a comparative and contrastive analysis of Leo Tolstoy's essay "The Buddha" in Tatar and Persian translations. We briefly describe the history of "The Buddha" creation and characterize the Tatar translation of Leo Tolstoy's work, made at the beginning of the 20th century, as well as the Persian translation, carried out much later. In addition, in a concise form, we present creative portraits of the Tatar and Persian translators, providing their biographical data. On the one hand, the conceptual and substantive "core" of the article reflects the need to highlight, based on textual examples, the history of Tatar and Persian appeals to Leo Tolstoy; on the other hand, it seeks to understand the strategy of translation skills oriented towards the exact rendering of the Russian original. Both translations can be classified as adequate. At the same time, in some cases, there is "subjectivization" of Tolstoy's philosophical-religious and figurative-literary wording, due to the fact that the translators belong to the area of Eastern spiritual and cultural traditions. The article identifies some particular research problems. In the Tatar part, they are associated with the importance of studying the life and work of Nazip Khalfin (1886–1937), the translator of "The Buddha" (there is still very scarce information about him). In the Persian part, similarly, it is necessary to collect and systematize information about Arbob Rukhi (1914–1973), a figure of Iranian culture, the translator of "The Buddha" (and other works of Russian and Western classics). The gaps in their biographies and oeuvre are due to the historical events. In one case, for Tatar culture, they were caused by the tragic circumstances of the October Revolution of 1917 (repressions against the Tatar intellectual elite, anti-Muslim propaganda, the change of the Tatar alphabet); in the other, by certain ideological "excesses" that arose in Iran after the Islamic Revolution of 1979 (at the same time, the attitude to social changes that it brought about is beyond any doubt).

Keywords: Leo Tolstoy, Russian literature, "The Buddha", Tatar translation, Persian translation, reception, text

В статье дается сравнительный и сопоставительный анализ татарского и персидского переводов очерка Л. Н. Толстого «Будда». Кратко излагается история создания «Будды»; характеризуется татарский перевод толстовского произведения, сделанный в начале XX века, а также персидский перевод, осуществленный позднее. Кроме того, в сжатом виде представлены творческие портреты татарского и персидского переводчиков, приведены их биографические справки. Концептуально-содержательное «ядро» статьи связано с необходимостью на текстовых примерах, с одной стороны, осветить историю татарского и персидского обращений к Л. Н. Толстому, а с другой – понять стратегию переводческого мастерства, ориентированного на отражение русского оригинала. Оба перевода могут быть отнесены к числу адекватных. Вместе с тем в отдельных случаях наблюдается «субъективизация» толстовского философско-религиозного и образно-литературного слова, обусловленная принадлежностью переводчиков к ареалу восточной духовной и культурной традиции. В статье также обозначаются частные исследовательские проблемы. В татарской части они сопряжены с важностью изучения жизни и творчества Назипа Латыповича Хальфина (1886–1937), переводчика «Будды» (информация о нем до сих пор носит скудный характер). В персидской части аналогично этому требуется в более подробном регистре собрать и систематизировать сведения об Арбобе Рухи (1914–1973), деятеле иранской культуры, переводчике «Будды» (и других сочинений русских и западных классиков). Лакуны в их биографиях и наследии обусловлены исторической ситуацией. В одном случае они были вызваны трагическими для татарской культуры обстоятельствами Октябрьской революции 1917 г. (репрессии в отношении татарской интеллектуальной элиты, антимусульманская пропаганда, смена татарского арабографического письма); в другом – определенными идеологическими «перегибами», возникшими в Иране после Исламской револю-

ции 1979 г. (установка на социальные перемены, которую она собой воплощала, не вызывает сомнений).

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, русская литература, «Будда», татарский перевод, персидский перевод, рецепция, текст

Для цитирования: Бекметов Р., Пейкани М.-Д. Будда в кругозоре мусульман: очерк-статья Льва Толстого «Будда» в татарском и персидском переводах // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 152–157. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-152-157

Известен интерес Л. Н. Толстого к учению Будды. Он возник не случайно. Толстой, развивая свои мировоззренческие взгляды, основанные на идее непротивления злу насилием, не мог обойти вниманием буддийскую философию; он подошел к необходимости ее изучения в силу внутреннего духовного движения, опыт Будды и его адептов оказался ему глубоко созвучным. В то же время буддизм – в числе других моралистических доктрин Востока – определенным образом влиял на толстовскую концепцию жизни, если не корректировал, то, коррелируя с ней, уточнял ее, являлся фоном, контекстом, благодаря которым мысли Толстого о человеке получали дополнительные аргументирующие акценты.

Среди сочинений Толстого, посвященных буддизму, по-особому выделяется очерк под названием «Будда»¹. Он входит в «Круг чтения» – собранные писателем и размещенные по календарному принципу афористические суждения авторов разных исторических эпох и национальных традиций о жизни, совести, взаимоотношениях людей – всем том, что составляет «ядро», «костяк» человеческой мудрости в ее практическом каждодневном применении².

¹ Вопрос о жанровой номинации текста нами здесь не рассматривается (см.: [1]); сам Толстой предпочитал употреблять слово «статья» – широко используемый в XIX в. термин для такого рода эпических произведений.

² История создания «Круга чтения» хорошо исследована. Начало работы над книгой относится к середине 1880-х гг., когда у Толстого созрел план составления «Календаря с пословицами на 1887 год». Ее прообразом стал «Франклиновский журнал» – кодекс нравственного поведения Б. Франклина (1706–1790), американского философа и ученого-просветителя. Как правило, выделяют три этапа работы Толстого над текстом произведения: 1) вариант 1903 г. (опубликованный издательством «Посредник» сборник «Мысли мудрых людей на каждый день»), 2) первая редакция, изданная в 1906 г., 3) вторая редакция 1908 г., вышедшая из печати после смерти писателя с цензурными купюрами (в полном виде эта версия увидела свет в 1957 г. в составе юбилейного академического полного собрания сочинений автора, правда, мизерным тиражом). Была заметна и эволюция: если в варианте 1903 г. преобладали чужие изречения, то в редакциях

Толстой поместил «Будду» в раздел «Недельное чтение» между 11 и 12 февраля (середина месяца). Его текст представляет собой творческую переработку статьи «Буддизм», взятой из 8-го полутома Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (экземпляр полутома хранится в яснополянской библиотеке). Писатель отметил в нем не только те места, которые он позаимствовал для нового изложения; Толстой также внес собственные исправления в справочную статью, это касалось фактической стороны жизни Будды. Авторский текст подвергался многочисленным переделкам и в рукописях, и в корректуре для того, чтобы конечная мысль сочинения, его стиль обрели простоту, доступность в рамках дидактической программы, которую проповедовал ее автор. Важно подчеркнуть, что замысел очерка о Будде относится к концу 1885 – началу 1886 г., когда Толстой задумал издать популярные книги о вероучителях прошлого. С этой целью он собирал большой научный материал на европейских языках и в русских переводах; его переписка с В. Г. Чертковым этого времени свидетельствует, сколь глубоко автор «Войны и мира» вошел в ориентальную тему. Более того, этой темой Толстой увлек, наряду с В. Г. Чертковым, и сотрудников «Посредника», выслав им конспект работы, а затем снабжая их соответствующими

последующих лет – толстовские, взятые из дневника, писем, заметок с яркой тенденцией к обезличиванию, приглушению, нейтрализации индивидуально-авторского голоса, как это было принято в фольклоре, народной литературе (с нашей точки зрения – в средневековых сочинениях, в том числе и прежде всего восточных). По этой причине Толстой, переводя оригинал какого-либо изречения или сюжетного текста, не придерживался буквы перевода, он активно «вмешивался» в подлинник, полагая, что «Божью правду» надо ставить выше «авторитета писателя» (письмо к В. Г. Черткову от 22 февраля 1886 г.) [2, т. 85, с. 323]; иную, общепринятую, распространенную позицию в этом вопросе, направленную на более бережное отношение к чужому слову, он считал «вредным предразсудком», который приносит «очень много зла», его, писателя, задача заключалась в том, чтобы сделать книгу «доступною и полезною большинству читателей» [2, т. 42, с. 407–408] (см.: [2, т. 42, с. 557–583], [3]).

щей литературой и настойчиво прося завершить начатое дело, которым он, однако, по своему обычаю остался не удовлетворен («все слишком цветисто, слишком подделка под библейский тон», – мягко журя, упрекал он А. И. Эртеля, трудившегося над переработкой текста, в письме к В. Г. Черткову от 9 ноября 1889 г.) (см.: [2, т. 25, с. 887–890]). Начальный вариант очерка – набросок «Сиддхарта, прозванный Буддой, то есть святым» (1886) – по замечанию А. И. Шифмана, «интересен тем, что содержит не только поэтическое изложение традиционной легенды о рождении Сакья-Муни, но и сведения об Индии, ее истории и философии» [4, с. 123]; это, по нашему мнению, помимо «уважения писателя к далекому народу и его культуре» [Там же], выражает и чисто просветительские установки Толстого – рассказать о другой национальной культуре, выявляя как ее отличия от русской, так и ее сходства с ней. В любом случае толстовский замысел не пропал, найдя окольными, ветвистыми путями свое воплощение в ином «проекте».

Разумеется, «Будда» не мог не быть переведен на языки восточных культур. Вопрос о библиографии восточных переводов этого произведения остается открытым (как, впрочем, и западных), составление полного списка переводов – задача будущего. А. И. Шифман в книге о диалоге Толстого с Востоком зафиксировал лишь персидские переводы «Будды» [4, с. 349, 351, 353]. Между тем существовал татарский перевод этого сочинения, причем, во-первых, сделанный еще при жизни писателя (Толстой о нем не знал, в каталоге яснополянской библиотеки его нет), а во-вторых, судя по всему, являющийся первым восточным переводом «Будды», если не первой переводной копией «Будды» вообще.

Татарский перевод был опубликован в 1908 г. в виде отдельной книжки карманного формата в казанской типографии «Үрнәк» («Образец»), принадлежавшей издательству «Сабах» («Заря») [5], [6]. Книжка не имела ни графических, ни цветных иллюстраций; небольшой формат служил цели удешевления издательских расходов (цена брошюры – 5 коп.); публикатор ориентировался на широкую (демократическую) читательскую аудиторию, книжка была 10-ой по счету в серии «Уку китапханәсе» («Библиотека для чтения», «Учебная библиотека»); оборот издания (подложка) включал рекламную афишную информацию о тех книгах, которые вышли в свет, и тех, которые только планировались к публикации; примечательно, что из 15 пунктов списка 9

(имея в виду «Будду») занимали переводы произведений Толстого³.

На обложке и титульном листе брошюры обозначены инициалы переводчика – «Н. Х.» («ن.خ»). «Н. Х.» – это, как сумели установить З. З. Гилазев и Р. А. Айнутдинов, сотрудники Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, «Назип Хальфин» ([7, с. 417])⁴.

Сведений об этом деятеле татарской культуры крайне мало; необходимо провести тщательное историко-архивное исследование, чтобы получить более полное представление о его жизни и деятельности, в том числе переводческой. Вот данные, почерпнутые нами из открытых источников (как печатных, так и электронных).

Мухаммед-Назип Латыпович Хальфин родился 12 июня 1886 г. в селе Телянче-Тамак Останковской (Башинды-Останковской, тат. Останкау) волости Мензелинского уезда Уфимской губернии. По рождению он принадлежал к династии Хальфиных – купцов, благотворителей, ученых, промышленников. Окончил Татарскую учительскую школу в Казани (1908), юридический факультет Казанского Императорского университета (1914). Был участником всероссийских мусульманских съездов⁵, членом исполнительного комитета Милли Шура (Национальное собрание, 1917–1918), Учредительного собрания по Казанскому избирательному округу от мусульман (1917). С начала 1920-х гг. трудился на Кавказе, в Баку, на преподавательской и научной должности в Азербайджанском университете. Журналист и критик, он являлся автором статей

³ «Аллаһ хаклыкны күрә, ләкин тиз әйтми» («Бог правду видит, да не скоро скажет»), «Ашурий падшаһасы Асархадун» («Ассирийский царь Асархадон»), «Буш барабан» («Пустой барабан»), «Өч сәәль» («Три вопроса»), «Кешегә күпмә йир кирәк?» («Много ли человеку земли нужно?»), «Җиләкләр» («Ягоды»), «Жүләр зәйдүк» («Неверующий»), «Гыйлем вә жәһил» («Ум и глупость»). О каких толстовских произведениях идет речь в двух последних случаях, еще предстоит понять, поэтому мы берем переводы названий с татарского на русский в квадратные скобки внутри круглых.

⁴ В работе годичной давности одного из авторов настоящей статьи говорилось, что полное имя татарского переводчика нужно будет определить [1, с. 93]. При этом, к сожалению, им оказалась неучтенная статья 2018 г. (приуроченная к 190-летию со дня рождения Толстого) указанных авторов, в которой расшифровка инициалов татарского переводчика была дана.

⁵ I-го – в Москве (дом Шамси Асадуллаева, 1–11 мая 1917 г.) и II-го – в Казани (21 июля – 2 августа 1917 г.).

о Г. Исхаки (1878–1954) и Ю. Акчуре (1876–1935), членах татарского национального движения, писателях-эмигрантах. Он перевел на татарский язык труд Карла Фукса «Казанские татары, в статистическом и этнографическом отношении». Его супругой была Марьям Губайдуллина (1892–1933), этнограф, член Научного общества татароведения (Казань), музейный работник, родная сестра историка Г. Губайдуллина (1887–1938). В сталинские годы Н. Хальфин подвергся репрессиям. Дата его смерти – 3 октября 1937 г.

На персидский язык «Будда» был переведен в середине 1920-х гг.⁶

В середине 1940-х гг. вышел новый перевод «Будды», переизданный в 1950-е гг. Автором этого перевода был Арбоб Рухи (1914–1973).

Он родился в Ашхабаде. Его отец Насрулла разделял взгляды бахаи⁷. В эпоху правления династии Каджаров (1795–1925) представителей этого идеологического направления преследовали, поэтому семья в 1850-е гг. была вынуждена перебраться на север страны⁸. Начальное образование А. Рухи получил в медресе, однако закончил государственную школу, после чего в 1930-е гг. продолжил обучение в Ленинградском электротехническом институте (отсюда – прекрасное знание русского языка). Институтский курс не завершил⁹. Вернувшись в Иран, А. Рухи поступил на юридический факультет Тегеранского университета. В 1940-е гг. он начал работать там в качестве преподавателя русского языка и литературы. Именно в эти годы А. Рухи активно занимался переводами: переводил Г. Андерсена, Ш. Перро, А. Доде, перевел учебник «История древнего мира» под редакцией И. М. Дьяконова, книгу М. А. Дандамаева «Иран при первых Ахеменидах». А. Рухи был пропагандистом русской литературной классики в Иране: его перу принадлежат переводы сочинений А. П. Чехова (новеллы и пьесы), М. Горького (трагедия «Васса Железнова»), А. Н. Толстого (роман «Петр Первый»). Что касается Л. Н. Толстого, то А. Рухи перевел не только его «Будду», но также «Севастопольские рассказы» и другие произведения.¹⁰

После Исламской революции 1979 г. имя А. Рухи как человека, разделявшего идеологию бахаистского движения, было включено в цензурный список. В последние годы жизни А. Рухи занимался переводами научной литературы, работал переводчиком-референтом в Министерстве водных ресурсов и электроэнергетики Ирана. Умер в Тегеране и был похоронен на кладбище бахаи.

И татарский, и персидский переводы «Будды» в целом можно считать достаточно адекватными. При этом анализ показывает, что татарский перевод был сделан с издания 1906 г. [11], а персидский – с 1908 г. [2, т. 41, с. 96–101]: так, сюжетный зачин у них разный (ср. татарский: «*Бенарестан шимальга таба берничэ көнлек юлда Гималай тагъларының итагендэ кабил элмилад йиденче гасырның әүвәлләрендэ Сәкы кабиләсенәң падишаһысы Судхудана хөкем сөрмәкдә иде*» [5, с. 2]. – букв. «В нескольких днях пути к северу от Бенареса, у подножия Гималайских гор, в седьмом столетии по милади <григорианскому календарю. – Р. Б., М-Д. П.> правил над племенем сакьев царь Судхудана»; персидский: «*دو هزار و پنجاه سال قبل در قزوستان*» [9, с. 12]. – букв. «Две тысячи пятьсот лет назад в Индии жил царь по имени Судхедан»¹¹; можно заметить сходные ошибки переводчиков: в татарском случае указано неверное столетие – седьмое вместо пятого, и нетрудно догадаться почему¹², в персидском – вместо 2400 (лет назад) дается округленное 2500, переводчик не стал входить в числовые детали толстовского текста, не придал им значения).

Из-за обращенности к различным редакциям толстовского текста переводы отличаются и в основной части.

Вот татарское портретное описание больного, встреченного Буддой в городе, когда он вместе со слугой-возницей Чанной тайно оставил дворец, чтобы посмотреть, что же происходит за его пределами: «*Ул кешенең йөзе кызарган, агызы [авызы] ачылган, үзе бетерелеб юыстенасы янына утырган, агыр [авыр] гына сулый вэ кызганыч бер сүрәтдә кычкырыб егълый [елый] иде*» [5, с. 4]. – букв. «Лицо этого человека было

⁶ Имя переводчика нам пока неизвестно.

⁷ Религиозно-философское учение, возникшее в XIX в. в Иране и считавшееся еретическим (см.: [8, с. 86–127]).

⁸ До 1881 г., года заключения Ахалакского договора, Ашхабад входил в состав Персии.

⁹ Дом и нажитое имущество в Ашхабаде было отнято новой (большевистской) властью.

¹⁰ В 1940-е гг. они вышли отдельным сборником «Будда и другие рассказы», в 1950 г. этот сборник был перепубликован под новым названием «Сева-

стопольские рассказы и другие» [9], с тем же (последним) названием – в 2010 г. [10].

¹¹ Ср. у Толстого в редакции 1906 г.: «*В нескольких днях пути к северу от Бенареса, у подножия Гималайских гор, в начале V века до Р. Х. царствовал над племенем сакиев Судходана*» [11, с. 110], в редакции 1908 г.: «*Две тысячи четыреста лет тому назад жил в Индии царь Судходана*» [2, т. 41, с. 96].

¹² В арабском письме знак «V» означает цифру «7»; произошло наложение латинского числа на арабграфическое восприятие татарского переводчика.

10. لیس توئس و سوانیپول و لسیان های فگریت مرانفرطن، 9211، ص379

11. Кругъ чтенія: избранныя, собранныя и расположенныя на каждый день Львомъ Толстымъ мысли многихъ писателей объ истинѣ, жизни и поведеніи / издание «Посредника», напечатанное подъ личнымъ наблюдениемъ Л.Н. Толстого. № СXXXII. Томъ первый. М.: Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская улица, соб. домъ. 1906. С. 110–115.

References

1. Bekmetov, R. F. (2023). *Ocherk L'va Tolstogo "Budda" v perevode na starotatarskii yazyk* [Leo Tolstoy's Essay "The Buddha" Translated into the Old Tatar Language]. Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Lev Tolstoy i mirovaya literatura"; Materialy XVII Mezhdunarodnogo seminara perevidchikov proizvedenii L. N. Tolstogo i drugikh russkikh klassikov. Vyp. 22, pp. 89–106. Muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Yasnaya Pol'ana". (In Russian)
2. Tolstoy, L. N. (1928–1958). *Polnoye sobraniye sochinenii: v 90 tomakh* [Complete Works: In 90 Volumes]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Khudozhestvennaya literatura". (In Russian)
3. Nikol'ukin, A. (1991). "Eta radostnaya rabota" (*Krug zhizni velikogo russkogo pisatel'a*) ["This Joyful Work" (the great Russian writer's circle of life)]. Tolstoy, L. N. *Krug chteniya. Izbrannye, sobrannye i raspolozhennye na kazhdyi den' L'vom Tolstym mysli mnogikh pisatelei ob istine, zhizni i povedenii: v 2 tomakh*. Vol. I (Janvar' – Avgust). Pp. 5–17. Moscow, izd-vo politicheskoi literatury. (In Russian)
4. Shifman, A. I. (1971). *Lev Tolstoy i Vostok* [Leo Tolstoy and the East]. 552 p. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. (In Russian)

5. Budda (1908) [The Buddha]. Məkhərire: graf Lev Tolstoy, mətərzhime: N. Kh. 12 p. Kazan', Elektro-tipografiya "Urnek". (In Tatar)

6. Tolstoy, L. N. (2023). *Budda* [The Buddha]. 2nche basma (tekstny R. F. Bekmetov əzərləde). 48 p. Kazan, "Shkola" redaktsiya-nəshriyat yzəge. (In Tatar)

7. Gil'azev Z. Z, Ainutdinov, R. A. (2018). *Prizhiznennyye izdaniya L. N. Tolstogo na tatarskom yazyke v kollektivyakh krupnykh bibliotek Kazani* [Lifetime Tatar Translations of Leo Tolstoy's Works in the Collections of Major Libraries in Kazan]. Bibliotekovedenie. Vol. 67. No 4, pp. 413–419. (In Russian)

8. Ivanov, M. S. (1982). *Antifoedal'nye vosstaniya v Irane v seredine XIX v.* [Anti-feudal Uprisings in Iran in the Middle of the 19th Century]. 247 p. Moscow, Nauka, Glavnoe izdatel'stvo vostochnoi literatury. (In Russian)

9. لیس توئس و سوانیپول و لسیان های فگریت مرانفرطن، 9231، ص379 [Wolestoy, Swastpol and Dastan High Deger, translated by Arbab Rouhi, Tehran, Frain, 1329, 271 pages]. (In Persian)

10. لیس توئس و سوانیپول و لسیان های فگریت مرانفرطن، 9211، ص379 [Swastpol and Dastan High Degree, Tehran, Frain, 1395, 271 p.]. (In Persian)

11. *Krug chteniya: izbrannye, sobrannye i raspolozhennye na kazhdyi den' L'vom Tolstym mysli mnogikh pisatelei ob istine, zhizni i povedenii* (1906) [Reading Circle: The Thoughts of Many Writers on the Truth, Life and Behavior, Selected, Collected and Arranged for Every Day by Leo Tolstoy]. Izdanie "Posrednika", napechatannoe pod lichnym nabl'udeniem L. N. Tolstogo. No CXXXII. Tom pervyi. Pp. 110–115. Moscow, Tipo-litografiya T-va I. N. KUSHNEREV i K°. Pimenivskaya ulitsa, sob. dom. (In Russian)

The article was submitted on 12.08.2024
Поступила в редакцию 12.08.2024

Бекметов Ринат Ферганович,
доктор филологических наук,
профессор,
руководитель Центра по изучению наследия
Льва Толстого,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Пейкани Мохаммад-Джавад,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
j.paykani@yahoo.com

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Head of Leo Tolstoy's Heritage Studies Center,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru

Peikani Mohammad Javad,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
j.paykani@yahoo.com

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-158-163

ПРОБЛЕМА ПОСТПАМЯТИ В РОМАНЕ ЕЛЕНА ЧИЖОВОЙ «ГОРОД, НАПИСАННЫЙ ПО ПАМЯТИ»

© Татьяна Бреева

THE PROBLEM OF POST-MEMORY IN ELENA CHIZHOVA'S NOVEL "THE CITY WRITTEN FROM MEMORY"

Tatiana Breeva

Based on Elena Chizhova's novel "The City Written from Memory", the article examines the nature of the memory problem function in modern Russian literature. The problem of memory has become one of the dominant ones in Russian literature since the second half of the twentieth century. The turn of the 20th–21st centuries is characterized both by a change in the content of the problem of historical memory and its structure. The problem of memory is beginning to give way to the problem of post-memory, characteristic of a fairly wide range of texts, their greater part consisting of the works of femme prose. The problematization of post-memory, in the form presented in modern works of femme prose, takes place in the context of Marianne Hirsch's ideas, primarily her work "The Generation of Post-Memory. Writing and Visual Culture after the Holocaust". This concept involves the consideration of commemorative practices in the transfer of inter- and trans-generational experiences as the basis for the formation of affiliation memory. Along with Maria Stepanova's "Memory of Memory", Elena Chizhova's novel is one of the most representative texts in post-memory literature. The article examines the strategies that make up the "family romance" and reveals the performative nature of memory: family photographs, audio recordings of the stories of the narrator's mother, Vera, and the dumbness of her grandfather and father. The main plot of the novel becomes the narrator's reflection on the process of developing family and affiliation post-memory, which simultaneously performs an identification function. Both processes are metaphorized, the first option is metaphorized by the "fabric theme", the second by the metaphor of lifting the blockade.

Keywords: femme prose, problem of post-memory, commemoration, affiliation post-memory

В статье рассматривается характер функционирования проблемы памяти в современной русской литературе на примере романа Елены Чижовой «Город, написанный по памяти». В русской литературе проблема памяти становится одной из доминирующих начиная со второй половины XX века. Рубеж XX–XXI веков характеризуется не только изменением содержания проблемы исторической памяти, но и ее структуры. Проблема памяти начинает уступать место проблеме постпамяти, характерной для достаточно широкого круга текстов, важную часть которого составляют произведения фем-прозы. Проблематизация постпамяти в том виде, в каком она представлена в современных произведениях фем-прозы, происходит в контексте идей Марианны Хирш, прежде всего ее работы «Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста». Данная концепция предполагает рассмотрение коммеморативных практик, участвующих в передаче меж- и транспоколенческого опыта, как основы формирования аффилиативной памяти. Наряду с «Памятью памяти» Марии Степановой роман Елены Чижовой является одним из наиболее репрезентативных текстов в литературе постпамяти. В статье исследуются стратегии, составляющие «семейный роман» и обнаруживающие перформативный характер памяти: семейные фотографии, аудиозаписи рассказов матери повествовательницы, Веры, и немота деда и отца. Основным сюжетом романа становится рефлексия повествовательницей процесса формирования семейной и аффилиативной постпамяти, выполняющей одновременно и идентификационную функцию. Оба процесса метафоризируются, первый вариант метафоризируется «темой ткани», второй – метафорой снятия блокады.

Ключевые слова: фем-проза, проблема постпамяти, коммеморация, аффилиативная постпамять

Для цитирования: Бреева Т. Проблема постпамяти в романе Елены Чижовой «Город, написанный по памяти» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 158–163. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-158-163

Вторая половина XX в. в русской литературе характеризовалась достаточно последовательным смещением интереса с исторического нарратива к проблеме исторической памяти. В определенной степени это было обусловлено девальвацией особого статуса истории как основы личной и коллективной самоидентификации, выступающей следствием завершения системы утопического миронастроения, определяющего интеллектуальное сознание в России на протяжении всего Нового времени. Историческая память воспринимает от исторического нарратива его идентификационную функцию, однако интерсубъективная установка, определяющая идентификационную модель на протяжении долгого времени, уступает место предельной субъективизации. Историческая память напрямую связывается с категорией опыта, освоение которого и становится основанием для осуществления процесса самоидентификации. Начиная с середины XX в. определяется этический характер процесса освоения данного опыта, репрезентацией этого выступает концептуализация идей истории и исторической памяти по крайней мере в двух знаковых для художественного сознания второй половины XX в. текстах – «Доктор Живаго» Б. Пастернака и «Поэма без героя» А. Ахматовой.

Подобный вариант существования проблемы исторической памяти сохраняется практически на протяжении всей второй половины XX в. При этом особую значимость приобретает непосредственность переживания исторического опыта, что во многом обусловлено принципиальным расхождением коммеморативных практик политики памяти и коммуникативной памяти. Это мотивирует актуализацию литературы свидетельства и неизменность обращения к проблеме исторической памяти как некоей доминанте, которая объединяет принципиально разные художественные тексты, такие как романы Ч. Айтматова, произведения Ю. Трифонова, В. Катаева.

Сформированная культурная травма в позднесоветский и постсоветский периоды начинает характеризоваться практически полным исчезновением существующего в предыдущие десятилетия, пусть и в несколько редуцированном виде, несовпадения политической истории и сакральной истории. Основным содержанием культурной травмы становится травматический опыт советского, причем его значимость определяется по крайней мере двумя факторами. Во-первых, отсутствием механизмов люстрации в отноше-

нии советского прошлого, что обеспечивает пролонгированный характер этого травматического опыта. Во-вторых, кризис коллективной идентичности постсоветской России, приобретающий травматический характер, напрямую связывается с переживанием советского опыта.

Однако рубеж XX–XXI вв. характеризуется не только изменением содержания проблемы исторической памяти, но и ее структуры. Проблема памяти начинает уступать место проблеме постпамяти, характерной для достаточно широкого круга текстов, важную часть которого составляют произведения фем-прозы. Сюда можно отнести такие тексты, как прозаический сборник «Детство 45–53: а завтра будет счастье» (2013), «Памяти памяти» Марины Степановой (2017), «Седьмая щелочь» Полины Барсковой (2020) и т. д. Весьма репрезентативным для данной группы становится роман Елены Чижовой «Город, написанный по памяти», журнальная версия которого вышла в свет в 2018 г., а книжная появилась год спустя.

Данная группа текстов составляет часть общей литературы постпамяти, идеологической основой которой становятся теоретические построения «memory studies». Более того, книга Марины Степановой позволяет сузить общий контекст «memory studies» до работ Марианны Хирш. Практически в начале своего произведения она фиксирует наличие и внешней, и внутренней связи с работами этой исследовательницы: «Я тогда читала книгу Марианны Хирш „Поколение постпамяти“ – примерно как путеводитель по собственной голове» [1]. В целом книга Степановой во многом представляет собой художественную рецепцию идей постпамяти, и, учитывая ее значимость для русской версии литературы постпамяти, можно с большой вероятностью предположить, что сам подход Марианны Хирш к рассмотрению данной проблемы весьма активно оказывается задействован в этой группе произведений фем-прозы. Косвенным свидетельством этого может служить опосредованная соотнесенность названия романа Чижовой «Город, написанный по памяти» с названием одной из работ Хирш – «Призраки дома: Загробная жизнь Черновица в еврейской памяти», написанной ею в соавторстве с Лео Шпитцером в 2010 г.

В работе «Поколение постпамяти» Марианна Хирш фиксирует, что сам термин возник как результат исследования авторефлексии писателей и

художников, принадлежащих ко «второму поколению» («вторым поколением» или «поколением *после*» в узком смысле становится поколение детей, чьи родители пережили Холокост, а в широком оно включает в себя совокупность поколений, участвующих в передаче культурной памяти о травме, – в терминологии Яна Ассмана). «„Постпамять“ описывает отношения, которые „поколение после“ выстраивает с личной, коллективной и культурной травмой тех, кто жил до них, – с теми переживаниями и опытом, что они „помнят“ только посредством историй, изображений и поступков, среди которых они выросли. Но этот опыт был передан им так глубоко и эмоционально, что казался определяющим их воспоминания» [2, с. 22].

При этом в определении границ постпамяти важную роль для исследовательницы играет дихотомия памяти и против(контр)памяти как противостояние двух стратегий коммеморации. Коммеморативная практика противопамяти становится результатом осуществления определенных практик политики памяти, реализующих государственный властный дискурс. В основном именно стратегии противопамяти становятся предметом рефлексии в ее работах. Кроме того, Хирш фиксирует значимость для своих рассуждений двух призм – семья и гендер. Семья рассматривается как одна из аффилиативных структур памяти, в основе которой лежит процесс передачи «меж- и транспоколенческого <...> травматического знания и воплощенного опыта» [Там же, с. 23]. Гендер связывается с проблемой возвращения «голоса» «немым» жертвам истории.

В рассмотрении аффилиативных структур памяти особую значимость приобретает вопрос о знаковой системе, ее побуждающей и формирующей. Здесь на первый план выдвигается система визуальных знаков, среди которых особую значимость приобретает фотодокумент, причем личного, приватного свойства (достаточно сказать, что одна из первых работ Хирш 1997 г. называется «Семейные рамки: фотография, повествование и постпамять»).

Переходя к анализу романа Елены Чижовой, следует отметить, что этот текст написан в уже существующем идеологическом поле, явно демонстрируя свою связь и с «Памятью памяти» Степановой, и (по крайней мере через нее) с идеями «постпамяти» в целом.

Сама Чижова презентует свой роман следующим образом: «„Город...“ – это подлинная история моей семьи. С поправкой на свойства человеческой памяти. И здесь нет ни одного вымышленного героя. Но этот роман – не традици-

онная семейная сага. Я не пережила революцию, войну, блокаду и в этом смысле могу полагаться только на чужую память, которая стала частью моей. Мы, живущие в XXI веке, на все эти события смотрим из настоящего времени. Но я не думаю, что нам следует смотреть на историю глазами родителей, бабушек и дедушек. Да это и невозможно. У нас другой исторический опыт. В отличие от них, мы знаем, чем все закончилось и к чему пришло» [3].

Даже в этом высказывании фиксируется внимание на вопросе о способах передачи меж- и транспоколенческого опыта. В самом тексте романа наблюдается последовательное акцентирование каналов передачи этого знания/опыта. При всей своей неоднородности они начинают составлять то, что Хирш называет «семейным романом», имеющим перформативный характер. Среди этих каналов можно выделить три: семейные фотографии, аудиозаписи рассказов матери повествовательницы, Веры, и немота деда и отца. Немота деда подчеркивается характером документа – это похоронка, немота отца стала предметом обсуждения в одном из интервью Чижовой; на вопрос об отсутствии в книге голоса отца писательница отвечает следующим образом: «...по сравнению с женскими голосами в нашей семье голоса мужчин звучали тише» [Там же].

Очевидно, что неоднородность каналов передачи травматического опыта во многом определяется гендерным различием. Семья повествовательницы является воплощением так называемой женской семьи (в этом смысле перекликаясь с предшествующим творчеством писательницы). Практически открытой манифестацией этого становится одно из сочетаний блокадной версии «тайного» языка, который слышит повествовательница в детстве – «*мальчикине живут*». Мужское молчание является достаточно показательным, отчасти формируя то, что можно назвать «сюжетом отца». Хирш, анализируя «Мауса» Арта Шпигельмана и «Аустерлиц» Винфрида Г. Зебальда, говорит о «сюжете матери», отсутствующей в семейной истории Мауса (по крайней мере в первом издании) и семейной истории Аустерлица; существование матери и в том, и в другом случае подтверждается единственной фотографией, причем в романе Зебальда эта фотография формирует ложное воспоминание героя. «Сюжет отца» становится в романе Чижовой своего рода такой же стратегией репрезентации значимого отсутствия, не столько отсылая к весьма устойчивому в массовом сознании героическому воплощению исторического нарратива, сколько акцентируя именно травматический дискурс.

«Звучащими» стратегиями репрезентации прошлого становятся фотографии и рассказы матери, которые демонстрируют перформативный характер памяти. Всего в романе шесть фотографий: три «взрослые», две «детские» и одна смешанная. На первых трех фотографиях изображена мать и прабабушка повествовательницы. В отношении них стратегия репрезентации прошлого может быть рассмотрена через бартовское прочтение фотоснимка, когда на первый план выдвигается не репрезентативная, а коммуникативная природа фотодокумента, фиксируемая понятием *punctum*, становящимся «примером эмоциональной связи между зрителем и образом» [4].

В первых трех фотографиях романа подобной точкой пересечения становится «тема ткани», о которой мы поговорим чуть позже. Две детские фотографии представлены, скорее, через мотив утраты, фиксируя, кто из изображенных на них не пережил блокаду. На последней фотографии изображена повествовательница на коленях у прабабушки, в руках у нее книга, на странице которой угадываются силуэты некоей родительской пары. Последнюю фотографию отделяет от первой фотографии прабабушки пятьдесят лет, причем акцентируемая временная дистанция становится своего рода поиском общности объекта изображения.

Аудиозаписи так же, как и фотографии, перестают быть однозначными свидетельствами прошлого, точно так же подчеркивая перформативный характер памяти. Доказательством этого служит практически всегда осязаемый и нередко педалируемый повествовательницей зазор между памятью матери и «общей памятью», зазор тем более очевидный, что все записанные воспоминания – это воспоминание о детстве матери, и, следовательно, наблюдается смещение значимых акцентов.

Перформативная природа памяти предопределяет особую значимость нарративной организации текста. В одной из аннотаций произведение Чижовой определяется как роман-расследование, что по сути своей неверно. Основным сюжетом романа становится рефлексия повествовательницей процесса формирования семейной и аффилиативной постпамяти, выполняющей одновременно и идентификационную функцию. Оба процесса метафоризируются, первый вариант метафоризируется «темой ткани». Выражением же аффилиативной постпамяти становится в романе постепенно формируемый образ петербуржцев, идеологически близкий той художественной структуре, которая определяет,

например, образ хуррамабадцев в одноименном романе Андрея Волоса.

«Тема ткани» как основа «семейного романа» соединяет две генеалогические линии, формирующие общую родовую постпамять. Она в романе тоже метафоризирована в образе шепчущих голосов, свидетельницей которых становится повествовательница (здесь активизируется достаточно традиционный для современной фем-прозы прием презентации родовой памяти, которая оказывается доступна героине в рамках визионерского пространства). Причем если женская линия родовой памяти, связанная с бабушкой Дуней, Евдокией Тимофеевной, прочерчивается с опорой на личный опыт, фото, аудиозаписи и т. д., то линия жизни второй прабабки – Марии Лукиничны Рябиной, презентующей «мужскую» часть семьи, оказывается во многом угадываемой повествовательницей.

Однако, несмотря на разность каналов передачи, история бабушки Дуни оказывается не менее угадываема, скрываясь не за системой масок, как Рябина, а за системой слов: «*мягкие части, больница коняшина, мальчишки не живут*», «*конка, городской, карета скорой помощи*». Оба эти номинативных ряда звучат на страницах романа неоднократно, в том числе и время почти мистического разговора в ротонде, невольной свидетельницей которого явилась повествовательница. Этот эпизод с наибольшей открытостью манифестирует перформативный характер памяти:

«<...> ступая по их словам, как по цепочкам смыслов, я впервые осознала: мы и они существуем в разных мирах. Не в мистическом смысле (это само собой). А в том, что у нас разная память» [3].

Образным воплощением процесса собирания этой семейной постпамяти выступает штопка:

«Но еще раньше бабушка научила меня штопать. Следила, чтобы я работала медленно и аккуратно... <...> Будто на моем „грибке“ не рваный носок, а ... Положим, прореха во времени. Которую надо не залапать, наложив грубую заплату, а медленно и аккуратно заштопать» [Там же].

В структуре романа семейная постпамять соотнесена с аффилиативной постпамятью, причем композиционно это начинает рассматриваться как двухэтапный процесс: первая глава (а по сути первая часть) посвящена истории семьи до рождения повествовательницы, вторая соотнесена с ее личными воспоминаниями. Подобная композиция поддерживается различением стратегий коммеморации, которые, однако, парадоксально начинают взаимодействовать друг с другом: пе-

реживание «семейной истории» становится основанием для формирования аффилиативной памяти города и принадлежащих ему горожан.

В этом случае становится понятным замкнувшийся круг «семейной истории»; повествовательница апеллирует не к матери и к бабушке, а к прабабушке, впервые переехавшей из деревни в Петербург и начинающей «городскую», петербургскую историю семьи. Значимость этого круга в начале романа подчеркивается появлением ложной интриги, когда, рассказывая об авантюрно-романтической истории знакомства и женитьбы родителей, повествовательница уточняет наличие «не красящих мою прабабушку подробностей», никак далее не расшифровываемых. Евдокия Тимофеевна закладывает основы петербургского существования семьи, которые затем подхватывает ее внучка и правнучка. Причем это петербургское существование предполагает не столько вариант вписывания в уже существующую ткань города, сколько формирование этой внутренней зависимости, нити которой были сформированы переживаемой исторической трагедией, кульминационным моментом которой становится блокада.

Если постпамять «семейной истории» реконструируется распускаемой и вновь создаваемой «штопкой», то аффилиативная память репрезентируется в романе метафорой снятия блокады. В этом случае блокада Ленинграда оказывается лишь *punctum* (в терминологии Барта), облегчающей процесс идентификации повествовательницы. Символическим знаком советского «террора» становится присутствие ларв (лярв), воплощающих в древнеримской мифологии дух умершего злого человека. Именно так объединяются личная память повествовательницы с общезначимой памятью. Роман начинается и завершается композиционной рамкой, представляющей столкновение повествовательницы со Смертью в визионерском пространстве. Ее стратегия коммеморации, обнажающая процесс формирования «петербуржан», оборачивается победой над Смертью путем снятия блокады ларв. Моделью же, отражающей эту стратегию, может служить упоминание пазлов в самом начале романа, когда «семейная история» не укладывается в предлагаемое прокрустово ложе, создавая своего рода зазор смыслов. В самом начале романа упоминается игра, целью которой становится создание пазловых картин, отражающих те или иные ценности, прежде всего модель семьи. Повествовательница фиксирует невозможность вписать собственную «семейную историю» в эту модель и тем самым запускает процесс «штопки»,

который в итоге оборачивается победой над Смертью.

Таким образом, литература постпамяти, открытым воплощением которой становится роман Елены Чижовой, демонстрирует трансформацию как содержания, так и структуры травматического дискурса, обнаруживающего себя в части русской литературы второй половины XX в. Феномен советского окончательно утрачивает приметы политической мифологии, превращаясь в репрезентанта исторического дискурса, который, особенно в рамках фем-прозы, становится отражением исключительно властных интенций. В романе вычлениваются две идентификационные модели, первая из которых, связанная с реконструкцией «семейной истории», предполагает восстановление «противопамати». Коммеморативная практика в этом случае демонстрирует особую интерпретацию фактологического материала, ориентированную на проговаривание фигур умолчания и забвения. Вторая идентификационная модель предполагает моделирование аффилиативной памяти, презентуемой образом «петербуржан». Сам процесс припоминания «семейной истории» становится знаком приобщения повествовательницы аффилиативной памяти.

Список источников

1. Степанова М. Памяти памяти. Романс. URL: <https://www.litres.ru/book/mariya-m-stepanova/pamyati-pamyati-romans-28072722/chitat-onlayn/> (дата обращения: 30.06.2024).
2. Хирш М. Письмо и визуальная культура после Холокоста. М.: Новое издательство, 2020. 428 с.
3. Чижова Е. С. Город, написанный по памяти. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2024. 374, [10] с. (Со всем другое время). URL: <https://www.litres.ru/book/elena-chizhova/gorod-napisanny-po-pamyati-40732401/chitat-onlayn/> (дата обращения: 30.06.2024).
4. Барт Р. Camera Lucida. URL: https://www.hse.ru/data/2019/02/25/1193288299/barthes_camera_lucida.pdf?ysclid=lzi684m1lw67032585 (дата обращения: 30.06.2024).

References

1. Stepanova, M. *Pamyati pamyati. Romans* [Memory of Memory]. URL: <https://www.litres.ru/book/mariya-m-stepanova/pamyati-pamyati-romans-28072722/chitat-onlayn/> (accessed: 31.06.2024). (In Russian)
2. Hirsch, M. (2020). *Pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Kholokosta* [The Generation of Post-Memory. Writing and Visual Culture after the Holocaust]. 428 p. Moscow, Novoe izdatel'stvo. (In Russian)
3. Chizhova, E. S. (2024). *Gorod, napisanny'i po pamyati* [The City Written from Memory]. Moscow, izd-vo AST, Redaktsiya Eleny` Shubinoi. 374 [10] p.

(Sovsem drugoe vremya). URL: <https://www.litres.ru/book/elena-chizhova/gorod-napisanny-po-pamyati-40732401/chitat-onlayn/> (accessed: 31.06.2024). (In Russian)

4. Bart, R. *Camera Lucida*. URL: https://www.hse.ru/data/2019/02/25/1193288299/barthes_camera_lucida.pdf?ysclid=lzi684ml1w67032585 (accessed: 31.06.2024). (In Russian)

The article was submitted on 01.08.2024

Поступила в редакцию 01.08.2024

Бреева Татьяна Николаевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tbreeva@mail.ru

Breeva Tatiana Nikolaevna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tbreeva@mail.ru

УДК 82-31(045)

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-164-169

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВНО- ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

© Ирина Брянцева

THE PROBLEM OF NATIONAL SELF-IDENTIFICATION OF THE CHARACTERS FROM AMERICAN ALTERNATE HISTORY PROSE

Irina Briantseva

American fiction is deservedly considered to be one of the largest collections of literary objects dealing with the theme of searching for and gaining national self-identity. American writers, belonging to different ethnic groups, bring elements of folk culture, nostalgia for their roots and reflection on the relationship between generations into their works. They express their point of view on the events, taking place in the world, and their place in it. The purpose of this article is to consider, in the context of the given problem, the characters of American alternate history novels, based on a detailed analysis of the works by R. Conroy "1942" (2009) and D. Quinn "After Dachau" (2001), united by the point of bifurcation that occurred during the Second World War and directed the historical flow along a new path. The main focus of the article is the consideration of the alternative historical context of literary texts and the analysis of the characters' personal features, their perception of themselves against the backdrop of crisis events. The relevance of the study is ensured by the keen interest of modern science in the genre of the alternate history novel, which has become one of the leading genres in the literature of the 20th-21st centuries, associated with the recent tendency to rewrite real history and place a new emphasis in understanding historical events, as well as the undying increased attention to the issues of national identity.

Keywords: American fiction, alternate history novel, bifurcation point, World War II, D. Quinn, R. Conroy, national self-identification

Художественная проза США заслуженно считается одной из крупнейших коллекций литературных объектов, затрагивающих тему поиска и обретения национальной самоидентификации. Американские писатели, принадлежащие к разным этническим группам, привносят в свои произведения элементы народной культуры, ностальгию по своим корням и рефлексии о взаимоотношениях поколений, а также высказывают свою точку зрения на происходящие в мире события и свое место в нем. Задачей данной статьи становится рассмотрение в контексте заданной проблематики персонажей американских альтернативно-исторических романов на примере детального анализа произведений Р. Конроя «1942 год» (2009) и Д. Куинна «После Дахау» (2001), объединенных исторической развилкой, случившейся в период Второй мировой войны и направившей исторический поток по новому пути. Основное внимание в статье уделяется рассмотрению альтернативно-исторического контекста художественных текстов и анализу личностных особенностей характера персонажей, их восприятию себя на фоне кризисных событий. Актуальность исследования обеспечивается острым интересом современной науки к жанру романа альтернативной истории, ставшему одним из ведущих в литературе XX–XXI веков, что связано с появившейся в последнее время тенденцией к переписыванию реальной истории и новому расставлению акцентов в понимании исторических событий, а также неугасающим повышенным вниманием к вопросам национальной идентичности.

Ключевые слова: американская художественная литература, альтернативно-исторический роман, историческая развилка, Вторая мировая война, Д. Куинн, Р. Конрой, национальная самоидентификация

Для цитирования: Брянцева И. Проблема национальной самоидентификации персонажей американской альтернативно-исторической прозы // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 164–169. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-164-169

На фоне происходящих в гуманитарном знании изменений и глобализации, стирающей границы между народами и культурами, проблема поиска и обретения национальной идентичности проявляется в художественной литературе очень остро. А особый статус американского народа, родившегося из «плавильного котла» многих этносов, позволяет присвоить позицию «другого Я» не только референтным нациям, но и другим американцам.

Находящийся в центре внимания многих читателей, литературных критиков и академических исследователей альтернативно-исторический жанр литературы объединяет в себе художественные тексты, в которых изображаются вымышленные вселенные, развитие которых после точки бифуркации приводит к созданию иного варианта истории. Конструирование новой цепочки развития исторических событий позволяет создать среду, в которой проблема национальной самоидентификации персонажей проявляется особенно явно: как ощущает себя еврейская семья в стране, в которой приобретают популярность фашистские идеи [1], что чувствуют американцы японского происхождения во время пребывания в концентрационных лагерях и после победы стран Оси во Второй мировой войне [2], как адаптируются привыкшие находиться на вершине иерархического строя белые американцы в штатах, управляемых японскими властями [3], и другие подобные сюжетобразующие тематические линии.

Предметом анализа в настоящей работе является специфика обращения к проблематике поиска и обретения национальной идентичности персонажей двух художественных текстов начала XXI в. с разной степенью соотношения исторических фактов и авторского вымысла – романов Р. Конроя «1942 год» (1942, 2009) [4] и Д. Куинна «После Дахау» («After Dachau», 2001) [5]. В признанном в 2010 г. жюри премии «Sidewise Awards» лучшим альтернативно-историческим произведением длинной формы из опубликованных в 2009 г. романе «1942 год» Роберт Конрой фантазирует на тему иного развития Тихоокеанского конфликта, вводя в повествование не случившееся в реальности японское вторжение и завоевание Гавайев в конце 1941 г., повлекшие за собой борьбу США за возвращение островов в 1942 г., завершившуюся успешным восстановлением статус-кво. Трансформация исторического канона призвана не только развлечь читателя новым взглядом на нападение на Перл-Харбор, памятное событие американской истории, но и служит приглашением к размышлению

о проблемах ксенофобии, расоненавистничества и пограничной идентичности.

Как всякий исторический роман, произведение во многом опирается на исторические факты. В 1940-е гг. треть населения Гавайев (около 160 000 человек) составляли японские иммигранты: иссеи (一世, японский язык – первое поколение) и нисеи (二世, японский язык – второе поколение). По справедливому замечанию исследователя С. О. Буранока в статье «Модели решения „японского вопроса“ в США в период японо-китайского конфликта», «люди, представляющие данные поколения, совершенно по-разному относятся к Японии, США, у них не просто различные, а порой противоположные взгляды на систему образования, религию, лояльность» [6, с. 304]. Из-за установленных в то время в Америке квот на иммигрантов, призванных выкристаллизовать особую американскую идентичность, сохраняя этническую однородность США, иссеи все еще считались гражданами Японии, временно проживающими на территории Америки, несмотря на наличие недвижимости и работы, интеграцию в социальные круги новой родины, образование родственных связей с американскими гражданами и долгий срок пребывания на территории государства. Нисеи, большинство которых никогда не были в Японии и не испытывали теплых чувств к ней, тоже воспринимались двойственно, ведь, помимо полученного по месту рождения американского гражданства, они также имели и японское, а значит – подлежали призыву в японскую армию.

На страницах своего романа автор показывает, как меняется отношение белого населения к жителям с японским наследием. Так, после успешного налета японских бомбардировщиков на острова, оставившего американцев без запаса горючего, большинства самолетов и практически уничтожившего стоявший в гавани флот, мы видим, как происходит значительное охлаждение к людям с японскими корнями. Это проявляется как на межличностном, так и на государственном уровне: хулиганские нападения на магазины, принадлежащие американским японцам, и избиения добропорядочных граждан другой расы радикально настроенными бандитскими группировками, недоверие американского командования к докладам разведки о мирном настроении японской диаспоры, находящейся на территории США, а главное – предложение о создании лагерей для японцев, многие из которых родились американцами или успели получить гражданство США, а остальные были слишком старыми и немощными, чтобы считаться угрозой.

Под давлением общественности начинание, как и в реальности, было поддержано президентом Рузвельтом, который в художественной вселенной *«had rationalized that the Japanese-Americans would actually be safer in concentration camps than out on the streets and subject to mob justice»*. – «рассудил, что американцы японского происхождения на самом деле будут в большей безопасности в концентрационных лагерях, чем на улицах, где их осудят толпой» [4] (здесь и далее перевод мой. – И. Б.). Также около полутора тысяч неупомянутых в произведении радикальных сторонников Японии были схвачены и интернированы.

О проблеме выбора между исходной и текущей национальной идентичностью в условиях намеренно обостренного авторской волей военного конфликта впервые упоминает один из важнейших авторитетов гавайской японской диаспоры романа пожилой торговец Тойоза Кага в разговоре с другим персонажем – американским разведчиком Джейком Новачеком. По его словам, большинство иссеев почитают Японию, хотя и уехали отсюда по уважительным причинам. Теперь, когда новая и старая родины находятся в состоянии войны, герои пребывают в замешательстве, затрудняясь выстроить границы и окончательно приписать себя к одной из наций, а поэтому планируют занять в конфликте выжидательную позицию и постараться выжить.

Важными точками на пути принятия японской общиной Гавайев своей национальной идентичности послужили два события в семье Кага: во-первых, жестокое групповое изнасилование девочки подросткового возраста, родственницы мистера Каги Ками Огавы, оправдываемое захватчиками наличием в ее крови примеси другой расы, и последовавшее за ним самоубийство, которое поднимает волну недоверия и возмущения гавайских японцев, во-вторых, отставка и приезд на острова потерявшего ногу на войне с Китаем сына Тойоза Каги – Акиры.

Вразрез с читательскими ожиданиями, ввод в повествование этого персонажа не приводит к конфликту поколений из-за различия морально-ценностных ориентиров. Напротив, Акира Кага, военная карьера которого, на первый взгляд, служит подтверждением лояльности семьи Кага японскому правительству, быстро разочаровался в военной службе, пришел в ужас от зверств японской армии и осознал, что в намерениях Японии по отношению к народам Азии нет ничего благородного. Для этого персонажа образом конституирующего Другого, от которого он хочет дистанцироваться, выступают бывшие сослуживцы и командиры. Благодаря предприим-

чивости отца молодой человек получил возможность под видом лекций о величии японской нации завуалированно доносить до жителей Гавайев свои истинные мысли, собирая сторонников. Впоследствии добывший деревянный протез и японскую военную форму на свою команду Акира скоординировал действия с командиром американского сопротивления и внес существенный вклад в освобождение Гавайев, доказав свое право быть американцем.

Нельзя также не упомянуть о положении, в котором оказались в этой альтернативно-исторической вселенной коренные жители островов – гавайцы. Первоначально жизнь представителей данной этнической группы не сильно изменилась: они использовались японцами в качестве обслуживающего персонала, зачастую сохранив прежние рабочие места. Более мягкое, чем к белым американцам, отношение со стороны захватчиков было обусловлено приказом командования, которому один из персонажей – командир отряда тайной полиции полковник Сигэнори Омори – находит две причины: высказываемые в научной среде предположения, что этот народ произошел от древних японцев, высадившихся на островах столетия назад, и намерения японского командования привлечь гавайцев на свою сторону. Однако после убийства майора Шимуры и его охраны подозревающий, что коренные гавайцы поддерживают американских солдат, адмирал Ивабачи отменил приказ о защите коренного гавайского населения от репрессий, после чего часть данной этнической группы была допрошена с особой жестокостью и расстреляна. Во время атаки сил американского сопротивления японцы также терроризировали мирное гавайское население, добывая сведения о своих противниках.

Однако, как показывает автор романа, не все коренные гавайцы покорно сносили подобное отношение. Женщина по имени Лани собрала отряд, вооруженный топорами и дубинками, и организовала засаду на японцев, преследующих остатки американского диверсионного отряда. Получив во время сражения трофейные ружья, герои спасли американских солдат, попросив в ответ освободить их родственников, находящихся в плену у японцев.

Американский разведчик Джейк Новачек, в свою очередь, является прекрасным примером синтеза образа бравого американского военного, способного в одиночку или командуя малой группой совершить невозможное – спасти мир или одолеть превосходящие силы врага, и концепта *self-made man*, «идеи о людях, добившихся успеха, славы и богатства своими собственными

силами» [7, с. 28]. Действительно, отказавшись покинуть Гавайи на подводной лодке, Джейк остался защищать свой дом, воодушевив других военных, организовал на островах движение сопротивления, принял командование на себя и успешно довел дело до конца. После завершения конфликта Новачек вырос в звании от капитана до полковника, получил медаль, выпил martini, приготовленный для него лично президентом Рузвельтом, и заключил помолвку с влюбленной в него родственницей конгрессмена.

На примере образа другого военного, сержанта снабжения Чарли Финча, раскрывается мотив размытия национальной идентичности в плоскости самосознания персонажа. Находившийся под следствием за хищение и продажу армейского имущества еще до вторжения мошенник в разгар военного конфликта совсем не чувствует себя патриотом и продолжает думать только о собственной выгоде. За улучшение жилищных условий и возможность утолить плотские желания он соглашается шпионить за своими сослуживцами и не испытывает никаких угрызений совести, когда после его доносов кого-то из них пытаются и убивают. Его философия заключается в том, что Чарли Финчу лучше всего присматривать за Чарли Финчем, другие его не волнуют. Став предателем, антагонист размышляет о том, чтобы переехать в Японию, а узнав реальное отношение японцев к себе, решает изменить курс и убедить американцев, что он ведет двойную игру ради Америки, рассчитывая выйти из этой передеряги героем. Однако маневренность персонажа в конце концов играет с ним злую шутку: устроивший ему проверку американский солдат, разыгрывающий из себя японца, раскрывает все секреты Финча и убивает его.

Изданный в 2001 г. роман «После Дахау» американского писателя Дэниела Куинна стал откликом на возникший в 1990-х гг. новый виток научного и общественного интереса к исследованию памяти Холокоста. Писатель в рамках диегетической вселенной изображает мир, в котором общество состоит из людей только одной расы – арийской, остальные народы были безжалостно истреблены.

В произведении можно выделить два пространственно-временных локуса, территориально затрагивающих весь земной шар: эпоху Второй мировой войны и эпоху арийского рая спустя 2000 лет после нее. Романский и альтернативно-исторический сюжеты организуют движение повествования в виде цепочки знаковых событий. Причиной расхождения истории стало то, что нацистские ученые создали атомную бомбу раньше американцев, в результате чего сопро-

тивление было прекращено. После победы фашистов в США начались чистки: сначала исчезли евреи, потом стали депортироваться будто бы на историческую родину афроамериканцы, после пришла очередь других рас. Спустя восемь веков арийцы остались единственной расой человечества.

Романный сюжет строится на взаимодействии двух главных героев – рассказчика истории Джейсона Талла-младшего, сотрудника организации «Мы снова живем», и Мэллори Гастингс, воспринимающей себя жившей пару тысяч лет назад афроамериканки Глорией Макартур. С легкой руки автора даты, обозначенные в повествовании, сначала обманывают как читателей, так и самих персонажей. Познакомившись с биографией Джейсона Талла, можно узнать, что он закончил школу в 1992 г., а когда он познакомился с Мэллори Гастингс, *«year dates starting with 20 instead of 19»*. – *«год начинался с 20 вместо 19»* [5]. Все это создает иллюзию соответствия эпохе, запечатленной на страницах романа, действительности 2001 г., в котором книга увидела свет. Однако потом Д. Куинн преподносит читателям сюрприз: обозначенные в романе временные точки принадлежат уже к новому летоисчислению, которое сокращенно обозначается «п.д.», что означает «после Дахау», а также является отсылкой к содержанию арийского национального мифа и ложной точкой бифуркации романа. Арийцы верят, что победили в «Великой войне» вследствие победоносного подвига великого героя А. Гитлера в «битве при Дахау», тогда как в реальности это был немецкий концлагерь, который ни в романной, ни в реальной истории не смог бы оказать того решительного сопротивления, что так прославило в художественном мире вождя фашистов. В нарисованном в диегетической вселенной будущем имя Адольфа Гитлера также связано с мифом о триумфе нацистов над своим исконным врагом – евреями, которые, по укоренившимся в коллективном сознании сведениям, с момента создания христианской религии пытались тысячи лет тайно манипулировать арийцами, контролируя банки, а также предпринимали попытки смешать арийскую расу с «беспородными» народами путем организации миссионерских поездок и продвижения идеи, что все расы одинаково хороши. Необходимо отметить, что Мэллори, рассказывая о своей прошлой жизни, упоминает, что образ еврея-врага стал создаваться еще в сороковых годах XX в. Снятые для набирающего популярность в то время телевидения шпионские фильмы сформировали у публики устойчивое мнение, что евреи – преступники, руководящие бандами кровожадных афроамери-

канцев, ищущих возможность отомстить своим бывшим рабовладельцам, поэтому начавшиеся в реальной жизни аресты воспринимались большинством сугубо положительно. Обществу не было интересно, что многие из осужденных не делали ничего предосудительного, спокойно жили и занимались искусством, создавая шедевры.

Персонажи выступают друг для друга в роли конституирующего Другого. После пробуждения в больнице с воспоминаниями о предыдущей жизни, заменившими знания об окружающей реальности, Мэллори Гастингс начала жизнь с нуля. Воспринимая себя немой художницей, угнетаемой белыми людьми, афроамериканской расы, ощущая давление болезненных воспоминаний о последних годах жизни, героиня дистанцируется от незнакомых ей родственников, пытаясь найти сведения о друзьях и семье. Однако анализ доступных девушке журналов и фотографий, на которых были запечатлены исключительно белые люди, не оставил сомнений, что все ее близкие давно мертвы. Огромную роль в адаптации Мэллори в новой реальности сыграла поддержка Джейсона Талла, не бросающего девушку несмотря на сложный характер и вспышки ярости, порождаемые процессом переживания травмы. После длительных проблем с собственной самоидентификацией у героини получается принять свою новую внешность, имя и окружение, продолжить заниматься любимым делом, которое в новом времени не является прерогативой исключительно мужчин, и наладить личную жизнь.

Джейсон, названный в честь знаменитого отца, но не обладающий его способностями и качествами, тоже решает свои психологические проблемы. Пристрастившийся еще в детстве к эксцентричному хобби – изучению реинкарнаций, персонаж, ощущающий себя невидимкой на фоне не известного родителя, тратит около десяти лет на работу, воспринимаемую родственниками забавной подработкой на лето. Знакомство с Мэллори и правда о событиях «Великой войны» перевернула его жизнь. Он переживает кризис национальной идентичности, ощущая личную ответственность за преступления, совершенные далекими предками. После нескольких попыток открыть обществу глаза на страшные убийства, сотворенные арийцами на заре становления новой эры, Джейсон, пережив отрезвительный опыт похищения спецслужбами и изоляции, признает, что данные исторические факты никого волнуют. Репрессии Второй мировой войны, во время которой было уничтожено огромное количество людей, не только нормализуются в глазах арийского общества 2000-х гг., воспринимаясь

равнозначными событиями других катаклизмов и войн, но и вызывают у некоторых людей гордость.

Однако пережитые события помогли Джейсону идентифицировать себя, найти собственную нишу в высшем обществе, к которому он принадлежит по праву рождения. Мистер Таллмладший продолжает искать равнодушных людей, открыв галерею искусства первой половины XX в. н. э., а также книжный магазин, торгующий отбракованными арийской культурой произведениями той же эпохи.

Подводя итоги, можно сказать, что выбранные для анализа художественные тексты демонстрируют богатый потенциал альтернативно-исторического жанра к созданию поля для разговора о проблематике национальной самоидентификации персонажей. Синтез реального и вымышленного исторического контекста позволяет взглянуть на известные ранее факты под новым углом.

На примере персонажей романа «1942 год» Р. Конрой показывает, что национальную идентичность можно не только обрести (как Акира Кага) и отстоять (как японские иммигранты и коренные гавайцы), но и утратить (как Чарли Финч), а также представляет свой образ национального героя на примере образа Джейка Новачека. Д. Куинн, в свою очередь, в произведении «После Дахау» рассказывает историю о преодолении разрыва между ментальной и биологической идентичностями, личной травме и поиске себя в пугающей неизвестной реальности.

Список источников

1. Roth F. The Plot Against America. Boston: Houghton Mifflin, 2004. 400 p.
2. Tieryas P. United States of Japan. Nottingham: Angry Robot, 2016. 398 p.
3. Dik F. K. The Man in The High Castle. New York: G. P. Putnam's Sons, 1962. 240 p.
4. Conroy R. 1942: A Novel. New York: Ballantine Books, 2009. 368 p. URL: <https://archive.bookfrom.net/robert-conroy/145236-1942.html> (дата обращения: 22.05.2024).
5. Quinn D. After Dachau. New York: Context Books, 2001. 230 p. URL: <https://www.readanybook.com/online/695951> (дата обращения: 22.05.2024).
6. Буранок С. О. Модели решения «японского вопроса» в США в период японо-китайского конфликта // Диалог со временем. 2021. Вып. 74. С. 298–309.
7. Рабеев Сафаа Кхалид Бреесам. Бинарные оппозиции как средство концептуализации «американской мечты» (на примере произведений литературы

ры США второй половины XX – начала XXI вв.): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2019. 165 с.

References

1. Roth, F. (2004). *The Plot Against America*. 400 p. Boston, Houghton Mifflin. (In English)
2. Tieryas, P. (2016). *United States of Japan*. 398 p. Nottingham, Angry Robot. (In English)
3. Dik, F. K. (1962). *The Man in the High Castle*. 240 p. New York, G. P. Putnam's Sons. (In English)
4. Conroy, R. (2009). *1942: A Novel*. 368 p. New York, Ballantine Books. URL: <https://archive.bookfrom.net/robert-conroy/145236-1942.html> (accessed: 22.05.2024). (In English).

5. Quinn, D. (2001). *After Dachau*. 230 p. New York, Context Books. URL: <https://www.readanybook.com/online/695951> (accessed: 22.05.2024). (In English)

6. Buranok, S. O. (2021). *Modeli resheniya "yaponskogo voprosa" v SShA v period yaponokitaitskogo konflikta* [Models for Resolving the "Japanese Question" in the United States during the Sino-Japanese Conflict]. *Dialog so vremenem*. Vyp. 74, pp. 298–309. (In Russian)

7. Rabeekh, S. K. B. (2019) *Binarnye oppozitsii kak sredstvo kontseptualizatsii "amerikanskoi mechty" (na primere proizvedenii literatury SShA vt. pol. XX – nach. XXI vv.): dissertatsiya kand.filol.nauk*. [Binary Oppositions as a Means of Conceptualizing the "American Dream" (based on the works of US literature in the late 20th – early 21st centuries): Ph.D. Thesis]. Voronezh, 165 p. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Брянцева Ирина Вячеславовна,
преподаватель-исследователь,
специалист отдела аспирантуры,
Московский физико-технический институт,
141701, Россия, Долгопрудный,
Институтский переулок, 9.
birina240595@gmail.com

Briantseva Irina Vyacheslavovna,
Teacher-Researcher,
postgraduate department specialist,
Moscow Institute of Physics and Technology,
9 Institutsky Lane,
Dolgoprudny, 141701, Russian Federation.
birina240595@gmail.com

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-170-174

ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗОВ В ЦИКЛЕ ВЛАДИСЛАВА КРАПИВИНА «СКАЗКИ И БЫЛИ БЕЗЛЮДНЫХ ПРОСТРАНСТВ»

© Гоин Ван, Татьяна Бреева

TYPOLOGY OF IMAGES IN VLADISLAV KRAPIVIN'S CYCLE "FAIRY TALES AND TRUE STORIES OF DESERTED SPACES"

Goin Wang, Tatiana Breeva

The article considers the specificity of the image typology in Vladislav Krapivin's cycle "Fairy Tales and True Stories of Deserted Spaces". We highlight the change of cyclisation principles in the late works of the writer; the interrelation of the last two cycles – "In the Depth of the Great Crystal" – is achieved by isolating the unified principles of cyclisation, the leading place among which is occupied by the spatial-topological principle. The chronotopic models – the Great Crystal, the Deserted Spaces – become symbolic embodiments of a certain philosophy of life, oriented towards overcoming the disharmony of existence. As a consequence, the plot of initiation, which is the dominant feature of the writer's artistic world, undergoes significant changes. The social aspect gives way to the philosophical and psychological aspects. The change of the initiation plot causes the transformation of the image typology. Firstly, it is associated with a change in the figurative system: the binary of "adult – child", traditional for Krapivinsky's works (including the cycle "In the Depths of the Great Crystal"), is replaced by the model "child – child". The latter, unlike in earlier texts, does not trigger the emergence of two plot lines, forming a different plot pattern. Secondly, the figurative type of the cycle "In the Depths of the Great Crystal" gets further development – "koivo". Thirdly, the traditional type of "Krapivinsky boy" is significantly transformed.

Keywords: V. P. Krapivin, cycle, figurative typology, type of plot, 'Krapivinsky boy'

В статье рассматривается специфика образной типологии в цикле Владислава Крапивина «Сказки и были Безлюдных пространств». Отмечается изменение принципов циклизации в позднем творчестве писателя, взаимосоотнесенность двух последних циклов – «В глубине Великого Кристалла» – обеспечивается вычленением единых принципов циклизации, ведущее место среди которых занимает пространственно-топологический принцип. Хронотопические модели – Великий Кристалл, Безлюдные пространства – становятся символически воплощением определенной философии жизни, ориентированной на преодоление дисгармоничности бытия. Вследствие этого значительные изменения претерпевает сюжет инициации, составляющий доминанту художественного мира писателя. Социальный аспект при этом уступает место философско-психологическому аспекту. Изменение сюжета инициации обуславливает трансформацию образной типологии. Во-первых, это связывается с изменением образной системы: традиционная для крапивинских произведений (в том числе и для цикла «В глубине Великого Кристалла») бинарность «взрослый – ребенок» сменяется моделью «ребенок – ребенок». Последняя в отличие от некоторых ранних текстов не провоцирует появления двух сюжетных линий, формируя иной рисунок сюжета. Во-вторых, происходит развитие образного типа, возникшего в цикле «В глубине Великого Кристалла» – «койво». В-третьих, существенно трансформируется традиционный тип «крапивинского мальчика».

Ключевые слова: В. П. Крапивин, цикл, образная типология, тип сюжетики, «крапивинский мальчик»

Для цитирования: Ван Гоин, Бреева Т. Типология образов в цикле Владислава Крапивина «Сказки и были безлюдных пространств» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 170–174. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-170-174

Владислав Петрович Крапивин является одним из самых известных детских писателей, творческая деятельность которого охватывает

пятьдесят лет с начала 1960-х по начало 2010-х гг. Специфической особенностью творчества писателя становится циклизация, которая, начиная

с 1980-х гг. демонстрирует определенную трансформацию, связанную среди всего прочего с созданием целостной метавселенной – мира Великого Кристалла.

Своеобразным продолжением цикла «В глубине Великого Кристалла» становятся «Сказки и были Безлюдных пространств», включающих в себя практически все произведения, написанные после 1993 г. Очевидно, что на этом этапе тексты писателя начинают соединяться в циклы по пространственно-топологическому принципу, тем не менее сохраняя связь друг с другом. Как отмечает Е. Савина, «в рамках единой космогонической модели мира теперь обретает определенность связь всех „кусков“ мира, описанных во всех прошлых и будущих произведениях писателя. Эти „куски“ мира можно отныне трактовать как грани Великого Кристалла» [1]. Примеры подобной соотнесенности в цикле «Сказки и были Безлюдных пространств» обнаруживают себя в повестях «Самолет по имени Сережка», «Бабочка на штанге», «Полосатый жираф Алик» и т. д.

Так, в сюжете повести «Самолет по имени Сережка» упоминается школа в Заоблачном городе, в которой Старик учил ребят тайнам разных измерений и пространств. Сережка случайно дошел до Заоблачного города, где и встретился со Стариком, став двадцать четвертым учеником в школе.

В повести «Бабочка на штанге» одним из значимых топосов становится кафе «Арцеулов», которое, по замечанию хозяина, *«находится ... на стыке силовых, энергетических и темпоральных векторов с неопределенными характеристиками...»* [2, с. 69]. В кафе собираются люди из разных граней Кристалла.

Общим для двух циклов оказывается и хронотоп Дороги, способный преодолеть дискретность миров Великого Кристалла. С этой точки зрения можно выделить определенный параллелизм между повестью «Застава на Якорном поле» («В глубине Великого Кристалла») и повестями «Полосатый жираф Алик», «Бабочка на штанге», «Бабушкин внук и его братья» («Сказки и были Безлюдных пространств»). Так, например, Дорога Матвея Радомира, героя повести «Застава на Якорном поле», прорывающая неизбежность Транспортного Кольца, может быть соотнесена с Дорогой, по которой идут герои повести «Полосатый жираф Алик».

Два крапивинских цикла, хронотопически и идеологически тесно соотнесенные между собой, демонстрируют, однако, трансформацию на уровне образной типологии. Общим местом в исследованиях, посвященных творчеству Крапивина, стало выделение типа «крапивинских

мальчиков», который определяется практически всегда одинаково [3], [4]. Одновременно с этим важным представляется фиксирование зависимости типа «крапивинских мальчиков» и определенного типа сюжетики [4, с. 152]. Развивая последний тезис, можно сделать вывод о том, что изменение сюжетики в цикле «Сказки и были Безлюдных пространств» по отношению к предшествующему циклу ведет к трансформации героя-протагониста.

В цикле «В глубине Великого Кристалла» на первый план выдвигается бинарный принцип организации образной системы, основу которого составляет миф о Командорах и «койво» (определение автора). В повести «Выстрел с монитора» рассказывается история Командоров – тех, кто посвятил свою жизнь защите детей-«койво». В «Сказки о рыбаках и рыбках» описывается фреска, на которой изображаются старик и мальчик. Седой старик держит меч в правой руке, а его левая рука держит щит над головой мальчишки, чтобы защитить его от дождя и беды. В «Кратокрафне (КРАТком ТОлкователе КРАпивинской ФАНтастики)», составленном Крапивинным, «койво» определяется следующим образом:

«Люди (чаще всего дети), обладающие аномальными, необъяснимыми с точки зрения современной науки свойствами... Часто случается, что эти свойства ... делают их жертвами современного общества... <...> Поэтому среди некоторых жителей Земли возникло движение командорства, призванное защитить юных койво от попыток уничтожить их или использовать для зла» [5, с. 414–415].

В цикле «Сказки и были Безлюдных пространств» бинарный принцип организации образной системы сохраняется, но претерпевает существенные изменения. Прежде всего это касается редуцирования образной пары «взрослый – ребенок». В художественном мире Крапивина выделились два типа «взрослых» героев, формирующие два типа отношений между детьми и взрослыми: первый тип предполагает определенного рода соотнесенность взрослых героев с «миром детей», второй – антагонистичность этому миру. Подобная типология формируется в ранних произведениях писателя и в основном сохраняет свою значимость в цикле «В глубине Великого Кристалла», символизируясь в легенде о Командорах.

В противовес этому в цикле «Сказки и были Безлюдных пространств» пара «взрослый – ребенок» редуцируется, и значимый взрослый (образ Командора) выводится за пределы сюжетного

действия¹. Свидетельством становится появление мотива сиротства («Дырчатая луна», «Самолет по имени Сережка», «Лето кончится не скоро», «Взрыв Генерального штаба» и т. д.). Примечательно, что Крапивин значительно снижает драматизм звучания данного мотива, из четырех перечисленных текстов драматическое переживание сиротства характерно только для Шурки, героя повести «Лето кончится не скоро» (можно предположить, что драматизм переживания героя связывается в этом случае с функциональным сближением отцовской и материнской позиций; не случайно единственно эмоционально окрашенным воспоминанием об отце становится особое именование героя, что в других текстах обычно относится к образу утраченной матери). В большинстве крапивинских текстов герои не помнят своих отцов, более того – в двух из них появляется образ отчима, успешно выполняющего заместительную функцию по отношению к утраченному отцу (образ дяди Симы – «Дырчатая луна», и образ дяди Юры – «Самолет по имени Сережка»), причем появление героя-заместителя не становится преодолением мотива сиротства. Отчим, как правило, выводится за пределы фабульного действия, либо появляясь лишь в развязке сюжета («Дырчатая луна»), либо вытесняясь в ретроспективный и перспективный план сюжетного действия («Самолет по имени Сережка»).

Ярче всего трансформация типа Командора обнаруживает себя в повести «Лужайки, где пляшут скворечники». На первый взгляд, здесь появляется традиционная для цикла «В глубине Великого Кристалла» образная пара – Командор – «койво» / Артем – Кей. Они сюжетно связаны, судьба одного невозможна без другого, но характер их отношений существенно изменяется. В противовес предыдущему циклу герои топологически не разделены; Артем оказывается едва ли не единственным взрослым героем, которому не

только доступны Безлюдные пространства, но и который буквально «врастает» в них, создавая, скорее, отношения тождества между собой и Ке-ем. Особенно ярко это иллюстрируется внутренним сопоставлением с образами скульптора Володи и Натки, которые, будучи сопричастны Безлюдным пространствам, тем не менее способны их покинуть. С этой точки зрения образ Артема выстраивается скорее не по модели Командора, а по модели «сомбро», являющихся своего рода антропоморфным воплощением Безлюдных пространств.

В «Сказках и былях Безлюдных пространств» модель Командор – «койво» замещается своеобразным удвоением детских образов – герой-протагонист и «койво», отчасти развивая и одновременно трансформируя ту модель, которая была свойственной ранним текстам Крапивина. В ранних произведениях, как правило, младший герой выполняет функцию активатора в ситуации инициации протагониста (например, «Оруженосец Кашка»). В итоговом цикле сюжетная роль и характер отношений героев, тяготеющих к типу «койво», и протагонистов существенно меняются.

Образы героев «койво» сохраняют ранее свойственные им черты, по определению самого Крапивина, «трогательное сочетание внешней незащитности и внутренней отваги». В цикле «койво», как правило, именуются двояко; помимо имени, чаще всего появляется прозвище, которое и закрепляется за героем на протяжении всего повествования – Кустик («Лето кончится не скоро»), Птаха («Топот шахматных лошадок»), Чибис («Бабочка на штанге») и т. п. Имена героев могут звучать при первом их описании (Владик Пташкин – «Топот шахматных лошадок», Максим Чибисов – «Бабочка на штанге»), но потом они, как правило, замещаются прозвищами. Примечательной становится устойчивость соотношения прозвищ с природным контекстом. В этом смысле особую значимость приобретает повесть «Лето кончится не скоро», где герой-«койво» именуется двумя прозвищами – Пегий и Кустик, причем первое, строящееся на первом зрительном впечатлении Шурика, осознается как неправильное, а второе получает статус истинного имени.

Прозвище маркирует особый статус героев, демонстрирующих не только некие способности сверхчувственного восприятия мира, но и в некоторых случаях приобретающих способность к полному слиянию с ним. Так, в повести «Лето кончится не скоро» Гурский, наблюдатель с планеты Рея, констатирует способность Кустика клетками кожи, как антенной сетью, собирать

¹ Едва ли не единственным исключением в этом цикле становится повесть «Бабушкин внук и его братья», где восстанавливается одна из возможных моделей отцовско-сыновних отношений, характерная для ранней прозы Крапивина (например, «Журавленок и молния»). Подчеркнутое непонимание между Аликом и отцом компенсируется появлением образа бабушки (примечательно определение «бабушкин внук»). Однако в творчестве Крапивина материнско-сыновние отношения практически не соотношены с процессами социализации и инициации героя. В позднем творчестве они выступают символическими знаками либо утраченной, либо восстановленной гармонии. Поэтому можно говорить об очень опосредованном сохранении того же самого мотива сиротства.

«межпространственные сплетни». Птаха, герой повести «Топот шахматных лошадок», обладает способностью незаметно исчезать, уже не уподобляясь, а практически становясь птицей. Именно он был первым мальчиком, пришедшим в Безлюдное пространство.

Образы койво в цикле, с одной стороны, сохраняют ряд черт, которые были свойственны сюжетно близкому типу героев в ранних повестях В. П. Крапивина: они младше протагониста и внешне беззащитны. Однако существенным отличием становится принципиальная депсихологизация данных героев, являющаяся результатом высокого уровня символизации этих образов. Именно поэтому при сохранении определенного уровня социальной обусловленности данные герои практически не получают психологического развертывания. Как правило, это поддерживается и основной повествовательной стратегией: во многих повестях цикла В. П. Крапивин использует личное повествование (или иные повествовательные стратегии, его имитирующие), что неизбежно редуцирует психологическую составляющую «койво».

Формально структура образов героев, тяготеющих к типу койво, предполагает включение социальной обусловленности, причем, на первый взгляд, они довольно часто дублируют социальную модель протагонистов. Койво точно так же включаются в модель сиротства, но в их случае это, скорее, становится основанием для акцентирования их исключительности; в отличие от протагонистов, они со взрослым миром практически не взаимодействуют. Последняя особенность достаточно сильно отличает их от функционирования того же образного типа в цикле «В глубине Великого Кристалла», где гораздо более востребованной является традиционная для русской классической литературы жертвенная модель беззащитного ребенка.

Протагонисты цикла «Сказки и были Безлюдных пространств» представлены совершенно иначе, можно говорить о том, что происходит некоторая корректировка самого типа «крапивинского мальчика». Усиливающаяся рефлексия, как правило, обнажает «неидеальность» героя. Это особенно очевидно в повестях «Самолет по имени Сережка», «Бабушкин внук и его братья», «Бабочка на штанге», «Лето кончится не скоро». Мотив сиротства и отчасти мотивированная им ситуация социального одиночества компенсируется взаимодействием с героем-«койво» (в этом смысле сохраняется сюжетная роль, закреплённая за этим типом в более ранних произведениях писателя). Однако сам характер этого взаимодействия претерпевает существенные изменения.

«Койво», выступающие проводниками в Безлюдные пространства, одновременно являются носителями определенной модели существования, отвечающей общему закону равновесия Вселенной (именно поэтому Кустик помогает добраться Шурке раскрыть секрет семиугольной двери и Весов, а Чибис объясняет Климу закон «бабочки на штанге»). Как следствие этого, трансформируется тот сюжет инициации, который задавался типом «крапивинского мальчика». В нем оказывается сильно редуцирован социальный аспект, что ведет к практически полному исчезновению мотива взросления героя-протагониста. Взамен этого расширяется жизнетворческий компонент, предполагающий конструирование особой, по сути утопической модели существования.

Таким образом, рассматривая типологию крапивинских героев, можно говорить о сохранении некоторых традиционных для его творчества образных типов, но при этом происходит значительное смысловое смещение, обеспечивающее как трансформацию традиционной для Крапивина сюжетики, так и значительное расширение философской проблематики его произведений.

Список источников

1. Савин Е. В плену Великого Кристалла // Двести. 1995. № Д. июль. URL: <https://zxpress.ru/article.php?id=16925&ysclid=lyqt59h9wx961603989> (дата обращения: 18.07.2024).
2. Крапивин В. П. Бабочка на штанге. М.: Детская литература, 2009. 188 с.
3. Борисов М. Владислав Крапивин: космология детства. URL: https://www.rusf.ru/vk/recen/1998/m_borisov_01.htm?ysclid=lyqtl7qoye48661794 (дата обращения: 18.07.2024).
4. Сергиенко И. А. «Формула Крапивина»: сюжетная модель реалистической прозы Владислава Крапивина 1960–1980-х годов // Сюжетология и сюжетология. 2019. № 2. С. 151–165.
5. Крапивин В. П. Кратокрафан // В. П. Крапивин. Фрегат «Звонящий». М.: Эксмо, 2007. 672 с.

References

1. Savin, E. (1995). *V plenu Velikogo Kristalla* [In the Great Crystal's Captivity]. Dvesti. No. D. iyul'. URL: <https://zxpress.ru/article.php?id=16925&ysclid=lyqt59h9wx961603989> (accessed: 18.07.2024). (In Russian)
2. Krapivin, V. P. (2009). *Babochka na shtange* [A Butterfly on the Bar]. 188 p. Moscow, izd-vo "Detsk. lit-ra". (In Russian)
3. Borisov, M. *Vladislav Krapivin: kosmologiya detstva* [Vladislav Krapivin: Childhood Cosmology]. URL: https://www.rusf.ru/vk/recen/1998/m_borisov_01.htm?ysclid=lyqtl7qoye48661794

01.htm?ysclid=lyqtl7qoye48661794
18.07.2024). (In Russian)

4. Sergienko, I. A. (2019). “*Formula Krapivina*”: *syuzhetnaya model’ realisticheskoi prozy* Vladislava Krapivina 1960 – 1980-x godov [“Krapivin’s Formula”: A Plot Model of Realistic Prose by Vladislav Krapivin

(accessed: from the 1960s to the 1980s]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. No. 2, pp. 151 – 165. (In Russian)

5. Krapivin, V. P. (2007). *Kratokrafan. Krapivin V. P. Fregat “Zvenyashchii”* [Kratokrafan. V. P. Krapivin. The Frigate “Zvenyashchy”]. 672 p. Moscow, E’kсмо. (In Russian)

The article was submitted on 18.07.2024
Поступила в редакцию 18.07.2024

Ван Гоин,
студент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tbreeva@mail.ru

Wang Goin,
student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tbreeva@mail.ru

Бреева Татьяна Николаевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tbreeva@mail.ru

Breeva Tatiana Nikolaevna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tbreeva@mail.ru

УДК 82.091

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-175-180

ОСОБЕННОСТИ НАРРАТИВА В РОМАНЕ МАРГАРЕТ ДРЭББЛ «МОЙ ЗОЛОТОЙ ИЕРУСАЛИМ»

© Алсу Вафина

THE NARRATIVE MODE IN THE NOVEL “JERUSALEM THE GOLDEN” BY MARGARET DRABBLE

Alsu Vafina

The article studies the narrative strategies in English women's novels of the second half of the 20th century. The research is based on the novel “Jerusalem the Golden” by Margaret Drabble (1967). The scientific novelty of this study is explained by the research methodology. We study the main principles and techniques in the transformation of the established canons in English women's realistic novel. Our analysis of the ideological, thematic, structural, semantic and compositional levels of the text through the prism of the dialogical relationship between the author and the reader helps to identify the organization of the inner world of the text. It allows us to explore Margaret Drabble's contribution to the development of intellectual prose by women writers in the 1960–1970s. The article pays attention to the importance of changing the points of view, the significance of the home topos in understanding the problems raised in the novel, and interprets the figurative structure of the text. The study revealed that this novel was a turning point in the writer's work. Despite the fact that Margaret Drabble still relies on the traditions common in Victorian prose at the ideological level, the writer has started to rethink the genre strategies inherent in the English realistic novel inputting into her artistic work the techniques that will become characteristic features of postmodern prose. In the work “My Golden Jerusalem” the author appeals to the reader in the communication chain “author-text-reader” in solving the problem of “being and seeming”, using a woman's fate as an example.

Keywords: English literature, English women's novel, narrative, narrator, Margaret Drabble

Статья посвящена осмыслению нарративных стратегий в английском женском романе второй половины XX века. В качестве материала исследования выступает роман Маргарет Дрэббл «Мой золотой Иерусалим» (1967). Научная новизна данного исследования объясняется методологией исследования. Автор статьи изучает основные способы и приемы трансформации английского женского реалистического романа. Анализ идейно-тематического, структурно-семантического, композиционного уровней текста сквозь призму диалогических отношений между автором и читателем, обнаруживаемых во внутреннем мире текста, позволяет выявить вклад Маргарет Дрэббл в развитие интеллектуальной прозы женскими писательницами в 1960–70-х гг. В статье определяется функция смены точек зрения, выделяется значимость топоса дома в осмыслении проблематики романа, осмысливается образная структура текста. Исследование показало, что данный роман является переломным в творчестве писательницы. Несмотря на то, что автор по-прежнему опирается на традиции, присущие викторианской прозе на идейном уровне, Маргарет Дрэббл начинает переосмысливать жанровые стратегии, присущие английскому реалистическому роману и внедряет в свое художественное творчество приемы, которые будут характерны для постмодернистской прозы. В произведении «Мой золотой Иерусалим» автор апеллирует к читателю в коммуникационной цепи автор – текст – читатель в решении проблемы быть и казаться на примере судьбы женщины.

Ключевые слова: английская литература, английский женский роман, нарратив, нарратор, Маргарет Дрэббл

Для цитирования: Вафина А. Особенности нарратива в романе Маргарет Дрэббл «Мой золотой Иерусалим» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 175–180. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-175-180

Маргарет Дрэббл (Margaret Drabble, род. 1939) одна из знаковых писательниц современной английской литературы, автор восемнадцати романов, сборников рассказов, литературный

критик, драматург, младшая сестра писательницы Антонии Сьюзен Байетт (Antonia Susan Byatt, р. 1936). На данный момент большинство критиков признают ее вклад в развитие феминистской литературы. Принято считать, что писательница проявила свой талант как в осмыслении женской темы, так и в трансформации самой формы романа [1, с. 16].

Одна из отличительных черт романа в XX в. – стремление к реалистичности изображения, последовательность в изложении сюжета, что свидетельствует о связи с викторианской прозой [2]. Вместе с тем наблюдается решительный разрыв с прошлыми «викторианскими традициями морализаторства устоявшихся взглядов на автора и читателя, меняется предмет изображения, образ читателя, трансформируется представление о творческом процессе» [3, с. 5].

Подобный двусторонний процесс в развитии романа можно обнаружить в романе «Мой золотой Иерусалим» (1967) [4], который относится к раннему творчеству писательницы. К моменту публикации данного произведения автор уже известна в читательских кругах, знакома она и литературной критике, поскольку годом ранее, в 1966 г., М. Дрэббл стала обладательницей престижной английской литературной премии Джона Левеллина Риса (John Llevellyn Prize) за роман «Камень на шее» («The Millstone», 1965) [5].

В романе «Мой золотой Иерусалим» автор представляет историю молодой студентки, изучающей французский язык в Лондонском университете. С первых строк читатель обращает внимание на изменение самой формы представления истории. Если в первых трех романах¹ использовалась первоначальная форма повествования, то здесь вводится фигура всезнающего нарратора, М. Дрэббл отказывается от формы представления истории первичным нарратором.

Изменение ракурса изложения актуализирует вопрос о значимости композиции текста для передачи неоднозначной оценки роли социума и культурологических маркеров в процессе определения жизненных ценностей, которыми автор наделяет нарратора и героев романа. Всезнающий нарратор представляет событийный ряд, отвечает за передачу мыслей героини – субъекта излагаемой истории. Отчасти этот процесс приводит к снижению значимости внутренней мотивировки поступков героини, но вместе с тем ве-

дет и к расширению представления о событии для адресата текста.

В этом случае автор обладает большей свободой в выстраивании диалогических отношений с читателем, чем это было возможно в тексте, в котором события излагались первичным нарратором. Благодаря этому текст значительно усложняется с точки его структурной организации. В истории обнаруживаются два пласта коммуникации: актора (Клары Моэм) с внутренними участниками истории и нарратора с внешним адресатом.

Внутренний текст характеризуется фрагментарностью. Объясняется это тем, что нарратор обладает избирательным правом для представления истории жизни студентки. С целью восполнения лакун в тексте нарратора автор усложняет временную организацию текста, события излагаются одновременно в модусах: тогда и сейчас.

Повествование начинается с рассуждения о роли фортуны в жизни девушки, которое перерастает в историю об истинных и ложных ценностях. Создается ощущение, что в дальнейшем последует текст, насыщенный философскими размышлениями о судьбе человека. Однако автор недолго испытывает терпение своего читателя и вводит в повествование рассказ о вечере современной английской поэзии.

Именно этот эпизод позволяет читателю представить чаяния и мечты молодой героини: Клара Моэм преклоняется перед миром искусства, испытывает уважение к людям творческой профессии и в то же время обладает определенной наивностью в своей оценке мира искусства:

«<...> услышанные стихотворения делились для нее на длинные и короткие, на простые и малопонятные, она смогла бы даже выделить среди них описательные, любовные и политические, но не более того» [4].

Как известно, для женского романа характерно повествование или рассказ о внутренних переживаниях героев, особенно героинь, тем более в тех ситуациях, когда герои сталкиваются, встречаются с миром искусства [9, с. 80]. Вместе с этим стоит обратить внимание на то, что в романе М. Дрэббл отношение Клары к вышеизложенному событию лишено эмоциональной оценки, читатель не получает представления о ее чувствах. Восполняется это отсутствие за счет введения точки зрения другого актора: наивная оценка искусства декламации, в которой доминирует внимание к деталям, дополняется комментарием Питера, друга Клары, обладающего определенным опытом в организации таких вечеров и имеющего представление о профессио-

¹ «Мой золотой Иерусалим – это четвертый по счету роман писательницы. Ранее были опубликованы романы «Вольер для птиц» (1963) [6], «Один летний сезон» (1964) [7], «Камень на шее» (1966) [5].

нальных способностях выступающих на вечере поэтов:

«Питер шептал, что Денэм, на его взгляд, великолепен, а Харли, наоборот, ужасен, она улавливала в себе вполне определенный, хотя и слабый ропот: как же так, ведь Эрик Харли читает четко, ясно, выразительно, а Денэм – монотонно и сухо!» [4].

Разница в отношении героини и представления Питера позволяет автору передать сомнение героини в объективности оценки наблюдаемого. Этот контраст выглядит еще более разительным, когда нарратор оценивает умственные способности Клары. В тексте подчеркивается, что, в отличие от своих сверстников, героиня обладает исключительными интеллектуальными способностями, и это качество позволяет ей оценивать внутреннюю мотивировку поступков людей, которые ее окружают.

На этом месте текст обрывается, и читатель перемещается в другую временную плоскость. Начинается новая глава и вводится история о девочке одиннадцати лет, которая живет в провинциальном английском городке Нортэме. Становится очевидным, что это повествование о детстве Клары. Довольно подробно описывается, что родители Моэм экономят на воспитании детей, общение с детьми в семье сведено к минимуму, знания, интеллектуальная среда – все это не включено в поле интересов матери и отца.

Вместе с тем читатель в этот момент пребывает в недоумении: эта история не сочетается с ранее представленным комментарием об исключительном складе ума героини. Для восполнения такого упущения, а также с целью раскрытия личности героини автор уделяет большее количество романного времени периоду ее детского и юношеского становления. Так, повествованию о прошлом героини отводится целых три главы, на протяжении которых автор доводит историю до момента поступления Клары в Лондонский университет. При этом нарратор вновь предельно лаконичен: читателю представляется не подробное описание всех семи лет жизни героини в Нортэме, а только знаковые вехи в становлении мировоззрения девочки. В частности, повествуется о выборе школы для обучения, об оценке героини ее одноклассницами, и пристальное внимание уделяется выбору Klarой молодых людей для встреч.

Прием ретроспекции проливает свет и на название романа. Оно отсылает к утопической мечте, которую лелеет школьница, вновь и вновь повторяя наизусть текст, сочиненный Дж. М. Нилом о золотом и лучезарном граде Иерусалиме. Отсылка к образу золотого Иерусалима актуализирует

вопрос о воображаемом и реальном, об иллюзорности представления о будущем девушки, наделенной необычными способностями. И в то же время заявляется об отсутствии любой надежды на реализацию себя в профессии или в светском обществе для девочки из провинциального городка, где представление о карьере или жизни в светских кругах не может быть реализовано в силу социальных обстоятельств.

Повторяя эти строки о золотом Иерусалиме, Клара представляла не город на небесах с жемчужными воротами, хрустальными стенами и золотыми башнями, а его земное воплощение, где в прекрасных домах жили прекрасные люди и беседовали о прекрасных вещах. Образ такого Иерусалима она находит, как ей кажется, в доме Клелии Дэнхэм. Изображая этот дом, автор акцентирует внимание на сияющих, сверкающих, мерцающих, золотых, позолоченных предметах интерьера. Глаза героини выхватывают эти детали в убранстве дома, благодаря этому в воображении героини выстраивается идеальный образ этого реального дома – град Иерусалим Дэнхэмов. Именно этот золотой дом-поместье воспринимается героиней как центр привилегированного современного мира, частью которого мечтает стать Клара.

Нарратор подробно описывает каждую деталь. При этом в очередной раз подчеркивается контраст между домом Клары в Нортэме и особняком Дэнхэмов: стены украшены изысканной плиткой, есть мраморный камин, много старинных и дорогих картин, зеркал в золотых рамах. На заднем дворе расположился сад, который в представлении Клары ассоциируется с земным Эдемом. На это осмысление работают и скульптуры в саду, которые она видит, когда прогуливается по нему.

Но при этом обнаруживается, что представление о красоте разнится для Дэнхэмов и Клары. Все, что кажется идеальным для героини, является уродливым, недостойным для Дэнхэмов. Также автор развенчивает и сам ореол святости, которым наделяет героиня членов семьи: миссис Денхэм имеет сложности в отношениях с мужем, ее старший сын сошел с ума, Габриэль несчастлив в браке, Клелия не способна к самостоятельному существованию и зависит от поддержки друзей и родственников, инфантильна, а порой и груба в общении. Такой контраст осознается читателем в силу передачи описываемой ситуации объективным взглядом извне: оценка несовпадения истинного и желаемого представляется всезнающим нарратором.

В романе значимую роль играет еще один тоpos, который для героини является местом при-

тяжения и вновь ассоциируется с земным Иерусалимом. Клара боготворит Париж, в ее воображении предстает великий город истинной, страстной, чувственной любви. Первый визит героини в Париж описывается в главах-воспоминаниях. Здесь она заводит знакомство с первым незнакомцем, который приглашает ее на свидание. Однако вместо романтической атмосферы, в котором она мечтает испытать чувство страсти, Клара оказывается на заднем ряду в кинотеатре с немцем, который плохо изъясняется на языке любви. Оценку происходящему вновь дает нарратор: этот чувственный опыт связан с нарушением норм, такое поведение неприемлемо для воспитанной девушки.

Недидеетический нарратор настаивает, указывает на первое разочарование героини этим городом путем перечисления культурных маркеров французской столицы: в «Комеди Франсез» вместо талантливого представления она увидела *«издевательство над пьесами, в которые она вчитывалась в спокойной тишине»*, на версальских зеркалах заметила лишь грязь и пятна, вид собора Парижской Богоматери ей не понравился, а лекции, которые она прослушала в Сорбонне, *«оказались примитивными до упоминания»* [Там же].

Второй приезд Клары в Париж описывается в романном времени, в котором диегесис (время события) и экзегесис (повествование об этом мире) совпадают. Однако теперь меняется возраст и социальный статус героини: вместо семнадцатилетней девочки перед читателем предстает молодая женщина. Иное теперь и ее положение в обществе: Клара любовница Габриэля Дэнхэма. Это пребывание в идеальном для нее городе становится знаковым для переоценки жизненных ценностей героиней. Клара осознает ложность окружающего ее мира в сложившихся обстоятельствах, она впервые испытывает желание исправить это несоответствие. Единственное возможное решение этой проблемы для нее – добиться статуса законной жены Габриэля, которое в принципе не реализуемо. Габриэль никогда не откажется от своей жены: вместе они воспитывают двух сыновей, да и когнитивное состояние его супруги нестабильно, что не позволяет ему оставить ее.

Такое столкновение между быть и казаться, реальным и воображаемым в мире Клары вновь работает на нарушение достижимости ее мечты о золотом земном Иерусалиме. Есть воображаемый мир, есть мечта, но, сталкиваясь с реальными обстоятельствами, это представление всегда разрушается. Подобное разочарование приводит к актуализации мотива побега в романе. Местом

бегства для героини становится тот самый Нортэм, с которым она когда-то надеялась более не связывать свое будущее. Однако именно крушение мечты о золотом Иерусалиме позволяет автору поведать читателю об истинных мотивах, которые побуждали родную мать Клары не проявлять чувств к собственным детям. Героиня узнает, что ее мать когда-то так же испытала момент встречи с истиной, что нарушило ее иллюзию о возможности счастья.

Живописуя историю героини, Маргарет Дрэбл представляет ее историю как театральное действие, прибегает к приему драматизации повествования. Этой цели служат в тексте многочисленные отсылки, упоминания имен трагиков или воспоминания о театральных постановках. В рассуждения героини о Франции, французском языке вводятся имена П. Корнеля и Ж. Расина, Ж. Б. П. Мольера. Так, в момент первого путешествия в Париж Клара сравнивает себя с героическими персонажами Корнеля:

«Близость победы – что она значила для Береники в конце пятого акта, в момент расставания? А угроза потери – для Химены?» [Там же].

Этот и другие, введенные в текст диалоги с классикой, аллюзии на тексты французских трагиков показывают, с одной стороны, что автор стремится создать интеллектуальную прозу, многоплановый текст с большим количеством отсылок к культурным реалиям. Но вместе с тем это приводит и к обратному результату. Сопоставление Клары с литературными предшественницами не приводит к героизации или возвышению ее мученической роли. Героиня М. Дрэбл нарушает границы, преодолевает условности, но не испытывает чувства вины. Тем самым это в тексте служит, скорее, для создания трагизма самого образа в неоднозначной оценке финала произведения.

Последнее событие в истории Клары, изложенное в финале романа (героиня отвечает на звонок Габриэля, который обещает приехать за ней в Нортэм), показывает, что автор здесь отходит от реалистической традиции, принятой в викторианском романе, когда перед читателем раскрывалась перспектива дальнейшего становления героя или давалась оценка излагаемой проблемы. Здесь же Маргарет Дрэбл историю героини не доводит до логического завершения. Конец истории в изложении нарратора – это призыв к сотворчеству читателя. Неизвестно, обретет ли свой путь, найдет ли свой золотой град Клара. Конечные строки романа наполнены иронией автора в осмыслении дальнейших перспек-

тив для свободы самовыражения женщиной в современном обществе. Такой финал вновь актуализирует вопрос об истинном и ложном в мире женщины, ответ на который автор так и не дает своему читателю.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что данный роман является переломным в романном творчестве Маргарет Дрэббл. В этом произведении автор впервые использует новый для нее повествовательный прием: история в романе излагается от лица всезнающего нарратора (данную форму повествования она впоследствии будет применять при написании романов). Такой прием позволяет усложнить структуру текста, а вместе с тем и расширить формы взаимодействия автора с читателем. Двойной модус коммуникации, используемый в тексте, позволяет Маргарет Дрэббл отойти от жанровых канонов, присущих реалистическому роману первой половины XX в. [10, с. 63]. Вместе с тем автор активно прибегает к тенденциям, обнаруживаемым в английском женском романе 60–70-х гг. XX в. Такими приемами становятся установка на театральность (см. об этом: [10], [11]), когда женские писатели заведомо обращаются к реализации в рамках романного творчества ситуации «жизнь как театр» [13, с. 264]. Еще одна тенденция, которой следует писательница, это стремление к созданию интеллектуальной прозы [14, с. 31], [15, с. 16]. С этой целью автор расширяет романное пространство и время и вводит широкий культурологический контекст в осмысление проблематики своего текста. Именно этой цели служит в тексте осмысление проблемы быть и казаться сквозь призму утопической мечты о золотом граде.

Список источников

1. Филимонова Т. В. Проблемы интеллектуальной и нравственной свободы в творчестве Маргарет Дрэббл 1960-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: СПб., 2009. 20 с.
2. Bradbury M. The Modern British Novel. London: Penguin books, 1994. 542 p. URL: <https://ru.scribd.com/doc/23663576/The-Modern-British-Novel> (дата обращения: 23.08.2021).
3. Hansen A. J. Realism and Perspectivism // A Forum on Fiction. 1974. Vol. 8. № 1. P. 93–96.
4. Дрэббл М. Камень на шее. Мой золотой Иерусалим. 2000. URL: <https://litmir.club/br/?b=161917> (дата обращения 25.05.2024).
5. Drabble M. The Millstone. London: Weidenfeld & Nicolson, 1965. 199 p.
6. Drabble M. A Summer Bird-Cage. Harmondsworth: Penguin Books, 1977. 208 p.
7. Дрэббл М. Один летний сезон. М.: Прогресс, 1972. 177 с.

8. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 302 с.

9. Вафина А. Х., Коновалова Ж. Г. Проблема женской субъективности в художественных биографиях Мюриэл Спарк // Филология и культура. Philology and Culture. 2021. № 3 (65). С. 69–75. DOI: 10.26907/2074-0239-2021-65-3-69-75.

10. Ladan L. S. Narrative and Postfeminist Fiction: Margaret Drabble's *The Radiant Way* // English Studies. 2005. Vol. 86. № 1. P. 51–70.

11. Friedman Sh. Feminism as Theme in Twentieth-Century American Women's Drama // American Studies. 1984. Vol. 25. № 1. P. 69–89.

12. White S. The Dramatic Modern Novel: Mimesis and The Poetics of Tragedy in Mrs. Dalloway // Woolf Studies Annual. 2018. Vol. 24. P. 101–134.

13. Suzuki M. Rewriting the "Odyssey" in the Twenty-First Century: Mary Zimmerman's "Odyssey" and Margaret Atwood's 'Penelopiad' // College Literature. Vol. 34. № 2. 2007. P. 263–278.

14. Yeazell R. Fictional Heroines and Feminist Critics // A Forum on Fiction. 1974. Vol. 8. № 1. P. 29–38.

15. Благовещенская А. А. Своеобразие стиля художественной прозы Маргарет Дрэббл 1960–70-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 18 с.

References

1. Filimonova, T. V. (2009). *Problemy intellektual'noi i npravstvennoi svobody v tvorchestve Margaret Drebbel 1960-kh godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Problems of Intellectual and Moral Freedom in the Works of the 1960s by Margaret Drabble: Ph.D. Thesis]. St. Petersburg, 20 p. (In Russian)
2. Bradbury, M. (1994). *The Modern British Novel*. 542 p. London, Penguin books. URL: <https://ru.scribd.com/doc/23663576/The-Modern-British-Novel> (accessed: 23.08.2021). (In English)
3. Hansen, A. J. (1974). *Realism and Perspectivism*. A Forum on Fiction. Vol. 8. No. 1, pp. 93–96. (In English)
4. Drebbel, M. (2000). *Kamen' na shee. Moi zolotoi Yerusolim* [The Millstone. Jerusalem the Golden]. URL: <https://litmir.club/br/?b=161917> (accessed: 25.05.2024). (In Russian)
5. Drabble, M. (1965). *The Millstone*. 199 p. London, Weidenfeld & Nicolson. (In English)
6. Drabble, M. (1977). *A Summer Bird-Cage*. 208 p. Harmondsworth, Penguin Books. (In English)
7. Drebbel, M. (1972). *Odin letnii sezon*. [The Garriok Year]. 177 p. Moscow, Progress. (In Russian)
8. Shmid, V. (2008). *Narratologiya*. [Narratology]. 302 p. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)
9. Vafina, A. H., Konovalova, Zh. G. (2021). *Problema zhenskoi subyektivnosti v khudozhestvennykh biografiyakh Myuriel Spark*. [The Problem of Female Subjectivity in Novelized Biographies by Muriel Spark]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. No. 3 (65), pp. 69–75. DOI: 10.26907/2074-0239-2021-65-3-69-75. (In Russian)

10. Ladan, L. S. (2005). *Narrative and Postfeminist Fiction: Margaret Drabble's The Radiant Way*. English Studies. Vol. 86. No. 1, pp. 51–70. (In English)
11. Friedman, Sh. (1984). *Feminism as Theme in Twentieth-Century American Women's Drama*. American Studies. Vol. 25. No. 1, pp. 69–89. (In English).
12. White, S. (2018). *The Dramatic Modern Novel: Mimesis and The Poetics of Tragedy in Mrs. Dalloway*. Woolf Studies Annual. Vol. 24, pp. 101–134. (In English)
13. Suzuki, M. (2007). *Rewriting the 'Odyssey' in the Twenty-First Century: Mary Zimmerman's 'Odyssey' and Margaret Atwood's 'Penelopiad'*. College Literature. Vol. 34. No. 2, pp. 263–278. (In English)
14. Yeazel, R. (1974). *Fictional Heroines and Feminist Critics*. A Forum on Fiction. Vol. 8. No. 1, pp. 29–38. (In English)
15. Blagoveshchenskaya, A. A. (2004). *Svoeobrazie stilya khudozhestvennoi prozy Margaret Drebbel 1960–70-h godov, avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Originality of Margaret Drabble's Fictional Prose Style of the 1960s and 70s. Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan', 18 p. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024
Поступила в редакцию 01.06.2024

Вафина Алсу Хадиевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
alsu_vafina@mail.ru

Vafina Alsu Hadievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
alsu_vafina@mail.ru

УДК 821.111(73)

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-181-186

АМЕРИКАНСКАЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ И БОГООСТАВЛЕННОСТЬ В РОМАНАХ ХЬЮБЕРТА СЕЛБИ-МЛ.

© Ксения Вихрова

AMERICAN EXCEPTIONALISM AND GODFORSAKENNESS IN HUBERT SELBY JR.'S NOVELS

Kseniya Vikhrova

American author Hubert Selby Jr. develops the topic of painful addictions and moral and physical degradation. Although the author declared he was not religious, his novels are filled with biblical motifs and allusions emphasizing the opposition between justice and mercy. Selby's characters – urban marginalized people – lose their own vision of life and existential control in pursuit of the deceptive “American dream”. Selby's favorite artistic device – stream of consciousness and parenthetically broken writing style, create the effect of authenticity and aim to demonstrate the functioning of consciousness. The article analyzes the little-studied novels “The Room” and “Waiting Period”, which differ in time of writing but are related thematically and stylistically. The type of the central character – an unnamed middle-aged American who suffers from arbitrary government, bureaucracy and societal restrictions, also unites the novels. The characters punish those they consider malevolent by the available means: the prisoner in “The Room” does so in his dreams, the computer specialist in “Waiting Period” – in reality. Messianic ambitions allow them to consider themselves entitled to destroy the “enemies of humanity” – mainly the servants of the law. The characters seek support from higher powers, constantly crying out to God: the prisoner does not receive an answer, while the murderer constructs one himself, but both find themselves in a state of categorical godforsakenness.

Keywords: Hubert Selby Jr., The Room, Waiting Period, religious motifs, American dream, addiction, godforsakenness

В творчестве американского писателя Хьюберта Селби-мл. ключевую роль играет тема болезненных зависимостей и моральной и физической деградации человека. Хотя автор заявлял о своей нерелигиозности, его романы наполнены библейскими мотивами и аллюзиями, подчеркивающими противопоставление справедливости и милосердия. Персонажи Селби – городские маргиналы – в погоне за обманчивой «американской мечтой» теряют собственное видение жизни и экзистенциальный контроль над ней. Излюбленный художественный прием Селби – поток сознания – и парентетически ломанный стиль письма создают эффект достоверности и направлены на демонстрацию функционирования сознания. В статье проводится анализ малоизученных романов «Камера» и «Глюк», различающихся по времени написания, но тематически и стилистически родственных. Романы также объединяет тип героя – безымянный американец средних лет, страдающий от произвола властей, бюрократии и общественных ограничений. Герои наказывают тех, кого считают недоброжелателями, доступными способами: заключенный в «Камере» – в своих фантазиях, компьютерный специалист в «Глюке» – в реальности. Мессианские амбиции позволяют им считать себя вправе уничтожить «врагов человечества» – преимущественно служителей закона. Герои ищут поддержки у высших сил, постоянно взывают к Богу: заключенный не получает ответа, а убийца сам его конструирует, однако оба оказываются в состоянии категорической богооставленности.

Ключевые слова: Хьюберт Селби-мл., Камера, Глюк, религиозные мотивы, американская мечта, зависимость, богооставленность

Для цитирования: Вихрова К. Американская исключительность и богооставленность в романах Хьюберта Селби-мл. // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 181–186. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-181-186

Хьюберт Селби-мл. (Hubert Selby Jr., 1928–2004) широко известен натуралистичным изображением социальной и морально-этической деградации обитателей американских мегаполисов. Критическая рецензия в октябрьском выпуске журнала «Time» в 1964 г. охарактеризовала дебютный роман Селби «Последний поворот на Буклин» («Last Exit to Brooklyn», 1964) как «скатологический мусор» [1]. С другой стороны, по словам Аллена Гинзберга, «Последний поворот» потряс Америку, подобно взрыву бомбы [2], а критик «The New York Times» отметил, что, хотя это «действительно отталкивающий» роман, он «показывает жизнь в аду» достовернее, чем произведения Жана Жене и Уильяма Берроуза [3]. Менее чем через десять лет та же газета провозгласила Селби «одним из первых американских романистов», а «понимание его текстов – пониманием американской тоски» [4]. Цензурный запрет романа в Великобритании был оспорен в суде, и одними из самых видных защитников произведения стали Энтони Бёрджесс и Джон Мортимер [5]. На родине автора после нескольких попыток запрета [6, с. 206] «Последний поворот» ждал коммерческий успех и экранизация. Критики увидели в Селби преемника Джека Керуака, Джона Фанте и Чарльза Буковски [7], представителя «наркоманской литературы» [8, с. 136].

Именно дебютный роман – «точка отсчета», на которую литературные критики ориентируются в оценке последующих произведений Селби. Фрэнк Кермоуд поставил «Последний поворот» в один ряд с произведениями американской натуралистической литературы [7]. Другим популярным среди критиков произведением Селби стал «Реквием по мечте» («Requiem for a Dream», 1978), экранизированный Дарреном Аронофски. Остальные романы писателя – «Камера» («The Room», 1971), «Бес» («The Demon», 1976), «Ива» («The Willow Tree», 1998) и «Глюк» («Waiting Period», 2002) – не привлекли особого внимания исследователей.

Наиболее полный и последовательный анализ творчества Селби представлен в монографии «Знакомство с Хьюбертом Селби-мл.» [9] Д. Р. Джайлса, профессора университета Северного Иллинойса. Исследование охватывает пять романов, вышедших на момент издания монографии; библиографический список составляют немногочисленные критические статьи и эссе с кратким комментарием исследователя, резюмирующим каждый текст [9, с. 151–156]. Отдельно можно отметить исследование П. Шоу [10], посвященное репрезентации насилия в американской литературе XX в. и завершающееся главой

о «Последнем повороте» Селби и «Американском психопате» Б. И. Эллиса. Шоу отмечает, что эти романы легко заклеить как «мусор, грязь, порнографию» [Там же, с. 187], поскольку они не расширяют представление читателя ни о человечестве, ни о представленных персонажах, однако эти произведения принципиально важны в контексте изучения насилия в художественной литературе. Селби и Эллиса также тематически объединяют по изображению зависимостей и общества потребления [8]. Кроме того, критики отмечают, что влияние Селби можно обнаружить в творчестве современных писателей, включая Ричарда Прайса, Ирвина Уэлша, Джеймса Фрея, Чака Паланика, Тони О’Нила и Ричарда Милварда [7].

Большая часть произведений Селби переведена на русский язык еще при жизни писателя. Однако в отечественном литературоведении практически отсутствуют работы, посвященные его творчеству. В рамках статьи для анализа были выбраны два романа – «Камера» и «Глюк»¹, существенно отстоящие друг от друга по времени написания, но стилистически и идейно-тематически схожие.

Эти романы, как и многие другие, объединяет характерный стиль Селби. Он был приверженцем особой формы письма, которая «работала бы как нотная запись» – прямое развитие его любви к классической музыке [11], и обходился без обычных формальностей диалога. Он испытывал глубокую неприязнь к упрощенному и, по его мнению, нереалистичному оформлению слов героев («он сказал, она сказала»). Из-за активного использования потока сознания мысли и реплики персонажей сливаются в один текстовый массив.

Романы объединяет фигура главного героя (безымянный белый американец неопределенного возраста), тема преступления и наказания (или наказания и преступления – в хронологическом порядке публикации романов), социальных проблем США и отчуждения человека от общества, Бога и себя самого. Примечательно, что «Глюк» отсылает к «Камере» текстовыми совпадениями – в эпизодах, описывающих полицейский беспредел в стране.

Начиная с дебютного «Последнего поворота» все романы Селби в высокой степени автобиографичны. Это писатель тяжелой судьбы, определяющий «смерть как [свой] образ жизни» [9, с. 8]. Он многое знал о нищете, безработице, изоляции и наркотической зависимости. После

¹ Более точный перевод оригинального названия – «Период ожидания» – в меньшей степени раскрывает сюжетную интригу произведения.

заражения туберкулезом на торговом корабле Селби прошел курс терапии, включавшей наркотические болеутоляющие, и впоследствии боролся с зависимостью на протяжении десятилетий. Три года в больничной палате и ряд операций привели к инвалидности, ригидности мышц и астме. Писательскую карьеру Селби решил начать по подсказке Г. Соррентино – друга бруклинского детства, писателя и редактора «альтернативного» издательства «Grove Press» во второй половине 1960-х гг.

В эссе «Зависимость» («Addiction», 2000) Селби признавался, что всю жизнь его захлестывали и поглощали деструктивные чувства и эмоции, но самым непереносимым было самоотчуждение, поскольку оно порождало разделение с другими людьми и Богом. Побороть его помогал алкоголь: он создавал *«великую иллюзию»* непогрешимости и цельности [12, с. 609], снимал стыд, вину, неловкость, самоосуждение. По убеждению Селби, алкоголь оказывал на него действие, схожее с результатом духовных практик, но гораздо быстрее. Однако возникала новая проблема – алкогольная зависимость, переросшая в наркотическую:

«An endless cycle of madness and now I have the torment of not being able to stop doing what is killing me. Enter drugs» [Там же, с. 610].

В интервью Селби признавался, что бороться с ужасом зависимости и отчуждения ему помогало творчество [9, с. v]. Жажда творческой самореализации и продуктивного труда и последовавший за публикацией первого же произведения успех Селби объяснял в экзистенциальном ключе [13]. Его путь к славе и признанию мог бы сформировать «личный миф», проиллюстрировать воплощение «американской мечты», но Селби последовательно критиковал утопическую идею. Самым отчетливым нападением на нее стало предисловие 1999 г. к переизданию «Реквиема по мечте» [14, с. v–vii]. Характерно, что в представлении автора утопическая идея редуцируется до материалистической составляющей – дорогих домов и машин, бесконтрольного потребления и жажды наживы.

Погоне за «американской мечтой» Селби противопоставляет то, что писатель и философ-трансценденталист XIX в. Р. У. Эмерсон называет «доверием к себе» («self-reliance»). Внимание к внутреннему голосу, «божественной искре» позволяет наполнить жизнь смыслом и экзистенциальной ценностью, «вернуться к себе». Однако в произведениях Селби применяет апофатическим метод: персонажи его романов оказываются не-

способны отказаться от «лжи иллюзий», затемняющих «истину собственного видения» [14, с. vi], в результате утрачивают все ценное, что у них было.

Хотя в интервью [15] Селби признавался, что он не религиозен в общепринятом смысле, и отрицал, что был последователем какой-либо мировой религии, анализ его произведений и интервью в разные годы показывает, что христианство оказало на него существеннейшее влияние. Его проза наполнена христианскими мотивами, центральным из которых оказывается противопоставление милосердия и справедливости, а также богоборчество.

Текст романа «Камера» представляет собой монолог безымянного американца, заключенного за неизвестное преступление, оформленный потоком сознания. Джайлс отмечает, что «„Камера“, возможно, лучше других романов Селби раскрывает то, как гордость и ненависть к себе, гнев и аутоагрессия, женоненавистничество и отвращение мужских персонажей к собственному телу неразрывно переплетаются в антигероях» [9, с. 45]. Единственное занятие заключенного, его наслаждение и мучение – дикие фантазии, дарующие ему богатство невероятного опыта. Герой воображает, как отстаивает свое доброе имя в суде, «переконструирует» далекое прошлое, ассоциированное со стыдом за нерешительность и слабость, представляет, как отомстил бы задержавшим его полицейским жесточайшими пытками. Фантазии приносят ему физическое и психологическое удовольствие, сравнимое с эффектом наркотического воздействия. Заключенный сталкивается с реальностью, когда ощущает недомогание и вспоминает о своем бесправии и неспособности повлиять на собственную судьбу. Мечтая о глобальном зле, на которое был бы способен персонаж более позднего романа «Бес» Гарри Уайт, заключенный остается наедине со своей болью и яростью.

В фантазиях герой «Камеры» выступает защитником всех невинно осужденных американцев:

«He knew they were aware that he was doing something millions of people wanted to do. Something millions dreamed of and prayed would happen and he was making it happen» [16, с. 90].

Он надеется обрести экзистенциальный контроль над жизнью, освободиться и прославиться, воплотить «американскую мечту», но одновременно с горечью признает ее гнусную изнанку:

«The only way you can beat them is if you steal millions, then they love you. Then everyone respects you for

being a smart businessman and a success» [Там же, с. 280].

В моменты наивысшего отчаяния и иступления заключенный взывает к Богу, но ответа не получает.

В отношении заключенного в полной мере применима формула, обозначенная автором в интервью во время обсуждения «Последнего поворота» и несчастной судьбы его персонажей [17]. Трагедия героев Селби – в отсутствии экзистенциальной ответственности. Ни общественный заговор, ни высшие силы не причастны к их деградации и гибели. Принципиальную роль ответственности подчеркивает эпиграф «Камеры»: он противопоставляет правосудие и милосердие, справедливость и снисхождение. Заключенный может уповать только на помилование, но не закон. Именно эпиграф задает напряженную оппозицию, проявляющуюся в противостоянии государственной машины с произволом в полиции и суде и простого оступившегося человека.

Доминирующим приемом в последнем романе Селби «Глюк» [18] также становится поток сознания, временами прерываемый курсивом неизвестной инстанции. Автор показывает, как безымянный компьютерный специалист из разочарованного ветерана войны и инвалида превращается в хладнокровного террориста. Катализатором трансформации служит попытка самоубийства. Из-за сбоя компьютерной системы («глюка») герой временно лишен возможности купить оружие. Однако после ожидания («waiting period») его планы меняются: он решает покончить со своими мучителями. Первой мишенью становится бюрократ из Управления по делам ветеранов, который отказывает герою в пособии, и эту несправедливость тот исправляет, отравив чиновника смертельной дозой кишечной палочки. Следующей жертвой становится мужчина, которого тридцать лет назад оправдали по делу об убийстве двух чернокожих врачей. Расправившись и с ним, и с присяжными, убийца травит итальянских мафиози на русских серий террористических атак.

Литературные критики отмечают, что роман достоверно репрезентирует «безостановочную нисходящую спираль обсессивно-компульсивной агрессии и психоза» [19], закономерного отмщения за причиняемые обществом страдания [20]. Читательские мнения радикально разделились: одни отмечают бескомпромиссную реалистичность изображаемого, правдоподобие ужасного и радикальные стилистические решения автора; другие подчеркивают монотонность и «нечитаемость» текста, называют роман «нудным, пре-

тенциозным, скучным и бессмысленным», сравнивают с «Реквиемом по мечте» в пользу последнего, предлагают разбить «Глюк» на главы, построенные вокруг отдельных инцидентов, и добавить второстепенных персонажей [21]. Представляется, причина негативных оценок во многом кроется в обманутых ожиданиях: после более конвенционального «Реквиема по мечте» и лиричной «Ивы» в «Глюке» Селби возвращается к темам, которые он развивал в «Камере», усиливает синтез социально-критической заряженности и экзистенциальной проблематики.

В финале романа герой решает съездить в Коста-Рику, где радуется экзотической природе и красоте мира. Описание поездки занимает всего страницу и венчает морально-психологический коллапс. С одной стороны, возникает ощущение работы угасающего сознания, намекающей на успех попытки самоубийства. Ответственность за решение о том, считать ли происходящее лишь фантазией героя, лежит на читателе [20]. С другой стороны, если герой действительно уезжает в Коста-Рику, его следы теряются, он сливается с универсумом. В любом случае он в картезианском стиле обозначает свою жизнь как путь к смерти: «*I think therefore I die*» [18, с. 124].

Особый интерес представляет курсив, прерывающий внутренний монолог убийцы. Поначалу курсивный голос бесстрастно комментирует состояние героя, но довольно быстро переходит к моральной оценке действий убийцы. В конце он выражает откровенную поддержку герою в совершении терактов. Очевидно, что голос высшей инстанции искаженным образом последовательно отражает события внутренней жизни героя: массовый убийца искренне уверен в том, что его действия санкционированы Богом. Герой противопоставляет себя убийце чернокожих врачей: того обуяло сумасшествие американского мачо [Там же, с. 12–13], а он – безымянный вигиланте, «американский Адам» – вершит истинное правосудие. Убийца с осуждением замечает: «...*that is the American way, punish, punish and then punish*» [Там же, с. 195], и сам берет на себя функции Бога, как их понимает. Так, он резко критикует теракт в Оклахома-Сити 19 апреля 1995 г. из-за убийства детей.

Посвящение романа инквизиции подчеркивает самопровозглашенную праведность этого «судьи»: он замещает «внутреннее видение» псевдобожественной проекцией, легитимизирующей его действий. Подобная подмена оказывается возможной в категориальном состоянии пустоты: заключенный в «Камере» тщетно взывал к Богу, а террорист верит, что удачное стечение обстоятельств – это ответ на его просьбы о помощи.

Кроме того, убийца демонстрирует богоборческие настроения: он обвиняет Иисуса Христа в лицемерном воскрешении одного единственного Лазаря, когда окружающий мир полнится страданиями, – и обещает навести порядок [Там же, с. 122].

Таким образом, герои «Камеры» и «Глюка» – безымянные американцы – учиняют «правосудие» либо в своих фантазиях, либо в художественной реальности произведения. Они постоянно обращаются к Богу и даже пытаются играть его роль. Ощущение собственной исключительности оказывает, с одной стороны, терапевтический эффект, обеспечивая экзистенциальный контроль над миром; с другой стороны, оно выступает причиной отчуждения персонажа от себя, общества и Бога, к которому герои постоянно взывают.

Список источников

1. Books: *Borderline Psychotic*. URL: <https://time.com/archive/6814088/books-borderline-psychotic/> (дата обращения: 23.05.2024).
2. *Last Exit to Brooklyn* by Hubert Selby. URL: <https://groveatlantic.com/book/last-exit-to-brooklyn/> (дата обращения: 23.05.2024).
3. *Beyond Revulsion*. *Last exit to Brooklyn*. URL: <https://www.nytimes.com/1964/11/08/archives/beyond-revulsion-last-exit-to-brooklyn-by-hubert-selby-jr-304-pp.html> (дата обращения: 23.05.2024).
4. *Last Exit to Brooklyn*. Hubert Selby Jr. URL: <http://www.marionboyars.co.uk/Amy%20individual%20book%20info/LastExit.html> (дата обращения: 23.05.2024).
5. Raab O. May 2020, *Last Exit to Brooklyn* by Hubert Selby Jr. URL: <https://medium.com/david-bowie-book-club/may-2020-last-exit-to-brooklyn-by-hubert-selby-jr-4f40382da22> (дата обращения: 23.05.2024).
6. Sowa D. B. *Literature suppressed on social grounds*. New York: Facts on file, 2006. 416 p.
7. Lucas J. *Treasuring Hubert Selby Jr*. URL: <https://www.theguardian.com/books/booksblog/2010/sep/16/treasuring-hubert-selby-jr> (дата обращения: 23.05.2024).
8. Bowers A. L. «As un-American as rabies»: addiction and identity in American postwar junkie literature: doctoral thesis. Texas A&M University, 2009. 212 p.
9. Giles J. R. *Understanding Hubert Selby, Jr*. Columbia: University of South Carolina Press, 1998. 163 p.
10. Show P. W. *The modern American novel of violence*. Troy: The Whitston publishing company, 2000. 221 p.
11. Brick C. *Hubert Selby Jr's war on God*. URL: <https://www.spiked-online.com/2018/05/30/hubert-selby-jrs-war-on-god/> (дата обращения: 23.05.2024).
12. Selby H. *Addiction // Addiction research*. 2000. Vol. 8. № 6. P. 609–612.
13. Brick C. *Viva dead ponies. The short life and long death of Hubert Selby Jr*. URL:

<https://carltonbrick.net/2019/09/05/viva-dead-ponies-the-short-life-and-long-death-of-hubert-selby-jr/> (дата обращения: 23.05.2024).

14. Selby H. *Requiem for a dream*. New York: Thunder's Mouth Press, 2000. 288 p.
15. Couteau R. *Defining the sacred: Hubert Selby, Jr. On spirituality, the creative will, & love*. URL: <https://raintaxi.com/defining-the-sacred/> (дата обращения: 23.05.2024).
16. Selby H. *The room*. London, New York: Marion Boyars, 1998. 293 p.
17. O'Brien J. *A Conversation with Hubert Selby // The Review of Contemporary Fiction*. 1981. Vol. 12. P. 315–335. URL: <http://www.dalkeyarchive.com/a-conversation-with-hubert-selby-by-john-obrien/> (дата обращения: 23.05.2024).
18. Selby H. *Waiting period*. London, New York: Marion Boyars, 2002. 208 p.
19. Stapleton C. Book review: *Waiting period* by Hubert Selby Jr. URL: <http://www.bloodygoodhorror.com/bgh/book-review-waiting-period-by-hubert-selby-jr> (дата обращения: 23.05.2024).
20. Wardana R. *Vengeance is mine. Want some? Hubert Selby's Waiting Period*. URL: <https://bobbygw.com/2011/09/14/vengeance-is-mine-like-some-hubert-selbys-waiting-period/> (дата обращения: 23.05.2024).
21. *Waiting period* by Hubert Selby Jr.: customer reviews. URL: <http://surl.li/tyifg> (дата обращения: 23.05.2024).

References

1. Books: *Borderline Psychotic*. URL: <https://time.com/archive/6814088/books-borderline-psychotic/> (accessed: 23.05.2024). (In English)
2. *Last Exit to Brooklyn* by Hubert Selby: Review. URL: <https://groveatlantic.com/book/last-exit-to-brooklyn/> (accessed: 23.05.2024). (In English)
3. *Beyond Revulsion*. *Last Exit to Brooklyn*. URL: <https://www.nytimes.com/1964/11/08/archives/beyond-revulsion-last-exit-to-brooklyn-by-hubert-selby-jr-304-pp.html> (accessed: 23.05.2024). (In English)
4. *Marion Boyars' Last Exit to Brooklyn*. Hubert Selby. URL: <http://www.marionboyars.co.uk/Amy%20individual%20book%20info/LastExit.html> (accessed: 23.05.2024). (In English)
5. Raab, O. *Last Exit to Brooklyn* by Hubert Selby, Jr. URL: <https://medium.com/david-bowie-book-club/may-2020-last-exit-to-brooklyn-by-hubert-selby-jr-4f40382da22> (accessed: 23.05.2024). (In English)
6. Sowa, D. B. (2006). *Literature Suppressed on Social Grounds*. 416 p. New York, Facts on file. (In English)
7. Lucas, J. *Treasuring Hubert Selby Jr*. URL: <https://www.theguardian.com/books/booksblog/2010/sep/16/treasuring-hubert-selby-jr> (accessed: 23.05.2024). (In English)
8. Bowers, A. L. (2009). «As un-American as Rabies»: *Addiction and Identity in American Postwar Junkie*

Literature. Doctoral Thesis. 212 p. Texas A&M University. (In English)

9. Giles, J. R. (1998). *Understanding Hubert Selby, Jr.* 163 p. Columbia, University of South Carolina Press. (In English)

10. Show, P. W. (2000). *The Modern American Novel of Violence*. 221 p. Troy, The Whitston Publishing Company. (In English)

11. Brick, C. *Hubert Selby Jr's War on God*. URL: <https://www.spiked-online.com/2018/05/30/hubert-selby-jrs-war-on-god/> (accessed: 23.05.2024). (In English)

12. Selby, H. (2000). *Addiction*. *Addiction Research*. Vol. 8, Issue 6, pp. 609–612. (In English)

13. Brick, C. *Viva Dead Ponies. The Short Life and Long Death of Hubert Selby Jr.* URL: <https://carltonbrick.net/2019/09/05/viva-dead-ponies-the-short-life-and-long-death-of-hubert-selby-jr/> (accessed: 23.05.2024). (In English)

14. Selby, H. (2000). *Requiem for a Dream*. 288 p. New York, Thunder's Mouth Press. (In English)

15. Couteau, R. *Defining the Sacred: Hubert Selby, Jr. On Spirituality, the Creative Will, & Love*. URL: <https://raintaxi.com/defining-the-sacred/> (accessed: 23.05.2024). (In English)

16. Selby, H. (1998). *The Room*. 293 p. London, New York, Marion Boyars. (In English)

17. O'Brien, J. (1981). *A Conversation with Hubert Selby*. *The Review of Contemporary Fiction*. Vol. 12, pp. 315–335. URL: <http://www.dalkeyarchive.com/a-conversation-with-hubert-selby-by-john-obrien/> (accessed: 23.05.2024). (In English)

18. Selby, H. (2002). *Waiting Period*. 208 p. London, New York, Marion Boyars. (In English)

19. Stapleton, C. *Book Review: Waiting Period by Hubert Selby, Jr.* URL: <http://www.bloodygoodhorror.com/bgh/book-review-waiting-period-by-hubert-selby-jr> (accessed: 23.05.2024). (In English)

20. Wardana, R. *Vengeance is Mine. Want Some? Hubert Selby's Waiting Period*. URL: <https://bobbygw.com/2011/09/14/vengeance-is-mine-like-some-hubert-selbys-waiting-period/> (accessed: 23.05.2024). (In English)

21. *Waiting Period by Hubert Selby, Jr.: Customer Reviews*. URL: <http://surl.li/tyifg> (accessed: 23.05.2024). (In English)

The article was submitted on 01.06.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Вихрова Ксения Александровна,
старший преподаватель,
Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия
им. А. Л. Штиглица,
191028, Россия, Санкт-Петербург,
Соляной пер., 13.
r2654256@gmail.com

Vikhrova Kseniya Aleksandrovna,
Assistant Professor,
St. Petersburg Stieglitz State Academy
of Art and Design,

13 Solyanoy Lane,
St. Petersburg, 191028, Russian Federation.
r2654256@gmail.com

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-187-192

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РУССКИХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ МИФОВ В ЦИКЛЕ К. К. СЛУЧЕВСКОГО «БАЛЛАДЫ, ФАНТАЗИИ И СКАЗЫ»

© Надежда Ворожцова

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF RUSSIAN CULTURAL AND HISTORICAL MYTHS IN K. SLUCHEVSKY'S CYCLE "BALLADS, FANTASIES AND TALES"

Nadezhda Vorozhtsova

The article is devoted to the philosophical understanding of the cultural and historical myths in K. Sluchevsky's cycle "Ballads, Fantasies and Tales". The object of the study is his poems on historical topics: "Peter I on the Canals", "About Tsarevich Alexei", "About the First Soldier", "The Novgorod Tradition" and "The Crown of Patriarch Nikon". In the lyrical microcycle, which includes the first three poems, the image of Peter I is considered to be the ideal of a ruler who cares for the Fatherland, the creator of the Russian army and, at the same time, a person who is characterized by ordinary human feelings. Along with the image of Peter, the poet creates the image of people, who are a driving force and who support the reformer king. The next two works describe historical events, in which the famous figures of Ivan III and Patriarch Nikon are interpreted by the poet in a negative way. The figure of Nikon is indicative, characterized by the poet as an ambitious, powerful person with a demonic essence. The people in these works are shown by K. Sluchevsky as a force that creates history and preserves its spiritual memory. Thus, on the one hand, the texts examine two opposing concepts of relations between the authorities and the people that are connected with the cultural and historical myth of Peter as the defender of the Russian Fatherland; on the other hand - with the legends about the destruction of the Novgorod independence by Ivan III and the split of the Russian church as a result of Nikon's reforms.

Keywords: historical subjects, cultural and historical myths, lyrical microcycle, power, people

Статья посвящена философскому осмыслению культурно-исторических мифов цикла К. К. Случевского «Баллады, фантазии и сказы». Объектом исследования являются стихотворения на историческую тематику: «Петр I на каналах», «О царевиче Алексее», «О первом солдате», «Новгородское предание», «Корона патриарха Никона». В лирическом микроцикле, включающем первые три стихотворения, рассматривается образ Петра I как идеал правителя, радеющего за Отчизну, создателя русской армии и в то же время человека, которому свойственны обычные человеческие чувства. Наряду с образом Петра поэт создает облик народа, который является движущей силой и поддерживает царя-реформатора. В последующих двух произведениях описываются исторические события, в которых известные деятели Иван III и патриарх Никон осмысливаются К. К. Случевским в негативном ключе. Показательна фигура Никона, который характеризуется по этому как честолюбивый, властный человек, имеющий демоническую сущность. Народ в этих произведениях показан К. К. Случевским как сила, которая создает историю и сохраняет духовную память о ней. Таким образом, в текстах рассматриваются две противоположные концепции отношений между властью и народом, которые связаны, с одной стороны, с культурно-историческим мифом Петра I – защитника российского Отечества и государства, с другой – с преданиями об уничтожении новгородской вольницы Иваном III и о расколе русской церкви в результате реформ Никона.

Ключевые слова: исторические сюжеты, культурно-исторические мифы, лирический микроцикл, власть, народ

Для цитирования: Ворожцова Н. Философское осмысление русских культурно-исторических мифов в цикле К. К. Случевского «Баллады, фантазии и сказы» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 187–192. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-187-192

К. К. Случевский – поэт последней трети XIX в., в творчестве которого присутствуют произведения на историческую тематику, входящие в цикл «Баллады, фантазии и сказы»: «Петр I на каналах», «О царевиче Алексее», «О первом солдате», «Новгородское предание», «Корона патриарха Никона». Все эти произведения создавались в 1880-е гг. и в 1890 г. Этот период характеризуется кризисом государственной власти, усилением террора, приведшего к убийству императора Александра II в 1881 г., и последующей за этим политической реакцией. В связи с данным фактом обращение к историческому прошлому закономерно как попытка осмыслить современную политическую ситуацию. Все произведения К. К. Случевского объединены общей проблематикой: ответственности правителя перед своим народом и осмысления тяжелого бремени власти, с одной стороны, а с другой – попыткой обрести власть любыми средствами и возвыситься над народом. Опираясь на фольклорные легенды и летописные предания, связанные с историческими событиями XV–XVIII вв., К. К. Случевский через поэтическую интерпретацию Ивана III, Никона и Петра I воссоздает психологический, культурно-исторический и духовно-нравственный облик этих известных исторических личностей, а также выходит на уровень анализа особенностей русского национального сознания.

В своем исследовании мы опираемся на научные труды А. В. Федорова [1], Е. А. Тахо-Годи [2], А. Г. Масловой и А. А. Деньгиной [3], диссертацию Н. В. Мадигужиной [4]. В этих работах дается характеристика общих художественных особенностей творчества К. К. Случевского или затрагиваются отдельные аспекты интерпретации мифологических сюжетов и образов, но ни в одной работе нет обращения к анализу историко-мифологической составляющей цикла «Баллады, фантазии и сказы». Некоторые моменты, связанные с нашей темой, присутствуют во вступительной статье А. В. Федорова, но в целом стихотворения на историческую тему в том аспекте, который заявлен в нашем исследовании, нигде не проанализированы. В связи с этим предпринятое исследование обладает научной новизной.

В произведениях, которые анализируются в данном исследовании, К. К. Случевский обращается к преданию о снятии вечного колокола и покорении Великого Новгорода Иваном III в XV в., эпохе раскола русской православной церкви в XVII в. и периоду царствования Петра I.

Центральной фигурой исторических произведений становится образ Петра I. Он рассмат-

ривается в микроцикле, в который входят 3 стихотворения: «Петр I на каналах», «О первом солдате», «О царевиче Алексее». В этих текстах создается облик Петра I как правителя, заботящегося о государстве, который осмысливается в русле русской традиции культурно-исторического мифа монарха-демиурга, исполняющего Божью волю на земле. По мнению В. М. Живова, в отечественной версии «европейской концепции монарха как распорядителя всеобщего блага» с периода царствования Алексея Михайловича происходит «беспрецедентная сакрализация царя» [5, с. 666]. В то же время русский император предстает в интерпретации К. К. Случевского и как человек, имеющий свои слабости, страсти и переживания. Помимо этого, наряду с образом Петра I К. К. Случевский подчеркивает роль простого народа в созидании Русского Отечества.

В стихотворении «Петр I на каналах», как отмечает А. В. Федоров, описывается «строительство Вышневолоцкой водной системы, где были обнаружены злоупотребления и непорядки <...> и Ладожского канала, где бывший обер-прокурор Скорняков-Писарев в 1724 г. допустил „потачку и недосмотр“, чем вызвал гнев Петра» [6, с. 424]. Речь идет об искусственной водной системе в России в районе города Вышний Волочек и о «Ладожском канале», построенном вдоль берега Ладожского озера, соединяющем реки Волхов и Неву (строился в начале XVIII в., протяженность 117 км).

Особое внимание К. К. Случевский уделяет психологической характеристике реакции Петра. Измерив глубину канала, царь осознал ложь царедворцев. Психологически характеризуя его состояние, К. К. Случевский восклицает: «*Не царю бы краснеть!*», отмечая, что из очей монарха «*две слезы проступили*», и подчеркивает стыд окруживших его людей, которые «*бледнея, молчанье хранили...*» [7, с. 49]. Поэт объективно передает поведение царя, мгновенно среагировавшего на неправду и готового покарать воров и «*сокрушить, если что не по нраву*» [Там же, с. 49]. Мошеничество со стороны купцов воспринимается царем как предательство перед Отечеством, которые вместо вклада в строительство канала наживаются, думая прежде всего о своем личном благосостоянии в отличие от Петра I.

Философский смысл произведения состоит в том, что Случевский подчеркивает важность личной ответственности правителя за то, что совершается по его указанию. Обращение к фигуре Петра I связано с ситуацией кризиса государственной власти в 1880-х гг., поэт пытается осмыс-

лить идеал правителя, каким он должен быть: строгим, требовательным и в то же время человечным. Эта же идея прослеживается в последующих произведениях.

В другом стихотворении «О первом солдате» говорится о солдате Бухвостове, с которым *«Петровская бригада / Народилась из наряда / Стала в первый ряд!»* [Там же, с. 50] Этот солдат воспринимается как основатель петровского «потешного войска», и К. К. Случевский пытается донести мысль, что Бухвостов, живший 200 лет назад, стал первым в петровском войске, победившем изменников стрельцов, шведов и основавшем город Петербург. В результате простой солдат становится символом русского народа, поддержавшего первого императора и его реформы. В заключение К. К. Случевским на первый план выдвигается фигура простого солдата, благодаря которому и оказались возможными петровские преобразования: *«Вот как было дело просто / С той поры, как жил Бухвостов, / Первый наш солдат!»* [Там же, с. 52].

Поэт называет войско Петра – «божья рать», что характеризует царя как демиурга (творца). Осмысление К. К. Случевским эпохи становления армии Петра I и ее исторической роли в произведении связано с культурно-историческим мифом защиты Петром российского Отечества и государства. В то же время важнейшим является и упоминание о первом солдате. Не только правители, по мнению поэта, остаются в истории, значимая роль в историческом движении принадлежит и самым простым людям, обычным солдатам. Благодаря им формируется национальное единство, создается мощная сила, поддерживающая прогрессивные реформы правителя-преобразователя. Таким образом, в стихотворении «О первом солдате» К. К. Случевский подчеркивает историческую роль русского народа, который демонстрирует огромный потенциал в достижении поставленных целей под руководством царя-демиурга.

Произведение «О царевиче Алексее» содержит исторический сюжет о событиях периода правления Петра I. Заглавие отсылает к сыну Петра I, однако, как указано в примечании к стихотворению А. В. Федорова, стихотворение содержит «общеизвестные исторические факты» и освещает события в соответствии с интерпретацией, предложенной С. М. Соловьевым в труде «История России с древнейших времен» [6, с. 425]. Однако, несмотря на то что заглавие отсылает к царевичу Алексею, основным образом здесь является фигура Петра I.

По сути, в стихотворении описывается тяжелая политическая обстановка в стране, связанная

с интригами и заговорами против правления царя. Не все были довольны реформами, вводимыми Петром I. Но не это становится основной идеей произведения. К. К. Случевский сосредоточен на характеристике внутреннего конфликта Петра как правителя и как отца. Выбор, вставший перед царем, связан с принятием решения о продолжении прогрессивных реформ в государстве или сохранении морального облика отца. Автор понимает трудность нравственного выбора Петра, принимающего решение пожертвовать сыном, и в финале подчеркивает, что судить такого «гиганта» очень сложно, так как на нем лежит большая ответственность перед народом и страной: *«Как его, гиганта, мерить / Нашим маленьким аришином?»* [7, с. 57]. В целом автору удалось передать атмосферу тревоги правителя за будущее страны и выразить свое положительное восприятие Петра I.

Во всех трех исследованных произведениях, посвященных Петру I, выстраивается особая философская концепция власти и народа: с одной стороны, правитель несет ответственность за честное исполнение указов, которые им приняты, с другой – является обычным человеком, которому не чужды человеческие эмоции. При этом К. К. Случевский говорит и о сложности нравственного выбора правителя, который не всегда следует высшим духовным заповедям. От царя иногда требуется проявление жестокости, расправы с нарушителями и изменниками. Огромную роль в историческом движении поэт отводит народу. История, по его мнению, зависит не только от правителей, но и от простых людей, простых солдат.

Также в цикле «Баллады, фантазии и сказы» К. К. Случевский обращается к интерпретации событий, связанных с эпохой присоединения Великого Новгорода к Москве. Данному факту посвящено стихотворение «Новгородское предание», которое основано на легенде о возникновении «Валдайских колокольчиков» [6, с. 426]. В тексте актуализировано предание, связанное со снятием вечового колокола, символизирующим падение новгородской вольницы.

Композиционно текст состоит из нескольких частей: приезд епископа – снятие вечового колокола – путь в Москву – повеление царя разбить колокол – возрождение в колокольчиках, собранных из частей этого колокола [7, с. 59].

Образ Ивана III подробно не описывается, акцентируются только действия по отношению к новгородцам, из которых трансформируется не совсем привлекательный облик. Великий Новгород до присоединения был богатой боярской республикой, и серьезные вопросы решались на

городском вече, на которое народ созывался колоколом. Забрав колокол, царь лишил город политической независимости, присоединив Новгород к Московскому государству [8, с. 54]. Исторические факты свидетельствуют о том, что «новгородские бояре Борецкие ради сохранения своей власти и влияния пошли на заключение договора с Казимиром IV», а Иван III, узнав об этом, «предпринял военный поход» [Там же]. В то же время в стихотворении К. К. Случевским данная ситуация не актуализирована, на первом плане – легенда о снятии колокола. Народ воспринимает это событие со страхом, что подчеркивается эпитетами «оцепенелый» и «бледный» («Народ оцепенелый», «глядели бледною толпой») [9, с. 58]. Таким образом, К. К. Случевский подчеркивает внутренний конфликт в душе новгородского народа, который, с одной стороны, понимает необходимость объединения с Москвой, с другой – насторожен по отношению к будущему, началом которого стало уничтожение их колокола.

Вторая композиционная часть «Новгородского предания» – это преображение разбитого вечного колокола в валдайские колокольчики, которые, «быль старинную вещь» [7, с. 59], сохраняют память о случившемся. Так поэтом подчеркивается идея вечной памяти о прошлых исторических событиях. Основная философская мысль стихотворения – ничто не проходит бесследно, в народе хранится память о всех драматических моментах русской истории.

Проблема взаимоотношения представителя власти и народа раскрывается в произведении «Корона патриарха Никона». В тексте поэт прибегает к трагическому описанию исторических событий, случившихся во второй половине XVII в. Трагизм связан с разрушением монолитности и идентичности Церкви. К. К. Случевский в стихотворении осмысляет роль Никона в русской истории, а точнее его участие в расколе русской православной церкви, и реакцию народа на изменения некоторых православных обрядов: «крещение тремя перстами вместо двух, вместо земных поклонов поясные» и др. [9, с. 27].

В центре стихотворения образ патриарха Никона и его корона. Деяния Никона К. К. Случевским интерпретируются негативно: «...он книги перевел / Неверно с истиной» [7, с. 62–63].

Существенной в стихотворении является строка: «Корона Никона! В ней – быть или не быть» [Там же, с. 60], где отражается сомнение и выбор нового русского патриарха. Поэт негативно показывает мнимое величие Никона, связанное с грезами патриарха, представляющего себя «Первосвятителем духовного закона», воз-

вышающимся над покорным услужливым народом и гордо шествующим «с церковного амвона» в своей короне [Там же, с. 60–61]

К. К. Случевский характеризует Никона как честолюбивую, властную личность. Патриарх Никон в короне, с одной стороны, представляется демоническим, так как он распространял и культивировал заграничные обряды, а с другой – показываются его внешнее благочестие и квазивеличественность.

Так, образ Никона интерпретируется поэтом как победа иностранных традиций над исконными русскими, а корона Никона является символом утраченных традиций русской православной религии и ее самобытности.

Исторический предмет *корона* становится для поэта основой философских размышлений о власти, к которой несправедливо стремится человек, и – как следствие – он воспринимается как бес. Народ недаром восклицает: «То бес идет! Ведет свою ораву...» [Там же, с. 61]

Размышляя о прошлом, Случевский пытается осмыслить будущее России и русского народа. Поэт выражает веру в русский народ, который следует сложившимся веками нравственным духовным традициям и несет в хоругвях «живой своей души испытанную мощь!» [Там же, с. 64] Духовная сила народа неистребима, поэтому в стихотворении звучит утверждение: «И будет так всегда...» [Там же].

Таким образом, Никон и его стремление к власти интерпретируется Случевским в деструктивном ключе, а народ, воспринявший Никона как слугу дьявола, изображается как хранитель русских национальных духовных традиций.

В финале стихотворения «Корона патриарха Никона» поэт пророчествует о будущем вожде русского народа: «О! Кто ж вести возьмется / Народ на новый путь неясных благостынь!» [Там же]. Предвещая появление нового вождя, который, подобно Никону, попытается бросить вызов Божеству и воздействовать на душу русского народа своими «неведомыми и темными волхованиями» [7, с. 64], К. К. Случевский пророчествует о будущей народной революции «... что тогда заговорит народ? ...» [Там же].

Важно отметить, что в цикле «Баллады, фантазии и сказы» исторические события рассмотрены не в хронологическом порядке: на первое место К. К. Случевский ставит стихотворения о Петре I, а затем произведения о более ранних исторических деятелях. Таким расположением, имеющим нисходящее развитие отношений между правителем, деятелем и народом, от лучшего к худшему, поэт конкретными примерами из русской истории пытается предостеречь совре-

менную власть о риске преобразований, которые могут произойти, если власть не найдет понимание с народом.

Первые три произведения: «Петр I на каналах», «О первом солдате», «О царевиче Алексее» – содержат идеальный образ правителя, нацеленного на созидание, пользующегося уважением у народа. Последние два, «Новгородское предание» и «Корона патриарха Никона», показывают, что далеко не всегда в истории выстраиваются идеальные отношения между правителем и народом. Наиболее показательно в этом случае произведение «Корона патриарха Никона», в котором изображается личность, стремящаяся захватить власть и возвыситься над народом, не имея при этом «истины». Народ же противится Никону, и К. К. Случевский подчеркивает, что народ не всегда будет «безмолвствовать». Таким образом, изображаемые исторические эпизоды, отраженные в текстах поэта, свидетельствуют как о положительных, так и об отрицательных государственных деятелях.

В целом философское осмысление русской истории отражает позицию К. К. Случевского, считающего, что при всей важности личной ответственности правителя, несущего на себе бремя власти, именно народ является той силой, которая создает историю и сохраняет духовную память о ней.

Список источников

1. Федоров А. В. Поэтическое творчество К. К. Случевского // К. К. Случевский. Стихотворения и поэмы. М.–Л.: Сов. писатель, 1962. С. 5–52.
2. Тахо-Годи Е. А. Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне: монография. СПб.: Алетея, 2000. 400 с.
3. Маслова А. Г., Деньгина А. А. Мифологические сюжеты и образы в цикле К. К. Случевского «Баллады, фантазии и сказы» // Общество. Наука. Инновации (НПК-2023): Сборник материалов XXIII Всероссийской (национальной) науч.-практ. конференции, приуроченной к 60-летию ВятГУ. В 2 томах, Киров, 12–22 апреля 2023 года. Том 1. Киров: Вятский государственный университет, 2023. С. 136–140.
4. Мадигожина Н. В. Поэтика К.К. Случевского: проблемы полифонизма и прозаизации лирики: дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1991. 183 с.
5. Живов В. М. Государственный миф в эпоху просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры. Т. 4: (XVIII – начало XIX века): Статьи по истории и типологии русской культуры. М., 1996. С. 657–685.
6. Федоров А. В. Примечания // К. Случевский. Стихотворения и поэмы. М.–Л.: Сов. писатель, 1962. С. 407–445.

7. Случевский К. К. Сочинения Случевского К. К. в 6 т. Т. 2. Стихотворения. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1898. 366 с.

8. Зверев В. В. История России с иллюстрациями // Краткий курс: учебное пособие. М.: РГ-Пресс, 2023. С. 54–58.

9. Гаршин П. А. Причины, ход и последствия церковного раскола / П. А. Гаршин, С. А. Бондарь // Вестник магистратуры. 2022. № 11–5 (134). С. 26–28.

References

1. Fedorov, A. V. (1962). *Poeticheskoe tvorchestvo K. K. Sluchevskogo* [Poetic WORKS of K. Sluchevsky]. Sluchevskii K. K. Stihotvoreniya i poemys. Pp. 5–52. Moscow – Leningrad, Sov. pisatel'. (In Russian)
2. Takho-Godi, E. A. (2000). *Konstantin Sluchevskii. Portret na pushkinskom fone* [Konstantin Sluchevsky. The Portrait against the Pushkin Background]. Monografiya. 400 p. St. Petersburg, Aleteiya. (In Russian)
3. Maslova, A. G., Den'gina, A. A. (2023). *Mifologicheskie syuzhety i obrazy v tsikle K. K. Sluchevskogo "Ballady, fantazii i skazy"* [Mythological Subjects and Images in K. Sluchevsky's Cycle "Ballads, Fantasies and Tales"]. Obshchestvo. Nauka. Innovatsii (NPK-2023): Sbornik materialov XXIII Vserossiiskoi (nacional'noi) nauchno-prakticheskoi konferentsii, priurochennoi k 60-letiyu VyatGU. V 2 tomakh, Kirov, 12–22 aprelya 2023 goda, pp. 136–140. Tom 1. Kirov, Vyatskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)
4. Madigozhina N. V. (1991). *Poetika K. K. Sluchevskogo: problemy polifonizma i prozaizatsii liriki: dissertatsiya ... kand. filol. nauk.* [K. Sluchevsky's Poetics: The Problems of Polyphonicism and Proseization of Lyrics: Ph.D. Thesis]. Alma-Ata, 183 p. (In Russian)
5. Zhivov, V. M. (1996). *Gosudarstvennyi mif v epokhu prosveshcheniya i ego razrushenie v Rossii kontsa XVIII veka* [State Myth in the Era of Enlightenment and Its Destruction in Russia in the Late 18th Century]. Iz istorii russkoi kul'tury. T. 4. (XVIII – nachalo XIX veka): Stat'i po istorii i tipologii russkoi kul'tury, pp. 657–685. Moscow. (In Russian)
6. Fedorov, A. V. (1962). *Primechaniya* [Notes]. Sluchevskii K. K. Stihotvoreniya i poemys. Pp. 407–445. Moscow – Leningrad. Sov. pisatel'. (In Russian)
7. Sluchevskii, K. K. (1898). *Sochineniya Sluchevskogo K. K. v 6 t.* [Works of Sluchevsky K. in 6 Volumes]. T. 2. Stikhotvoreniya. 366 p. St. Petersburg. Izd. A. F. Marksa. (In Russian)
8. Zverev, V. V. (2023). *Istoriya Rossii s illyustratsiyami* [History of Russia with Illustrations]. Kratkii kurs: uchebnoe posobie. Pp. 54–58. Moscow, RG-Press. (In Russian)
9. Garshin, P. A. (2022). *Prichiny, hod i posledstviya tserkovnogo raskola* [Causes, Course and Consequences of the Church Schism]. P. A. Garshin, S. A. Bondar'. Vestnik magistratury. No. 11–5(134), pp. 26–28. (In Russian)

The article was submitted on 28.08.2024

Поступила в редакцию 28.08.2024

Ворожцова Надежда Анатольевна,
аспирант,
Вятский государственный университет,
610000, Россия, Киров,
Московская, 36.
nad3657@inbox.ru

Vorozhtsova Nadezhda Anatolyevna,
graduate student,
Vyatka State University,
36 Moskovskaya Str.,
Kazan, 610000, Russian Federation.
nad3657@inbox.ru

УДК 82.09

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-193-198

ТРАДИЦИИ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ И ТАТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

© Альфия Галимуллина, Гульфия Гайнуллина

TRADITIONS OF CLASSICAL LITERATURE IN THE WORK OF MODERN RUSSIAN AND TATAR WRITERS FROM THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Alfiya Galimullina, Gulfiya Gainullina

The article examines the dialogue between modern Russian and Tatar poets from the Republic of Tatarstan and classical writers. In the works of Renat Kharis, Mark Zaretsky, Nikolai Belyaev, Sergey Malyshev, Timur Aldoshin, Rustem Sabirov and Lyudmila Ufimtseva, the dialogue with Russian and Tatar classical literature is built on a wide literary and cultural background, turning into a polylogue. Often, modern Tatar and Russian poets turn to the works of A. Pushkin, M. Lermontov and G. Tukay, traditionally comparing G. Tukay with Russian classics. In the work of the poets from the Republic of Tatarstan, a dialogue is built with the poets biographically associated with our region. In the poetic dialogue, we can identify two main trends: first of all, modern Tatar and Russian poets from the Republic of Tatarstan comprehend the associative connection with the biographical facts and the personality of classical poets, finding moral support in their work, comparing their work and the work of their contemporaries with standards of high poetry. Often, this comparison is not in favor of the modern poets; however, the poets turn to traditional themes, genres, images, transforming them at the present stage of the literary development.

Keywords: Russian literature, Tatar literature, dialogue of literatures, reception of classical text, Renat Haris, Derdmend, Mark Zaretsky, Rustem Sabirov, Nikolai Belyaev, Sergey Malyshev, Timur Aldoshin, Rustem Sabirov, Lyudmila Ufimtseva

В статье рассматривается диалог современных русских и татарских поэтов Республики Татарстан с писателями-классиками. В творчестве Рената Хариса, Марка Зарецкого, Николая Беляева, Сергея Малышева, Тимура Алдошина, Рустема Сабирова, Людмилы Уфимцевой диалог с русской и татарской классической литературой выстраивается на широком литературно-культурологическом фоне, превращаясь в полилог. Отметим, что наиболее часто современные татарские и русские поэты обращаются к творчеству А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Г. Тукая, традиционно сравнивая Г. Тукая с русскими классиками. В творчестве поэтов Республики Татарстан активно выстраивается диалог с поэтами, биографически связанными с нашим регионом. В поэтическом диалоге мы можем выделить две основные тенденции: в первую очередь, современные татарские и русские поэты Республики Татарстан осмысливают ассоциативную связь с биографическими фактами, с личностью поэтов-классиков, находят нравственную опору в их творчестве, сопоставляют свое творчество и творчество своих современников с эталонами высокой поэзии, зачастую это сравнение не в пользу современных поэтов, а с другой стороны, поэты обращаются к традиционным темам, жанрам, образам, трансформируя их на современном этапе развития литературы.

Ключевые слова: русская литература, татарская литература, диалог литератур, рецепция классического текста, Ренат Харис, Дэрдемд, Марк Зарецкий, Рустем Сабиров, Николай Беляев, Сергей Малышев, Тимур Алдошин, Рустем Сабиров, Людмила Уфимцева

Для цитирования: Галимуллина А., Гайнуллина Г. Традиции классической литературы в творчестве русских и татарских писателей Республики Татарстан // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 193–198. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-193-198

Современные татарские и русские поэты Татарстана часто обращаются к традиции классической поэзии. В поэтическом полилоге наряду с Г. Тукаем, Дэрдмендом, Г. Р. Державиным, А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым участвуют Н. А. Заболоцкий, А. А. Ахматова, Арсений Тарковский, В. В. Набоков, В. М. Тушнова и др. Отметим, что наиболее часто современные татарские и русские поэты обращаются к творчеству А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Г. Тукая, традиционно сравнивая Г. Тукая с русскими классиками. В творчестве поэтов Республики Татарстан активно выстраивается диалог с поэтами, биографически связанными с нашим регионом – Г. Р. Державиным, Н. А. Заболоцким, В. М. Тушновой, которые родились в Казани или на территории РТ либо приезжали в данный регион (например, А. С. Пушкин в сентябре 1833 г.).

Наиболее часто в современной татарской и русской поэзии наблюдается обращение к личности и творчеству Габдуллы Тукая и Александра Пушкина. В татарской поэзии и литературоведении сложилась традиция сравнения значения Г. Тукая с местом А. С. Пушкина в русской литературе [1], [2]. В XX веке произведения русских писателей часто переводили на татарский язык. Указатель «Диалог литератур» (2002) Э. Г. Нигматуллина показывает, что в первую половину XX века были переведены программные произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и других [3]. Изучению своеобразия этих переводов посвящена его статья «Пушкин глазами татарских поэтов» [4, с. 50–55]. Показательно в этом плане стихотворение поэта и переводчика Марка Давыдовича Зарецкого (1937–2003) «День поэзии», которое отражает диалог литератур и культур в «казанском» поэтическом и архитектурном текстах. Поэт посвящает свое стихотворение дню рождения Тукая (26 апреля), который в Татарстане отмечается как день поэзии. В этот день возле памятника татарскому классику, расположенному у стены Театра оперы и балета им. Мусы Джалиля, ежегодно проходит литературно-музыкальный праздник с участием современных татарских поэтов: «Поэта жизнь, короткая такая, / Была смертельный бой, великий труд. / Недаром день рождения Тукая / В Казани Днем поэзии зовут» [5, с. 13].

М. Зарецкий в стихотворении обыгрывает символичное объединение в одном хронотопе русских и татарских поэтов: в XIX в. на месте современного театра стоял памятник Гавриилу Державину, был прекрасный Державинский сад – любимое место отдыха казанцев, а с середины XX в. здесь находится Татарский театр

оперы и балета, носящий имя поэта-патриота Мусы Джалиля, а по боковым стенам стоят памятники двум классикам – Александру Пушкину и Габдулле Тукаю, в дни рождения которых ежегодно проходят поэтические праздники – 6 июня и 26 апреля соответственно: «(...) Державин и Джалиль – незримо с нами, / Тукай и Пушкин здесь – к спине спиной. / Театр героя и лауреата – / Об этом нам поведает фасад. / За зданьем, где теперь фонтан, / Когда-то был сад державинский, / Бакыр-бабая сад» [Там же]. Все поэты названы «поэзии солдатами», стоящими в строю поэзии, а также перечисляются явления и факты, связанные с поэтами: «Не умертвили лиру и курай», «речка Черная, и царедворца ода, / Больница Клячкина, фашистский Моабит», «Ни пистолет не в силах, ни чахотка, / Ни наша глупость, ни чужой топор». Поэту удалось передать символичность того, что поэты, создавая стихи на своих родных языках, ведут вечный «певучий разговор», которому ничто не может помешать: «Созвучны под одним открытым небом / Стихи на двух несхожих языках» [Там же].

В поэтическом диалоге мы можем выделить две основные тенденции: в первую очередь, современные татарские и русские поэты Республики Татарстан осмысливают ассоциативную связь с биографическими фактами, с личностью поэтов-классиков, находят нравственную опору в их творчестве, сопоставляют свое творчество и творчество своих современников с эталонами высокой поэзии, зачастую это сравнение не в пользу современных поэтов, а с другой стороны, поэты обращаются к традиционным темам, жанрам, образам, трансформируя их на современном этапе развития литературы.

Марк Зарецкий известные строчки из стихотворения А. С. Пушкина «Бесы» поставил в сильную позицию текста – в начало: «Мчатся тучи, вьются тучи... / Значит, это не старо / В наше время авторучек, / Как гусиное перо» [6, с. 56]. Цитата из известного стихотворения должна указать на его диалогичность: «С Пушкиным меня свяжи» [Там же].

Стихотворение современный поэт полностью выстроил на ассоциативной связи с пушкинскими строчками из стихотворений «Дар напрасный, дар случайный...», «Зимняя дорога» («Сквозь волнистые туманы...»), «Зимний вечер», «Утопленник» («Прибегают в избу дети...»), «Я помню чудное мгновенье...», которые позволяют, с одной стороны, ощутить современное звучание и вечность поэтического гения А. С. Пушкина, с другой – проверить классическую поэзию современными реалиями: «Дар напрасный, дар случайный / Бесконечно дорог нам» [Там же, с. 57].

В современном мире пушкинские строчки сосуществуют с нарочито прозаическим лунным диском (заметим, однако, что он «*глядит шаманно...*»), с современными джазовыми ритмами (глядит «*На Армстронга и меня*»). Известное обращение к няне перебивается прозаическим: «*Выьем с горя, где же кружка? / Неудобно из горла...*». Стихотворение, написанное в классическом ритме, не дает впасть в отчаяние, даже осознавая суетливость и бессмысленность жизни: «*Не дает уснуть и ночью / Жизни мышья беготня*» [Там же]. Поэт находит возможность завершить свое стихотворение оптимистически, напомнив нам знаменитое философское стихотворение А. С. Пушкина: «*Беспрдельного пока / Помню чудное мгновенье, / Пережившее века*» [Там же].

Старшее поколение казанских поэтов заложило традиции современной республиканской пушкинианы и державинианы (если можно так назвать, стихи, посвященные классикам). Поэты М. Д. Зарецкий, Н. Н. Беляев, С. В. Малышев, Т.Л. Алдошин активно вели диалог с русской классикой. С. В. Малышев в стихотворении «Под луной» напоминает о державинском стихе, с которым сравнивается луна, которая «*как державинский стих, / тяжела и прекрасна...*», обращается к легендарной истории приезда А. С. Пушкина в Казань в стихотворении «Александра Андреевна», посвященном жене К. И. Фукс.

Николай Николаевич Беляев (1937–2016) в ряде стихотворений «Зачем быть Пушкину псковским...», «В день Пушкина, когда тепла и света...», «Конечно, Пушкин был аристократом...», в трех стихотворениях «На воссоздание памятника Г. Р. Державину в Казани» ведет постоянную беседу с классиками. В его стихах возникает тема памятника поэту, которая была заложена в русской литературе М. В. Ломоносовым, Г. Р. Державиным, А. С. Пушкиным, была подхвачена и развита в стихах В. Я. Брюсова, А. А. Ахматовой, И. А. Бродского, в татарской поэзии – Г. Тукаем и М. Джалилем. Н. Н. Беляев находит свой путь в решении этой темы, связанной с драматической историей разрушения памятника Г. Р. Державину в 1930-х гг. и чудесного его возвращения.

Выстраивая ассоциативный ряд на канве державинских од «Арфа» и «Река времен...», поэт наполняет известные строки своим, новым смыслом, остро осуждающим современную действительность. Так, авторитет Державина помогает современному поэту принять действительность, в надежде на будущее поэтическое бессмертие, даже если от него сохранится «*восемь строк на грифельной доске...*». Известные дер-

жавинские строки о дыме отечества звучат как оксюморон («*сладкий дым*»: «*Думы об Отчизне – изначально – / Сладки нам, да едки – словно дым...*» [7, с. 103]. Н. Н. Беляев расширяет количество значимых явлений, которые исчезнут со временем, забудутся: «*Всех жерло пожрет – народы, царства, / И лукавых царедворцев сонм. / Злоба, жадность, хамство и коварство – / Все – утонет в той реке времен...*» [Там же].

В цикле поэт ставит себе в заслугу то, что он первым поставил проблему памятника Державину в стихотворениях «Я памятник вернул Отечеству...» и «Я памятник воздвиг – другому, не себе...». Лирический герой Н. Беляева противопоставляет свою позицию о ценности поэтического наследия: «*Я счастлив строчками, которые – живут!*», – позиции многих современных поэтов, которые мечтают об обманчивой славе и «*стоят, как в очереди длинной*» к материальным благам.

Тема поэтического памятника, как известно, тесно связана с темой поэта-пророка. Н. Н. Беляев так же решает ее по-своему в стихотворении «Лжепророк», написанном в 2003 г. Возражая пушкинскому призыву, современный поэт дает свое решение этой темы: «*Нельзя, нельзя – сердца глаголом жечь! / Их надо выжигать, а не калечить!*» [8, с. 116].

Современный поэт живет в драматичном и жестоком мире, где «*фанатик направляет самолет / на небоскроб и в пламени сгорает... / В ответ Кабул пылает и Багдад...*», все ждут чуда, а вместо одного пророка, мессии, Поэта в жизни «*толпа пророков*». Множественное число существенно снижает образ пророка, приобретает негативную окраску. Стихотворение завершается риторическим вопросом: «*Но разве Пушкин этому учил?*», обращенным к задачам современной поэзии [Там же].

Тимур Леонидович Алдошин (1961–2021) в стихотворении «Брат мой, Пушкин, что нам слава...» обращается к поэту-классику нарочито по-свойски (напомним, так дружески называл его только Хлестаков в комедии Н. В. Гоголя). Однако в стихотворении нет иронии по отношению к Поэту, а ощущается грустная горечь от того, что гусиное перо и чернила заменили современные средства сохранения и передачи информации («электронная химера»), однако судьба поэтов так же трагична, как и в прежние времена: многозначна дата 37. Это и год гибели поэта – 1837, и печально известный 1937 г., который грозит поэтам ссылкой, неустроенной судьбой: «*Заведет тебя далеко / говорливая строка! // ...Где ни адреса, ни срока, / лишь огромные срока, / все без права переписки...*». Приемственные

связи с классической литературой ощущаются и в том, что поэтов во все времена объединяет страсть к творчеству, созданию чего-то нового, неизведанного, когда поэт *«на листе обманно-белом / проявляет Божий след»* [9, с. 107].

Такое же интимное, глубоко личностное восприятие поэзии А. С. Пушкина у казанской поэтессы Л. И. Уфимцевой в стихотворении «Пушкину»: *«Я в минуты отчаянья или печали / Открываю твой томик, любимый поэт. / Отступают в беседе и боли, и дали, / Я на каждый вопрос получаю ответ»* [10, с. 46]. Поэтесса ощущает глубинную связь всех поэтов с Пушкиным, обращается к нему с вопросами, пишет о всеобщей связи поэтов всех времен и народов.

Отметим, что поэзия поэта и прозаика Рустема Сабирова (род. 1951 г.) существенно отличается от сложившейся традиции обращения к творчеству Державина и Пушкина, хотя он и является одним из первых лауреатов литературной премии им. Г. Р. Державина. В интервью Р. Сабиров признался, что открыл для себя творчество А. С. Пушкина во время службы в армии, знал многие произведения наизусть, но любимыми поэтами являются «среди поэтов Федор Тютчев, Николай Заболоцкий, в прозе Николай Лесков, Владимир Набоков» [11].

На диалог с классиками в стихотворениях Рустема Сабирова указывают эпитафии. Так, стихотворение «Сон о конце дождя» предваряет эпитафия из Ф. И. Тютчева *«О чем ты воешь, ветер ночной?»*. Стихотворение начинается с картины *«безликого и больного», «неистощимого»* дождя, идущего уже не один день, а завершается оптимистично образом ветра, который *«Незримой, но тугой, двухжильною спиралью / Свернулся ветер ночной, небесный поводырь»* [12, с. 9]. Ветер приносит перемены: *«Он выйдет из-за туч, насмешливый, крылатый, / Затеет невзначай шальной переполох. / Лишь тронет дождь, легко кошащей мягкой лапой, / И дождь тотчас бежит, застигнутый врасплох»* [Там же].

В финале стихотворения ощущается оживление: *«стекла дрожат, качнутся занавески, / шарахнутся дугой», «окно обнажено»*. Создается метафорически запоминающийся образ жмурящейся луны: *«Там жмурится по-детски / Луна на голубом с потеками холсте»* [Там же].

В стихотворении «Морская раковина» Р. Сабиров эпитафией ставит слова Льва Толстого *«Все Бог сделал на радость человеку...»*, и, развивая мысль классика, утверждает: *«Но, значит, есть резон в стремленьи ежечасном / К отточенности форм и ясной простоте. / Природа, твой живой, непостижимый разум – / В запол-*

нившей весь мир любви и красоте» [Там же, с. 14].

В размышлениях поэта о сущности божественного начала выстраиваются в единую картину и морская раковина, и человек, находящийся меж Богом и Землей, чередой эпитетов и метафор поэт передает удивительную красоту мира: *«святая красота, ажурность, светотени», «таинственное свечение»* и другие. Гармоничность картины мира перебивают риторические вопросы: *«Зачем и для кого? Безглазому моллюску? / Не все ль ему равно, где скоротать свой век?»*, и финальный вопрос, обращенный к Богу: *«Но кто ответит мне, в какой дали безбрежной, / Рождая красоту, вскипает мысль твоя?»* [Там же, с. 15].

В стихотворении «Конец осени» Р. Сабиров развивает образ Николая Заболоцкого, приведенный в качестве эпитафии: *«Зимы холодное и ясное начало / Сегодня в дверь мою три раза постучало»*, углубляя и конкретизируя его: *«Река сегодня – в серой чешуе, / Застывшая и словно неживая. / И волны костенели в тишине, / До края добежать. не успевая»* [Там же, с. 18], *«Потемневшим глазом / Река смотрела, не мигая, снизу – / Вверх – на метель, на звезды, дерева – / Сквозь выпуклую, матовую линзу...»* [Там же, с. 19].

Современные татарские поэты, обращаясь к творчеству поэтов-классиков, находят новые смыслы. Традиционно многие поэты ведут поэтический диалог с Г. Тукаем, А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым.

Народный поэт Республики Татарстан Ренат Харис находится в постоянном диалоге с Дәрдемнөм, осмысливая его творчество не только в поэзии, но и в литературно-критических статьях. В статье «Перо! Открой – какой владеешь тайной» Ренат Харис отмечает, что Дәрдемнөм «один из самых интересных национальных поэтов России» [13, с. 23], оставивших «небольшое по объему, но огромное, глубокое по смыслу и яркое творческое наследие» [Там же]. Поэт признается, что «многие стихи Дәрдемнөма, в разные годы вызывавшие разные толки, до сих пор манят нас в свои глубины, как жемчужины заманивают их ловцов в таинственные морские пучины» [Там же, с. 20].

В 1960–80-е гг. Р. Харис создает цикл стихотворений «Дәрдемнөкә нэзырәләр», самым названием указывая на диалогичность, на поэтический отклик в жанре традиционного канонического жанра восточной поэзии – назире – на самые известные стихотворения татарского классика. В одиннадцати стихотворениях цикла Р. Харис посвоему осмысливает темы стихотворений Дәр-

дмента. Показательно в этом плане стихотворение-назире «Без» («Мы») Р. Хариса на одноименное стихотворение татарского классика. Дэрдмента раскрывает философскую тему скоротечности жизни, бренности бытия, хорошо разработанную и в русской поэзии, начиная с державинской «Реки времен...», которая переведена в начале 2000-х гг. на татарский язык Р. Харисом. В стихотворении Дэрдмента пророки (нәби), правители (падишахи), таинственное время (серле дәвран) подвержены времени, разрушению и истощению («сүнеп», «вэйран булып мәгъмур тиякләр») [14, с. 38]. Назире Р. Хариса начинается риторическими вопросами о месте человека/человечества в мироздании, в философском времени и пространстве: «Нәрсә соң без иксез-чиксез җәһанга? / Иксез-чиксез вакытның без нәрсәсә? / Ни ачты соң анда шәфкать пәрдәсен? / Чирканумы һаман аккан чи каннан?» [15, с. 96].

Если стихотворение Дэрдмента завершается драматично, потерей мечты в пламени времени: «Өеп чергән өмидне... төртте утны – / Йотып утларны китте... яна-яна...» [14, с. 38], то Ренат Харис, напротив, ставит в центр мироздания Человека, закольцовывая на нем все концы и начала, все вопросы мироздания и вечности: «И Кеше, син башың и йә кашың чөй – / Бар сорауны тудырабыз үзез» и «Без сорауга җавап булып туганбыз, / Вакыт белән бер үк ярга тулганбыз» [Там же].

Отметим, что в этом стихотворении, безусловно, заметно хорошее знание современным татарским поэтом русской поэтической традиции философского размышления о смысле жизни, о миссии Человека на земле («Вечернее размышление...» М. В. Ломоносова, «День и ночь» Ф. И. Тютчева, а ода «Бог» Г. Р. Державина в начале 2000-х гг. переведена им максимально близко к оригиналу.

Таким образом, современные татарские и русские поэты Республики Татарстан активно обращаются к русской и восточной, татарской классической поэзии, в частности к творчеству А. С. Пушкина, Г. Р. Державина, Ф. И. Тютчева, Г. Тукая, Дэрдмента, как к образцам высокой поэзии, что позволяет определить свое творчество и творчество современников. Рецепция классического текста в современной поэзии осуществляется при помощи цитирования, аллюзий, реминисценций, диалог с классикой происходит через эпиграфы к стихотворениям, обращение к традиционным темам (тема поэта и поэзии, поэтического памятника, философских раздумий о сущности бытия, месте Человека в мироздании и т. д.), а

также трансформации традиционных жанров, наполнения их новым содержанием (жанр назира, например).

В исследовании современной татарской и русской поэзии Татарстана мы ориентировались на методологию, разработанную в трудах известных филологов-литературоведов Юлдуз Галимзяновны Нигматуллиной [16] и Ангеля Галимзяновича Нигматуллина, в частности методологию выявления типологических связей, выстраивания диахронических и синхронических связей между русской и татарской литературами.

Статья написана при финансовой поддержке РНФ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами» (региональный конкурс) № 24-28-20211.

Список источников

1. Нуруллин И. З. Тукай. М.: Молодая гвардия, 1977. 238 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.).
2. Нуруллин И. З. Напевы мятежного саза: Поэзия о жизни и творчестве Г. Тукая. М.: Детская литература, 1986. 221 с.
3. Нигматуллин Э. Г. Диалог литератур: Указатель переводов произведений русской литературы на татарский язык. Казань: Унипресс, 2002. 176 с.
4. Нигматуллин Э. Г. Пушкин глазами татарских поэтов // Научный Татарстан. 1999. № 1. С. 50–55.
5. Зарецкий М. Д. Речь. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 71 с.
6. Зарецкий М. Д. Азарт. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 78 с.
7. Беляев Н. Н. Казанская тетрадь. М.: Знак, 2007. 160 с.
8. Беляев Н. Н. Помню. Слышу. Люблю... Казань: Таткнигоиздат, 2007. 239 с.
9. Алдошин Т. Л. Собака на дереве. Казань: Издательский дом Маковского, 2013. 111 с.
10. Уфимцева Л. И. Имбирный чай. Казань: Издательский дом Маковского, 2018. 130 с.
11. Хафизова А. Рустем Сабиров: «Литературный труд – это умение плюс работа» // Идель. 2022. № 12. 8 декабря 2022. URL: <https://idel-tat.ru/news/kultura/rustem-sabirov-literaturnyy-trud-eto-umeniyu-плюс-rabotat> (дата обращения: 01.09.2024).
12. Сабиров Р. Р. Река и древко. Казань: Татар. кн. изд-во, 2021. 128 с.
13. Харисов Р. М. Замана һәм каләм: әдәбият, сәнгать, публицистика: мәкаләләр, истәкләр, әңгәмәләр = Время и перо: литература, искусство, публицистика: статьи, воспоминания, интервью. Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. 316 с.

14. *Дәрәмәнд (Закир Рамиев)*. Исә жилләр. Шигырьләр. Казан: Татарстан кит. нәшрияты, 1980. 256 б.

15. *Харисов Р. М.* Сайланма әсәрләр: 7 томда: Т. 1. Шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 367 б.

16. *Нигматуллина Ю. Г.* Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской культур. Казань: Фэн. 1997. 191 с.

References

1. Nurullin, I. Z. (1977). *Tukai* [Tukay]. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudei: ser. biogr.). 238 p. Moscow, Molodaya gvardiya. (In Russian)

2. Nurullin, I. Z. (1986). *Napevy myatezhnogo saza: Povest' o zhizni i tvorchestve G. Tukaya* [Tunes of the Rebellious Saz: A Story about the Life and Work of G. Tukay]. 221 p. Moscow, Detskaya literatura. (In Russian)

3. Nigmatullin, E. G. (2002). *Dialog literatur: Ukazatel' perevodov proizvedenii russkoi literatury na tatarskii yazyk* [The Dialogue among Literatures: The Index of Russian Literature Translations into Tatar]. 176 p. Kazan', "Unipress". (In Russian)

4. Nigmatullin, E. G. (1999). *Pushkin glazami tatarskih poetov* [Pushkin through the Eyes of Tatar Poets]. Nauchnyi Tatarstan. No. 1, pp. 50–55. (In Russian)

5. Zaretskii, M. D. (1987). *Rech'* [Speech]. 71 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)

6. Zaretskii, M. D. (1991). *Azart* [Passion]. 78 p. Kazan', Tatar. Kn. izd-vo. (In Russian)

7. Belyaev, N. N. (2007). *Kazanskaya tetrad'* [The Kazan Notebook]. 160 p. Moscow, Znak. (In Russian)

8. Belyaev, N. N. (2007). *Pomnyu. Slyshu. Lyublyu...* [I Remember. I Hear. I Love...]. 239 p. Kazan', Tatknigoizdat. (In Russian)

9. Aldoshin, T. L. (2013). *Sobaka na derive* [A Dog in the Tree]. 111 p. Kazan', "Izdatel'skii dom Makovskogo". (In Russian)

10. Ufimtseva, L. I. (2018). *Imbirnyi chai* [Ginger Tea]. 130 p. Kazan', Izdatel'skii dom Makovskogo. (In Russian)

11. Khafizova, A. (2022). *Rustem Sabirov: "Literaturnyj trud – ekhto umenie plyus rabota"* [Rustem Sabirov: "Literary Work Is Skill Plus Work"]. Idel'. No. 12. 8 dekabrya 2022. URL: <https://idel-tat.ru/news/kultura/rustem-sabirov-literaturnyy-trud-eto-umeniyu-plyus-rabotat> [accessed: 01.09.2024]. (In Russian)

12. Sabirov, R. R. (2021). *Reka i drevko* [The River and the Shaft]. 128 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)

13. Kharisov, R. M. (2016). *Zamana ham kalam: adabiyat, sangat', publicistika: makalalar, istaleklar, angamalar = Vremya i pero: literatura, iskusstvo, publicistika: stat'i, vospominaniya, interv'yu* [Time and Pen: Literature, Art, Journalism: Articles, Memories, Interviews]. 316 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)

14. *Dərdmәnd (Zakir Ramiev)* (1980). *Isə әçillәр. Shıgyr'lar* [Yes, the Winds. Poems]. 256 p. Kazan, Tatarstan kit. nәshriyatı. (In Tatar)

15. Kharisov, R. M. (2006). *Sailanma әsәrlәр: 7 tomда: T. 1. Shıgyr'lar* [Selected Works: In 7 Volumes: Vol. 1. Poems]. 367 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

16. Nigmatullina, Yu. G. (1997). *Tipy kul'tur i tsivilizatsii v istoricheskom razvitii tatarskoi i russkoi kul'tur* [Types of Cultures and Civilizations in the Historical Development of Tatar and Russian Cultures]. 191 p. Kazan', Fen. (In Russian)

The article was submitted on 11.09.2024
Поступила в редакцию 11.09.2024

Галимуллина Альфия Фоатовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
alfiya_gali100@mail.ru

Гайнуллина Гульфия Расилевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник,
НОЦ стратегических исследований
в области родных языков и культур
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
gulfiasilevna@mail.ru

Galimullina Alfiya Foatovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
alfiya_gali100@mail.ru

Gainullina Gulfiya Rasilevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Leading Researcher at the Research Center for
Strategic Research in the Field of Native Lan-
guages and Cultures,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
gulfiasilevna@mail.ru

УДК 82-3

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-199-204

АНТИКОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ МО ЯНЯ «СМЕРТЬ ПАХНЕТ САНДАЛОМ»

© Елена Груздева

ANTI-COLONIAL DISCOURSE IN MO YANG'S NOVEL "DEATH SMELLS OF SANDALWOOD"

Elena Gruzdeva

The article depicts anti-colonialism in modern Chinese literature based on Mo Yan's novel "Death Smells of Sandalwood", its translation into Russian was published in 2024 (translator - I. A. Egorov). The work is considered in the aspect of anti-colonialism, which is applicable to the situation of protests against the introduction of foreign corporations into China, subjugating the lives of the Chinese at the turn of the 19th–20th centuries. The article examines the depiction of the Chinese people self-identification, their view of "strangers" and identifies the artistic techniques, used by the author to depict the characters' self-identification. The novel by the Chinese writer is analyzed in the context of the folk and musical art of China. The article examines the transformation of motifs and images in the modern novel of Chinese classical literature. The main characters are examined in terms of their attitude to the colonial policies of foreign countries and the actions of their own Chinese government. The article presents Mo Yan's view of the traditions, mentality and way of life of the Chinese people. The purpose of the work is to identify ideological and artistic manifestations of anti-colonial themes in the text of Mo Yan's novel "Death Smells of Sandalwood." As a result of the study, we describe the plot motifs and the characters' images, illustrating the author's position regarding colonial policy.

Keywords: colonialism, anti-colonialism, Chinese literature, realism, Maoqiang opera, Mo Yan

Статья посвящена проблеме изображения антиколониализма в современной китайской литературе на материале романа Мо Яня «Смерть пахнет сандалом», перевод которого на русский язык опубликован в 2024 г. (переводчик – И. А. Егоров). Произведение рассматривается в аспекте антиколониализма, который применим к ситуации выступлений против внедрения в Китай иностранных корпораций на рубеже XIX–XX вв., подчиняющих себе жизнь китайцев. В статье исследуется изображение самоидентификации китайского народа, их взгляд на «чужих», выявляются художественные приемы, используемые автором для изображения самоидентификации героев. Роман китайского писателя анализируется и в контексте фольклорно-музыкального искусства Китая. В статье рассмотрена трансформация мотивов и образов китайской классической литературы в современном романе. Главные персонажи исследуются в аспекте их отношения к колониальной политике иностранных государств и действиям собственного китайского правительства. В статье представлен взгляд Мо Яня на традиции, менталитет, образ жизни китайского народа. Цель работы – выявить идейно-художественные проявления антиколониальной тематики в тексте романа Мо Яня «Смерть пахнет сандалом». В результате исследования были описаны сюжетные мотивы и образы персонажей романа, иллюстрирующие позицию автора относительно колониальной политики.

Ключевые слова: колониализм, антиколониализм, китайская литература, реализм, опера мао-цзян, Мо Янь

Для цитирования: Груздева Е. Антиколониальный дискурс в романе Мо Яня «Смерть пахнет Сандалом» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 199–204. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-199-204

Мо Янь – современный китайский писатель, лауреат Нобелевской премии. Работает в направлении «поиска корней». На русский язык переведено много романов этого автора. В данной ра-

боте представлен его роман «Смерть пахнет сандалом» в переводе И. Егорова, который опубликован в 2024 г. Литературный редактор романа «Смерть пахнет сандалом» К. Батыгин опреде-

лил жанр романа как «социально-исторический хоррор» [1].

Обращение к роману Мо Яня в контексте антиколониального дискурса является весьма актуальным, поскольку идеология антиколониализма стала одним из базовых понятий китайской внешней политики на современном этапе. Проблематика романа «Смерть пахнет сандалом» напрямую связана с этой идеологией. Действие романа происходит в уезде Гаоми в провинции Шаньдун на северо-востоке Китая (на родине писателя) в эпоху Ихэтуаньского восстания (1898–1901 гг.), которое являло собой стихийные протесты традиционного китайского общества против экспансии иностранцев и было подавлено войсками Альянса восьми держав. Это был заключительный этап правления династии Цин, до конца Китайской империи остались считанные годы.

Писатель использует особый художественный прием, чтобы охарактеризовать Китай того времени: в романе Китай представлен как некая химера с головой феникса, брюхом свиньи и хвостом барса. Каждая из этих частей существа находится в болезни или предсмертной агонии. Эти части существа используются и в композиции романа, каждая из частей романа названа соответственно – «Голова феникса», «Брюхо свиньи» и «Хвост барса».

Политическая ситуация в Китае того периода осложняется тем, что все крупные колониальные державы посчитали своим «долгом» урвать себе кусок от Китая. В китайской историографии империя Цин характеризуется одновременно и китайской, и «чужеродной»: в этот период Поднебесной правили иностранцы, целенаправленно интегрировавшиеся в Китай, – маньчжуры. И эти «свои чужие» оказываются ничуть не менее готовыми разорвать «китайского дракона» на части, если это окажется в их интересах. В романе «Смерть пахнет сандалом» повествуется о внедрении немецких корпораций в северо-восточный Китай для строительства железных дорог. Описание взаимодействия немцев с местным населением создает в романе антиколониальный дискурс, поскольку доминирование иностранцев на территории Китая в конце XIX – начале XX в. китайский народ воспринимает как зло, вторгшееся в их традиционную жизнь.

Именно присутствие немцев становится в романе отправной точкой разворачивающихся трагических событий. Критическое изображение иностранных «гостей», чье вторжение терпели продавшиеся им китайские правители и которое было ненавистно простым жителям Поднебесной, достигает своего апогея в конце романа, ко-

гда немецкие солдаты, не имея представления о китайских национальных традициях, расстреляли труппу китайской национальной оперы маоцян, не отличив торжественного театрального представления от мятежа. Деятельность немцев в Китае того времени не являлась сотрудничеством на равных правах, это было проявлением колониальной политики. Иноземцы вели себя в колонии не как усмирители нарушителей порядка, а как завоеватели.

Однако присутствие немцев было лишь одной из политических проблем, которые тревожили Поднебесную того времени. Мо Янь передает со страшной реалистичностью надвигающийся закат великой империи, который порождает у персонажей спутанное сознание и неясность мысли. Они вынуждены наблюдать, как неумолимо раздирают по кускам их родной край. Им остается только лишь терпеть унижения от чужестранцев и горько осознавать то, что Китай вокруг них уже не тот, что был прежде. Они ощущают страх того, что их Родина «трещит по швам и вот-вот развалится прямо на глазах».

В романе представлен широкий историко-культурный пласт, реальные исторические персонажи. Одним из таких персонажей является Юань Шикай – китайский военный лидер и политический деятель эпохи заката династии Цин и первых лет Китайской Республики. Юань Шикай и другие молодые амбициозные офицеры, которые тогда даже в самых смелых своих мечтах не могли себе представить, что через пару десятков лет в их руках может оказаться судьба Китая, изображены автором романа весьма неприглядно. Так, например, Сюй Шичан, будущий президент Китайской республики, предстает «с соплей на носу» [2, с. 303], Дуань Цижуй, будущий гос. секретарь, премьер-министр Китайской республики «свалился с лошади» [Там же]. Особенно неприглядно выглядит Юань Шикай, отличающийся своими низкими морально-нравственными качествами: он продался немецким компаньонам и предал интересы собственного народа, проявляет по отношению к нему жестокость.

В романе Мо Яня возникает мотив альтернативной истории. Этот мотив связан с образом офицера Цянь Сюнфэя – командира отряда конной охраны Юань Шикая, который противостоит по своим взглядам другим высшим офицерам. Цянь Сюнфэй воплощает идею полезного для развития Китая сотрудничества с другими странами, он взял все самое ценное и высокое, что есть в других национальных культурах, и мечтает внедрить это в жизнь Китая. Этот офицер учился в Японии, он внимателен и заботлив по отношению к китайцам, дисциплинирован. Наи-

высшая точка его противостояния с Юань Шикаем достигается в эпизоде, когда он хотел застрелить Юань Шикая, который был ярким противником всего нового в Китае и казнил шестерых реформаторов. Однако ему не удалось осуществить месть, и герой погибает – таким образом, Мо Янь дает понять, что на данном историческом этапе преобразования в Поднебесной оказываются невозможны. Поскольку высокопоставленное окружение Юань Шикая, представленное в романе, это реальные исторические личности, автор выдвигает мысль о том, что если бы месть удалась, то история Китая могла бы пойти по другому пути и тогда не возникло бы Китайской Республики.

Однако, как известно, история не имеет слагательного наклонения, и Юань Шикай действует в соответствии со своими политическими установками, он подавляет вспышки недовольства простых китайцев присутствием на их земле немцев. Китайские военачальники наблюдают беспомощность китайских гвардейцев и признают военное превосходство немцев, однако они не хотят сделать свою армию сильной, они держат китайский народ в повиновении с помощью иноземной силы.

По своей жанровой характеристике роман «Смерть пахнет сандалом» не только социально-политический, он соответствует и определению «семейной драмы». В центре сюжета – история трех семейств, представители которых оказались связанными друг с другом. Одним из центральных персонажей романа является артист оперы маоцян Сунь Бин, он устраивает бунт против немцев, которые надругались над его женой, а после его заступничества убили ее и их малолетних детей. Сунь Бина приговаривают к казни сандаловым деревом, которую должен учинить ушедший в отставку палач-виртуоз Чжао Цзя, помогать ему в этом деле будет сын-мясник Чжао Сяоцзя, в семье которых проживает дочь приговоренного к казни – Сунь Мэйнян. Эта девушка, являясь снохой палача, одновременно состоит в любовной связи с уездным начальником – Цянь Дином, который должен проследить за тем, чтобы казнь была исполнена «по чести». Таким образом, личные отношения героев приходят в противоречие с их долгом подданных Поднебесной. Все это приводит героев к трагическому мироощущению.

Глубокий трагизм переживаний героев связан с осмыслением ответов на вопросы: Почему Сунь Бин поднял народ на мятеж? Почему немцы оказались в отдаленном китайском уезде? Почему артисту избирают столь изощренную казнь? Почему дочь артиста (Мэйнян) полюбила

уездного начальника (Цянь Дина)? Читатель получит ответы на эти вопросы в конце повествования.

Повествование в романе от главы к главе меняет свой фокус. Каждая из глав первой и третьей частей романа написаны от лица главных персонажей, это позволяет автору наиболее ярко и объемно выразить переживания героев, раскрыть их внутренний мир, показать мотивацию их поступков. Вторая часть романа написана от лица автора, она дает объективные картины произошедших событий. Поскольку персонажи романа являются людьми из народа, повествование от их имени пронизано просторечными грубыми выражениями, а также высказываниями в фольклорном духе. Особенной выразительностью в этом отношении отличается речь дочери артиста – Сунь Мэйнян. Так, например, в переводе на русский язык в ее репликах звучат поговорки (*«стремился пускать пыль в глаза, болтал чепуху, говорил то, что не осмелился сказать бандит с большой дороги, обделывал дела, на какие и разбойник не решится; попали в птицу высокого полета»* [Там же, с. 14–15], *«Нет неба, нет и земли, без курицы не будет и яйца, нет любви, нет и пьесы»* [Там же, с. 17]), в ее речи слышны заговоры: *«Глупый батюшка мой, сердце твое заплывало свиным жиром. В какую пагубу ты угодил? Лиса-оборотень в тебя вселилась? Хорек одурманил?»* [Там же, с. 14–15].

По утверждению исследователей, литература Китая на протяжении всей своей истории строилась на использовании фольклора и народного поэтического искусства [3, с. 343]. Мо Янь в своем художественном творчестве следует той же тенденции. Помимо общей, характерной для всей китайской литературы черты, особое пристрастие Мо Яня к фольклору объясняется и автобиографическими фактами жизни писателя. На его духовное становление оказали сильное влияние устные сказания о древних героях и волшебных превращениях. В тексте романа «Смерть пахнет сандалом» фольклорные мотивы проявляются в специфике создания образов. Во-первых, герои в собственном сознании постоянно обращаются к традиционным для китайской культуры животным (дракон, феникс, свинья, барс, собаки, волки, коты, зайцы, змея, петух, медведь) и растениям (гаолян); во-вторых, персонажи видят друг друга в облике данных животных; в-третьих, в авторском описании присутствуют сравнения образов людей с предметами растительного или животного мира: *«любой, кто стал императором – дракон, настоящий сын Неба»* [2, с. 52], *«нежные пальчики изогнулись, став похожими на красные лапки малень-*

кого петушка» [Там же, с. 43], стражники, представленные глазами Сунь Мейнян: «Обычно я и глазом не вела в сторону таких потрохов ослиных... Я уже насмотрелась на их песчи морды» [Там же, с. 45], «Быстро идешь вверх, прямо как юньский гаолян» [Там же, с. 54]. Такая образная речь является отражением бытовой жизни китайцев провинции Шаньдун – близость к природе и животному миру проникает в сознание и способ мышления людей. Герои упоминают и языческие китайские божества (Цайшэнь – божество богатства; Лунный старец), принимают участие в языческих обрядах, а также обращаются к буддизму. Высокопоставленные персонажи также используют в своей речи поговорки. Так, например, Цянь Дин – уездный начальник, выражающийся изысканно, говорит о смерти поэтично: «госпожа Лю отбыла на запад верхом на журавле», то есть умерла [Там же, с. 138].

Повествуя о героических событиях конца XIX в., Мо Янь обращается к мотивам и образам китайских средневековых романов, таким как «Троецарствие». Например, имя легендарного коня военачальника древности Гуань Юя – Красный заяц – дано коню уездного начальника Цянь Дина; образ палача Чжао Цзя сравнивается с легендарным мудрецом из «Троецарствия» Чжугэ Ляном.

Особый интерес представляет форма романа «Смерть пахнет сандалом», это «опера в прозе». Мо Янь в послесловии к роману отмечает, что вдохновил его к созданию романа в такой форме предыдущий опыт работы в театре. Роман фактически является адаптацией одного из либретто, которое автор писал и ставил в молодости. Пронзительную эмоциональность роману придают элементы оперы. Роман наполнен длинными внутренними монологами главных героев, которые напоминают большие сцены и арии солистов, в острых стычках между отдельными парами персонажей возникают то напряженные, то комические дуэты, в сценах казней, где задействована огромная «массовка», присутствуют эффектные хоровые номера. Автор внедряет в текст и народные куплеты, и напевы, и целые поэмы.

В романе содержится широкий культурно-познавательный пласт. Так, устами артиста Сунь Бина излагается история становления и развития маоцян – «кошачьей оперы», ставшей культурным достоянием провинции Шаньдун. Автор рассказывает о разновидностях китайского певческого искусства: в романе содержится рассказ о талантливых отце и сыне, которые только лишь с помощью голоса могли создавать яркие зарисовки из народной жизни, слушатели этого звукового спектакля понимали излагаемые события,

словно смотрели традиционный спектакль (сценка «убийства свиньи»).

Как и другие романы Мо Яня («Красный гаолян», «Страна вина», «Лягушки», «Сто одна хлопущка»), роман «Смерть» содержит подробное описание жестокостей и физиологических подробностей, которые подчас шокируют европейского читателя. С первых же страниц романа начинает звучать традиционный мотив поедания собак, по мере развития сюжета добавляются и другие описания ужасов убийств животных и жестоких казней людей. В анализируемом романе автор, пожалуй, превзошел себя, и подробные рассказы об истязаниях настолько часты и натуралистично описаны, что кажутся чрезмерными даже в прозе Мо Яня. Однако большинство исследователей все же видят за нарочитой грубостью попытку отыскать причины человеческой жестокости, бюрократии и индивидуального героизма. В тех же текстах на смену жутким описаниям приходит магический лиризм, уравнивая тем самым впечатление от прочитанного [4]. Для китайской литературы «нового периода» изображение неоправданного насилия и издевательства над человеком является одним из наиболее важных приемов характеристики ушедшей эпохи и ее общества [5, с. 177].

Мо Янь как представитель литературного направления «поиска корней» большое внимание в своем творчестве уделяет описанию китайских национальных традиций. В романе «Смерть» автор сосредоточил свое внимание на описании китайских казней, он не только описывает виды и способы ее исполнения, но и раскрывает философию, психологию, обрядовую сторону этой деятельности. Так, он пишет о том, что у палачей существует своя иерархия: самого опытного и авторитетного представителя называют «бабушка», после него следуют «старшая тетка», «вторая тетка», «свояченица», «племянник». Сама церемония казни имеет свои правила и традиции, и в описании Мо Яня казнь предстает действием, похожим на театральное, началу которого предшествует репетиция, каждый из действующих персонажей точно знает свою роль, имеются соответствующие действию костюмы и маски. Автор рассказывает о том, что особо торжественно церемония казни выглядит в Пекине, поскольку сам император принимает в ней участие, там казнь начинается с императорского шествия со свитой. Сами китайцы воспринимают казни как представления и становятся их зрителями. Дается мистико-психологическое объяснение сути профессии палача (это не люди – мистические существа). Так, до начала казни палач должен произвести определенные ритуальные действия:

убить петуха, смазать его кровью свое лицо, тем самым скрывая лицо обычного человека и переродившись в мифическое существо, являющееся рукой императора, свершающего приговор. Вспоминая о своей былой деятельности, бывший палач говорит: *«палачи с измазанными петушиной кровью лицами уже были не люди, а символы божественного и величественного государственного правосудия»* [2, с. 64].

Мо Янь говорит о том, что жестокость национальных традиций Китая рубежа XIX–XX вв. ведет свои истоки из глубокой древности. К обозначенному историческому периоду многие страны уже несколько раз поменяли свое законодательство в сфере уголовных наказаний, однако ситуация в Китае того времени выглядела следующим образом: *«Все нынешнее уголовное право и виды наказаний установлены Гао Яо»* [Там же, с. 58], это был легендарный судья, служивший при императоре Шуне (XXIII в. до н. э.). Мо Янь заявляет, что правители Китая задумались об изменении законодательства в отношении исполнения наказаний только в конце XIX в., он считает, что это поздно.

В названии романа упоминается сандал, образ которого проходит через весь роман. В начале повествования сандал воплощает собой прекрасные предметы, символы благосклонности императоров – сандаловое кресло и сандаловые четки вышедшего в отставку бывшего палача Чжао Цзя, подаренные ему императрицей Цыси и императором за заслуги перед империей Цин, должны послужить ему в новой жизни, не связанной с его былой деятельностью. Однако в конце романа сандал становится ужасающим символом жестокой казни, которую по приказу правителя Шаньдуна должен совершить знаменитый заплочных дел мастер Чжао Цзя.

Роман заканчивается описанием жестокой пятидневной казни сандалового дерева над Сунь Бином, возглавившим сопротивление немецким железнодорожным корпорациям. Он умирает как герой для всего простого народа Гаоми. События, связанные с казнью Сунь Бина, пробуждают душевные терзания уездного начальника Гаоми – Цянь Дина, который осознает предательство высших чиновников в отношении китайского народа и приближающийся крах китайской империи:

«Императрица узурпировала власть, император – марионетка, петухи насиживают яйца, курицы возвещают рассвет, ян и инь поменялись местами, черное смешалось с белым, подлые люди оказались в силе, бесчинствует колдовство – абсолютно невообразимо будет, если уж такой императорский двор возьмет да не потерпит крах!» [Там же, с. 116–117].

Его мысли подтверждаются предсмертным письмом его жены:

«Столица наша пала, государство гибнет. Вторглись к нам иностранцы, захватывают землю, проводят новые границы. Милостей пожаловал мне император без счета. Не по мне вести жалкую жизнь, подобно скотине. Преданный сановник гибнет вместе с государством...» [Там же, с. 559].

В целом можно сказать о том, что роман Мо Яня «Смерть пахнет сандалом» создан в духе современной китайской литературы и ориентирован на принципы открытости внешнему миру, деполитизации литературы, снижению роли идеологических установок. В романе присутствуют личностные, психологические элементы, автор свободен в высказывании собственного мнения, при этом негативные стереотипы, представленные в романе, характеризуют атмосферу жизни Китая в конце эпохи империи Цин и противопоставлены современной китайской жизни. Предлагаемая антиколониальная позиция может положить начало размышлениям о целесообразности вмешательства в самостоятельное развитие любого национального государства.

Список источников

1. Батыгин К. Почему смерть пахнет сандалом. URL: <https://eksmo.ru/entertaining/smotrim-slushaem-uznaem-bolshe-smert-pakhnet-sandalom-mo-yan-ID15669246> (дата обращения: 25.05.2024).
2. Мо Янь. Смерть пахнет сандалом / перевод с китайского И. Егорова; перевод фрагментов с китайского К. Батыгина. М.: Эксмо, 2024. 576 с.
3. Декань К. Ю., Чemezova E. P. Национальная идентичность в современной китайской культуре // Научные труды КубГТУ. 2019. № 4. С. 342–349.
4. Егоров И. Мо Янь: китайский «деревенщик», получивший Нобелевку. URL: <https://eksmo.ru/selections/mo-yan-kitayskiy-derevenshchik-poluchivshiy-nobelevku-ID15574533> (дата обращения: 25.05.2024).
5. Каунев Д. Н. Специфика языковой картины мира в политическом аспекте литературного творчества Мо Яня // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность – XIII. Удан-Удэ, 2020. С. 176–179.

Библиографический список

1. Барашкова С. Н., Желобцов Ф. Ф., Желобцова С. Ф. Функционирование исторического кода в поэтике романов писателей-лауреатов нобелевской премии // Филология и человек. 2020. № 1. С. 63–70.
2. Ма Мэнцзю. Китайская литература в аспекте полифоничности // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 287–290.

3. Родионов А. А. О переводе и издании на русском языке новейшей китайской прозы в 2009–2018 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2019. Т. 11. № 4. С. 398–430.

4. Турушева Н. В. Современная китайская литература как отражение социальных процессов в КНР // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 126–132.

5. Шиле А. Странное и нормальное: сравнение сюрреалистических миров Пу Сунлина и Мо Яня // Проблемы литератур Дальнего Востока. Труды IX международной научной конференции. Сер. «St. Petersburg University Studies in Social Sciences & Humanities». СПб., 2021. С. 140–154.

6. Щептева В. Э., Крашенинников А. Е. Литературная мечта Мо Яня // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых – 2022: Сборник научных статей 11-й Международной молодежной научной конференции. Курск, 2022. С. 151–155.

References

1. Batygin, K. *Pochemu smert' pakhnet sandalom* [Why Does Death Smell of Sandalwood?]. URL: <https://eksmo.ru/entertaining/smotrim-slushaem-uznaem-bolshe-smert-pakhnet-sandalom-mo-yan-ID15669246> (accessed: 25.05.2024). (In Russian)

2. Mo, Yang' (2024). *Smert' pakhnet sandalom* [Death Smells Like Sandalwood]. Perevod s kitaiskogo I. Egorova; perevod fragmentov s kitaiskogo K. Batygina. 576 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

3. Dekan', K. Yu., Chemezova, E. R. (2019). *Natsional'naya identichnost' v sovremennoi kitaiskoi kul'ture* [National Identity in Modern Chinese Culture]. Nauchnye trudy KubGTU. No. 4, pp. 342–349. (In Russian)

4. Egorov, I. *Mo Yang': kitaiskii "derevenshchik", poluchivshii Nobelevku* [Mo Yan: Chinese "Hillbilly" Who Received a Nobel Prize]. URL: <https://eksmo.ru/selections/mo-yan-kitayskiy-derevenshchik-poluchivshiy-nobelevku-ID15574533> (accessed: 25.05.2024). (In Russian)

5. Kauney, D. N. (2020). *Spetsifika yazykovoi kartiny mira v politicheskom aspekte literaturnogo*

tvorchestva Mo Yang' [The Specificity of the Linguistic Picture of the World in the Political Aspect of Mo Yan's Literary Work]. Aziatsko-Tikhookeanskii region: istoriya i sovremennost' – XIII. Pp. 176–179. Udan-Ude. (In Russian)

Bibliography

1. Barashkova, S. N., Zhelobtsov F. F., Zhelobtsova S. F. (2020). *Funktsionirovanie istoricheskogo koda v poetike romanov pisatelei-laureatov nobelevskoi premii* [The Functioning of the Historical Code in the Poetics of the Novels by Nobel Prize-Winning Writers]. Filologiya i chelovek. No. 1, pp. 63–70. (In Russian)

2. Ma, Mentsiu (2022). *Kitaiskaya literatura v aspekte polifonichosti* [Chinese Literature in Terms of Polyphony]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. No. 3 (94), pp. 287–290. (In Russian)

3. Rodionov, A. A. (2019). *O perevode i izdanii na russkom yazyke noveishei kitaiskoi prozy v 2009–2018 gg.* [On the Translation and Publication in Russian of the Latest Chinese Prose in 2009–2018]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika. T. 11. No. 4, pp. 398–430. (In Russian)

4. Turusheva, N. V. (2014). *Sovremennaya kitaiskaya literatura kak otrazhenie social'nykh protsessov v KNR* [Modern Chinese Literature as a Reflection of Social Processes in the PRC]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 383, pp. 126–132. (In Russian)

5. Shile, A. (2021). *Strannoe i normal'noe: sravnenie siurrealisticheskikh mirov Pu Sunlina i Mo Yang'* [Strange and Normal: A Comparison of the Surreal Worlds of Pu Songling and Mo Yan]. Problemy literatur Dal'nego Vostoka. Trudy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ser. "St. Petersburg University Studies in Social Sciences & Humanities". Pp. 140–154. St. Petersburg. (In Russian)

6. Shchepteve, V. E., Krashenninnikov, A. E. (2022). *Literaturnaya mechta Mo Yang'* [Mo Yang's Literary Dream]. Pokolenie budushchego: Vzgliad molodykh uchenykh – 2022. Sbornik nauchnykh statei 11-i Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii. Pp. 151–155. Kursk. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Груздева Елена Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
reemyvera24@mail.ru

Gruzdeva Elena Alexandrovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
reemyvera24@mail.ru

УДК 82/821

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-205-210

ОСМЫСЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ МИФОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ВАДИМА ЛЕВАНОВА

© Ольга Журчева, Татьяна Журчева

COMPREHENSION OF NATIONAL CULTURAL MYTHS IN VADIM LEVANOV'S WORKS

Olga Zhurcheva, Tatiana Zhurcheva

The article is devoted to the problem of searching for personal identity in Vadim Levanov's dramatic works. Having set this goal, the playwright takes his characters through situations built on social, historical and literary myths, which gives him the opportunity to closely approach the definition of personal identity through a kind of the national myth understanding. The article proposes to trace the formation of the national myth ideas, based on the analysis of Levanov's dramatic works. This is reflected in the ontological opposition of good and evil in the dramatic diptych "The Life of St. Blessed Xenia of St. Petersburg" and "The Most Possible Authentic and Plausible Biography of the Bloody Lady (Krovavaya Barynya) Daria Saltykova, a Moscow Noble Woman". The stories about two real women, who became part of national mythology, served for the author of the diptych as the basis for thinking about the nature of good and evil, about the rights and responsibilities of a person to make an informed choice between these poles. From specific, seemingly very local, purely Russian stories, Levanov goes to the universal, non-national phenomena. In the paradoxical interpretation of the well-known historical events in the play "Foundation," the author sees a kind of the Russian code. In the play "The Slavic Bazaar," the postmodern projection of the cultural myth is seen as an ironic understanding of the way out of crisis situations, found by the Russian intelligentsia. Thus, Vadim Levanov's plays are a vivid example of how contemporary art works along with contemporary myth-making.

Keywords: Vadim Levanov, national myth, identity, opposition of good and evil, dramatic works

Статья посвящена проблеме поиска личностной идентичности человека в творчестве драматурга Вадима Леванова. Задавшись этой целью, драматург проводит своих героев через ситуации, построенные на социальных, исторических, литературных мифах, что дает ему возможность вплотную подойти к определению личностной идентичности через своеобразное осмысление мифа национального. В статье предлагается проследить за формированием идей национального мифа на ряде примеров разбора драматических произведений Леванова. Это отразилось в онтологической оппозиции добра и зла в драматургическом диптихе «Святая блаженная Ксения Петербургская в житии (пьеса в клеймах)» и «Кровавые барыни Дарьи Салтыковой, московской столбовой дворянки, правдоподобное и елико возможно достоверное жизнеописание». Истории двух реальных женщин, ставших частью национальной мифологии, послужили автору диптиха основой для размышлений о природе добра и зла, о праве и обязанности человека делать осознанный выбор между этими полюсами. От специфических, очень, казалось бы, локальных, чисто русских историй Леванов выходит к общечеловеческому, вненациональному. В парадоксальном осмыслении всем известных исторических событий в пьесе «Основание» автор видит своеобразный русский код. В постмодернистской проекции мифа культурного в пьесе «Славянский базар» видится ироническое осмысление того выхода русской интеллигенции из кризисных ситуаций. Таким образом, пьесы Вадима Леванова представляют собой выразительный пример того, как современное искусство работает с современным мифотворчеством.

Ключевые слова: Вадим Леванов, национальный миф, идентичность, оппозиция добра и зла, драматические произведения

Для цитирования: Журчева О., Журчева Т. Осмысление национальных культурных мифов в творчестве Вадима Леванова // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 205–210. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-205-210

Творчество Вадима Леванова представляет собой выразительный пример того, как современное искусство работает с культурной мифологией. Драматург обращается к мифам культурно-историческим, национальным, социальным, мифам, связанным с теми или иными локусами и топосами, мифам литературным и т. д. Этот интерес вполне в духе характерного для рубежа XX–XXI вв. стремления переосмыслить прошлое, освоить его не через набор хрестоматийных, а потому чужих и порой малопонятных образов и смыслов, а освоить и присвоить их себе, вписать в современную картину мира. Что, в свою очередь, совпадает с тем, как определяет миф «Новейший философский словарь»: как «форму целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов, считающихся самостоятельными явлениями реальности» [1, с. 634].

Одним из наиболее устойчивых источников мифотворчества является национальный миф. Вырастая из традиционно сложившихся представлений об истории народа, он превращается в своего рода идеологему, призванную формировать и поддерживать систему национальных ценностей, на которой зиждется не только общенациональная, но и индивидуальная, личностная идентичность, о чем подробно пишут в своей монографии Л. Ф. Хабибуллина и Т. Н. Бреева [2].

Идентичность, в свою очередь, является своеобразным результатом, итогом, процесса идентификации. Идентификация трактуется как «защитный психологический механизм, позволяющий уподоблять себя другому образу» [3, с. 64]. Она отражает связь человека с внешним миром. А идентичность «определяет соотношение внутреннего и внешнего, конечного и бесконечного, адаптации и защиты собственного „я“». Идентичность – модель, позволяющая разделить „я“ и „окружающий мир“. Идентичность представляет собой внутренний потенциал личности, который позволяет адаптироваться к изменяющимся социальным условиям» [4, с. 226].

Леванов стремился понять, что есть мир и что есть человек в этом мире. Его герои, жаждущие обрести свою идентичность, неизменно существуют «на распутье», в ситуации выбора, которая неизменно побуждает человека к осознанию самого себя, к необходимости понять «кто я» и «зачем я».

В настоящей работе мы обратимся только к нескольким произведениям Вадима Леванова, в которых он по-разному осмысляет некоторые знаковые исторические события и личности так или иначе знаковых персон, ставших неотъемле-

мой частью национальной истории. Прежде всего, это своеобразный драматургический диптих, включающий в себя пьесы «Святая блаженная Ксения Петербургская в житии (пьеса в клеймах)» и «Кровавые барыни Дарьи Салтыковой, московской столбовой дворянки, правдоподобное и елико возможно достоверное жизнеописание». Еще один блок текстов, которые предполагается рассмотреть, включает в себя одноактную пьесу «Основание», представляющую иронически-наивный взгляд на историю основания Москвы, и одноактную пьесу «Славянский базар», так же иронически переосмысляющую одно из важнейших культурных событий конца XIX в. – судьбоносную встречу К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, благодаря которой был создан Московский художественный театр.

Героини диптиха – жена придворного певчего Ксения, ставшая юродивой, при жизни признанная блаженной, а позднее канонизированная, и Дарья Салтыкова, прозвище которой, Салтычиха, сделалось нарицательным и до сих пор служит обозначением крайней степени жестокости. Обе они – реально жившие в XVIII в. женщины: Ксения в Петербурге, Салтычиха – в своем имении, а после расследования ее злодеяний в Москве, заточенная в монастырской келье. О событиях жизни каждой из них известно достаточно подробно. Леванов опирался на документы, сохранившие как реальные факты биографий, так и разного рода домыслы и слухи.

Нет необходимости доказывать, что отнюдь не воссоздание известных жизнеописаний было его целью. Автор обратился к этим историческим фигурам, мифологизированным народным сознанием, увидев в одной из них – Ксении – воплощение полюса абсолютного добра, а в Салтычихе – напротив – абсолютного зла.

Следуя фабуле канонического жития блаженной Ксении Петербургской, Леванов выстраивает сюжет пьесы по своей собственной логике. Его героиня проходит сложный и мучительный путь, который начинается с того, что глубоко религиозная женщина потрясена неожиданной кончиной мужа. Сильнее вдовьего горя становится для нее осознание того, что смерть настигла его внезапно и он не смог, как положено христианину, ни покаяться, ни получить отпущение грехов. Молодая вдова во имя спасения души покойного супруга решает как бы продлить его жизнь, «дожить» ее вместо него, дабы постом, смирением и молитвой искупить его грехи и заслужить ему Царствие Небесное. Она отрекается от своего имени, принимая имя мужа, от своей женской сущности, от собственной судьбы во имя любви. Сначала это нерастрачен-

ная любовь к мужу, очень земная, женская, затуманенная ревностью и обидой. Но постепенно она преобразуется в великую любовь к людям и готовность помогать им. Каждое из событий пьесы (клейма) есть очередной этап преображения Ксении из обычной земной женщины в блаженную, то есть удостоенную благодати, суть которой в том, что ей разрешено и после смерти являться на помощь людям, попавшим в беду. Шаг за шагом героиня, отказываясь от идентичности социальной, гендерной, личностной, обретает новую идентичность, которая позволяет ей соотносить себя со всем миром, со всеми людьми, с Богом, который есть любовь.

Сюжет строится таким образом, что история Ксении в пьесе, как и в житии, подана предельно объективно: через ее слова и поступки, а также через рассказы разных людей о творимых ею при жизни и после смерти деяниях.

Иначе построена пьеса о Салтычихе. Двигателем сюжета становятся не действия и поступки заглавной героини, как в «Ксении», а повествование некоего Прохора, бывшего солдата русской армии эпохи наполеоновских войн, попавшего в плен и осевшего во Франции. Отдельные, далеко не всегда связанные между собой события из жизни Салтычихи оказываются как бы иллюстрациями к его рассказу, а сам рассказ, в свою очередь, оказывается своеобразным комментарием этих событий, а точнее – опытом их интерпретации. Здесь, кстати, чисто русский миф о жестокости, порожденной безграничной и фактически незаконной властью помещицы над крепостными крестьянами, как бы дублируется изначально французским, а теперь уже и общемировым мифом, связанным с фигурой маркиза де Сада, от имени которого произошло слово, ставшее медицинским термином, обозначающим патологическую жестокость и страсть к физическому насилию. Русский солдат оказывается служителем психиатрической лечебницы Шарантон, где в качестве пациента доживает свои последние дни де Сад. И именно ему, не понимающему ни слова по-русски, рассказывает Прохор историю о русской дворянке, которая, не зная ничего о теоретическом оправдании садизма, явила ужасающий в своей наглядности пример его практического применения. Прохор тоже ничего не знает о маркизе и его скандальной славе. Может быть, именно поэтому и разговаривает с ним, а по сути, с самим собой, пересказывая и анализируя историю Салтычихи. В своем бесконечном монологе он пытается понять самого себя. Потому что, вопреки заглавию, именно он и есть главный герой, самым своим рождением обреченный на мучительный выбор между добром

и злом. Именно в этом для Леванова и состоит обретение человеком своей идентичности, которая не в социальной, не в классовой и даже не в национальной принадлежности, а в том, какой выбор делает он в этом вечном противостоянии. По иронии судьбы Прохору не суждено обрести себя. Он, рожденный во грехе «кровопивцей и душегубицей, людоедкой, извергом рода человеческого» [5, с. 510] Салтычихой, был отнят от греховной матери и воспитан религиозным тюремным смотрителем в страхе Божьем и принципах добродетели. Однако перед смертью приемный отец открыл тайну его происхождения, и Прохор осознал себя между кровной своей связью с исчадием ада и духовным устремлением к Богу. В сюжете пьесы выбор оказался невозможным: человек так и остается на распутье, ибо добро и зло живут в нем, борются и обуславливают тот субстанциональный конфликт, который оказывается лейтмотивом всего творчества Вадима Леванова.

Таким образом, истории двух реальных женщин, ставшие частью национальной мифологии, послужили автору диптиха основой для размышлений о природе добра и зла, о праве и обязанности человека делать осознанный выбор между этими полюсами. От специфических, очень, казалось бы, локальных, чисто русских историй Леванов выходит к общечеловеческому, внациональному.

Два других текста посвящены различным по своей значимости и существенно разведенным во времени историческим событиям. Они объединены тем, что в обоих речь идет о начале, основании: в одном случае это основание городов, в другом – театра.

Пьеса «Основание» имеет подзаголовок «Реферат по Москвоведению ученика 11 „А“ класса Кучкина Ивана, г. Москва, 2009 г.» [6, с. 511]. В тексте сталкиваются и вступают в сложное взаимодействие несколько речевых пластов: весьма корявая устная (явно не письменная) речь школьника начала XXI в. и диалоги, стилизованные под условно старинную речь, но с обильными вставками словечек и выражений из современного молодежного жаргона и современных просторечий. Благодаря этому с первых же реплик создается эффект иронического остранения по отношению к одному из наиболее значимых событий российской истории – основанию Москвы.

Само по себе это событие довольно подробно описано в разнообразных документах от древних летописей до нынешних энциклопедий и справочников [7, с. 95]. Известно, что один из сыновей Владимира Мономаха Юрий, прозванный

Долгоруким (отчасти за свою захватническую политику, за «долгие руки»), отнял у некоего боярина Степана Кучки принадлежащие ему земли, казнил его самого, а дочь его отдал в жены своему сыну. Интересно, что факт насильственного захвата чужих земель никогда не утаивался, он известен уже без малого 900 лет. Однако редко кто, кроме профессиональных историков, вспоминает об этом, говоря об истории Москвы и русского государства, которое вокруг нее со временем сложилось. Да мало кто и знает. В школьных учебниках, откуда впервые мы черпаем сведения об истории отечества, говорится без всяких подробностей лишь о том, что Москву в 1147 г. основал князь Юрий Долгорукий, и подтверждением этого державного мифа в центре нынешней Москвы с 1954 г. стоит пафосный бронзовый памятник.

В пьесе мы обнаруживаем забавную перепалку между пришедшими с рейдерским захватом князем и его воеводой и осажденным, но не желающим сдаваться боярином. Но как бы комично ни звучал этот речевой микс стилизации под старинный слог и современных слов и выражений, вместо привычного исторического мифа нам открывается жестокая и кровавая правда. Она как бы проступает сквозь речь современного школьника, косноязычно повторяющего плохо выученный учебник. В финале, однако, он все-таки добивается до правды исторической, но воспринимает ее как-то равнодушно и отстраненно. Перечисляя жертвы и взаимные злодеяния участников древней истории, он не оценивает их и завершает свой «реферат» вполне философски: *«Вот такая, блин, история...»* [6, с. 513].

Пьеса, однако, на этом не заканчивается: появляются некие двое: 1-й и 2-й. По их диалогу становится понятно, что это айтишники, которые то ли сочиняют компьютерную игру, то ли играют в нее, пытаясь как-то повлиять на «ход истории» и всякий раз упираясь в одно и то же:

«1-й. <...> Трудно с ними! Какие они все-таки непобиваемые... Я вот не понимаю – зачем всегда столько насилия?.. <...>

2-й. Я тоже этого не понимаю... Вот сколько раз пытаюсь, чтобы никого не убили <...>» [Там же].

При этом сам факт захвата чужой собственности их почему-то не смущает:

«Приехали в город, перетерли с хозяином, договорились полюбовно... Переселили его куда-нибудь...» [Там же].

Пытаясь, как им кажется, исправить историю, сделать ее менее кровавой и жестокой, они не

берут во внимание, что жестокость заложена в самом историческом событии, и она повторяется из раза в раз, потому что никак не оценена, не отрефлексирована, скрыта за привычным мифом.

Пьеса «Славянский базар» уже своим названием отсылает нас к одному из краеугольных событий всей не только русской, но мировой театральной культуры XX в. – созданию Московского художественного театра. Это событие по праву считается поворотным в истории театра, некоей точкой отсчета не только для сценического искусства, но для всей мировой художественной культуры. Соответственно, и создатели МХТ К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко – общепризнанные фигуры мирового масштаба. Вокруг них, как и вокруг истории создания театра, сложилось немало историй, вполне правдивых в своей основе, опирающихся на реальные факты, которые, однако, немало приукрашены и дополнены разного рода подробностями и толкованиями. Одна из таких историй, давно превратившаяся в своего рода культурный миф, – легендарная встреча основоположников в знаменитом московском трактире «Славянский базар», где они провели несколько часов, вырабатывая принципы устройства нового театра.

Один из основных сюжетных приемов в «Славянском базаре» – гиперболизация. Многократно преувеличены аппетиты К. С. и Н.-Д., количество и размеры потребляемых ими блюд и напитков; очень долгое и в реальности (18 часов) совещание героев пьесы растягивается уже не просто на часы и даже не на дни, а на годы и десятилетия. Гипербола закономерно порождает гротесковое смешение сначала разговоров о еде и о театре, затем смешение исторических эпох, фантазмагорическое перемещение в пространстве – из трактира 1897 г. в знаменитый панорамный вращающийся ресторан «Седьмое небо» на самом верху Останкинской телебашни в момент не менее знаменитого пожара 2000 г. Основоположники на наших глазах «проходят сквозь века» не иносказательно, а вполне буквально, обретают бессмертие, превращаясь из живых людей в некий культурный символ, и пророчествуют о судьбе своего детища и о самих себе:

«К. С. <...> Самое страшное, в том, дражайший мой... в том, что мы с вами станем одним единым организмом <...>. Нас будут путать, и мы не сможем освободиться друг от друга... словно мы склеены супермоментом <...>. И эта страшная тварь, этот жуткий монстр, который образовался из странного соединения <...> меня и вас – *это то чудовищное порождение останется жить долго, очень долго...* может быть сто, двести, триста, тысячу лет» [Там же, с. 385] (курсив наш. – О. Ж., Т. Ж.).

Так иронически осмысляется привычное упоминание «Станиславский и Немирович-Данченко», ставшее в своем роде неделимым выражением, почти равным по своему смыслу понятиям «система Станиславского» и «МХАТ». И то, и другое, и третье – составляющие историко-театрального мифа, который, как любой культурный миф, опирается на реальные факты, но в конечном счете отделяется от реальности и, по сути дела, противостоит ей, омертвляет то живое, что было когда-то реальностью: великих строителей и реформаторов русского театра, их неподдельный энтузиазм и мечты о Новом Театре.

Еще одна мифологическая фигура возникает в тексте – Чехов. Поначалу о нем только упоминают, его ждут, удивляются его отсутствию, спрашивают о том, где он находится. На предложение оплатить счет К. С. и Н.-Д. предлагают передать его Чехову, который за все заплатит. Диалог их пестрит всевозможными литературными и общекультурными цитатами, в том числе из чеховских пьес. И в финале, в дыму начинающегося пожара действительно является Чехов:

«Дым, воют сирены. Все заволакивает дымом, в котором словно тают и растворяются фигуры, сидящие за столом. На какое-то мгновение дым рассеивается и становится видно человека в длинном летнем пальто, с тростью, в пенсне, с бородкой. Только вместо привычной по фотографиям шляпы „Борсалино“ на голове у него блестящая пожарная каска. Это – господин Чехов. Он улыбается, покашливает, покачивает головой» [Там же, с. 387].

А. П. Чехов, во многом определивший путь не только Художественного театра, но и всей мировой литературы XX в., стал поистине знаковой фигурой. Недаром и театр, и кинематограф с завидной периодичностью обращаются и к его произведениям, и к его личности всякий раз, когда общество переживает очередной кризис и ищет ответы на мучительные вопросы о смысле жизни. На рубеже XX–XXI вв. именно к Чехову все чаще обращается российская интеллигенция в поисках собственной идентичности, в определении неких ценностных критериев, жизненных ориентиров.

В заключение можно сказать, что творчество Вадима Леванова наглядно демонстрирует сложный путь драматурга к формированию важных для него художественных, нравственных, философских принципов: обратившись в ранних пьесах к знакам и кодам постсоветского, постиндустриального пространства, он пытался понять

природу социального мифа и социальной же идентичности. Отчаявшись определиться в ключевых вопросах «Кто я?» и «Зачем я?», которые явно или скрыто звучат практически во всех его пьесах, Леванов впоследствии обращается к мифу историческому, культурному, литературному, экспериментируя с известными сюжетами и образами, подводя их к решению онтологических и аксиологических проблем современного человека, что неизбежно привело его и осмыслению мифа национального, поскольку именно он так или иначе объединил в себе социальную идентичность человека и человеческого сообщества, живущего на рубеже, на сломе мировоззренческих эпох.

Список источников

1. Жбанков М. Р. Миф // Новейший философский словарь: 3-е изд., испр. Минск: Книжный Дом, 2003. С. 634.
2. Хабибуллина Л. Ф., Бреева Т. Н. Национальный миф в художественной литературе. М.: Флинта, 2019. 500 с.
3. Гуревич П. С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории. 2010. Том VII. С. 63–87.
4. Мельникова Л. В. Проблема культурной идентичности: концептуальные подходы // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 5. С. 226–234.
5. Леванов В. Кровавые барыни Дарьи Салтыковой, московской столбовой дворянки, правдоподобное и елико возможно достоверное жизнеописание // Леванов Вадим. Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. Тольятти: Литературное агентство В. Смирнова, 2018. С. 483–510.
6. Леванов В. Основание // Леванов Вадим. Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. Тольятти: Литературное агентство В. Смирнова, 2018. С. 511–514.
7. Пушкарёв С. Г. Обзор русской истории. М.: Наука, 1991. 390 с.
8. Леванов В. Славянский базар // Леванов Вадим. Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. Тольятти: Литературное агентство В. Смирнова, 2018. С. 376–387.

References

1. Zhabankov, M. R. (2003). *Mif* [Myth]. Noveishii filosofskii slovar. 634 p. Minsk, Knizhnyi Dom. (In Russian)
2. Khabibullina, L. F., Breeva, T. N. (2019). *Natsionalnyi mif v khudozhestvennoi literature* [National Myth in Fiction]. 500 p. Moscow, Flinta. (In Russian)
3. Gurevich, P. S. (2010). *Problema identichnosti cheloveka v filosofskoi antropologii* [The Problem of Human Identity in Philosophical Anthropology]. T. VII, pp. 63–87. Voprosy sotsial'noi teorii. (In Russian)
4. Melnikova, L. V. (2010). *Problema kulturnoi identichnosti: kontseptualnye podkhody* [The Problem of Cultural Identity: Conceptual Approaches]. Gumanitarnye i socialnye nauki. No. 5, pp. 226–234. (In Russian)

5. Levanov, V. (2018). *Krovavyya baryni Dar'i Saltykovoi, moskovskoi stolbovoi dvoryanki, pravdopodobnoe i eliko vozmozhno dostovernoe zhizneopisanie* [The Bloody Lady of Daria Saltykova, a Moscow Noblewoman, a Plausible Biography and as Reliable as Possible]. Levanov Vadim. *Sobranie sochinenii v 2-kh tomakh*. T. 1, pp. 483–510. Tolyatti, Literaturnoe agentstvo V. Smirnova. (In Russian)

6. Levanov, V. (2018). *Osnovanie* [The Base]. Levanov Vadim. *Sobranie sochinenii v 2-kh tomakh*. T. 1,

pp. 511–514. Tolyatti, Literaturnoe agentstvo V. Smirnova. (In Russian)

7. Pushkarev, S. G. (1991). *Obzor russkoi istorii* [The Review of Russian History]. 390 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

8. Levanov, V. (2018). *Slavyanskii bazar* [The Slavic Bazaar]. *Sobranie sochinenii v 2-kh tomakh*. Levanov Vadim. T. 1, pp. 376–387. Tolyatti, Literaturnoe agentstvo V. Smirnova. (In Russian)

The article was submitted on 11.09.2024

Поступила в редакцию 11.09.2024

Журчева Ольга Валентиновна,
доктор филологических наук,
профессор,
Самарский государственный социально-педагогический университет,
443099, Россия, Самара,
Максима Горького, 65/67.
janvaro@mail.ru

Журчева Татьяна Валентиновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева,
443086, Россия, Самара,
Московское шоссе, 34.
zhurcheva@mail.ru

Zhurcheva Olga Valentinovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Samara State University of Social Sciences and Education,
65/67 Maxim Gorky Str.,
Samara, 443099, Russian Federation.
janvaro@mail.ru

Zhurcheva Tatiana Valentinovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev,
34 Moskovskoye Shosse,
Samara, 443086, Russian Federation.
zhurcheva@mail.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-211-217

ЛОКУС ДОМА В РОМАНЕ Е. А. КАТИШОНОК «ЖИЛИ-БЫЛИ СТАРИК СО СТАРУХОЙ»

© Жэнь Тяньи, Эльвира Нагуманова

THE LOCUS OF HOUSE IN THE NOVEL “THERE LIVED AN OLD MAN AND HIS WIFE” BY E. KATISHONOK

Ren Tianyi, Elvira Nagumanova

The article studies the artistic space of house in E. Katishonok's novel "There Lived an Old Man and His Wife" (2006) in the context of a typical family chronicle, which emphasizes the resonance between personalities (family members) and their social environment. The aim of the study is to reveal the representative features of house by means of a structural-semiotic description and by exposing the construction identities of the author's individualized model of the world. The article determines the specificity of the house locus in the novel and analyzes the immanent constructions that ensure the integrality and organisation of its inner space. We underline the relativity of the boundedness of the house, which, in fact, remains in dynamic movement, and represents the energetic interaction of the Ivanov family's self-space with the surrounding society. The house, first of all, turns into an Old Believers' model of the world, it correlates with their traditional way of life, family and lineage. The conducted research proves that the house locus is conceptualized by E. Katishonok as a special world with its own internal rules, committed to the transformation due to the impact of both internal causes and external forces, which leads to a spontaneous adaptation to the dominant societal perceptions.

Keywords: house space, locus, structure-semiotic description, macrocosm, E. Katishonok, family chronicle

В статье рассматривается художественное пространство дома в романе Е. А. Катишонок «Жили-были старик со старухой» (2006) в контексте типической семейной хроники, где подчеркивается резонанс между личностями (членами семьи) и социальным окружением. Цель исследования заключается в раскрытии репрезентативных особенностей локуса дома путем структурно-семиотического описания и выявления особенностей конструирования индивидуализированной авторской модели мира в произведении. Определяется специфика локуса дома в романе и проводится анализ имманентных конструкций, обеспечивающих интегральность и организованность его внутреннего пространства. В статье подчеркивается относительность ограждения дома: по сути, он остается в динамическом движении, отмечено энергетическое взаимодействие самопространства семьи Ивановых с окружающим социумом. Дом воспринимается прежде всего в качестве модели мира старообрядцев, он соотносится с традиционным укладом жизни, семьей, родословной. В результате проведенного исследования доказывается, что локус дома осмысливается Е. А. Катишонок как особый мир со своими внутренними законами, подверженный изменениям в силу воздействия как внутренних причин, так и внешних сил, что приводит к спонтанной адаптации к доминирующим в обществе представлениям.

Ключевые слова: пространство дома, локус, структурно-семиотическое описание, модель мира, Е. А. Катишонок, семейная хроника

Для цитирования: Жэнь Тяньи, Нагуманова Э. Локус дома в романе Е. А. Катишонок «Жили-были старик со старухой» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 211–217. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-211-217

Понятие пространства выступает как координатор, определяя точку существования субъекта и его границы. Восприятие пространства относится к базовым средствам, через которые чело-

век осознает свое положение как в природной среде, так и в социуме. В первую очередь жизненным пространством служит дом, под которым подразумевается постройка, выступающая

местом обитания, обладающая защитными функциями. Объект «дом» концептуализируется как относительно замкнутый фрагмент, изолированный от окружающего мира, и как семиотическая реалья, несущая характер границы или так называемого «места собирания и расположения» [1, с. 111]. Иными словами, дом превращается в критерий самоидентификации на основе разграничения «своего» и «чужого», внутреннего уюта и внешнего хаоса.

В литературе дом как художественное пространство сохраняет свой экзистенциальный характер и участвует в создании «авторской картины мира». Ю. М. Лотман выделяет два основных понятия – топос и локус. Разграничение этих понятий основано на принципах открытости и замкнутости. Локус «закрытый, или герметичный, образ, топос – открытый, динамичный» [2, с. 141]. По В. Ю. Прокофьевой, топос является, с одной стороны, «значимым для художественного текста (или группы художественных текстов – направления, эпохи, национальной литературы в целом) местом разворачивания смыслов, которое может коррелироваться с каким-либо фрагментом (или фрагментами) реального пространства»; с другой стороны, «общим местом, набором устойчивых речевых формул, а также общих проблем и сюжетов, характерных для национальных литератур» [3, с. 89]. Соответственно, для локуса «важны признаки относительной тождественности существующему в реальной действительности объекту и культурной значимости этого объекта для социума, на основе чего формируется когнитивная база и фиксируются стереотипные и индивидуальные представления о нем» [Там же, с. 90]. Исследователь заключает, что дом можно соотнести с одним из ключевых для русской литературы «локусных прототипов», которые объективируются в тексте через определенные номинации (изба, квартира, усадьба и т. п.) [Там же, с. 91].

Дом традиционно предстает как замкнутое пространство, обеспечивающее героев покоем, безопасностью и надежной физической защитой. Он прослеживается в произведениях как идеальное жилище, нравственное и ценностное ядро художественного мира, где преобладают семейная гармония, единение телесного и духовного начал. Пространство дома с подобной семантикой встречается в произведениях классической литературы: например, усадьба Лариных у А. С. Пушкина, дом старосветских помещиков у Н. В. Гоголя, идеальное имение Левина в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

Локус дома заметное место занимает и в современной литературе [4]. Соответственно, мож-

но выделить две функции его реализации: миромоделирующую и психомоделирующую. В романе Е. А. Катишонок «Жили-были старик со старухой» также можно рассмотреть эти функции.

Роман Е. А. Катишонок «Жили-были старик со старухой», выстроенный в форме семейной хроники, считается «наиболее сильным в художественном плане» среди других произведений автора [5, с. 69]. В произведении отражается влияние крупных исторических событий на судьбу простой староверской семьи – казачьего рода Ивановых, переехавших из Ростова-на-Дону в Остзейский край. Как отмечает Т. Н. Бреева, «Остзейский край в романе Е. Катишонок предстает как гибридное пространство, совмещающее в себе еврейский, немецкий и русский (через казачество) локусы, каждый из которых хронотопически конкретизирован: русский локус определяется хронотопами кладбища и Старого Города, еврейский локус – больницами и концлагерями, немецкий – хронотопом мастерской. При этом все хронотопы втягиваются в общее родовое пространство, приобретая способность менять свои значения и формировать родство вне времени» [6, с. 147].

Дом, где живут Ивановы, является центром повествования, хранителем традиций и верований персонажей, свидетелем меняющихся ценностей. Наряду с этим, смысловое толкование пространства дома не только содействует постижению романа на сюжетно-тематическом уровне, но и служит необходимым началом для определения авторской модели мира в целом.

В рамках данного исследования предполагается рассмотрение дома как локуса. Во-первых, репрезентация дома в изучаемом романе характеризуется замкнутостью от более широкого художественного пространства – «города». Это «функциональное поле», где разворачивается главная сюжетная линия и действуют персонажи. Во-вторых, в данном квазиавтобиографическом романе, написанном в жанре семейной хроники, писательница восстанавливает образ дома как по прототипическим свойствам русской литературы, так и посредством индивидуально-дифференцированных переосмыслений.

Опираясь на установленные ценности, Е. А. Катишонок в романе «Жили-были старик со старухой» образует особенную репрезентативную систему локуса дома. Построение данного локуса в произведении достигается не через изображение единичного сооружения, а через цикл архитектурных объектов. При этом конкретными репрезентациями являются «ветхая землянка на Калужской улице»,

«квартира на Больше-горной улице», «квартира на Большой Московской». Они чередуются и по сюжетной линии принимают на себя черты реального жилища главных персонажей (семьи Ивановых). Несмотря на то что они соотносятся с тремя отдельными пространственными референтами в художественном мире, при анализе мы объединяем их как интегральный комплекс исходя из содержательных компонентов. При этом именно «квартира на Большой Московской» охватывает наибольшие пространственные семы и стала значимой для раскрытия внутренней структуры романа (табл. 1).

Таблица 1

Репрезентация пространства дома в тексте

Конкретная репрезентация	Описание
«Ветхая землянка» на Калужской	Первый дом семьи Ивановых в Городе – маленький, но уютный.
Квартира на Больше-горной	Собственный дом с обильной и разнообразной трапезой, ароматом свежести и т. д.
Квартира на Большой Московской	На третьем этаже высоченного каменного дома; арендованная; рассчитанная на долгое проживание. «Старик приладил на дверь изящную латунную табличку <...> и понял, что он – дома». После Второй мировой войны государственная квартира, разделенная на две половины.

Жилище Ивановых отличается внешней отстраненностью, внутренней организованностью и фактически предстает аналогом макрокосма. Это «свое» пространство существования, которое было выделено из окружающего социального мира – «Города», «Остзейского края», «Республики». Здесь семейное единство утверждается через имманентные конструкции – общие привычки, нормы, концепции, теории. Ивановы честно и добросовестно соблюдают признанные ими справедливыми принципы, которые регулярно подчеркиваются в повествовании и являются постоянными атрибутами домашнего пространства и мировосприятия героев.

Обозначим наиболее значимые моменты в раскрытии локуса дома.

1. Календарные праздники и обычаи. В повседневности старика и старухи выделяется система праздников и постов. Вместо численника время исчисляется христианскими праздниками. Несмотря на принятый государством новый стиль, старик и старуха по-прежнему живут по

старому юлианскому стилю. Когда в обществе распространена тенденция отмечать Новый год и дни рождения, Ивановы отдают предпочтение Рождеству Христову и дню ангела членов семьи. Хотя григорианский календарь постепенно внедряется в семью, очевидно, что новый стиль так и не сможет полностью слиться с их собственным миром. В словах и восприятии старухи заметны явные различия:

«<...> да только где тот уютный старый стиль? В моленной да в церковном календаре, а каждодневное бытие давно уже текло по новому стилю, бестолковому и несуразному...» [7, с. 126];

«Это по-вашему, по-новому, первое мая» [Там же, с. 174].

К тому же, нарративная композиция целого произведения складывается по хронологической логике значимых религиозных праздников. Многократные торжества и встречи в доме Матрены позволяют читателям заглянуть в повседневный мир семейства, увидеть и конфликты между персонажами.

2. Языковая организация пространства дома. В доме Ивановых господствовала своеобразная привычка к вербальной номинации, имеющей видные различия с практикой окружающего социума. К примеру, в семье по ростовской традиции «пасха» или «пасочка» означает «кулич». Старуха Матрена настаивает на использовании «нужника» для называния «туалета» или других более экзотических форм. Нередко в доме используются старые названия городских улиц или знаковых мест, и члены семьи, особенно старик и старуха, негативно реагируют на приятие названий нового режима:

«<...> название улицы, которая всегда звалась Столбовой, а сейчас как-то иначе, ну да Бог с ней: Столбовая и есть Столбовая» [Там же, с. 83].

Помимо того, к приметам в языковом аспекте также относится манера разговорной речи. «Слава Богу», «Боже сохрани», «Мать Честная» – эти фразы со старорежимными чертами были приобретены даже маленькой правнучкой.

3. Манера одеваться и другие ритуалы. После войны семья Ивановых сохранила старую традицию – нарядно одеваться и ходить в храм по праздникам. Тетя Тоня научила Лельку изображать книксен, который учительница в школе считала «старорежимным приседанием». Особо выделяется так называемый «шапочный разбор» (по словам Тайки) – различие «своих» и «чужих» по головному убору. С одной стороны, для мужчин разбор проводится между картузом и

шляпой: *«муж (Федя) никогда картуза не носил, будто родился в шляпе»* [Там же, с. 119]. С другой стороны, женщины с платками маркированы старухой Матреной как «свои», а район Московского форштадта, где они встречаются чаще, — как «наш». Дамские шляпки придают центру города признак царствия «чужого» уклада жизни:

«<...> прошли к Православному Собору, из которого выходили такие же, как она, в платках, и редко — в шляпках» [Там же, с. 163];

«Сколько Максимыч жил здесь, у самого синего моря, он делил всех женщин по этому принципу: одни носили платки, другие — шляпки» [Там же, с. 118].

Матрена отказывается присоединяться к этому району, когда Тоня советует о переезде в центр: *«Нет. Там все в шляпках, а я в платке; на кой мне это надо?»* [Там же, с. 119]. После замужества Тоня поселилась в центре и с радостью восприняла оба образа жизни. Она подбирает украшения в зависимости от места, что доказывает ее идеальную идентичность с обеими жизненными моделями:

«Дочка переехала с форштадта в центр, словно платок на шляпку поменяла: поменяла, но не отбросила платок и не отказалась от него. Кесарю — кесарево, Богу — Богов» [Там же, с. 119].

4. Староверчество. Само верование обусловило оседлую и деятельную жизнь общины, домашнее убранство, религиозные и праздничные обряды, ежедневные и нравственные нормы. Матрена и Григорий находят свое место в Остзейском крае среди дружелюбных единоверцев, равно как невестка Пава получает обходительный прием от староверов в дальней уральской деревне. Икона была издавна закреплена в староверских жилищах в качестве воплощения божественного начала. По сравнению с этим, зеркало воспринимается как символ греха. И в романе мы видим, как подвергается изменению отношение к нему: от абсолютного запрета до частичного приятия. Из года в год Ивановы соблюдают недельные и годовые посты, совершают двуперстие и обращаются к моленной при колебании в душе. Они ценят венчание в моленной вместо регистрации в загсах. Заповедь «Не убий» препятствует практическому участию Григория в бою и является коренным источником его страха во время сражения. Обеспечивая исключительность, независимость и замкнутость квартиры Ивановых от постороннего мира, староверчество подтверждает способность семьи жить во имя идеалов добра и справедливости во времена страшных потрясений.

5. Концепция «мысль материальна и передается между родными». Упомянутое высказывание неоднократно повторяется: *«Передается мысль, передается», «Ведь мысль передается, хоть может принимать разные направления»*. Заботы и тревоги передаются близким в полной мере через невидимую нить родственных связей, исключая лживые приукрашивания собственных высказываний. Передача мысли не ограничена расстоянием и не затруднена другими объективными условиями, как в случае с телеграфом или почтой. Такой принцип применяется и в структуре повествования романа. Известие о гибели Коли, которое Ира не успела узнать из открытки сестры, прямо передается через сновидение. Мотя «непостижимым образом» воспринял разговор между Тоней и Федей о болезни отца и его возможной смерти. Он неожиданно приехал к ним, чтобы расспросить их и совместно решить рассказать или скрыть болезнь отца от семьи. И так, неосознанная мыслительная связь присоединяется к структуре осязаемого дома.

6. Семейная традиция строгого отношения к сновидениям. Сны запоминаются, воспроизводятся в семейных беседах, затем детально исследуются, чтобы выявить их значение, и в итоге сохраняются в памяти. Иногда в процесс истолкования включают и сонник. С помощью снов раскрываются отдельные сюжетные перипетии, откровения о психологических переживаниях персонажей, обнаруживаются факты, которые не видны ни героям, ни читателю. Матрене постоянно снится, что умерший брат настаивает на передаче ей детских рубашек. Загадка не разъясняется до того момента, как Тоня показывает ей вышитую рубашку для новорожденной Лельки. В Крещенский сочельник случайно совпавшие сны старика и старухи были обсуждены и восприняты как предсказание болезни. Мучения, вызванные зимним сном о собаке Матрены, заставляют ее отправиться к дочери Тоне и попытаться отыскать разгадку в соннике. Собака, пытающаяся войти и согреться, также появилась в реальности и была признана предвестником очередных смертей.

«В тоске и смятении утром отправилась к Тоне. У дочери был сонник, а главное, нужно было поделиться» [Там же, с. 103].

Отметим, что мнение о сновидении выступает моментом самоидентификации внутри домашнего пространства. Жена Андрея всегда определяется как «другая» среди Ивановых, и она, в свою очередь, проводит границу между собой и

другими членами семейства на основе отношения к сновидениям:

«Невестка сон выслушала с любопытством, но поджала губы: нам сны не снятся. Мы романов не читаем. Кто был „нами“, она не объяснила, но авторитетной интонацией дала понять, что клан могучий» [Там же, с. 104].

Стоит заметить, что самостоятельное пространство дома Ивановых в художественном мире не является абсолютным. Изучаемый локус испытывает динамическую модификацию под воздействием «чужих сил», как внешних, так и внутренних. Герои принимают большие и мелкие изменения пассивным образом, и одновременно иногда активно уступают традициям. В результате, каковы бы ни были их субъективные желания, правила в домашнем пространстве уже направляются на постепенную адаптацию к новым, непонятным установкам социального мира — «нравам, модам, названиям, флагам, правительствам, деньгам».

Среди «чужих сил», во-первых, снаружи на дом Ивановых воздействует Масштабная национализация. После войны на Балтийское побережье пришла советская власть. Съёмная квартира, столярная мастерская и местный банк были национализированы, что положило конец карьере Григория как столяра, изменилась экономическая составляющая семьи. После Великой Отечественной войны квартира как казенная собственность уже была разделена на две части, в результате чего площадь вдвое уменьшилась, и туалет оказался в зоне соседней. Герои фактически вступили в некий полукolleктивный режим жизни, что ослабляет присущие дому позитивные качества, такие как уют, свобода и приватность. Во-вторых, имеется коллизия между представлениями, царящими внутри жилища, и современным обществом, местной культурой. Подобное явление показательно наблюдается в отношении к образованию и ремеслу, в положении Лельки в первом детском саду и в речевых различиях:

«По тому, как она коротко кивнула Максимычу, а больше по обращению „дяденька“ и скупым умылым движениям, понял: местная» [Там же, с. 118].

В-третьих, наиболее сильное и глубокое нарушение семейной жизни происходит из-за войн. Казачьи родственники из Ростова-на-Дону Григория не успели присоединиться к ним. В то время как Андрияша пропал на фронте, Коля был растерзан в концлагере. За временное сожительство старика с женщиной во время скитаний и за

свое истовое ожидание старуха надолго (или даже пожизненно) оказывает мужу «регулярную казнь». Психологическая и экономическая раздельность царил в квартире вплоть до рождения внебрачного ребенка. Войны приводят к расставаниям и гибели членов семьи, а также к психологическому отдалению между героями.

Под «чужими силами», действующими изнутри, подразумеваем несоответствия с типическим мировоззрением дома, возникающие среди домочадцев. Первым обнаруживается сосуществование с Андрияшиной женой Надеждой после смерти сына. Старик и старуха определяют ее «другой навсегда». Автор указывает, что *«не вошла она в семью... а — вышла: вышла замуж за их сына, вот и все»* [Там же, с. 46]. Они живут под одной крышей, но совместная жизнь не сложилась, между ними возникают постоянные разногласия. Матрена относится к Наде и ее детям с недоверием и бдительностью, а в сердце Нади упорно преобладают расчет и недовольство. На втором месте по списку расположились так называемые «нарушители заповедей (не убий; не прелюбодействуй)», к этому классу относятся прежде всего Симочка и Тайка. Танкист Семен — единственный в семье, который с легкостью нарушает заповедь «не убий». Он бросается в войну с горячностью и осознает себя победителем. Военные трофеи достались ему в виде почетного звания, медалей, а также освобожденной из концлагеря польской женщины Ванды. В связи с этим Симочка покидает Настю, которая с нетерпением ожидала его возвращения.

Стремясь выбраться из традиционного уклада и получить самостоятельную квартиру, представитель молодого поколения, Тайка, не соблюдает постов и заводит внебрачного ребенка. В своей загадочной жизни она демонстрирует недостаточное внимание к семье и дочери, интенсивные ссоры и близость к дяде Семену. Ее поведение в определенной степени сказывается на согласованной домашней установке Ивановых. Между тем особую сюжетную значимость имеет водворение внебрачной правнучки в семейной квартире. Совместное воспитание Лельки стало новым фокусом жизни Григория и Матрены, которые снова начали делиться повседневными мелочами и эмоциями — смехом, ревностью, грустью. Это событие положило конец абстрактному отчуждению стариков и завершилось переходом к новому витку отношений между ними.

В то время как оппозиционные силы приносят изменения в мир дома, жильцы постепенно перестают им противостоять. Конкретными проявлениями нового назовем встречу Старого Нового года между Рождеством и Крещением, ма-

ло-помалу появление зеркал в доме, примирение с возможным союзом Тайки и солдата. Следовательно, квартира Ивановых в качестве актуализации прототипических семантик пространства дома русской литературы пребывает в коммуникации с окружающим миром, с «другим», и в динамичном преобразовании – иногда бурном разрушении, временами замедленной и мелочной адаптации.

Итак, в результате проведенного анализа приходим к выводу, что дом Ивановых в романе может быть концептуализирован как разновидность художественного пространства – «локуса», выстраивание которого базируется на основе соединения прототипических представлений о доме в русской литературе и индивидуально-дифференцированном переосмыслении автором традиционного представления о нем. Репрезентативная система локуса дома составлена из второстепенных единиц (представительные помещения и несколько отдельных семейств в этом расширенном семейном пространстве), упорядочена благодаря имманентным свойствам и предстает макрокосмосом семейства Ивановых. В качестве присущих ему свойств назовем как внешние привычки (сохранение традиций празднования христианских праздников, манера одеваться и держаться в обществе), так и метафизические принципы (сохранение староверского верования, серьезное отношение к снам и приметам). Названные особенности позволяют говорить о границе между «своим» и «другим» в художественном мире романа и становятся критерием личной идентификации персонажей.

Работа частично поддержана программой Китайского совета по стипендиям (код проекта: 202306270006).

Список источников

1. Разова Е. Л. Дом: место социального и культурного становления человека: дис. ... канд. философ. наук. СПб., 2004. 179 с.
2. Сабиров Н. К. Время и пространство как специфические стороны жанра путевых произведений // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 1 (71). С. 138–143.
3. Прокофьева В. Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы //

Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 87–94.

4. Смирнова А. И. Локус дома в современной русской прозе // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 3 (19). С. 8–14.

5. Солдаткина Я. В. Современная словесность: актуальные тенденции в русской литературе и журналистике. М.: МПГУ, 2015. 160 с.

6. Бреева Т. Н., Хусаинова Г. Ш. Гетеротопия истории в романе Е. Катишонок «Жили-были старик со старухой» // Вестник ТГГПУ. 2017. № 4 (50). С. 143–148.

7. Катишонок Е. А. Жили-были старик со старухой. Красногорск: ВЕБКНИГА, 2011. 216 с.

References

1. Razova, E. L. (2004). *Dom: mesto sotsial'nogo i kul'turnogo stanovleniya cheloveka: dis. ... kand. filos. nauk* [House: A Place of Social and Cultural Formation of the Human Being: Ph.D. Thesis]. St. Petersburg, 179 p. (In Russian)
2. Sabirov, N. K. (2023). *Vremya i prostranstvo kak spetsificheskie storony zhanra putevykh proizvedenii* [Time and Space as Specific Aspects of the Travelogue Genre]. *Filologiya i kul'tura*, No. 1 (71), pp. 138–143. (In Russian)
3. Prokofieva, V. Yu. (2005). *Kategoriya prostranstva v khudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy* [Category of Space in Artistic Interpretations: Loci and Topoi]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 11, pp. 87–94. (In Russian)
4. Smirnova, A. I. (2015). *Lokus doma v sovremennoi russkoi proze* [Locus of Home in Contemporary Russian Prose]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*. No. 3(19), pp. 8–14. (In Russian)
5. Soldatkina, Ya. V. (2015). *Sovremennaya slovesnost': aktual'nye tendentsii v russkoi literature i zhurnalistike* [Contemporary Literature: Current Trends in Russian Literature and Journalism]. 160 p. Moscow, Moscow State Pedagogical University. (In Russian)
6. Breeva, T. N., Khusainova, G. Sh. (2017). *Geterotopiya istorii v romane E. Katishonok "Zhili-byli starik so starukhoi"* [Heterotopie of History in E. Kaisishonok's Novel "There Lived an Old Man and His Wife"]. *Vestnik TGGPU*. No. 4(50), pp. 143–148. (In Russian)
7. Katishonok, E. A. (2011). *Zhili-byli starik so starukhoi* [There Lived an Old Man and His Wife]. 216 p. Krasnogorsk, "VEBKNIKA". (In Russian)

The article was submitted on 31.07.2024
Поступила в редакцию 31.07.2024

Жэнь Тяньи,
магистрант,
Уханьский университет,
стажер,
Казанский федеральный университет,
430070, Китай, Ухань,
Ло Юй, 129.
rtianyi_20@163.com

Нагуманова Эльвира Фирдавильевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ehlviran@yandex.ru

Ren Tianyi,
Master's student,
Wuhan University,
intern,
Kazan Federal University,
129 Luoyu Road,
Wuhan, 430070, China.
rtianyi_20@163.com

Nagumanova Elvira Firdavilevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ehlviran@yandex.ru

УДК 821.161.1"196/20":316.75(=161.1)
DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-218-225

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА (ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ)

© Ирина Иванова, Светлана Федяй, Ольга Евдокимова

NATIONAL CODE OF RUSSIAN LITERATURE IN THE SECOND HALF OF THE 20th – EARLY 21st CENTURIES (FEATURES OF EMBODIMENT)

Irina Ivanova, Svetlana Fedyay, Olga Evdokimova

The article is devoted to the problem of the Russian literature national code in the late 20th – early 21st centuries, which in its artistic interpretation is inseparable from the concept of “cultural code”. The artistic embodiment of the national picture of the world is one of the most pressing problems in modern literary criticism. The article shows that the conceptuality of the “national code” concept and its semantic content make it possible to deepen the understanding of domestic literature at the present stage of its development in the context of its national and cultural traditions. Based on the works of V. Rasputin and Y. Buyda, this study reveals the main ideological and spiritual components of the concept of “national code”. One of them is the national idea as a basic idea in the Russian people’s consciousness (the story “The Last Term” by V. Rasputin). Another idea is the idea of Home, which is a reflection not only of the contrasting opposition between “our own” and “their” world, but also the beginning of a new world formation (Yu. Buida’s collection “Osorya Chronicles”). As a result, the article concludes that the features of the national cultural code embodiment in Russian literature, regardless of time and space, are a result of artistic comprehension of the traditional values of Russian national culture in its historical development.

Keywords: national code, Russian literature of the late 20th–early 21st centuries, features of embodiment

Статья посвящена проблеме национального кода русской литературы последней трети XX – начала XXI века, который в своей художественной интерпретации неотделим от понятия «культурный код». Художественное воплощение национальной картины мира – одна из наиболее актуальных проблем в современном литературоведении. Авторы статьи показывают, что концептуальность понятия «национальный код», его смысловое наполнение позволяют углубить осмысление отечественной литературы на современном этапе ее развития в контексте ее национальных и культурных традиций. На примере творчества В. Распутина и Ю. Буйды в работе раскрываются основные идеологические и духовные составляющие понятия «национальный код». Одна из них – это национальная идея как определяющая в сознании русского человека (повесть «Последний срок» В. Распутина). Другая идея – это идея Дома, ставшая отражением не только контрастного противопоставления «своего» мира и мира «чужого», но и началом формирования нового мира (сборник Ю. Буйды «Осорьинские хроники»). В итоге в статье сделан вывод о том, что особенности воплощения национального культурного кода в русской литературе, независимо от времени и пространства, определяются в результате художественного осмысления традиционных ценностей русской национальной культуры в ее историческом развитии.

Ключевые слова: национальный код, русская литература последней трети XX – начала XXI века, особенности воплощения

Для цитирования: Иванова И., Федяй С., Евдокимова О. Национальный код отечественной литературы последней трети XX – начала XXI века (особенности воплощения) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 218–225. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-218-225

Понятие «код» в современном цифровом пространстве, заполнившем практически все сферы общественной и частной жизни, уже дав-

но перестало быть узкоспециальным и приобрело новые смыслы, обогатившие научное знание. В этой связи не стало исключением литературо-

ведение, где понятие «код» в последние десять-пятнадцать лет является едва ли не ключевым, позволившим в значительной степени актуализировать и углубить анализ художественного произведения. Показательным стало и то, что у данного понятия сложилась своя история вопроса, которая ведет свое начало с фундаментальных исследований Ю. М. Лотмана и которая нашла отражение в целом ряде работ, посвященных проблеме культурного кода отечественной литературы, его определению и интерпретации [1, с. 644].

В конце XX – начале XXI в. понятие «культурный код», в силу своего универсализма, приобрело дополнительный и весьма существенный содержательный оттенок – культурный код в его национальной интерпретации. Более того, воплощение национального культурного кода в современной русской литературе стало одной из наиболее актуальных литературоведческих проблем, поскольку с пониманием данной проблемы неразрывно связано представление о роли духовно-нравственных ценностей в национальной культуре в целом. Неслучайно понятия «культурный код» и «национальный код» в исследовательской литературе последних лет употребляются, как правило, семантически родственные, во многом дополняющие друг друга и позволяющие выявить не только художественное своеобразие русской литературы, но и ее непреходящее нравственное значение, сделать узнаваемой в диалоге «своей» культуры и культуры «чужой». Данная специфика сравнительно новой литературоведческой проблемы, а также подходы к ее разрешению нашли отражение и в материалах научных конференций, и в заголовках отдельных научных работ [2], [3], [4].

Цель статьи – показать продуктивность использования понятия «национальный культурный код» при анализе художественного произведения, с тем чтобы раскрыть особенности воплощения национального культурного кода в современной русской литературе.

Анализ особенностей воплощения национального культурного кода в конкретных произведениях отечественной литературы обусловил выбор методов исследования – семантический, типологический, описательный, сравнительно-сопоставительный.

Актуальность статьи определяется как актуальностью литературоведческой проблемы, вынесенной в заглавие данной работы, так и содержанием самого понятия, позволяющего раскрыть особенности воплощения непреходящих нравственно-духовных ценностей в отечественной ли-

тературе на разных этапах ее исторического развития.

Научная новизна заключается в выявлении универсалий национального культурного кода отечественной литературы на примере художественных произведений, представляющих разные составляющие современного литературного процесса. В. Распутин и Ю. Буйда – старший и младший современники, писатели, различающиеся и тематикой творчества, и созданными типами литературных героев, поэтому обращение к прозе этих авторов с целью показать многомерную семантику понятия «национальный культурный код» обладает научной новизной.

Как известно, для русской классической литературы характерен акцент на духовно-нравственном содержании художественного произведения, поскольку это в традициях исконно русского мировосприятия. Именно с художественным воплощением нравственных ценностей русского мира связано, с точки зрения целого ряда исследователей, понимание национального культурного кода, сохранение которого в современных условиях будет всегда значимым.

В. Г. Распутин (1937–2015) – один из тех писателей, который искренне был озабочен проблемой сохранения самобытного облика традиционной русской цивилизации, отразившей как истоки народного сознания, так и жизненные ориентиры народа. Данная мысль раскрывается на протяжении всего творчества Валентина Распутина.

Отметим, что к проблеме национального культурного кода русской литературы на примере творчества В. Г. Распутина уже обращались Т. Ф. Гришенкова, А. А. Дырдин, И. Б. Ничипоров. Новые подходы к изучению художественного наследия В. Распутина были рассмотрены в рамках Международной научной конференции «Время и творчество В. Распутина: история, контекст, перспективы», проходившей в Иркутске в 2012 г. и посвященной 75-летию со дня рождения писателя. Проведенные исследования как нельзя более говорят о том, что в творчестве В. Г. Распутина проблема национального культурного кода, по сути, была заявлена еще до того, как она стала актуальной литературоведческой проблемой. В этой связи, на наш взгляд, в контексте темы статьи особый интерес представляет повесть «Живи и помни» (1974), в которой национальное миропонимание автора и художественная интерпретация ментальных понятий сливаются воедино. Данная повесть интересна и тем, что в ней фактически сложилась концепция русского национального характера, которая непосредственно связана с героическим прошлым

народа. Писатель, испытывая своих героев войной, обнажает в них глубинные духовные противоречия. В контексте событий Великой Отечественной войны герои – муж и жена – предстают не столько в своей индивидуальной определенности, сколько как часть национального целого, поэтому темы семьи, дома, правды, совести и ответственности преломляются здесь сквозь призму народного понимания.

Сам В. Распутин отмечал: «В основе понятия о народе лежит то, что и положено в основание человека, – самостоятельность, духовное первенство, нравственная чистота. И в основании народа – национальное лицо и национальная память, крепость и объединенность, необходимость претерпеть во имя цели, жажда очистительного порыва» [5, с. 128].

Настёна и Андрей Гуськовы – главные герои произведения, каждый из которых олицетворяет свое понимание правды жизни. В образе Настёны слились национальные представления о правде, добре и зле. Героиня Распутина непосредственно ощущает свою связь с народом, в то время как ее муж становится отступником и постепенно утрачивает принадлежность к национальному целому. Основой коллизии в повести становится нравственный выбор, обусловленный тесной взаимосвязью героев как между собой, так и со всем миром. Настёна, следуя логике сердца и народной совести, не может не жалеть оступившегося мужа. Она берет на себя груз ответственности за проступки любимого человека, в ее характере воплощается суть народного мировоззрения, основанного на традиционных этических нормах: «Жизнь – не одежда, ее по десять раз не примеряют» [6, с. 198].

Размышления Настёны затрагивают проблемы народной жизни, что делает ее образ сродни национальному типу, в котором грех, покаяние, обращение к Богу и личная совесть перед людьми сливаются воедино, потому что в сознании русского человека Бог и совесть – это воплощение высшей морали и справедливости. Настёна стремится жить и живет именно так – по совести, и потому, понимая вину Андрея, любя его и желая спасти ради него самого и в глазах людей, она в отчаянии обращается к Богу: «Господи, научи, что делать!» [Там же, с. 178].

В отличие от Настёны Андрей выбирает жизненный путь, выходящий за рамки традиционных этических норм и народного понимания, однако важно то, что сам герой это осознает: «Андрей Гуськов понимал: судьба его свернула в тупик, выхода из которого нет» [Там же, с. 164]. Автор наделяет Гуськова сложным, противоречивым характером, подробно раскрывает его

внутренний мир и образ мыслей. Так, Андрей часто обращается к прошлому, пытаясь оправдать себя в настоящем. «От судьбы... никуда не уйдешь» – этот мотив нередко звучит в его размышлениях, в то же время герой понимает, что нарушил вековые моральные традиции и тем самым переступил черту. По мнению В. Распутина, стойкость характера формируется в прямой взаимосвязи с обществом и миром, через умение сопереживать страданиям других людей. Именно в этом кроется нравственно-психологическая характеристика героев повести – наличие (Настёна) или отсутствие (Андрей) такой взаимосвязи. Выстраивая подобную антитезу, автор в итоге показывает, что трагедия в этом случае неизбежна: цепь поступков приводит Андрея к дезертирству, к распаду души, а главное – к гибели Настёны и не родившегося ребенка. Не стало дома, что оказалось равносильно потере жизни.

Таким образом, физические и нравственные испытания, выпавшие на долю русского народа в годы Великой Отечественной войны, укрепили в его сознании многовековые нравственные устои. Писатель в контексте трагических событий войны сосредоточивает внимание читателя на вечных вопросах бытия, таких как жизнь и смерть, любовь, правда и ложь, добро и зло, что позволяет обнажить глубинные пласты народного миропонимания и что, собственно, является одной из существенных составляющих национального культурного кода отечественной литературы.

Обращение к русской литературе разных периодов ее исторического развития убеждает в том, что понятие «национальный культурный код» – многогранное, включающее в себя разные оттенки национального менталитета. Одно из явлений этого порядка заключается в том, что на рубеже XX–XXI столетий, когда на смену ситуации кризиса экономического и политического, спровоцировавшего кризис духовный, приходит ситуация поиска новых идеологических, политических и культурных ориентиров, в русской литературе актуализируются понятия «русский» и «россиянин». В этом отношении показательна, на наш взгляд, смена тематических пластов в творчестве Юрия Буйды (род в 1954 г.), ставшего известным в современной литературе после появления сборника рассказов «Прусская невеста» (1998). В отличие от реалистической прозы В. Распутина произведения Юрия Буйды тяготеют к постмодернизму, однако, несмотря на разную стилистику творчества, писателей объединяет общность воззрений в изображении народного сознания. Обратим внимание на то, что В. Распутин и Ю. Буйда «берут очень разные пласты русской жизни, однако это не мешает им

утверждать одну и ту же идею – особенный взгляд на жизнь, опирающийся на культурно-исторические традиции и ментальность русского человека» [7, с. 32].

В рассказах Ю. Буйды из «Прусской невеселости» речь шла о русских переселенцах, строящих новую жизнь после Второй мировой войны на территории бывшей Германии в городе Знаменск (бывший Велау). «Реалистические» и «фантастические» рассказы данного сборника объединяет, по мнению критиков, традиционная для русского человека «тоска» – тоска по лучшей жизни, по прошлому, по несбывшимся мечтам. Тоска – это то самое слово, которое передает состояние именно русской души. Ю. Буйда смог выразить это особенное состояние, потому что он, как считает А. Агеев, «русский художник с соответствующими требованиями к жизни, и не способен защититься от ее наличного уродства никакими „уходами“ в культуру, „библиотеку“, мыслями о самоценности творчества и прочими вариантами „спасения“» [8].

Однако пройдет немного времени, и вот уже сам Ю. Буйда в интервью 2013 г. признается: «А я бы сказал просто: литература никого ничему не учит. Она либо остается, либо не остается» [9]. Признание писателя звучит как подтверждение теории «культурного взрыва» Ю. Лотмана, когда явления культуры влекут за собой «взрывную динамику» в последовательном течении истории. И тогда реминисценции и аллюзии воспринимаются как возвращение к памяти прошлого, что становится очевидным приемом обращения к национальным истокам духовности. Так, в «Осорьинских хрониках» Ю. Буйды, которые начинаются с повести «Яд и мед» (2013), создается прозрачный культурный подтекст. Например, в «Повести о князе Алешеньке» (2013) четко обозначено присутствие Ф. М. Достоевского: и как писателя, и как героя, и как аллюзии. Онима главного героя объединяет двух персонажей известных романов Ф. М. Достоевского: князя Мышкина и Алешу Карамазова [10, с. 68]. Создавая свою поэтику мифологизма, о чем пишут уже многие исследователи, Ю. Буйда создает и свою систему мировосприятия, подчас противостоящую естественно-научному типу мышления, но не противоречащую мышлению художника, действующего в определенных эстетических рамках.

Признавая ведущую роль литературы XIX в. в оформлении русского национального сознания, Ю. Буйда в контексте постмодернизма в XXI в. оставляет за писателем право не быть пророком: «В XIX веке русская литература стала и прокуратурой, и судом, и профсоюзами, и политическими партиями, т. е. взяла на себя в основном

несвойственные литературе роли. Это, видимо, была какая-то историческая неизбежность... Но, вообще-то, конечно же, у литературы другие функции...» [9]. Особенность творческой позиции Ю. Буйды, скорее всего, в том, что он пытается рассмотреть характер русского человека в новой системе координат, где важно все: от взаимодействия национальных традиций с западной культурой до художественного пространства произведения.

В русской гуманистической традиции начала XX в. известна скрытая полемика с западной психоаналитической теорией креативности, в которой в качестве первоосновы творческой деятельности выдвигалось на первый план бессознательное и его сублимация. Если З. Фрейд видел источник сублимации в антагонизме природы и культуры, а культуру воспринимал как жестокий и необходимый закон, то для русских философов, таких как Б. П. Вышеславцев (последователь В. Соловьева), культура есть проявление божественной любви, а творчество – это воплощение другой абсолютной реальности. Тогда все, что художник создает, есть метафизическая потребность реализовать в себе образ высшего совершенства. Творческая фантазия по Фрейду – компенсация разочарования, в концепции же русской философии воображение является ключом к творческой сублимации.

В начале XXI в. как будто в продолжение этого спора Ю. Буйда создает образы персонажей, не стыдящихся своих природных инстинктов и преодолевающих условные границы. Мотив преодоления порогов в повести «Яд и мед» у Буйды связан теперь не с духовными исканиями героя, а с преодолением эстетических и нравственных порогов в новом хронотопе, обозначенном границами дачного поселка на Жуковой горе и локализованном границами одного дома, в пределах которого на фоне столетней истории страны отображается история одной семьи – потомков генерала Осорына.

Большое количество персонажей, которые вводятся в повествование, практически не обладают индивидуальными чертами. Это люди, живущие по принципу свободы без границ:

«<...> писатели, музыканты, живописцы, актеры, молодые мужчины и женщины, фронтеры и диссиденты, которые <...> говорили о Парижском мае и Пражской весне, о Солженицыне и сталинских лагерях, о „Бесах“ и „Поэме без героя“, о прошлом и будущем России...» [11].

Но однажды в этом доме совершается преступление: убивают девушку, случайно оказавшуюся здесь и не принадлежавшую к этому кру-

гу. Преступление остается без наказания, преступник не найден, потому что правда в этом доме никому не нужна. В итоге важнее правды в произведении становится идея – идея русского дома. «Дом – вот и вся русская идея», – так рассуждает один из героев повести [Там же]. Мысль о доме – одна из главных в произведении, что подчеркнул сам автор в интервью 2013 г.: «Я русскую идею сформулировал в повести „Яд и мед“, но она так проста, что это, кажется, и не идея, а всеобщее состояние умов, просто оно словесно не оформлено...» [9].

Обратим внимание на то, что, казалось бы, отдаляясь от русского миропонимания в своем творчестве, Ю. Буйда к нему же и возвращается, потому что изменить веками сложившиеся национальные устои никто не в силах. В этом, собственно, и выражается действие национального культурного кода отечественной литературы, для которой начиная с А. С. Пушкина идея дома всегда была основополагающей. Действие этого своеобразного «закона» доказывает творчество В. Распутина и Ю. Буйды – писателей, апеллирующих к одним и тем же жизненным ценностям именно русского человека, несмотря на изменившееся историческое время. Любопытно, что оба писателя, несмотря на разный контекст, возвращаются к событиям Великой Отечественной войны, именно войной преломляются судьбы их героев, именно война в произведениях В. Распутина и Ю. Буйды не только определяет цену прошлого, настоящего и будущего, но и утверждает непреходящий характер традиционных ценностей русского миропонимания.

В итоге можно сделать вывод о том, что особенности воплощения национального культурного кода в русской литературе последней трети XX – начала XXI в. раскрываются в ходе осмысления традиционных ценностей отечественной нравственно-духовной культуры в ее историческом развитии.

Список источников

1. Худoley Н. В. Национальный код культуры и его актуализация в пословицах, поговорках и классических литературных текстах // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 4. С. 643–653.
2. Культурные коды русской литературы: материалы Всероссийской (с международным участием) очно-заочной научно-практической конференции, посвященной 60-летию филологического факультета Башкирского государственного университета (г. Уфа, 15 декабря 2017 г.) / Отв. ред. А. В. Курочкина. Уфа: БашГУ, 2017. 345 с.

3. Национальные коды европейской литературы в контексте исторической эпохи: коллективная монография. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2017. 611 с.

4. Дуктова Л. Г. Репрезентация культурных смыслов при использовании национальных культурных кодов в художественной литературе // Litera. 2023. № 12. С. 361–371. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.43969 EDN: LJIXKQURL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43969 (дата обращения: 16.08.2017).

5. Распутин В. Г. В поисках берега. Повесть. Очерк, статьи, выступления, эссе. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. 528 с.

6. Распутин В. Г. Собр. соч.: в 3 т. Т.1. Деньги для Марии. Живи и помни. Рассказы. М.: Мол. гвардия: Вече-АСТ, 1994. 508 с.

7. Евдокимова О. К., Иванова И. К., Федяй С. В. Культурный код в русской литературе второй половины XX века (концепции и особенности воплощения) // Эпомен: филологические науки. 2022. № 2. С. 26–39. URL: https://epomen.ru/issues/philological_sciences/02/epomen-philological-02-2022.pdf (дата обращения: 16.08.2017).

8. Агеев А. Прусская невеста. URL: <https://buida.ru/prussian-bride/> (дата обращения: 23.05.2024).

9. Александрова-Зорина Е. «Юрий Буйда: «Литература никого ничему не учит...» URL: <https://skurlatov.livejournal.com/2102602.html> (дата обращения: 14.05.2024).

10. Иванова И. К. Модель трансгрессии в малой прозе Ю. Буйды // Никоновские чтения: электронный сборник научных статей по материалам III Всероссийского (с международным участием) культурологического форума «Никоновские чтения», Чебоксары, 20 апреля 2018 / Под редакцией А. В. Никитиной. Чебоксары: ЧПУ имени И. Я. Яковлева, 2018. С. 64–69.

11. Буйда Ю. Яд и мед. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2013/4/yad-i-myod.html> (дата обращения: 23.07.2024).

Библиографический список

1. Болдырева Т. В. Типология культурных кодов в драматургии Л. Н. Андреева: по спец. 10.01.01 «Рус. лит.»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Самар. гос. пед. ун-т. Самара, 2008. 19 с.
2. Время и творчество Валентина Распутина: история, контекст, перспективы: международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Валентина Григорьевича Распутина, Иркутск, 15–17 марта 2012 г.: материалы; [отв. ред. И. И. Плеханова]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 611 с.
3. Гришеникова Т. Ф. Проблема русского национального характера в творчестве В. Г. Распутина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2004. 22 с.
4. Дырдин А. А. «Жертвовать собою и всем для правды». Национальное сознание как основа культурологии в повести В. Распутина «Живи и помни» //

Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2015. № 5. С. 56–61.

5. Иванова И. К. Калининградский текст Ю. Буйды // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / отв. ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, Мар. гос. ун-т, 2017. С. 138–141.

6. Изотова Н. Н. Культурный код как объект исследования социально-гуманитарных наук // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 3А. С. 185–191. DOI: 10.34670/AR.2020.19.12.023

7. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 2008. 412 с.

8. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.

9. Ляпаева Л. В., Федяй С. В. Новая интерпретация литературы XX века // Ашмаринские чтения: Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. С. 119–121.

10. Меркулова Н. Г. Менталитет – культурный код – язык культуры: к вопросу о корреляции понятий // Регионология. 2015. № 2. С. 188–196.

11. Нарочницкая Н. А. Русский код развития. М.: Книжный мир, 2013. 352 с.

12. Ничипоров И. Б. Эпос национального бытия в рассказе В. Распутина «Изба» // Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературе. Волгоград, 2006. С. 365–369.

13. Петровская Н. И. Литературные коды в рассказе А. П. Чехова «У знакомых» // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. Гуманитарные науки. 2008. № 1с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnye-kody-v-rasskaze-a-p-chehova-u-znakomyh/viewer> (дата обращения: 22.05.2024).

14. Прохорова Т. Г. Внутренний сюжет цикла Ю.В. Буйды «Осорьинские хроники»: к вопросу о диалоге с Достоевским. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F912610738/157_2_gum_21.pdf (дата обращения: 22.05.2024).

15. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1999. 381 с.

16. Сарбаш Л. Н. Изображение жизни и верований народов Поволжья в русской литературе и публицистике XIX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. 402 с.

17. Сезых О. В., Дедюхина О. В. Аллюзии на творчество Ф.М. Достоевского в сборнике Юрия Буйды «Закон джунглей». URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/86074/1/iurg-2020-198-17.pdf> (дата обращения: 22.05.2024).

18. Сохарева Т. Автор выпил меду. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2014/02/05/a_5883597.shtm (дата обращения: 23.05.2024).

19. Хабибуллина Л. Ф., Бреева Т. Н. Национальный миф в художественной литературе. М.: ФЛИНТА, 2019. 498 с.

20. Худoley Н. В. Культурный литературный код современного российского читателя // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 29. С. 155–164.

21. Ivanova I. K., Fedayay S.V., Obzhogina N.Yu., Evdokimova O.K., Sarbash L.N., Lyapaeva L.V. Theme «insurmountable past» in Russian and foreign literature of the XX century / Abstracts & Proceedings of INTCESS 2020 – 7th International Conference on Education and Social Sciences, 20–22 January 2020 – Dubai, UAE. V. VI, Issue 16, April. P. 228–231. URL: <https://www.ocerints.org/intcess20> (дата обращения: 23.05.2024).

22. Romanova T., Evdokimova O., Zaharova A., Ivanova A., Fedorova N. The concept family in the Russian and Ukrainian language culture (based on proverbs and sayings) // The International Scientific and Practical Conference «Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences» (CILDIAH-2019) (Volgograd, Russia, April 23–28, 2019). SHS Web of Conferences. Volume 69 (2019). URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900136>. (дата обращения: 23.05.2024).

References

1. Khudolei, N. V. (2017). *Natsional'nyi kod kul'tury i ego aktualizatsiya v poslovitsakh, pogovorkakh i klassicheskikh literaturnykh tekstakh* [National Code of Culture and Its Actualization in Proverbs, Sayings and Classical Literary Texts]. Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'. Vol. 14. No. 4, pp. 643–653. (In Russian)

2. Kurochkina A. V. (2017). *Kul'turnye kody russkoi literatury* [Cultural Codes of Russian Literature]. Materialy Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) ochno-zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoi 60-letiyu filologicheskogo fakul'teta Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta (g. Ufa, 15 dekabrya 2017 g.). Ufa, 345 p. (In Russian)

3. *Natsional'nye kody evropeyskoi literatury v kontekste istoricheskoi epokhi: kollektivnaya monografiya* (2017) [National Codes of European Literature in the Context of a Historical Era. Proceedings of the International Scientific Conference]. 611 p. Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N. I. Lobachevskogo. (In Russian)

4. Duktova, L. G. (2023). *Reprezentatsiya kul'turnykh smyslov pri ispol'zovanii natsional'nykh kul'turnykh kodov v khudozhestvennoy literature* [Representation of Cultural Meanings When Using National Cultural Codes in Fiction]. Litera, No. 12, pp. 361–371. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.43969 EDN: LJXKQ. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43969 (accessed: 16.08.2017). (In Russian)

5. Rasputin, V. G. (2007). *V poiskakh berega. Povest'. Ocherk, stat'i, vystupleniya, esse* [In Search of the Shore. A Story. A Sketch, Articles, Speeches, Essays]. 528 p. Irkutsk, Izdatel' Sapronov. (In Russian)

6. Rasputin, V. G. (1994). *Sobr. Soch.: v 3 t. T. 1. Den'gi dlya Marii. Zhivi i pomni. Rasskazy* [Collected Works. Money for Maria. Live and Remember. Stories]. Vol. 3, 508 p. Moscow. (In Russian)

7. Evdokimova, O. K., Ivanova, I. K., Fedayay, S. V. (2022). *Kul'turnyi kod v russkoi literature vtoroi poloviny XX veka (kontseptsii i osobennosti voploshcheniya)* [Cul-

tural Code in Russian Literature of the Second Half of the 20th Century (concepts and features of implementation)]. Epomen, Filologicheskie nauki. No. 2, pp. 26–39. URL: https://epomen.ru/issues/philological_sciences/02/epomen-philological-02-2022.pdf (accessed: 16.08.2017). (In Russian)

8. Ageev, A. *Prusskaya nevesta* [The Prussian Bride]. URL: <https://buida.ru/prussian-bride/> (accessed: 23.05.2024). (In Russian)

9. Aleksandrova-Zorina, E. Yuriy Buyda: “Literatura nikogo nichemu ne uchit...” [Yuri Buida: “Literature teaches no one anything...”]. URL: <https://skurlatov.livejournal.com/2102602.html> (accessed: 14.05.2024). (In Russian)

10. Ivanova, I. K. (2018). *Model' transgressii v maloi proze Yu. Buidy* [Model of Transgression in Short Prose by Y. Buida]. Nikonovskie chteniya: elektronnyi sbornik nauchnykh statei po materialam III Vserossiiskogo (s mezhdunarodnymi uchastiem) kul'turologicheskogo foruma “Nikonovskie chteniya”, Cheboksary, 20 aprelya 2018. Pod redaktsiei A. V. Nikitinoi. Cheboksary, pp. 64–69. (In Russian)

11. Buida, Yu. *Yad i med* [Poison and Honey]. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2013/4/yad-i-myod.html> (accessed: 23.07.2024). (In Russian)

Bibliography

1. Boldyreva, T. V. (2008). *Tipologiya kul'turnykh kodov v dramaturgii L. N. Andreeva: po spets. 10.01.01 “Rus. lit.”: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Typology of Cultural Codes in L. N. Andreev's Dramaturgy: Ph.D. Thesis Abstract]. Samar. gos. ped. un-t. Samara, 19 p. (In Russian)

2. Plekhanova, I. I. (2012). *Vremya i tvorchestvo Valentina Rasputina: istoriya, kontekst, perspektivy*. [Time and Work of Valentin Rasputin: History, Context, Prospects]. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 75-letiyu so dnya rozhdeniya Valentina Grigor'evicha Rasputina Irkutsk, 15-17 marta 2012 g. Irkutsk, 611 p. (In Russian)

3. Grishenkova, T. F. (2004). *Problema russkogo natsional'nogo kharaktera v tvorchestve V. G. Rasputina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01* [The Problem of Russian National Character in the Works of V. G. Rasputin: Ph.D. Thesis Abstract]. Tyumen.. Tyumen', 22 p. (In Russian)

4. Dyrdin, A. A. (2015). “Zhertvovat' soboyu i vsem dlya pravdy”. *Natsional'noe soznanie kak osnova kharakterologii v povesti V. Rasputina “Zhivi i pomni”* [“Sacrifice Yourself and Everything for the Truth.” National Consciousness as the Basis of Characterology in V. Rasputin's Story “Live and Remember”]. Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly. No. 5, pp. 56–61. (In Russian)

5. Ivanova, I. K. (2017). *Kaliningradskiy tekst Yu. Buidy* [Kaliningrad Text by Yu. Buida]. Problemy mariyskoi i sravnitel'noi filologii: sb. st. Pp. 138–141. Yoshkar-Ola, Mar. gos. universitet. (In Russian)

6. Izotova, N. N. (2020). *Kul'turnyi kod kak ob"ekt issledovaniya sotsial'no-gumanitarnykh nauk* [Cultural Code as an Object of Research in Social Sciences and

Humanities]. Kul'tura i tsivilizatsiya. Vol. 10, No. 3A, pp. 185–191. DOI: 10.34670/AR. 2020.19.12.023. (In Russian)

7. Lotman, Yu. M. (2008). *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian Culture: Life and Traditions of the Russian Nobility (the 18th – Early 19th Centuries)]. 412 p. St. Petersburg, Iskusstvo. (In Russian)

8. Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosfera* [Semiosphere]. 704 p. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb. (In Russian)

9. Lyapaeva, L. V., Fedayay, S. V. (2019). *Novaya interpretatsiya literatury XX veka* [A New Interpretation of 20th Century Literature]. Ashmarinskii chteniya: sb. material. XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, pp. 119–121. Cheboksary, Chuvashskii gos. universitet. (In Russian)

10. Merkulova, N. G. (2015). *Mentalitet – kul'turnyy kod – yazyk kul'tury: k voprosu o korrelyatsii ponyatiy* [Mentality – Cultural Code – Cultural Language: On the Issue of Correlation of Concepts]. Regionologiya, No. 2, pp. 188–196. (In Russian)

11. Narochitskaya, N. A. (2013). *Russkii kod razvitiya* [Russian Development Code]. 352 p. Moscow, Knizhnyi mir. (In Russian)

12. Nichiporov, I. B. (2006). *Epos natsional'nogo bytiya v rasskaze V. Rasputina “Izba”* [The Epic of National Existence in V. Rasputin's Story “Izba” (“A Log House”)]. Klassicheskie i neklassicheskie modeli mira v otechestvennoi i zarubezhnoi literaturakh. Pp. 365–369. Volgograd. (In Russian)

13. Petrovskaya, N. I. (2008). *Literaturnye kody v rasskaze A. P. Chekhova “U znakomykh”* [Literary Codes in A. P. Chekhov's Story “A Visit with Friends”]. Vestnik Taganrogskogo instituta im. A. P. Chekhova. Gumanitarnye nauki. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnye-kody-v-rasskaze-a-p-chehova-u-znakomykh/viewer> (accessed: 22.05.2024). (In Russian)

14. Prokhorova, T. G. *Vnutrennii syuzhet tsikla Yu. V. Buidy “Osor'inskie khroniki”: k voprosu o dialoge s Dostoevskim* [The Internal Plot of Yu. V. Buida's Cycle “Osorya Chronicles”: On the Issue of a Dialogue with Dostoevsky]. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F912610738/157_2_gum_21.pdf (accessed: 22.05.2024). (In Russian)

15. Rudnev, V. P. (1999). *Slovar' kul'tury XX veka. Klyuchevye ponyatiya i teksty* [Dictionary of the 20th Century Culture. Key Concepts and Texts]. 381 p. Moscow, Agraf. (In Russian)

16. Sarbash, L. N. (2012). *Izobrazhenie zhizni i verovaniy narodov Povolzh'ya v russkoi literature i publitsistike XIX veka* [Depiction of the Life and Beliefs of the Volga Region Peoples in Russian Literature and Journalism of the 19th Century]. 402 p. Cheboksary, Chuvash. gos. universitet. (In Russian)

17. Sezykh, O. V., Dedyukhina, O. V. *Allyuzii na tvorchestvo F. M. Dostoevskogo v sbornike Yuriya Buidy “Zakon zhungley”* [Allusions to the Work of F. M. Dostoevsky in Yuri Buida's Collection “The Law of the Jungle”]. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/86074/>

1/iurg-2020-198-17.pdf (accessed: 22.05.2024). (In Russian)

18. Sokhareva, T. *Avtor vypil medu* [The Author Has Drunk Honey]. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2014/02/05/a_5883597.shtml (accessed: 23.05.2024). (In Russian)

19. Khabibullina, L. F., Breeva, T. N. (2019). *Natsional'nyi mif v khudozhestvennoi literature* [National Myth in Fiction]. 498 p. Moscow, Flinta. (In Russian)

20. Khudoley, N. V. (2014). *Kul'turnyy literaturnyy kod sovremennogo rossiyskogo chitatelya* [Cultural Literary Code of the Modern Russian Reader]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. No. 29, pp. 155–164. (In Russian)

21. Ivanova, I. K., Fedyay, S. V., Obzhogina, N. Yu., Evdokimova, O. K., Sarbash, L. N., Lyapaeva, L. V. *Theme "Insurmountable Past" in Russian and Foreign*

Literature of the XX Century. Abstracts & Proceedings of INTCESS 2020 - 7th International Conference on Education and Social Sciences, 20–22 January 2020 - Dubai, UAE. V. VI, Issue 16, April. Pp. 228–231. URL: <https://www.ocerints.org/intcess20> (accessed: 23.05.2024). (In English)

22. Romanova, T., Evdokimova, O., Zaharova, A., Ivanova, A., Fedorova, N. (2019). *The Concept Family in the Russian and Ukrainian Language Culture (based on proverbs and sayings)*. The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAH-2019) (Volgograd, Russia, April 23–28, 2019). SHS Web of Conferences. Volume 69. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900136> (accessed: 23.05.2024). (In English)

The article was submitted on 01.09.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Иванова Ирина Константиновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Чувашский государственный университет,
428022, Россия, Чебоксары,
Николаева, 20 корп.1, кв. 12.
leokon2@yandex.ru

Федяй Светлана Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Чувашский государственный университет,
428001, Россия, Чебоксары,
Спортсмена В. Соколова, 10/2 – 27.
sfedyaj09@mail.ru

Евдокимова Ольга Константиновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Чувашский государственный университет,
428033, Россия, Чебоксары,
Московский пр., 5 – 57.
evdokimova.ok@mail.ru

Ivanova Irina Konstantinovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Chuvash State University,
20/1 Nikolaev Str.,
Cheboksary, 428022, Russian Federation.
leokon2@yandex.ru

Fedyay Svetlana Vladimirovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Chuvash State University,
10/2 – 27 V. Sokolov Str.,
Cheboksary, 428001, Russian Federation.
sfedyaj09@mail.ru

Evdokimova Olga Konstantinovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Chuvash State University,
5 – 57 Moskovsky Pr.,
Cheboksary, 428033, Russian Federation.
evdokimova.ok@mail.ru

ФОРМА ДИАЛОГА В СТРУКТУРЕ ПОЭМЫ «МАНЕЛИ» (1947) НИМА ЮШИДЖА

© Алексей Кузнецов

DIALOGUE FORM IN THE STRUCTURE OF NIMA YUSHIJ'S POEM "MANELI" (1947)

Alexei Kuznetsov

Nima Yushij's oeuvre is a crucial prerequisite to the emergence of modern type poetry in the Persian language. Studying his work is relevant for an Iranian philologist who strives to develop a holistic model of the literary process in modern Iran. Many facts, related to the achievements of the poet-innovator, have not been introduced into the scientific circulation and still remain beyond the research gaze. The elimination of such lacunas turns out to be a challenge of paramount importance for the experts in modern Iranian poetry. This article is devoted to the functional analysis of the dialogue form in one of Nima Yushij's famous poems named "Maneli". There are two characters (a sea maiden and a fisherman) who reflect on the conflict of material and spiritual principles in human life, and each of the characters acts as a personification of the opposing points of view. The artistic world of the poem is based on the 20th-century Iranian author's reinterpretation of Urashima Taro's ancient Japanese tale, which tells of the fateful meeting between a fisherman and a charming sea-dweller. The purpose of this study is aimed at identifying the poetic basis that determines the conceptual structure of the considered text and distinguishes it from previous Persian translations of the Japanese story. The analysis is carried out using the comparative-historical, structuralist and other literary methods. The analysis has revealed the predominance of lyrical features over narrative ones in the poem, which result from the author's realization of the borrowed material in the patterns of the Persian classical genre of debate (*munazara*) and the exchange of monologues in the medieval Iranian love-romance epic. The form of dialogue in the poem "Maneli" is the main vector of its lyrical plot movement. The semantic organization is conveyed with the creative strategy of "free 'aruz'", developed by Nima Yushij as his own creative "know-how". The ideological concept of 'Maneli' appears similar to the poet's early work, the manifesto of "new poetry" in Iran (i.e. 'Afsane'), and the artistic structure of the former demonstrates the evolution of their author's creative manner.

Keywords: Nima Yushij, "Maneli" dialogue form, "new poetry" in Iran, "free 'aruz'"

Наследие Нима Юшиджа является ключевой вехой в становлении поэзии современного типа на персидском языке. Актуальность изучения его творчества для отечественного ираниста-филолога обусловлена стремлением разработать целостную модель литературного процесса в современном Иране. Многие факты, связанные с достижениями поэта-новатора, практически не введены в научный оборот и до сих пор остаются за гранью исследовательского взора. Устранение подобных лакун оказывается задачей первостепенной важности в работе специалистов по изучению современной иранской поэзии. Данная статья посвящена функциональному анализу формы диалога в одной из известных поэм Нима Юшиджа – в «Манели». В произведении два персонажа (морская дева и рыбак) размышляют о конфликте материального и духовного начал в жизни человека, и каждый из героев выступает олицетворением противоположных точек зрения. Художественный мир поэмы основан на переосмыслении иранским автором XX века старинной японской сказки об Урашима Таро, повествующей о роковой встрече рыбака с обворожительной обитательницей морских глубин. Цель настоящего исследования заключена в выявлении поэтической основы, определяющей концептуальное строение рассматриваемого текста и отличающей его от предыдущих переложений японского сюжета на персидском языке. Анализ выполнен с применением сравнительно-исторического, структуралистского и иных литературоведческих методов. Анализ показал преобладание в поэме лирического начала над нарративным, что стало результатом авторской обработки заимствованного материала в духе традиции персидского классического жанра прений (*munazara*) и обмена монологами в средневековом иранском любовно-романическом эпосе. Форма диалога в поэме «Манели» является ключевым вектором движения ее лирического сюжета. Семантическая организация выражена с помощью творческой стратегии «свободного 'аруза'», разра-

ботанной Нима Юшиджем как собственное творческое «ноу-хау». Идейный замысел «Манели» оказывается близок раннему сочинению поэта, манифесту «новой поэзии» в Иране – «Афсане», а художественная структура поэмы демонстрирует эволюцию творческой манеры их автора.

Ключевые слова: Нима Юшидж, Манели, форма диалога, «новая поэзия» в Иране, «свободный ‘аруз’»

Для цитирования: Кузнецов А. Форма диалога в структуре поэмы «Манели» (1947) Нима Юшиджа // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 226–234. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-226-234

Введение

В истории новой персидской литературы Нима Юшидж (1897–1960), по меткому выражению его ученика, Ахмада Шамлу (1925–2000), стал известен как «отец новой поэзии» Ирана¹. Такой «титул» свидетельствует, что наследие поэта-новатора стало краеугольным камнем в процессе становления современного типа художественного сознания² в поэзии Ирана. Этот вектор поэтического мышления оказался направлен на поиск оптимальных художественных решений, отражающих специфику индивидуально-авторского замысла. В своих экспериментаторских исканиях, касавшихся стихотворной формы и поэтического языка, творческий гений поэта стремился к уникальности конструируемых им художественных миров. Оригинальность его творческого замысла обрела воплощение в авторской поэтике «свободного ‘аруза’»³.

Поэма «Манели», написанная автором в 1947 г. и изданная благодаря стараниям Абу-л-Касема Дженнати Этаи (1911–1993), друга Нимма, спустя десять лет в 1957 г. в [10], является одним из ярких примеров контакта двух литератур – японской и персидской, в ходе которого перенос содержательных элементов из «донорской» словесной традиции заключался в их авторской обработке на базе семиосферы литературы-акцептора⁴. Настоящая статья продолжает начатое рассмотрение художественных стратегий, воплощенных в тексте данного произведения: от

компаративного изучения проблемы необходимо перейти к анализу структурной организации поэмы. Цель исследования – выявление механизмов, обеспечивающих творческую адаптацию заимствованного (иначе, «готового») художественного материала в русле индивидуально-творческого поэтического мышления. В фокус нашего внимания помещен диалог двух персонажей поэмы – морской красавицы и рыбака, который является ключевым компонентом ее лирического сюжета. Задача исследования сводится к функциональному изучению диалогической формы взаимодействия между персонажами, образующей фундамент идейной конструкции поэмы.

Иранские литературоведы обращали внимание на разные аспекты рассмотрения поэмы «Манели». С. Хамидиян в своей монографии упомянул ее в ряду произведений, сложенных наподобие ранней поэмы Нима «Афсане» (1922) в русле драматических диалогов (*diyāloghā-ye namāyeši*) [6, с. 50], и, пересказав сюжет, сравнил ее с произведением Э. Хемингуэя «Старик и море» (1952) [Там же, с. 238–239]. Отметили специалисты и мифолого-символическую природу ее художественного мира [6, с. 237], [7], [8]. Отрывки из текста поэмы использовались учеными и как материал для лингвопоэтического изучения стиля Нима Юшиджа [6, с. 313–322], [9, с. 141–162]. В отечественной иранистике единичные упоминания о поэме имеются лишь в обзорных работах (см. напр.: [1, с. 335–336], [4, с. 91]). Научная новизна нашей статьи определяется фактической неизученностью поэмы в отечественной науке. Кроме того, предлагается особый ракурс ее рассмотрения – функциональный анализ формы диалога как художественной основы данного произведения.

Происхождение сюжета

Изучение поэмы «Манели» невозможно без рассмотрения истории ее сложения, которая непосредственно связана с появлением персоязычного переложения японской сказки о рыбаке Урашима Таро. Об этом Нима Юшидж свиде-

¹ См., например, в заголовке работы [1], а также «отец нашей новой литературы» в предисловии Ахмада Шамлу (1925–2000), ближайшего ученика Нима Юшиджа, к поэме «Афсане» (1922) [2, с. 1–14].

² о д «современным» мы имеем в виду индивидуально-творческий тип художественного сознания. См. подр.: [3, с. 32–38].

³ ‘Аруз – квантитативная система стихосложения, сформировавшаяся в арабской, персидской и других производных от них поэтических традициях. Термин «свободный ‘аруз’» был введен ар визом Нателем Ханляри (1914–1990) для обозначения метрической модификации, обнаруживаемой в поздних стихотворениях Нима Юшиджа. См. подр.: [4, с. 40–43].

⁴ Об этом см. подр.: [5].

тельствует в письме своему другу и издателю, Абу-л-Касему Дженнати Этаи:

«Замысел этой истории созрел у меня <...> [еще] до [издания] перевода «Урашимы», подготовленного одним из моих друзей (Садеком Хедаятом. – А. К.). <...> [И] мне захотелось посвятить ему [мою версию] истории (*dāstān*). <...> о скольку в этих стихах подразумевается имя [моего друга], <...> я проделал большую работу, чтобы [поэма] получилась как можно лучше и достойнее <...>. о сути <...> я слагаю ответ на «Урашиму» моего друга. Тот, кого уже теперь нет с нами, был среди всех моих друзей-соотечественников самым блестящим на литературном поприще» [10, с. 1–2] (здесь и далее перевод наш⁵. – А. К.).

Дженнати Этаи в своем издательском предисловии отмечает:

«„Урашима“ – название японской истории, которая была переложена на живые языки мира и, очевидно, в Иране впервые переведена Садеком Хедаятом и напечатана в первом номере журнала „Сохан“ (*дей* 1323/декабрь 1944). Сама история „Урашимы“ <...> [изложена] в книге „Урашима“ М. Такамату-Йошэ, преподавателя токийского университета Васэда (издано в 1922, в ариже)» [Там же, с. 6–7].

Как явствует из слов издателя, переложение, о котором идет речь, было подготовлено имениным иранским литератором Садеком Хедаятом (1903–1951) и опубликовано в одном из номеров известного литературного журнала того времени «Сохан»⁶. поэма «Манели»⁷ стала своего рода «памятником» Садеку Хедаяту, ушедшему из жизни в 1951 г., и в ней заключены переживания Нима Юшиджа о непростой судьбе своего собрата по перу.

⁵ о скольку ряд источников по теме не были переведены на русский язык, то соответствующие фрагменты из оригинальных персоязычных сочинений приводятся в переводе автора статьи, если не указано иное. р и каждом переведенном отрывке приводится ссылка на персидский источник.

⁶ Обстоятельства знакомства Хедаята с данным сюжетом требуют дальнейшего изучения, однако выскажем предположение, что писатель мог действовать через французское посредничество в русле тех же творческих исканий, которые были свойственны и для представителей западного и русского романтизма, интересовавшихся родным и зарубежным фольклором (подобно братьям Гримм, А. С. Пушкину и др.)

⁷ В названии поэмы значится мужское имя собственное табаристанского (мазендеранского) происхождения [11, с. 902]. р ичина, по которой автор выбрал данное имя для своего героя, также пока что остается под вопросом.

Дженнати Этаи также указывает на компаративный характер проблемы:

«Если мы хотим посмотреть на проблему с точки зрения сравнительного литературоведения, то проведем аналогию между „Урашимой“ и <...> произведениями Ганса Христиана Андерсена или Оскара Уайльда соответственно, но тогда мы коснемся аспекта, который находится вне нашей темы. о этому от „Морской жемчужины“ Андерсена и „Рыбака и его души“ Уайльда мы обратимся к „Манели“ и напомним: как знает уважаемый читатель, в мировой литературе темы, которые были бы абсолютно новыми, практически отсутствуют, и все художественные и литературные произведения имеют источник, который можно найти в наследии прошлых эпох. <...> Заинтересованный читатель из сравнения „Урашимы“ и „Манели“ обнаруживает, что их „скелет“ одинаков, с той разницей, что иранский двойник сделан не „кожи желтого цвета“, а его „мясо“ вкуснее и более искусно приготовлено» [10, с. 8–9].

Сюжет исходной японской сказки построен на мифологеме русалки. Известны две версии этой истории, одна из которых повествует о рыбаке Урашиме Таро [12, с. 550], а вторая (под заголовком «Лазоревый кувшинчик») – о рыбаке по имени Масария [13, с. 98–102]. ри ряде отличий в деталях сюжетная линия обеих реализаций сводится к одной и той же совокупности мотивов, возводящих обе сказки к единому инварианту: (1) отправившийся в море на промысел рыбак оказывается настигнут штормовой стихией; (2) рыбака соблазняет красавица, повелительница моря; (3) рыбак покидает морскую красавицу, получив от нее в качестве сувенира шкатулку/кувшинчик, которые не дозволено открывать; (4) по возвращении домой рыбак обнаруживает, что за время его пребывания в гостях у красавицы прошла череда времен; (5) послушавшись запрета, рыбак открывает подарок красавицы, из-за чего погибает.

рактически все сюжетные компоненты этой истории нашли отражение и в поэме «Манели». Стоит отметить, что Нима Юшидж намекнул на японский источник в самом тексте поэмы:

«Она сказала ему: „Ты стойко вынес все тяготы пути,

Человек! Что привело тебя сюда?

В глубину этой мрачной ночи, в которой

ы ль лунного света лишь осадок на дне *лазоревого кувшинчика* (*minā*)?» [10, с. 25] (здесь и далее курсив наш. – А. К.).

⁸ В оригинальном тексте поэмы использован термин «*minā*», который обозначает народный иранский промысел по эмалевой росписи металлических изделий (в том числе, тарелок, кувшинов и т. п.).

Система персонажей в поэме «Манели»

В упомянутом ранее письме Нима Юшиджа признается: «<...> похожие истории на основе этого сюжета в разных вариациях можно найти в мировой литературе. Я не первый, кто рассказал историю о морской красавице (*pari-ye daryāyi*) <...>. Я лишь хотел воплотить свои мысли в этом образе» [Там же, с. 1–2]. Обрисуем, чем мог быть привлекателен данный образ Нима Юшиджа и какое осмысление он мог предложить для него.

В поэме «Манели» морская красавица⁹ – это одно из двух действующих лиц. Девушка соблазняет рыбака как своей красотой, так и (что особенно важно) своими чарующими речами. Описание ее внешности в поэме сложено в традиции классических персидских стихов в жанре *васф*, включающих перечисление «феноменов красоты»¹⁰:

«Все ее тело было обнажено
А капли [воды] на нем среди пучины горели огнем,
Свечой она [горела] с ног до головы,
На плечах косы,
Морская трава,
Свисая с плеч, покрывала ее тело. <...>
Стан свой она весьма *соблазнительно* украсила,
Ноги ее под водой,
Тело ее в облаке лунного света над водою.
На груди ее пылали гранатово-огненные соски,
<...>
Со вздохом она начала свою речь,
Из ее *сладких* уст полились все более *обольстительные* слова...» [Там же, с. 24–25, 49].

В оригинальном тексте этот персонаж представлен рядом традиционных для описания возлюбленной синонимичных номинаций: «*delfaribande-ye daryā*» (букв. ‘морская соблазнительница’) [Там же, с. 24], «*maḥpāre-ye daryā*» (букв. ‘лунолика красавица из моря’) [Там же, с. 26], «*delnavāzande-ye daryā*» (букв. ‘морская очаровательница’) [Там же, с. 27, 33, 58, 72], «*jānāne-ye daryā*» (букв. ‘морская любовница’) [Там же, с. 31], «*nāzparvarde-ye daryā*» (букв. ‘морская прелесть’) [Там же, с. 39], «*māye-ye ra ‘nāyi*» (букв. ‘исток изящества’) [Там же, с. 62], «*parīru*» и «*pari peykar*» (букв. ‘периликая’ и

‘красавица-пери’) [10, с. 67 и 75] и др.¹¹ Номинация *pari* связывает этот образ с классическим иранским топосом обольстительницы-*пери*¹². Его происхождение отсылает к зороастрийской мифологии Авесты, где эти существа названы *паурика* [15, с. 452]. В классическую эпоху архетип *пери* продолжил свое развитие в качестве художественного образа, и он частотно обнаруживается в персидской классической словесности. Длительная история бытования образа привела к череде его семантических трансформаций. В итоге образ *пери* вместил представления о широком спектре волшебных существ, способных творить и добро, и зло (об этом см. подробнее [16, с. 141–153]). Одним из видов таких существ могли быть и водяные женские духи.

О *морских девах* (а точнее, о «водяных невестах» – «*‘arusān-e ābi*»), искушавших пением легендарного *Искандера Зу-л-Карнайна* (исторический прототип – Александр Македонский)¹³ и его команду моряков, рассказывает в «Искандернаме» Низами Гянджеви (1141 или 1147–1208):

«Шла такая молва о том море глубоком,
Что берег у моря в этом месте чудесный:
Девы морские, слово солнце и месяц,
Каждую *ночь* выходят на то побережье,
На берегу они отдыхают,
ес ни поют и игры играют.
Тот, кто услышит музыку их,
Разум теряет от неги их голосов.
Много стихов поют в этом море,
Как никто не пел ни в одном размере.
Каждую *ночь* так в углу [среди] гор,
р едается веселью большая [их] стая.
о чужав же запах мускуса утра,
Они ныряют в глубокую воду» [18, с. 493] (перевод Е. Э. Бертельса и А. К. Арендса).

«Водяные невесты» напоминают образы прекрасных сирен и ундины, которые выступают либо в облике девушек-птиц [12, с. 438], либо в облике девушек с рыбьим хвостом [Там же, с. 548–549] соответственно. Самое раннее упоминание можно найти о них в «Одиссее» Гомера, где герой смог спасти себя и свою команду от чар сирен благодаря своему хитроумию [19, с. 210–216]. Ключевым компонентом данного мифологического образа является соблазнительно слад-

⁹ Образ морской красавицы не исчерпал своего творческого потенциала и для учеников Нима Юшиджа. Так, например, он вновь возникает в известном стихотворении классика «новой поэзии» Ирана Сохраба Сепехри (1928–1980) «За морями» («*Pošt-e daryāhā*»).

¹⁰ См. подр.: [14].

¹¹ р и перечислении номинаций здесь и далее приводятся номера страниц, где читатель, владеющий персидским языком, может найти эти примеры.

¹² С. Хамидиян отмечает идейную связь образов *пери* из одноименного стихотворения Нима Юшиджа («*Pariyān*», 1940) и морской девы из поэмы «Манели» [6, с. 239].

¹³ Об этом см. подробнее [17, с. 78–79].

кий голос, приводящий слушающих к потере рассудка¹⁴.

Образ морской красавицы в поэме Нима Юшиджа содержит ряд этих традиционных сказочно-мифологических компонентов: она – потустороннее существо *peri* (трансцендентная природа персонажа подчеркнута номинацией «*xīyūāl*», букв. ‘видение, призрак; фантазия’ [10, с. 24–25, 55]), обитающее в подводном царстве (с этим связана номинация «*doxtar-e pādešāhe*», букв. ‘царевна’ [Там же, с. 26], отсылающая к японскому источнику). Героиня в «Манели» наделена сладкоречием, благодаря чему рыбак пленяется ее словами. Ее речевая характеристика неотделима от описания ее внешней красоты.

присутствие женского персонажа в поэме в большей мере представлено портретом, поскольку это оказывается существенным для восприятия этого образа¹⁵. Однако при всех достоинствах морская дева страдает от одиночества, нуждается в друге, ее тревожат судьбы людей:

«В эту полночь мое сердце, о человек, ты освободил от тоски, <...>

р и всем несравненном величии (а мой удел в моей морской стране) <...>

Горечь одиночества

Терзает мое сердце, <...>

Тот, кто разрубит этой узел, – это ты. <...>

Вся пронизана болью.

Мне больно, об этом я и говорю;

Как в этом бренном мире

Неистребимы страдания людей» [10, с. 64–67] (выделено нами. – А. К.).

портретная характеристика собеседника морской красавицы, рыбака (*māhigir* [Там же, с. 28] или *towlā-mard* [Там же, с. 17, 74]) по имени Манели (*Māneli*, [Там же, с. 32]), гораздо менее детализирована. Хотя на внешности мужчины следы возраста и тяжелого труда, морская дева считает его красивым:

[Рыбак:]

«Из-за тяжелого труда опали волосы с моей головы,

Ударом нищеты смерть каждый день стучится ко мне в дверь». <...>

[Морская дева:]

Ах! Твоя красота

Всех прекраснее!

р и всем твоим возрасте

Ты всех моложе!» [Там же, с. 33, 65–66, 69].

персонаж рыбака вводится автором также через указание имени, рода занятий, а также через изображение его действий и его слов. Отправившись на промысел, бедный рыбак посреди мрачного моря запекает песню, чем невольно и призывает морскую деву. Действие поэмы происходит на фоне ночного пейзажа. Появлению красавицы предшествует изменение в природе, в котором морская тишь сменяется штормом:

«Тихим было море...

Бедный мужичок, друг зловещей ночи,

Следуя [зову] своего скорбящего сердца,

В пустыне (*xalvat* букв. ‘уединении’. – А. К.) бескрайних вод пел:

„Эй, красавица, красавица!..“ <...>

В ночи при неясном свете луны <...>

о днялся ветер, раскинув во все стороны свои поводы,

Леденящий ужас, исходящий из морских глубин, в его голове

о степенно спутал мысли ревом и шумом. <...>

„Горе мне, горе мне, несчастному!

Кто защитит меня посреди такой ночи?“ <...>

Его помыслы и усилия состояли в том, чтобы лодка

Унесла его куда-нибудь.

Туда, где он спасется от смуты волн.

И он ведом прекрасной и незнакомой грезой (*xīyūāl*)» [Там же, с. 18–20, 23–24].

Мужской персонаж поддается смятению, описанному автором с помощью ряда психологических характеристик. Эмоциональное состояние героя, связанное с переживанием удара стихии, обусловлено и его внутренним кризисом из-за бедственного материального положения. В подавленном состоянии он оказывается восприимчив к уловкам сладкоречивой девы:

«Он распрямил согбенный стан,

Сказал себе: „о чему у меня путаются мысли, <...>

о чему я поддался ее речам,

Соблазнительны слова женщин.

Ночь, и в пляске устрашающих волн

Такой, как она, смутьянке, немудрено и поддаться.

Если море на меня разгневется,

Я потеряю работу, которая меня кормит“» [Там же, с. 52].

Спор рыбака и морской красавицы: ради чего живет человек?

Нетрудно заметить, что характеры персонажей логично дополняют друг друга. Система персонажей выстроена автором таким образом,

¹⁴ В творчестве Нима Юшиджа подобным свойством обладает также другой мифологический персонаж – птица Феникс. См.: [20].

¹⁵ о подразумевается мотив очарования портретом, который довольно частотен в персидском любовно-романтическом эпосе. См., напр.: [21].

что те вступают в непосредственное речевое общение (диалог). С точки зрения техники вся поэма выдержана в духе поэтики «свободного *‘аруза*», благодаря чему разговор героев звучит на «естественном», а не на «искусственном» языке. В этом Нима Юшидж видит реализацию формальной стороны своей творческой стратегии:

«Будет ли моя особая манера (*šive-ye maxsus*)¹⁶ оправданной или нет, окажусь ли я первым человеком, кто прибегнет к ней на персидском языке. о лагаю, интерес привлекают работы других, а не мои. <...> Если же я привлеку к себе интерес, то именно потому, что я показал, каков я и как я ощущаю свое время. о крайней мере, мое преимущество в том, что я отказался от внешней искусственности [языка]. Меня более всего затронул смысл этой истории, и я был озабочен, как выразить этот смысл в словах» [10, с. 1–2].

Спор (*муназара*) между рыбаком и морской девой идейно близок форме обмена монологами (в письмах или при очной встрече) между влюбленными героями классических персидских любовно-романических поэм, например «Вис и Рамин» Гургани (XI в.) и «Хусрав и Ширин» Низами¹⁷. Но если герои классических поэм рассуждают о сущности и законах любви, то спор рыбака и морской девы идет о столкновении противоречивых стремлений человеческой природы. В уста персонажей вложен конфликт точек зрения, и их разногласия касаются приверженности человека суете мирской, в которую он погружен, обеспечивая свои материальные потребности и забывая о духовном. Смысл диалога формирует устойчивую философскую доминанту поэмы, хотя разговор не лишен любовных составляющих. В этом состоит отличие спора героев «Манели» от обмена монологами в классических любовных поэмах:

Рыбак:	Морская красавица:
«Работа моя – ловля рыбы. И надежда моя – скромный хлеб насущный. Всю жизнь я тщетно плавал по волнам! Несчастнее меня судьбой нет никого, В мире, где приходится жить, вкушая кровь собственного сердца. <...> Несчастнее меня судьбой нет никого...	«В мире, где, по-твоему, „приходится жить, вкушая кровь собственного сердца“, <...> Я – та, кто тебе поможет. Что за мысль тебя вела по этой тщетной тропе в пучину? <...> Никто не может, о бедный человек, Увидеть меня так, как увидел ты, Добраться до меня так,

¹⁶ Концепт «особая манера» ассоциируется с «индийским стилем» в истории персидской литературы. См. подр.: [22].

¹⁷ См. подр.: [23], [24].

Забот у меня больше, чем у любого другого, И при этом я слаб и немоощен, и из всех Мне достается меньшая доля... Стал я не по годам стар, <...> Тяжкий труд изнурил мое тело, Работа источила меня, как напильник. Иссохло мое тело, Истерлись мои кости. <...> Ничего у меня не выходит. Нет во мне больше жизни, Чтобы куда-то стремиться!»	как сумел ты, и обрести со мной покой. <...> Дела мирские – это не то, что можно довести до конца. В путь направь свою мысль, уе разменивай свою жизнь попусту! <...> Ты из тех, кто стремится обрести вышний мир, Но ничего не пришло к тебе в руки само. Что может быть лучше, когда другой мир В тебе обнаружит смысл И в тебе найдет опору?»
[10, с. 26–27, 61].	[10, с. 28–29, 31, 44].

оскольку морская красавица предстает как потустороннее существо, ее можно охарактеризовать как своего рода альтер-эго героя, которое он должен принять. В репликах героини отчасти представлена внутренняя речь героя, отражающая ход его психологических процессов (подобно модернистскому «потoku сознания»). С одной стороны, он привязан к своему рыбацкому ремеслу, приносящему пропитание, с другой – ищет освобождения из западни безрадостного существования. Углубленный психологизм отличает поэму Нима от японского оригинала и прозаического пересказа Хедаята:

«Я такова, что несу скрытую надежду.
Узри, я была словом, а теперь и мой слух
Внял тому, что говоришь ты.
И то слово было правдой:
Через нашу жизнь пролегает дорога
От явного к незримому.
Жизнь требует
Всего этого тайного.
Или у тебя останется лишь тело,
Или твое тело обретет душу» [Там же, с. 62–63].

Сходную художественную стратегию столкновения двух точек зрения Нима Юшидж опробовал уже в поэме «Афсане» (1922). Концептуальная связь пары «Рыбак – Русалка» с парой «Влюбленный – Афсане» (имя которой переводится как *‘сказка, мечта’*) отражает процесс самопознания героя через разговор с самим собою, и эта особенность помещает весь текст в рамки

неосуфийского дискурса¹⁸. Исканья подлинного смысла жизни можно считать «рудиментами» мистического мировосприятия, воплощенного как в суфийской, так и в японской дзен-буддистской доктрине. Альтер-эго и в «Афсане», и в «Манели» представлено женским началом. Героиням как музам-вдохновительницам ведомы сокровенные тайны души поэта, что отражено в их речах:

Морская красавица:

«Все, кто приходил ко мне, смотрят лишь на себя,
Сосед похож на соседа. <...>

Вести всех созданий, что поют *газели* и *таране*¹⁹,
Что скрыты за каждой завесой,

Хороши они или плохи, слышны мне» [Там же, с. 41–42].

Афсане:

«Влюбленный! Это все были твои слова?

Можно за многими повторять!

Можно подобно клубам дыма

Оставить на небе рисунок сомнения,

Можно, подобно ночи, хранить молчание. <...>

Ступай, отправься в путь, <...>

<...> мы вместе можем

Другую картину написать в этой повести.

(Лохая или хорошая, но она будет отражать нас).
<...>

Влюбленный:

Давай вместе грустно запоем...» [2, с. 38–39, 45].

Выводы

Диалогическая форма в поэме «Манели» Нима Юшиджа предопределила ход лирического сюжета. Автор, переосмыслив событийную канву японской сказки, насытил ее философскими размышлениями о судьбе человека в мире. Персонажи не замкнуты сами в себе: они не отделены друг от друга, а образуют единую образную пару, поскольку их роль – выразить две противопоставленные грани одной и той же идеи. Очевидно, что диспут героев в поэме «Манели» опирается на традиционный жанр персидской поэзии – прения (*муназара*), а также родственную ему модель обмена монологами между влюбленными в романтическом эпосе. Именно диалогическая форма, предполагающая спор, задает лирический тон, преобладающий над повествовательностью при внешнем сохранении сюжетных основ исходной истории. Таким способом автор

«нового типа» адаптировал в своем произведении заимствованные из иной традиции содержательные элементы.

Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ «Литературы стран Азии и Африки: история и современность» (номер 118/10.01.03-1, номер ЦИТИС 122041300078-8). Конфликт интересов отсутствует.

The article was written as Scientific Research of the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University (project “Literature of Asian and African countries: between tradition and modernity”, number: 118/10.01.03-1, number CITYS: 122041300078-8). There is not any conflict of interests.

Список источников

1. *Жале Бади*. Нима Юшидж – отец «новой поэзии» в Иране // *Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока*. М.: Наука, 1964. С. 319–339.
2. *Нимā Юшидж*. Афсане / ред. и предисл. А. Шамлу. Тегеран: ‘Али-Акбар, 1329 (1950). 45 с. (на перс. яз.)
3. *Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В.* Категории поэтики в смене литературных эпох // *Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания*. М.: Наследие, 1994. С. 3–38.
4. *Кляшторина В. Б.* «Новая поэзия» в Иране. М.: Наука, 1975. 255 с.
5. *Кузнецов А. А.* Легенда об Урашме Таро и Манели (1947) Нима Юшиджа: к проблеме литературных связей // XXXII Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 300-летию СБГУ. 26–28 апреля 2023 г.: Материалы конгресса / отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. О. Бедоносцева-Кая, И. Рысак. СПб.: РХГА, 2023. С. 617–619.
6. *Хамидиян С.* Дастан-е дегардиси: раванд-е дегаргуниха-йе ше’р-е Нима Юшидж (История изменений: трансформация поэзии Нима Юшиджа). Тегеран: Нилуфар, 1381 (2002). 408 с. (на перс. яз.)
7. *Парастеш Ш.* Манели-во джостоджу-йе табāх-е арзешхā-йе мота’али (Манели и ложный поиск высших ценностей). Ше’р (поэзия). 1377 (1998). № 24. С. 52–59. URL: <https://ensani.ir/fa/article/180935/فألای-چوسیتجوینباده-ارزش‌هایتعالی> (дата обращения: 03.07.2024) (на перс. яз.).
8. *Эмāми Н., Ташаккори М., Сāлехи-Мāзандарāни М.-Р., Кешиāварз-Мо’аеди А.* Барреси-во тахлил-е манзуме-йе Мāнели-йе Нимā Юшидж бар асāс-е олгу-йе «сафар-е кахремāн»-е Джозеф Кемпел (Анализ поэмы Манели на основе паттерна «путешествие героя» Джозефа Кэмпбелла). Ше’рпажухи (Бустāн-е адаб) (Стиховедение [Литературный сад]). 1394 (2015). № 14. С. 1–20. URL: https://jba.shirazu.ac.ir/issue_571_628.html (дата обращения: 03.07.2024) (на перс. яз.)
9. *Пурнамдāриян Т.* «Хāне-йам абри-ст»: ше’р-е Нимā аз соннат тā таджаддод («Мой дом – в облаках»:

¹⁸ *Тасаввуф (суфизм)* – мистическое течение в исламе. О неосуфизме в творчестве Нима Юшиджа см. подр.: [25, с. 215, 218, 220].

¹⁹ *Газель* – классический жанр в персидской поэзии, структурно напоминающий сонеты. Газели генетически связаны с музыкальной традицией. *Таране* – название жанра песни. о теме см. подр.: [26].

поэзия Нима от традиции к обновлению). Тегеран: Соруш, 1377 (1998). 401 с. (на перс. яз.)

10. Нимā Юшидж. Мāнели / ред. и предисл. Дженнати Этан А. Тегеран: Сафи'-Али-шах, 1336 (1957). 82 с. (на перс. яз.)

11. Нима Юшидж. Маджму'е-йе кāmел-е аш'ār (о лное собрание сочинений) / сост. С. Тахбаз. Тегеран: Негах, 1371 (1992). 902 с. (на перс. яз.).

12. Мифы народов мира: энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2. М.: Советская Энциклопедия, 1988. 719 с.

13. Садокова А. Р. Японская народная сказочная проза. М.: МБА, 2021. 317 с.

14. Чалисова Н. Ю. Красота по-персидски. «Собеседники влюбленных» Шараф ад-Дина Рами / пер. Н. Ю. Чалисова, под науч. ред. Н. И. Ригариной. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 431 с.

15. Авеста в русских переводах (1861-1996) / сост., прим. и ред. И. В. Рак. Сб.: «Нева» РХГИ, 1997. 480 с.

16. Бертельс А. Е. Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV вв.: слово, изображение. М.: Восточная литература РАН, 1997. 422 с.

17. Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Ризов. М.: Наука, 1991. 315 с.

18. Низами Гянджеви. Искендер-наме / пер. и комм. Е. Э. Бертельс и А. К. Арндс. Баку: Элм, 1983. 588 с.

19. Гомер. Одиссея / пер. В. А. Жуковский. Сб.: Азбука, 2014. 480 с.

20. Рейснер М. Л., Кузнецов А. А. Генезис образа Феникса в персидской поэзии и его интерпретация в одноименном стихотворении Нима Юшиджа (1897–1960). Ориенталистика. 2022. № 2 (т. 5), С. 366–386.

21. Рейснер М. Л. Рассказ о дочери Ка'ба в поэме «Илахи-наме» Фарид ад-Дина 'Аттара: романический нарратив в мистическом контексте // Ориенталистика. 2020а. № 3 (т. 2). С. 470–496.

22. Рейснер М. Л. Визуальные образы красоты слова в персидской поэзии XVI – начала XVIII века: индийский стиль и живописание словом. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия. 2020б. №1 (т. 23). С. 12–22.

23. Рейснер М. Л. «Дидактика любви»: «Десять писем» в поэме Гургани «Вис и Рамин» (XI в.) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2012. № 2. С. 55–67.

24. Рейснер М. Л. Лирические вставки в персидском любовно-романическом эпосе XI–XIII вв.: генезис и жанровые функции // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2013. № 1. С. 49–61.

25. Кузнецов А. А. Жанр газели в поэтике Нима Юшиджа // Проблемы исторической поэтики. 2024. № 2 (т. 22). С. 207–228.

26. Чалисова Н. Ю. «е хлевийские песни» в персидской классической поэзии // Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 33: Текстология и источниковедение Востока: Проблемы перевода и интерпретации. Избранные доклады: Том V / Отв. ред. выпуска Л. В. Горяева, В. Н. Настич. М.: ИВ РАН, 2022. С. 298–330.

References

1. Zhale Badi. (1964). *Nima Yushidzh – otets "novoi poezii" v Irane* [Nima Yushij – the Father of "New Poetry" in Iran]. *Problemy teorii literatury i estetiki v stranakh Vostoka*. Pp. 319–339. Moscow, Nauka. (In Russian)

2. Nimā Yušij. (1329/1950). *Afsāne*. 45 p. Tehran, 'Ali-Akbar Elmi. (In Persian)

3. Averintsev, S. S., Andreev, M. L., Gasparov, M. L., Grintser, P. A., Mikhailov, A. V. (1994). *Kategorii poetiki v smene literaturnykh epokh. Istoricheskaya poetika* [Categories of Poetics in the Change of Literature Epochs]. *Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya*. Pp. 3–38. Moscow, Nasledie. (In Russian)

4. Klyashtorina, V. B. (1975). *"Novaya poeziya" v Irane* ["New Poetry" in Iran]. 255 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

5. Kuznetsov, A. A. (2023). *Legenda ob Urashime Taro i Maneli (1947) Nima Yushidzha: k probleme literaturnykh svyazei* [Urashima Taro Legend and Nima Yushij's "Maneli" (1947): The Problem of Literature Contacts]. In D'yakov N. N., Pobedonostseva Kaya. A. O., Rysakova P. I. (eds.) XXXII Mezhdunarodnyi kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki: Rossiya i Vostok. K 300-letiyu SPbGU. 26–28 aprelya 2023 g.: Materialy kongressa, pp. 617–619. St. Petersburg. RHGA. (In Russian)

6. Hamidiyān, S. (1381/2022). *Dāstān-e degardisi: ravand-e degargunihā-ye še'r-e Nimā Yušij* [History of Changes: Transformation of Nima Yushij's Poetry]. 408 p. Tehran, Nilufar. (In Persian)

7. Parasteš, Š. (1377/1998). *Māneli-vo jostojū-ye tabāh-e arzešhā-ye mota'āli* [Maneli and False Search for Supreme Values]. *Še'r* [Poetry]. No. 24, pp. 52–59. URL: <https://ensani.ir/fa/article/180935/-ژشای ویتباد-ارزش های خجالی> (accessed: 03.07.2024). (In Persian)

8. Emāmi, N., Tashakkori, M., Sālehi-Māzandarāni, M.-R., Kešāvarz-Mo'ayedi, A. (1394/2015). *Barresi-vo taxlil-e manzume-ye Māneli-ye Nimā Yušij bar asās-e olgu-ye "safar-e qahremān"-e Jozef Kempel* [Analysis of the Poem "Maneli" on the Joseph Campbell's Pattern of "Hero Adventure"]. *Še'rpažūhi: Bustān-e adab*. [Verse Studies: Literature Garden], No. 14, pp. 1–20. URL: https://jba.shirazu.ac.ir/issue_571_628.html (accessed: 03.07.2024). (In Persian)

9. Purnāmdāriyān, T. (1377/1998). *'Xāne-yam abrist': še'r-e Nimā az sonnat tā tajaddod* ["My House Is Cloudy": Nima's Poetry from Tradition to Modernity]. 401 p. Tehran, Soruš. (In Persian)

10. Nimā Yušij (1336/1957). *Māneli*. 82 p. Tehran, Safi'-Ali-Shah. (In Persian)

11. Nimā Yušij (1371/1992). *Majmu'e-ye kāmел-e aš'ār* [Complete Collection of Works]. 902 p. Tehran, Negah. (In Persian)

12. Tokarev, S. A. (ed.) (1988). *Mify narodov mira: entsiklopediya* [Myths of World Nations: An Encyclopedia]. T. 2. 719 p. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya. (In Russian)

13. Sadokova, A. R. (2021). *Yaponskaya narodnaya skazochnaya proza* [Japanese Folk Fairy Tale Prose]. 317 p. Moscow, MBA. (In Russian)
14. Chalisova, N. Yu. (2021). *Krasota po-persidski. "Sobesednik vlyublennykh" Sharaf ad-Dina Rami* [Beauty in Persian. "The Companion of Lovers" by Sharaf al-Din Rami]. 431 p. Moscow, izd. Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian)
15. Rak, I. V. (ed.) (1997). *Avesta v russkikh perevodakh (1861–1996)* [Avesta in Russian Translations, 1861–1996]. 480 p. St. Petersburg, "Neva". (In Russian)
16. Bertel's, A. E. (1997). *Khudozhestvennyi obraz v iskusstve Irana IX-XV vv.: slovo, izobrazhenie* [Artistic Image in Iran's Art of the 9th–15th Centuries: Word and Picture]. 422 p. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. (In Russian)
17. Prozorov, S. M. (ed.) (1991). *Islam: Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam: An Encyclopedia]. 315 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
18. Nizami Gyandzhevi. (1983). *Iskender-nameh* [Iskender-name]. 588 p. Baku, Elm. (In Russian)
19. Homer. (2014). *Odisseya* [Odyssey]. 480 p. St. Petersburg, Azbuka. (In Russian)
20. Reisner, M. L. & Kuznetsov, A. A. (2020). *Genezis obraza Feniksa v persidskoi poezii i ego interpretatsiya v odnoimennom stikhotvorenii Nima Yushidzha (1897–1960)* [The Genesis of the Phoenix Image in Persian Poetry and Its Interpretation in Nima Yushij's (1897–1960) Same-Named Poem]. *Orientalistika*. No. 2 (vol. 5), pp. 366–386. (In Russian)
21. Reisner, M. L. (2020). *Rasskaz o docheri Ka'ba v poeme "Ilakhi-name" Farid ad-Dina 'Attara: romanicheskii narrativ v misticheskom kontekste* [The Story of Ka'ba's Daughter in Farid al-Din 'Attar's Poem 'Ilahi-nameh': A Novelistic Narrative in a Mystical Context]. *Orientalistika*. No. 3 (vol. 2), pp. 470–496. (In Russian)
22. Reisner, M. L. (2020). *Vizual'nye obrazy krasoty slova v persidskoi poezii XVI – nachala XVIII veka: indiiskii stil' i zhivopisanie slovom* [Visual Images of Word Beauty in Persian Poetry of the 16th and Early 18th Centuries: Indian Style and Word Painting]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya Filosofiya*. No. 1 (vol. 23), pp. 12–22. (In Russian)
23. Reisner, M. L. (2012). "Didaktika lyubvi": "Desyat' pisem" v poeme Gurgani "Vis i Ramin" (XI v.) ["Love Didactics": "Ten Letters" in Gurgani's Poem 'Vis and Ramin' the 14th Cent.]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*. No. 2, pp. 55–67. (In Russian)
24. Reisner, M. L. (2013). *Liricheskie vstavki v persidskom lyubovno-romanicheskom epose XI-XIII vv.: genezis i zhanrovye funktsii* [Lyrical Inserts in Persian Love-Romance Epic of the 11th–13th Centuries: Genesis and Genre Functions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*. No. 1, pp. 49–61. (In Russian)
25. Kuznetsov, A. A. (2024). *Zhanr gazeli v poetike Nima Yushidzha* [Ghazal Genre in Nima Yushij's Poetics]. *Problemy istoricheskoi poetiki*. No. 2 (vol. 22), pp. 207–228. (In Russian)
26. Chalisova, N. Yu. (2022). "Pekhleviiskie pesni" v persidskoi klassicheskoi poezii ["Pahlavi Songs" in Persian Classic Poetry]. Goryaeva L. V. & Nastich V. N. (eds.) *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. Vypusk 33: Tekstologiya i istochnikovedenie Vostoka: Problemy perevoda i interpretatsii. Izbrannye doklady: Tom V*, pp. 298–330. Moscow, IV RAN. (In Russian)

The article was submitted on 28.08.2024
о ступила в редакцию 28.08.2024

Кузнецов Алексей Анатольевич,
аспирант,
Институт стран Азии и Африки
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
125009, Россия, Москва,
Моховая, 11 с. 1.
kuznecovaa@my.msu.ru

Kuznetsov Alexei Anatolievich,
graduate student,
Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University,
11 Mokhovaya Str.,
Moscow, 125009, Russian Federation.
kuznecovaa@my.msu.ru

УДК 81 255

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-235-241

ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ: ПЕРЕВОДЫ РОБЕРТА МИННУЛЛИНА ДЛЯ ДЕТЕЙ

© Ляйля Мингазова, Бакыт Оразова, Гелюся Каюмова

TRANSLATIONS FOR CHILDREN BY ROBERT MINNULLIN: CREATIVE INTERPRETATION AND ETHNO-CULTURAL ADAPTATION

Lialia Mingazova, Bakyt Orazova, Gelyusya Kayumova

The article examines the distinctive features of Robert Minnullin's translation practice within the context of children's literature. This study analyses the methods employed by the poet to convey the cultural and ethnic aspects of the original works in translations. The study demonstrates how R. Minnullin strikes a balance between the precision of the translation and the necessity of adapting the text for a young audience, taking into account their cognitive and emotional characteristics. The article highlights the manner in which the translator incorporates elements of national identity and cultural heritage into the adapted texts, thereby fostering respect for multiculturalism among children. Furthermore, the article highlights the significance of R. Minnullin in fostering a positive perception of other cultures through children's literature. This contributes to the strengthening of intercultural ties and understanding. We highlight that the poet translates works from a multitude of languages, including Russian, Karakalpak, Turkmen, Kazakh, Udmurt, Mari, Chuvash, Georgian, Armenian and Lithuanian. The article considers specific examples of translated works that demonstrate successful strategies of ethno-cultural adaptation, and their impact on the development of reading literacy and creative thinking in children. Thus, the article not only highlights Robert Minnullin's contribution to the field of children's translation, but also emphasises the importance of his work for the formation of cultural competence in the younger generation.

Keywords: Tatar literature, children's literature, Robert Minnullin, translations, content, features

В статье рассматриваются особенности переводческой деятельности Роберта Миннуллина в контексте детской литературы. Анализируются методы, которые поэт использует для передачи культурных и этнических аспектов оригинальных произведений в переводах. Исследование выявляет, как Р. Миннуллин сохраняет баланс между точностью перевода и необходимостью адаптации текста для юной аудитории, учитывая их когнитивные и эмоциональные особенности. Акцентируется внимание на том, как переводчик интегрирует элементы национальной идентичности и культурного наследия в адаптированные тексты, способствуя тем самым воспитанию у детей уважения к многообразию культур. Кроме того, авторы статьи подчеркивают значение переводов Р. Миннуллина в формировании благоприятного восприятия других культур через детскую литературу. Подчеркивается, что это способствует укреплению межкультурных связей и взаимопониманию. Поэт переводит произведения со множества языков, включая русский, каракалпакский, туркменский, казахский, удмуртский, марийский, чувашский, грузинский, армянский и литовский. Рассматриваются конкретные примеры переводных произведений, демонстрирующих успешные стратегии этнокультурной адаптации, оценивается их влияние на развитие читательской грамотности и творческого мышления у детей. Таким образом, в статье не только освещается вклад Роберта Миннуллина в область детского перевода, но и подчеркивается важность его творчества для формирования культурной компетенции у подрастающего поколения.

Ключевые слова: татарская литература, детская литература, Роберт Миннуллин, переводы, содержание, особенности

Для цитирования: Мингазова Л., Оразова Б., Каюмова Г. Творческая интерпретация и этнокультурная адаптация: переводы Роберта Миннуллина для детей // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 235–241. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-235-241

На рубеже XX–XXI вв. обобщение исторического и теоретического опыта в области перевода происходит в условиях, свободных от идеологических ограничений. Внимание к проблемам переводоведения растет, и все больше ученых разных направлений вовлекаются в эту научную деятельность.

Как отмечает Е. В. Бреус, «перевод является многоаспектным процессом, затрагивающим не только языковые формы, но и культурные контексты и особенности языкового видения мира» [1, с. 25]. Работы Л. С. Бархударова делают особый акцент на важности работы с текстами, а не просто с языковыми системами. По его мнению, перевод выступает как акт межкультурной коммуникации, где важно соблюдать баланс между собственными и заимствованными смыслами [2, с. 14]. В рамках теории межкультурной коммуникации исследуются вопросы перевода, поскольку современные исследования свидетельствуют о том, что игнорирование коммуникативных аспектов может привести к ошибкам, которые требуют адаптации в соответствии с особенностями другой лингвокультуры [3], [4], [5].

Литературный перевод играет ключевую роль в межкультурном диалоге, способствуя взаимопониманию и обмену духовными ценностями, как отмечает Хатип Миннегулов [6, с. 219]. Важным аспектом здесь является творческая интерпретация и этнокультурная адаптация переводов, таких как работы Роберта Миннуллина для детей, которые отражают взаимодействие культур и обогащают детскую литературу.

В начале XX в. на татарский язык активно переводились произведения русских, французских и немецких авторов, включая А. Пушкина, М. Горького, Д. Мамину-Сибиряка, Л. Толстого, А. Куприна и И. Тургенева. Эти переводы выполняли И. Богданов, Д. Губайди, С. Сунчелей, Н. Халфин и другие. Также на татарском языке были изданы произведения Г.-Х. Андерсена, В. Гауффа, О. Уайльда, В. Гюго, Р. Киплинга и Л. Толстого благодаря переводам Ф. Сайфи-Казанлы, С. Рахманкулова и С. Джаляла. Литературовед Д. Загидуллина отмечает, что эти переводы обновили татарскую литературу, расширив ее жанровое и тематическое разнообразие, усилив психологический анализ и стилистическое многообразие [7, с. 100]. В советский период, особенно во второй половине XX в., был накоплен значительный опыт переводов «русскоязычных и национальных писателей на татарский язык».

До конца 1980-х гг. Татарское книжное издательство ежегодно выпускало около десятка переводных произведений, что составляло 8-10 %

от всей художественной литературы, издаваемой в Татарской АССР» [8, с. 12].

Несомненно, литературный перевод отличается от других видов перевода как один из сложнейших видов переводческой деятельности. Как подчеркивает В. Комиссаров, работающий в области теории перевода, «в художественной литературе литературно-эстетическая или же коммуникативная цель-функция играет ведущую роль. Эстетическая функция отличает литературную речь от функции коммуникативной, в которую заложено смысловое содержание» [9, с. 95].

Особое место в переводческой деятельности татарских литераторов занимает перевод детской литературы, так как получение представлений о культурах других стран через книгу – бесценные знания для ребенка. Именно поэтому в начале XX в. в этом направлении работал известный татарский поэт Габдулла Тукай. Следуя традициям Габдуллы Тукая, Роберт Миннуллин, известный народный поэт Татарстана, сыграл важную роль в укреплении взаимопонимания между народами, осуществляя переводы поэтических произведений разных авторов на татарский язык. Л. И. Мингазова отметила эту особенность в деятельности Р. Миннуллина: «Р. Миннуллина интересуют традиции, обычаи своего народа. Но, всем известно, если поэт будет интересоваться только своей культурой, горизонты его кругозора сузились бы. Понимая это, поэт исследует и жизнь родственных народов» [10, с. 5210].

Одной из любимых детских поэтесс Р. Миннуллина является Агния Барто. В ее произведениях можно заметить влияние известного поэта 30-х гг. XX в. В. В. Маяковского. Это выражается в сатирической направленности ее стихов и стремлении к стилистическим экспериментам. А. Барто умеет резко менять ход мысли даже в пределах одного стихотворения («*Лиды, мол*» – «*выдумал*»), использует игру слов («*мне когда*» – «*некогда*») и неожиданно переходит к экспрессивным рифмам [13, с. 186]. Такие искания, присущие также творчеству Р. Миннуллина, притягивают внимание поэта-переводчика. В творчестве А. Барто образ ребенка раскрывается в сатирическом и юмористическом планах. Таким является стихотворение поэтессы «Мой папа рассердился», переведенное очень точно на татарский язык Р. Миннуллиным:

«Алып кайттым мин „икеле“ –

Андый хэл сезгә таныш.

Этинен чыкты ачуы,

Тик чыгармады тавыш.

... Бик борчый бу сөйләшмәү,

Юкка түгел бу дәшмәү!» [11, с. 112] (Агния Барто. «Этинен чыкты ачуы»). –

«Я заработал двойку
Из-за трехзначных чисел.
Мой папа рассердился,
Но голос не повысил.
... А мне молчанье в тягость!

Я с горя спать улягусь» [14] (Агния Барто. «Мой папа рассердился»).

Следует отметить, что при выборе произведений для перевода на родной язык Р. Миннуллин отдает предпочтение тем, в которых ярко выражена идейно-эстетическая составляющая, затрагиваются вопросы нравственного воспитания молодого поколения и отражаются национальные традиции. В данных стихотворениях поэт умело передает эмоциональные переживания ребенка, что придает переводам не только точность, но и эмоциональную глубину.

Известно, что «перевод поэтических произведений представляет собой одну из наиболее сложных форм перевода» [15, с. 281]. В этом процессе переводчику необходимо не только передать авторскую мысль и сохранить национальный колорит, но и по возможности воспроизвести стихотворный размер оригинала [16, с. 668]. Перевод поэзии является взаимодействием разных культур – культуры, которой принадлежит оригинальное произведение, и культуры переводчика.

Таким образом, процесс перевода поэтических произведений выходит за рамки простого языкового преобразования текста. Он включает в себя интерпретацию культурных контекстов и символов, что требует от переводчика глубокого понимания как оригинального языка, так и целевой культуры. Важно отметить, что переводчик, в данном случае Р. Миннуллин, не только адаптирует текст для носителей татарского языка, но и стремится сохранить уникальность художественного замысла автора, что делает его переводы значимым вкладом в развитие литературного диалога между народами.

Перевод поэзии становится своего рода культурным мостом, который позволяет донести до читателя не только содержание произведения, но и его эмоциональный фон, национальные особенности и эстетические ценности. В результате Р. Миннуллин не просто переводит текст, но и способствует сохранению и передаче культурных кодов, что особенно важно в условиях глобализации и расширения межкультурных взаимодействий.

В этом процессе участвуют личность поэта и личность переводчика, контекст произведения и его интерпретация на другом языке [16, с. 668]. Если оценить перевод с этих позиций, переведенное на другой язык произведение трудно со-

отнести с оригиналом. В области языка, образности, символов, ритмики и построения стиха иногда начинают преобладать особенности переводчика. В стихотворениях, переводимых Р. Миннуллиным, также чувствуется стиль самого поэта. Тем не менее именно благодаря его мастерству переводы сохраняют дух оригинала, обогащая его элементами татарской культуры и языка:

«Намазлыгы – чэчэк-чэчэк,

Догада – кич, иртэсе.

Әбиемнең кошлар кебек

Килә очып китәсе.

Теле баллы – әкиятләр

Сөйли әби улына...

Әбиемнең соңгы юлы

Инде – Алла кулында» [12, с. 229] (Али Акбаш. «Әбиемә бишек жыры»). –

«Onun duası bir çiçektir,

Onun duası bir akşam, bir sabaktır.

Büyükannem kuşlar gibi –

Hadi uçup gidelim.

Dili tatlı – masallar

Oğluna anlatıyor

Büyükannemin son yolculuğu

Artık Tanrı elinde» [Там же] (Али Акбаш. «Колыбельная для бабушки»).

Повседневные разговорные слова, сравнения, характерные для разговорного языка татарского народа («кошлар кебек очу», «баллы тел»), простые, метко употребляемые прилагательные при создании образов, певучие ритмы-рифмы оставались главными условиями, определяющими талант поэта, даже в его переводных произведениях.

Процесс перевода детской речи с одного языка на другой часто сталкивается с «проблемой интерпретации культурных смыслов. Переводчику произведений, предназначенных для детей, особенно сложно понять нюансы языка, используемого ребенком. Чтобы эффективно справиться с этой задачей, необходимо не только понимать культурный контекст языка оригинала», но и хорошо разбираться в особенностях детской речи на этом языке [10, с. 5207]. Кроме того, важно учитывать, что детская литература требует особого подхода из-за своей специфики. Дети воспринимают мир иначе, чем взрослые, и это должно находить отражение в переведенном тексте. Р. Миннуллин, обладая глубоким пониманием как родной, так и другой культуры, умело балансирует между точностью передачи содержания и сохранением эмоциональной и культурной аутентичности. Это позволяет его переводам быть не только верными оригиналу, но и близкими и понятными татарским детям, что свиде-

тельствует о высоком уровне мастерства переводчика.

Стихотворение удмуртского поэта В. Ар-Серги «Родник» учит детей ценить красоту природы, уважать и помнить свои культурные корни, осознавать их значимость в формировании своего внутреннего мира. Поэт показывает, что даже забытые языки и традиции продолжают жить в душе и сердце, связывая нас с прошлым и обогащая наше настоящее.

Использованные образы, художественные детали Р. Миннуллин мастерски «рисует» на татарском языке: перед нами возникает образ таинственной ночи, наполненной природными стихиями – ночными бабочками и звездами. Эти образы превращаются в своеобразную «ночную вышивку», которая создает атмосферу таинственности и красоты. При детальном рассмотрении первые строфы передают ощущение спокойствия и гармонии. Бабочки и звезды символизируют легкость и вечность, они словно соединяются в единую картину, создавая ощущение, что ночь – это произведение искусства. Кроме того, тени сравниваются с мыслями, которые словно стремятся к потоку. Это сравнение может означать, что ночь – время размышлений и погружения в собственные мысли. Ручей здесь символизирует источник мудрости и спокойствия, к которому стремятся человеческие переживания и размышления.

Суть раскрывается в последних строфах, которые углубляют тему связи с историей и культурными корнями. Автор говорит о древнем удмуртском языке, который, хотя и не заучен досконально, все же оставил след в его крови и душе. Это подчеркивает важность культурного наследия, которое не исчезает, а продолжает жить в нас:

«Төнге күбәләкләр...
Һәм йолдызлар...
Әверелгән төнге чигешкә...
Төнге күләгәләр, уйлар кебек,
Елышлар энә инешкә.
Аңтыйм кебек, әмма хәтерләмим...
Ул серле тел юкса канда бит;
Удмурт чишмәсенәң бик борынгы,
Изге теле – минем жанда бит» [12, с. 246] (В. Ар-Серги. «Чишмә»). –
«Куин нылпиос...
Зечыос...
Куин чипчирьясько...
Куин сяньбос, мыслы какен,
Шуыны инешыд.
Анамы, но кыштала,
Секретлы кыл улэ кутскемле;
Удмурт чишмасызы борынгы,

Кыл- ныл лымесле» [Там же] (В. Ар-Серги. «Чишмә»).

Продолжая мысль о переводах, истории и культурных корнях, можно привести пример из стихотворения туркменского поэта М. Фираги. Его стихотворение без названия отражает важность связи с родной землей и народом. М. Фираги подчеркивает, что любовь к народу – основа мужества и честности. Он использует образы, близкие и понятные каждому, кто вырос на земле своих предков: верховая езда и знакомые с детства мелодии. Эти элементы создают глубокое чувство сопричастности и гордости за свое происхождение. Стихотворение М. Фираги перекликается с творчеством Р. Миннуллина, который также активно использует национальные мотивы и элементы фольклора. Р. Миннуллин в своих стихах и переводах поднимает жизненные проблемы, знакомые каждому представителю своего народа. Это помогает детям не только лучше понять реальность, в которой они живут, но и научиться ценить свое культурное наследие, формируя собственную национальную идентичность. Таким образом, переводя стихи М. Фираги, Р. Миннуллин создает мост между прошлым и настоящим, позволяя молодому поколению увидеть связь между традициями тюркских предков и собственной жизнью. Это важно для сохранения культурной памяти и самобытности:

«Халкың сине сөя икән
Атлан иярәң!
Жырлый-жырлай иярәп чап
Казах көйләренә.
...Жир-ана үз балаларын
Күрә тигез итеп.
Намус, акыл, батырлыкны
Ал син нигез итеп» [Там же]. –
«Halkyňyz seni söýýän bolsa
Atyňa mün!
Bilelikde aýdym aýdyň we basyň
Gazak sazlaryna.
... Çagalarynyň ene topragy
Deňdir.
Dogruçylyk, akyl, bатыrlyk
Muny özüňiz üçin esas hökmünde alyň» [Там же].

Переведенные стихи Р. Миннулина написаны легким языком. Секрет этого кроется в том, что поэт хорошо разбирается в детской психологии и, помимо природного таланта, отличается трудолюбием. Автор находится в постоянном поиске и размышлении. Он стремится найти новые формы для раскрытия своих персонажей. В его творчестве также немало хвастливых,

озорных, но искренних и простых персонажей. Возможно, именно поэтому он часто обращается к таким персонажам в своих переводческих работах.

Общепризнано, что жанры, представленные в игровой форме, исполняют важную функцию в воспитании духовного мира, характера и психологии детей. Поэтому Р. Миннуллин часто обращается к игровому характеру своих творений, опираясь на традиции, идущие от устного творчества народа. Подобные произведения часто встречаются и в его переводах. Используя поэтическую игру, автор раскрывает внутренний мир ребенка, его восприятие окружающего мира и взаимоотношения со взрослыми.

Это особенно важно в контексте формирования интеллекта и критического мышления у детей младшего и среднего возраста. Стихи, основанные на игре слов, омонимах, рифмах и ритмике, помогают детям лучше понять и запомнить новые слова и выражения. Такие произведения становятся своеобразными учебными пособиями, где через веселую и увлекательную форму дети осваивают сложные понятия и ситуации. Например, в стихотворении А. Алланазарова «Когда у нас зима», переведенном на татарский язык Р. Миннуллиным, простота формы сочетается со смыслом, что делает его доступным и интересным для юного читателя:

«Кышның кайчан житкәнен
Белергә телсезме?
Кышны яздан, жәйдән, көздән
Аера белмисезме?
Жәйге сукмаклар күмелсә,
Кар яуса матур теп,
Малайлар да, бабайлар да
Кисәләр киез итек...» [11, с. 291] (А. Алланазаров.
«Кыш кайчан була?»). –
«Когда у нас зима
В Туркмении, в песках?
Когда во двор сосед
Выходит в сапогах,
Когда колесный след
Порошей замело,
И с неба сыплет снег,
Искристый, как стекло...» [17, с. 292] («Когда у нас зима», перевод. на рус. язык Якова Акима).

Кроме того, использование вопросов-ответов в стихах Р. Миннуллины и авторов, которых он переводит, помогает детям лучше осмыслить и обсудить важные социальные и культурные вопросы. Это видно на примере стихотворения Вячеслава Ар-Серги «Детская считалка», где через простые детские вопросы поднимаются темы языка, культурной идентичности и социальной справедливости [12, с. 201]. Такой подход спо-

собствует развитию у детей осознанного отношения к окружающему миру и формированию у них чувства социальной ответственности.

Роберт Миннуллин рассматривает ребенка как неотъемлемую часть живой природы. Для перевода произведений поэт выбирает тех авторов, чье мировосприятие близко к его собственному. Мир природы, окружающий ребенка, родная деревня, животный и растительный мир, их перемены вызывают у поэта интерес как к своеобразному учебнику, через который он знакомит юного читателя с окружающим миром, приближая свое творчество к фольклорным традициям [19, с. 119]. Р. Миннуллин не занимается буквальными переводами; он дополняет их национальным колоритом и духовными ценностями своего народа, активно используя выразительные возможности татарского языка.

В заключение на основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Роберт Миннуллин успешно интегрирует этнокультурные элементы в переводы детских произведений, что способствует сохранению и популяризации национальной культуры среди подрастающего поколения.

2. Его переводы отличает творческий подход, позволяющий адаптировать оригинальные тексты к культурным и языковым особенностям аудитории.

3. Р. Миннуллин демонстрирует высокий уровень лингвистической и культурной чувствительности, что делает его переводы доступными и привлекательными для детей.

4. Работы Р. Миннуллины демонстрируют важность и необходимость этнокультурной адаптации в детской литературе для развития межкультурного диалога и взаимопонимания.

5. Изучение творчества Р. Миннуллины подчеркивает значимость перевода как инструмента культурной коммуникации и образования.

Список источников

1. Бреус Е. В. Перевод как акт межкультурной коммуникации. Краснодар, 2002. 103 с.
2. Бархударов Л. Язык и перевод. М., 1975. 420 с.
3. Юсупов Р. Тәржемә мәсьәләләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. 128 с.
4. Аминев В. Р. Национальные литературы республик Поволжья как «межлитературная общность» // Национальные литературы республик Поволжья (1980–2010 гг.): коллективная монография / науч. ред. В. Р. Аминев. Барнаул: Си-пресс, 2012. С. 5–13.

5. Нагуманова Э. Ф. Поэтика Гаташа в переводах на русский язык // Полилингвальность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 2. С. 266–275.
6. Миннегулов Х. Записи разных лет. Татарская литература: история, поэтика и взаимосвязи. Казань: Идел-Пресс, 2010. 408 с.
7. Загидуллина Д. Законы литературы и время. Казан: Таткнигоиздат, 2000. 272 с.
8. Хамидуллин Л. Татарская литература и проблемы перевода. Идель, 2012. № 11. 80 с.
9. Комиссаров В. Н. Теория перевода: Учеб. для ин.-тов и иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 387 с.
10. Orazova B., Mingazova L., Zharylgapov Zh. Literary translation as a basis for dialogue between cultures // Journal of Namibian Studies. 33 (2023): 5206–5218. 480 s.
11. Миңнуллин Р. Әсәрләр. Жиде томда. Т. 4. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. 528 б.
12. Миңнуллин Р. М. Монда без дә бар әле: шигырләр, тәржемәләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2016. 479 б.
13. Барто А. Стихи детям. М.: Изд. Вакоша, 2022. 293 с.
14. Барто А. Мой папа рассердился. URL: <https://deti-online.com/stihi/stihi-agnii-barto/moy-papa-rasserdilsya/> (дата обращения: 01.09.2024).
15. Салимова Д. А., Тимерханов А. А. Двухязычие и перевод: теория и опыт исследования. М.: Флинта: Наука, 2012. 281 с.
16. Сайфулина Ф. С., Мингазова Л. И. Стратегии перевода татарской литературы на тюркские языки: история и современное состояние // Полилингвальность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 659–672.
17. Алланазаров Аг. Солнечный пароход. Т. 1. Стихи, сказки, повести, пьесы. Ашхабад: изд. ГКПТ, 2006. 672 с.
18. Михалков С. Недотепа. URL: <https://www.culture.ru/poems/45326/nedotyopa> (дата обращения: 01.09.2024).
19. Aksoy Güllü. Derdmend'in Şiirlerinde Varoluşçuluk İzleri // ASOS Akademik Sosyal Araştırmalar Dergisi. Mart 1999 (7). Sayı 89, 114–121. 444 s.

References

1. Breus, E. V. (2002). *Perevod kak akt mezhyazykovoi kommunikatsii* [Translation as an Act of Interlingual Communication]. 103 p. Krasnodar. (In Russian)
2. Barkhudarov, L. (1975). *Yazyk i perevod* [Language and Translation]. 420 p. Moscow. (In Russian)
3. Yusupov, R. (1975). *Tarjema masalalare* [Translation Matters]. 128 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)
4. Amineva, V. R. (2012). *Natsional'nye literatury respublik Povolzh'ya kak "mezhliteraturnaya obshchnost"* [National Literatures of the Volga Republics

as an 'Interliterary Community']. *Natsional'nye literatury respublik Povolzh'ya* (1980–2010 gg.): kollektivnaya monografiya / nauch. red. V. R. Amineva. Pp. 5–13. Bar-naul, Si-press. (In Russian)

5. Nagumanova, E. F. (2019). *Poehtika Gatasha v perevodakh na russkii yazyk* [Poetics of Gatash in Translations into Russian]. *Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki*. T. 16. No. 2, pp. 266–275. (In Russian)

6. Minnegulov, Kh. (2010). *Zapiski raznykh let* [Entries from Different Years]. *Tatarskaya literatura: istoriya, poetika i vzaimosvyazi*. 408 p. Kazan, Idel-Press. (In Russian)

7. Zagidullina, D. (2000). *Zakony literatury i vremya* [Laws of Literature and Time]. 272 p. Kazan. Tatar. knigoizdat. (In Russian)

8. Khamidullin, L. (2012). *Tatarskaya literatura i problemy perevoda* [Tatar Literature and Translation Problems]. *Idel*, No. 11. 80 p. (In Russian)

9. Komissarov, V. N. (1990). *Teoriya perevoda: Ucheb. dlya in.-tov i inostr. Yaz* [Translation Theory: A Textbook for Institutions and Foreign Languages]. 387 p. Moscow, Vyssh. shk. (In Russian)

10. Orazova, B., Mingazova, L., Zharylgapov, Zh. (2023). *Literary Translation as a Basis for Dialogue between Cultures*. *Journal of Namibian Studies*. No. 33, pp. 5206–5218. 480 p. (In English)

11. Minnullin, R. (2007). *Әсәрләр. Cide tomda* [Works. In Seven Volumes]. Т. 4. 528 p. Kazan, Tatar.kit.nashr. (In Tatar)

12. Minnullin, R. M. (2016). *Monda bez də bar әle: shigyr'lar, tarjemalar* [We Are Still Here: Poems, Translations]. 479 p. Kazan, Tatar. kit. nashr.

13. Barto, A. (2022). *Stikhi detyam* [Poems for Children]. 293 p. Moscow, izd. Vakosha. (In Russian)

14. Barto, A. *Moi papa rasserdilsya* [My Dad Got Angry]. URL: <https://deti-online.com/stihi/stihi-agnii-barto/moy-papa-rasserdilsya/> (accessed: 01.09.2024). (In Russian)

15. Salimova, D. A., Timerkhanov, A. A. (2012). *Dvuyazychie i perevod: teoriya i opyt issledovaniya* [Bilingualism and Translation: Theory and Research Experience]. 281 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)

16. Saifulina, F. S., Mingazova, L. I. (2023). *Strategii perevoda tatarskoy literatury na tyurkskie yazyki: istoriya i sovremennoe sostoyanie* [Strategies for Translating Tatar Literature into Turkic Languages: History and Current Status]. *Polilingvialnost i transkul'turnye praktiki*. T. 20. No. 4, pp. 659. 373 p. (In Russian)

17. Allanazarov, Ag. (2006). *Solnechnyi parokhod* [Steamer Solaris]. Т. 1. Stikhi, skazki, povesti, p'esy. Ashkhabad, izd. GKPT. (In Russian)

18. Mikhalkov, S. *Nedotyepa* [The Blockhead]. URL: <https://www.culture.ru/poems/45326/nedotyopa> (accessed: 01.09.2024). (In Russian)

19. Aksoy Güllü. (1999). *Dermend'in Şiirlerinde Varoluşçuluk İzleri* [Traces of Existentialism in Dermend's Poems]. *ASOS Akademik Sosyal Araştırmalar Dergisi*, Mart 1999 (7) Sayı 89, Pp. 114–121. 444 p. (In Turkish)

The article was submitted on 10.09.2024

Поступила в редакцию 10.09.2024

Мингазова Ляйля Ихсановна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Leila69@inbox.ru

Оразова Бакыт Оразовна,
аспирант,
Карагандинский университет
имени академика Е. А. Букетова,
100024, Республика Казахстан, Караганда,
Университетская, 28.
orazova_bahyt@mail.ru

Каюмова Гелюся Фаридовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
gulfar21@mail.ru

Mingazova Liailia Ihsanovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Leila69@inbox.ru

Orazova Bakyt Orazovna,
graduate student,
E. Buketov Karaganda University,

28 Universitetskaya Str.,
Karaganda, 100024, Republic of Kazakhstan.
orazova_bahyt@mail.ru

Kayumova Gelyusya Faridovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
gulfar21@mail.ru

УДК 82

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-242-247

ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ ГЕОРГИЯ ВЕНУСА «ЗЯБЛИКИ В ЛАТАХ»

© Татьяна Пирогова

ORNITHOLOGICAL IMAGES IN THE NOVEL “FINCHES IN ARMOR” BY GEORGY VENUS

Tatiana Pirogova

The image of a bird is one of the traditional images in world culture. For the texts of Russian and foreign literature, a bird is one of the most complex, polysemantic and semantically full images. The purpose of the article is to study the mythopoetic image of a bird. The article examines the system of ornithological images in the novel “Finches in Armor” by Georgy Venus, revealing the semantic content of the ornithological images found in the text. The title of the novel immediately sets a certain “ornithological” semantic vector. Finches in the novel turn out to be wearing greatcoats - these are young soldiers, for whom the world happens to be tragic, it collapses. The birds, mentioned by the author, at first glance appear in the text by chance, become part of the landscape, but the moments when they appear next to the characters of the work, accompanying them in reality and in their thoughts, create the impression of no accident; the frequency of their mention makes one think about their symbolic semantic meaning for the entire novel. The images of birds in the novel by Georgy Venus carry certain meanings that expand the figurative system of the novel, becoming messengers, their appearance in the work is associated with a premonition of trouble, which activates their mediator functions.

Keywords: Georgy Venus, “Finches in Armor”, symbolic meaning, ornithological image, mediator functions

Образ птицы – один из традиционных образов мировой культуры. Для текстов русской и зарубежной литературы птица – один из наиболее сложных, многозначных и семантически наполненных образов. Целью статьи стало изучение мифопоэтического образа птицы. В статье рассмотрена система орнитологических образов в романе Георгия Венуса «Зяблики в латах», предпринята попытка раскрыть смысловую наполненность встречающихся в тексте орнитологических образов. Название романа сразу задает определенный «орнитологический» смысловой вектор. Зяблики в романе оказываются в шинелях – это молодые солдаты, мир для которых оказывается трагичен, он рушится. Упомянутые автором птицы появляются в тексте на первый взгляд случайно, становятся частью пейзажа, но моменты, когда они оказываются рядом с героями произведения, сопровождая их в реальности и мыслях, создают впечатление не случайности, частотность их упоминания заставляет задуматься о смысловом символическом значении для всего романа. Образы птиц в романе Георгия Венуса несут некие смыслы, которые расширяют образную систему романа, становясь вестниками, их появление в произведении связано с предчувствием беды, что активизирует их медиаторские функции.

Ключевые слова: Георгий Венус, «Зяблики в латах», символическое значение, орнитологический образ, медиаторские функции

Для цитирования: Пирогова Т. Орнитологические образы в романе Георгия Венуса «Зяблики в латах» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 242–247. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-242-247

Имя Георгия Давыдовича Венуса (1898–1939) почти забыто российским читателем. Однако в 1920–30-е гг. писатель, прошедший две войны – Первую мировую и Гражданскую, уверенно вошел в отечественную прозу, начав свою творче-

скую биографию в эмиграции в Берлине романом «Война и люди». Возвратившись в 1926 г. в Советскую Россию, Венус много и активно пишет: несколько романов, в основном о войне, рассказы, в том числе и о впечатлениях, почерп-

нутых в эмиграции. В 1935 г. семью Венуса высылают в Куйбышев, а в 1938 г. его арестовывают, и писатель умирает в Сызрани в тюремной больнице. Литературовед Л. А. Финк в книге своих воспоминаний «И одна – моя – судьба» писал: «Три периода трудной жизни Георгия Венуса отражены в романских сюжетах: годы, первой мировой войны, вплоть до февральской революции: гражданская война на юге, бегство из Крыма армией Врангеля; наконец, эмиграция, сложные судьбы русских беженцев в предфашистской Германии. Венус насмотрелся на их жестокую и бессмысленную смерть. Надо много раз видеть кошмары войны, чтобы писать о них так внешне спокойно и в то же время так по сути взволнованно, как пишет Венус» [1, с. 10].

В 1928 г. был опубликован, пожалуй, самый известный роман Георгия Венуса – «Зяблики в латах». В трех «военных» романах Венуса существует определенная хронологическая последовательность, позволяющая говорить о своеобразной трилогии: в «Зябликах в латах» изображена Первая мировая война, в «Войне и людях» – Гражданская война, в «Стальном шлеме» – эмиграция. В каждом из этих произведений отражена одна судьба на «крутых поворотах отечественной истории» [2, с. 508], в «Зябликах в латах» – это судьба прапорщика Константинова.

События романа «Зяблики в латах» охватывают время с декабря 1916 по осень 1917 гг. Композиция романа выстроена на противопоставлении двух театров действий, двух планов: тыла и фронта. События, происходящие в тылу, разворачиваются в нескольких локусах: в Сызрани, куда прибывает состав с солдатами и офицерами; в Бузулуке, где формируется воинская часть; в Петрограде, где в самый разгар Февральской революции оказываются некоторые персонажи. События, которые происходят на фронте, географически не определены.

В произведении, кроме Константинова, есть несколько сквозных персонажей. Во-первых, это юные и не очень прапорщики, что определенным образом определяет оптику повествования: война показана из окопа, с точки зрения необстрелянного, неопытного младшего офицерского состава. Во-вторых, это несколько командиров, не старше капитана, которым надо отдавать приказы на передовой, но они не в силах повлиять на происходящее. В-третьих, это обыватели города Бузулука, они, пользуясь временным солдатским и офицерским многолюдьем, стремятся разнообразить свою периферийную жизнь.

Для своей работы мы выбрали только один нюанс, раскрывающий, на наш взгляд, художественную манеру Георгия Венуса, – это попытка

раскрыть смысловую наполненность встречающихся в романе «Зяблики в латах» орнитологических образов. В прозе Венуса превалирует социум, мир людей, их отношений, их взаимодействия с историей. Поэтому особенно важным для писателя становится изобразить «трепет» естественной жизни, которая не только становится фоном разворачивающихся событий, но и негромко сообщает им дополнительный смысл.

Обратимся к названию романа, в нем выражена ключевая мысль. Здесь представлен явный оксюморон: название совсем не воинственной маленькой птички соединилось со словом «латы», которое, в свою очередь, связано с доблестью и рыцарством. Несмотря на титульную значимость, упоминание «зяблика» в тексте появляется только один раз и в оскорбительном значении:

«– Не мешай! – крикнул он и толкнул адъютанта. <...> Швед на птичьих ножках! Цыпленок! Трясогузка! Зяблик!» [3, с. 271].

Эту фразу произносит батальонный командир, обращаясь к поручику Викштрему, тем самым обозначая свое отношение к неопытным и юным воинам, оказавшимся на фронтах Первой мировой. Сам Венус, по сути дела, был таким же «зябликом в латах», поскольку в 1915 г., едва окончив Екатериненшуле, поступает в Павловское пехотное училище, через восемь месяцев принимает присягу и прапорщиком отправляется на фронт [Там же, с. 3].

Поскольку Венус был этническим немцем, владел немецким языком и хорошо знал немецкую культуру, можно предположить, что идею названия романа писатель мог заимствовать из старинной немецкой лубочной книги «Рыцарь зяблик», которая состоит из разных небылиц. Ее герой – Поликарп фон Кирлариса, по прозвищу Рыцарь Зяблик, посещает разные страны. На иллюстрациях к книге рыцарь изображен в виде зяблика на лошади или верхом на раке [4].

В силу того, что название романа «Зяблики в латах» задает определенный «орнитологический» смысловой вектор, образ птицы в мировой мифологии наделен различными функциями, среди которых и космогонические черты, и черты проводника-медиатора, и брачно-продуцирующие.

Отечественная классическая и современная литература вбирает в себя культурные коды нации, продолжает и развивает их. Образ птицы оказывается одним из наиболее сложных, многозначных и семантически наполненных образов. Символическая наполненность образов птиц час-

то становилась предметом пристального исследования ученых-филологов: например, труды А. В. Гуры [5], Т. Г. Дубининой [6], Р. П. Митяшова [7], И. С. Макаровой [8], Я. О. Резакова [9], И. В. Якушевич [10] и др., а также коллективная монография «Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке» [11].

Изображение картин природы не занимает в романе Г. Венуса главенствующего места. Повествование сосредоточено на делах людских. Возникает ощущение, что герой, оторвавшись от своих забот, вдруг оглядывается вокруг себя и видит этот окружающий мир, в котором определенное место занимают и птицы.

В процессе сплошной выборки в тексте романа было отмечено, что образы птиц насыщают действие. В главах «Рябой и Рябая» (начало романа) и «Лохматый черт» (ближе к концу романа) есть упоминание голубей. Белые голуби возникают в воспоминаниях о мирной жизни в Самаре одного из персонажей романа – прапорщика Рябого. В этих же главах, а также в главе «В 39-м томском» присутствуют вороны. В главах «Один из тысячи», «В конце дорог» появляются воробьи, они словно бы сопровождают одного из персонажей романа – прапорщика Дергачева. К слову, фамилия его связана с птицей – дергач (коростель), так же, как и фамилию Рябого (обозначение окраса), тоже можно связать с птицей. В главе «Островок» появляются галки, которые криком сопровождают гул колоколов Спасо-Преображенского монастыря и одновременно ссору прапорщика Дергачева и прапорщика Бесседелько. В главе «Отъезд» появляется канарейка, а в главе «Островок» – сова; птицы, которые каждая по-своему характеризуют одного из персонажей – Ольгу Памфиловну.

Птицы в романе появляются вроде бы случайно, просто как принадлежность пейзажа, но ситуация, когда они возникают в тексте, частотность их упоминания создают представление об их смысловом символическом значении для художественного мира романа.

Голуби в романе появляются в разгар боя в затуманенном сознании прапорщика Рябого. Знаменательно, что образ птицы появляется в романе только в воспоминаниях, по которым скорбит герой:

«... это были голуби. Белыми легкими толчками они кружились и над городом. Сколько их, голубей в небе» [3, с. 237];

«Два голубя над детским шаром блеснули крыльями...» [Там же].

В конце фрагмента автор говорит читателю о том, что птицы «упали в темноту», они как буд-

то в прошлом предрекали герою темные времена, которые его ожидают. Рябой окажется на войне, где легкость жизни будет появляться только лишь в его воспоминаниях.

Во второй раз голуби опять появляются в воспоминаниях Рябого о его жене, о предвоенном времени, о его доме на улице Садовой в Самаре, где над крышей, на голубятне, обитали голуби.

Мифо-символическая образность голубя у восточных славян связана с брачной обрядностью – фигурками голубей украшали свадебные караваны. И в романе воспоминание Рябого о жене и о доме связано с голубями. У славян же есть представление о том, что душа умершего превращается в голубя. Рябой, так тоскующий о довоенной домашней жизни, не сможет вернуться к ней – он погибает. Мечты или видения о белых голубях – это предчувствие смерти, прощание со всем, что было когда-то дорого [12, с. 145].

В трех главах взгляд писателя задерживается на воронах. Одно из фольклорно-мифологических значений образа ворона – это предсказатель смерти, вообще вещая птица. Ворон выступает еще как оппонент птицам светлым или пестрым. Образ ворона обладает ярко выраженной (международной) хтонической символикой. Обнаруживается связь не только со смертью, но и с войной [13, с. 116–118]. Противостояние белого голубя и черного ворона в главе «Рябой и Рябая» очевидно: голубь появляется как знак прошедшего счастья, ворон же присутствует в настоящей жизни прапорщика Рябого. В главе «В 39-м томском» вороны появляются, безмолвно напоминая о неизбежности смерти.

Сходной символикой обладают в мифологическом сознании образ грача и галки. В романе галки летают над блестящими золотыми колоколами и лишь одна из них будто бы пытается перекричать гул колоколов Спасо-Преображенского монастыря:

«Над низкими крышами бараков сверкало солнце. Летели галки. Одна галка каркала» [3, с. 345];

«Над золотыми крышами опять полетели галки» [Там же];

«И вдруг галки в небе сверкнули черными острыми крыльями, золото низких крыш брызнуло во все стороны, и удар по затылку бросил прапорщика Бесседелько куда-то вперед» [Там же].

В начале галки пролетают над бараками, затем над золотыми куполами монастыря, а после, взмахнув черными острыми крыльями как своего рода знак предчувствия беды.

Птица воробей также несколько раз упоминается в романе. «Тебе не от дергача – от воробья

род бы вести» [Там же, с. 255], – произносит прапорщик Константинов, обращаясь к прапорщику Дергачеву. Присутствие воробьев и в дальнейшем связано с Павлом Дергачевым. В начале произведения прапорщика сравнивают с воробьями, в финале романа – воробьи слетаются на крест его могилы.

Воробей – птица, с которой в международных мифологических представлениях была связана в основном отрицательная коннотация, тем не менее в восточнославянском фольклоре воробей наделен мужской символикой и с некоторой натяжкой может служить знаком перехода из состояния «мальчишки» в состояние мужчины, готового к своей судьбе: в фольклоре – к браку, в тексте романа – к «браку с войной», со смертью [14, с. 113–115].

В главе «Островок» упоминаются канарейка и сова, оба упоминания связаны с Ольгой Памфиловой, женщиной, привязанной к дому, к мужу инвалиду, к своему галантному поклоннику, полковнику Судакову. Канарейка появилась как экзотическая певчая одомашненная птица в России только в XVIII в., сначала воспринималась как украшение дома, символ достатка. Позднее появление клетки с канарейкой в художественном произведении означало, скорее, мешчанскую среду. В доме Ольги Памфиловны канарейка – одно из немногих развлечений ее мужа и своего рода знак статичности быта.

Сова, встречающаяся героине во время прогулки, становится неким зловещим знаком, который побудил ее отказаться от устойчивого быта, авторитета и положения в своем маленьком мире и отправиться в Петроград. Ольга Памфилова – такая правильная, так точно знающая, что хорошо, что плохо, чувствующая свой долг перед мужем-инвалидом и с достоинством осознающая свою миссию самопожертвования – предчувствует недолговечность этого своего мира.

При всех многообразных значениях мифопоэтических значений образа совы совершенно очевидна ее принадлежность к миру ночи, то есть к миру смерти, холода, пассивности, что как бы вскрывает подоплеку характера героини.

На страницах романа встречается упоминание петуха. Первый раз птица упоминается отцом Дергачева на кладбище во время похорон нелепо погибшего сына:

«Так нет, погони ему нужны были! Звездочки... – не унимался старик. – Шпоры там всякие... Отец без шпор прожил – сын петухом кукарекать захотел! Накукарекался!..» [3, с. 371].

Затем петух появится в главе «В конце дорог»:

«На улицу колонии Эйхендорф мирно вышел петух. Шпоры на его лапах были кривые, но он гордился этими шпорами и, шаркая куре, показавшейся из канавы, подмигивал Марте Гартен голыми красными веками» [Там же, с. 382].

Петух в народных верованиях славян тоже вещая птица, способная противостоять нечистой силе. Петух опекает хозяйство, считалось, что без петуха не будет водиться скот. Красный петух связан с пожаром («пустить петуха» – фразеологизм известный в славянском фольклоре и разговорной речи). В финале романа появляется петух как своего рода амбивалентный образ – это и возможная надежда на будущее, на обновление хозяйства героини, одновременно и тревожное предупреждение о разгорающемся пожаре грядущей революции [15, с. 307–308].

В конце можно подвести некоторые итоги.

В мифопоэтической традиции птицы являются обязательным элементом религиозно-мифологических воззрений и обрядов и обладают множеством разнообразных функций. Птицы в мифе выступают и божеством, и культурным героем, и трикстером, и тотемными предками.

«Они выступают как особые мифопоэтические классификаторы и символы божественной сущности, верха, неба, духа неба, солнца, грома, ветра, облака, свободы, роста, жизни, плодородия, изобилия, подъема, восхождения, вдохновения, пророчества, предсказания, связи между космическими зонами, души, дитяти, духа жизни и т. п.» [16, с. 389–406].

Одной из важнейших функций птицы является то, что ею венчается мировое дерево или дерево жизни. Образ мира в романе Г. Венуса «возглавили» «зяблики в шинелях», что подчеркивает драматизм «низовой», окопной войны и трагизм судеб молодых людей – прапорщиков, «зябликов» – ее фатальность. Само упоминание в тексте произведения птиц (голуби, вороны, воробьи, галки и др.) в связи с вынесенным в заглавие орнитологическим образом придает им определенные смыслы. На первое место выдвигается предчувствие беды, возникающее при появлении птиц, что, безусловно, активизирует медиаторские функции. Птицы не только означают близость границы миров, но и сопровождают героев в иной мир.

Список источников

1. Финк Л. А. И одна – моя – судьба: Воспоминания, раздумья, полемика. Самара: Библиотека газеты «Тарбут», 1993. 255 с.
2. Арьев А. Ю. Родом из немец (О прозе Георгия Венуса) // Г. Венус. Зяблики в латах: Романы. Л.: Советский писатель, 1991. 512 с.
3. Венус Г. Зяблики в латах: Романы. Л.: Сов. писатель, 1991. 512 с.
4. Сумцов Н. Ф. Рыцарь Зяблик // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. URL: <https://prussia.online/books/entsiklopedicheskiy-slovar> (дата обращения: 27.08.2024).
5. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 909 с.
6. Дубинина Т. Г. Мифологема птицы в «таинственных» повестях и «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. М.: МГПУ, 2016. № 1 (21). С. 27–33.
7. Митяшов Р. П. Образ птицы в лирике А. Блока // Проблемы современной науки и образования. Иваново: Олимп, 2016. № 25 (67). С. 58–62.
8. Макарова И. С. Мифопоэтические образы «яйцо», «птица», «змея» в мировой культуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2 ч. Ч. II. С. 133–136.
9. Резаков Я. О. Орнитологическая поэтика: Дж. Сэлинджер – от А. Чехова до В. Аксенова // Вестник Костромского государственного университета. Кострома: КГУ. 2019. № 1. С. 170–173.
10. Якушевич И. В. Орнитологический код в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 2 (50). С. 38–53.
11. Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: Коллективная монография / Отв. ред. А. И. Смирнова. М.: Книгодел; МГПУ, 2019. 504 с. (Природный мир в пространстве культуры).
12. Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: РЕФЛ-book, 1994. 608 с.
13. Гура А. В. Ворона. Славянская мифология. Энциклопедический словарь М.: Эллис Лак, 1995. С. 116–118.
14. Гура А. В. Воробей. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 113–115.
15. Бушкевич С. П. Петух. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 307–308.
16. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Птицы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 389–406.
2. Ar'ev, A. Y. (1991). *Rodom iz nemets (O proze Georgiya Venusa)*. [Originally from a German Background (On the Prose of George Venus)]. 512 p. Leningrad, Sov. pisatel'. (In Russian)
3. Venus, G. (1991). *Zyabliki v latakh: Romany* [Finches in Armor: Novels]. 512 p. Leningrad, Sov. pisatel'. (In Russian)
4. Sumtsov, N. F. *Rytsar' Zyablik* [Knight Zyablik]. Brockhaus i Efron Entsiklopedicheskii slovar': v 86 tomakh (82 tomov i 4 dop.). 1890–1907. St. Petersburg, URL: <https://prussia.online/books/entsiklopedicheskiy-slovar> (accessed: 27.08.2024).
5. Gura, A. V. (1997). *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii* [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. 909 p. Moscow, Indrik. (In Russian)
6. Dubinina, T. G. (2016). *Mifologema ptitsy v "tainstvennykh" povestyakh i "Stikhotvoreniyakh v proze" I. S. Turgeneva* [Mythologem of the Bird in the "Mysterious" Stories and "Poems in Prose" by I. S. Turgenev]. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Vy'p. 1 (21), pp. 27–33. Moscow. (In Russian)
7. Mityashov, R. P. (2016). *Obraz ptitsy v lirike A. Bloka* [The Image of a Bird in the Lyrics of A. Blok]. Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya. Vyp. 25 (67), pp. 58–62. Ivanovo, Olimp. (In Russian)
8. Makarova, I. S. (2014). *Mifopoeticheskie obrazy "yaitso", "ptitsa", "zmei" v mirovoi kul'ture* [Mythopoetic Images of "Egg", "Bird", "Snake" in World Culture]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Vyp. 3 (33), pp. 133–136. Tambov, Gramota. (In Russian)
9. Rezakov, Y. O. (2019). *Ornitologicheskaya poetika: Dzh. Selindzher – ot A. Chekhova do V. Aksenova* [Ornithological Poetics: J. Salinger – from A. Chekhov to V. Aksenov]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 1, pp. 170–173. Kostroma. (In Russian)
10. Yakushevich, I. V. (2023). *Ornitologicheskii kod v romane M. A. Bulgakova "Master i Margarita"* [Ornithological Code in M. A. Bulgakov's Novel "The Master and Margarita"]. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Vy'p. 2 (50), pp. 38–53. Moscow. (In Russian)
11. Smirnova, A. I. (2019). *Ptitsa kak obraz, simvol, kontsept v literature, kul'ture i yazyke: Kollektivnaya monografiya* [Bird as an Image, Symbol and Concept in Literature, Culture and Language: A Collective Monograph]. 504 p. Moscow, Knigodel. (In Russian)
12. Kerlot, H. E. (1994). *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. 608 p. Moscow, REFL-book. (In Russian)
13. Gura, A. V. (1995). *Vorona. Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskii slovar'* [A Crow. Slavic Mythology. An Encyclopedic Dictionary]. Pp. 116–118. Moscow, Ellis Lak. (In Russian)
14. Gura, A. V. (1995). *Vorobei. Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskii slovar'* [A Sparrow. Slavic Mythology. An Encyclopedic Dictionary]. Pp. 113–115. Moscow, Ellis Lak. (In Russian)

References

1. Fink, L. A. (1993). *I odna – moja – sud'ba: Vospominaniya, razdum'ya, polemika* [And My–Only One–Destiny: Memories, Reflections, Polemics]. 255 p. Samara, Biblioteka gazety "Tarbut". (In Russian)

15. Bushkevich, S. P. (1995). *Petukh. Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheski slovar'* [A Rooster. Slavic Mythology. An Encyclopedic Dictionary]. Pp. 307–308. Moscow, Ellis Lak. (In Russian)

16. Ivanov, V. V., Toporov, V. N. (1980). *Ptitsy* [Birds]. *Mify narodov mira: Entsiklopedia*. T. 1, pp. 389–406. Moscow. (In Russian)

The article was submitted on 28.08.2024

Поступила в редакцию 28.08.2024

Пирогова Татьяна Олеговна,
аспирант,
Самарский государственный социально-педагогический университет,
443099, Россия, Самара,
М. Горького, 65/67.
tanya.pirogova.1997@gmail.com

Pirogova Tatiana Olegovna,
graduate student,
Samara State Social-Pedagogical University,
65/67 M. Gorky Str.,
Samara, 443099, Russian Federation.
tanya.pirogova.1997@gmail.com

УДК 398

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-248-255

ТАТАРСКИЙ ФОЛЬКЛОР, СОБРАНЫЙ ТЮРКОЛОГОМ В. В. РАДЛОВЫМ: ОПЫТ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

© Флера Сайфулина, Ильшат Насипов

TATAR FOLKLORE COLLECTED BY TURKOLOGIST V. RADLOV: EXPERIENCE OF TRANSLATION INTO THE RUSSIAN LANGUAGE

Flera Sayfulina, Ilshat Nasipov

The article analyzes the translations into Russian of Siberian-Tatar folklore recorded in the second half of the 19th century by the turkologist V. Radlov. While working as a teacher in Altai, the young scholar annually conducted scientific expeditions to the territories, inhabited by Turkic peoples, to collect and record texts from native speakers for further comparative study. Over ten years, he collected a wealth of material on samples of oral folklore among numerous Turkic peoples, living in the Russian Empire, including the Siberian Tatars. The object of our research is the 4th volume of the famous ten-volume work “Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungarian Steppe,” compiled by the future founder of Russian Turkology V. Radlov. The presented volume incorporates various genres of folklore recorded among the Tatars living in the Novosibirsk, Omsk and Tyumen Regions. The purpose of the article is to study the folklore material translations into Russian, presented in the specified volume and made by a group of researchers under the guidance of the Kazan University Professor, dialectologist and turkologist Yusupov Farit (Ferits). It was done to familiarize with Siberian-Tatar folklore a wide range of philologists, interested in the work of the turkologist V. Radlov, and to expand its readership. The article analyzes a series of books, which present the originals of folklore texts, collected by Radlov, as well as their translations into Russian, and reveals the genre diversity of the material, noting some features of their translations.

Keywords: Turkology, V. Radlov, folklore studies, Siberian Tatars, Tatar folklore, folklore genres

В статье анализируются переводы на русский язык сибирско-татарского фольклора, записанного во второй половине XIX столетия тюркологом В. В. Радловым. Молодой ученый во время работы учителем на Алтае ежегодно проводил научные экспедиции на территориях проживания тюркских народов с целью сбора и записи текстов из уст носителей языка для дальнейшего их сравнительного изучения. За десять лет им был собран богатейший материал образцов устного народного творчества у многочисленных тюркских народов, проживающих в Российской империи, в том числе и сибирских татар. Объектом настоящего исследования послужил IV том известного десяти-томника «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи», составленного будущим основателем Российской тюркологии В. В. Радловым. Представленный том вбирает в себя образцы разнообразных жанров фольклора, записанных у татар, проживающих в Новосибирской, Омской, Тюменской областях. Статья направлена на изучение переводов представленного в указанном томе фольклорного материала на русский язык, осуществленного группой ученых под руководством профессора Казанского университета, диалектолога, тюрколога Фарита (Феритса) Юсуповича Юсупова, с целью ознакомления широкого круга ученых-филологов, изучающих деятельность тюрколога В. В. Радлова, а также расширения читательской аудитории, интересующейся сибирско-татарским фольклором. Авторами статьи проанализирована серия книг, где представлены оригиналы собранного Радловым фольклорных текстов, а также их переводы на русский язык, выявлено жанровое разнообразие материала, отмечены некоторые особенности переводов.

Ключевые слова: тюркология, В. В. Радлов, фольклористика, сибирские татары, татарский фольклор, жанры фольклора

Для цитирования: Сайфулина Ф., Насипов И. Татарский фольклор, собранный тюркологом В. В. Радловым: опыт перевода на русский язык // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 248–255. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-248-255

Одним из главных требований к деятельности диалектологов, собирателей-фольклористов является строгая, точная запись (фиксация) материала на языке его носителей. Как отмечает известный ученый-тюрколог В. В. Радлов в Предисловии (С. Петербургъ, 30 сентября, 1864. В. Радловъ) к первой части десятитомника «Образцы народной литературы тюркских племен, живущихъ въ Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловымъ», «... для изучающего Тюркские поднаречия необходимо, прежде всего, оставить в стороне письменный, т. е. искусственный язык, и избрать исключительным предметом исследования разговорный язык простого народа...» [1, с. 420] (предисловие написано на русском языке, переведено на немецкий язык, в конце подписан как *Bilhelm Radloff*). Отметим, что материал, включенный в данный десятитомник, собран молодым ученым исключительно для исследования языковых особенностей тюркских народов, проживающих в Российской империи, и изучения их в дальнейшем в сопоставительном аспекте. При этом, благодаря его деятельности, ученые-фольклористы получили богатый материал для исследования фольклорных жанров, сохранившихся у многочисленных тюркских народов. В данной работе записи Радлова интересуют нас как одни из первых достоверных фиксаций фольклорных текстов, в том числе у татар, проживающих в Сибири.

При записи языковых и фольклорных текстов собиратели обращают внимание на фиксацию языковых нюансов, присущих диалекту или говору этой местности, что позволяет ученым в дальнейшем проследить языковые формы, особенности их развития и изменения, выявить схожесть языков разных народов и их неповторимость. При этом эта особенность собирательской деятельности ограничивает возможность широкого круга читателей, не владеющих данным языком, для ознакомления с материалами, записанными учеными. Необходимость расширения исследовательского круга фольклористов, а также читательской аудитории фольклорных жанров актуализирует вопрос перевода текстов устного народного творчества на другие языки.

В связи с этим целью изучения представленной статьи являются переводы на русский язык фольклорных текстов, собранных В. В. Радловым во второй половине XIX в. у групп татар, проживающих на территориях Сибири.

В ходе исследования использован биографический метод исследования, также применялись такие методы, как сравнительный и контексту-

альный анализ фольклорных текстов и их переводов на русский язык.

В. В. Радлов (1837–1918), молодой ученый-тюрколог из Германии, стал одним из первых собирателей фольклорных текстов на языке множества тюркских народов, в том числе сибирских татар. Деятельность ученого как основателя Российской тюркологии была по праву в центре внимания его последователей-тюркологов, научная биография ученого разносторонне исследована известными отечественными учеными, такими как А. Н. Кононов [2, с. 11], С. В. Вайнштейн, С. Г. Кляшторный [3, с. 20–31], Э. Р. Тенишев [4, с. 32–41], А. М. Щербак [5, с. 56–57], Ф. Ю. Юсупов [6, с. 64–72]. Вклад ученого в татарскую фольклористику изучен Ф. С. Сайфулиной [7, с. 12–18], [8, с. 164–171], [9, с. 20] и др.

Собранные Радловым в течение десяти лет пребывания его на Алтае языковые тексты были изданы им в десятитомнике «Образцы народной литературы тюркских племен...», каждый из томов которого посвящен говору одного из тюркских народов, с которыми целенаправленно общался сам ученый.

В IV томе этого сборника «Нарекия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар» [10, с. 411], общим объемом около четырехсот страниц, представлены образцы фольклора, собранные на территориях проживания сибирских татар. Трудно переоценить значение для развития татарской фольклористики кропотливого труда молодого ученого, который зафиксировал около 120 единиц фольклорного текста, в числе которых произведения эпического жанра (многочисленные объемные дастаны, сказки), лирики (песен), лиро-эпических произведений (байты), а также тексты, которые интересны для историков-краеведов (записи родословных и др.) [Там же].

При этом в предисловии к указанному тому (на четырех страницах, датированном автором: Казань, 23 января 1872 г., В. Радловъ) ученый отмечает, что записанные им тексты тогда еще сохранялись в памяти народа как «святые воспоминания молодости того времени, когда народный дух еще давал им смелость открыто восхвалять в песнях и сказках деяния их предков» [Там же, с. 5].

Этот факт подчеркивает также ученый-фольклорист Ф. Ахметова, прослеживая результаты экспедиций, организованных татарскими фольклористами и диалектологами, такими как Н. Исанбет, Х. Ярмухаметов (Ярми), Л. Залялетдинов (Заляй), Ф. Урманчеев и др.: «К великому сожалению, через сто лет пройдя этот же путь: аулы Барабинских степей, которые указаны у

В. В. Радлова лишь по названию рек и озер, а также д.д. Туралы, Хужаул, Олы Кау, Тәпкәч (ныне отсутствует), Саргац, Ишим Тамак – селения нынешней Омской области и т. д. Карагай, Сала, Саускан (ныне отсутствует), Йуртышак, Рәгес, Таргам, Калмаклар (ныне отсутствует), Сәет и Каскара – селения современной Тюменской области – ученые уже не застали многие из фольклорных материалов, записанных великим ученым» [11, с. 16]. С одной стороны, это указывает на своевременность и ценность записей Радлова, с другой – является доказательством того, насколько научно-техническое развитие общества «поглощает» мифологическое представление о мире, что приводит к исчезновению ряда жанровых форм народно-поэтического творчества за столь короткий период времени.

Интересно, что IV том В. В. Радлова «Образцы народной литературы...» увидел свет при жизни самого ученого единственный раз в 1872 г. в Санкт-Петербурге и в дальнейшем не переиздавался (можно то же самое сказать и о других томах многотомника). При необходимости исследователи обращались к тем редким экземплярам данного издания, сохранившимся в фондах некоторых библиотек, к которым не было широкого доступа. Только в 2012 г., в канун 175-летия великого ученого, этот том был переиздан с объемным вводным словом и пояснениями-комментариями автора-составителя издания, известного диалектолога-тюрколога Ф. Ю. Юсупова [12, с. 519].

Отрадно то, что после переиздания указанной книги Радлова профессор Ф. Ю. Юсупов с целью введения в научный оборот фольклорных материалов для расширения возможности ознакомления с текстами ученых-фольклористов, молодых филологов, широкого круга читателей, не владеющих татарским языком, диалектами и говорами сибирских татар, продолжил деятельность в направлении организации переводов представленных Радловым фольклорных текстов на русский язык. В результате многолетней, кропотливой работы группы ученых появилась серия книг, представляющих ценнейший материал, зафиксированный будущим академиком, основоположником Российской тюркологии Радловым в переводе на русский язык.

Первым шагом в данном направлении стала книга «Барабинские татары» [13, с. 668], где во вводной части представлены объемные научные материалы, касающиеся языковых особенностей, истории-этнографии и фольклора барабинских (новосибирских) татар. Во вводной статье (с. 5–49) Фарит Юсупович пишет об истории формирования и особенностях наречий барабинских

татар. Здесь также представлена статья Ф. С. Сайфулиной «Устное народное творчество» (с. 50–56), где прослеживаются научные труды ученых, касающихся сбора и анализа устного творчества татар барабы.

Авторы книги представили материал последовательно: сначала идет текст на языке барабинских татар, с сохранением особенностей, зафиксированных Радловым (имеются также некоторые материалы, записанные известными собирателями в XX в.), далее идет перевод на русский язык фольклорного произведения, сделанного исследователем регионального фольклора и литературы Ф. С. Сайфулиной с комментариями Ф. Ю. Юсупова. Так, в данном издании представлены переводы на русский язык сложнейшего по сюжету и языковым особенностям уникального эпического жанра тюркского фольклора – дастана. В книгу включены переводы более десяти объемных дастанов, названных в основном именами главных героев произведений. Сюжеты выбранных для перевода дастанов привлекают внимание читателей разнообразием конфликтов и перипетий, участием фантастических героев и предметов, наличием разнообразных превращений. Так, герой одноименного дастана Цонтай Мэргэн («Цонтай Мэргэн», с. 57–65) – младший сын своего отца, после смерти родителей переносит всяческие несправедливости со стороны старших братьев, находит покровительство у случайно встретившегося Хана, живет у него три года, потом теряет весь товар, который доверил ему хан. По дороге находит гнездо птицы с золотыми яйцами, за эти яйца приносит гребешок девушке Пи кыс с золотыми ноготками, побеждая ее хитростью и ловкостью. За доброе отношение к своим старшим братьям, преданность Хану, бесстрашие он сам становится Ханом и женится на девушке Пи кыс с золотыми ноготками, и у них рождается сын. Ему во всем помогает его Рыжий конь, который советует юноше пути выхода из сложных ситуаций.

События другого дастана («Козы Курпуц», с. 66–88) связаны с героическими поступками главного героя – Козы Курпуц – сына Ак Хана, который, став в десять лет богатырем, направляется в дальнюю дорогу за Кара Ханом, спрятавшим от него свою дочь – его невесту (нареченную при их рождении) Паян Сылу. Переводы дают возможность русскоязычному читателю ознакомиться с содержанием великолепных дастанов, представлениями об окружающем мире народа, сохранившего в душе эти дастаны, об их понятиях о добре и зле, благородстве и низости человеческих поступков.

В сборнике «Барабинские татары», кроме героических (с. 57–252) и любовных (с. 253–256) дастанов, представлены переводы произведений лиро-эпического жанра фольклора – баитов (с. 275–280), а также сказок, легенд и преданий (с. 314–337), есть примеры народных песен (с. 351–360), собранных у барабинских татар в XX в. татарскими учеными-фольклористами, диалектологами, такими как Л. В. Дмитриева, Ф. Ю. Юсупов, Ф. С. Баязитова и др. В книгу включены переведенные на русский язык интересные материалы, касающиеся обычаев, свадебных обрядов, а также обрядов, связанных с рождением ребенка, заговоров, приворотов, похоронных, календарных обрядов, поклонений куклам и др.

С научной точки зрения также вызывают интерес статья О. Р. Хисамова, посвященная тюрко-татарской топонимике Новосибирской области (с. 527–612), а также работа И. Г. Гумерова по изучению литературно-публицистических материалов из рукописных источников барабинских татар (с. 613–661), представленных на русском языке. Они интересны читателю с позиции расширения знаний по нематериальному культурному наследию исследуемого народа.

Перевод диалектного текста предполагает владение татарским литературным языком и знание языковых особенностей, лексики местного говора, наречия. При таком переводе в основном переводчик изначально переводит имеющийся диалектный текст на татарский литературный язык, к примеру:

«Пір јірді қан полған, ол қанның ұң ұлұ полған, ол қанның малы көп полған, ұзұ паі полған. Қан аурудұ, ұң ұлұн алдырып ұңұзінә малын пөлұп пәрді, ұзұ мінәттән қара јорғазын кіцұ ұлұна Цонтаі Мәргәнғә пәрді («Цонтаі Мәргән», с. 57). – «Бер жирдә хан яшәгән, ул ханның өч улы булған, ул ханның малы күп булған, үзе бай булған. Хан авырған, өч улын чакырып, өчесенә малын бүлеп биргән, үзе атланып йөри торған қара јорғасын кече улы Цонтаі Мәргәнғә биргән».

Далее происходит перевод данного текста на русский язык. При этом нужно четко себе представлять то, что при переводе на другой язык диалектные особенности, местные языковые нюансы исчезают, появляется русский текст, который точно передает смысловую сторону текста:

«Жил один хан, у этого хана было трое сыновей, у него было много скотины, он был очень богатым. Хан заболел, позвал трех сыновей, поделил скотину свою между сыновьями, а своего черного вороного коня младшему сыну – Цонтай Мергену – отдал».

Но тот факт, что тексты в книге представлены параллельно – как на языке его носителей, так и на русском языке, дает возможность сравнительного рассмотрения представленных материалов для читателей, владеющих русским и татарским литературным языками.

При сравнительном анализе текстов привлекают к себе внимание отдельные выражения, обозначающие некоторые действия, обряды, которые в настоящее время исчезли из обихода, и понятия, которые не сохранились в языке носителей диалекта. К таким словам даются некоторые пояснения, что облегчает понимание и правильное восприятие текста. К примеру, «*tärän qazyı tǎbǎ kömü*». – «глубоко зарыв, высоко похоронить» (с. 57): «*Адалары үлдү, tärän qazyı tǎbǎ köm dölör*» (в этом случае в книге представлена ссылка на статью Ф. В. Ахметовой, где дается пояснение данному действов-обряду) [11, с. 24]; «*тунјага тўза пірізі қыс пірізі ұл полза алыштырарбыс*». – *обменять новорожденных детей, для укрепления разных родов*» (с. 66): «*Пурунғу саманда ікі қан полды, пірізі Ақ Қан, пірізі Қара Қан полды; аларның ікізінің қадыннары қурсақлұ полды. Ікізі мәсликәт қылдылар Қара Қанбыла Ақ Қан: «Пісінің ікі қадыныбыс қурсақлұ полды, тунјага тўза пірізі қыс пірізі ұл полза алыштырарбыс»*» (в данном случае речь идет о договоренности двух ханов об обмене детей в случае одновременного рождения в их семьях сына и дочери, здесь составителями книги дается пояснение о том, что у некоторых тюркских народов производили обряд обмена новорожденными детьми для укрепления дружбы, родства, а впоследствии их женили); «*тўж тўжү / толкование снов*» (с. 77): «*Азық пілән полды, шајы пілән полды, інді Қозы Көрпөң құп кіткәлі іттї. Інәзі айттї: „Тоқтағыл! мін тўш көрөін сінң кідәттән јолыңны!“ Пір јастық төрүнө таилады, аңа інәзі јатты. Інәзі јуқлап қалды. Көн јатқанда Қозы Көрпөң інәзі ојаттї. „Јаттың узақ“, тїдї, „мінң јорғымны қысқартпа!“ Інәзі турдұ, „ні қөрдүң інәм тўштө?“ Інәзі айттї тўж өг өн тўж үн*» (в данном тексте идет речь о широко распространенном у тюркских народов действе, когда специальные люди – толкователи снов, перед решающими событиями близких им людей специально (целенаправленно) ложились спать, чтобы увидеть сон, после его толковали, в тексте же мать Қозы Көрпөң видит сон о том, что желтая змея перегородила дорогу ее сыну, стоя черных волков собрались по дороге, по которому собрался в путь ее сын, это вселяет в нее страх, что запланированная дорога сына будет сложной,

неудачной, что в дороге ему встретится много препятствий).

Обращает на себя внимание также обилие в тексте слов, которые можно отнести к архаизмам (устаревшей лексике), что в современной речи заменены синонимами или историзмами – представляющими собой названия существовавших когда-то, но исчезнувших предметов, явлений человеческой жизни, которые не имеют синонимов в современном языке. К такой группе лексики можно отнести следующие слова:

- «күнәг (лит. тат. – кием) / одежда (рубашка)» (с. 57): «*Äli kiçü ũl күнәгін циң салды, су ыгаргалы киттї*» («Цонтаі Мәргән»), «*Кацты алардан, јалаң кўнәгї јоқ пір јолға кildi, пір ағац түбүндө олтурдў*», в некоторых говорах сибирских татар сохранился вариант данного слова – «көйләк» в смысле мужской рубашки;

- «қығылык / птица-крикун» (с. 59): «*Қан мал пöлүн пәрди, қалық пöлүн пәрди; малын әйдән қалығыбыла пу јігіт қацты, пір сунўң јанына кildi, ол сунўң јанында ікі қығылык јүрдў*» («Цонтаі Мәргән»), в тексте две птицы-крикуны оказываются двумя братьями Цонтая Мәргена, которые превратились в этих птиц;

- «ақ кік (лит. тат. – ак болан) / белый олень» (с. 66, 230): «*Ікі Қан ақ кік күдөргө киттїләр, аулап пардылар, кік үлтүрдүлөр, анан қаиттылар*» («Козы Көрпөц»), «*Кік әйдір-јат: „Синің сыјырың пар, пў сыјырның сүдү чықмыған чәнә тәрү поладыр тін үгүн кildim. Аның сүдүн пәр маңа, аның сүдүн пў паламға иңізәм ајағы јақшы полыр“*» («Jästäi Мөңкө»), в некоторых говорах сибирских татар «ак киек» имеет значение «белый марал»;

- «ат (лит. тат. – исем) / имя» (с. 68): «*Ақ Қанның үлүн Қозы Көрпөц, ат қoидылар, Қара Қанның қызын Пајан Сылу тән ададылар*» («Козы Көрпөц»), «ат» в значении – «исем» – имя используется в некоторых современных тюркских языках;

- «амыцқа (лит. тат. – карт) / старик» (с. 131): «*Тоқтамыш Қанның јуртўнда пір қарт амыцқа кiжi пар iдi, iртән мал пағып јүрүр iдi атпыла. Анда јүргөц амыцқа уқтў пір кiçкинә пала таужў*» («Idäğä Пі»);

- «калак (лит. тат. – кашык) – ложка; кыгыц (лит. тат. – каен тузыннан ясалған кашык) – ложка из бересты» (с. 69): «*Пала айттї: „Қалақтан иңмәймін, јімәймін“. Иңәз қыгыц пыла сұстў, пәрди*» («Козы Көрпөц»), форма «калак» в смысле «ложки» сохранилась в некоторых говорах татарского языка.

- «қара кіш (лит. тат. – кара кеи) / черный соболь» (с. 139): «*Тоқтамыш Қан ол сөзүн уғўп*

үстүнө тон салды иңдәгї түгү қара кіш тыжындағы кыбы алтын полды» («Idäğä Пі»);

- «Јаңак (лит. тат. саңак) – жабыры; қақнақ (тат. лит. капкач) – крышка» (с. 117): «*Јаңақны алып кiлiп јуртуна Қара Қанның қазанына қақнақ iдiп салып қoиды, үзүнўң үнө қаидып адазы амыцқаның јанында јуқлады*» («Мижәк Алып»);

- «цагы (лит. тат. – чакма таш) / огниво» (с. 192): «*Ағаларының кўцү пўттў, азық пўттў, цагы қалбады аларға*» («Кадыш Мәргән»).

В таких случаях требуется знание точного смысла слов или выражений, что усложняет перевод текста.

В текстах также часто встречаются имена фантастических предметов, существ (птиц, рыб, животных, злых существ (духов) и др.), которые в переводе на русский язык используются так же, без изменений, так как в русском языке не имеется аналогичных предметов или существ:

- «алты қулақлы кириәннән / корыто (блюде) с шестью ручками»: «*Ол қатын турды, алты қулақлы кириәннән этин ығарды, тастырған йәйди, Цан-Мәргәнни олтысты, ашатты*» (с. 240, «Цан-Мәргән»);

- «јан палық / рыба йан»: «*Айттї: „Маңа иң нәрсә кәрәк јоқ, јан палық тәгән јаңағы кәрәк“*» (с. 117, «Мижәк Алып»);

- «Цүцөлө қуш / птица Цуцулу»: «*Мижәк Алыпқа айтты Қара Қан: „Јан тәгән палықның јаңағы қақпаққа қiлiштi, iндi iclән қiтқiл! Цүцөлө тәгән қушнўң тәрәзін ап қiлiл!“*» (с. 119, «Мижәк Алып»);

- «цөгүрү – птица цыкун»: «*Түрпа таужў түгүл iкi цөгүрү јүдөп ығылдап турдў*» (с. 117, «Мижәк Алып»);

- «Jilbägän / Йилбаган» – злые существа, которые живут рядом с людьми и по-разному портят им жизнь, уводят их скот: «*Күннөрдө пір күнү үлү үлү парып малын көрдү, көрзө пір үр мал јок, Jilbägän кiлiп малын үрлап кiткән*» (с. 192, «Кадыш Мәргән»);

- «аштақа – аждаха» (дракон): «*Қушнўң палалары айттї: „Адабыс iнәбiс јоқ полды, пүгүнү күндө аштақа пiснi јiбәк күнү iдi, ада јоқта iнә полдын; iндi адабыс iнәбiс пүгүн пiснi аштақа јидi тән сықтап кiләр“*» (с. 118, «Мижәк Алып»).

Интересно, что у дастанных героев-богатырей сибирских татар рядом всегда находятся их верные спутники – лошади (так же как и в дастанах других тюркских народов). Они помогают герою в борьбе со злыми врагами, выручают из сложных ситуаций, поддерживают советом и др. В текстах встречаемся с изобилием лоша-

диных цветов-мастей а также их превосходных характеристик:

- «*ақ пос ад*» – белая (белогривая лошадь): «*Адаңның ақ пос ады пар; жүгөнү пар аның, іјәрї пар аның; адаңның шајы пар, қылыцы пар, саудағы пар, жыдазы пар*»;

- «*қара јорға*» – черная вороная лошадь: «*Қан аурудү, үң үлүн алдырып үңүзінә малын пөһүн пәрді, үзү минәттән қара јорғазын киңү үлүна Цонтаі Мәргәнә пәрді*» (с. 59, «Цонтаі Мәргән»);

- «*қанатлұ қар'ад*» – крылатый белоснежный конь: «*П-қыс турұп қанатлұ қар'адына мұндү, жігітні құдү артынан. Жігіт јіл жіпнәс жірән адына мұндү*» (с. 61, «Цонтаі Мәргән»);

- «*јіл жіпнәс жірән ад*» – рыжий конь, за которым ветер не может угнаться: «*Жігіт јіл жіпнәс жірән адына мұндү, қаидып қацты*» (с. 61, «Цонтаі Мәргән»);

- «*қула ат*» – буланый конь: «*Күннәрнің пир күнинә пу пала шол қула атын атланып қылыцын қырап, сұңқұсин сұрәтип сәпәр цықты*» (с. 244, «Тәмир-Алып»).

В них богатство и красота народной речи, умение увидеть прекрасное в окружающей природе, в отношениях человека и природы. Чтобы донести все богатство речи, требуется внимательное, бережное отношение к ней переводчика, кропотливая работа и знание диалектной лексики татар, проживающих в данных местностях, знакомство с многочисленными вариантами текстов фольклорных жанров.

Таким образом, опыт перевода представленных в книге фольклорных жанров на русский язык можно считать вполне успешным. По нашему мнению, сборник может быть интересен для самих барабинских татар, интересующихся фольклорным наследием своего народа, для исследователей-филологов, а также широкого круга русскоязычных читателей. При этом нужно отметить, что представленные тексты не могут претендовать на идеальный перевод. Логично, если работа в данном направлении будет иметь продолжение.

Отрадно, что опыт работы в этом направлении продолжается. Далее под руководством Ф. Ю. Юсупова осуществляется объемный проект – создание серии двуязычных книг «Сибирские татары: Из сокровищницы духовной культуры. Антология фольклора сибирских татар».

Первая книга из этой серии (автор-составитель Ф. Ю. Юсупов, научный редактор Ф. С. Сайфулина) [14, с. 648] состоит из 3 глав, которые вбирают в себя произведения трех фольклорных жанров: дастаны (эпический жанр), мунаджаты (произведения лиро-эпического жан-

ра религиозного содержания) и байты (произведения лиро-эпического жанра, посвященные трагическим судьбам, историческим событиям). Здесь представлены фольклорные тексты, собранные у сибирских татар, проживающих на территории вблизи устья рек Тобола и Иртыша (юг Тюменской области, Омская область). В конце текстов автор-составитель представляет справочный материал по каждому тексту, кем и когда был записан материал. Здесь основное место занимают Радловские тексты и представленные в сборнике «Образцы народной литературы...», присутствуют также произведения, записанные Ф. В. Ахметовой-Урманче, Х. Ярми, Ф. Юсуповым, что логично дополняет, расширяет представленный в книге материал.

Через год в этой серии издается книга «Йомаклар – Сказки» [15, с. 887]. В сборнике размещены более ста (105 единиц) сказок на языке его носителей и представлен перевод на русский язык. В разделе «Примечания» (Искәрмәләр, с. 835–880) автор-составитель Ф. Ю. Юсупов дает пояснения по поводу источника, включенного в сборник каждого произведения. По описанию в примечаниях видно, что первые 33 сказки взяты из коллекции фольклорного материала, собранного Радловым, присутствуют также сказки, записанные позже фольклористом Ф. В. Ахметовой-Урманче, диалектологами – Д. Г. Тумашевой, Л. В. Дмитриевой, Ф. Ю. Юсуповым, Г. Х. Ахатовым, М. Садри и другими собирателями. Тексты на русский язык переведены автором-составителем, а также преподавателем русского языка Б. Н. Сабировой.

В следующей книге Антологии собрано музыкальное наследие татарского народа, проживающего в Сибири [16, с. 896]. Здесь также материал представлен на двух языках, при этом присутствуют нотные записи к каждому произведению, что повышает ценность записанных произведений. Музыкальный фольклор представлен в разных жанрах: дастаны (эпические произведения, исполняющиеся в сопровождении определенной музыки), байты, лирические, протяжные, короткие песни. По тематике представлены объемные напевы (озын жырлар), солдатские песни, игровые, плясовые песни (уен-бию жырлары), короткие песни (кыска жырлар), а также инструментальные песни. Особо повышает ценность книг тот факт, что к каждому произведению приложена пояснительная записка, в которой зафиксирована информация о собирателе, месте и времени записи, а также об авторе музыки.

Подводя итоги по заявленной теме, можем сделать выводы об актуальности переводческой работы, она расширяет круг заинтересованных в

понимании содержательной стороны фольклорного материала, а также дает возможность исследования особенностей фольклорных жанров, предполагает сравнительный анализ материала. При этом такого рода работа требует внимательного, бережного отношения к диалектным особенностям языка, понимания различных нюансов речи. Деятельность Ф. Ю. Юсупова в организации проекта по переводу фольклорного наследия, зафиксированного учеными более ста лет назад, заслуживает поощрения и поддержки.

Исследования выполнено в рамках темы ФПСР-2/24.

Список источников

1. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Часть I: Поднарѣчія Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб., 1866. 420 с.
2. Кононов А. Н. В. В. Радлов и отечественная тюркология // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1971. С. 11.
3. Вайнштейн С. И., Кляшторный С. Г. В. В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1971. С. 20–31.
4. Тенишев Э. Р. В. В. Радлов – фонетист и грамматист // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1971 С. 32–41.
5. Щербак А. М. В. В. Радлов и изучение памятников рунической письменности // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1971. С. 56–57.
6. Юсупов Ф. Ю. Научная деятельность В. В. Радлова в становлении российской тюркологической науки (к 175-летию великого тюрколога России В. В. Радлова) // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4.
7. Сайфулина Ф. С. Алтай – Сибирь – Казань – Петербург: звездный путь великих тюркологов В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: «Наследие Н. Ф. Катанова: языки, история и культура тюркских народов России (к 150-летию со дня рождения)». Абакан: ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2012. 395. Б. 12–18.
8. Сайфулина Ф. С. Возвращаясь к трудам великих (к 175-летию академика В. В. Радлова) // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. Казань: 2012. № 2. 164–171.
9. Сайфулина Ф. С. Татарская литература Тюменского региона: история и современность: дис. ... д-ра филол. наук. Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. 374 с.
10. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Часть IV. Наречия барабинцев, тар-

ских, тобольских и тюменских татар. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1872. 411 с.

11. Ахметова Ф. В. По следам В. В. Радлова // Сибирские татары. Сборник статей. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 240 с.

12. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной сибирии и дзунгарской степи. Часть IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. Сост. Ф. Ю. Юсупов. Казань: Татарское книжное издательство, 2012. 519 с.

13. Юсупов Ф. Ю., Сайфулина Ф. С., Хисамов О. Р., Гумеров И. Г. Барабинские татары. Страницы духовной культуры. Казань: Казанский Университет, 2013. 668 с.

14. Сибирские татары: Из сокровищницы духовной культуры. Антология фольклора сибирских татар. Дастаны. Мунаджаты. Байты. Автор-составитель Ф. Ю. Юсупов, научный редактор Ф. С. Сайфулина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 648 с.

15. Сибирские татары: Из сокровищницы духовной культуры. Антология фольклора сибирских татар. Йомаклар – Сказки. Казань: Мәгариф-Вақыт, 2016. 887 с.

16. Сибирские татары: Из сокровищницы духовной культуры. Музыкаль мирас / Музыкальное наследие. Казань: Ак бүре, 2018. 896 с.

References

1. Radlov, V. V. (1866). *Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoi Sibiri i Dzungarskoi stepi* [Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungarian Steppe]. Chast' I: Podnarĕchiya Altaia: altaitsev, teleutov, chernovykh i lebedinskikh tatar, shortsev i sayantsev. 420 p. St. Petersburg. (In Russian)
2. Kononov, A. N. (1971). *V. V. Radlov i otechestvennaya tyurkologiya* [V. V. Radlov and Russian Turkology]. *Tyurkologicheskii sbornik*. P. 11. Moscow, Nauka. (In Russian)
3. Vainshtein, S. I., Klyashtorny, S. G. (1971). *V. V. Radlov i istoriko-etnograficheskoe izuchenie tyurkskikh narodov* [V. V. Radlov and the Historical- Ethnographic Study of the Turkic Peoples]. *Tyurkologicheskii sbornik*. Pp. 20–31. Moscow, Nauka. (In Russian)
4. Tenishev, E. R. (1971). *V. V. Radlov – fonetist i grammatist* [V. V. Radlov as a Phonetician and Grammarian]. *Tyurkologicheskii sbornik*. Pp. 32–41. Moscow, Nauka. (In Russian)
5. Shcherbak, A. M. (1971). *V. V. Radlov i izuchenie pamyatnikov runicheskoi pis'mennosti* [V. V. Radlov and the Study of Runic Writing Monuments]. *Tyurkologicheskii sbornik*. Pp. 56–57. Moscow, Nauka. (In Russian)
6. Yusupov, F. Yu. (2012). *Nauchnaya deyatel'nost' V. V. Radlova v stanovlenii rossiiskoi tyurkologicheskoi nauki (k 175-letiyu velikogo tyurkologa Rossii V. V. Radlova)* [V. V. Radlov's Scientific Activity in the Development of Russian Turkological Science (on the 175th anniversary of the great Russian Turkologist V.

V. Radlov)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. No. 4. (In Russian)

7. Saifulina, F. S. (2012). *Altai – Sibir' – Kazan' – Peterburg: zvezdnyi put' velikikh tyurkologov V. V. Radlova i N. F. Katanova* [Altai – Siberia – Kazan – St. Petersburg: the Star Path of the Great Turkologists V. Radlov and N. Katanov]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem: "Nasledie N. F. Katanova: yazyki, istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Rossii (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya)"*. Pp. 12–18. 395 p. Abakan, KhGU im. N. F. Katanova. (In Russian)

8. Saifulina, F. S. (2012). *Vozvrashchayas' k trudam velikikh (k 175-letiyu akademika V. V. Radlova)* [Revisiting the Works of the Great Scholars (on the 175th Anniversary of Academician V. V. Radlov)]. *Nauchnyi Tatarstan. Gumanitarnye nauki*. No. 2, pp. 164–171. Kazan'. (In Russian)

9. Saifulina, F. S. (2007). *Tatarskaya literatura Tyumenskogo regiona: istoriya i sovremennost': dis. ... d-ra filol. nauk* [Tatar Literature of the Tyumen Region: History and Modernity: Doctoral Thesis]. Kazan', Kazanskii gosudarstvennyi universitet im. V. I. Ul'yanova-Lenina, 374 p. (In Russian)

10. Radlov, V. V. (1872). *Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoi Sibiri i Dzungarskoi stepi* [Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungarian Steppe]. Chast' IV. Narechiya barabintsev, tarskikh, tobol'skikh i tyumenskikh tatar. 411 p. St. Petersburg, Tip. Imperat. Akad. nauk. (In Russian)

11. Akhmetova, F. V. (2002). *Po sledam V. V. Radlova. Sibirskie tatory* [In the Footsteps of V. Radlov. Siberian Tatars]. *Sbornik statei*. 240 p. Kazan', Institut istorii AN RT. (In Russian)

12. Radlov, V. V. (2012). *Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v yuzhnoi sibiri i dzungarskoi stepi* [Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungarian Steppe]. Chast' IV. Narechiya barabintsev, tarskikh, tobol'skikh i tyumenskikh tatar. Sost. F. Yu. Yusupov. 519 p. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

13. Yusupov, F. Yu., Saifulina, F. S., Khisamov, O. R., Gumerov, I. G. (2013). *Barabinskie tatory* [Baraba Tatars]. *Stranitsy dukhovnoi kul'tury*. Kazan': Kazanskii Universitet, 668 s. (In Russian)

14. *Sibirskie tatory: Iz sokrovishchnitsy dukhovnoi kul'tury* (2014) [Siberian Tatars: From the Treasury of Spiritual Culture]. *Antologiya fol'klora sibirskikh tatar*. Dastany. Munadzhaty. Baity. Avtor-sostavitel' F. Yu. Yusupov, nauchnyi redaktor F. S. Saifulina. 648 p. Kazan', izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

15. *Sibirskie tatory: Iz sokrovishchnitsy dukhovnoi kul'tury* (2016) [Siberian Tatars: From the Treasury of Spiritual Culture]. *Antologiya fol'klora sibirskikh tatar*. Iomaklar – Skazki. 887 p. Kazan', Məgarif-Vakyt. (In Russian)

16. *Sibirskie tatory: Iz sokrovishchnitsy dukhovnoi kul'tury*. (2018) [Siberian Tatars: From the Treasury of Spiritual Culture]. *Muzykal' miras - Muzykal'noe nasledie*. 896 p. Kazan, Ak byre. (In Russian)

The article was submitted on 10.08.2024

Поступила в редакцию 10.08.2024

Сайфулина Флера Сагитовна,
доктор филологических наук,
профессор,
ведущий научный сотрудник,
НОЦ стратегических исследований
в области родных языков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
fsaifulina@mail.ru

Насипов Ильшат Сахиятуллович,
доктор филологических наук,
профессор,
Башкирский государственный
педагогический университет
им. М. Акмуллы,
450077, Россия, Республика Башкортостан, Уфа,
Октябрьской революции, 3-а.
nasipov2004@rambler.ru

Saifulina Flera Sagitovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Leading Researcher at the Research Center
for Strategic Research in the Field of Native
Languages and Cultures,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
fsaifulina@mail.ru

Nasipov Ilshat Sakhiyatullovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Akmulla Bashkir State Pedagogical University,
3-a October Revolution Str.,
Ufa, 450077, Republic of Bashkortostan, Russian Federation.
nasipov2004@rambler.ru

УДК 82,0

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-256-261

ПОРТРЕТНЫЙ КОД В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ДАМА С СОБАЧКОЙ»

© Айгуль Салахова

PORTRAIT CODE IN ANTON CHEKHOV'S SHORT STORY "THE LADY WITH THE DOG"

Aygul Salakhova

The article describes a special verbal-visual narrative, realized in Anton Chekhov's short story "The Lady with the Dog". In particular, the article focuses on the portrait code, which was first selected by the method of complete sampling and substantiated by the methods of contextual and phenomenological analysis. The visual allegory allows us to build up the integral semantic reality, described in the study with the help of the phenomenological concept of ekphrasis. Recognizing the text-forming role of the title, the author initially turns to a direct analysis of the position of the text absolute nature, revealing a method of prospection for the introduction of figurative discourse. The structure and semantics of the title of the story by Anton Chekhov obviously repeat the structure of the name of the secular female portrait, which is later realized in the dynamic system of the literary text. The article notes that the understanding of the art space as a communicative process allows us to consider the ekphratic units in "The Lady with the Dog" as coded messages or visual narratives that require a special algorithm and culture of interpretation. Particular attention is paid to the specific data of the figurative discourse, received and reconstructed in the prose statement; at the same time, the data of the proposed interpretation do not contradict the ideas existing in Chekhov studies about the usual forms of the psychological portrait in Russian realistic prose; the data of the two types of discourse are distinguished by the author.

Keywords: literary text, ekphrasis, Anton Chekhov, "The Lady with the Dog", portrait code, visual allegory

В статье описан особый вербально-визуальный нарратив, реализованный в тексте рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой». Автором установлен и обоснован портретный код, данные которого впервые отобраны методом сплошной выборки и проанализированы с помощью методов контекстуального и феноменологического анализа. Выявлено, что визуальная иносказательность позволяет выстроить целостную смысловую реальность, описанную в исследовании с помощью феноменологического понятия экфрасис. Признавая текстообразующую роль заголовка, автор изначально обращается к непосредственному анализу позиции абсолютного начала текста, выявляя способ проспекции для введения живописного дискурса. Структура и семантика названия рассказа А. П. Чехова очевидно повторяют структуру названия светского женского портрета, что в дальнейшем реализуется в динамической системе художественного текста. Отмечено, что понимание пространства искусства как коммуникативного процесса позволяет рассматривать экфрасистические единицы в «Даме с собачкой» как закодированные сообщения или визуальные нарративы, требующие для своего прочтения особого алгоритма и культуры интерпретации. Особое внимание уделено конкретным данным живописного дискурса, рецептируемым и реконструируемым в прозаическом высказывании; при этом данные предлагаемой интерпретации не противоречат имеющимся в чеховедении представлениям о привычных формах психологического портрета в русской реалистической прозе, данные двух дискурсов разграничены автором.

Ключевые слова: художественный текст, экфрасис, А. П. Чехов, «Дама с собачкой», портретный код, визуальная иносказательность

Для цитирования: Салахова А. Портретный код в рассказе А. П. Чехова «Дама с собачкой» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 256–261. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-256-261

Одним из устоявшихся представлений о чеховском творчестве является выдвинутый им самим принцип «чеховского ружья», в образной форме утверждающий принцип драматургического, прежде всего повествования, каждый элемент которого отвечает критерию необходимости в рамках художественного целого. На эту же семантическую наполненность мельчайших элементов чеховского эпического текста прямо указывает В. Набоков при анализе рассказа «Дама с собачкой» с своих «Лекциях по русской литературе». «Сразу замечаешь магию деталей» [1, с. 359], – говорит он, подробно анализируя не только «проблеск чеховской системы передавать обстановку наиболее выразительными деталями природы» [Там же, с. 361], но и систему персонажей, погрязших в мире пошлости, которая то и дело пробивается в житейских частностях. Однако вне критического разбора остается тот факт, что рассыпанные по тексту детали объединены общим семантическим кодом, по нашему глубокому убеждению, прямо заявленном в заголовке рассказа.

Заголовок, будучи формально локализован в позиции абсолютного начала текста, образует сильную семантическую позицию. При этом вслед за Л. М. Кольцовой следует указать на тот факт, что «пока еще в лингвистике, поэтике, стилистике нет каких-либо концептуальных подходов к тому элементу, компоненту структуры текста, который мы определили как „позиция начала“. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что существует множество слов, но нет термина для обозначения этого явно ощущаемого, „имеющего место быть“ компонента, „заголовочного комплекса“, как, например, „дебют“, „заход“, „зачин“, „лид (lead)“, „начало“, куда заголовки входят основной составляющей частью» [2, с. 9]. Важно подчеркнуть, что сам А. П. Чехов предъявлял конкретные требования к заглавиям и наряду с простотой и благозвучностью настаивал, «чтобы заглавие строго отвечало содержанию, не заставляло ожидать того, чего автор не даст ему» [3, с. 172]. Таким образом, верным оказывается и предположение, что заголовок может служить в некотором смысле ключом к будущему повествованию.

Заголовок анализируемого чеховского рассказа «Дама с собачкой» прямо соотносит его с живописной портретной традицией (заложенной эпохой Ренессанса), повторяя и саму структуру названия: номинация центрального объекта изображения и атрибута (например, «Дама с горностаем» (1489–1490) Леонардо да Винчи или «Дама с единорогом» (1504–1506) Рафаэля Санти, не писавшего на портрете, однако, ни собачку, ни

единорога, в которого она превратилась позднее). Сразу подчеркнем, что А. П. Чехов отказывается от прямой номинации изображаемой женщины в названии собственного произведения, наследуя конкретной живописной традиции, предполагающей сокрытие имени дамы в связи с ее неофициальным статусом в жизни заказчика (к которой можно отнести и картины «Портрет дамы с собачкой» (1595) Лавиния Фонтана, а также картину «Дама в желто-красном платье и собачка» середины XVII в. Самюэля ван Хогстратена и мн. др.). При этом традиция портретирования дам с их питомцами гораздо богаче, однако подавляющее большинство таких портретов содержат прямые указания имен изображенных героинь («Элеонора Гонзага делла Ровере» (1536–1537) Тициана, «Портрет Генриетты Английской, герцогини Орлеанской» (1664) Пьера Миньяра, «Шарлотта Мекленбург-Стрелицкая» (1781) Томаса Гейнсборо, «Портрет Сары Бернар» (1876) Жоржа Клерена, «Портрет княгини Зинаиды Юсуповой» (1902) Валентина Серова и др.). Жанровая живопись также изображает сцены из жизни дам и их питомцев, однако и в таком случае название по структуре связывает живописное высказывание либо с документальным принципом (приведем в пример «Праздничный день в Брайтоне» (ок. 1875–1878) Джеймса Тиссо, «Отправление на прогулку («Ты выйдешь со мной, Фидо?»)» (1859) Альфреда Стевенса), либо с аллегорическим («В глубокой задумчивости» (1916) Альфреда Стевенса).

Рецепция живописной традиции портретирования дамы инкогнито, безусловно, обусловлена незаконностью связи главных героев рассказа А. П. Чехова, последовательно раскрывающейся в сюжете «Дамы с собачкой». Таким образом, живописный код позволяет не только обозначить дискурс тайной связи (функция перспективы), но и живописный дискурс портрета тайной возлюбленной (референтивная функция).

В процессе контекстуального анализа «Дамы с собачкой» методом сплошной выборки нам удалось установить 24 текстовый фрагмент, содержащий описание внешности главных героев, а также второстепенных персонажей. Большинство фрагментов относится к описанию внешности главной героини – Анны Сергеевны (17 фрагментов), «портретируемой» ключевым наблюдателем Гуровым, в восприятии которого очевидную роль играет поэтика аллюзий и реминисценций произведений изобразительного искусства, названных прямо («точно *грейнища на старинной картине*» [4, с. 163]) либо декодируемых. Подобная частотность данных портрета главной героини (71 % от общего числа) под-

тверждает первоначальную гипотезу о портретном коде рассказа, указанном в заглавии и последовательно формирующем визуальную индизказательность. Стоит отметить, что наружность самого «художника» описана подчеркнуто скупо (4 фрагмента), однако вернемся к этому позже.

Прежде всего, стоит указать, что все эти описательные единицы последовательно формируют три разных портрета Анны Сергеевны. Чеховым даны не только описания «изображаемого», но и точка зрения смотрящего, а также условные «названия» данных вербальных «полотен». Границей между ними служит не только содержание конкретного портрета (детали, за редким исключением, не кочуют из одного портрета в другой), но и способ номинации изображаемого лица.

В начале рассказа перед нами собирательный «Портрет неизвестной дамы», сопровождаемый милым питомцем: в хрестоматийной чеховской экспозиции прямо использованы и портретная номинация «на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой» [Там же, с. 159]. Учитывая, что и дальнейшее описание внешности Анны Сергеевны последовательно ограничено верхней частью тела, автор посредством двух значений слова «лицо» («передняя часть головы человека» и «особа, человек» [5, с. 266]) сумел передать и особенный взгляд наблюдающего. Гуров словно помещает живого человека, женщину, в рамки «картины» (портрета).

На протяжении первой и части второй главы посредством последовательного упоминания и повторения ряда деталей (молодость, светлые волосы, невысокий рост, берет, подбоающие платье и прическа, тонкая шея и красивые серые глаза) читателю как будто доступно условное поясное изображение героини. При этом описание движется от объективных характеристик (возраст, цвет волос, габариты) к персонифицирующим деталям; связность и цельность реконструируемого образа обеспечивается повтором единиц между фрагментами («...блондинка, в берете; за нею бежал белый шпиг <...> ... одна, все в том же берете с белым шпигем <...> дама в берете...» [4, с. 159–160]). Таким образом, данная «система статических мотивов», замедляющих повествование [6, с. 246], призвана реконструировать портретное изображение неизвестной дамы, за которой наблюдает Гуров, что сближает описанный комплекс единиц с экфрасическими описаниями.

Оговоримся, что экфрасис в литературе XIX–XX вв., по замечанию известного исследователя последнего, Л. Геллера, являет собой «образ не картины, а видения, постижения картины» [7, с. 10]. Другими словами, экфрасис представляет

собой результат восприятия визуального объекта с позиции конкретного наблюдателя. Точно так же и фрагменты начальных сцен рассказа реконструируют опредмеченный, как правило, сознанием самого Гурова образ ялтинской незнакомки. Представляется возможным установить и направление взгляда героини данного «портрета», что является значимой семантической единицей на каждом портретном изображении, отделяющей античную традицию профильного изображения, а также средневековую традицию (где лики святых и меценатов-дарителей отличались именно типом портретного изображения) от светской традиции Возрождения. Взгляд «портретируемой» пристальным наблюдением Гурова дамы с собачкой почти всегда не направлен на наблюдателя («он встречал ее», «взглянула и тотчас опустила глаза», «кивнула головой», «не глядя на него», «смотрела в лорнетку на пароход» [4, с. 159–162]). При этом, как очевидно из уже приведенных примеров, для анализируемого «Портрета дамы» характерна движущаяся композиция, которая создается указаниями на движение самой героини и ее питомца («прошла <...> за нею бежал белый шпиг» [Там же, с. 159], «подходила не спеша», «походка» [Там же, с. 160], «пошли рядом» [Там же, с. 161]); ее мимические реакции («Ее выражение <...> говорили ему <...>, что ей скучно здесь» [Там же, с. 160], «когда обращалась к Гурову, то глаза у неї блестяли» [Там же, с. 162]). И только в воспоминаниях Гурова в конце первой главы создается иллюзия, что дама с собачкой, повернувшись (указание на шею), и установила с ним зрительный контакт (указание на цвет глаз), однако в начале второй главы Анна Сергеевна действительно смотрит на Гурова, подмечающего уже не цвет, а блеск ее глаз.

Именно через эту деталь – блеск глаз женщины – портретный экфрасис как индивидуальная и отличная от авторской точка зрения, заключающая в себе индизказательность, становится, по нашему глубокому убеждению, инструментом создания подтекста. Все четыре главы рассказа содержат характеристики глаз Анны Сергеевны, подмеченные Гуровым, определяя не только эволюцию чувств женщины, вовлеченной в стихию любовной связи, но и субъектную организацию нарратива в «Даме с собачкой». Так, отводимый взгляд в первой главе сменяет блеск глаз во второй, где они блестят то от радости, то от слез («если бы не слёзы на глазах» [Там же, с. 163]), сменяющихся к концу главы грустью («не плакала, но была грустна» [Там же, с. 165]), которая в третьей главе вырастает («по глазам ее было видно, что она в самом деле не была сча-

стлива...» [Там же, с. 171]), и, наконец, в финальной главе Анна Сергеевна отчаянно прячет заплаканные глаза («...плакала. Отвернулась от него и прижала платок к глазам» [Там же, с. 172]). Очевидно, что чеховская портретная деталь подробно передает эмоциональное состояние героини, не способной противиться чувству, описанному, однако не прямо, а посредством взгляда внешнего наблюдателя. В отличие от гуровских переживаний, переданных посредством внутренней речи персонажа.

В кульминационной сцене второй главы А. П. Чехов использует прямое сравнение героини с изображением грешницы «на старинной картине» [Там же, с. 163]. При этом упомянутая деталь («по сторонам лица висели длинные волосы» [Там же]) позволяет установить в данном фрагменте скрытый экфрасис образа Марии Магдалины в традиции западноевропейского искусства. Мы имеем в виду распространенное изображение обнаженной женщины с распущенными волосами, инспирированное шедевром Боттичелли «Рождение Венеры» (1485). Именно такой знаменитая грешница предстает на гравюре А. Дюрера (1505), в статуе Г. Эрхардта (1515), на триптихе Яна ван Дорнике (1518), на ранней картине Тициана (1532), на полотне Джампьетрино (1508–1549). Любопытно, что две другие детали «Портрета грешницы» косвенно реконструируют иконографический образ православной Марии Египетской, мы имеем в виду опустившиеся и завявшие черты лица и свечу, освещающую последнее. В этой же сцене Чехов последний раз называет главную героиню «дама с собачкой».

В заключительной главе рассказа А. П. Чехова героиня, последовательно называемая по имени, «портретирована» в интерьере «Славянского базара» с помощью нескольких деталей, с одной стороны, словно бы унаследованных из предыдущих частей истории, с другой – парадоксально сближающих данный образ одновременно с импрессионистской традицией призрачности вещи и с камерными портретами рубежа XIX–XX вв., где пространство наполнялось «околичностями», являясь семантически наполненным.

Так, монохромная цветовая палитра финального «портрета» («серое платье», «бледная» [Там же, с. 172]) роднит его с серым цветом города С. На символическом уровне подчеркивается неспособность порвать связи с этим местом, привязанность к провинциальной серости, преследовавшей Гурова во время его визита. Кроме того, слезы на глазах и скрытый платком взгляд Анны Сергеевны создают своеобразную «рифмовку» с ее образом в самом начале сюжета.

При этом, следуя импрессионистской живописи, в данном «Портрете Анны Сергеевны» Чехов передал способность к мгновенному изменению через динамические ракурсы композиции портрета («Анна Сергеевна <...> поджидала его со вчерашнего вечера <...> едва он вошел, как она уже припала к его груди <...>, поцелуй их был долгий, длительный <...> она не могла говорить, так как плакала. Отвернулась от него...» [Там же, с. 172]). Импрессионистские метаморфозы, отражающие быстротекущую жизнь, переданы автором также с помощью элементов живописного кода, когда Гуров видит в зеркале, что «голова его уже начала седеть» [Там же, с. 173], а уже в следующем абзаце «голова его стала седой» [Там же], а также обозначены метафорически через «сострадание к этой жизни, еще такой теплой и красивой, но, вероятно, уже близкой к тому, чтобы начать блекнуть и вянуть» [Там же]. Общее настроение импрессионистской живописи, где световоздушная среда стирала границы между предметами, характерна для описания интерьера гостиничного номера, в котором Чехов упоминает лишь окно, кресло и зеркало. Даже неперенные многочисленные атрибуты русского ритуала чаепития (сахар, варенье, фрукты и т. п.) редуцированы до номинации напитка.

Привлекает внимание необычная композиция пространства: отвернувшись от Гурова, сидящего в комнате, Анна Сергеевна стоит у окна (оконная рама – это еще один визуальный образ портретного кода. – А. С.), однако, когда Гуров подходит к ней и берет за ее плечи, «в это время он увидел себя в зеркале» [Там же, с. 172]. Эффективно в таком случае его взгляд должен быть направлен внутрь комнаты, однако положение рук на плечах любимой женщины, на первый взгляд, вносит очевидное противоречие. В следующем абзаце, который представляет собой внутренний монолог Гурова, одновременно рассматривающего признаки собственного старения и размышляющего о бренности жизни и настоящей любви, содержится прямое указание, что поза неизменна («плечи, на которых лежали его руки» [Там же, с. 173]). Таким образом, гуровский «автопортрет» оказывается вписан в «Портрет Анны Сергеевны» благодаря зеркалу. Этот тонкий живописный прием позволяет нам установить еще один пример скрытого композиционного экфрасиса картины Яна ван Дейка «Портрет четы Арнольфини» (1434), знаменитого портрета зажиточного семейства в интерьере, в центре которого находится зеркало, отражающее самого художника. Фигуры мужа и жены на портрете изображены с соединенными руками, а у их ног

вертится маленькая собачка. Чеховский экфрасис воспроизводит шедевр фламандского живописца в формате условного сравнения, повторяя этот прием вербально (*«они любили друг друга, как очень близкие, родные люди, как муж и жена, как нежные друзья»* [Там же]), однако оставляя шпича за скобками повествования.

Внешность Гурова, описанная до этой сцены крайне скупо и автопортретированная в самом конце истории, не только не является предметом изображения, но и служит антитезой портретной галерее образов Анны Сергеевны. Погруженный в свои переживания, Гуров «пишет» все новые «портреты» своей дамы, динамика чувств которой объективируется его взглядом. Таким образом, А. П. Чехов вновь разделяет два мира – мужской и женский: мир чувств женщины передан глазами влюбленного в нее мужчины через ее внешние преобразования. Стоит подчеркнуть, что сохраняется суверенность и несинхронность переживаемого Анной Сергеевной, что многократно подчеркнуто автором. Так, хрестоматийная получасовая «арбузная» трапеzia только по звуку соответствует слезам раскаяния Анны Сергеевны после ее, как она думает, грехопадения, реконструируя мир пошлости и мещанства, о чем рассуждает В. Набоков, на которого мы ссылались выше. Сильнейший эмоциональный порыв, вынуждающий Гурова уехать в город своей тайной возлюбленной, подчеркнут Чеховым с помощью пунктуации (*«сказав жене, что уезжает в Петербург хлопотать за одного молодого человека – и уехал в С.»* [Там же, с. 168]), однако никак не отражен в поведении Анны Сергеевны, с великим трудом сдерживающей себя при встрече в театре, подобно ее тезке Карениной в сцене скачек.

В заключение отметим, что среди экфрастических единиц рассказа «Дама с собачкой» присутствуют и портреты обманутых супругов. В условном портретном «диалоге» черты их искажены за счет преувеличения, и оба они изображены с упоминанием деталей-оценок, их характеризующих. Подобное шаржевое изображение вновь дано с позиции Гурова. Обратим внимание, что оба персонажа обнаруживают не только физическое сходство – высокие люди, лишенные гармоничности (неизящная дама и лакей), но и физически непривлекательные черты, противопоставляющие их и одновременно утрирующие визуальную комичность обоих образов (женщина с темными бровями и лысый мужчина с бакеннами). Принципиальным отличием обоих экфрастических описаний является то, что образ жены Гурова воспроизводится по воспоминаниям, тогда как портрет мужа «пишется по-живому».

Очевидна шаржевая техника изобразительного искусства в обоих случаях, порождающая визуальные стереотипы (некрасивая жена и нелепый муж).

В настоящей работе был исследован портретный код рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой», установлены единицы корпуса, их семантика и функция внутри художественного высказывания. По нашему глубокому убеждению, созданный на рубеже XIX–XX вв. текст наглядно демонстрирует внедрение новых способов письма, когда монтажная композиция актуализирует экфрастические описания, не мотивированные непосредственным повествованием. Стоит отметить, что текст рассказа содержит и традиционные для русской реалистической прозы примеры психологического портретирования (типологическое сходство с толстовской сценой было отмечено нами выше. – А. С.), а также приемы гротескного портрета-сравнения, что сближает его с предшествующей традицией.

Список источников

1. Набоков В. В. Лекции по русской литературе. СПб.: АЗБУКА-КЛАССИКА, 2010. 448 с.
2. Кольцова Л. М. Заголовок в структуре художественного текста // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2007. № 2. С. 6–19.
3. Семанова М. О чеховских заглавиях // Звезда. 1960. № 1. С. 171–174.
4. Чехов А. П. Дама с собачкой // А. П. Чехов. Избранные произведения: в 3 т. Повести и рассказы 1897–1903. Т. 3. М., 1971. С. 159–173.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. М.: РИПОЛ классик, 2006. Том 2. И–О. 784 с.
6. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-Пресс, 1999. 334 с.
7. Геллер Л. Воскрешение понятия, или слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума. М.: МИК, 2002. С. 5–22.

References

1. Nabokov, V. V. (2010). *Leksii po russkoi literature* [Lectures on Russian Literature]. 448 p. St. Petersburg, AZBUKA-KLASSIKA. (In Russian)
2. Kol'tsova, L. M. (2007). *Zagolovok v strukture khudozhestvennogo teksta* [A Book Title in the Structure of the Literary Text]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*. No. 2, pp. 6–19. (In Russian)
3. Semanova, M. (1960). *O chekhovskikh zaglaviyakh* [On Chekhov's Titles]. *Zvezda*. No. 1, pp. 171–174. (In Russian)
4. Chekhov, A. P. (1971). *Dama s sobachkoi* [The Lady with the Dog]. Chekhov A. P. *Izbrannye proizvedeniya: v 3 tomakh. Povesti i rasskazy 1897–1903*. T. 3, pp. 159–173. Moscow. (In Russian)

5. Dal', V. (2006). *Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 tomakh* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Tom 2. I–O. 784 p. Moscow, RIPOL klassik. (In Russian)

6. Tomashevskii, B. V. (1999). *Teoriya literatury. Poetika* [Theory of Literature. Poetics]. 334 p. Moscow, Aspekt-Press. (In Russian)

7. Geller, L. (2002). *Voskreshenie ponyatiya, ili slovo ob ekfrasise* [The Resurrection of the Concept, or the Word on the Ekphrasis]. *Ekfrasis v russkoi literature: trudy Lozannskogo simpoziuma*, pp. 5–22. Moscow, MIK. (In Russian)

The article was submitted on 28.08.2024

Поступила в редакцию 28.08.2024

Салахова Айгуль Рестамовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Нанкинский университет,
Кафедра русского языка,
Высшая школа иностранных языков
Нанкинского университета
Авеню Сянлин, д. 163
г. Нанкин, 210023, Китай
aygul.salahova@gmail.com

Salakhova Aygul Restamovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Nanjing University,
Department of Russian
School of Foreign Studies
Nanjing University
163 Xianlin Avenue
Nanjing, 210023, China
aygul.salahova@gmail.com

УДК 821

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-262-268

НАЦИОНАЛЬНОЕ, МАССОВОЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В РОМАНЕ А. ГАНИЕВОЙ «ЖЕНИХ И НЕВЕСТА»

© Елена Серебрякова

NATIONAL, MASS AND GENERAL HUMAN FEATURES IN A. GANIEVA'S NOVEL "BRIDE AND GROOM"

Elena Serebryakova

The aesthetic position of Alisa Ganieva is close to that of the "new realists" generation (Z. Prilepin, R. Senchin, S. Shargunov, D. Gutsko and G. Sadulaev) who recorded the feeling of a deep modern culture crisis in prose. Turning to the traditional themes of a national character and a folk hero in Russian prose, the writers introduce new connotations into their interpretations. Soviet writers (Ch. Aitmatov, V. Rasputin, R. Gamzatov, etc.) interpreted mythology and folklore as part of the people's historical experience, passed on from generation to generation rationally and meaningfully. Modern writers are focused on identifying archetypes of mass consciousness that are inherited unconsciously and give rise to neomyths. Alisa Ganieva's novel "Bride and Groom" (2015) is based on the ancient version of the androgyne myth. At the same time, the author transforms all elements of mythopoetics. The plot of the novel is structured as the movement of the characters towards each other and its logical outcome – a wedding. However, the ending is rethought: the wedding does not happen. A harmonious worldview, typical of mythological consciousness, is unattainable; the world appears to be illogical, and happiness is unattainable. This interpretation of the myth reflects the author's perception of folk and mass cultures. In the novel, people's consciousness is presented as mythological, the one which is irretrievably lost. Modern mass culture is shown as a distorted copy of mythological consciousness – a quasi-myth, in which the formal properties of myth are preserved but its content is emasculated. In mass consciousness, the essential properties of the archaic worldview are deformed: the harmony of man and the cosmos, the intra-clan unity, the cyclical nature of time stages as the law of cosmic renewal, the festive and carnival components are distorted. The result is a quasi-myth of a consumer society devoid of national characteristics but actively exploiting the ethnic component. Universal human values – love, pursuit of happiness, family based on spiritual closeness, search for truth – are represented by constants of existence that are not subject to time and fashion.

Keywords: Alisa Ganieva, novel "Bride and Groom", mythological consciousness, quasi-myth

Эстетическая позиция Алисы Ганиевой близка поколению «новых реалистов» (З. Прилепин, Р. Сенчин, С. Шаргунов, Д. Гуцко, Г. Садулаев), зафиксировавших в прозе ощущение глубокого кризиса современной культуры. Обращаясь к традиционным для русской прозы темам национального характера и народного героя, литераторы вносят в их трактовку новые коннотации. Советские литераторы (Ч. Айтматов, В. Распутин, Р. Гамзатов и др.) осмысливали мифологию и фольклор как часть исторического опыта народа, передающегося от поколения к поколению рационально и осмысленно. Современные писатели сосредоточены на выявлении архетипов массового сознания, наследуемых бессознательно и порождающих неомифы. Роман Алисы Ганиевой «Жених и невеста» (2015) базируется на античной версии мифа об андрогине. При этом автор трансформирует все элементы мифопоэтики. Сюжет романа построен как движение героев навстречу друг к другу и закономерному итогу – свадьбе. Однако финал переосмыслен: свадьбы не происходит. Гармоничное мировосприятие, типичное для мифологического сознания, недостижимо, мир предстает алогичным, счастье недостижимым. Такая трактовка мифа отражает авторское восприятие народной и массовой культур. Народное сознание представлено в романе как мифологическое, безвозвратно утерянное. Современная массовая культура представлена как искаженная копия мифологического сознания – квазимиф, в котором формальные свойства мифа сохраняются, но выхолащивается его содержание. В массовом сознании деформированы сущностные свойства архаического мироощущения: гармония человека и космоса, внутривидовое единство, цикличность временных этапов как закон космического обновления, искажен празднично-карнавальный компонент. Результатом оказывается квазимиф потребительского общества, лишенный национальных признаков, но активно эксплуатирующий этническую составляющую. Общечеловеческие ценно-

сти: любовь, стремление к счастью, семья на основе духовной близости, поиск истины – представлены константами бытия, неподвластными времени и моде.

Ключевые слова: Алиса Ганиева, «новые реалисты», роман «Жених и невеста», мифологическое сознание, квазимиф

Для цитирования: Серебрякова Е. Национальное, массовое и общечеловеческое в романе А. Ганиевой «Жених и невеста» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 262–268. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-262-268

Выявление своеобразия трактовки национальной идентичности в современной литературе предполагает сравнение с предшествующим художественным опытом, тем более в том случае, когда речь идет о «новых реалистах», сознательно ориентирующихся на реалистическую эстетику, в которой традиционно осваивались темы национального характера и народного героя. Советское художественное и философское сознание трактовало идентичность, личностную и коллективную (в том числе и народную), как многоуровневую систему, основу которой составляет субъектность – не подвластная деформациям ядро народного самосознания, базовые ценностно-мировоззренческие основания, поведенческие модели и способы объяснения себя и мира. Официальная марксистско-ленинская идеология, исходя из учения о базисе и надстройке, разрабатывала концепцию наднациональной идентичности советского человека, разнообразной по этническим формам, но социалистической по содержанию. В этом уточнении сохраняется представление о наличии ядра и вариативных свойств идентичности.

Что составляет основу субъектности? Советские литераторы включали в нее различные компоненты: язык, историческую память, религиозно-нравственные основания, обязательным элементом считались традиции. Традиции понимались как сложная система коллективных представлений о мире и человеке, в которых запечатлена история, философия, этика, представления народа о прекрасном. Мифология и национальный фольклор мыслились как неотъемлемая часть исторического опыта, определяющая уровень традиционализма в национальном самосознании. Соответственно, деформация традиций, включая забвение мифологии и фольклора, осмысливалась как угроза разрушения национального характера. Мифопоэтика для Ч. Айтматова, Ф. Искандера, В. Распутина и многих других была способом поэтизации исконно народной модели мира и человека.

«Новые реалисты» (З. Прилепин, Р. Сенчин, С. Шаргунов, Д. Гуцко, Г. Садулаев, А. Ганиева и др.) пришли в литературу с ощущением глубокого и всеохватного кризиса современной куль-

туры. Солидаризируясь с предшественниками в осмыслении традиционных ценностей как ядра народного характера, художники сосредоточились на выявлении вариативных свойств национальной идентичности. Динамика ценностных доминант, поведенческих и дискурсивных практик определяется литераторами как интенсивный процесс, требующий художественного анализа. Использование в текстах мифологического кода для характеристики национального сознания сохраняет статус традиционного приема (В. Медведев «Заххок», Р. Сенчин «Елтышевы», З. Прилепин «Грех» и др.). Однако внимание писателей смещается с мифа как системы традиционных ценностей, наследуемых поколениями рационально и осмысленно, на коллективное бессознательное – архетипы, тиражируемые в неомифах массовой культуры.

Кавказская проза А. Ганиевой («Салам тебе, Далгат!», «Праздничная гора», «Жених и невеста») встроена в общий ряд текстов «новых реалистов». Социальная заостренность проблематики, аналитизм авторской мысли, восприятие действительности в ее противоречивом многообразии, граничащем зачастую с абсурдом, – общие свойства поэтики поколения. В этой картине мира миф позволяет автору высказаться о сложном симбиозе старого и нового в сознании современника, обнаружить древность в новом, выявить уродливую деформацию исконных начал бытия.

В сюжетно-фабульную основу книг А. Ганиева зачастую закладывает миф: в повести «Салам тебе, Далгат!» обыгрывается сюжет о поиске юношей учителя, старшего наставника. В «Праздничной горе» фундаментом является миф о вечном возвращении и утраченном «золотом веке».

При этом, обильно насыщая прозаическую ткань мифологическими мотивами, символами, внедряя архетипы в структуру образов и сюжетов, автор придает им принципиально иной, отличный от архаического мифа, смысл, трансформирует все элементы мифопоэтики. Ориентация на миф при деформации мировоззренческих оснований мифа создает псевдо- или квазимифологическую поэтику текстов А. Ганиевой. Задача данной статьи – выявить механизмы фор-

мирования квазимифопоэтики на примере романа «Жених и невеста» (2015).

Жанровая всеядность романа позволяет органично соединить в художественной ткани «Жениха и невесты» различные модели: семейно-бытовой, воспитательный, ориентальный, античный любовный романы, базой является миф об андрогине.

Сюжет о первопредке людей – андрогине, изначально соединяющем в себе признаки обоих полов и впоследствии разделенном богами на мужчину и женщину, встречается в мифологии многих народов. Ганиева использует античную версию мифа, по которой Эрос, бог любви, соединяет разделенные половинки андрогинов. Влюбленные, таким образом, являют собой восстановленную целостность человека, его гармоничный вариант. Исходная позиция соответствует основной теме книги – любовной истории главных героев. В античном романе влюбленные на пути к совместному счастью преодолевают множество испытаний и приходят к счастливому финалу. Их свадьба закономерна: предназначенные друг другу половинки целого соединяются, поскольку в этой любви реализуется космическая рациональность, порядок и гармония.

Основные элементы мифологического сюжета сохранены Ганиевой. Знакомству главных героев предшествуют встречи с предполагаемыми претендентами на руку и сердце. Многочисленные «не те» отторгаются молодыми людьми, а их знакомство представлено как мгновенное узнавание «своего» человека, предначертанного судьбой. Сюжет строится как движение героев навстречу друг к другу и закономерному итогу – бракосочетанию. Марату и Пате помогают советники, образы которых восходят к архетипам «мудрого старика» и «мудрой старухи»: Халилбек и бабушка героини. Заключение жениха под стражу в день свадьбы происходит по доносу отвергнутой женщины, что соотносимо с эпизодом кражи одного из влюбленных.

Однако автор переосмысливает традиционный финал: закономерного итога сюжетных перипетий – свадьбы – в тексте не происходит. Трансформация деформирует логику мифа: законы бытия предстают алогичными, мир дисгармоничным, счастье эфемерным.

Такое прочтение мифологического сюжета отражает авторское восприятие народной и массовой культур. Сутью народного сознания видится базирующееся на мифе восприятие жизни. Современная массовая культура представлена как искаженная копия мифологического сознания – квазимиф. Сопоставление народного сознания и современного выдержано в бинарной ло-

гике: прошлое – современность, карнавалыно-праздничное – псевдопраздничное мироощущение.

Поселок, в котором разворачиваются события, являет собой маргинальное образование: он заселен представителями разных этносов, «*без горского сознания, но не адаптированных и к европейскому типу*» [1], не сплотившихся в один народ ни на языковой, ни на исторической основе. Началом всех бед представлено сталинское переселение народов, искорежившее традиционный уклад жизни, историческую память, язык как основу самосознания. Итогом мировоззренческой деформации стала архаизация сознания, уродливое квазимифологическое объяснение мира, при котором формальные свойства мифа сохраняются, но выхолащивается его содержание.

Повествование о свадебном торжестве предполагает наличие праздничного хронотопа. Будучи темпорально цельным явлением, праздник в архаической культуре разрывает обычное течение времени, заставляет его «застыть». Время праздника отделено от будней, сохранность границ повседневной и праздничной сфер мыслится как основа миропорядка. В будничной жизни поселка обыденность театрализуется, приобретая черты «вечного праздника». Размывание границ не наполняет повседневность радостью бытия, а деформирует нормативность течения жизни, лишая ее закономерного чередования космических циклов работы и отдыха, горя и радости.

Пространство праздника – площадь, улица, дом – локально и неделимо. Захватывая в свою орбиту всех участников, оно укрепляет родовое целое. Поселок разделен на враждебные зоны: «правильные» и «неправильные» мусульмане ведут локальные религиозные войны и сплачиваются только в общей ненависти к инакомыслящему, не подчиняющемуся пропаганде ни одних, ни других.

Праздничные модели поведения представляют «перевертыш» повседневного-будничного, что соответствует трактовке праздника как стадии хаоса, обязательной в космическом обновлении. Нарушение человеком табу в поступках и речи позволительно в рамках сакрального хронотопа. «Вечный праздник», бесконечно тянущийся в обыденной жизни поселка, искажает традиционные поведенческие нормы. Речь и поступки наделяются не свойственными коннотациями.

Темы телесного низа и секса являются обязательными мотивами традиционного праздника, во время которого происходит раскрепощение духа и плоти, рушатся запреты на плотское удовольствие. Соитие мужчины и женщины сакрализуется, означая зарождение новой жизни, по-

беду над смертью. Тема сексуальной мощи, активно эксплуатируемая в обиходной речи современными кавказскими «мачо», лишена сакрального смысла. Скабрезные анекдоты и байки о собственных сексуальных победах оторваны от темы плодородия и торжества жизни. Секс является средством манипуляции и власти над женщиной, видится способом самоутверждения, а потому требует фактического подтверждения – демонстрации плотских утех самой широкой аудитории, в интернете.

Самопрезентация местных красавиц учитывает запросы массового вкуса. Страницы в соцсетях наполнены саморекламой, выдержанной в стилистике площадного фольклора. Об одной из героинь читаем:

«Все время саму себя фотографирует. А еще картинки: котята, дети читают Коран, статус „я – дерзкая персона с ноль пятого региона“, состоит в группе „Красоточки-дагестаночки-мусульманочки“» [2].

Позиционирование себя как явления одновременно исключительного и узнаваемого органично карнавально-мифологической амбивалентности. Однако массовая культура сформировала особый миф – потребительский, отражающий иную модель мироздания. В ней человек утверждает себя при помощи набора символов, а социальный статус напрямую зависит от уровня социальной востребованности как эквивалента товарного спроса. Если в архаическом мифе амбивалентность – свойство многомерного, неоднозначного мира, и человек – его органичная и значимая часть, то в мифологии потребительского общества человек дегуманизируется, теряет неповторимость, идентифицирует себя как объект массового внимания.

Деформируется и национальный компонент самосознания. Использование в речи национальных стереотипов позволяет массовому человеку определить адресную аудиторию, которой обращена реклама себя как привлекательного товара. Декларация национальной идентичности в инструментальных целях свидетельствует о ее симулятивном характере. Таким образом, результатом современного мифотворчества оказывается внешне-национальный, обезличенный человек, утративший этническую субъектность, но эксплуатирующий национальные клише, формально воспроизводящий традиционные речевые и поведенческие модели. Внешняя связь с традиционным сознанием сохранена, но истинное содержание выхолощено.

Внеэтнический характер потребительского мифотворчества подтверждают образы второстепенных персонажей: Русика и Халилбека. В

семантику образа Русика включен архетип шута, вот только провокации героя вызывают не остигательный смех сородичей, а агрессию и злобу. Маркирование по шкале «свой – чужой» производится массовым сознанием без учета этнической принадлежности индивида. Русик-гвоздь «чужой» в своей национальной среде, поскольку его система ценностей чужеродна, а поведенческая модель демонстративно иная: молодой человек, в отличие от сверстников, не покупает машины, передвигается по поселку на велосипеде, не занимается борьбой, а увлекается танго. Индивидуализм и духовная независимость Русика сочетаются с чувством ответственности за семью. Он, единственный сын, не может оставить без заботы младших сестер и мать. Общечеловеческие ценности: духовная свобода, поведенческая независимость, рефлексия и принципиальность в отстаивании себя как личности – определяют трагический исход: герой гибнет нелепо, случайно, и его смерть ничему не учит соотечественников, не вызывает раскаяния или сожаления. Массовое сознание не способно делать выводы и учиться на ошибках.

В семантику образа Халилбека включен мусульманский код [3], что, казалось бы, определяет национальный колорит. Однако базовыми в структуре образа являются архетипы трикстера и культурного героя, типичные для космогонической картины мира любого сообщества. Соединение в одном персонаже противоречивых свойств, созидательных и разрушительных, так же типично для мифа. Для жителей поселка Халилбек – сверхгерой, он воплощает неведомую, сверхъестественную силу, определяющую весь строй их жизни. В трактовке образа отражается типичная для всякого мифа бинарность мироощущения: представление о катастрофичности бытия и преодолении беды и смерти при наличии бога-покровителя или сверхгероя.

Свадьба в архаическом мифе символизирует этап космического обновления, необходимый для человека и природы переход из одного цикла в другой. В романе традиционное толкование свадьбы доверено бабушке. Как носитель сакрального архаического знания, она фиксирует безвозвратно утраченное карнавально-праздничное понимание обрядово-ритуальных действий: брак символизирует стадию хаоса, а потому включает испытания молодоженов, мотивы смерти и перерождения, смеховую брань и игровые баталии. Молодые, подчиняясь игровой логике праздника, проявляют мудрое принятие жизни, адекватность вселенским законам. Так в карнавальных действиях достигается единство

рода, обеспечивающее ему вечное обновление и стабильность.

Сохранив форму родового, вселенского торжества, современный свадебный обряд наполнился профанным смыслом, зрелищность как обязательное свойство праздника выродилась в театральную демонстративность. Казалось бы, автор фиксирует один из мировоззренческих принципов праздничной культуры: человек растворяется в коллективе, семейные и личные ценности сливаются воедино. Но центральные персонажи чувствуют себя невольниками родовых традиций. Марат едет из Москвы на родину, чтобы вступить в брак, не имея невесты. Абсурдность ситуации могла бы восприниматься как свойство карнавального сознания, если бы не утратила смеховой стихии. Для родителей Марата предстоящая свадьба – событие предельно серьезное, подтверждение социального статуса семьи и мужской состоятельности их сына. Марат формально принимает участие в отборе невест, но сохраняет критическую оценку происходящего, внутреннюю дистанцию и самоиронию. Семейного единения не происходит, а значит, нарушен главный принцип праздничного мироощущения. Пятя, как и Марат, живет под гнетом закланий как можно скорее выйти замуж. Ей, двадцатипятилетней девушке, считается неприличным не иметь мужа. Свадьба должна стать доказательством ее гендерной состоятельности и социальной значимости. Толкование брака как способа упрочения престижа рода вписывается в логику потребительского мифа, но не свойственно праздничному мироощущению архаического сознания. Смещение смысловых акцентов отражает деформацию смыслов: от карнавально-праздничного понимания свадьбы к театрально-демонстративному.

Обязательным элементом свадебного обряда являются смотрины невесты и последующее сватовство. В тексте показано несколько неудачных смотрин, каждая из которых далека от идеала. Знакомство Марата с потенциальной невестой в доме Шаховых проходит на фоне тлеющих внутрисемейных конфликтов и выплескивается в нарушение традиций гостеприимства. Сватовство Абдуллаева, организованное как репетиция свадьбы, обрывается проклятиями всему семейству матерью бывшей невесты, им соблазненной и покинутой. Торжество завершается скандалом и родовым позором. Мотивы опасности и возможной гибели органичны архаическому толкованию свадьбы как инициации, но автор травестирует центральную тему, вместо успешного преодоления испытаний молодыми людьми показывает провал и катастрофу и таким образом

полностью меняет семантику свадьбы, вскрывает симулятивный характер предполагаемых торжеств.

Ожидаемый брак Пати и Марата должен воплотить подлинное воссоединение двух половин, нашедших друг друга. Но автор не дает центральным героям насладиться счастьем, изображает катастрофу вместо триумфа.

Вокруг влюбленных бушуют космические стихии: предсказатель вещает Марату о трудностях грядущих испытаний. Случайный прохожий предрекает, что свадьба может и не состояться. Бывшая любимая предстает фольклорной ведьмой, сыплет проклятия и строит козни. Сказочная образность сочетается с мифологической. Накануне торжества Пятя думает:

«Не успела я встретить принца, как ему срочно потребовалась уехать, умчаться, укатить в Москву. Марата ждали подвиги, а я оставалась в заточении, под игм дракона» [2].

И хотя сказочно-мифологическая образность снижена авторской иронией и поддержана позицией героев (Марат не верит предсказаниям, Пятя старается судить трезво и здраво), автор ведет сюжет по архетипической схеме, но травестирует его.

Свадебная церемония включает целый комплекс ритуально-обрядовых действий, соблюдаемых в современности, но симулятивных по сути. Одно из центральных мест в традиционном обряде занимает оформление невесты. Платье подчеркивает ее главную роль в церемонии, определяет новое место в семейно-клановой иерархии, персонализирует и одновременно включает в сложную систему религиозно-магических, социальных, гендерных отношений внутри рода. В описании приготовлений Пати автор акцентирует мотив ряжения, подмены сущности:

«Густо подвели глаза, нарумянили, как восковую куклу, дорисовали брови, приклеили ресницы с блесками... Из зеркала на меня глядела театральная марионетка, карнавальная маска, но только не я сама» [2].

Отчуждение от собственного «Я» не свойственно архаическому слиянию человека с родом и космосом. Избавление от ложной сущности, навязанной извне, осмысливается героиней как физическое освобождение от образа-маски и театрального костюма. Надо умыться, переодеться, и так вернуться к себе подлинной.

Катастрофа – арест жениха в день бракосочетания – интуитивно воспринимается Патей в символическом плане и определяет поведение.

Она надевает не свой, досвадебный наряд, ассоциируемый с юностью и ожиданием счастья, а бабушкино платье, находит оберег, способный укрыть ее от обрушившейся беды. Переодевание символизирует приобщение к традициям, духовным основаниям ушедшей культуры, с ее гармоничным миропониманием, чувством защищенности человека силой рода. Морально-нравственные ценности предков осмыслены героиней и автором как уникальный и одновременно проверенный временем нравственный опыт, способный укрепить духовные силы.

Традиционным символом архаической мифологии является море. В античности, к резервам которой обращается автор, его семантика многозначна: море маркирует границу между реальным миром и царством мертвых, приобщение к водной стихии означает для человека преодоление опасного рубежа, господство над морем выступает одним из признаков мастерства и умения. Ганиева сохраняет исходное значение: бабушка рассказывает Пате притчу о способах постижения истины, в ней появляется образ ныряльщика за жемчугом – человека, постигающего суть вещей. Бегство Пати к морю, таким образом, трактуется как приобщение к истине. То же значение символ моря имеет в мусульманской мифологии. Кроме того, Ганиева использует романтическую трактовку образа, по которой море символизирует свободу, сопричастность водной стихии означает для человека избавление от духовных оков. Дополнительные коннотации, как видим, не разрушают исходную семантику.

Нашел свой путь и Марат. Он приблизился к истине через Учителя, в суфийской рецепции Хидра, в романе Халилбека. Мистические видения Марата после освобождения наполнены не только сценами мучений, пережитых на допросе, но и явлением Хидра, что в мусульманской традиции означает приобщение человека к избранным ученикам [3, с. 73].

Инициация, традиционно связанная со свадьбой, парадоксальным образом свершилась вне границ брачного обряда: героиня, пройдя через символическую смерть – несостоявшееся бракосочетание, возродилась в новом знании. Пришли к убеждению в необходимости искать свой личностный путь, постигать истину во всей глубине, не замыкаться в границах семейно-клановых законов, а открыться сложному, противоречивому миру.

Потому автор оставляет финал открытым, довольно ясно обозначив воссоединение героев: читатель знает, что Пата, переодевшись в «бабушкин балахон», выбралась из дома и уехала к морю. Именно там Марат, выпущенный из-под

ареста за недоказанность обвинения, увидел, как «*вдоль берега, по колено в воде, замочив подол безразмерного платья, брела далекая женская фигурка*» [2]. Момент узнавания героями друг друга скрыт автором, но читатель понимает, что встреча произойдет и станет началом нового, взрослого этапа их жизни. Значимо, что в этом эпизоде герои показаны вне семьи: родовой уклад с жестко регламентированными моделями поведения и грузом квазимифологических представлений о мире в этот момент не довлеет над ними, поскольку счастье всегда индивидуально и уникально. Дальнейшая жизнь Пати и Марата определится их личным выбором, разумом, волей и, как не без иронии намекает автор, провидением, благосклонным к влюбленным.

Подведем итог. Активно насыщая повествование элементами мифа, А. Ганиева не создает авторского мифа. К арсеналу мифологических средств автор обращается в инструментальных целях, использует их для оценки прошлого и современности.

Народное сознание представлено в романе как мифологическое, безвозвратно утерянное. Сущностные свойства архаического мироощущения: гармония человека и космоса, внутривидовое единство, цикличность временных этапов как закон космического обновления – не потеряны, но деформированы массовым сознанием. Архетипический код в характеристике сознания современников лишен празднично-карнавального компонента. Результатом оказывается квазимиф потребительского общества, лишенный национальных признаков, но активно эксплуатирующий этническую составляющую. Общечеловеческие ценности: любовь, стремление к счастью, семья на основе духовной близости, поиск истины – представлены константам бытия, неподвластными времени и моде. Жизненный путь человека неповторим, уникален и исключителен. На этой позиции стоит писательница-реалистка А. Ганиева.

Список источников

1. Секисов А. Алиса Ганиева: Я пытаюсь показать, как изменяется общество в Дагестане // Российская газета. Федеральный выпуск: № 73 (6644). 07.04.2015. URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 05.04.24).
2. Ганиева А. Жених и невеста. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2015/4/zhenih-i-nevesta-2.html> (дата обращения: 05.04.24).
3. Шафранская Э. Ф. Бутылка с надписью «Икс», или поиски неизвестного в романе Алисы Ганиевой «Жених и невеста» // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 65–77.

References

1. Sekisov, A. (2015). *Alisa Ganiyeva: Ya pytayus' pokazat', kak izmenyayetsya obshchestvo v Dagestane*. [Alisa Ganieva: I'm Trying to Show How Society Is Changing in Dagestan]. Rossiyskaya gazeta. Federal'nyy vypusk: No. 73 (6644). 07.04.2015. URL: <http://www.rg.ru> (accessed: 05.04.24). (In Russian)
2. Ganieva, A. (2015) *Zhenikh i nevesta*. [Bride and Groom]. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2015/4/zhenih-i-nevesta-2.html> (accessed: 05.04.24). (In Russian)
3. Shafranskaya, E. F. (2020) *Butyl' s nadpis'yu "Iks", ili poiski neizvestnogo v romane Alisy Ganiyevoy "Zhenikh i nevesta"* [A Bottle with the Inscription "X", or the Search for the Unknown in Alisa Ganieva's Novel "Bride and Groom"]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnyye praktiki*. T. 17. No. 1, pp. 65–77. (In Russian)

The article was submitted on 01.08.2024

Поступила в редакцию 01.08.2024

Серебрякова Елена Геннадьевна,
доктор культурологии,
Воронежский государственный университет,
394018, Россия, Воронеж,
Университетская площадь, 1.
Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

Serebryakova Elena Gennadievna,
Doctor of Cultural Studies,
Voronezh State University,
1 University Square,
Voronezh, 394018, Russian Federation.
Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

КОГДА ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЕ СТАНОВИТСЯ НАЦИОНАЛЬНЫМ (РОМАН Р. ФЛЭНАГАНА «УЗКАЯ ДОРОГА НА ДАЛЬНИЙ СЕВЕР»)

© Ольга Сидорова

WHEN THE POST-COLONIAL TRANSFORMS INTO THE NATIONAL ("THE NARROW ROAD TO THE DEEP NORTH" BY R. FLANAGAN)

Olga Sidorova

Australian literature, which has long developed within the framework of the British literary tradition, is increasingly turning to (re)thinking the history of the continent, acquiring the features of a special type of postcolonial literature - the literature of settler communities. This is clearly manifested in the novels of contemporary Australian writers. The article examines how the contemporary Australian novel reflects the continent's colonial history and the ambivalent role of the settlers who were both colonizers and were colonized. The novels by P. Carey, K. Grenville and R. Flanagan show how settlers, having displaced the aborigines, assumed the role of an indigenous nation and formed their own national identity. The article notes that images of Aboriginal people begin to appear in Australian novels only at the end of the 20th century. Particular attention is paid to R. Flanagan's 2014 Booker Prize-winning novel "The Narrow Road to the Deep North", which explores Australia's recent history of the WWII period. We show that the author defines Australian identity against the background of British and Japanese national characters, using universal archetypal myth elements to create the image of a national hero.

Keywords: settler society, contemporary Australian novel, post-colonial literature, national identity, R. Flanagan

Литература Австралии, которая долгое время развивалась в рамках британской литературной традиции, все чаще обращается к (пере)осмыслению истории своей страны, приобретая черты постколониальной литературы особого типа – литературы переселенческих сообществ. Это ярко проявляется в романах современных австралийских писателей, которые мало изучены в отечественном литературоведении. В статье рассматривается, как современный австралийский роман отражает колониальную историю континента и амбивалентную роль переселенцев, которые были одновременно колонизаторами и колонизованными. В романах П. Кэри, К. Гренвилл, Р. Флэнагана показано, как переселенцы, вытеснив аборигенов, присвоили себе роль коренной нации и сформировали собственную национальную идентичность. В статье отмечается, что образы аборигенов начинают появляться в австралийских романах только в конце XX века. Особое внимание уделяется удостоенному Букеровской премии роману Р. Флэнагана «Узкая дорога на дальний Север» (2014), в котором автор обращается к новейшей истории Австралии периода Второй мировой войны. Показано, что автор определяет австралийскую идентичность на фоне британского и японского национальных характеров, а также использует универсальные архетипические мифологемы для создания образа национального героя.

Ключевые слова: переселенческое сообщество, современный австралийский роман, постколониальная литература, национальная идентичность, Р. Флэнаган

Для цитирования: Сидорова О. Когда постколониальное становится национальным (роман Р. Флэнагана «Узкая дорога на дальний Север») // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 269–274. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-269-274

История Австралии как британской колонии началась в 1788 г., когда британская флотилия высадила на земле нового заморского владения 850 заключенных и 200 солдат, которые основали поселение Сидней-Коув. Заключенных ссыла-

ли в Австралию вплоть до 1868 г.; даже отбыв срок наказания, они под страхом смертной казни не могли вернуться на родину. В 1893 г. на континент прибыла первая партия свободных переселенцев, доля которых в структуре населения

вплоть до второй половины XIX в. оставалась незначительной.

Переселенцы стремились трансплантировать в Австралию свою культуру – политическую, социальную, художественную. Новая колония была частью Британской империи, и люди, оказавшиеся там не по своей воле, тосковали по родным краям и стремились построить «новую Британию». А. Петриковская пишет: «Не раз слышатся английские названия на улицах Сиднея и Мельбурна: Кинг-Кросс, Кенсингтон-Роуд, Кентерберри Роуд. В памяти тех, кто давал их, были живы и кварталы Лондона, и древний город, куда направлялись паломники Чосера. Поселенцы вырубали в городах эвкалипты, чтобы посадить дубы, вязы, кусты смородины или боярышника, ввозили европейских птиц, рыб, животных. В рождественские праздники наряжались, „как дома“, и готовили традиционные горячие блюда, несмотря на зной вместо мороза» [1, с. 9]. Аналогичным образом в течение XIX в. австралийская литература развивалась в русле английской литературной традиции, но, как отмечает современный исследователь, с заметным отставанием, и только в начале XX в. «взгляд (писателей) извне уступает место взгляду изнутри. Мир чуждый и потому экзотический становится обжитым, своим» [Там же, с. 261], то есть литература начинает укореняться и развиваться, по-своему отражая идентичность складывающейся нации. Будучи тесно связанной с историей переселенческого сообщества, эта идентичность формировалась прежде всего как англофонная. Ю. Кравинская и Е. Полховская отмечают, что «австралийцы прошли идентификационный путь от позиции изгоя, оторванного и тоскующего по далекой родине, до осознания себя отдельной нацией через отрицание культурных корней» [2, с. 42]. Аборигенное население Австралии подвергалось геноциду на протяжении полутора веков; только во второй половине XX в. антрополог У. Станнер (W. H. E. Stanner, 1905–1981) в публичных лекциях, посвященных истории Австралии и отношениям между «белыми и черными австралийцами» провозгласил, что «тайные реки крови текут в истории Австралии» [3, с. 42], а также сформулировал концепт «великого австралийского молчания» («the Great Australian Silence») – культ замалчивания национального масштаба, который сформировал национальную идентичность и концепт «украденные поколения» («the Stolen Generations») – речь идет о поколениях аборигенов, вычеркнутых из официальной истории континента. В этот же период австралийские ученые Б. Эшкрофт, Х. Тиффин и Г. Гриффитс, работая в рамках постколониальных культурных иссле-

дований, задались вопросом о роли переселенцев в так называемых «переселенческих сообществах / settler societies», к которым они отнесли Австралию и Новую Зеландию. Роль переселенцев, по их мнению, амбивалентна – они «одновременно и колонизаторы, и колонизованные» [4, с. 211], они продолжают «культурную колонизацию, присвоив себе статус коренного населения», то есть представляют «вид отдельной нации» [2, с. 43].

Амбивалентность, неоднозначность роли переселенцев в истории континента становится предметом осмысления в романах австралийских авторов конца XX – начала XXI в. Так, в романах знаменитого писателя Питера Кэри / Peter Carey, 1943 г. р., «Оскар и Люсинда / Oscar and Lucinda» (1988), «Джек Мэггс / Jack Maggs» (1997), «Истинная история шайки Келли / True history of the Kelly Gang» (2000) описываются разные этапы истории Австралии. «Джек Мэггс» – «переписанный» роман Ч. Диккенса «Большие надежды», созданный в жанре постколониального ответа на произведение классической литературы, в котором бывший каторжник Мэггс тайно приезжает в Лондон, чтобы вновь стать отверженным. В отличие от своего прототипа Мэггича, он ускользает от викторианского правосудия, возвращается в Австралию и становится там одним из столпов общества. Герой другого романа П. Кэри, Нед Келли, реальный исторический персонаж, бушрейнджер и грабитель, одновременно вошедший в национальную мифологию Австралии как благородный разбойник, становится героем другого романа автора. Роман написан в виде воспоминаний Келли (текст представляет собой поток воспоминаний, не ограниченный грамматическими или пунктуационными правилами), в которых он описывает свои похождения, но также рассуждает о мироустройстве и австралийской идентичности:

«Но в них всех было одно в этих людях они были австралийцами они в полную меру знали ужас беспощадного закона историческая память о НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ была в их крови и пусть человек был банковским клерком или управляющим пусть его никогда не сажали без всякой вины все равно в сердце своем он знал каково это быть вынужденным надеть белый колпак в тюрьме каково это получать плети за то что посмотрел тюремщику в глаза...» [5, с. 386].

Эту же линию (пере)осмысления национальной истории продолжает в своем творчестве Кейт Гренвилл / Kate Grenville (1950 г. р.). Колониальная история Австралии XIX в. описывается в ее романах «Тайная река / The Secret River»

(2005), «Лейтенант / The Lieutenant» (2008), «Сара Торнхилл / Sarah Thornhill» (2011), которые были объединены критиками в так называемую колониальную трилогию на основании общности их тематики и проблематики. Все романы имеют прочную документальную основу – в первом из романов писательница, по ее утверждению, описывает судьбу своего предка, который был сослан в Австралию, а его жена последовала за ним (см: [6]). Автор посвятил роман «Тайная река» аборигенам Австралии. Коллективный образ аборигенов появляется на страницах произведения, но его основной проблемной точкой становятся судьбы переселенцев и бывших каторжников, каждому из которых приходится в определенный момент решать, будет ли он участвовать в геноциде коренного населения. Герои-аборигены появляются и в романе «Лейтенант», который также основан на реальных исторических событиях (нам приходилось писать об этом [7], но в центре повествования неизменно остается герой-англичанин и его отношения с новым миром).

Эту же линию продолжает в своем творчестве Ричард Флэнаган / Richard Flanagan (1961 г. р.), писатель, удостоенный многочисленных премий, режиссер, кинодокументалист, общественный деятель – борец за сохранение природы родной ему Тасмании. Его семейная история показательна: Флэнаган – один из потомков осужденного преступника, который в середине XIX в. был сослан в Тасманию. Проблемным точкам колониальной и постколониальной истории Австралии посвящены его романы «Смерть речного лодчмана / Death of a River Guide» (1994), «Книга рыб Гоулда / Gould's Book of Fish» (2001), «Желание / Wanting» (2008), «Узкая дорога на дальний Север / The Narrow Road to the Deep North» (2014). Так, действие романа «Желание» разворачивается в середине XIX в. в Лондоне и в Австралии, а среди его персонажей – реальные исторические фигуры: вице-губернатор Земли Вар Димена (Тасмании) сэр Джон Франклин, его жена леди Джейн, усыновленная ими туземная девочка Мартина, писатель Чарльз Диккенс. Благие намерения Франклинов оборачиваются трагедией и для Мартины, и для ее соплеменников, и для самих колонизаторов. Колониальному прошлому посвящена и «Книга рыб Гоулда», которая также имеет документальную основу. Самым заметным произведением автора стал роман «Узкая дорога на дальний Север», удостоенный в 2014 г. Букеровской премии. Жизнь главного героя произведения Дорриго Эванса описана на фоне истории Австралии, начиная с 1920-х гг. и до начала XXI в., при этом самым драматичным периодом его

жизни становится Вторая мировая война, к событиям которой он постоянно возвращается в своей памяти. Нелинейная композиция романа отражает движения памяти героя, для которого моменты прошлого остаются самыми важными событиями жизни. Это касается и личной истории Дорриго, и истории его поколения, их участия в войне. Центральные эпизоды романа посвящены пребыванию героя в японском лагере для военнопленных на территории Бирмы, где в ужасающих условиях узники строят железную дорогу через джунгли. Автор посвящает роман «заключенному 335» – своему отцу, который во время войны пережил все ужасы японского плена. Попутно отметим, что отец писателя умер в 2014 г. на следующий день после того, как роман был закончен – сам автор видит символизм в подобном развитии событий [8]. В романе Дорриго, полковник медицинской службы, старший по званию среди австралийских военнопленных, вынужденно становится их лидером – сначала номинально, а потом и реально. Обстоятельства, ожидания товарищей, чувство долга и сострадания формируют его личность и помогают сохранять достоинство в тяжелейших обстоятельствах плена, а в послевоенные десятилетия – нести память и представлять военное поколение. Внимание автора романа также фокусируется на коллективном образе австралийцев:

«Та тысяча военнопленных, которые с самого начала покинули Чанги как „сводный отряд Эванса“ (сборная солянка выходцев из Тасмании, Западной Австралии, сдавшихся на Яве, из Южной Австралии, сдавшихся в Сингапуре, из уцелевших после потопления эсминца „Ньюкасл“, из немногочисленных выходцев из Виктории и Нового Южного Уэльса, кому не повезло в других военных передрыгах) – все еще оставались „сводным отрядом Эванса“. Они были им, когда прибыли сюда, им они и останутся, когда выберутся отсюда, <...> даже если под конец в строю <...> останется всего один человек» [9, с. 194].

Люди, входящие в состав отряда, не лишены индивидуальности – автор показывает, насколько они разные и как по-разному складываются судьбы выживших после войны, но они точно осознают свою национальную идентичность, свою общность. Общность австралийцев, потомков каторжан, тюремщиков, бушрейнджеров, переселенцев, людей действия, освоивших незнакомый континент, полюбивших его природу, сформировавших чувство локтя и кодекс взаимовыручки, коллективную память о поражениях и победах, о героях и жертвах. По мысли автора, эти чувства и ощущения – суть глубинного национального характера австралийцев.

Герой романа Дорриго Эванс формулирует это в своем сознании в тяжелейшие дни жизни, будучи военнопленным. Даже его личная трагедия – известие о смерти горячо любимой женщины, мысль о которой помогала ему в годы лишений, – не способна сломать героя: *«Ему предстояло жить в аду, потому что любовь – еще и это. <...> [Он] распрямился и продолжил свой путь»* [Там же, с. 411], – так заканчивается роман. Читатель, дочитавший текст до финала, из предыдущих глав знает, каким сложным и тернистым будет этот путь, а память о войне и сложившемся братстве будет настигать Дорриго и его соратников до конца жизни. Так, один из военнопленных, Джимми Бигелоу, горнист, который в лагере каждый день играл *«музыку смерти»*, хороня умерших товарищей, прожил благополучную, наполненную послевоенную жизнь, пока в девяносто два года, *«лежа в госпитале, умирая после третьего приступа, не поднес горн к губам здоровой рукой, не увидел снова тот дым, не почувствовал запах горящей плоти и не понял вдруг: вот оно, единственное, что он когда-то пережил»* [Там же, с. 234]. Таким образом, в сознании героев романа и читателей формируется идея о том, что лучшие черты национального характера кристаллизуются и проявляются в периоды, когда нация переживает самые драматические события своей истории.

Национальная идентичность австралийцев осмысливается автором и героем романа как постколониальная, постимперская, то есть противопоставляется официально провозглашаемому британскому национальному характеру. Один из пленных, англичанин полковник Рексорт, который говорил *«пискляво и гнусно»* [Там же, с. 53], был убежден, что *«всех сильных сторон, присущих им как британской нации, хватит, их британская честь мундира устоит, их британский дух не будет сломлен и их британская кровь сплотит их в одолении невзгод»* [Там же, с. 50], при этом полковник был убежден, что *«разделение Британской империи на национальности <...> было вымыслом. От Оксфорда до Однаты (городок на юге Австралии. – О. С.) – все они – один народ. <...> И по этой причине – продолжал полковник – как входящие в Британскую империю, как англичане <...> мы перенесем страдания и как англичане восторжествуем»* [Там же, с. 53]. Любопытно, что на рассуждения полковника Дорриго отвечает: *«Мне никогда не приходилось иметь дело с национальным характером <...> Зато я вижу <...> жуткую кучу болезней от недоедания»* [Там же, с. 50]. В контексте романа британская идентичность представлена официальной идеологией, набором штам-

пов, не имеющих почти никакого отношения к жизни конкретных людей. Противопоставляя британскую и австралийскую идентичность, Флэнаган развивает тему своих предыдущих романов, а также романов своих предшественников Т. Кенилли, П. Кэри, К. Гренвилл и других австралийских писателей. Развивая уже сложившуюся в литературе Австралии традицию, автор одновременно трансформирует ее. Во-первых, как отмечает Н. Бирнс, *«Узкая дорога на дальний Север»* – «другой» исторический роман, обращенный к историческим событиям, которые помнят ныне живущие люди (*‘within living memory’*) [10, с. 84]; кроме того, вероятно, впервые в литературном произведении австралийского писателя, получившем международное признание, ставится вопрос об отношении Австралии с азиатскими странами, а австралийский национальный характер сопоставляется с японским. Эта тема заявляется автором, начиная с заголовка произведения – цитатой из хайку знаменитого японского поэта XVII в. Мацуо Басё. Кроме того, по свидетельству Н. Бирнса [Там же], вплоть до недавнего времени австралийцы не использовали термин «Дальний Восток», но предпочитали ему наименование «Ближний Север» (*‘Near North’*), факт, который позволяет по-иному взглянуть на название романа.

Присутствие в произведении образа не только Британии, но и Азии осуществляется на разных уровнях текста. Важную роль играют несколько персонажей-японцев – офицеров и надзирателей лагеря для военнопленных. Фанатики идеи японского превосходства во время войны, они по-разному проживают послевоенные десятилетия. Их присутствие в романе создает параллельный по отношению к основному сюжету поворот. Но образ Азии в романе неоднороден. Корейский сержант Чхой Санг-мин, мобилизованный в японскую армию, является, по мысли автора, одновременно жертвой, объектом жестоких расистских выходок японцев, и палачом, участвующим в издевательствах над военнопленными.

Сосуществование в романе британского и азиатского контекстов, на фоне которых выделяется австралийская идентичность, проявляется также через присутствие многочисленных литературных цитат и аллюзий из произведений, преимущественно поэтических, европейских и японских авторов – Басё, Теннисона, Киплинга, Гомера, Целана и других. Австралийский роман, таким образом, оказывается вписанным в мировую художественную традицию, а его герой Дорриго Эванс, который прямо сравнивается в тексте произведения с Одиссеем, – архетипиче-

ским образом вернувшегося с войны солдата, образа, который, по мнению современного исследователя, «создается путем сращения мифологической модели с конкретными бытовыми реалиями» [11, с. 39] и который достаточно частотен в современной англоязычной литературе.

Таким образом, можно констатировать, что в современном австралийском романе происходит осмысление национальной идентичности, которая рассматривается как постимперская и постколониальная, при этом образ Британии – далекой родины, о которой тосковали переселенцы XIX в. и культуру которой они стремились воспроизвести, претерпевает заметные изменения. Британия в романах современных австралийских писателей – прежде всего страна-колонизатор, безжалостно насаждавшая свои порядки на новом континенте. Изменяется также отношение к самим переселенцам и каторжникам, историческая роль которых в трудах теоретиков постколониальной теории и в романах Т. Кенилли, П. Кэри, К. Гренвилл, Р. Флэнагана амбивалентна. В произведениях этих авторов также появляются образы героев «потерянных поколений» аборигенов. В романе 2014 г. «Узкая дорога на дальний Север» Р. Флэнаган расширяет контекст изображаемого, обращаясь к национальным событиям новейшей истории, определяя австралийскую идентичность на фоне британского и японского национальных характеров, а также используя универсальные архетипические мифологемы.

Список источников

1. Петриковская А. С. Австралийский роман. М.: Наука, 1990. 278 с.
2. Кравинская Ю. Ю., Полховская Е. В. Специфика постколониального текста переселенческих обществ Австралии и Новой Зеландии: сравнительный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 41–50.
3. Stanner W. E. H. *After the Dreaming: the Boyer Lectures*. Sydney: Australian Broadcasting Commission, 1968. 63 p.
4. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. *Post-Colonial Studies. The Key Concepts*. London-New York: Routledge, 2000. 275 p.
5. Кэри П. Истинная история шайки Келли / Перевод с англ. И. Гуровой. М.: АСТ, 2018. 448 с.
6. Grenville K. Two interviews. 2009. URL: http://kategrenville.com.au/two_interviews (дата обращения: 12. 05. 2024).
7. Сидорова О. Г. Современный постколониальный роман Великобритании и Австралии: варианты воплощений // Два века английского романа: коллективная монография. Под ред. Б. М. Проскурнина. СПб.: Маматов, 2021. С. 284–305.
8. Charles R. Richard Flanagan on writing «The Narrow Road to the Deep North» // The Washington Post. 2014. September, 5. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/arts-and-entertainment/wp/2014/09/05/richard-flanagan-on-writing-the-narrow-road-to-the-deep-north/> (дата обращения: 12. 05. 2024).
9. Флэнаган Р. Узкая дорога на дальний Север / Перевод с англ. В. Мисюченко. М.: изд-во «Э», 2017. 411 с.
10. Birns N. *Contemporary Australian Literature: A World Not Yet Dead*. Sydney: Sydney University Press, 2015. 270 p.
11. Судленкова О. А. Трансформация мифологемы солдатского возвращения в английской и американской литературах // Наука и школа. 2022. № 1. С. 39–47.

References

1. Petrikovskaya, A. S. (1990). *Avstraliiskii roman* [The Australian Novel]. 278 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
2. Kravinskaya, Yu. Yu., Polkhovskaya, E. B. (2020). *Spetsifika postkolonial'nogo teksta pereselencheskikh soobshchestv Avstralii i Novoy Zelandii: sravnitel'nyy aspekt* [Specific Features of Literary Texts of Settler Societies: A Comparative Aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, No. 458, pp. 41–50. (In Russian)
3. Stanner, W. E. H. (1968). *After the Dreaming: the Boyer Lectures*. 63 p. Sydney, Australian Broadcasting Commission. (In English)
4. Ashcroft, B., Griffiths, G., Tiffin, H. (2000). *Post-Colonial Studies. The Key Concepts*. 275 p. London-New York, Routledge. (In English)
5. Carey, P. (2018). *Isstinnaya istoriya shaiiki Kelly* [The True History of the Kelly Gang]. 448 p. Moscow, ACT. (In Russian)
6. Grenville, K. (2009). *Two Interviews*. URL: http://kategrenville.com.au/two_interviews (accessed: 12. 05. 2024). (In English)
7. Sidorova, O. G. (2021). *Sovremennyy postkolonial'nyi roman Velikobritanii i Avstralii: variant voploshchenii* [Contemporary Postcolonial Novel in Great Britain and Australia: Variants of Representation]. *Dva veka angliiskogo romana: kollektivnaya monographiya*. Ed. by B. Proskurnin. Pp. 284–305. St. Petersburg, MAMATOV. (In Russian)
8. Charles, R. (2014). *Richard Flanagan on Writing "The Narrow Road to the Deep North."* The Washington Post, September, 5. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/arts-and-entertainment/wp/2014/09/05/richard-flanagan-on-writing-the-narrow-road-to-the-deep-north/> (accessed 12. 05. 2024). (In English)
9. Flanagan, R. (2017). *Uzkaya doroga na dal'nii sever* [The Narrow Road to the Deep North]. 411 p. Moscow, "E" publishers. (In Russian)
10. Birns, N. (2015). *Contemporary Australian Literature: A World Not Yet Dead*. 270 p. Sydney, Sydney University Press. (In English)

11. Sudlenkova, O. A. (2022). *Transformatsiya mifologemy soldatskogo vozvtashcheniya v angliiskoi i amerikanskoi literature* [Transformation of the Mytholo-

gy of Soldiers' Return in English and American Literature]. *Nauka i shkola*. No. 1, pp. 39–47. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Сидорова Ольга Григорьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Уральский федеральный университет,
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51.
ogs531@mail.ru

Sidorova Olga Grigorievna,
Doctor of Philology,
Professor,
Ural Federal University,
51 Lenin Str.,
Yekaterinburg, 62000, Russian Federation.
ogs531@mail.ru

УДК 821.511.142.09-1"19" Ругин Р.П.
DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-275-280

ОБРАЗ НАРОДА В ПОЭЗИИ Р. П. РУГИНА

© Ирина Усанова

THE IMAGE OF THE PEOPLE IN R. RUGIN'S POETRY

Irina Usanova

The article analyzes the poetry of the Khanty author R. Rugin. The relevance of the article lies in characterizing the features of the artistic picture of the world of the writer – an original representative of regional literature. The work uses cultural-historical and structural-semantic types of analysis. Based on the material of more than 30 poems, including the image of the Khanty as a small indigenous people of the North, the article reveals its main elements: features of national character and mentality, stages in the history of the formation and development of the people, their mythological consciousness, the focus on everyday details of the people's way of life. The key values that form the original worldview of the Khanty include their connection with the clan, their careful attitude to natural resources, preservation of language, traditions, customs, beliefs and other components of the material and spiritual culture of the people. The loss of modern man's roots, connections with his ancestors and traditions, laid down by them, is seen by the author as a source of threat not only to the preservation of the cultural identity of the indigenous peoples of the North, but also to their physical survival. The article concludes that in R. Rugin's poetry, the image of the people is one of the means of representing an ethnic group in world culture, as well as the formation of national identity.

Keywords: image of the people, R. Rugin, ethnicity, national character, national identity, mythological consciousness, Khanty language

В статье анализируется поэзия хантыйского автора Р. П. Ругина. Актуальность статьи заключается в характеристике специфики художественной картины мира писателя – самобытного представителя региональной литературы. В работе используются культурно-исторический и структурно-семантический виды анализа. На материале более 30 стихотворений, включающих образ ханты как малого коренного народа Севера, выявляются его основные элементы: особенности национального характера и менталитета, этапы истории формирования и развития народа, его мифологическое сознание, внимание к бытовым подробностям образа жизни народа. В качестве ключевых ценностей, формирующих самобытное мировоззрение ханты, отмечаются связь с родом, бережное отношение к природным богатствам, сохранение языка, традиций, обычаев, верований и других составляющих материальной и духовной культуры народа. Утрата современным человеком своих корней, связей с предками и заложенными ими традициями видится автору источником угрозы не только сохранению культурной самобытности коренных народов Севера, но и их физическому выживанию. Делается вывод о том, что в поэзии Р. П. Ругина образ народа является одним из средств репрезентации этноса в мировой культуре, а также формирования национального самосознания.

Ключевые слова: образ народа, Р. П. Ругин, этнос, национальный характер, национальное самосознание, мифологическое сознание, хантыйский язык

Для цитирования: Усанова И. Образ народа в поэзии Р. П. Ругина // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 275–280. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-275-280

Понятие народа входит в сферу изучения целого ряда наук: политологии и права, социологии, этнологии, культурологии. Оно трактуется как население отдельной страны и историческая общность людей. В справочной и научной литературе в качестве его контекстуальных синони-

мов используются термины «нация», «этнос», «народность», «национальная группа» и др.

Значительное место занимает это понятие в качестве темы, проблемы или образа в художественной литературе. В. Солоухин назвал поэтов голосом народа, его сердцем и языком, дающим народу возможность рассказать о самом себе [1,

с. 146]. Изображая жизнь людей, их мировоззрение, А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь, Н. А. Некрасов и Л. Н. Толстой, М. Горький и А. А. Блок, М. А. Шолохов и многие другие классики русской литературы представили собственную трактовку образа народа.

Особенную актуальность изучение образа народа приобретает при рассмотрении текстов представителей национальных литератур. Региональные писатели, как никто другой, способны глубоко и убедительно изобразить жизнь и быт своих земляков, их ценности, особенности миропонимания, презентуя тем самым образ собственного народа в «большой» литературе. Вместе с тем их творчество становится средством формирования самосознания народа, его самоидентификации, духовного развития.

Традиционно при изображении народной жизни художники стремятся отразить ряд ключевых для существования и развития их этносов вопросов. Как справедливо отмечает М. Н. Соболькова, это сохранение традиций, культуры и языка, духовное и бережное отношение к природе, укрепление преемственности поколений [2]. Это позволяет представить образ народной жизни глубоко и полно, избежать односторонности.

Ю. Шесталов, известный мансийский писатель, признавался, что, в сравнении с людьми, которые лишь прикасаются к жизни малых народов Сибири, которые ориентированы на ценности европейской цивилизации и которым трудно постичь душу северян, он словно знает другой язык и чувствует себя одновременно и современным, и древним человеком [3, с. 7].

Роман Прокопьевич Ругин, чье поэтическое творчество стало объектом нашего исследования, восхищаясь книгой удэгейского автора Дж. Кимонко «Там, где бежит Сукпай», отмечал как наиболее ценные аспекты этого произведения умение автора передать национальный колорит, изобразить сочные образы, народные традиции. Это, по мнению писателя, свидетельствует о том, что автор и сам является носителем того типа мышления, которое стало объектом его изображения [4, с. 141].

Р. П. Ругин (1939–2016) – один из ярких представителей хантыйской литературы XX–XXI вв., поэт и прозаик, фольклорист, публицист и общественный деятель. Будущий писатель родился в Ямало-Ненецком автономном округе (поселок Питляр). Его отец, рыбак, обский ханты, знал множество народных легенд и сказок и с удовольствием рассказывал их вечерами детям, а мать и бабушка превосходно пели национальные песни. Эта обстановка, по признанию самого Романа Прокопьевича, во многом повлияла на про-

буждение в нем поэтического дара и его формирование. Юность будущего писателя прошла в г. Салехарде, где он окончил педагогическое училище, и Ленинграде, где стал студентом педагогического института им. А. И. Герцена. Отслужив в армии, Р. П. Ругин вернулся на малую родину, где в разные годы трудился в качестве учителя истории и хантыйского языка, завуча и директора школы.

Дебют молодого писателя состоялся в 1963 г., когда был опубликован сборник стихов «Лыланг ик» («Живая вода»). За пять десятилетий творческой деятельности Р. Ругиным созданы более 30 стихотворных и прозаических сборников: «Снежные мелодии», «Метель на ладони», «Снежная держава», «В ожидании сына», «Многодумная Обь», «Звон летящего аркана» и т. д., трехтомный сборник легенд, сказок, повестей и рассказов «Волшебная земля» и др. Свои произведения ямальский писатель создавал как на хантыйском, так и на русском языках. Целый ряд его стихотворений и прозаических текстов переведены на европейские языки: английский, французский, итальянский, испанский, финский, эстонский, чешский, венгерский и др.

Большое место в поэтическом и прозаическом наследии Р. Ругина занимают образы Севера, родной природы, которой писатель и его персонажи не только любят, но и стремятся защитить, сохранить в первозданном виде. Лирический герой Р. Ругина, существуя в реалиях настоящего времени, постоянно оценивает и сопоставляет их с прошлым, с заветами мудрых предков, с вековым миропониманием, свойственным представителям его народа. Именно в народной культуре, в глубоком знании ее, верности и любви к ней заложены, по убеждению автора, основы творческого успеха национального писателя. Он стремится познакомить читателя с особенностями жизни хантыйского народа, показать подлинную суть национального характера. И потому образ народа является одним из доминантных в его творчестве, как в прозе, так и в стихах. В данной статье сосредоточим внимание именно на поэтических произведениях. Слова «народ», «земляки», «сородичи», «ханты» частотны в его поэтическом словаре.

Р. П. Ругин стремится воплотить в своем творчестве национальную картину мира народа ханты, правдиво воссоздать его мировоззрение, подчеркивая свою принадлежность к изображаемой системе взглядов и представлений. Как отмечают С. А. Комаров и О. К. Лагунова, в самоопределениях лирического героя Р. Ругина скачивается установка поэта на цельное и многогранное воплощение традиционного мировоззре-

ния народа ханты [5, с. 90]. Он называет себя северянином, сыном природы Севера, древним Антеем, певцом метелей и снегов, ощущающим связь с судьбой своего края.

По справедливому замечанию Н. В. Цымба-листенко, в центре внимания Романа Ругина находится специфика менталитета его народа, диалектические отношения его ключевых элементов – общечеловеческих ценностей и этнического своеобразия [6, с. 4].

Одной из составляющих материальной и духовной культуры народа ханты, источником ее формирования является история жизни этноса, поэтическую летопись которой Роман Прокопьевич стремится создать в ряде художественных текстов, например, в стихотворении «Мой народ»:

Мой народ,
В каком краю Земли
Ты рожден Природою предвечной?
Сквозь туман веков тебя вели
Труд
И сила щедрости сердечной... [7].

Автор в поэтической форме отмечает основные вехи истории возникновения и формирования народа ханты: периоды раздробленности и объединения, кочевья, поисков своего пространства и обживания суровых северных земель, кровопролитных раздоров и примирения. В заключении стихотворения поэт приводит читателя к выводу, что залогом выживания и процветания его народа, продолжения цепи поколений становится его неустанный созидательный труд.

Пристальное внимание к бытовым подробностям образа жизни народа, детальное их изображение является одним из важных элементов образа народа в поэзии Р. П. Ругина. Лирический герой его стихов – охотник, рыболов, оленевод, таежный человек – раскрывает перед читателем детали нелегкого быта северного народа. Так, в стихотворении «Издавна осень в моих земляках не будила восторга...» хантыйский писатель, в противовес традиционному поэтическому образу осени как времени ярких красок и творческого вдохновения, рисует картину напряженной подготовки северного человека к зимним холодам: заготовки рыбы, утепления жилища, починки нарт и лыж – забот, от успешности результатов которых зависело его выживание, ведь они должны были защитить его от «стального мертващего пламени морозов».

Эта пора загоняла порою в могилу:

Голод желудку несла, отбирала остатки последние сил.

Ведь в старину мой народ свою радость и силу,
Гордость саму, чтобы выжить,
В еде находил <...>

Только народу в борении с жизнью суровой
Не до красот было над повседневной водой.

Думал, как выжить,

А значит, старательно думал о жизни... [8, с. 57–58].

Многочисленные детали, изображающие традиционную жизнь народа в данном поэтическом тексте, переводятся автором из бытового в философский план, формируя идею стихотворения: труд, созидание, забота о ближайшем будущем становятся залогом выживания народа. Физическое, естественное, приземленное противопоставлено возвышенному, но искусственному и соединяется с подлинно ценным и духовным. Быт становится бытием.

Многие десятки и сотни лет еще одним важным условием существования северного народа являлось соблюдение им заветов предков, обычаев и верований, что тоже находит свое отражение в поэзии Р. Ругина. Традиционному сознанию свойственна сакрализация многих бытовых действий, связанных, в первую очередь, с обеспечением базовых физических потребностей человека: защита своего жилища от холода, диких животных, а территории – от врагов, добыча и приготовление еды (в частности, охота и рыбалка), сам процесс ее употребления (пир), изготовление одежды и предметов быта и т. д. У каждого такого занятия был свой мифологический покровитель, который мог помогать или препятствовать человеку в его повседневной жизни, а потому выполнение этого занятия было строго регламентировано, каждая деталь, каждый этап наделялись символическим, мистическим смыслом. С позиции такого мифопоэтического мировоззрения ценность человеческой жизни обретается не в социальной обусловленности, а в качестве элемента извечного, цикличного ритма природной жизни. Проявляется такая позиция, например, в стихотворении «Тамга на деревьях». Тамга – это часть материальной культуры народа ханты, особое клеймо, метка, примитивно изображающая животного или человека, которой обозначались предметы окружающего мира, принадлежащие роду или сделанные родом. В стихотворении лирический герой Ругина рассказывает о том, что с помощью тамги ханты суеверно помечали в тайге места удачной охоты и рыбалки, места проведения обрядов и праздников. Эти маленькие метки на деревьях становятся для лирического героя символом существования народа ханты, его следа на земле и в масштабе мироздания:

Метки ханты светятся, как звезды,
В вековой таежной нашей мгле [Там же, с. 27].

Роман Прокопьевич писал: «Жизнь народа ханты от удачной рыбалки зависит во многом. Хороший улов – это праздник, его, как правило, делили с родными и соседями» [9]. Эта традиция отражена, например, в его стихотворении «Есть обычай добрый у народа...». Разделить удачную добычу – рыбу или мясо – с близкими для ханты означало и в будущем надеяться на благосклонность духов воды и таежных мистических покровителей. Соблюдение бытовых обрядов в представлении поэта и его лирического героя наделяется священным смыслом.

Традиционная жизнь семьи, рода становится основой сюжета многих стихов Р. Ругина. В стихотворении «Исповедь ханта», обозревая разные периоды жизни народа, поэт рефреном повторяет в каждой строфе:

Хант – не хант без лодки,
Хант – не хант без нарты.

Лодка и нарта – элементы материальной культуры ханты – в этом лирическом тексте становятся символом устойчивости существования народа, сохранения культурных корней.

И зимой студеной,
И весной короткой
Нас пространство кличет,
Нас река зовет.
Хант – не хант без нарты,
Хант – не хант без лодки,
Даже если в чуме
Радио поет [7].

Прошлое, настоящее и будущее оказываются неразрывно связанными в этом лирическом тексте. И утрата какого-либо элемента культурной памяти становится, по мысли поэта, потерей для будущего народа.

В ряде других стихотворений поэт с тревогой говорит об утрате современным человеком своих корней. Например, в стихотворении «Молитвы хантов» лирический герой вспоминает, как прежде все моменты бытовой жизни народа сопровождали сакральные слова – молитвы и «ловитвы», призывающие различные проявления благосклонности духов природы: своевременные дождь и ветер, щедрость реки и тайги на рыбу и промыслового зверя, солнечное тепло и доброту Земли-Матери [Там же]. Но в век, когда, по словам поэта «стал телевизор для нас звонарем», человек утратил связи с этой накопленной веками народной мудростью, «старинное слово» стало

встречаться все реже, что неминуемо привело к духовному оскудению. Утрата современным человеком связи с предками, отдаление от вековых традиций становятся, по мнению писателя, угрозой не только сохранению культурной самобытности коренных народов Севера, но и их физическому выживанию. Прошлое должно не только храниться в памяти, но и стать основой жизни на современном этапе.

Одна из значимых составляющих мировоззрения народа ханты – вера в одушевленность природы, что так же нашло свое отражение в поэзии Р. Ругина. Его лирический герой родствен природе, ему присуща забота об окружающем мире, которые осмысливаются поэтом как ключевые качества его народа. Это отражается, например, в стихотворении «Родовые воды»: воду берегли, как святыню, брали у природы столько, сколько было необходимо для выживания, не оставляя гнить в сетях рыбу, не отстреливая напрасно уток. «Будучи голосом края родного», голосом своего народа, поэт сокрушается о том, какими стали прежние родовые уголья ханты, противопоставляя коренное население – хранителей земли рода – «пришлому люду». Нынешнее состояние родовых земель он называет позором, с горечью говорит о напрасно загубленных природных богатствах, о сожженной ради озорства тайге, но чувствует беспомощность этих слов [8, с. 14–15].

Роман Прокопьевич уверен, что жизнь народа, полная тягот и борьбы, забота о выживании не лишили его духовности, уникальной способности видеть прекрасное. Одним из средств сохранения связи поколений и единства народа видится поэту фольклор: сказки, легенды, песни. В автобиографическом стихотворении «Отцовские сказки» *«вязь отцовских слов»* становилась для мальчика-героя *«связью поколений»*, сказки проносили его сквозь века, оживляли лица предков. А уже цитировавшееся стихотворение «Издавна осень в моих земляках не будила восторга», в первой части утверждавшее, что народу ханты в его извечной борьбе за существование *«не до красот»*, завершается взволнованным признанием лирического героя:

Слушаю сказки и песни и вновь удивляюсь
Речи узорчатой, теплой,
Она согревает зимой.
Это как мудрая древняя кровь,
Это с будущим завязь.
Что же на свете дороже нам крови самой?!
[Там же, с. 59].

Важной составляющей культуры и самосознания народа Р. Ругин считает сам язык ханты.

Он восхищается его красотой, богатством, гибкостью, певучестью. Язык, хантыйское слово, родная речь в его стихах наделяются такими эпитетами, как «живописная», «сочные», «щедрый», «мощный», «вольный». Поэт сравнивает слова родного языка с ягодами, которые он собирает «в туесочек памяти своей» [Там же, с. 5]. Язык зовет к правде и свету, становится кладезем народной мудрости, обеспечивает величие народа.

Р. П. Ругин стремится заглянуть и в тайны психологии своего народа, показать характер ханты. Во многих стихотворениях («Каслания», «Есть обычай добрый у народа...», «Мой народ» и др.) он отмечает такие качества своих земляков, как щедрость и сердечное тепло, честность и праведность, отзывчивость и открытость, доброта и искренность, отсутствие лукавства, бесстрашие, душевная чистота. Национальные черты характера ханты изображаются им при помощи оригинальных, этнически маркированных сравнений, эпитетов, метафор. Для иллюстрации различных его свойств в поэтических текстах Р. Ругина возникают образы кедровой шишки, росамахи, белой ночи.

Однако, несмотря на преимущественно светлые и теплые краски, рисующие характер народа, поэт не склонен к его абсолютной идеализации. В таких стихотворениях, как «О злых людях», «Недругам», Роман Прокопьевич пишет о тех, «кому жизнь тяжелая в грудь росомахи сердца поместила» [Там же, с. 44], кому свойственно злорадство и зависть, чья душа – «прогнивший туесок» [Там же, с. 48].

Неоднократно с болью и тревогой обращается Р. Ругин в своих стихах и к образу «винного духа», который вертит «древним народом», ведет его к тяжелой доле, убыли духа, уничтожению, впускает в опустевший дом «кривые ноги смерти». Горькие размышления лирического героя полны риторических вопросов:

Неужели твоя доля
Елью сделаться трухлявой?,
Неужели стоном выпы
Твой язык сойдет в могилу? [Там же, с. 121].

В завершение подобных текстов поэт призывает своего читателя-соплеменника:

Выйди в мир светло и смело,
Загребите веслами обратно –
К вековым святыням
И к делам! [Там же, с. 121],

Он не теряет надежды на возрождение своего народа.

Создавая цельный образ народа, отдельно останапливается Р. Ругин и на образе хантыйских женщин. В духе некрасовских «женщин в русских селениях», ямальский поэт живописно рисует их обобщенный портрет, отмечая в нем отдельные выразительные детали. Звук речей хантыйских женщин сравнивается им с весенним лепетом ручья, их улыбка – с радугой, льющей радостный свет, а тихая походка – с встающим над миром рассветом, пухом, солнечным лучом. Героини Ругина прекрасны, как лебеди, их взгляды способны заставить забыть о тревогах или полыхать в огне. Их руки проворны и вышивают для любимого прекрасные искусные узоры. «Такою полюбишь и будешь, как солнце, могуч», – заключает поэт [7]. Созданный автором образ возвышенно-поэтичен, следуя канонам классической поэзии, и в то же время соответствует традиционным представлениям народа ханты о роли женщины, о сущности истинно прекрасного.

Подводя итоги, отметим: основу творчества Романа Ругина, составляющие его самобытности определяют верность национальным традициям, обращение к фольклору, материальной и духовной культуре народа. В своей поэзии хантыйский автор не только опирается на мифопоэтические представления и пытается реконструировать миф. Он словно творит свои собственные мифы, среди которых доминантное место занимает мифологический образ народа ханты.

Если в прозаических произведениях писатель, что уже было отмечено исследователями, преимущественно изображает покинувших родительский дом «детей тундры», которые «живут сегодняшним днем и с оглядкой на чужую судьбу» [6, с. 12], то в поэзии лирический герой Р. Ругина самодостаточен и соприроден, ощущает себя частью рода, этноса и космоса в его мифопоэтическом представлении.

Роман Ругин в своих произведениях зачастую обращается к читателю, который мало знает об истории народа ханты, не знаком с его мифологией, не понимает символики хантйской материальной и духовной культуры, далек от вековых заповедей. В этом писатель видит одну из главных составляющих своей миссии «голоса края родного» – содействовать сохранению коренной культуры и исторического опыта народа, представить своих соплеменников, изобразить их быт и бытие для широкого читателя, сделав частью мировой культуры. Сам писатель признавался: «Без малой моей родины я не стал бы поэтом, не воплотил бы в поэзии основы мироощущения своего народа» [10, с. 41].

Список источников

1. Солоухин В. А. Слово живое и мертвое. М.: Современник, 1976. 333 с.
2. Соболева М. Н. Художественное своеобразие литератур народов Севера (60–80-е годы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 25 с.
3. Шесталов Ю. Песня полярного дня (О времени и о себе) // Литературная Россия. 1977. 18 марта. С. 7.
4. Липатова Л. Много дней позади, много дел... // Их приворожил Север / Сост. Р. П. Ругин; ред. совет А. В. Артеев и др. Екатеринбург: Средне-Урал. книж. изд-во, 2000. С. 134–152.
5. Комаров С. А., Лагунова О. К. О характеристике литературного мышления народов Севера (экологическая проблематика, жанровые ориентиры) // Космос Севера: сб. ст. / Ред. О. К. Лагунова. Тюмень: СофтДизайн, 1996. С. 90–94.
6. Цымбалистенко Н. В. Вернуть народу утраченные ориентиры // Ругин Р. П. Избранное: Повести. Екатеринбург: Средне-Урал. книж. изд-во, 2001. С. 3–12.
7. Ругин Р. П. Произведения. URL: <https://lit89.ru/persona/rugin-roman-prokopevich/> (дата обращения: 24.06.2024).
8. Ругин Р. П. Снежная держава: Книга стихов. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1998. 128 с.
9. Создатели национальных финно-угорских литератур и фольклора. Р. П. Ругин. URL: <https://fulr.karelia.ru/cgi-bin/flib/viewsozdat.cgi?id=113> (дата обращения: 24.06.2024).
10. Григорьева О. Все перемелется, останется любовь // Северяне. 2016. № 4. С. 41–42.
2. Sobol'kova, M. N. (1989). *Khudozhestvennoe svoeobrazie literatur narodov Severa (60–80-e gody): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Artistic Originality of the Literatures of the Peoples of the North (60–80s): Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 25 p. (In Russian)
3. Shestalov, Yu. (1977). *Pesnya polyarnogo dnya (O vremeni i o sebe)* [A Song of the Polar Day (About time and myself)]. Literaturnaya Rossiya. 18 March. P. 7. (In Russian)
4. Lipatova, L. (2000). *Mnogo dnei pozadi, mnogo del...* [Many Days are Behind Us, Many Things Done...]. Ikh privorozhil Sever. Pp. 134–152. Ekaterinburg, Sredne-Ural. knizh. izd-vo. (In Russian)
5. Komarov, S. A., Lagunova, O. K. (1996). *O kharakteristike literaturnogo myshleniya narodov Severa (ekologicheskaya problematika, zhanrovye orientiry)* [On the Characteristics of the Literary Thinking of the Peoples of the North (environmental issues, genre guidelines)]. Kosmos Severa. Pp. 90–94. Tyumen', SoftDizain. (In Russian)
6. Tsymbalistenko, N. V. (2001). *Vernut' narodu uteryannyye orientiry* [Return the Lost Landmarks to the People]. R. P. Rugin. Izbrannoe: Povesti. Pp. 3–12. Ekaterinburg, Sredne-Ural. knizh. izd-vo. (In Russian)
7. Rugin, R. P. (2024). *Proizvedeniya* [Works]. URL: <https://lit89.ru/persona/rugin-roman-prokopevich/> (accessed: 24.06.2024). (In Russian)
8. Rugin, R. P. (1998). *Snezhnaya derzhava: Kniga stikhov* [Snow Power: A Book of Poems]. 128 p. Tyumen', izd-vo Yu. Mandriki. (In Russian)
9. *Sozdateli natsional'nykh finno-ugorskikh literatur i fol'klora*. R. P. Rugin (2024) [Creators of National Finno-Ugric Literature and Folklore. R. Rugin]. URL: <https://fulr.karelia.ru/cgi-bin/flib/viewsozdat.cgi?id=113> (accessed: 24.06.2024). (In Russian)
10. Grigor'eva, O. (2016). *Vse peremeletsya, ostanetsya lyubov'* [Everything Will Change, Love Will Remain]. Sever'yane, No. 4, pp. 41–42. (In Russian)

References

1. Soloukhin, V. A. (1976). *Slovo zhivoe i mertvoe* [The Word that Is Alive and Dead]. 333 p. Moscow, Sovremennik. (In Russian)

The article was submitted on 29.06.2024

Поступила в редакцию 29.06.2024

Усанова Ирина Алексеевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Сургутский государственный педагогический
университет,
628417, Россия, Сургут,
50 лет ВЛКСМ, 10/2.
flos-costus@yandex.ru

Usanova Irina Alekseevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Surgut State Pedagogical University,
10/2 50 let VLKSM Str.,
Surgut, 628417, Russian Federation.
flos-costus@yandex.ru

УДК 821.111

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-281-285

«КЕЛЬТСКОЕ ОСВЕЩЕНИЕ» ТРАВМАТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ РОМАНА А. МЕРДОК «ШКОЛА ДОБРОДЕТЕЛИ»

© Лилия Хабибуллина

“CELTIC BACKLIGHTING” OF THE TRAUMATIC ISSUES IN MURDOCH’S NOVEL “THE GOOD APPRENTICE”

Liliya Khabibullina

The article examines the traumatic and mythological contexts of I. Murdoch’s novel “The Good Apprentice”. On the one hand, we describe the stages of the main character’s traumatic experiences and his ways of overcoming the trauma in the novel; on the other hand, we focus on the analysis of one of the described stages when the protagonist finds himself in a kind of a “magical” female world, a world of oblivion and recreation. The article puts forward and proves the assumption that the characteristics of this world were created based on the culture of the “Celtic Revival” at the turn of the 19th-20th centuries, largely inspired by William Morris’s “Arts and Crafts” movement, at the same time Murdoch was ironic about this part of English culture. The deeper roots of the novel’s reminiscent field go back to Celtic mythology with its images of “enchantresses” who hinder the protagonist and pursue him. In Iris Murdoch’s novel “The Good Apprentice”, the female world appears illusory and dangerous for the protagonist as one of the obstacles on his path.

Keywords: English literature, Iris Murdoch, “The Good Apprentice”, traumatic issues, Celtic myth, national myth

В статье рассматриваются травматический и мифологический контексты романа Айрис Мердок «Школа добродетели» («The Good Apprentice», 1985). С одной стороны, описываются этапы проживания главным героем травматического опыта и способы преодоления травмы утраты и травмы вины в романе, с другой стороны – основное внимание при анализе произведения уделяется одному из описанных этапов, когда герой попадает в своего рода «волшебный» женский мир, мир забвения и отдыха, который впоследствии оценивается автором негативно. В статье выдвигается и доказывается предположение о том, что характеристики этого мира созданы с опорой на культуру «кельтского возрождения» рубежа XIX–XX веков, во многом инспирированной группой «Искусство и ремесла» Уильяма Морриса, при этом Айрис Мердок иронизирует по поводу этого пласта английской культуры. Более глубокие корни reminiscentного поля романа восходят к кельтской мифологии, в частности «Песне о Кухулине», где встречаются образы «волшебниц», препятствующих герою и преследующих его. В романе Айрис Мердок «Школа добродетели» женский мир также предстает иллюзорным и опасным для главного героя, одним из препятствий на его пути.

Ключевые слова: английская литература, Айрис Мердок, «Школа добродетели», травматическая проблематика, кельтский миф, национальный миф

Для цитирования: Хабибуллина Л. «Кельтское освещение» травматической проблематики романа А. Мердок «Школа добродетели» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 281–285. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-281-285

Роман Айрис Мердок «Школа добродетели» («The Good Apprentice», 1985) реже других привлекает внимание литературоведов, в основном он освещается в монографиях, посвященных творчеству Айрис Мердок [1], нравственно-философскому аспекту романа: так, зарубежные и отечественные исследователи отмечают значи-

мость отцовско-сыновних взаимоотношений в романе [2], художественное исследование в романе платоновских истин [3], [4]. В частности, А. К. Исламова отмечает, что в романе «модернистскому эгоцентризму противопоставляется платонический эксцентризм, полагающий средоточие абсолютной моральности вне конечного

индивидуума» [5, с. 231], и в итоге «безжизненность умозрительных схем удостоверяется их практической несовместимостью с конкретными жизненными ситуациями» [Там же, с. 232]. М. С. Рогаческая акцентирует внимание на образе психоаналитика Томаса Маккаскервиля: «Томас размышляет над уникальностью каждой личности, над тем, что само понятие „невроз“ — это всего лишь гипотеза» [6, с. 20]. Исследовательница размышляет преимущественно над психоаналитическими аспектами в романе, оставляя мистический «женский» контекст романа за пределами своего внимания [7].

Мы же сосредоточимся на проблеме травматического опыта, а также коснемся системы иллюзий в этом романе, подсвеченных «кельтским» освещением. Толчком к душевному преображению главного героя романа, Эдварда Бэлтрама, становится трагическое событие — гибель под воздействием наркотиков его друга, Марка Уилсдена, которая одновременно переживается Эдвардом как травма утраты и травма вины, поскольку он сам подсыпал наркотик приятелю, а затем оставил его в этом состоянии в одиночестве. Мердок задает дублирование персонажей и ситуаций: Гарри, отчим Эдварда, и Томас Маккаскервиль, психоаналитик, воплощают разные формы отцовской заботы, а также разные типы английскости: в частности, отмечается, что Томас представляет кельтский тип, а Гарри — истинно английский [8, с. 19]. Эдвард и Стюарт, сводные братья, воплощают идеи эскапизма и духовного поиска, первый в результате травмы, второй — в результате личных философских исканий, за которые отец называет его «*нравственным Гитлером*» [Там же, с. 20].

Первый этап взрослой жизни двадцатилетнего Эдварда вследствие произошедшего события связан со своего рода «замиранием» под воздействием чувств утраты и вины. Чувство вины усугубляется письмами матери Марка, Дженнифер Уилсден, которые она отправляет еженедельно. Эдвард избавлен усилиями родственников от судебного преследования, поэтому он переживает эти чувства в чистом виде: «*Как жить после абсолютного злодейства, абсолютного провала, абсолютного позора?*» [Там же, с. 6]. Несобственно-прямая речь, с одной стороны, не препятствует раскрытию чувств героя, с другой — дает возможность сохранить молчание, которое является, согласно психоаналитической концепции травмы, основным признаком травмированной психики. «Замирание» и выключенность из внешнего мира Эдварда проявляется в том числе в особенностях расположения его тела в пространстве:

«Эдвард совсем утонул в кресле в своем углу, словно претерпевал некие биологические изменения и превращался в маленькое животное» [Там же, с. 11].

Любая попытка контакта с ним вызывает у него отторжение. В то же время, что не характерно для литературы травмы, если в ней не присутствует «психоаналитический» компонент, присутствует и самохарактеристика героя, который называет себя машиной и утверждает невозможность преодоления ситуации [Там же, с. 24]. Сам Эдвард определяет свои доминирующие эмоции как ненависть, страх и желание умереть. Такое открытое позиционирование героем собственной травмированности, на наш взгляд, говорит о том, что для Мердок интеллектуальная составляющая ее романа более существенна, чем психологическая, и персонажи эти, как в образцовом философском романе, скорее героин-функции, чем герои-характеры.

Травма утраты вырастает в экзальтированное чувство любви героя к покойному, провоцируя его на длинные внутренние диалоги с покойным, слезы и признания [Там же, с. 7]. Травма вины трансформируется в душевную боль:

«<...> его вина была громадной болью, сводившей на нет любые идеи, и он жил в этой боли, как рыба на дне темного озера» [Там же].

Усилия психоаналитика Томаса Маккаскервиля и врача Урсулы Брайтуолтон, которая называет Томаса предателем от науки, считая, что спасение жизни не является его целью, не приводят к результатам, однако первый этап исканий Эдварда завершается философской беседой Томаса и Эдварда о природе вины и духовном поиске и перерождении личности, которая носит в произведении программный характер.

Второй этап проживания травмы — это бегство, которое предсказывает Томас, утверждающий, что это такой травмированный пациент испытывает необходимость в одиночестве и очищении, определяя такую необходимость как неизбежную структуру событий [Там же, с. 20]. В данном случае побег означает и движение к отцу, которое имеет для героя как конкретный сюжетный, так и философский смысл. Усадьба Сигард сразу получает некое «*магическое освещение*» начиная с пейзажа:

«Небо вскоре расчистилось, явив не синеву, а какую-то бледную зелень без света, тогда как горизонт был пронизан пылающими золотыми языками» [Там же, с. 51].

Дом производит впечатление одновременно «башни», «собора» или «корабля», характеристики интерьера также связаны с неким золотистым блеском:

«Он увидел несколько высоких окон, бросающийся в глаза гобелен, большие растения с блестящими листьями в горшках. Стены были выложены из грубоватых квадратных блоков золотисто-желтого цвета» [Там же, с. 53].

Три женщины – мачеха, «матушка Мэй» и две сестры, рыжеволосые и красивые, предстают в качестве хозяек «волшебного» мира, они одеваются в длинные цветные платья, носят ожерелья, носят длинные прически, уложенные «короной» [Там же, с. 51]. Женщины шьют платья из домотканых материй, играют на флейтах, сами готовят вино, похожее на нектар, кроме того, мать и сестры изготавливают украшения ручной работы на продажу. Вся эта артистическая атмосфера напоминает об эпохе и атмосфере кружка прерафаэлитов и одновременно отсылает к средневековью и далее – кельтской древности, учитывая акцент на творчестве и особую, несколько зловещую роль женщин в доме. В пользу отсылки к эпохе возрождения кельтской культуры рубежа XIX–XX вв. говорит и акцентирование живописной, ремесленной, музыкальной и танцевальной составляющих жизни дома. Подобно Уильяму Моррису (1834–1896) и его группе «Искусство и ремесла», женщины изготавливают мебель, керамику, вышивают, рисуют рождественские открытки. Творчество Джесса, отца Эдварда, пронизано эротизмом, рыжие волосы женщин напоминают о натурщицах прерафаэлитов, а образ мертвого Джесса, явившегося Эдварду в конце романа под водой, является, вероятно, отсылкой к картине Джона Эверетта Милле «Смерть Офелии» (1852).

Пейзаж также создает магическую атмосферу: болотистая почва, башня, чудесный лес. Волшебная поляна с каменным столбом посередине в романе связывается с разнообразными греческими, римскими ассоциациями. Сам Джесс называет камень «лингамским» [Там же, с. 60], что отсылает к индуисткой символике, а в качестве наиболее древних владельцев столба упоминаются друиды [Там же, с. 82]. Вспомним, что в «Песне о Кухулине» неоднократно упоминается о стоячих камнях: например, когда Кухулин встретил и полюбил Фанд, жену Маннана, бога моря, он встречается с ней у стоячего камня, и погибает он, тоже прислонившись к стоячему камню, очевидно символизирующему мужское начало.

Кельтская составляющая проявляется и в описании магического танца одной из сестер, Илоны¹, в лесу, который тоже происходит на поляне с каменным столбом:

«Казалось, некая сверхъестественная сила, может быть ветер (но никакого ветра здесь не было), подняла Илону над землей. Она летала над травой, почти не касаясь ее» [Там же, с. 79].

Белый анемон, который Илона возложила к столбу, «напоминал тело мертвой девочки» – здесь явно акцентируются символика болезни и смерти, связанная с этим цветком. Приношение Илоны камню символизирует признание главенства Джесса в семье, Эдвард понимает, что именно встреча с отцом имеет сакральное значение и является истинной целью его «паломничества» [Там же, с. 61].

История с посещением Эдвардом Сигарда напоминает сразу несколько кельтских легенд.

Во-первых, это история об острове женщин из «Странствий Мэла Дуина»: когда Мэл Дуин со спутниками попадают на остров женщин, где живут семнадцать девушек и их мать, королева становится женой Мэла Дуина, а девушки – его спутников, они проводят три года на острове, и им приходится отрубить руку, держащую канат, прилипающий к руке, одному из ирландцев, чтобы покинуть остров [9, с. 284–286].

Есть еще легенда из «Песни о Кухулине» про трех дочерей волхва Калатина, убитого Кухулином в битве: девушки преследуют Кухулина, с помощью трав и корней они создавали иллюзию битвы вокруг Кухулина, что привело его в конечном счете к гибели [10, с. 633–652]. Отсюда идея вредоносности этой магической атмосферы для главного героя, которую осознает и он сам:

«<...> та мысль, которую постоянно и подспудно навязывают ему три женщины: что он приехал в дом исцеления. Все это пустая магия, думал он» [8, с. 65].

Более того, Эдварду периодически кажется, что его опаивают неким зельем, подмешивая в вино наркотики, от этого он видит странные сны, то есть атмосфера иллюзорности, магии поддерживается достаточно долго. В иллюзиях Кухулина он видит трех старых ведьм, и в поместье Эдварду кажется, что не только «матушка Мэй»²,

¹ Имя Илона считается венгерским аналогом имени Елена, в венгерской мифологии часто это имя феи.

² Древнегреческое имя «Майя» обозначало «матушка», «кормилица», что указывало на присущие ей функции вскармливания и воспитания. Постепенно образ греческой Майи слился с образом богини плодородия Майи или Майесты, культ которой существ-

но и дочери (все три, напомним, в начале романа выглядели почти одинаково молодыми) стареют на глазах [Там же, с. 93].

Эта магия окружает всю историю поиска отца, Джесс сравнивается то с «*пророком*», то со «*священным царем*», и даже неподлинный, нравственно двусмысленный мир усадьбы превращается с его появлением в нечто «*абсолютно священное*» [Там же, с. 83]. Болезнь и бессилие отца Эдварда, некогда великого художника, также выглядит результатом губительной женской магии, Джесс опасается отравления, хотя мать и сестры постоянно утверждают обратное. Джесс одновременно является для женщин и «*богом*», и «*больным старым животным*» [Там же, с. 99]. Еще один легендарный атрибут, источники которого могут быть различными, это представление Сигарда как своего рода сонного царства, магического царства, которое обеспечивает молодость женщин [Там же, с. 119] и сдерживает Джесса. Тема необходимости «*убийства отца*», которую открыто утверждает Мэй, также мифологическая (и психоаналитическая) тема, которая является устойчивым мотивом множества мифологий.

«Волшебное» место воспринимается не как средство исцеления, а как место магического сна, от которого герою предстоит проснуться:

«Магия Сигарда действовала успокаивающе, она заставляла забыть о смерти Марка, уничтожала ее. Это место, эти сестры, их мать – все было сном, око-вы которого Эдварду предстояло сбросить с себя. Само время становилось бременем, разновидностью непрерывной нравственной муки» [Там же, с. 89].

Действительно, на стадии бегства, даже после встречи с отцом, исцеления не происходит.

Следующая стадия – искупление и преодоление травмы – начинается со встречи с сестрой Марка Брендой (Брауни), за которым следует череда событий – вторжение на территорию Сигарда посторонних приводит к разрушению вне-временной магии этого места, ситуация смерти удваивается смертью Джесса, отца Эдварда. Со смертью Джесса дом приходит в упадок, начинает разрушаться в прямом и переносном смысле³, его покидают Эдвард и Илона. Одним из символов разрушения «волшебного» мира становится

самоопределение Илоны в мире: девушка поступает в стриптиз-клуб, а ее танец становится демифологизированной саркастической апелляцией к ее танцу в Сигарде:

«Ухмыляющаяся девица в серебристом цилиндре и комбинации с блестками извивалась и дергалась, неловко крутила черную шелковую шаль, изображая стыдливость» [Там же, с. 227].

Таким образом, можно говорить о том, что в романе «Школа добродетели» в образе усадьбы Сигард проявляется компонент, связанный с традициями кельтской культуры, опосредованный иронией над культурными смыслами эпохи «кельтского возрождения» рубежа XIX–XX вв. с их идеями возвращения к ручному труду, природе, ремеслам, кельтским мифам и прочее. Мердок иронизирует и над концепцией художника-«волшебника», и над магией «искусств и ремесел», и над попытками возвращения к исконной кельтской культуре, воспроизводя этот мир как мир неподлинной и опасной иллюзии жизни. Прописывая стадии исцеления Эдварда, А. Мердок вписывается в одну из устойчивых традиций английской литературы, которая предлагает своего рода художественную иллюстрацию фрейдистских идей, рассматривая их жизнеспособность в части исцеления травмированного сознания.

Список источников

1. Martin P., Rowe A. Iris Murdoch. A Literary Life. Springer. 2010. 202 p.
2. Simon I. A note on Iris Murdoch's «The Good Apprentice» // English Studies. 1987. V. 68. Is. 1. P. 75–78.
3. Glqb A. Iris Murdoch's Conception of Moral Development in Her Novel «The Good Apprentice» // Roczniki Filozoficzne. 2023. No. 2 (71) P. 239–260.
4. Grimshaw T. Plato, Foucault and Beyond: Ethics, Beauty and Bisexuality in «The Good Apprentice» // Iris Murdoch: A Reassessment, Springer 2007. P. 163–174.
5. Исламова А. К. Об отношении к действительности науки философии и школы добродетели в романах Айрис Мердок // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3–2 (81). С. 229–235.
6. Рогачевская М. С. Образ психоаналитика в романах Айрис Мердок «Отрубленная голова» и «Школа добродетели» // Веснік БДУ. Сер. 4. 2013. № 2. С. 18–21.
7. Рогачевская М. С. «Школа добродетели» А. Мердок: культура эмоционального переживания в контексте психоаналитического интертекста // М. С. Рогачевская. Новые формы психологизма в британском романе XX века. Минск: Новое знание, 2015. С. 270–285.

вовал в античной Италии. Майю объединяли с Благой богиней, по данным античных источников, дата праздника в их честь (1 мая) и связь с землей.

³ «Эдвард взял его и вышел, хлопнув дверью. От удара камень размером с ладонь выпал из стены рядом с ним. Заколдованный замок уже начал разваливаться на части» [Там же, с. 236].

8. Мердок А. Школа добродетели / пер. с англ. Г. Крылов. М: Эксмо, 2009. 672 с.
9. Кельтская мифология. Энциклопедия. М.: Эксмо, 2002. 640 с.
10. Песнь о Кухулине / пер. А. А. Смирнова // Исландские саги. Ирландский эпос. М: Художественная литература. БВЛ. Сер. 1. Т. 8. 1973. 684 с.

References

1. Martin, P., Rowe, A. (2010). *Iris Murdoch. A Literary Life*. 202 p. Springer. (In English)
2. Simon, I. (1987). *A Note on Iris Murdoch's "The Good Apprentice"* English Studies. V. 68, Is. 1, pp. 75–78. (In English)
3. Głąb, A. (2023). *Iris Murdoch's Conception of Moral Development in Her Novel "The Good Apprentice"*. Roczniki Filozoficzne. No. 2 (71), pp. 239–260. (In English)
4. Grimshaw, T. (2007). *Plato, Foucault and Beyond: Ethics, Beauty and Bisexuality in The Good Apprentice*. Iris Murdoch: A Reassessment. Pp.163–174. Springer. (In English)
5. Islamova, A. K. (2018). *Ob otnoshenii k deistvitel'nosti nauki filosofii i shkoly dobrodeteli v romanah Airis Merdok* [On Attitude to Reality of the Science of Philosophy and the School of Virtue in Iris Murdoch's Novels]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. No. 3–2 (81), pp. 229–235. (In Russian)

6. Rogachevskaya, M. S. (2013). *Obraz psihoanalitika v romanakh Airis Merdok "Otrublennaya golova" i "Shkola dobrodeteli"* [The Image of a Psychoanalyst in Iris Murdoch's Novels "A Severed Head" and "The Good Apprentice"]. Vesnik BDU. Ser. 4. No. 2, pp.18–21. (In Russian)

7. Rogachevskaya, M. S. (2015). *"Shkola dobrodeteli" A. Merdok: kul'tura emotsional'nogo perezhivaniya v kontekste psihoanaliticheskogo interteksta* ["The Good Apprentice" by A. Murdoch: The Culture of Emotional Experience in the Context of Psychoanalytic Intertext]. M. S. Rogachevskaya. Novye formy psihologizma v britanskom romane XX veka. Pp. 270–285. Minsk, "Novoe znanie". (In Russian)

8. Merdok, A. (2009). *Shkola dobrodeteli* [The Good Apprentice]. Per. s angl. G. Krylov. 672 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

9. *Kel'tskaya mifologiya. Entsiklopediya* (2002) [Celtic Mythology. An Encyclopedia]. 640 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

10. *Pesn' o Kukhuline* (1973) [The Song of Cuchulainn]. Per. A. A. Smirnova. Islandskie sagi. Irlandskii epos. BVL. Ser. 1. T. 8. 684 p. Moscow, "Khudozhestvennaya literatura". (In Russian)

The article was submitted on 06.09.2024
Поступила в редакцию 06.09.2024

Хабибуллина Лилия Фуатовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
fuatovna@list.ru

Khabibullina Liliya Fuatovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
fuatovna@list.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-286-292

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА-НОВЕЛЛЫ МАРСЕЛЯ ГАЛИЕВА «ТИМЭ, ЯШӘСЕН!» («НЕ ТРОГАЙ, ПУСТЬ ЖИВЕТ!»)

© Милеуша Хабутдинова, Альфия Мотигуллина

GENRE ORIGINALITY OF THE NOVEL-NOVELLA “TIMA, YASHASEN!” (“LEAVE HIM ALONE, LET HIM LIVE!”) BY MARCEL GALIEV

Mileusha Khabutdinova, Alfiya Motigullina

The article studies the genre originality specifics of the work by Marcel Bayanovich Galiev, a People's Writer of the Republic of Tatarstan. We systematize the material according to the extent his work has been studied. The analysis is based on Marcel Galiev's unfinished work “Tima, yashasen” (“Leave Him Alone, Let Him Live”). The book was conceived as a work in two parts, but for personal reasons, the author limited himself to creating the first part. Marcel Galiev defined the genre of his book as a novel-novella. The article proves that novel-oriented thinking is inherent in the writer. In terms of content, this is an autobiographical work, in which the general is intertwined with the personal, the concrete with the individual and the universal with the national. Marcel Galiev uses a multi-level structure where biographical, family-everyday, socio-historical and natural-cyclical forms of artistic time are harmoniously intertwined. As the plot develops, the novel turns into a mirror of the era, showing family life and social life, the patriarchal life of the Tatar village and the capital life of Kazan and Moscow. The reader forms an idea of the material values and spiritual culture of Soviet citizens. The writer's creative manner is characterized by deep psychologism, analyticity and lyricism. Genre displacement occurs through marginalia and individual inserts in other genre forms. This frame novella incorporates an autobiographical novel.

Keywords: Tatar literature, prose, Marcel Galiev, genre, novel-novella

Статья посвящена исследованию специфики жанрового своеобразия произведения народного писателя Республики Татарстан Марселя Баяновича Галиева. В работе систематизирован материал по степени изученности его творчества. Материалом для анализа послужило незавершенное произведение писателя «Тимэ, яшәсен» («Не трогай, пусть живет»). Книга была задумана как произведение в двух частях, однако по личным мотивам автор ограничился созданием первой части. Жанр своей книги Марсель Галиев определил как роман-новелла. В статье доказано, что писателю присуще романное мышление. По содержанию это автобиографическое произведение, в котором общий план переплетается с личным, конкретное с индивидуальным, общечеловеческое с национальным. Марсель Галиев прибегает к многоуровневой структуре, где гармонично переплетаются биографическая, семейно-бытовая, социально-историческая, естественно-циклическая формы художественного времени. По мере развития сюжета роман превращается в зеркало эпохи, где показаны семейный быт и общественная жизнь, патриархальная жизнь татарской деревни и столичная жизнь Казани и Москвы. Читатель формирует представление о материальных ценностях и духовной культуре советских граждан. Творческой манере писателя свойственен глубокий психологизм, аналитичность и лиризм. Жанровое смещение происходит посредством маргиналий, отдельных вставок в иных жанровых формах. Кольцевая новелла вбирает в себя автобиографический роман.

Ключевые слова: татарская литература, проза, Марсель Галиев, жанр, роман-новелла

Для цитирования: Хабутдинова М., Мотигуллина А. Жанровое своеобразие романа-новеллы Марселя Галиева «Тимэ, яшәсен!» («Не трогай, пусть живет!») // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 286–292. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-286-292

Марсель Баянович Галиев – народный писатель РТ, успешно работающий как в прозе, так и в поэзии. Фотовыставки «Я так вижу», «Дыхание

Алтая» и другие раскрыли еще одну грань таланта заслуженного деятеля искусств Республики Татарстан – мастерство художественной фото-

графии. В орбите внимания татарских литературоведов оказались проза писателя Марселя Галиева (Р. Сверигин [1], Д. Загидуллина [2], [3], Л. Юзмухаметова [4], [5]), мемуаристика (Т. Галиуллин [6, с. 192–215]), публицистика (А. Хабибуллина [7], [8]), поэзия (К. Миннуллин [9], М. Хабутдинова и Э. Усманова [10], М. Хабутдинова и Л. Замалиева [11]), а также стилистика его произведений [12].

В 2016 г. увидела свет новая книга писателя – роман-новелла «Тимә, яшәсен» («Не трогай, пусть живет») [13]. Произведение было задумано в двух книгах. Соответственно, сегодня литературоведы вынуждены иметь дело с незавершенным произведением.

Предметом нашего исследования стала специфика жанровой формы «Тимә, яшәсен» («Не трогай, пусть живет»). Сам автор определяет ее как роман-новелла, а литературовед Л. Юзмухаметов считает, что это один вариантов национального эссе [5]. Литературовед С. Ш. Шарифова отмечает, что отечественные писатели в последние годы при определении формы своего произведения все чаще прибегают к неведомым терминологическим конструкциям: роман-клип, роман-эссе, роман-странствие, конспект ненаписанного романа, двойной роман и др. Исследователь считает правомерным выделять такие типы романа, как роман-новелла, роман-повесть, роман-рассказ и роман-притча (см. подр.: [14]).

Достоинством читателей на сегодняшний день стала лишь первая часть романа «Тимә, яшәсен!» («Не трогай, пусть живет!»), где воссоздана эпоха 1950–60-х гг. Основу сюжета составили не вымышленные события, а лично пережитое автором. Повествование в романе-новелле развивается с точки зрения Марселя Галиева, осмыслившего судьбоносные события своей личной жизни, страны и человечества в целом сквозь призму памяти и времени и зафиксировавшего это осмысление в художественно-автобиографическом дискурсе. Ретроспективный план изображения наделяется смыслопорождающей функцией. Это дает нам основание отнести «Тимә, яшәсен!» («Не трогай, пусть живет!») к жанру автобиографического романа.

Марселю Галиеву присуще романное мышление, так как он в своем творчестве оперирует такими субстанциональными категориями, как жизнь и смерть, вечность и мгновение, память и забвение. Осмысляя процесс становления и развития собственной личности, татарский писатель воссоздает широкий историко-культурный контекст эпохи. Цель автора – познакомить читателей с внутренним миром своего автобиографического героя. Налицо традиционные романские

формы художественной изобразительности через сюжет и человеческий характер. В описании истории собственной жизни у Марселя Галиева драматическое, лирическое и прозаическое тесно переплетаются между собой, что приводит к внутрилитературному синтезу.

Герой описывает отчий дом, родную деревню, своих односельчан, свой первый трудовой опыт, службу в армии. Детство и юность оцениваются Марселем Галиевым сквозь призму прожитых лет, поэтому часто поток воспоминаний прерывается философскими сентенциями. Автобиографический герой сравнивает себя со сказочным персонажем, распутывающим волшебный клубок своих воспоминаний и совершающим путешествие в прошлое [13, с. 13]. При отборе биографического материала Марсель Галиев старается остановиться на самом важном, то есть воспроизвести душевные порывы не только личности, но и будущего художника. Писатель сравнивает свои детские воспоминания с каплями молока – «белой кровью», пульсирующей в его памяти [Там же, с. 10]: из бытовой детали в дальнейшем вырастет в объемный образ родовой принадлежности человека (ср. с установлением личного родства тюрок и монголов посредством клятвы).

Хронотоп романа татарского писателя вбирает в себя нравственные представления, духовные поиски, мироощущение героя и автора. Марсель Галиев прибегает к многоуровневой структуре, где гармонично переплетаются биографическая, семейно-бытовая, социально-историческая, естественно-циклическая формы художественного времени. В силу многогранности творческого дарования Марселя Галиева (ведь он не только писатель, но и талантливый художник-график [10]) философско-аналитическое в его автобиографическом романе переплетается с живописно-пластическим. Доминирующим среди хронотопов (исторический хронотоп, хронотоп художественного сознания, хронотоп рода, хронотоп дороги, национальный хронотоп) становится экзистенциальный хронотоп.

Память автобиографического героя содержит в себе не только личный, но и духовный опыт человечества. Так, осмысляя феномен «ядерной зимы» в 1989 г. в Татарстане, Марсель Галиев лишь спустя десятилетия разглядел в картинах природы из прошлого приметы боли и обиды природы на человека за произошедшее: пожухшие от мороза соцветия ландышей, не радующие человеческий взор, и листья шавеля, лишённые былого вкуса... [13, с. 10].

Марсель Галиев стремится воплотить в своем произведении эволюцию своего внутреннего и

внешнего «я», воспроизводимого с помощью категории памяти. Роман пронизывает чувство ностальгии по прошлому. Автор делится с читателем яркими моментами детства и юности, стремясь осознать этапы своего взросления, становления личности. Марсель Галиев стремится через хронотоп памяти осознать смысл своего существования, судьбу своего поколения, татарского народа и человечества, фиксирует философские, социально-исторические проблемы, которые осмысливаются героем в процессе существования. В результате хронотоп Вечности в романе «Тимэ, яшэсен!» («Не трогай, пусть живет!») оказывается связан с абсолютным бытием. Основу пространственной организации и образности в романе-новелле создают мотивы «верха/низа», «открытости/закрытости», на фоне которых показано движение автобиографического героя.

В романе хронотоп пути осознается автобиографическим героем через категорию предопределения судьбы. Так дает о себе знать мусульманский код в произведении Марселя Галиева. Это дает нам основание определить концептуальный хронотоп романа как экзистенциально-мусульманский, а пространство автобиографического героя как хронотоп самоосознания.

При воспроизведении событий и впечатлений от событий детства автор нарушает хронологическую последовательность событий, прибегает к временной инверсии, порой нарушает размеренное течение художественного времени перебивками ритма. Через лирические отступления он выходит во вневременное измерение, что оказывает влияние на жанр произведения. Читатель наблюдает за взаимопроникновением прошлого в современность и наоборот. Марсель Галиев стремится осмыслить глубинные импульсы собственной личности то с точки зрения себя-ребенка, то с точки зрения себя-взрослого, умудренного житейским опытом. Самое важное: читатель становится свидетелем обретения героем «генетической памяти». Автобиографический герой Марселя Галиева, исследуя прошлое, стремится осознать национальные образы мира, чтобы определить свое место в мире, предназначение. В рамках национальной литературной традиции сюжет творится автором как исповедь, переплетающаяся с поучением и наставлением.

Пространство родины в произведении несет в себе черты идиллического хронотопа. Родной дом героя ассоциируется с теплом родительского очага и по воле писателя превращается в точку отсчета жизненного пути: «*Ишегалды – чирәмле, капкалы дөнъям*» [Там же, с. 77]. – «*Двор – мой мир с распахнутыми воротами и декорирован-*

ный травушкой-муравушкой» (здесь и далее подстр. пер. М. Х. Хабутдиновой. – М. Х., А. М.), «*тагәрәк дөнъям*». – «*мой мир-клубок*». Разрабатывая хронотоп детства, прибегает к оппозициям «свой – чужой» (*татар авылы – рус авылы, татар әбиләре – рус әбиләре*), «далекий – близкий» (*Балтач – Москва, Варшава, Берлин*), «внутренний – внешний» (*дом – улица*).

Восприятие автором пространства подчеркнуто национализировано. Марсель Галиев стремится познакомить и расшифровать читателю составляющие элементы шамаиля родного края («*туган як шамаиле*») [Там же, с. 22]. «Шамаиль» в переводе с арабского означает «качества, достоинства». С персидского – «священная картина» или «образ». Таким образом, автор сакрализует в романе образ родной земли. Татарский писатель исподволь напоминает своему читателю, что у шамаиля в конце XVIII – начале XIX в. была функция карты. Топонимия у Марселя Галиева становится частью татарского культурного пространства: «*Балтач*», «*Мәкәтә тавы*», «*Язулу тау*», «*Дегет тавы*», «*Ял таулары*», «*Чатыр тау*», «*Нөгеш*», «*Чат сулары*» – в этих названиях автобиографический герой Марселя Галиева слышит голос предков, ощущает дыхание национальной истории [Там же, с. 30].

Структурообразующим образом малой родины становится гора Чатыр тау (Чатыр-тау – Шатёр-гора) – наивысшая гора Татарстана. Автор удачно расцвечивает свои воспоминания материалом местных легенд об этом уникальном природном объекте: о стоянке войск Емельяна Пугачева, пещерах с арсеналом оружия, целебных водах местных родников. Фольклорный материал соседствует с литературным – стихотворением в прозе «Чатыр тауга мәдхия», что указывает на преемственность поэтических традиций.

Чатыр тау ассоциируется у автора с древней степью, которая приобретает статус национального образа мира. Автобиографический герой, помятуя о том, что данная гора дает возможность обозреть окружающий мир на 360 градусов, уносится мыслью в прошлое, чтобы реконструировать национальную историю и обозреть границы территории исконного проживания предков (Алтай, Урал, Байкол, Азовский берег) [Там же, с. 22].

Марсель Галиев выступает в романе проводником идеи скифско-тюркской генетической связи. Он делится с читателем сокровенной мечтой о создании тугры (герба) родной земли, где центральным геральдическим знаком должен был стать образ татарского сурка. Марсель Гали-

ев ведет родословную зверька от таинственных «муравьев» Геродота (см. миф Геродота о муравьях), чью загадку разгадал французский ученый-этнограф Мишель Пессель.

Историческое сознание автобиографического героя дано в динамике. Вначале оно формируется под влиянием родителей, учителей и советских книг (Абсалямов, Гайдар), находящихся во власти советской идеологии. Рассказы бывалых односельчан на завалинке вносят первую брешь в эти знания, зарождавая зерно сомнения в их истинности. По мере взросления герой начинает испытывать огромное желание докопаться до истины и превратиться в настоящего татарина. Он жадно впитывает в себя отрывочные сведения о легендарной истории тюрок, Золотой Орды и Казанского ханства [Там же, с. 406].

Атрибутами этнической самоидентификации автобиографического героя становятся родной язык, религия, уклад жизни, обычаи и обряды, тип внешности, национальные праздники, национальная кухня, приписывание народа к исконно татарской территории. Все это формируется в герое исподволь родителями и окружением.

Образ малой родины создается автором через воссоздание обрядовой культуры предков: поклонение духу рыбы («*Балыкка табыну*») [Там же, с. 29], поклонение сосне («*Наратка табыну*») [Там же]. В романе описывается национальный праздник Сабантуй, который пронизывает героический дух. Автор щедро делится с читателями сокровищами из сундука народной памяти: погружает в этимологическую стихию слов, пересыпает повествование пословицами и поговорками, где запечатлелась народная мудрость, рассказывает легенды. Язык повествования становится очень сочным, народным, с толикой юмора, когда Марсель Галиев вплетает в структуру романа байки односельчан, подслушанные в детстве. Это позволяет писателю воссоздать не только речь, но и характер, психологию односельчан, реконструировать ключевые катаклизмы советской эпохи сквозь призму народного мировосприятия, не совпадающего с официальной точкой зрения на события: голод 1921–1922 гг., НЭП, коллективизация (см. рассказ Нургали абый об «*ат үләте*» [Там же, с. 35]), советско-финская война 1939–1940 гг., Великая Отечественная война, арест Лаврентия Бери в 1953 г. Для Марселя Галиева эти старики, сельские аксакалы, превращаются в «свидетелей века», раскрывших перед ним настоящую «книгу войны». Размышляя над рассказами родителей, односельчан, перебирая факты собственной биографии, автор выносит приговор

стране – империи, обреченной свой народ, независимо от национальности, на рабское существование и гибель (см. сравнение СССР с загоним для скота на мясокомбинате) [Там же, с. 81–83].

По мере развития сюжета роман Марселя Галиева превращается в зеркало эпохи. Интересно показаны семейный быт и общественная жизнь, патриархальная жизнь татарской деревни и столичная жизнь Казани и Москвы. Читатель формирует представление о материальных ценностях и духовной культуре советских граждан. В метких бытовых зарисовках оживает дух эпохи.

Татарский писатель прибегает в романе «Тимә, яшәсен!» («Не трогай, пусть живет!») к обрамляющей (кольцевой) новелле, которая создает основу для вставных частей. В ней находят воплощение философские взгляды писателя. Обозревая огромный строительный котлован в Камских Полянах, подготовленный под шесть реакторов атомной станции, Марсель Галиев размышляет о жизнедеятельности современного человека на земле. С сожалением писатель констатирует, что усилия современного человека направлены не на созидание, а на разрушение: превращение прекрасной планеты – *дара небес* – в «мертвую планету». Современный человек, отказавшись от идеи всемогущества человека, по мнению татарского писателя, должен признать всеохватывающее могущество Всевышнего – «дирижера стихии симфонии памяти»: «*Бу хәтер симфониянең дирижеры – бердәнбер Аллах!*» [Там же, с. 9]. Эта мысль усилена на уровне лейтмотива «Тимә, яшәсен!» («Не трогай, пусть живет!»), превращенного в текст романа-новеллы в рефрен [Там же, с. 21, 35, 75, 407].

Признавая всемогущество Бога, Марсель Галиев тем не менее не снимает ответственности с человека. Писатель искренне убежден в том, что каждый человек ответственен за конкретное пространство жизни, призван сохранять и расширять территорию, освоенную предками. Следуя этому долгу, человек включается в метафизический круг, предписанный роду/народу, сохраняет природный и культурный ландшафт родной земли.

Атом превращается писателем в образ-лейтмотив. Марсель Галиев выстраивает композицию всего романа и систему образов, отталкиваясь от семантики этого слова. Автобиографический герой в романе – творенье божье («*Адам баласы*»), в котором отражается человечество. В то же время он является представителем конкретного этноса. Знакомясь с биографией, умонастроением героя, читатель получает представление о мироощущении и культуре татарского народа. Автобиографический герой по воле ав-

тора превращается в «атом» художественного мира автобиографического романа.

В обрамляющей новелле у Марселя Галиева атом символизирует атомную энергетику, порыв человека к всемогуществу. Татарский писатель уже в начале романа прибегает к деконструкции мифа о мирном атоме. Заглянув в котлован под атомные реакторы Татарской АЭС в Камских Полянах, автобиографический герой испытывает не восхищение творением рук человеческих, а первобытный ужас. Котлован в его глазах превращается в рану на теле земли («*Жир-энкэ тәнәнә уелган коточкыч әрнүле җәрахәт...*») [Там же, с. 4], приобретает очертание могилы для целого народа («*Бу котлованга тулы бер халык сыя*») [Там же]) и человечества в целом.

Символический план в произведении подерживается у Марселя Галиева мифологическими параллелями. Так, автобиографическому герою в Камских Полянах, превратившихся в пространство голой степи («*ач дала*»), под влиянием смертельного ужаса пригрезилось, что его попутчики превратились в Яджудж и Маджудж. В исламской эсхатологии это племена, наводящие порчу на землю. Их появление на Земле считается знамением Судного дня (см. подр. в суре аль-Каф). Эти образы исламской мифологии соответствуют библейским Гогу и Магогу. Так выражает татарский писатель свое отношение к деятельности современных людей на Земле.

Символична и дата, послужившая отправной точкой для развития сюжета романа-новеллы, – 26 апреля 1986 г., день катастрофы на Чернобыльской атомной станции. Чтобы яснее донести апокалипсический потенциал образа атома, татарский писатель, не ограничивая себя рамками национальной мифологии, обращается к «чужим» сакральным текстам: Ветхий Завет и древнеиндийский эпос «Махабхарата». Так, Марсель Галиев цитирует Откр. 8: 10–11 о Звезде Полыни. Общеизвестно, что горечь полыни является общепотребительной библейской метафорой для вещей, исполненных великой горечью. Полынь выступает в Библии символом наказаний Господних. Согласно альтернативной интерпретации, Звезда Полынь есть предсказание Чернобыльской катастрофы. Приверженцы этой теории видят таинственную взаимосвязь между Чернобыльской аварией и максимальным приближением к Земле за две недели до катастрофы кометы Галлея. Описание убийственной Стрелы Брахма из древнеиндийского эпоса также служит у Марселя Галиева дополнительной иллюстрацией разрушительной силы атома и свидетельством прозорливости наших предков. Деконструкция мифа о мирном атоме осуществляется в романе и

через прием игры слов: «*атом – атам*» [Там же, с. 4].

Уже в обрамленной новелле у Марселя Галиева заявлена тема власти и народа [14, с. 3]. На Земле происходят такие масштабные трагедии, как Хиросима и Нагасаки, когда угроза исчезновения нависает над целым народом по воле недолжных правителей. Татарский писатель оценивает атомные бомбардировки США как пример проявления государственного терроризма. Анализируя географию расположения на исконно татарских землях планируемых к строительству атомных станций – Ульяновской АЭС в городе Димитровграде Ульяновской области, Башкирской атомной станции вблизи реки Белой (Агидели), Татарской АЭС в Камских Полянах, автобиографический герой приходит к неутешительному выводу: при неблагоприятных обстоятельствах, в случае аварии родная для татарского народа земля превратится в гигантскую могилу. В этих планах строительства АЭС главный герой романа усмотрел проявление имперской политики в отношении татарского народа.

Как нам кажется, сюжет романа задуман как показ процесса пробуждения в автобиографическом герое национального сознания, когда он вырастает в личность, способную услышать «голос крови» и стать ее транслятором. Автобиографический герой и автор размышляют на страницах романа над проблемой размывания этнической идентичности, что явилось частью государственной политики (языковая политика, бытовой национализм, фальсифицированная история и др.).

Важное значение в романе приобретают маргиналии – авторские заметки на полях книги, своего рода «мысли вслух», выделенные курсивом.

Порой они носят характер вводных конструкций (в тексте они оформляются с помощью скобок), благодаря которым автор выражает свое отношение к сообщаемому, указывает на источник информации, делает попутные замечания, уточнения. Они «отражают» автора-человека, предоставляют возможность, по выражению В. В. Виноградова, строить «догадки» о нем. Таким образом, в вводных конструкциях автор обнаруживает себя как личность. Нас заинтересовали наблюдения автора о природе татарского характера.

Иные представляют из себя п и с ь м а .

Среди маргиналий встречаются цитации, призванные раздвинуть границы романа, подтолкнуть читателя к размышлениям и открытию новых смыслов (цитаты из Ветхого Завета, «Ма-

хабхараты», «Джанур-Веды», путевых заметок Петра Симона Паласа).

Часть маргиналий обретают оформление в жанре отрывка, фрагмента, эссе или стихотворения в прозе. В них обнаруживает себя авторская тенденция к философским обобщениям, притчевость, афористичность. Особенно интересными нам показались маргиналии о всемогуществе Бога, принадлежности человека Вселенной, о разрушительной власти Империи, природе электрического тока и т. д.

Таким образом, роман-новелла «Тимә, яшәсен!» («Не трогай, пусть живет!») Марселя Галиева является автобиографическим. Сочетание общего плана и личного, конкретного и индивидуального (дуализм романного мышления), общечеловеческого и национального, глубокий психологизм, аналитичность и лиризм творят жанровое своеобразие романа-новеллы писателя «Тимә, яшәсен!» («Не трогай, пусть живет!»). Жанровое смещение в произведении осуществляется, с одной стороны, посредством маргиналий, отдельных вставок, которые составлены в иных жанровых формах, с другой – сосуществованием в произведении романских жанровых признаков и элементов жанра новеллы: кольцевое построение, когда обрамленная новелла раздвигается и вмещает в себя автобиографический роман, и параллельное построение, где сюжетные линии эпизодических персонажей составляют особую линию повествования.

Исследования выполнено в рамках темы ФПСР-2/24

Список источников

1. Сверигин Р. Эдипнең алтын тоткалары // Шәһри Казан. 2001. 30 март. Б. 3.
2. Заһидуллина Д. Марсель Галиев повестьлары: классик романтизм традицияләрен тергезү // Д. Заһидуллина. 1960–1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. Б. 350–367.
3. Загидуллина Д. Ф. Современная татарская проза (1986–2016 гг.): основные тенденции историко-литературного процесса. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. 246 с.
4. Юзмухаметова Л. Н. Жанр эссе в творчестве М. Галиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73): в 3-х ч. Ч. 3. С. 54–57.
5. Юзмухаметова Л. Н. Жанр эссе в творчестве М. Галиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5 (83): в 3-х ч. Ч. 1. С. 44–47.
6. Галиуллин Т. Н. Шигърият баскычлары. Казан: Мәгариф, 2002. 231 б.
7. Хабибуллина А. Публицистика Марселя Галиева // Вестник ЧГПУ. 2013. № 7. С. 225–234.
8. Хабибуллина А. Язык и стиль публицистики Марселя Галиева // Вестник ЧГПУ. 2014. № 1 (81). С. 75–78.
9. Миннуллин К. Поэзия и песенное творчество. Казань: Магариф, 1998. 258 с.
10. Хабутдинова М. М., Усманова Э. М. Живопись в художественном творчестве Марселя Галиева // Филология и культура. Philology and Culture. 2017. № 1 (47) С. 218–224.
11. Хабутдинова М. М., Замалиева Л. Ф. Система образов и художественный мир песенной лирики Марселя Галиева // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 3 (44). С. 179–183.
12. Rahmatullina R. R., Zamaletdinov R. R., Khabutdinova M. M., Zamaletdinov G. F. The Role of Colour Definitions in Tatar Poetry (an Example of Marsel Galiev's Works). AD ALTA-JOURNAL OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH. 2017. Vol. 7. Is. 2. P. 34–36.
13. Галиев М. Б. Тимә, яшәсен!: роман-новелла. Казан: Татар. кит. нәшр., 2016. 407 б.
14. Шарифова С. Ш. Теоретические аспекты жанрового многообразия азербайджанского романа: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2012. 38 с.

References

1. Sverigin, R. (2001). *Ədipneң altın totkalary* [The Golden Pen of the Poet]. Shəhri Kazan, 30 mart. P. 3. (In Tatar)
2. Zahidullina, D. F. (2015). *Marsel' Galiev povest'лары: klassik romantizm traditsiälären tergezü* [The Stories of Marcel Galiev: Rebirth of Classical Romanticism Traditions]. D. F. Zahidullina 1960–1980 ellar tatar әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр. Pp. 350–367. Kazan', Tat. kit. nashr. (In Tatar)
3. Zagidullina, D. F. (2017). *Sovremennaya tatarskaya proza (1986–2016 gg.): osnovny'e tendentsii istoriko-literaturnogo protsessa* [Modern Tatar Prose (1986–2016): The Main Trends of the Historical and Literary Process]. 246 p. Kazan', izd-vo Akademii nauk RT. (In Russian)
4. Yuzmukhametova, L. N. (2017). *Zhanr e'sse v tvorchestve M. Galieva* [The Genre of Essay in the Work of M. Galiev]. *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki*. No. 7 (73), v 3-kh ch. Ch. 3, pp. 54–57. (In Russian)
5. Yuzmukhametova, L. N. (2018). *Zhanr e'sse v tvorchestve M. Galieva* [The Genre of Essay in the Work of M. Galiev]. *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki*. No. 5 (83), v 3-kh ch. Ch. 1, pp. 44–47. (In Russian)
6. Galiullin, T. N. (2002). *Shig'riyat baskychlary* [Steps of Poetry]. 231 p. Kazan', Məgarif. (In Tatar)
7. Khabibullina, A. (2013). *Publitsistika Marselia Galieva* [Marcel Galiev's Publicistic Works]. *Vestnik ChGPU*, No. 7, pp. 225–234. (In Russian)
8. Khabibullina, A. (2014). *Yazyk i stil' publitsistiki Marselia Galieva* [Language and Style of Marcel Galiev's Publicistic Works]. *Vestnik ChGPU*, No. 1 (81), pp. 75–78. (In Russian)

9. Minnullin, K. (1998). *Poeziia i pesennoe tvorchestvo* [Poetry and Songs]. 258 p. Kazan', Magarif. (In Tatar)
10. Khabutdinova, M., Usmanova, E. (2017). *Zhivopis' v khudozhestvennom tvorchestve Marselya Galieva* [Fine Art in Fiction: Tatar Writer Marcel Galiev]. *Filologiya i Kultura. Philology and Culture*. No. 1(47), pp. 218–224. (In Russian)
11. Khabutdinova, M., Zamalieva, L. (2016). *Sistema obrazov i hudozhestvennyi mir pesennoi liriki Marselia Galieva* [A System of Images and Artistic World in Marcel Galiev's Song Lyrics]. *Filologiya i Kultura. Philology and Culture*. No. 3 (44), pp. 179–183. (In Russian)
12. Rahmatullina, R. R., Zamaletdinov, R. R., Khabutdinova, M. M., Zamaletdinov, G. F. (2017). *The Role of Colour Definitions in Tatar Poetry (an Example of Marsel Galiev's Works)*. *AD ALTA-JOURNAL OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH*. Vol. 7. Is. 2, pp. 34–36. (In English)
13. Galiev, M. (2016). *Timə, iashəsen!* [Leave Him Alone, Let Him Live!]. 407 p. Kazan, Tat. kit. nes. (In Tatar)
14. Sharifova, S. Sh. (2012). *Teoreticheskie aspekty zhanrovogo mnogoobraziya azerbajdzhanskogo romana: avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk* [Theoretical Aspects of the Azerbaijani Novel Genre Diversity: Doctoral Thesis Abstract]. Moscow, 38 p. (In Russian)

The article was submitted on 04.09.2024

Поступила в редакцию 04.09.2024

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник,
НОЦ стратегических исследований
в области родных языков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mileuscha@mail.ru

Мотигуллина Альфия Рухулловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Поволжский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма,
420010, Россия, Казань,
Деревня Универсиады, 35.
alfiya311065@mail.ru

Khabutdinova Mileusha Mukhametsyanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Leading Researcher at the Research Center for
Strategic Research in the Field of Native Lan-
guages and Cultures,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mileuscha@mail.ru

Motigullina Alfiya Rukhullova,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Volga State University of Physical Culture,
Sports and Tourism,
35 Universiade Village,
Kazan, 420010, Russian Federation.
alfiya311065@mail.ru

УДК 378-1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-293-298

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

© Юлия Агеева, Нин Ван

REGIONAL COMPONENT IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (EXEMPLIFIED BY THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Yuliya Ageeva, Ning Wang

The article emphasizes the importance and relevance of a regional component in teaching international students Russian as a foreign language. The purpose of the study is to demonstrate the didactic potential of texts with regional components for the development of culturally determined linguistic competence of foreigners studying the Russian language in a particular Russian region (based on the example of the Republic of Tatarstan). We find that the use of such texts may solve two important didactic goals: forming both linguistic and cultural competences of students. Theoretical conclusions are illustrated with examples from the original methodological development: an authentic text about the capital of Tatarstan and three types of exercises are presented. The exercises reflect the stages of working with culturally determined regional linguistic material (pretextual, textual and posttextual stages). The article focuses on the fact that a culturally determined linguistic competence is a necessary component of the key communicative competence. Communicative competence acquisition is a fundamental goal of teaching Russian as a foreign language. Due to this, the presented tasks are communicatively oriented.

The obtained results may be useful for teachers of foreign languages, Russian as a foreign language and for all researchers interested in linguistic and regional cultural studies.

Keywords: Russian as a Foreign Language, culturally determined linguistic competence, region, regional component, educational text, text centric approach

В статье обосновывается важность и актуальность включения регионального компонента в процесс обучения студентов-инофонов русскому языку как иностранному. Цель статьи – показать лингводидактический потенциал текстов с региональным компонентом с позиции развития лингвострановедческой компетенции иностранцев, изучающих русский язык в условиях отдельного региона России (на примере Республики Татарстан). Авторы определяют, что с помощью данных текстов можно решить одновременно две важные лингводидактические задачи – в процессе развития у иностранных студентов языковой компетенции на русском языке сформировать и лингвострановедческую компетенцию обучающихся. В статье теоретические заключения иллюстрируются конкретными примерами из авторской учебно-методической разработки: представлен аутентичный текст о столице Татарстана и три типа заданий к данному тексту, отражающие этапы работы с региональным лингвострановедческим материалом (предтекстовый, притекстовый, послетекстовый). Делается акцент на том, что лингвострановедческая компетенция – это составляющая иноязычной коммуникативной компетенции, овладение которой является основополагающей задачей обучения иностранцев русскому языку в условиях отдельного региона, в связи с чем представлены коммуникативно-ориентированные задания.

Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть полезны как для преподавателей русского языка как иностранного, так и для преподавателей других иностранных языков, а также для всех исследователей, интересующихся вопросами лингвострановедения.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингвострановедческая компетенция, регион, региональный компонент, учебный текст, текстоцентрический подход

Для цитирования: Агеева Ю., Ван Нин. Региональный компонент при обучении русскому языку как иностранному (на примере Республики Татарстан) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 293–298. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-293-298

С развитием современного общества в условиях глобализации владение иностранным языком становится одним из важнейших требований к молодым специалистам во всех цивилизованных странах. Изучение языка тесно связано с погружением в историю и культуру носителей языка, что подразумевает прежде всего формирование лингвострановедческой компетенции (далее – ЛСК). Этот факт подчеркивает важность лингвострановедческого компонента в обучении иностранцев русскому языку, в том числе и в его региональном варианте (при работе со студентами-инофонами, которые изучают русский язык непосредственно в языковой среде).

Необходимость использования информации, связанной с конкретными регионами России, становится ключевой в контексте современных научных подходов к преподаванию русского языка как иностранного (далее – РКИ). Отсутствие или недостаточная сформированность лингвострановедческой компетенции может привести к ситуации дискommunikации, поэтому важно разрабатывать новые методы преподавания РКИ, которые учитывают актуальность регионального компонента. Местный страноведческий материал оказывается ингерентной частью образовательного процесса, а одной из ключевых задач обучения языку в условиях отдельного региона становится вопрос отбора учебного материала.

Несмотря на большое количество работ, посвященных применению лингвострановедческих материалов в обучении РКИ, вопросы практического использования таких материалов для конкретных областей России все еще остаются недостаточно изученными и, как следствие, не всегда учитываются в образовательной практике, что обуславливает актуальность и значимость данного исследования в современном контексте. Цель статьи – охарактеризовать лингводидактические возможности текста с региональным компонентом как основу развития лингвострановедческой компетенции студентов-инофонов, которые получают образование в России (на материале текстов о столице Республики Татарстан).

Глубоко традиционная и самобытная культура Татарстана в сочетании с российской культурой всегда вызывала особый интерес у иностранных граждан, изучающих русский язык. Как правило, иностранцы, приезжающие учиться в Республику Татарстан, не владеют достаточной информацией об этом регионе, поэтому включение регионального компонента будет способст-

вовать их скорейшему привыканию к языковой среде.

Региональный компонент понимается нами (вслед за Дишкант Е. В.) как «система историко-культурологических, психолого-педагогических, социально-экономических знаний, направленных на формирование гуманитарного мировоззрения студентов и обеспечивающих им органичное вхождение в социокультурную среду региона» [1, с. 5]. Считаем, что исследование преимуществ данного компонента при обучении РКИ необходимо проводить с использованием компетентного подхода, «который выражается в формировании иноязычной коммуникативной компетенции» [2, с. 11]. Основным понятием данного подхода является понятие «компетенция», означающее «совокупность знаний, навыков, умений, формируемых в процессе обучения той или иной дисциплине, а также способность к выполнению какой-либо деятельности» на их основе [3, с. 107]. В свою очередь, лингвострановедческая компетенция – это знание «национальных обычаев, традиций, реалий страны изучаемого языка, способность извлекать из единиц языка страноведческую информацию и пользоваться ею, добываясь полноценной коммуникации» [Там же, с. 128]. Развитие ЛСК позволяет студентам не только улучшить их речевые навыки, но и более глубоко понять культурные особенности в контексте, в котором используется иностранный язык, а региональный компонент выступает в качестве части содержания процесса формирования иноязычной лингвострановедческой компетенции. Именно с помощью включения в учебные материалы регионального компонента возможно эффективно развивать ЛСК студентов-инофонов.

Надо отметить, что большинство учебных и методических пособий по РКИ издается в Москве и Санкт-Петербурге. В других регионах практически отсутствуют материалы, которые отражают особенности конкретных республик, краев, областей, что можно считать одним из главных парадоксов обучения РКИ в такой большой стране, как Россия. «С целью решения данной проблемы необходимо использовать в учебном процессе учебно-методическое обеспечение, в которое включен регионально-культурный компонент» [4, с. 425]. В данной статье речь идет о продвинутом этапе обучения, когда иностранцы продолжают изучать русский язык непосредственно в языковой среде Республики Татарстан.

Важно учитывать, что аутентичный лингвострановедческий материал достаточно сложен для восприятия и освоения иностранцами, которые только начинают учить русский язык.

Процесс развития ЛСК в регионе включает в себя следующие этапы: получение языковых и культурологических знаний о месте обучения (о Казани, Татарстане) и развитие навыков использования данного материала в определенных ситуациях практической коммуникации. В данном случае материалы с региональным компонентом играют основополагающую роль, поскольку происходит двусторонний процесс: такие тексты включают в себя не только языковые знания, но и лингвострановедческие, поэтому при работе с данными текстами происходит не только развитие собственно лингвистической компетенции на русском языке, но и формирование лингвострановедческой компетенции. В условиях обучения в Казани (в Татарстане) решению названных задач послужат, например, тексты о происхождении города, об истории Казанского Кремля, о башне Сююмбике, о реке Волге и о Казанском университете, с которым связаны имена выдающихся российских деятелей культуры и науки (великого писателя Л. Н. Толстого, выдающегося математика Н. И. Лобачевского, известного политика В. И. Ленина и др.), о героях Великой Отечественной войны, о татарских поэтах Г. Тукае и М. Джалиле и т. д.

В качестве примера приведем отрывок из текста об истории Казани. Данный текст является частью разработанных авторами статьи учебных материалов, построенных с учетом текстоцентрического подхода к обучению, который, как показала практика, наиболее эффективен для развития и совершенствования навыков и умений, необходимых для формирования ЛСК.

Из истории города Казани

В начале XIX века в Казани проживало около 30 тысяч человек, в 1830 году – 43,9 тысячи, а десять лет спустя – более 50 тысяч. В 1834 году в Казани было 4 мужских монастыря и один женский, 27 церквей, 9 мечетей; 5 светских учебных заведений и два духовных. Город имел 38 питейных домов, 15 гостиниц и более 90 фабрик и заводов.

Очень повлияли на внешний облик города два грандиозных пожара. Пожар 1815 года начался 3 сентября в Ямской слободе у Варлаамовской церкви, там, где сейчас здание Центрального рынка. Кремль сгорел почти полностью. Сгорели и все присутственные места, где хранились очень важные для истории города архивы. Тогда сгорело 116 улиц с переулками. На Воскресенской улице (современная улица Кремлевская) уцелело лишь 10 зданий, в том числе университет. В 1842 году пожар вспыхнул на центральной торговой улице Казани – Проломной, нынешней Баума-

на. Огонь начал быстро распространяться на северо-восток.

Рис. 1. Вид на крепость с реки Казанки зимой.
Конец 1860-х – начало 1880-х гг.
Фотография Г.Ф. Локке.

Весть о страшном казанском пожаре быстро распространилась по всей стране. 5 декабря в Санкт-Петербурге был утвержден новый план застройки Казани [5, с. 23].

Рис. 2. Горбатый мост. Вид на крепость.
Конец 1860-х – начало 1880-х гг.
Фотография Г.Ф. Локке.

Работа с текстом начинается с предтекстовых заданий – это знакомство с новой лексикой, работа с толковыми словарями. С помощью данных заданий обучающиеся смогут развить свои языковые навыки на лексическом уровне.

Задание 1. Прочитайте текст. Найдите значение незнакомых слов в словаре.

Задание 2. Объясните значение следующих словосочетаний:

женский монастырь;
духовное заведение;
грандиозный пожар;
Ямская слобода;
важные архивы.

Предтекстовые задания позволяют студентам усвоить новую лексику, работа с лексикографическими источниками способствует расширению их словарного запаса. Кроме того, в этом тексте содержится безэквивалентная лексика («не

имеющая равнозначных соответствий в родном языке обучающихся» [3, с. 27]), например: *Ямская слобода, Горбатый мост, Кремль*. В ходе работы с подобным типом лексики происходит знакомство с информацией, которой обладают исключительно представители данного региона. Далее идет работа на грамматическом уровне.

Задание 3. Вспомните правила образования и использования отглагольных существительных. Заполните таблицу.

Глагол	Отглагольное существительное	Управление	Пример
проживать называть основать	проживание	в чем	проживание в доме
утверждать хранить распространять решить	утверждение	кого / что	утверждение плана

С помощью данного задания студенты смогут актуализировать некоторые грамматические знания (например, повторить и усвоить правила образования отглагольных существительных).

Задание 4. Составьте предложения по модели.

Образец:

В начале XIX века в Казани – 30 тысяч человек. – В начале XIX века в Казани проживало около тридцати тысяч человек.

1. В 1830 году в Казани – 44 тысячи человек.
2. В 1840 году в Казани – 50 тысяч человек.
3. В Москве – 15 миллионов человек.
4. В Санкт-Петербурге – 5 миллионов человек.

5. В Лондоне – 7 миллионов человек.

Как известно, в русской грамматике числительное занимает важное место и вызывает особые затруднения у иностранцев. В ходе работы с данным заданием студенты смогут повторить не только конструкцию *проживало около / более*, но и склонение сложных числительных.

Задание 5. Восстановите предложения, используя краткую форму пассивных причастий.

1. В XIX веке в Казани было ... 4 мужских и один женский монастырь (построить).
2. 5 декабря в Санкт-Петербурге был ... новый план застройки Казани (утвердить).
3. Русская культура издавна ... с соседними культурами (связать).
4. После падения Казани стены и башни Казанского Кремля были ... (перестроить).

5. 30 ноября 2000 года историко-архитектурный комплекс Казанского Кремля был ... в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (включить).

Задания подобного типа дают возможность обучающимся актуализировать знания о пассивном причастии (повторить формы пассивного причастия; уточнить разницу между полной и краткой формой). Кроме того, на предтекстовом этапе можно использовать средства наглядности (иллюстрации), которые позволят упростить процесс понимания безэквивалентных единиц, а также «погрузить» в контекст материала.

Задание 6. Посмотрите на картинки в тексте, назовите достопримечательности, которые там изображены, расскажите о них.

Второй этап – притекстовые задания, целью которых является «формирование коммуникативной установки на чтение» [3, с. 220]. Это могут быть упражнения с использованием разного типа чтения (просмотрового, ознакомительного и поискового). Например:

Задание 7. Прочитайте текст и найдите в нем ключевые слова.

Задание 8. Выделите лексические единицы, без которых смысл текста не изменится.

На данном этапе происходит проверка понимания новой информации и выработка умений студентов ориентироваться в тексте.

Задание 9. Прочитайте текст, ответьте на задания теста, выбрав вариант, соответствующий содержанию текста.

1. В 1830 году в Казани проживало

А) около 30 тысяч человек.

Б) 43,9 тысячи человек.

В) более 50 тысяч человек.

2. Пожар 1815 года начался ...

А) на центральной торговой улице Казани.

Б) на Воскресенской улице.

В) в Ямской слободе у Варлаамовской церкви.

3. В 1834 году в Казани было

А) 4 мужских и один женский монастырь.

Б) 4 светских учебных заведения и два духовных.

В) 600 каменных зданий.

4. 5 декабря в ... был утвержден новый план застройки Казани.

А) Москве

Б) Санкт-Петербурге

В) Республике Татарстан

В процессе составления плана студентам нужно проявить умение делить текст на микро-тексты (смысловые части) в соответствии с микротемами, что позволит им развивать в том числе и формально-логическую компетенцию.

Задание 10. Составьте вопросный и назывной план текста.

Следующий этап – послетекстовый – работа с вопросно-ответными заданиями по тексту с целью развития продуктивных коммуникативных навыков студентов (говорение, письмо). Иностранные обучающиеся должны научиться использовать полученные из текстов лингвострановедческие знания в различных речевых ситуациях в будущем.

Задание 11. Ответьте на вопросы.

1. Сколько человек насчитывало население Казани в начале XIX века?
2. Какие события повлияли на внешний облик города?
3. Когда и где начался первый пожар?
4. Каковы были его последствия?
5. Когда и где начался второй пожар?
6. Где был утверждён новый план застройки Казани?

Далее включаются задания, главная цель которых – «выход в коммуникацию». Например:

Задание 12. Составьте хронологический план текста. Расскажите текст по плану.

Задание 13. Найдите самостоятельно информацию об одной из известных достопримечательностей Казани. Сделайте сообщение об этой достопримечательности, используя средства наглядности (с помощью презентации).

Таким образом, в ходе работы с аутентичным лингвострановедческим материалом происходит совершенствование языковой компетенции студентов-инофонов на лексическом и грамматическом уровнях (предтекстовый этап); навыков чтения (притекстовый этап); навыков говорения и письма (послетекстовые задания). Кроме того, получая знания о месте проживания (о Республике Татарстан, Казани), студенты смогут использовать их в процессе адаптации к реальной жизни, в разных конкретных ситуациях общения. Данные задания дают возможность обучающимся совершенствовать навыки говорения, непосредственно развивать коммуникативную компетенцию, которая включает в себя ЛСК.

Следует заключить, что посредством текстов с региональным компонентом «реализована известная формула „культура через язык и язык через культуру“» (Е. И. Пассов)» [6, с. 392], предполагающая овладение иностранным языком как фактом культуры. Важно развить у студентов не только языковую компетенцию, но и знание о местных обычаях, традициях, истории и достопримечательностях. Преподавание с учетом регионального компонента помогает студентам усовершенствовать ЛСК: они смогут получить знания о конкретном регионе, которые будут ис-

пользовать на практике, совершенствуя коммуникативные навыки в реальной жизни.

Список источников

1. Дишкант Е. В. Национально-региональный компонент в обучении РКИ как средство развития поликультурной языковой личности (на примере СВФУ им. М.К. Аммосова) // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 12. С. 43–46.
2. Антонова Л. Н. Региональный компонент в преподавании русского языка как иностранного: уточнение понятия // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2021. № 11. С. 1–15.
3. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР. 2009. 448 с.
4. Выхованец Н. А. Региональный компонент как основа культуроориентированной методики преподавания РКИ // Ученые заметки ТОГУ. 2015. Т. 6, № 4. С. 424–428.
5. Агеева Ю. В. Город, в котором мы живём // Город и люди: учеб. пособие по русскому языку для иностранных студентов. Казань: изд-во КГПУ, 2005. С. 5–40.
6. Агеева Ю. В., Марданова С. Р. Современные формы обучения русскому языку как иностранному с учетом регионального компонента (на примере коммуникативного тренинга) // Конгресс МАПРЯЛ: Избранные доклады. [Электронный ресурс]. СПб.: МАПРЯЛ. 2024. С. 389–395.

References

1. Dishkant, E. V. (2021). *Natsional'no-regional'nyi komponent v obuchenii RKI kak sredstvo razvitiya polikul'turnoi yazykovoï lichnosti (na primere SVFU im. M. K. Ammosova)* [The National Regional Component in Teaching Russian as a Foreign Language as a Means of Developing a Multicultural Linguistic Personality in Ammosov North-Eastern Federal University]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. No. 12, pp. 43–46. (In Russian)
2. Antonova, L. N. (2021). *Regional'nyi komponent v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo: utochnenie ponyatiya* [Regional Component in Teaching Russian as a Foreign Language: Clarification of the Concept]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept"*. No. 11, pp. 1–15. (In Russian)
3. Azimov, E. G., Shchukin, A. N. (2009). *Novyi slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New Dictionary of Methodical Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Teaching)]. 448 p. Moscow, izdatel'stvo IKAR. (In Russian)
4. Vykhovanets, N. A. (2015). *Regional'nyi komponent kak osnova kul'turoorientirovannoi metodiki prepodavaniya RKI* [Regional Component as a Basis of Culturally-Oriented Methodics of Teaching Russian as a

Foreign Language]. Uchenye zametki TOGU. T. 6, No. 4, pp. 424–428. (In Russian)

5. Ageeva, Yu. V. (2005). *Gorod, v kotorom my zhivym* [The City We Live In]. *Gorod i lyudi: ucheb. posobie po russkomu yazyku dlya inostrannykh studentov*. Pp. 5–40. Kazan'. (In Russian)

6. Ageeva, Yu. V., Mardanova, S. R. (2024). *Sovremennye formy obucheniya russkomu yazyku kak*

inostrannomu s uchetom regional'nogo komponenta (na primere kommunikativnogo treninga) [Innovative Methods of Teaching Russian as a Second Language with a Focus on a Regional Component (exemplified by communicative training)]. *Kongress MAPRYaL: Izbrannye doklady*. Pp. 389–395. [Elektronnyi resurs]. St. Petersburg. MAPRYaL. (In Russian)

The article was submitted on 29.08.2024

Поступила в редакцию 29.08.2024

Агеева Юлия Викторовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
jageeva@yandex.ru

Ван Нин,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
1326021519@qq.com

Ageeva Julia Victorovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
jageeva@yandex.ru

Wang Ning,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
1326021519@qq.com

МЕДИАРЕСУРСЫ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ

© Алексей Бастриков, Елена Бастрикова, Людмила Смоленцева

MEDIA RESOURCES USED TO DEVELOP STUDENTS' SOCIO-CULTURAL COMPETENCE IN RFL CLASSES

Alexey Bastrikov, Elena Bastrikova, Liudmila Smolentseva

This article considers media resources as a means of forming international students' socio-cultural competence in classes of Russian as a foreign language. The development of communicative and socio-cultural competence is one of the main tasks in teaching Russian as a foreign language. The effectiveness of their development depends on how successfully and quickly students adapt to the new social environment and carry out intercultural interaction. The article presents educational resources that combine authentic linguistic and socio-cultural materials with the interactivity and versatility of modern digital technologies. Particular attention is paid to the analysis of the Internet resources linguodidactic potential, we provide examples of typical tasks aimed at the formation and development of SCC at different stages of training. We have come to the conclusion about the need to continuously improve the methods used when working with media resources. The theoretical basis of the study is the works of Russian and foreign authors devoted to the issues considered in the article. The empirical base consists of observations and generalizations of personal professional experience, as well as methodological developments of the authors in the field of teaching a number of disciplines within the framework of the bachelor's degree program in the specialty 45.03.02: Linguistics (Russian as a Foreign Language) at Kazan Federal University.

Keywords: Russian as Foreign Language (RFL), media resources, online resources, crosscultural communication, sociocultural competence (SCC), linguodidactics

Статья посвящена рассмотрению медиаресурсов как средства формирования социокультурной компетенции (далее – СКК) иностранных студентов на занятиях по русскому языку как иностранному (далее – РКИ). Развитие коммуникативной и социокультурной компетенций является одной из основных задач в обучении РКИ. От того, насколько успешно и быстро студенты адаптируются в новой социальной среде, смогут осуществлять межкультурное взаимодействие, во многом зависит эффективность освоения ими образовательной программы вуза. Авторы статьи обращаются к образовательным ресурсам, сочетающим в себе обращение к аутентичному языковому и социокультурному материалу с интерактивностью и многофункциональностью современных цифровых технологий. Особое внимание в статье уделяется анализу лингводидактического потенциала интернет-ресурсов, также приводятся примеры типовых заданий, направленных на формирование и развитие СКК на разных этапах обучения. Авторы приходят к выводу о необходимости постоянного совершенствования методик работы с медиаресурсами. Теоретической базой исследования являются публикации российских и зарубежных авторов, посвященные вопросам, рассматриваемым в статье. Эмпирическую базу составили наблюдения и обобщения личного профессионального опыта, а также методические разработки авторов в области преподавания ряда дисциплин в рамках программы обучения бакалавров по специальности 45.03.02 Лингвистика (русский язык как иностранный) в Казанском федеральном университете.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ), медиаресурсы, интернет-ресурсы, межкультурная коммуникация, социокультурная компетенция (СКК), лингводидактика

Для цитирования: Бастриков А., Бастрикова Е., Смоленцева Л. Медиаресурсы в формировании социокультурной компетенции студентов на занятиях РКИ // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 299–304. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-299-304

Вопрос формирования и развития у иностранных обучающихся социокультурной компе-

тенции (далее – СКК) не утрачивает своей актуальности уже много лет и продолжает оставаться

центром притяжения в методике РКИ, культурологии и социальной психологии. В работах авторитетных отечественных ученых Э. Г. Азимова, Л. В. Апаковой, Н. Г. Брагиной, Е. М. Верещагина, Г. В. Елизаровой, В. И. Карасика, В. А. Масловой, Ж. Ю. Мишаниной, Т. М. Николаевой, Е. С. Пассова, Ю. Е. Прохорова, В. В. Сафоновой, П. В. Сысоева и др., рассматривающих вопросы взаимодействия языка и культуры, содержатся общие подходы к анализу социокультурных феноменов, описание коммуникативных стратегий и тактик, анализ природы национально маркированных социокультурных стереотипов.

Федеральные государственные образовательные стандарты последнего поколения (ФГОС ВО 3++) в рамках компетентного подхода к формированию образовательных программ уделяют особое внимание компонентам СКК, включив их в ряд универсальных компетенций. Так, выпускник программ бакалавриата должен быть «способен осуществлять социальное взаимодействие, <...> воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах, <...> осуществлять межъязыковое и межкультурное взаимодействие в устной и письменной формах как в общей, так и профессиональной сферах общения» [1].

Мы опираемся на определение, данное В. В. Сафоновой, трактующей СКК как «компонент коммуникативной компетенции, образуемый со-

вокупностью определенных знаний, навыков, умений, способностей и качеств, формируемых в процессе формальной или неформальной языковой подготовки к межкультурному общению» [2, с. 18].

Э. Г. Азимов и А. Н. Щукин выделяют в содержании СКК четыре составляющих: социокультурные знания, опыт общения, личностное отношение к фактам иноязычной культуры, владение способами применения языка [3, с. 287].

Данная статья посвящена медийным ресурсам (медиаресурсам), использование которых в качестве средств обучения способствует формированию и развитию СКК у студентов высшего учебного заведения.

К медиаресурсам традиционно относят информационные продукты СМИ на различных носителях либо сами СМИ. В образовательной среде термин «медиаресурс» закрепился также и за мультимедийными средствами обучения. Среди них стоит упомянуть такие наиболее популярные форматы, как учебные фильмы, видеолекции, видеопрезентации, видеопубликации.

В процессе обучения социокультурная информация чаще всего предъявляется с помощью учебного или аутентичного текста или видео. Американский педагог и исследователь Эдгар Дэйл, изучая эффективность использования различных учебных материалов, представил результаты своих наблюдений в виде конуса [4, с. 161].

Рис. 1. Конус обучения Эдгара Дэйла

Просмотр видео, включая наблюдения за демонстрацией или конкретным действием, дает довольно высокие показатели усвоения материала – от 30% до 50% от общего объема информации [5, с. 141].

Видеоресурсы, наряду с традиционными средствами обучения, могут использоваться в качестве дополнительного учебного материала; иллюстраций языковых или социокультурных фактов; базой для самостоятельной работы, про-

ектной и исследовательской деятельности студента.

В современной лингводидактике все активнее применяются медиаресурсы, базирующиеся на веб-технологиях, они используются и как источник информации, и как средство коммуникации, и как средство обучения. Инструментами преподавателя становятся подкасты, блоги, мобильные приложения, включаются в учебный процесс вики-технология и средства интернет-коммуникации, веб-конференции и массовые открытые онлайн-курсы.

Среди внедряемых технологий обучения с использованием медиаресурсов следует отметить онлайн-платформы, ориентированные на развитие целого комплекса компетенций (например, таких, как ISpring Suite платформы для создания онлайн-курсов и интерактивных презентаций).

Интерес представляет квест-технология (WebQuest), предусматривающая самостоятельную поисковую работу студентов на веб-сайтах и последующую презентацию результатов исследований.

В аудиторной и внеаудиторной работе в качестве средств обучения могут быть использованы и интернет-ресурсы, которые не предназначались создателями для образовательных целей, но находят все более широкое применение в практике преподавания РКИ: сервис видеохостинга YouTube, сервис обмена сообщениями WhatsApp, социальная сеть ВКонтакте и т. п.

Процесс формирования СКК иностранного студента начинается уже с первых занятий, поскольку, чем быстрее осуществится адаптация к новым условиям, к новой языковой и культурной среде, тем эффективнее будет происходить обучение в целом. В то же время приходится констатировать, что иногда наблюдается недостаточная сформированность данной компетенции даже у студентов старших курсов.

Например, китайские студенты, приехав в Россию, сталкиваются с проблемой приветствий. Кому можно сказать: «Привет!», а кому – нельзя? Как обращаться к преподавателю? Сложность при этом вызывает не только наличие отчества. В Китае обращаться к старшим по имени считается невежливым, отсюда возникают уважительные этикетные единицы «учитель», «преподаватель», не всегда позитивно воспринимаемые носителями русского языка.

Конфликт культурных сценариев поведения проявляется и в других ситуациях. Почему нахождение в помещении в верхней одежде воспринимается как проявление неуважения, вызывает чувство раздражения и неодобрения в России? Почему не принято дарить нечетное коли-

чество цветов? Почему нельзя обращаться к преподавателю по фамилии? Почему к одному человеку нужно обращаться во множественном числе? В каких случаях? Это лишь немногие и самые простые вопросы из тех, что возникают у иностранных студентов, приводя их в замешательство. В силу национального менталитета или личных психологических особенностей далеко не каждый студент способен самостоятельно искать и находить ответы на эти вопросы. Достаточно часты случаи, когда первые коммуникативные неудачи по причине несформированной СКК становятся триггером, определяющим все дальнейшее общение в новой языковой среде: оно становится ограниченным и однотипным.

Будет справедливым отметить, что не всегда носители русского языка, общаясь с иностранными студентами, учитывают разницу культур и помогают избежать этих коммуникативных неудач. В то же время преподаватели дисциплин, входящих в курс РКИ, ведут постоянную работу по формированию у обучающихся СКК, не ограничиваясь аудиторными часами.

Сформированность СКК традиционно оценивается по следующим параметрам: наличие знаний о культуре своей страны и страны изучаемого языка, умение использовать эту информацию; понимание, толерантность, ценностное отношение к культуре, рефлексия и мотивация; умение и готовность вступать в контакт, знание техник и приемов общения, социальная мобильность, креативность.

Опираясь на приведенные критерии, мы применяем в практике обучения ряд заданий, направленных на социальную адаптацию и способствующих формированию и развитию СКК.

Студентами традиционно хорошо воспринимаются элементы геймификации, поэтому на первом этапе обучения мы предлагаем игровые «задания-угадайки»: предъявляется видеоконтент с субтитрами, который показывается вначале не полностью, и нужно отгадать слово (финал сцены, интенцию). Например, в видео «Смешной разговор 2 друзей» [6] вполне предсказуем ответ на третий вопрос. Дав его, студенты далее могут ответить на вопросы:

– *Что такое пельмени?*

– *Вы пробовали пельмени?*

– *Есть ли похожее блюдо в вашей национальной кухне?*

На более продвинутом этапе обучения студентам можно предложить проанализировать диалог, определить статус его участников, найти ошибки в субтитрах.

Также можно усложнить задания с использованием видеоконтента, попросив студентов за-

кончить диалог, выстроить и разыграть свой сценарий развития сюжета. При этом преподаватель заранее готовит активный и / или пассивный лексический материал, тематически актуальный в ситуации данного диалога, а студенты должны произвести отбор по необходимости. Например, для выражения удивления могут быть предложены фразы-клише «*Да ладно!*», «*Глазам не верю!*», «*Неужели?*» и т. п.

Одной из образовательных технологий, находящихся сегодня все более широкое применение, являются вебинары, объединяющие в себе элементы видеолекций и научных дискуссий, позволяющие моделировать в процессе обучения профессиональное общение и развивать у студентов навыки эффективной коммуникации. При этом «тренировочные» вебинары не обязательно должны проводиться онлайн. Организация подобного образовательного мероприятия может быть реализована в рамках аудиторного занятия, с применением метода проектов. Преподаватель перед изучением определенной темы заранее предлагает творческие задания студентам: подготовить мультимедийную мини-лекцию по какому-либо разделу темы, используя Интернет, PowerPoint или другое приложение. Во время презентации каждым студентом результатов своей домашней работы одногруппники готовят вопросы по теме и задают их в специально созданном чате группы. Затем студенты вместе с преподавателем обсуждают презентацию и заданные вопросы. Такой тип упражнений может быть предложен на разных этапах обучения, темы усложняются по мере освоения языка и развития СКК студентов. Например, на первом курсе можно выбрать тему «Приветствия на русском языке», на втором курсе – «Прогулка по центру Казани», а на третьем – «Исторические места Казани».

Особенность такой работы заключается в том, что при подготовке презентации студенты имеют возможность использовать аутентичный материал, поэтому им потребуется некоторое время и консультации преподавателя.

В целях моделирования на занятиях по РКИ фрагментов инокультурной среды для создания условий формирования социокультурной (и шире – коммуникативной) компетенции с учетом национально обусловленных факторов необходимо учитывать характер содержания учебных материалов, определять дидактическую обоснованность применения методического инструментария.

По мнению О. В. Мальцевской, «современная методика преподавания иностранного языка выдвигает ряд требований к отбору аутентичного

учебного материала: 1) функциональную аутентичность; 2) лексико-фразеологическую аутентичность; 3) грамматическую аутентичность; 4) структурную аутентичность» [7, с. 319].

Ярким примером аутентичных медиаресурсов являются чаты. Эффективность их использования в обучении объясняется, во-первых, тем, что чаты давно стали неотъемлемой частью жизни и не воспринимаются обучающимися как нечто чужеродное. Во-вторых, иностранные студенты часто предпочитают общаться с носителями русского языка именно в чатах, так как диалоги при этом не столь спонтанны, есть возможность воспользоваться приложением-переводчиком. В-третьих, беседа в чате в свободное от учебы время не воспринимается студентами как выполнение заданий. Это позволяет им быть раскованнее в общении и быстрее приобретать необходимые социокультурные навыки. Общение в чатах – удобный дополнительный инструмент для формирования и развития СКК на любом уровне изучения РКИ. Это могут быть как моделируемые на занятиях чаты, так и примеры реальной коммуникации, например, в WhatsApp.

Студенты и преподаватели часто используют этот сервис для оперативного информирования друг друга и обмена сообщениями. При этом не всегда подобная коммуникация выстраивается корректно. Студент пишет так, как умеет, но и преподаватель зачастую пишет так, как умеет, и логично, что умения эти значительно отличаются по уровню. В результате обе стороны испытывают коммуникативную неудачу. Поэтому на первых этапах обучения преподавателям приходится значительно адаптировать переписку и ориентироваться на коммуникативный опыт и лексико-грамматический уровень студента. В этом случае общение в личном чате позволяет точно корректировать речь студента, не ставить его в неловкое положение перед остальными, а групповой чат дает возможность исправлять типичные ошибки (например, напомнить, что к преподавателю следует обращаться «*Здравствуйте, Ирина Петровна!*», а не «*Здравствуйтесь, Семенова!*»).

Процесс обучения иностранных студентов включает такие этапы работы с языковой единицей, как презентация ее фонетической оболочки, семантического состава, грамматической структуры; демонстрация функционирования вариантов единицы в различных социокультурных контекстах в зависимости от сферы общения – бытовой, официальной, профессиональной и под.; анализ и интерпретация компонентов речевой ситуации. Уже на первых этапах обучения мы включаем задания «на идентификацию»: обу-

чающимся предъявляется несколько чатов и предлагается определить участников коммуникации, их социальный статус и коммуникативную роль, ответить, по каким признакам они смогли определить это:

- 1) - *Всем привет! Я в кино, кто со мной?*
- *Без меня, у меня пересдача завтра.*
- *Класс, я иду. А что смотрим? Во сколько?*
- *Без понятия, сориентируемся. После 3-й пары.*

- 2) - *Молока купи по дороге.*
- *Принято. Еще что надо?*
- *Нет вроде. Вспомню – напишу.*

3) – *Антон, добрый день! Вы не сдали сегодня контрольную работу!*

- *Добрый день, Ирина Ивановна! Извините, случайно унес, торопился. Можно завтра принести на кафедру?*

- *Нет, сдать нужно сейчас.*

При работе с чатами интересными представляются так называемые «скрытые» задания. Например, преподаватель дает задание подготовить короткое выступление по выбранной из списка теме, но не прикрепляет список к сообщению. Студенты должны, во-первых, осмыслить задание; во-вторых, оценить ситуацию (понять, что им дана не вся информация); в-третьих, запросить недостающую информацию у преподавателя. Более сложный вариант задания – провести мини-опрос русскоязычных одноклассников (соседей по общежитию / друзей): например, узнать, где лучше покупать обувь или одежду. На занятии преподаватель заслушивает результаты опроса и просит студентов сделать скриншоты этой переписки, чтобы совместно проанализировать ее лексико-грамматические особенности. Студентам высокого уровня владения РКИ может быть предложена проектная работа, включающая задания на развитие коммуникативных умений: участие в форумах по предложенной теме, ведение блогов, создание видеороликов, подкастов и т. д.

В ходе обучения можно использовать и такие сетевые ресурсы, как интернет-сервисы Авито (avito.ru) и HeadHunter (hh.ru). Например, в начале изучения дисциплины «Язык делового общения» студентам дается задание придумать название собственной компании и определить сферу бизнеса, в которой эта компания будет вести свою деятельность. Далее, в соответствии с темами занятий, необходимо составить объявление о вакансии, затем рекламное письмо, найти по резюме подходящих кандидатов на работу в компании и объяснить, каковы были критерии выбора. В часы аудиторной работы студенты ис-

пользуют подготовленные материалы, моделируя конкретные ситуации делового общения.

Стоит отметить, что студенты, как правило, с интересом воспринимают задания, связанные с возможностью использовать различные источники информации, средства веб-коммуникации. Кроме того, благодаря активной интеграции информационных технологий и медиаресурсов в образовательный процесс решается задача, стоящая перед преподавателем, – «воспитывать коммуникативно-активную личность, способную обеспечить адекватное межкультурное общение, диалог культур» [8, с. 289].

Таким образом, формирование социокультурной компетенции иностранных студентов с помощью богатого спектра медиаресурсов способствует всестороннему развитию личности молодого человека и будущего профессионала, что отражается в компетентностном подходе, актуальном для современной лингводидактики.

Список источников

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-45-03-02-lingvistika-969> (дата обращения: 28.06.2024)
2. Сафонова В. В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях. М.: Еврошкола, 2004. 233 с.
3. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. М.: Русский язык. Курсы, 2018. 496 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1412440> (дата обращения: 19.01.2024).
4. Ann Kovalchick, Kara Dawson. Education and Technology: An Encyclopedia (2 Volumes). Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO, 2004. Vol 1. 713 p. URL: <https://archive.org/details/educationtechnol0001unse> (дата обращения: 02.01.2024)
5. Дубровская Н. В., Мищенко Е. С. Методы активного обучения и влияние их комплексного использования на процесс подготовки студентов ВУЗа. // Инновационные процессы в образовании: стратегия, теория и практика развития: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, Изд-во РГПУ. 2013. URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/393/1/ipo_2013_057.pdf (дата обращения: 20.06.2024).
6. Монтажер 3310. Смешной разговор 2 друзей. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pNBXaTxnki8&t=23s> (дата обращения: 16.05.2024).
7. Мальчевская О. В. Методические аспекты использования аутентичных видеоматериалов при формировании социокультурной компетенции на уроках иностранного языка в неязыковых вузах. Минск: БГУ, 2021. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/286031> (дата обращения: 15.05.2024).

8. Рубцова Е. В. Формирование коммуникативной и социокультурной компетенций с помощью мультимедийных пособий при обучении русскому языку как иностранному. // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3(24). С. 288–292.

References

1. *Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 45.03.02 Lingvistika* [Federal State Educational Standard of Higher Education - Bachelor's Degree in the Field of Training 45.03.02 Linguistics]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-45-03-02-lingvistika-969> (accessed 28.06.2024). (In Russian)

2. Safonova, V. V. (2004). *Kommunikativnaya kompetentsiya: sovremennye podkhody k mnogourovnevnomu opisaniiu v metodicheskikh tselyakh* [Communicative Competence: Modern Approaches to Multi-Level Description for Methodological Purposes]. 233 p. Moscow, Evroshkola. (In Russian)

3. Azimov, E. G., Shchukin, A. N. (2018). *Sovremenniy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii. Teoriya i praktika obucheniya yazykam'* [Modern Dictionary of Methodological Terms and Concepts. Theory and Practice of Teaching Languages]. 496 p. Moscow, Russkii yazyk. Kursy, URL: <https://znanium.com/catalog/product/1412440> (accessed 19.06.2024). (In Russian)

4. Kovalchick, A., Dawson, K. (2004). *Education and Technology: An Encyclopedia (2 Volumes)*. 713 p. Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO. Vol 1. URL: <https://archive.org/details/educationtechnol0001unse> (accessed 02.01.2024). (In English)

5. Dubrovskaya, N. V., Mishchenko, E. S. (2013). *Metody aktivnogo obucheniya i vliyaniye ikh kompleksnogo ispol'zovaniya na protsess podgotovki studentov VUZa* [Active Learning Methods and the Impact of Their Integrated Use on the Process of Preparing University Students]. Innovatsionnye protsessy v obrazovanii: strategiya, teoriya i praktika razvitiya: Materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ekaterinburg: RSVPU Publisher. URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/393/1/ipo_2013_057.pdf (accessed 20.06.2024). (In Russian)

6. Montazhyor 3310_. *Smeshnoi razgovor 2 druzei* [A Funny Conversation between 2 Friends]. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pHBXaTxnki8&t=23s> (accessed 16.05.2024). (In Russian)

7. Mal'chevskaya, O. V. (2021). *Metodicheskie aspekty ispol'zovaniya autentichnykh videomaterialov pri formirovani sotsiokul'turnoi kompetentsii na urokakh inostrannogo yazyka v neyazykovykh vuzakh* [Methodological Aspects of Using Authentic Video Materials in the Formation of Socio-Cultural Competence in Foreign Language Lessons in Non-Linguistic Universities]. Minsk, BGU. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/286031> (accessed 15.05.2024). (In Russian)

8. Rubtsova E. V. (2018). *Formirovaniye kommunikatsionnoi i sotsiokul'turnoi kompetentsii s pomoshch'yu mul'timediinykh posobii pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu* [Formation of Communication and Socio-Cultural Competencies Using Multimedia Manuals When Teaching Russian as a Foreign Language]. Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. T. 7. No. 3(24), pp. 288–292. (In Russian)

The article was submitted on 10.08.2024
Поступила в редакцию 10.08.2024

Бастриков Алексей Васильевич,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Alexei.Bastrikov@kpfu.ru

Бастрикова Елена Михайловна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Elena.Bastrikova@kpfu.ru

Смоленцева Людмила Александровна,
ассистент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
LASmolenceva@kpfu.ru

Bastrikov Alexey Vasilievich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Alexei.Bastrikov@kpfu.ru

Bastrikova Elena Mihailovna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Elena.Bastrikova@kpfu.ru

Smolentseva Liudmila Alexandrovna,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
LASmolenceva@kpfu.ru

УДК 372.8: 811.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-305-313

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО ИНОСТРАННОГО СПЕЦИАЛИСТА (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ-ЛИНГВИСТАМИ)

© Татьяна Гимранова, Елена Колосова

DEVELOPING INTERNATIONAL STUDENTS' PROFESSIONAL COMMUNICATIVE COMPETENCE (BASED ON THE EXPERIENCE OF WORKING WITH STUDENTS MAJORING IN LINGUISTICS)

Tatyana Gimranova, Elena Kolosova

This article analyzes both typical difficulties that the majority of international students encounter while mastering the academic style, and specific problems, caused by the differences between Russian and international students' languages, mindsets and national cultural characteristics, and discovered in the process of working with Chinese students. The researchers' vast experience, gained while teaching Chinese students both in Russia and China, allows them to identify the errors of students mastering the academic style, specify these errors, formulate and summarize problems in this field and propose ways of resolving them. As the leading method of the research, we used the descriptive method, as well as the methods of summarization and observation. Thus, we have found that the inclusion of academic texts in the process of teaching a foreign language gives students the opportunity to learn typical communicative situations in the academic area and expand their vocabulary and terminology. The inclusion of various learning exercises on the style of academic writing as part of the future linguists' training enhances their teachers' possibilities in terms of lesson planning, allows them to recreate professional language environment, as well as increases the effectiveness of mastering communicative skills in typical communicative situations. As a result of our study, we have come to the conclusion that the integration of academic texts into the teaching process requires a special approach to the material selection and highlights the need for the additional development of methodological recommendations and the creation of new teaching aids.

Keywords: methods of teaching Russian as a foreign language, academic style of speech, academic text, pragmatic competence, professional communication

В предлагаемой статье будут рассмотрены как типичные проблемы, с которыми сталкивается большинство иностранных студентов при овладении научным стилем, так и специфичные, выявленные в процессе работы в китайской аудитории и связанные с особенностями национальной культуры, менталитета и родного языка студентов, которые переносятся ими на русскоязычную почву. Богатый опыт работы авторов с китайскими студентами и в России, и в Китае позволяет выявить отдельные ошибки обучающихся в овладении ими научным стилем, конкретизировать их, обобщить и сформулировать проблемы в данной области, требующие своего решения, а также предложить пути их устранения. Ведущим методом исследования стал описательный метод, частично использовался метод обобщения, наблюдения. Так, было установлено, что включение в процесс преподавания иностранного языка научных текстов дает возможность студентам познакомиться с типовыми коммуникативными ситуациями в научной сфере, расширить словарный (терминологический) запас. Надо отметить, что включение в рамках системы подготовки будущего специалиста-лингвиста различных упражнений на освоение научного стиля расширяет возможности и самих преподавателей в плане проектирования занятий, позволяет воссоздать профессиональную языковую среду для обучающихся, это повышает эффективность овладения коммуникативными навыками в типовых ситуациях речевого общения. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что интеграция научных текстов в учебный процесс требует от преподавателей особого подхода к отбору материалов, что подчеркивает необходимость дальнейшего развития методических рекомендаций и создание учебных пособий.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка как иностранного, научный стиль речи, научный текст, прагматическая компетенция, профессиональная коммуникация

Для цитирования: Гимранова Т., Колосова Е. Формирование профессиональной коммуникативной компетенции будущего иностранного специалиста (из опыта работы со студентами-лингвистами) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 305–313. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-305-313

Вузовская программа изучения русского языка иностранными студентами предполагает освоение ими основ стилистики и написание различных работ, так или иначе связанных с пониманием научного стиля и владением им. Так, в процессе обучения студенты занимаются написанием рефератов, статей, курсовых и дипломных работ, магистерских диссертаций, принимают участие в научных конференциях. Всё это требует от студентов определённых знаний, умений и навыков владения научным стилем, приобретённых ими за время обучения. В эпоху глобализации и международного научного сотрудничества спрос на специалистов, владеющих русским языком в профессиональной коммуникации, неуклонно растёт. Профессиональное владение русским языком открывает перед иностранными специалистами широкие перспективы для участия в научных проектах.

Актуальность поднимаемой в данной статье проблемы обусловлена, во-первых, большим количеством изучающих русский язык как в России, так и за рубежом, а во-вторых, тем, что в настоящее время многие студенты стремятся продолжить свое обучение в магистратуре и в аспирантуре, познавая язык с научной точки зрения. Кроме того, о важности проблемы говорит и немалое количество статей, связанных с трудностями обучения научному стилю иностранцев. И в последние годы таких публикаций становится все больше. В одних работах исследователи используют опрос преподавателей РКИ, чтобы выяснить причины плохого усвоения иностранцами основ научного стиля и дать свои рекомендации по устранению проблемы (см. раб. Лян Цзяхуэй, Чжан Сюань, И. В. Щеглова), в других анализируются истоки обозначенной проблемы еще на этапе довузовской подготовки (Т. В. Черкес). Некоторые исследователи выясняют причины неудовлетворительного владения научным стилем в рамках конкретных специальностей (Д. Ф. Арцыменя). В целом, несмотря на разные подходы в освещении данной проблемы, все исследователи подчеркивают ее важность и актуальность.

Целью исследования является выявление степени влияния использования научных текстов на результативность изучения русского языка как иностранного в аспекте овладения языком

специальности и развития академических компетенций иностранных студентов.

Как правило, некоторое представление о стилистических особенностях текстов студенты получают в процессе обучения. Среди прочих функциональных стилей научный стиль выделяется рядом особенностей, обусловленных не только сферой его применения, но и основной целью, которую он преследует. Как известно, данный стиль сформировался в сфере научного познания. Основной функцией научного общения является вывод нового знания о предметах или явлениях, а также их свойствах и качествах. Соответственно, и стиль научных работ должен определяться «их содержанием и целями научного сообщения – по возможности точно и полно объяснить факты окружающей нас действительности, показать причинно-следственные связи между явлениями, выявить закономерности исторического развития и т. д.» [1, с. 33–34]. Краткое и емкое определение научного стиля, данное Д. Э. Розенталем, как правило, является руководством к действию для преподавателей, обучающихся студентов (и носителей языка, и иностранцев) основам стилистики: «Научный стиль характеризуется логической последовательностью изложения, упорядоченной системой связей между частями высказывания, стремлением авторов к точности, сжатости, однозначности выражения при сохранении насыщенности содержания» [Там же].

В России и за рубежом вузовская программа изучения русского языка иностранными студентами (речь идет не о языковых курсах, а об обучении по программам бакалавриата и магистратуры) предполагает освоение ими основ стилистики и написание различных работ, связанных с пониманием специфики научного стиля и владением им. Как отдельный предмет стилистика традиционно читается лишь в магистратурах китайских языковых вузов. Если русский язык не является профильной дисциплиной, то студенты получают минимальное представление о функциональных стилях в рамках общих занятий по русскому языку. Очевидно, что при таком подходе к изучению стилистики студенты сталкиваются с целым рядом проблем при написании научных работ. Что касается непосредственно китайских студентов, то они, по наблюдениям ав-

торов данной статьи, наиболее уязвимы в подобной ситуации, поскольку не обладают навыками исследовательской работы и ее описания. Не только в довузовской, но и в собственно вузовской китайской образовательной практике так называемая работа студента-исследователя подменяется работой по реферированию либо компилированию чужих текстов. Для китайского студента не составит труда создать прекрасно иллюстрированную презентацию обзорного характера, снабженную множеством технических эффектов. Но проанализировать какое-либо очевидное явление, дать ему оценку, а тем более описать, используя средства научного стиля, оказывается непосильной задачей. Заметим, что мы ни в коей мере не критикуем специфику китайского образования, которое обладает своими уникальными принципами и методиками, а лишь указываем на различия в представлениях о научной работе. Проблема заключается именно в том, что эти различия должны быть устранены, когда речь идет о международных стандартах научных сочинений разного рода, таких, например, как научная статья, магистерская, кандидатская диссертации и проч.

В первую очередь, следует конкретизировать проблемы, с которыми сталкиваются студенты при овладении научным стилем. Одна из них – отсутствие аналитического начала, склонность к реферированию – уже была нами названа ранее. В этом нам видится отчасти проявление китайского менталитета: чужое авторитетное мнение ценнее собственного. Китайцы – трудолюбивый народ, они хорошие исполнители, очень дисциплинированы. Но свою собственную позицию высказывают не часто. Здесь проявляется воспитанное с детства уважение к авторитетам: к старшим, к преподавателю, к руководителю. Вполне очевидно, что в образовательной среде также проявляется национальное мышление, и понятно, почему предпочтение отдается, например, такому виду работы, как реферат (сумма чужих авторитетных мнений), нежели исследованию, предполагающему анализ (выражение и обоснование своей точки зрения). Кстати, отсутствие навыков анализа, сравнения, сопоставления различных явлений и фактов, в частности языковых, проявляется и в том, что среди образовательных методов в приоритете у китайской аудитории заучивание. За ограниченное время китайские учащиеся способны запомнить большой объем информации, в то время как другие студенты прибегают к запоминанию материала путем аналогий, сравнений и проч.

Назовем другую проблему, влияющую на трудное усвоение китайскими студентами основ

научного стиля. Она также связана с национальным мышлением китайцев. Как ни странно, истоки ее – в своеобразии и концептуальности родного языка. Как известно, китайские иероглифы восходят к древним пиктограммам, которые изначально служили изображениями тех или иных предметов и явлений, а впоследствии трансформировались в условные знаки. Кроме того, значение китайских иероглифов интерпретируется в зависимости от значения компонентов, из которых они состоят. Именно благодаря этому в практике изучения китайского языка применяется способ анализа отдельных компонентов иероглифа, что способствует их осмыслению и более легкому запоминанию. В китайских иероглифах воплотилось культурное и историческое наследие Китая, они являются специфическими языковыми знаками, передающими своеобразие китайского национального мышления. Например, иероглиф 好 hǎo, который имеет значение «хорошо» и входит в состав китайского приветствия, состоит из двух частей: 女 nǚ ‘женщина’ и 子 zǐ ‘ребенок, мальчик’. То есть в представлении китайцев женщина, имеющая сына, это хорошо. Как мы уже отметили, китайский язык очень метафоричен и концептуален. Такое свойство родного языка нередко переносится студентами на изучаемый иностранный язык, а именно русский. Это проявляется по-разному, в частности, обнаруживается в их стремлении приукрасить речь, выразиться иносказательно, используя сравнения и метафоры. Речь, безусловно, идет о тех обучающихся, которые уже в достаточной степени овладели русским языком. Именно такие студенты и сталкиваются с проблемой использования научного стиля в курсовых, дипломных и прочих работах, поскольку этот стиль практически полностью исключает те языковые элементы, которые могут привести к многозначности, во избежание неоднозначного толкования научных понятий.

Третья проблема, оказывающаяся препятствием на пути овладения китайскими студентами научным стилем, тоже связана с культурной спецификой. Это этикетные нормы, согласно которым принято восхвалять авторитетного человека, его мнение, достижения. Зачастую обзор имеющихся в науке точек зрения на исследуемую проблему превращается в дифирамбы выдающимся ученым. Здесь, безусловно, должна быть четкая грань между данью уважения и «хвалебными песнями». Кроме того, что они неуместны и неприемлемы в научном стиле, они исключают возможность критического анализа, что нивелирует собственный взгляд студента на изучаемую научную проблему. Авторы статьи неоднократно

сталкивались с подобной ситуацией, являясь научными руководителями магистрантов из Китая.

На наш взгляд, активное включение элементов научного стиля в процесс обучения иностранных учащихся вузов начиная с начальных этапов обучения, постепенное и последовательное расширение терминологической базы, чтение научной литературы по специальности, составление конспектов и другие виды деятельности, в центре которой находится научный текст, могут позволить иностранным учащимся постичь азы научной стилистики. Известно, что научный текст является концентрированным источником специализированной лексики и терминологии, применяемой в конкретной области знаний. Изучение языка специальности через научные тексты дает возможность развить навыки чтения, письма, анализа и оценки информации, а также позволяет специалисту овладеть профессиональной лексикой. С овладением этими компетенциями существенно повышается общий уровень языка учащихся. За счет интеграции научных текстов в учебный процесс у студентов формируется академический тип мышления. Они учатся умению следовать стандартам научного стиля и структуре научного текста. Это необходимо для того, чтобы иностранные студенты могли успешно реализовывать свой научный потенциал в русскоязычной образовательной среде и вносить вклад в развитие науки.

Научный текст на занятиях РКИ выполняет сразу несколько функций: является источником специализированных знаний, средством развития навыков анализа и критического мышления, а также инструментом для совершенствования языковых компетенций. Работа с научным текстом способствует расширению словарного запаса, освоению научного стиля речи и формированию умений работы с информацией. Однако использование научного текста на занятиях РКИ требует адаптации материала к уровню языковой подготовки студентов, что представляет одну из ключевых сложностей. Научный текст как средство обучения языку специальности на занятиях русского языка как иностранного представляет значительный интерес с точки зрения развития методики преподавания языка специальности и языковой подготовки иностранных специалистов в различных областях науки.

Традиционно под научными текстами понимается «...научное знание как продукт познавательной деятельности ученого и одновременно процесс познания учеными определенного явления действительности» [2, с. 3]. Многие исследователи отмечают, что научный текст выступает как выражение и отражение научного стиля, то

есть особого способа когнитивных и коммуникативно-речевых действий субъекта, решающего в процессе формирования текста задачу сообщения нового знания о действительности и доказательства истинности этого, а также рассматривают научный текст как вариант общелитературного языка, говоря о том, что он характеризуется наличием ряда специфических составляющих [3, с. 66] [4, с. 151].

Давая определение понятию «научный текст», некоторые исследователи акцентируют внимание на сложности данного вида текстов, которая обусловлена использованием в образовательной среде, но в то же время отмечают неотъемлемое свойство каждого научного текста – его структурность, так как она выражает отношения, существующие между частями данного текста. Для научных текстов характерны логические, клишированные схемы расположения основной информации, определяющиеся жанровой принадлежностью. В целом, в научном стиле предпочтение отдается точности, терминологичности, однозначности лексических единиц.

Высокая степень нормативности научного текста является барьером для развития профессиональных навыков будущего специалиста. Иностранные учащиеся сталкиваются с трудностями, связанными с необходимостью оформлять научный текст в соответствии с нормами русского литературного языка и особенностями научного стиля русской речи [5, с. 135].

Важно учесть, что сами тексты научного стиля, созданные учащимися, например, тезисы, статьи, курсовые и дипломные проекты и проч., по сути «отражают этапы научной мыслительной деятельности автора» [6, с. 987]. В связи с этим следует познакомить учащихся со спецификой научной речи, в том числе с ее письменной формой, в которой очень важно знать различные приемы оформления, соединения структурно-композиционных частей текста, способы выражения наиболее общих смысловых операций, которые образуют логическую основу письменного научного текста. Кроме этого, в процессе подготовки будущего специалиста и формирования его профессиональной компетенции роль научного текста является одной из самых главных.

Методика работы с научным текстом может включать в себя ряд упражнений на развитие навыков чтения, анализа текста, составления рефератов и аннотаций. Помимо этого, работа с научным текстом на занятиях РКИ включает в себя все аспекты процесса обучения (аудирование, говорение, письмо, чтение, лексика, грамматика). Кроме этого, на базе подобных заданий форми-

руется коммуникативная (профессиональная) компетенция будущего специалиста.

В рамках занятий с иностранными учащимися могут быть предложены различные задания по отработке навыков использования терминов по специальности. Например, у студентов-лингвистов на разных этапах обучения, начиная с первого курса, формируется профессиональная коммуникативная компетенция. Предлагаемые учащимся задания в рамках занятий по основным филологическим дисциплинам могут быть следующие:

Лексический минимум

Язы'к	<i>Современный - древний, Мертвый - живой, Письменный - бесписьменный</i>

Далее можно предложить задания на основе тестовых упражнений в качестве контроля за знаниями: г) выполните тестовые задания; д) на-

1. Дисциплина «Древние языки и культуры», 1 курс, бакалавриат, специальность «Лингвистика». Используются материалы пособия по курсу [7].

Выполните следующие задания: а) составьте словосочетания с сущ. *язык* (*при необходимости переведите их на родной язык); б) придумайте предложения с этими словосочетаниями по модели: (Какой?) *язык – это древний язык* и т. д., используя слова для справок: русский язык, древнекитайский язык, английский язык, шумерский язык и т. д.; в) прочитайте полученные предложения вслух, повторите их на память

пишите небольшое рассуждение, ответив на вопрос «Что такое мертвый язык?», приведите примеры.

Какие из перечисленных языков являются мертвыми?

- А. Латинский язык, шумерский язык.
- Б. Французский язык, китайский язык.
- В. Старославянский язык, украинский язык.

Найдите определение понятию «живой язык».

- А. Это любой разговорный язык, принадлежащий определённому языковому коллективу, систематически и постоянно используемый им в общении и изменяющийся в процессе использования.
- Б. Это один из двух видов литературного языка, употребляемый в условиях непринужденного общения и противопоставленный кодифицированному книжному языку.
- В. Это язык, не существующий в живом употреблении и, как правило, известный лишь по письменным памятникам, или находящийся в искусственном регламентированном употреблении.

2. Дисциплина «Основы языкознания», 2 курс, бакалавриат, специальность «Лингвистика». Используются материалы ЦОР КФУ по курсу (автор-разработчик – Е. И. Колосова) [8].

Прослушайте фрагмент лекции (фрагмент аудиозаписи ЦОР по курсу) и выполните сле-

дующие задания: а) составьте план лекции (или тезисы); б) найдите термины, объясните их значение, переведите эти термины на родной язык; в) напишите конспект лекции; г) прочитайте полученный текст.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

Языки можно сгруппировать по общности их происхождения. На этом принципе основана генеалогическая классификация языков.

Генеалогическая классификация – это группировка языков мира на основании определения родственной связи между ними – отнесения их к одной семье, группе, т. е. на основе общего происхождения предполагаемого праязыка.

Праязык – это язык исторической общности родственных языков: для славянских – праславянский, для романских – народная латынь и т. д.

Генеалогическая классификация делит все языки на семьи, а внутри семей – на группы и подгруппы. В семьи, группы и подгруппы языки объединяются по их материальному сходству. Прежде всего это сходство корней, притом не случайное сходство корней отдельных слов, а наличие целых групп слов с одинаковыми корнями или со сходными корнями, причем это сходство подчиняется определенным закономерностям.

Родство языков всегда очень отчетливо проявляется в числительных, как это имеет место в индоевропейских языках. Такое же сходство обнаруживается иногда и в других группах родственных языков при сравнении таких семантических групп, как: явления природы, названия домашних животных; прилагательные, обозначающие цвет, величину, качество; названия важнейших действий и т. п. Все языки (живые и мертвые) объединяются в языковые семьи и группы, родственные и неродственные языки.

3. Дисциплина «Синтаксис русского языка»,
1 курс, магистратура, специальность «Филология». Используются материалы учебника из основной литературы по курсу [9].

Прочитайте текст по теме «Словосочетание» и выполните следующие задания к нему:

Словосочетание – это смысловое и грамматическое объединение двух (или нескольких) знаменательных слов или форм слов, проявляющее их подчинительные свойства: *цивилизированное общество, полет ракеты, желание работать, лететь самолетом, любить спорт, поехать в город, находиться в квартире, лежать на земле, читать вслух, человек сильного характера, готовый к бою, свободный от предрассудков, экономически выгодный*.

Словосочетание служит средством номинации и строится по определенному образцу, существительное и согласуемое прилагательное, глагол и управляемая словоформа и т. д.

Компонентами словосочетания являются:

1) главное слово (или стержневое) и 2) зависимое слово.

Главное слово – это слово грамматически независимое.

Зависимое слово – это слово, которое формально подчиняется требованиям, исходящим от главного слова [9, с. 21-22].

а) выпишите новые термины, переведите их на родной язык; б) составьте тезисы по этому тексту, продолжите предложения (*Основными компонентами словосочетания являются ...; Объединение двух знаменательных слов или форм слов называется... и под.*); в) составьте не менее 5 вопросов к этому тексту (*Что такое главное слово? Чем является словосочетание? и др.*); г) поговорите со своими одногруппниками, задайте им вопросы и сами ответьте на их вопросы.

На наш взгляд, создание комплексов упражнений для иностранных студентов, представляющих собой адаптированные научные тексты с комментариями и словарем, позволит обучающимся более эффективно осваивать терминологическую базу и структуру научного текста, а также формировать умение критически оценивать и интерпретировать научную информацию, что повысит качество обучения и укрепит мотивацию студентов изучать язык специальности. Нередко иностранные учащиеся при подготовке своих научных работ (курсовых, дипломных, ма-

гистерских диссертаций) допускают неприемлемые в целом для научного стиля в русском языке элементы украшения речи: излишнюю метафоричность, неуместное употребление метафор, пиетет по отношению к другим авторам-исследователям, поскольку переносят собственные представления о научном стиле из родного языка. Например, в работах китайских студентов можно встретить такие фразы: «Путин – вечно-зеленое дерево российской политики» (из курсовой работы бакалавра по анализу выступлений российского президента в СМИ); «Хлеб как мать и отец! Без хлеба жить нельзя!» (из магистерской диссертации о русских пословицах с компонентом «хлеб»).

Как и многие исследователи-методисты, авторы статьи в своих публикациях отмечают, что при работе с научным текстом важно соблюдать принцип преемственности материала, учитывать уровень языковой подготовки обучающихся, адаптировать научный материал и т. д. [10]. Следует подчеркнуть, что практическая значимость данного исследования обусловлена направленностью на решение конкретных образовательных задач, среди которых интеграция иностранных студентов в российскую научно-образовательную среду, что в свою очередь способствует качественному развитию научных исследований и международному научному обмену. Перспективность исследования заключается в выявлении наиболее эффективных подходов к использованию научных текстов в образовательном процессе, что поможет создать новые методики и учебные материалы для обучения языку специальности.

Таким образом, специфика использования научного текста на занятиях РКИ для студентов заключается в целенаправленном формировании профессиональных компетенций студентов, что является основой для будущей научной деятельности. Применение научных текстов в процессе обучения РКИ направлено на развитие и углубление академических навыков, которые необходимы студентам-лингвистам для успешного освоения специализированной области знаний.

Список источников

1. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка: Учеб. для вузов по спец. «Журналистика». 5-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1987. 399 с.
2. Федорченко Е. А. Синтаксис научного текста: учебное пособие. М.: РТА, 2020. 88 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/242759> (дата обращения: 28.06.2024)

3. Дюмон Н. Н. Понятия «научный текст» и «научный дискурс» в лингвистических исследованиях // Альманах современной науки и образования. 2008. № 8–1. С. 65–67.

4. Паишкова М. Н. Научный текст как объект рассмотрения и изучения // Образование и наука в современных условиях. 2016. № 3(8). С. 151–154.

5. Недосугова А. Б. Лингводидактический аспект обучения научному стилю речи в методике преподавания РКИ // Полилингвальность и транскультурные практики. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvodidakticheskiy-aspekt-obucheniya-nauchnomu-stilyu-rechi-v-metodike-prepodavaniya-rki> (дата обращения: 28.06.2024).

6. Питимирова Н.Е. Особенности текста научного стиля // Молодой ученый. 2015. № 7 (87). С. 987–989. URL: <https://moluch.ru/archive/87/16950/> (дата обращения: 28.06.2024)

7. Колосова Е. И. Древние языки и культуры [Электронный ресурс]: учебное пособие для студентов; направление 45.03.02 «Лингвистика», профиль «Русский язык как иностранный» (для иностранных обучающихся). – Электрон. текстовые дан. (1 файл: 11,2 МБ). Казань: Издательство Казанского университета, 2022. 87 с.

8. Колосова Е. И. Основы языкознания. [Цифровой образовательный ресурс]: Направление подготовки: 45.03.02 – Лингвистика. Направленность (профиль) подготовки: Русский язык как иностранный. Квалификация выпускника: бакалавр. URL: <https://edu.kpfu.ru/course/view.php?id=5665> (дата обращения: 28.06.24.)

9. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис: Учебник. 4-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2003. 416 с.

10. Колосова Е. И. Формирование коммуникативной компетенции будущего специалиста в практике преподавания русского языка как иностранного // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2021. № 26-2. С. 199–202.

Библиографический список

1. Арцыменя Д.Ф. О некоторых приёмах работы по изучению научного стиля речи на занятиях по русскому языку как иностранному в техническом вузе // Художественное произведение в современной культуре: творчество – исполнительство – гуманитарное знание: сборник статей и материалов IV Международной научно-практической конференции, Челябинск, 7 апреля 2022 г. / Южно-Уральский государственный институт искусств им. П. И.Чайковского. Челябинск, 2022. С. 261–263.
2. Лян Цзяхуэй, Чжан Сюань, Щеглова И.В. Трудности обучения научному стилю речи студентов-иностранцев: характеристики, типы, тенденции (на материале опроса преподавателей русского языка как иностранного) // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Том 7. Выпуск 2. С. 183–189.
3. Черкес Т. В. Трудности обучения научному стилю речи и конспектированию на этапе предвузовской подготовки. URL: <https://conf.grsu.by/>

alternant2014/index-92.htm (дата обращения: 28.06.2024)

References

1. Rozental', D. E. (1987). *Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka: Ucheb. dlya vuzov po spets. "Zhurnalistika"*. [Practical Stylistics of the Russian Language: A Textbook for Universities with Specialty "Journalism"]. 5-oye, ispr. i dop. 399 p. Moscow, izd. "Vysshaya Shkola". (In Russian)
2. Fedorchenko, E. A. (2020). *Sintaksis nauchnogo teksta: uchebnoe posobie*. [Syntax of Scientific Text: A Textbook]. 88 p. Moscow, RTA. URL: <https://e.lanbook.com/book/242759> (accessed: 28.06.2024). (In Russian)
3. Dyumon, N. N. (2008). *Ponyatiya "nauchnyi tekst" i "nauchnyi diskurs" v lingvisticheskikh issledovaniyakh* [Meanings of "Scientific Text" and "Scientific Discourse" in Linguistic Research]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. No. 8–1, pp. 65–67. (In Russian)
4. Pashkova, M. N. (2016). *Nauchnyi tekst kak ob'ekt rassmotreniya i izucheniya* [Scientific Text as an Object of Examination and Research]. *Obrazovanie i nauka v sovremennykh usloviyakh*. No. 3(8), pp. 151–154. (In Russian)
5. Nedosugova, A. B. (2014). *Lingvodidakticheskii aspekt obucheniya nauchnomu stilu rechi v metodike prepodavaniya RKI* [Linguo-Didactic Aspect of Teaching Scientific Style of Speech in Methods of Teaching RFL]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvodidakticheskii-aspekt-obucheniya-nauchnomu-stilu-rechi-v-metodike-prepodavaniya-rki> (accessed: 28.06.2024). (In Russian)
6. Pitimirova, N. E. (2015). *Osobennosti teksta nauchnogo stilya* [Features of Scientific Style Texts]. *Molodoi uchenyi*. No. 7 (87), pp. 987–989. URL: <https://moluch.ru/archive/87/16950/> (accessed: 28.08.2024). (In Russian)
7. Kolosova, E. I. (2022). *Drevnie yazyki i kul'tury (E'lektronnyi resurs): uchebnoe posobie dlya studentov; napravlenie 45.03.02 "Lingvistika", profil' "Russkij yazyk kak inostrannyi" (dlya inostrannykh obuchayushhikhsya)*. [Ancient Languages and Cultures (Digital Resource): A Textbook for Students; Course 45.03.02 "Linguistics". Field "Russian as a Foreign Language" (for international students)]. Digital file (1 file: 11,2 MB). 87 p. Kazan, izd. Kazanskogo Universiteta. (In Russian)
8. Kolosova, E. I. *Osnovy yazykoznaniya. (Tsifrovoy obrazovatel'nyi resurs): Napravlenie podgotovki:*

45.03.02 – *Lingvistika. Napravlenost' (profil') podgotovki: Russkii yazyk kak inostrannii. Kvalifikatsiya vypusknika: bakalavr*. [Foundations of Linguistics (Digital Resource). A Textbook for Students; Course 45.03.02 "Linguistics". Field "Russian as a Foreign Language" (for international students). Graduate Qualification – Bachelor's Degree]. URL: <https://edu.kpfu.ru/course/view.php?id=5665>. (In Russian)

9. Valgina, N. S. (2003). *Sovremennyi russkii yazyk: Sintaksis: Uchebnik*. [Modern Russian Language: Syntax: A Textbook]. 4th izd., ispr. 416 p. Moscow, "Vysshaya Shkola". (In Russian)

10. Kolosova, E. I. (2021). *Formirovanie kommunikativnoi kompetentsii budushchego specialista v praktike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Communicative Competence Formation of the Future Expert in the Russian as a Foreign Language Teaching Practice]. E. I. Kolosova. *Lingvoriticheskiy paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty*. No. 26–2, pp. 199–202. (In Russian)

Bibliography

1. Artsymenya, D. F. (2022). *O nekotorykh priyomakh raboty po izucheniyu nauchnogo stilya rechi na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu v tekhnicheskoy vuz* [About Several Techniques of Work on the Studying of Scientific Style of Speech in Russian as a Foreign Language Lessons in a Technical University]. *Khudozhestvennoe proizvedenie v sovremennoi kul'ture: tvorchestvo – ispolnitel'stvo – gumanitarnoe znanie: sbornik statei i materialov IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Chelyabinsk, 7 aprelya 2022 g. Yuzhno-Ural'skii gosudarstvennyi institut iskusstv im. P. I. Chaikovskogo*. Pp. 261–263. Chelyabinsk. (In Russian)

2. Liang Jiahui, Zhang Xuan, Shcheglova, I. V. (2022). *Trudnosti obucheniya nauchnomu stilu rechi studentov-inostrantsev: kharakteristiki, tipy, tendentsii (na materiale oprosa prepodavatelei russkogo yazyka kak inostrannogo)*. [Difficulties of Teaching the Scientific Style of Speech to Foreign Students: Characteristics, Types, Trends (by the Survey of Russian as a Foreign Language Teachers)]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*. T. 7, vyp. 2, pp. 183–189. (In Russian)

3. Cherkas, T. V. *Trudnosti obucheniya nauchnomu stilu rechi i konspektirovaniyu na e'tape predvuzovskoi podgotovki*. [Difficulties of Teaching Scientific Style of Speech and Note-Taking in Pre-University Training]. URL: <https://conf.grsu.by/alternant2014/index-92.htm> (accessed: 28.06.2024). (In Russian)

The article was submitted on 05.07.2024
Поступила в редакцию 05.07.2024

Гимранова Татьяна Александровна,
кандидат филологических наук,
преподаватель,
Второй пекинский институт иностранных
языков,
Китай, Пекин, Чаоян.
tgimranova@163.com

Gimranova Tatyana Aleksandrovna,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Beijing International Studies University,

Chaoyang, Beijing, China.
tgimranova@163.com

Колосова Елена Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
hkolosova@yandex.ru

Kolosova Elena Ivanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
hkolosova@yandex.ru

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-314-318

ОБОГАЩЕНИЕ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ИЗУЧЕНИИ БЫЛИН

© Ирина Ерофеева, Анастасия Карасева

ENRICHING STUDENTS' VOCABULARY IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS WHILE STUDYING EPICS

Irina Erofeeva, Anastasiia Karaseva

The article analyzes the vocabulary of epics and the ways to form and enrich secondary school students' vocabulary when studying epics. Texts of ancient Russian literature introduce students to the culture of Ancient Rus' and contribute to their aesthetic, moral and patriotic education, the development of their language and communication skills, and linguocultural competence; moreover, they contain rich lexical and grammatical material. However, the ancient text possibilities are not fully realized in modern textbooks of the Russian language, since they do not contain exercises aiming to study the vocabulary denoting cultural and everyday realities of Ancient Rus'. The purpose of this work is to identify the lexical composition features of epics and determine effective methods for including epic lexis in the students' vocabulary. The study is based on the Novgorod epic "Volga and Mikula Selyaninovich," which the seventh grade students are introduced to in literature lessons. The analysis showed that the text of the epic contains 21 obsolete words and 21 words, whose understanding may be difficult. All the vocabulary is subsumed into groups: names of persons, socio-political, everyday and natural phenomena, words characterizing humans and animals. The article contains the forms of work effective in enriching students' vocabulary.

Keywords: lexis, vocabulary, epic, Russian language, linguoculturology

Статья посвящена анализу лексики былин и рассмотрению путей формирования и обогащения словарного запаса учащихся средней школы при их изучении. Тексты древнерусской литературы не только знакомят школьников с культурой Древней Руси, но и способствуют эстетическому, нравственному и патриотическому воспитанию учащихся, формированию языковых и коммуникативных навыков, лингвокультурологической компетенции, а также содержат богатый лексический и грамматический материал. Между тем в современных учебниках русского языка возможности древнерусских текстов не реализованы полностью, так как в них отсутствуют упражнения, направленные на знакомство с лексикой, обозначающей культурные и бытовые реалии Древней Руси. Цель настоящей работы – выявить особенности лексического состава былин и определить эффективные методы работы по включению былинной лексики в словарный запас школьников. Материалом для исследования стала новгородская былина «Вольга и Микула Селянинович», с которой учащиеся знакомятся на уроках литературы в седьмом классе. Анализ показал, что в тексте былины содержится 21 устаревшее слово и 21 слово, понимание которых может оказаться затруднительным. Вся лексика разделена на группы: наименование лиц, общественно-политическая, бытовая, природные явления, лексика, характеризующая человека и животных. Приведены наиболее эффективные формы работы по обогащению словарного запаса учащихся.

Ключевые слова: лексика, словарный запас, былина, русский язык, лингвокультурология

Для цитирования: Ерофеева И., Карасева А. Обогащение словарного запаса учащихся на уроках русского языка при изучении былин // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 314–318. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-314-318

Современное образование в школах осуществляется в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом, основной целью которого является формирование разносторонне развитой личности, имеющей граж-

данскую и патриотическую позицию, духовно-нравственные и эстетические идеалы, понимающей ценность научного познания. Важнейшими задачами ФГОС в области образования являются сохранение культурного и языкового наследия

народов Российской Федерации, овладение духовными ценностями нации, формирование системных знаний об исторической роли России в мире [1, с. 2–3]. Все вышеперечисленные задачи могут быть реализованы только с опорой на исторический материал, демонстрирующий преемственность поколений, традиции культуры, способствующий передаче опыта и обеспечивающий взгляд в будущее через призму прошлого. Поэтому при изучении в школе предметной области «Русский язык и литература» важно использовать произведения древнерусской словесности как ценный ресурс, обладающий высоким образовательным и воспитательным потенциалом.

Ученые-методисты считают одной из важнейших задач школьного курса русского языка необходимость постоянного обогащения словарного состава учащихся [2, с. 232]. При этом рекомендуют использовать идеографический подход к усвоению лексического материала, изучать его систематизированно, распределив на тематические и лексико-семантические группы [3, с. 55]. Словарный запас учащихся должен постоянно увеличиваться и в количественном, и в качественном отношении, в том числе за счет усвоения пассивной лексики [4, с. 63]. Значительное количество устаревших слов представлено в фольклорных произведениях, интерес к изучению которых необходимо повышать для лучшего понимания ценностей русской культуры.

Среди таких текстов древнерусской литературы особое место занимают былины. Изучение былин в средней школе в 4–7 классах предполагает использование целостной методической системы, включающей формирование представлений о поэтике былин, знакомство с культурным наследием и нравственными ценностями русского народа, обогащение словарного запаса учащихся [5, с. 14]. Изучение оригинальных памятников древнерусской литературы в школе позволяет создать разностороннее представление об исторических событиях того периода, о характере древнерусской литературы, русской общественной мысли и русской культуры в целом [6, с. 5].

Целесообразно лексику былин изучать на уроках русского языка в рамках темы «Устаревшие слова» в 6–7 классах. Однако в учебниках по русскому языку и литературе отсутствуют какие-либо лексические упражнения по данным произведениям, которые бы способствовали пониманию значения употребляемых в былинах слов, а значит, развитию речи и словарного запаса учащихся. Следовательно, в современных учебниках русского языка возможности древнерусских текстов не реализованы полностью.

Знакомство с лексикой былин не только помогает школьникам лучше понять тексты, но и расширяет их общий кругозор, обогащает речь. Для современной языковой ситуации в России важен также и момент усвоения именно исконно славянского лексического фонда в силу большого распространения англицизмов в речи детей. Значительное влияние средств массовой информации и окружающей школьников среды приводит к тому, что речь обедняется, в ней преобладают сленг, заимствования, жаргонизмы. Привитие культуры использования разнообразных языковых средств – важная задача нашей школы на современном этапе. В процессе изучения лексики былин школьники начинают лучше понимать, что такое устаревшие слова и на какие группы они делятся, разграничивать историзмы и архаизмы.

При обращении к текстам древнерусских произведений на уроках развития речи педагог, с учетом возрастных особенностей учащихся и их способности понимать значения неизвестных ранее слов, должен развивать навыки выбора наиболее уместного и точного языкового материала для выражения идей в той или иной ситуации; помогать ученикам заменять нелитературные, просторечные, разговорные слова и выражения литературными синонимами; учить школьников различать ненормированное употребление диалектных, устаревших, разговорных лексем и использовать их в канве художественного произведения в качестве изобразительно-выразительных средств.

В процессе подобной работы происходит обогащение лексикона школьников не только в количественном, но и качественном отношении, развиваются навыки установления ассоциативных связей лексем, имеющих общие корни, повышается уровень грамотности.

Рассмотрим способы знакомства с устаревшей лексикой на уроках русского языка в 7 классе на материале былины «Вольга и Микула Селянинович», включенной в учебники по литературе [7, с. 17–23].

Содержание данного произведения определяет и его лексический состав. В былине описывается встреча молодого князя-воина Вольги и простого крестьянина Микулы, который демонстрирует свою силу и храбрость. Симпатия автора явно на стороне Микулы, что свидетельствует о крестьянской идеологии создателей эпического сказания. В былине воспеваются русское крестьянство, его стойкость, смелость, особая мощь, превосходящая даже силы воинов-дружинников. Для полного понимания произведения необходимо охарактеризовать школьникам главных героев, описанных в эпосе Древней Руси и имею-

щих мифические и сказочные черты. Так, Вольга Святославич – это известный персонаж русских былин, князь-дружинник, богатырь-охотник. Его отличительными особенностями были умение менять свой облик и знание языка зверей и птиц. Второй герой – Микула Селянинович – персонаж русских былин новгородского цикла, богатырь, олицетворяющий крестьянскую силу. Его отчество имеет особое значение: Селянинович образовано от основы *селянин* и означает, что он сельский житель, простой пахарь, не княжеского происхождения [8, с. 597].

Знание содержания былины и ее основных персонажей поможет усвоить и новую для учащихся лексику, с которой они встретятся при прочтении текста. В ней отмечаются не только историзмы и архаизмы, но и слова, которые требуют уточнения лексического значения для правильного понимания смысла произведения в целом. Все устаревшие слова распределяются на несколько групп по их основному лексическому значению:

а) наименования лиц: среди них есть историзмы (*наместник*), архаизмы (*оратай*) и слова, значение которых необходимо прокомментировать (*крестный батюшка*, *мóлодец*);

б) слова, относящиеся к общественно-политической лексике: большинство из них историзмы (*дань*, *стольный*, *пожаловать*, *крестьяновать*), в том числе семантические (*дружина*, *получка*);

в) бытовая лексика, в том числе историзмы (*кафтан*, *пуд*, *булатный*), архаизмы (*скирд*, *мех*, *рогач*, *орать*), диалектизмы (*набедье*, *омеш*, *обжа*, *сляга*, *нелегченый*), слова, нуждающихся в уточнении значения (*борозда*, *гуж*, *присошек*, *сафьян*, *сошка*, *шило*);

г) лексика, обозначающая природные явления: к ней относятся архаизмы (*оболоко*) и слова, нуждающиеся в уточнении значения (*раздолье*, *ракита*);

д) лексика, характеризующая человека и животных: архаизмы (*пята*, *ступь*, *хоробрый*, *соловый*, *нарекать*, *растеть-матереть*); слова, нуждающиеся в уточнении значения (*рыскать*, *маломощный*).

Большинство устаревших слов в тексте былины «Вольга и Микула Селянинович» относятся к общественно-политической и бытовой лексике, что определено содержанием текста. В произведении также представлено немало диалектизмов и устаревших форм слов, которым необходимо уделять особое внимание при разборе текста. После распределения по тематическим областям необходимо провести лексическую работу по ознакомлению со значениями слов, входящих в

каждую группу. Некоторые слова утрачены современным русским языком полностью, в том числе и все родственные им слова: к ним относится слово *оратай* (самое частотное в былине, употребленное 39 раз) в значении «землепашец, пахарь», однако оно часто встречается в произведениях древнерусской литературы. Глагол *орать* также требует специального комментария, так как является омонимом разговорного глагола *орать* в современном русском языке, в былине *орать* – «пахать». Требуется объяснения и частотное в тексте слово *сошка* (28 словоупотреблений), образованное при помощи уменьшительного суффикса *-к-* от *соха* – «в старину: простейшее сельскохозяйственное орудие для вспашки земли» [9] (известное школьникам из поговорки *один с сошкой, семеро с ложкой*, которую целесообразно вспомнить для актуализации значения слова *сошка*, конечно, неизвестного городскому жителю). При этом можно обратить внимание на диалектные слова, также называющие сельскохозяйственные орудия, в частности *омеш* – «лемех» [10], что значит «часть плуга, подрезающая пласт земли снизу и передающая его на отвал» [9].

Семантическим историзмом является слово *дружина*, которое обозначало очень важное для Древней Руси понятие «вооруженный отряд при князе; войско, рать», а потому употреблялось в самых разных жанрах древнерусской письменности: оригинальных, летописных, фольклорных. Слово сохранилось в современном русском языке в значении «группа, обычно военизированная, отряд» [9] и может быть известно школьникам в сочетаниях *пожарная дружина* или *добровольная народная дружина*.

Среди лексики природы требует комментария притяжательное прилагательное *ракетов* от слова *ракита* – народное название некоторых видов ивы, ивовых кустов.

Отдельное внимание необходимо обратить на слова с восточнославянским полногласием в корне *-оро-*, имеющие старославянские параллели с неполногласием *-ра-*. К ним относятся слово *борозда* – «углубление в земле, образованное при вспахивании» (старославянское *бразда*, ср. фразеологизм *бразды правления* (высок.) – «власть, управление»); прилагательное *хоробрый* – то же, что храбрый; устаревшая полногласная форма *оболоко* – то же, что облако.

Особого внимания требуют различные производные образования, прежде всего уменьшительно-ласкательные, характерные для русского фольклора и широко представленные в тексте. Смысл таких слов понятен школьникам, но с подобным употреблением они не встречаются в современном русском языке, особенно если

уменьшительное образование создано от незнакомой основы: *дружинушка* (от *дружина*), *оратаюшка* (от *оратай*), *бороздочки* (от *борозда*), *небушко*, *земелька*, *жеребчик*, *жеребеночек*, *конек*, *мужичок*. Необходимо обратить внимание и на использование стилистически сниженной разговорной приставки *по-*, выражающей значение многократности, повторяемости действия: *повыдернуть*, *повытряхнуть*, *повывернуть*; а также элемента *по-* в составе первой части конфикса *по...ива/ыва*, выражающего значение «совершение действия в течение некоторого времени»: *посвистывать*, *поскакивать*, *покрикивать*, *помахивать*, *похваливать*.

Среди устаревших слов встречаются словообразовательные архаизмы, то есть слова, отличающиеся от современных какой-либо морфемой: *похотеться* (вместо *захотеться*); устойчивые парные конструкции, типичные для фольклора: *растеть-матереть* – «достигать зрелого возраста, полноты сил; становиться матерым» [11], что обусловлено такими особенностями былин, как троекратность действия и словесные повторы.

Некоторые традиционные сочетания включают прилагательные, изменившие свое значение. К ним относятся *добрый конь*, где *добрый* значит «сильный, выносливый». В древнерусском языке первичным значением слова *добрый* было «хороший, безукоризненный», и оно было антонимом слова *худой* в значении «плохой». В сочетании *красное золото* слово *красный* имеет значение «высокосортный, наиболее ценный».

Для закрепления полученных знаний могут быть использованы упражнения различного типа. Наибольшей эффективностью отличаются следующие задания, способствующие лучшему пониманию новых слов, закреплению их в памяти и обогащению словарного запаса учащихся.

1. Проектная работа учащихся на материале былин. Былина «Вольга и Микула Селянинович» может послужить основой для работ по темам «Быт и занятия в Древней Руси», «Представление о храбрости в Древней Руси», «Мифологические образы Древней Руси».

2. Определение слова по его значению. Например, вооруженный отряд при князе; войско, рать (*дружина*), народное название некоторых видов ивы, ивовых кустов (*ракита*).

3. Распределение устаревших слов из былин на историзмы и архаизмы, объяснение своего выбора: *дружина*, *дань*, *грош*, *оболоко*, *мех*, *рогач*, *орать*.

4. Выделение суффиксов в производных словах и нахождение производящих основ этих слов: *дружинушка*, *оратаюшка*, *бороздочки*, *не-*

бушко, *земелька*, *жеребчик*, *жеребеночек*, *конек*, *мужичок*, *кленовенький*.

5. Описание иллюстраций к басне с использованием изученных слов, называние предметов по их изображению.

7. Составление словарных статей к словам, определение их этимологии.

8. Замена в тексте устаревших слов современными и наоборот.

Итак, как предварительная работа по ознакомлению с устаревшей лексикой, так и система упражнений, направленных на ее закрепление в памяти, способствует не только расширению словарного запаса учащихся, переходу некоторых лексем из пассивного словаря в активный, но и лучшему пониманию содержания былин, их аллегорического смысла, а вместе с тем и системы ценностей и мировоззрения русского народа. Историко-культурный комментарий к устаревшим лексическим единицам способствует развитию представлений о картине мира русского народа, более глубокому пониманию системы ценностей и мировоззрения наших предков.

Список источников

1. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». Министерство просвещения Российской Федерации, (С.С.Кравцов). Москва, 2021. 126 с.
2. Баранов М. Т., Ипполитова Н. А., Ладыженская Т. А., Львов М. Р. Методика преподавания русского языка в школе. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 368 с.
3. Артеменко Н. А. Обогащение словарного запаса учащихся с опорой на идеографический подход // Научно-педагогическое обозрение. 2014. Вып. 1 (3). С. 53–59.
4. Трофимов И. О., Курьянович А. В. Обогащение словарного запаса школьников как лингвометодическая проблема // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 2 (220). С. 58–68.
5. Никитина Л. А. Изучение былин в школе в контексте ознакомления с народной культурой: автореф. дис.... канд. пед. наук: Самара, 2005. 21 с.
6. Ерофеева И. В. Значение «Повести временных лет» в преподавании дисциплин гуманитарного цикла // Русская словесность. Научно-методический журнал. 2011. № 3. С. 5–11.
7. Коровина В. Я., Журавлев В. П., Коровин В. И. Литература. 7 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 1. 5-е изд. М.: Просвещение, 2016. 358 с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. М.: Прогресс. 1987. 832 с.

9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/> (дата обращения: 08.07.2024)
10. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Русский язык. 1988. URL: https://old_russian.academic.ru/ (дата обращения: 07.07.2024)
11. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. 2000. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 07.07.2024)

References

1. Artemenko, N. A. (2014). *Obogashhenie slovarnogo zapasa uchashhikhsya s oporoi na ideograficheskii podkhod* [Enriching Students' Vocabulary Based on an Ideographic Approach]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*. Iss. 1 (3), pp. 53–59. (In Russian)
2. Baranov, M. T., Ippolitova, N. A., Ladyzhenskaya, T. A., L'vov, M. R. (2001). *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka v shkole* [Methods of Teaching Russian in School]. 368 p. Moscow, Izdatel'skii tsentr "Akademiya". (In Russian)
3. Efremova, T. F. (2000). *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka Efremovoi* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language by Efremova]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (accessed: 07.07.2024). (In Russian)
4. Erofeeva, I. V. (2011). *Znachenie "Povesti vremennykh let" v prepodavanii distsiplin gumanitarnogo tsikla* [The Significance of "The Tale of Bygone Years" in Teaching Humanities Disciplines]. *Russkaya slovesnost'*. *Nauchno-metodicheskii zhurnal*. No. 3, p. 5. (In Russian)
5. Fasmer, M. R. (1987). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. V 4 tomakh. T. 3. 832 p. Moscow, Progress. (In Russian)
6. Korovina, V. Ya., Zhuravlev, V. P., Korovin, V. I. (2016). *Literatura. 7 klass. Ucheb. dlya obshcheobrazovatel'nykh organizatsii. V 2 ch. Ch. 1*. [Literature. 7th Grade. A Textbook for General Education Institutions. In 2 Parts. Part 1]. 5-e izd. 358 p. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)
7. Nikitina, L. A. (2005). *Izuchenie bylin v shkole v kontekste oznakomleniya s narodnoi kul'turoi: avtoref. diss.... kand. ped. nauk*. [Studying Epics at School in the Context of Familiarization with Folk Culture: Ph.D. Thesis Abstract]. Samara, 21 p. (In Russian)
8. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1999). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. Moscow, Azbukovnik. URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=257> (accessed: 08.07.2024). (In Russian)
9. *Prikaz Ministerstva prosveshcheniya Rossiiskoi Federatsii ot 31.05.2021 № 287 "Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta osnovnogo obshchego obrazovaniya"*. *Ministerstvo prosveshcheniya Rossiiskoi Federatsii, (S. S. Kravtsov)* (2021) [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated May 31, 2021 No. 287 "On Approval of the Federal State Educational Standard of Basic General Education." Ministry of Education of the Russian Federation, (S. S. Kravtsov)]. 126 p. Moscow. (In Russian)
10. *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* (1988) [Dictionary of the Old Russian Language (the 11th–14th Centuries)]. Moscow, Russkii yazyk. URL: https://old_russian.academic.ru/ (accessed: 07.07.2024). (In Russian)
11. Trofimov, I. O., Kur'yanovich, A. V. (2022). *Obogashhenie slovarnogo zapasa shkol'nikov kak lingvometodicheskaya problema* [Enriching the Vocabulary of Schoolchildren as a Linguistic and Methodological Problem]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 2 (220), pp. 58–68. (In Russian)

The article was submitted on 06.07.2024
Поступила в редакцию 06.07.2024

Ерофеева Ирина Валерьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
erofeeva89@mail.ru

Карасева Анастасия Игоревна,
ассистент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
a.i.karaseva@mail.ru

Erofeeva Irina Valer'evna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
erofeeva89@mail.ru

Karaseva Anastasiia Igorevna,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
a.i.karaseva@mail.ru

УДК 372.8: 811.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-319-324

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ В ОБУЧЕНИИ РКИ

© Елена Ибрагимова

INTERPRETATION OF MODERN LITERARY TEXTS: THE ROLE OF SOCIO-CULTURAL CONTEXT IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Elena Ibragimova

The article examines the socio-cultural potential of the “urban” text as an educational material in the course of learning Russian as a foreign language. We consider the features of socio-cultural principles in teaching Russian as a foreign language. The article presents three traditionally practiced stages of text work, based on a modern “urban” text (the story by E. Bunimovich), giving examples of exercises aimed at developing “urban” text interpretation skills, and improving the knowledge and skills of Russian vocabulary and grammar. Special attention is paid to the use of phraseological units and words, meaning realities that help to learn more about the Russian language and the features of Russian culture.

The article concludes that the “urban” text as a widespread and accessible communicative material serves as an illustration of the living Russian language for international students and ensures their contact with the modern cultural and linguistic realities of the Russian linguistic community. The socio-cultural context of such texts directly affects their process of perception and adaptation in the Russian-speaking environment. As “urban” texts are oriented towards various spheres of communication, foreign communicants accumulate the necessary vocabulary for successful communication.

Keywords: literary text, “urban text”, socio-cultural approach, teaching Russian as a foreign language

В статье рассмотрен социокультурный потенциал «городского» текста как разновидности художественного текста в качестве учебного материала в курсе русского языка как иностранного. Рассмотрены особенности социокультурного подхода при обучении русскому языку как иностранному. На примере современного «городского» текста (рассказ Е. Бунировича) на трех традиционно принятых этапах работы над текстом представлены примеры упражнений, направленных как на выработку умений интерпретировать «городской» текст, так и на усовершенствование знаний и умений по лексике и грамматике русского языка. Особое внимание при составлении упражнений было уделено использованию фразеологизмов; слов, означающих реалии, которые помогают больше узнать о русском языке, особенностях русской культуры.

Сделаны выводы, что «городской» текст как доступный коммуникативный материал служит для иностранных студентов иллюстрацией живого русского языка и обеспечивает их контакт с современными культурно-языковыми реалиями российского лингвосообщества. Отмечено, что социокультурный контекст таких текстов влияет на процесс восприятия русской культуры и успешную адаптацию иностранцев в русскоязычной среде. Благодаря ориентированности «городских» текстов на разнообразные сферы общения инокоммуниканты накапливают необходимую лексическую базу для успешного общения

Ключевые слова: художественный текст, «городской текст», социокультурный подход, преподавание русского языка как иностранного

Для цитирования: Ибрагимова Е. Роль социокультурного контекста при интерпретации современных художественных текстов в обучении РКИ // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 319–324. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-319-324

Социокультурный подход к обучению языку как иностранному был предложен Е. М. Верещагиным, В. Г. Костомаровым еще в 70-е годы XX

века. Проблема взаимодействия языка и культуры освещена в научных трудах В. А. Масловой, С. Г. Тер-Минасовой, Н. В. Ушаковой и других ис-

следователей. В трудах В. В. Сафоновой, посвященных теории преподавания иностранных языков, обоснована концепция социокультурного подхода к обучению. В пределах данного подхода исследователь разделяет категории страноведения и культуроведения, особое внимание уделяет методическому наполнению социокультурной компетенции, выделяя ее стратегии, под которыми понимает приемы, применяемые субъектами коммуникации с целью установления и поддержания межкультурного взаимодействия в аспекте диалога культур с целью построения социокультурных портретов страны, язык которой изучается, и участников межкультурной коммуникации [1, с. 11].

Интеграция социокультурной информации в обучающий процесс не только позволяет расширить академические знания обучающихся, но и способствует усилению их мотивации к изучению русского языка, стимулирует их к самостоятельной академической работе. Она также служит инструментом обеспечения комфортной адаптации иностранных студентов в стране, что считается ключевым фактором их полноценного проживания на данной территории.

Можно отметить, что преподаватели русского языка как иностранного должны подходить к выбору образовательного материала и структурированию учебного процесса таким образом, чтобы социокультурная информация была представлена в доступной для обучающихся форме.

По мнению многих лингвистов, ментальный смысл находит свое отражение в языковой системе. Так, С. Г. Тер-Минасова представляет концепцию языка как сокровищницу культуры, которая ретранслирует через лексику и фразеологию, грамматику культурные ценности [2, с. 8]. Итак, социокультурный компонент содержания обучения реализуется на всех уровнях языковой системы, но наиболее показательна эта реализация на текстовом уровне, что и становится основой для систематического применения текстов на занятиях по РКИ.

Использование художественных текстов, в частности, так называемых «городских текстов», обладает существенным образовательным, развивающим и воспитательным потенциалом, поскольку обучающиеся не просто осваивают новый язык, оттачивают свои коммуникативные навыки, но и знакомятся с русской культурой.

Данное исследование ставит своей целью определить основные аспекты работы с «городским текстом» как разновидностью художественного текста на занятиях по русскому языку как иностранному.

Обширное и многообразное применение текстового материала как средства обучения,

имеющего весомый социокультурный потенциал, является важным для овладения русским языком как иностранным. Применение текстов как эффективного и продуктивного механизма обучения русскому языку базируется на восприятии текста как проявления речевой деятельности, как единства речевых знаков, упорядоченных в соответствии с нормами этого языка и функционирующих как носители содержания, ибо каждый текст, освещающий определенную тему, обязан включать конкретный объем фактического материала, определённую информацию.

Для современных студентов интересными являются тексты, провоцирующие яркие, позитивные эмоциональные реакции, способствующие формированию гармоничного взаимодействия с окружающей средой, что, в свою очередь, оказывает помощь в построении оптимистического мировоззрения. Психологи доказывают, что существенным фактором возникновения интереса к учебному материалу является его эмоциональная окраска [3, с. 104]. Особую значимость приобретает анализ текстов – образцов художественного стиля, основными характеристиками которого выступают художественные образы, эмоционально окрашенные лексические единицы и так далее. Системная работа с текстовым материалом позволяет обучающимся усвоить типичные шаблоны высказываний и в дальнейшем помогает воспроизводить собственные тексты.

Процесс обучения основывается на изучении, интерпретации, генерации текстов. Речевая активность при таком подходе представляет собой самостоятельный тип деятельности, поскольку включает в свою структуру цель, мотив, предмет, субъект и результат. Коммуникация осуществляется через ретрансляцию информации в текстах различной тематики и жанрово-стилевой принадлежности. Каждый индивидуум в свою очередь является создателем элементов культуры социального общества, в котором он проживает.

Для осознанного восприятия информации важно применять упражнения, нацеленные на приобретение фоновых знаний. Объем таких знаний должен обуславливаться необходимостью понимания ключевой идеи соответствующего текста, равно как и решением содержательных и языковых трудностей его восприятия; быть нацеленным на формирование навыков и умений лингвострановедческого чтения. На наш взгляд, целью предварительной работы с языковым материалом является не механическое запоминание слов, словосочетаний, речевых шаблонов, а усвоение их использования в процессе коммуникации. Например, перед началом новой темы студентам предлагается высказать предпо-

ложение о названии или содержании текста на основе иллюстраций или ключевых слов.

Одним из примеров текста социокультурной направленности является так называемый «городской текст», систематическая работа над которым на занятиях по РКИ способствует пониманию иностранными студентами особенностей культуры современной России. В рамках данной статьи рассмотрим примеры работы с «городским текстом» на занятиях по русскому языку как иностранному.

Как известно, работа с художественными текстами в иностранной аудитории предполагает не только анализ грамматических структур и синтаксических конструкций, но и знакомство и изучение специфической лексики с национально-культурным компонентом.

Важный аспект работы с художественным текстом — это аналитическое, или изучающее чтение, предполагающее последовательный процесс извлечения информации из текста, ее интерпретацию, усвоение, запоминание, а также воспроизведение и оценку полученной информации при наличии установки на ее последующее использование. Не менее важным, учитывая социокультурный характер художественных текстов, становится умение иностранных учащихся определять и интерпретировать культурно-специфическую лексику, что, в свою очередь, требует от обучающихся умения пользоваться лингвострановедческими словарями и справочниками.

Иноязычный материал предполагает трехэтапное восприятие текста: *мотивационно-*

побудительный, аналитико-синтетический, контрольно-корректирующий.

Данные особенности восприятия предполагают выделение следующих этапов работы с текстом:

1. Предтекстовый (*подготовительный*).
2. Притекстовый (*ознакомительный*).
3. Послетекстовый (*исследовательский*).

В рамках данного исследования рассмотрим специфику работы с «городским текстом» на примере рассказа Евгения Бунимовича «Школы и больницы» [4]. Нами разработана система упражнений, направленных на формирование современных фоновых знаний на основе особого типа художественного текста, что является новым и актуальным.

Предтекстовый этап работы с художественным текстом направлен на снятие возможных лексико-грамматических и страноведческих трудностей. Он традиционно состоит из вводной беседы и задач на антиципацию (догадка, прогнозирование содержания текста по его заголовку). Ввиду наличия в текстах единиц с национально-культурным компонентом содержания целесообразной и необходимой на этом этапе работы является мини-лекция преподавателя лингвострановедческого характера с целью актуализации фоновых знаний иностранных студентов.

На данном этапе уместной будет информация об авторе изучаемого произведения. Ее можно подать в виде краткой лекции в сопровождении презентации (рис. 1).

Евгений Абрамович Бунимович

(род. 27 мая 1954, Москва)

Российский поэт, педагог, публицист, общественный деятель. Депутат Московской городской Думы трёх созывов (1997—2009 гг.). С 2009 г. — Уполномоченный по правам ребёнка в Москве.

Родился в семье московских учителей и учёных-математиков. Родители — выпускники механико-математического факультета МГУ Бунимович Абрам Исаакович, профессор МГУ (1980), и Раиса Ефимовна, учитель математики.

Первая книга стихов издана в Париже (1990), за ней последовали сборники стихов в России и Франции, а также книги прозы, статей, эссе. Стихи печатались во многих странах мира в переводах на английский, французский, немецкий, голландский, китайский, арабский, испанский, польский, сербский, румынский, узбекский. Проза — в переводах на английский, французский, голландский, финский, казахский.

Участник поэтических фестивалей в России, Франции, Бельгии, Италии, Германии, Великобритании, США, Сербии, Канаде, Китае, Украине. Инициатор международного фестиваля «Биеннале поэтов в Москве» (с 1999), московского фестиваля в рамках Всемирного дня поэзии ЮНЕСКО (с 2000), вице-президент Русского ПЕН-центра (с 2014).

Рис. 1. Примеры материала для слайдов презентации на предтекстовом этапе

После ознакомительной информации студентам можно предложить вопрос: *Как вы считаете, почему, обращаясь к изучению городских текстов, мы с вами будем изучать один из рассказов Е. Бунимовича?* Задав этот вопрос, следует подвести студентов к ответу о том, что этот писатель является коренным москвичом, нашим современником, а следовательно, созданные им тексты могут послужить материалом для понимания культурных особенностей московского (а следовательно, и российского) общества XX–XXI вв.

На предтекстовом этапе уместна работа с заголовком текста. В данном контексте преподаватель задает вопрос студентам, почему, по их мнению, предлагаемый далее рассказ имеет такое название. Студентов подводят к ответу, что автор вспоминает о школах и больницах, которые сопровождали его детство и юность.

Следующим шагом целесообразно обратить внимание студентов на то, что данный рассказ входит в цикл «Неглинка: фрагменты одной жизни и одной реки», который, в свою очередь, является частью сборника «Москва: место встречи». Исходя из этого, студенты приходят к выводу, что все рассказы цикла посвящены определенным топографическим объектам Москвы, расположенным в районе реки Неглинки, где автор, вероятно, провел свое детство.

После данной беседы следует переходить непосредственно к работе с текстом рассказа.

Для уровней B2 и C1 система фонетических и лексико-грамматических задач предполагает коррекцию и усовершенствование уже существующих у студентов компетенций.

Приведем примеры фонетических и лексических задач, которые можно предложить студентам на предтекстовом этапе работы. Заметим, что фонетические упражнения на продвинутом этапе обучения имеют рецептивный и рецептивно-репродуктивный характер, а потому могут использоваться для самостоятельной работы студентов, например:

1. Прочитайте текст вслух, обратите внимание на произношение звуков:

а) гласных звуков в ударной и безударной позициях (например, *театр, снегопад*);

б) согласных звуков в конце слова и слога (например, *округов, абсурд, зябко*);

в) шипящих и свистящих звуков (например, *нездешности, французские*).

2. Прочитайте вслух текст, соблюдая правильную интонацию вопросительного и восклицательного предложений (например: *Думал, успею – куда торопиться?*).

3. Прочитайте текст и попробуйте объяснить значение незнакомых слов, не используя словарь (например, *специколы, округов*).

В случае, если студенты не могут раскрыть значение незнакомых слов, педагог делает это сам, применяя словари или энциклопедии. Уместным будет применение презентации (рис. 2).

СПЕЦШКОЛЫ (сокращение от специальные школы)

Разветвленная система школ определенного назначения, преимущественно для детей советской элиты.

Это школы с обучением на иностранных языках, а также "школы для одаренных детей": музыкальные, математические, физические, художественные. Формально С. Были открыты для всех желающих, но дети элиты составляли в них заметное большинство. Знания, которые приобретались в С, шире, чем в других школах. Классы тут были меньше, обучение и воспитание велись на более высоком профессиональном уровне, лучше дидактическое оборудование. Обычно были хорошие гимнастические залы, а нередко и бассейны.

Рис. 2. Значение слова *специкола*

После обсуждения содержания слова *специкола* уместно задать студентам вопрос: *В какой именно специколе учился автор рассказа? Где об этом говорится в тексте?*

Если группа студентов находится на более продвинутом уровне, можно несколько усложнить задание, поставив вопрос: *В определении сказано, что в специколах преимущественно учились дети советской элиты. Можно ли отне-*

сти Е. Бунимовича к такой категории? В случае, если студенты не могут дать ответ самостоятельно, преподаватель просит их обратить внимание на тот факт, что отец будущего писателя был профессором МГУ, и сделать соответствующий вывод.

Притекстовый этап ориентирован на выработку умений обучающихся ориентироваться в тексте. Он предусматривает рассмотрение

плана содержания и плана выражения. Текстовые задания обеспечивают понимание студентами прочитанного, работу с речевыми образцами и анализ контекстуальных связей слов.

Приведем примеры таких задач:

1. Найдите в текстах наречия (например, *беспокойно, нервозно, зябко*).

2. Прочитайте текст, найдите в нем имена прилагательные, определите степень сравнения и объясните способ ее создания (например, *незамутнённой, прекрасней*). Можно напомнить сту-

дентам схему образования таких форм, предложить типовые задания по грамматике.

3. Прочитайте текст. Найдите в нем фразеологизмы и паремии. Поясните их значение, подумайте, в какое время могли появиться эти конструкции (например, *глухим железным занавесом; оказался не ко двору*).

Если студенты не могут раскрыть значение фразеологизмов самостоятельно, педагог делает это сам, применяя словари или энциклопедии. Уместным будет применение презентации (рис. 3).

Железный занавес

Это изоляция страны во всех сферах, политический и идеологический барьеры между народами.

Политическое клише, введённое в активное обращение У. Черчиллем 5 марта 1946 года в его Фултонской речи и ознаменовавшее начало холодной войны. Обозначало информационный, политический и пограничный барьер, изолирующий СССР и другие социалистические страны от капиталистических стран Запада.

Рис. 3. Значение фразеологизма *железный занавес*

Работа с фразеологизмом *оказался не ко двору* включает в себя следующие виды заданий: объяснить значение фразеологизма, привести примеры его употребления, раскрыть значение в данном тексте. Выслушав ответы студентов, преподаватель должен обратить внимание на то, что Е. Бунимович искажает первоначальное употребление данного фразеологизма: изначально он звучит как *прийтись не ко двору* и означает *прийтись некстати, не соответствовать чьим-то вкусам* [5].

Послетекстовый этап направлен на совершенствование социокультурной компетенции и проверку глубины и точности понимания содержания текста. Послетекстовые задания имеют цель развития умений продуктивного характера, которые позволяют студентам-иностранцам использовать полученную информацию в учебно-коммуникативных ситуациях и в реальном общении.

Примерами таких вопросов могут послужить следующие:

1) Какие деятели русской культуры упоминаются в тексте? Что вы о них знаете?

2) К каким периодам относится их деятельность?

3) Какие географические объекты Москвы названы в тексте (улицы, скверы, реки, вокзалы)?

4) О каких московских памятниках упоминает автор? Ответы студентов можно иллюстрировать слайдами презентации.

С целью развития речевых навыков предлагается задание, направленное на выражение сту-

дентами собственного мнения о тексте и их интерпретации прочитанного материала.

Если предполагается письменная работа, можно предложить студентам написать отзыв или рецензию на прочитанный текст.

Таким образом, художественный «городской» текст как доступный коммуникативный материал служит для носителей иноязычной культуры иллюстрацией живого русского языка. Наличие значительного количества языковых единиц позволяет на материале «городских текстов» углубить знание современного русского языка и приблизить речь студентов-иностранцев к естественной речи носителей языка. Благодаря ориентированности «городских» текстов на разнообразные сферы общения инокоммуниканты накапливают необходимую лексическую базу для успешного общения. В результате проведенного методического исследования можно сделать вывод, что работа с таким текстом на занятиях по РКИ является многоэтапным процессом, включающим отбор произведений для изучения, использование комплекса методических приемов, направленных на раскрытие содержания текста, особенностей его лексики и грамматики. На основе текста современного автора Е. Бунимовича была создана и апробирована собственная система упражнений, направленных как на совершенствование речевых навыков обучающихся, так и на интерпретацию ими текста в социокультурном контексте.

РУССКАЯ РЕДУПЛИКАЦИЯ: ЕДИНИЦЫ И РАМКИ ПОВТОРЯЕМОСТИ (ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

© Евгения Овтина

RUSSIAN REDUPLICATION: UNITS AND FRAMES OF RECURSION (LINGUODIDACTIC ASPECT)

Evgeniya Ovtina

The article is devoted to Russian reduplication as a multilevel language mechanism and its presentation in the lessons of Russian as a foreign language. The article provides examples from colloquial speech and fiction, which present various units of repetition (sound, syllable, morpheme, word, phrase and sentence) that correspond to the levels of language (phonetic, morphemic, lexical, syntactic). Some units can be repeated inside different segments, or frames (inside a word, sentence or text). Based on the analysis of the linguistic material, the article concludes that reduplication is a widespread phenomenon that probably has a field structure, suggesting the presence of a core, periphery and areas of intersection with other linguistic phenomena. We propose to consider lexemes formed by repeating a word (*большой-большой, много-много, кофе-кофе* etc.) as the core of reduplication, since they are most often found in colloquial speech. Not being proper vocabulary units, such lexemes, as a rule, present difficulties for foreign students, they are characterized by productivity rather than reproducibility. The article presents a fragment of a set of exercises and tasks aimed at developing the skill of correct perception of Russian reduplicates by foreign speakers. This didactic material can be used in courses and seminars of Russian as a foreign language.

Keywords: reduplication, repeatability units, repeatability frames, field structure, reduplicate

Статья посвящена русской редупликации как многоуровневому языковому механизму и его представлению на уроках русского языка как иностранного. В материале приводятся примеры из разговорной речи и художественной литературы, где встречаются разнообразные единицы повторяемости (звук, слог, морфема, слово, словосочетание и предложение), которые соответствуют уровням языка (фонетическому, морфемному, лексическому, синтаксическому). Отмечается также, что некоторая единица может повторяться внутри разных отрезков, или рамок (внутри слова, предложения, текста). На основе анализа языкового материала делается вывод о том, что редупликация – широкое явление, которое имеет, вероятно, полевую устроенность, предполагающую наличие ядра, периферии и зон пересечения с другими языковыми феноменами. В качестве ядра редупликации предлагается рассматривать лексемы, образованные при помощи формального повтора слова (*большой-большой, много-много, кофе-кофе* и др.), поскольку они наиболее часто встречаются в разговорной речи. Такие лексемы, как правило, представляют трудность для иностранных учащихся, не являясь собственно словарными единицами и характеризуясь, скорее, производимостью, чем воспроизводимостью. В статье представлен фрагмент комплекса упражнений и заданий, направленных на формирование навыка верного восприятия русских редупликатов в иноязычной аудитории. Дидактический материал может быть использован на спецкурсах и спецсеминарах по русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: редупликация, единицы повторяемости, рамки повторяемости, полевая устроенность, редупликат

Для цитирования: Овтина Е. Русская редупликация: единицы и рамки повторяемости (лингводидактический аспект) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 325–330. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-325-330

Редупликация (от лат. *reduplicatio*) – «повтор, удвоение корня, основы или целого слова» [1, с. 302]. В ряде исследовательских работ, посвя-

щенных редупликации, авторы рассматривают также повтор звука, слога и даже словосочетания, предложения. Редупликация встречается в

большинстве известных языков и является лингвистической универсалией или, как минимум, фреквенталией. Утверждается, что «редупликация свойственна языкам различного строя» [2, с. 408]. В зависимости от особенностей языковых систем редупликация может использоваться для формо- и словообразования, а также грамматико-стилистической организации текста.

Формообразующая функция редупликации встречается в языках Азии и Африки, где при помощи повтора получает выражение категория числа, времени, вида. «В некоторых африканских языках редупликация – основное средство образования множественного числа существительных; в индоевропейском языке при помощи повтора образовывался перфект (завершённое время)» [3, с. 175]. Для словообразования повтор используется в большинстве европейских языков. Редупликация как текстообразующее средство – часто вместе с тем художественное, стилистическое – встречается почти повсеместно, поскольку «в прозаическом и поэтическом тексте повторы обеспечивают контактную связь по горизонтали и дистантную – по вертикали» [4, с. 68]. Таким образом, редупликация – это широко распространённое многоуровневое и многофункциональное явление.

В русском языке при повторе звука образуются междометия: *а-а, о-о*. Они часто используются в разговорной речи: *А-а, нет, – ответят ей, – это далеко не мелочи. Давайте-ка вспомнить* [5]; *Педагогическая поэма! О-о, да еще какого старого издания! Подписные тома Станюковича* [6].

Повтор слога используется для образования звукоподражаний: *би-би, гав-гав, тук-тук* и т. п. Такие слова особенно часто встречаются в речи детей или речи взрослых, направленной на общение с детьми. Повтор слога лежит также в основе образования некоторых имён существительных: *папа, мама, дядя, баба* и др. Эти слова, как и звукоподражания, обычно становятся первыми в активной речевой практике ребёнка. При помощи повтора слога, будучи производными от звукоподражаний, образуются и некоторые глаголы: *хихикать, лялкать*. Из-за кажущейся самоочевидности такого способа словообразования «в языкознании об удвоении говорилось лишь мимоходом. Его структурные, функциональные и семантические возможности характеризовались только в общих чертах» [7, с. 3].

Повтор морфемы – корневой и аффиксальной – опишем последовательно. При редупликации корневой морфемы образуются слова: *темным-темно, давным-давно, зимушка-зима, лисонька-*

лиса, котик-коток и т. п. Как правило, такие слова не получают словарной фиксации.

Чаще всего слова, образованные при помощи повтора корня, обозначают признак предмета, действия или состояния, выраженный в высокой степени: *малым-мала ночь, белым-бело озарилось всё вокруг, темным-темно в поле* и т. п. Иногда такая редупликация используется для обозначения сказочных персонажей или природных явлений в художественной речи: *котик-коток, лисонька-лиса, зимушка-зима*.

«В русском языке на протяжении всего его исторического развития в системах разных частей функционируют разные модели с нанизыванием одних и тех же или, чаще, синонимических словообразовательных аффиксов» [8, с. 71]. Формальная аффиксальная редупликация представлена, например, повтором приставки *пра-*: *прадед, праправнук*. Синонимическая аффиксальная редупликация встречается чаще и представлена более разнообразно. Она заключается в повторе смысла приставки или суффикса при разной форме их выражения: *ведер-к-о – ведероч-к-о; вулканиза-тор – вулканиза-тор-щик; призабыть – по-при-забыть; забросить – по-забросить*» [Там же]. Так, в слове *вулканизатор-щик* суффиксы *-тор-* и *-щик-* дублируют значение «производитель действия»; в слове *ведёрчко* суффиксы *-оч-* и *-к-* дважды выражают уменьшительно-ласкательное значение; приставка *по-* в словах *попризабыть* и *позабросить* усиливает значение приставок, следующих за ней.

Повтор целого слова встречается в русском языке чаще всего. В процессе такой редупликации образуются слова, которые являются результатом словотворчества. То есть такой редупликат обычно не является готовой для использования в речи единицей языка. Он не воспроизводится, а производится говорящим: *большой-большой, много-много, сладкий-сладкий, высоко-высоко, вкусно-вкусно* и т. п. Такие единицы представляют собой открытый список. При этом часто «такого рода редупликация продуктивна в сфере оценочных наречий, обозначающих градуируемый признак, т. е. признак, способный проявляться в большей или меньшей степени» [9, с. 152]. Будучи иконическим явлением, то есть таким, в рамках которого наблюдается общность признаков означаемого и означающего, редупликация, заключающаяся в удвоении слова, как правило, указывает на количество: два больше, чем один. В большинстве случаев «редупликат можно заменить словосочетанием с наречием меры и степени *очень*: *редко-редко – очень редко, быстро-быстро – очень быстро*» [Там же]. Особого комментария требуют наречия *еле-еле*,

чуть-чуть, едва-едва, только-только. Их замена словосочетаниями с наречием меры и степени очень невозможна.

В современной речи встречается также повтор слов, обозначающих предмет: «Он живет в *отеле-отеле* или *хостеле?*» Редупликат-существительное имеет особое сопутствующее значение, или коннотацию, которую можно обозначить как «истинность, подлинность, соответствие классическому представлению о предмете». Редупликат *отель-отель* можно заменить словосочетанием *настоящий отель* или сочетаниями существительного с частицей: *именно отель, прямо отель*: Он живёт в *настоящем отеле* или *хостеле*? Он живет *именно в отеле* или *хостеле*? Он живет *прямо в отеле* или *хостеле*?

Редупликат при этом отличается от простого повторения. Сравним два предложения: «За этими деревьями *леса-леса*. – За этими деревьями *леса, леса*». Во-первых, высказывание с редупликатом и высказывание с простым повтором обычно по-разному оформляются интонационно. Во-вторых, редупликат и повтор имеют разные значения. При помощи редупликата *леса-леса* подчеркивается, что речь идёт о *настоящих лесах*, то есть не о *парках*, не о *маленьких рощах*, а именно «о множестве деревьев, растущих на большом пространстве с сомкнутыми кронами» [10]. Редупликат, думается, возникает в том случае, когда говорящему особенно важно, чтобы слушатель понял его дословно и точно, а не приблизительно. Повтор *леса, леса* указывает только на *протяжённость лесов*. Акцента на том, что *речь идёт о лесе, а не о чём-то похожем на него*, здесь нет. Таким образом, выбор между редупликатом и простым повтором определяется тем, какой именно оттенок значения необходимо выразить.

При кажущейся простоте редупликации стоит отметить, что она часто представляет собой средство «упаковки» сложных смыслов. Редупликат-существительное нередко толкуется при помощи обращения к конвенции или стереотипу. Так, редупликат *девочка-девочка* обычно используется в речи для обозначения человека женского пола, образ которого соотносится с классическим представлением о девочке в культуре: это *нежная, милая, хрупкая, одетая в платье девочка или девушка*. Редупликация позволяет в этом случае обозначить необходимый смысл сжато.

Повтор вопросительного местоимения обычно используется для переспроса. Сравните разницу между одиночным и удвоенным использованием вопросительного местоимения в диалогической речи: – Чего-то мне в жизни не достаёт... – Чего? / – Чего-то мне в жизни недостаёт...

– Чего-чего? Очевидно, что в первом случае говорящий либо интересуется, *чего именно хотелось бы добавить собеседнику в свою жизнь*, либо переспрашивает (здесь особенно важна специфическая интонационная модель). Во втором случае вариативность исключена: ответная реплика является *только переспросом*.

Редупликация целого слова может сопровождаться префиксацией: *большой-пребольшой, прекрасный-распрекрасный, видимо-невидимо, волей-неволей, всего-навсего* и др. Ко второй части, замещающей часть корня, может также добавляться *им-*элемент: *стратегия-мишатегия, ребенок-шмебёнок, бластер-шмастер*.

Повтор слова в разных формах происходит при образовании фразеологизмов и устоявшихся сочетаний: *идти бок о бок; идти плечом к плечу; идти нога в ногу; око за око, зуб за зуб; красавица из красавиц* и др.

Повтор слова может быть синонимичным: *любо-дорого, подбру-поздорову, спать-дремать* и др. Обычно такая редупликация встречается в устоявшихся выражениях, фольклоре и фольклорных стилизациях: *на тебя любо-дорого по-смотреть; убирайся отсюда подбру-поздорову*.

Повтор звука, слога, корня, приставки, суффикса, слова может происходить не только в рамках слова, но и в рамках предложения, текста. Так, повтор звука используется как художественный прием – звукопись: «Ворон каркнул на сосну, / Тронул сонную струну» [11]. Он придаёт поэтической речи фонетическую выразительность. Ту же функцию выполняет повтор слога: «Осада! приступ! злые волны, / Как воры, лезут в окна» [12]. На повторе морфемы может строиться весь текст: «*Рас-стояние: версты, мили... / Нас рас-ставили, рас-садили, / Чтобы тихо себя вели / По двум разным концам земли. / Рас-стояние: версты, дали... / Нас рас-клеили, распаяли, / В две руки развели распяв, / И не знали, что это – сплав*» [13]. Повтор слова в рамках текста обеспечивает его когерентность, выступает в роли анафоры или эпифоры: «*В мире горы есть и долины есть, / В мире хоры есть и низины есть, / В мире море есть и лавины есть, / В мире боги есть и богини есть*» [14].

В рамках текста повторяются также словосочетания и предложения. Повтор словосочетаний часто используется как средство связи предложений в тексте: *Её поддержал наш руководитель. Наш руководитель*, бывший юрист, высоко ценил справедливость... Повтор предложений является художественным приемом: «*Уже пора, – сказал он. – Уже пора...*»

Таким образом, редупликация как явление имеет разные единицы и рамки повторяемости.

Единицы повторяемости: звук, слог, морфема, слово – могут повторяться в пределах разных отрезков, или рамок повторяемости. Рамками повторяемости могут быть слово, предложение, текст.

Очевидно, что редупликация – активный механизм, разнообразно представленный в системе русского языка. Он может рассматриваться, вероятно, как лингвистическое явление полевой устроенности. А. Ф. Лосев, описывая поле, использовал такие словосочетания, как «континуум значений», «принцип непрерывности» [15, с. 51], отражающие отсутствие чётких границ в рамках некоторых языковых явлений и провозглашающие их выраженность при помощи разноуровневых средств.

Ядром редупликации являются повторы, имеющие словообразовательную функцию. В зоне периферии – повторы, служащие для текстообразования и выступающие как стилистическое, художественное средство. Редупликаты, образованные при помощи формального повтора слова, являются основным объектом нашего внимания, поскольку они особенно часто встречаются в речи повседневного общения и представляют трудность для иностранных учащихся, не являясь, как правило, словарными единицами.

Изучение редупликации, анализ разговорной речи и фрагментов художественной литературы помогли спрогнозировать возможные проблемы на пути к усвоению редупликатов и их значений иностранными учащимися. Для эффективной работы с русскими редупликатами в иноязычной аудитории предложим фрагмент комплекса упражнений и заданий.

Упражнение 1. Прочитайте предложения. Обратите внимание на выделенные редупликаты.

1. Он прокрался в сени *тихо-тихо*, и даже деревянный пол не выдал его своим скрипом.

2. Пальцы пианиста – *длинные-длинные* – бегали по роялю и всякий раз безошибочно оказывались на нужной клавише в нужное для того время.

3. Наконец наступила весна. Лучи солнца – *нежные-нежные* – бликами ложились на лица, выражающие усталость от долгой зимы и одновременно озаренные нечаянной радостью, которую подарил первый погожий день.

4. В зал, словно ветер, откуда-то из детской со смехом ворвалась Алиса – *девочка-девочка!* Аккуратные хвостики на её голове были украшены нарядными бантами, а платье выражало старания матери следовать моде во всем.

5. – Сколько Вы живёте в Краснодаре? – Я уже здесь обосновался *давно-давно*, переехал сюда в 2005 году.

6. – Где мы встретимся? – Я буду ждать тебя в саду. Там есть старое, *высокое-превысокое* дерево. Я буду стоять рядом.

7. – Где ты планируешь провести отпуск? – Ещё не знаю, но хотелось бы посетить страну, где будет *лето-лето!* Я так устал от слякоти.

Упражнение 2. Используя редупликаты из предыдущего упражнения, заполните таблицу.

Редупликаты, обозначающие высокую степень признака действия	Редупликаты, обозначающие высокую степень признака предмета	Редупликаты, обозначающие в широком смысле предмет, соответствующий классическому представлению о нём

Упражнение 3. Прочитайте фрагмент произведения А. В. Саломатова «Приключения робота Гоши». Обратите внимание на редупликат. Сформулируйте, для чего обычно используется редупликат-местоимение вопросительного разряда.

Из-за пыли и паутины Гоша плохо слышит и всё время переспрашивает: «Чего-чего?» Он так привык переспрашивать, что, даже когда слышит, все равно повторяет: «Чего-чего?» [16, с. 3].

Упражнение 4. Прочитайте фрагменты произведения А. В. Саломатова «Приключения робота Гоши». Обратите внимание на редупликаты и повторы. Объясните их значение.

1. Ну, что делать? Пришлось украсть дочку президента. А дочка – просто заглядение. Фотоэлементы *синие-синие*. Манипуляторы тонкие и гибкие, как дивилоновые шланги. В общем, *красавица из красавиц* [Там же, с. 5] (здесь и далее курсив наш – Е. О.)

2. Ну вот, прихожу я к ихнему президенту, то есть к её папаше, и говорю: «Бомбу на бочку или увезу твою дочь, куда Диоген телят не гонял». А он мне: «Я, – говорит, тебя, самоварная труба, прикажу сейчас на шурупы разобрать!» – «Не можешь, – говорю. – У меня *бластер-шмастер* есть» [Там же, с. 6].

Упражнение 5. Проанализируйте фрагменты произведения А. В. Саломатова «Приключения робота Гоши». Предположите, эта книга адресована детям или взрослым? Почему в речи главного героя так много редупликатов?

Ключи.

Упражнение 2. 1. *Тихо-тихо*, *давно-давно*. 2. *Длинные-длинные*, *нежные-нежные*, *высокое-превысокое*. 3. *Девочка-девочка*, *лето-лето*.

Упражнение 3. Редупликаты-местоимения вопросительного разряда чаще всего используются для переспроса.

Упражнение 4. 1. *Синие-синие* – глубокого синего цвета; *красавица из красавиц* – настоящая красавица. 2. *Бластер-шмастер* – современный, новый, опасный бластер.

Упражнение 5. Книга адресована детям. Редупликаты в высказываниях главного героя произведения, робота Гоши, придают его речи эмоциональность, выразительность.

Предложенные упражнения представляют собой задания рецептивного типа и направлены на формирование навыка правильного понимания значения редупликатов в разговорной и художественной речи. Дидактический материал может использоваться в рамках спецкурсов и спецсеминаров по русскому языку как иностранному.

Список источников

1. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим». 2010. 486 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 408 с.
3. Крылова М. Н. Введение в языкознание для бакалавров: учеб. пособие. Саратов: Вузовское образование, 2014. 175 с.
4. Пахолук З. А. Единицы повторяемости в русском языке. Балтийский гуманитарный журнал. 2015. №1 (10). С. 65–69.
5. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=C14qJAoICAAQChgyIAoQBSAAKPzh%2FMyz8NkPQAVqBDAuOTV4AKABATICCAE6AQFCLwotCisKA3JlcRlkCiLQsC3QsCwg0L3QtdGCLCDQvtGC0LLQtdGC0Y%2FRgiDQtdC5> (дата обращения: 26.06.2024)
6. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CnAqGwoICAAQChgyIAoQBSAAQAVqBDAuOTV4AKABATICCAE6AQFCSgpICkYKA3JlcRI/Cj3Qni3Qviwg0LTQsCDQtdGJ0LUg0LrQsNC60L7Qs9C%2BINGB0YLQsNGA0L7Qs9C%2BINC40LfQtNCw0L3QuNGP> (дата обращения: 26.06.2024)
7. Алиева Н. Ф. Слова-повторы и их проблематика в языках Юго-Восточной Азии // Языки Юго-Восточной Азии: Проблемы повторов. М.: Наука, 1980. 271 с.
8. Крючкова О. Ю. Редупликация в аспекте языковой типологии. Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 68–84.
9. Панков Ф. И., Овтина Е. А. Языковая картина мира и механизм редупликации: фрагмент лингводидактической модели русской грамматики // Педагогический журнал. 2018. Том 7. №1А. С. 138–157.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.info/slovar/>

?ex=Y&q=%D0%9B%D0%95%D0%A1 (дата обращения: 26.06.2024)

11. Блок А. А. Утихает светлый ветер... URL: <https://www.culture.ru/poems/3001/utikhaet-svetlyi-veter> (дата обращения: 26.06.2024)

12. Пушкин А. С. Медный всадник. URL: <https://www.culture.ru/poems/5072/mednyi-vsadnik> (дата обращения: 26.06.2024)

13. Цветаева М. И. Рас-стояние: версты, мили... URL: <https://www.culture.ru/poems/34048/ras-stoyanie-versty-mili> (дата обращения: 26.06.2024)

14. Цветаева М. И. Федра. URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/piesy/fedra/fedra-4.htm> (дата обращения: 26.06.2024)

15. Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей: Учебное пособие для студентов и преподавателей факультетов русского языка и литературы педагогических институтов. М.: Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина, 1968. 296 с.

16. Саломатов А. В. Приключения робота Гоши. М.: Издательство «Самовар», 2010. 94 с.

References

1. Zhrebilo, T. V. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 486 p. Izd. 5-e, ispr. i dop. Nazran', ООО "Piligrim". (In Russian)
2. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* (1990) [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Pod red. V. N. Yartsevoi. 408 p. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)
3. Krylova, M. N. (2014). *Vvedenie v yazykoznanie dlya bakalavrov: ucheb. posobie* [Introduction to Linguistics for Bachelors: A Textbook]. 175 p. Saratov, Vuzovskoe obrazovanie. (In Russian)
4. Pakholok, Z. A. (2015). *Edinitsy povtoryaemosti v russkom yazyke* [Units of Repeatability in the Russian Language]. No. 1 (10), pp. 65–69. Baltiiskii humanitarnyi zhurnal. (In Russian)
5. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=C14qJAoICAAQChgyIAoQBSAAKPzh%2FMyz8NkPQAVqBDAuOTV4AKABATICCAE6AQFCLwotCisKA3JlcRlkCiLQsC3QsCwg0L3QtdGCLCDQvtGC0LLQtdGC0Y%2FRgiDQtdC5> (accessed: 26.06.2024). (In Russian)
6. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CnAqGwoICAAQChgyIAoQBSAAQAVqBDAuOTV4AKABATICCAE6AQFCSgpICkYKA3JlcRI/Cj3Qni3Qviwg0LTQsCDQtdGJ0LUg0LrQsNC60L7Qs9C%2BINGB0YLQsNGA0L7Qs9C%2BINC40LfQtNCw0L3QuNGP> (accessed: 26.06.2024). (In Russian)
7. Alieva, N. F. (1980). *Slova-povtory i ikh problematika v yazykakh Yugo-Vostoyanoi Azii. Yazyki Yugo-Vostochnoi Azii: Problemy povtorov* [Repetitive Words and Their Problems in the Languages of Southeast Asia. Southeast Asian Languages: Problems of Repetition]. 271 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

8. Kryuchkova, O. Yu. (2000). *Reduplikatsiya v aspekte yazykovoi tipologii* [Reduplication in the Aspect of Linguistic Typology]. *Voprosy yazykoznanija*. No. 4, pp. 68–84. (In Russian)
9. Pankov, F. I., Ovtina, E. A. (2018). *Yazykovaya kartina mira i mekhanizm reduplikatsii: fragment lingvodidakticheskoi modeli russkoi grammatiki* [The Linguistic World Picture and the Mechanism of Reduplication: A Fragment of the Linguodidactic Model of Russian Grammar]. *Pedagogicheskii zhurnal*. Vol. 7. No. 1 A, pp. 138–157. (In Russian)
10. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://ozhegov.info/slovar/?ex=Y&q=%D0%9B%D0%95%D0%A1> (accessed: 26.06.2024). (In Russian)
11. Blok, A. A. *Utikhaet svetlyi veter...* [The Light Wind Subsides...]. URL: <https://www.culture.ru/poems/3001/utikhaet-svetlyi-veter> (accessed: 26.06.2024). (In Russian)
12. Pushkin, A. S. *Mednyi vsadnik* [The Bronze Horseman]. URL: <https://www.culture.ru/poems/5072/mednyi-vsadnik> (accessed: 26.06.2024). (In Russian)
13. Tsvetaeva, M. I. *Ras-stoyanie: versty, mili...* [Distance: Versts, Miles...]. URL: <https://www.culture.ru/poems/34048/ras-stoyanie-versty-mili> (accessed: 26.06.2024). (In Russian)
14. Tsvetaeva, M. I. *Fedra* [Fedra]. URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/piesy/fedra/fedra-4.htm> (accessed: 26.06.2024). (In Russian)
15. Losev, A. F. (1968). *Vvedenie v obshchuyu teoriyu yazykovykh modelei: Uchebnoe posobie dlya studentov i prepodavatelei fakul'tetov russkogo yazyka i literatury pedagogicheskikh institutov* [Introduction to the General Theory of Language Models: A Textbook for Students and Teachers of the Faculties of Russian Language and Literature of Pedagogical Institutes]. 296 p. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni V. I. Lenina. (In Russian)
16. Salomatov, A. V. (2010). *Priklyucheniya robota Goshi* [The Adventures of Gosha the Robot]. 94 p. Moscow, izdatel'stvo "Samovar". (In Russian)

The article was submitted on 27.08.2024
Поступила в редакцию 27.08.2024

Овтина Евгения Алексеевна,
аспирант,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119992, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1.
e.a.ovtina@mail.ru

Ovtina Engeniya Alekseevna,
graduate student,
Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory,
Moscow, 119992, Russian Federation.
e.a.ovtina@mail.ru

УДК 372.8.811.111

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-331-335

ОБ АДАПТАЦИОННЫХ УМЕНИЯХ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

© Людмила Свирина, Алсу Ашрапова

ON ADAPTATION SKILLS OF A FOREIGN LANGUAGE TEACHER

Lyudmila Svirina, Alsu Ashrapova

The problem of a young teacher adaptation to modern school realities is currently one of the most pressing in education. Scientific research in this area covers the issues of social and psychological assistance to young teachers, the need to assign a mentor and the task of providing additional forms of professional development at the initial stage of teaching at school. The purpose of our article is to improve the university stage of future teachers' preparation so that the professional focus of pedagogical training allows them to creatively use the wide range of methodological tools to solve non-standard problems that arise when organizing educational activities in a modern classroom. In our work, we relied on both the research of domestic and foreign researchers, devoted to acquiring pedagogical skills, and on the results of a senior students' survey, conducted immediately after their teaching practice at schools. The unique opportunity of the pedagogical education makes it possible, from the first days of a student at a university, to involve them in professionally-oriented practical activities within the framework of the chosen major subject through quasi-teaching and reflective practice, that will contribute to gaining individual professional experience.

Keywords: young teacher adaptation, professional experience, methodological skills, solving non-standard problems, reflective practice

Проблема адаптации молодого учителя – одна из самых актуальных в современном образовании. Научные исследования в этой области затрагивают вопросы социально-психологической помощи молодым учителям, проблему наставничества и задачу обеспечения дополнительными формами повышения профессиональной квалификации на начальном этапе практической деятельности в школе. Целью нашей статьи является совершенствование вузовской подготовки будущего учителя с тем, чтобы профессиональная направленность педагогического обучения позволяла ему творчески использовать полученный широкий арсенал методических средств для решения нестандартных задач, возникающих при организации учебной деятельности в рамках современного урока. В своей работе мы опирались как на исследования отечественных и зарубежных исследователей, посвященных проблеме обретения педагогического мастерства, так и на результаты опроса студентов старшего курса, проведенного сразу по завершении педагогической практики. Уникальная возможность педагогического направления позволяет с первых шагов студента в вузе привлекать его к практической деятельности в рамках приобретаемой специальности через квазипреподавание и рефлексивную деятельность, способствуя получению необходимого индивидуального профессионального опыта.

Ключевые слова: проблема адаптации молодого учителя, профессиональный опыт, методическая подготовка, решение нестандартных задач, рефлексивная деятельность

Для цитирования: Свирина Л., Ашрапова А. Об адаптационных умениях учителя иностранного языка // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 331–335. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-331-335

Проблема адаптации молодого учителя связана не только и не столько с трудностями накопления педагогического опыта и созданием индивидуального стиля работы, сколько с определением собственного отношения к школе и, соответственно, принятием решения о продолжении или прекращении своего пребывания в роли

учителя. Описывая негативные стороны, с которыми сталкиваются вчерашние выпускники в школе, исследователи называют различные сложности, стоящие на пути начинающего специалиста:

– низкую заработную плату (об этом студенты знают до начала работы);

- перегруженность отчетами и спускаемыми «сверху» тестовыми заданиями;
- нехватку времени на качественную подготовку к занятиям;
- сложность оформления документации;
- огромную эмоциональную и психологическую нагрузку, связанную с поддержанием дисциплины из-за неустойчивого внимания и, следовательно, низкого уровня усвоения учебного материала;
- низкий уровень мотивации в области изучения иностранного языка и, соответственно, малую заинтересованность учащихся в результатах своей учебы [1], [2], [3].

Сюда также относят недостаточную поддержку администрации школы и учебные пособия невысокого качества [4]. Возникают и другие частные проблемы, но мы остановимся на методических трудностях, так как в конечном счете успешность в профессиональной деятельности может перевесить или компенсировать другие недостатки работы учителя в школе.

Начиная читать курс лекций по методике обучения и воспитания в области иностранного языка, мы даем определение методики как научной дисциплины, которая теоретически обосновывает и практически апробирует различные подходы к обучению ИЯ в конкретных условиях [5, с. 9]. Данное определение выбрано из множества других потому, что его авторами сделан акцент на важности учета конкретной ситуации, складывающейся по-разному на каждом уроке, в каждой отдельно взятой школе, непредсказуемой и незапланированной, требующей от учителя мгновенной адекватной реакции в виде перестройки формы учебной деятельности, изменения темпа ведения урока, отказа от заранее подготовленного плана и переключения внимания на новые возникшие на уроке проблемы как предметного, так и личностного характера.

Для того, чтобы справиться со сложными задачами эффективного управления учебной деятельностью, современная педагогика предлагает инновационные интерактивные технологии: проблемная подача учебного материала, проектная деятельность, привлечение игровых и информационно-коммуникативных технологий и т. д. Программа обучения в вузе включает знакомство студентов педагогического направления с педагогическими инновациями и предполагает формирование методических умений в ходе их реализации на практике. Однако, имея представление о современных технологиях, планируя их включение в школьный урок и даже реализуя свои планы в ходе квазипреподавания на семинаре, студент не может предвидеть все возмож-

ные проблемы реального школьного урока. Обсуждая вопросы преподавания иностранного языка на курсах повышения квалификации учителей, отмечаешь, что в каждом из четырех пятых классов урок английского языка пройдет по-разному, и опытные преподаватели согласно кивают головой. Они уже адаптированы к сложной профессии, предполагающей пристальное внимание к постоянно изменяющейся ситуации. Именно ее учет и умение приспособить содержание и методы изучаемой дисциплины к психологической атмосфере урока, которая включает как взаимоотношение учителя и ученика, так и общее отношение к изучаемому предмету, а также множество других компонентов: температура воздуха в классе, степень утомленности, прошедшие или предстоящие события (тревожные или радостные), – гарантируют успешность достижения целей учебной деятельности, реализацию усвоения запланированного учебного материала. Опытный учитель мгновенно оценивает сложившуюся на уроке ситуацию и, если необходимо, меняет предварительно намеченный план, изменяя этап урока (например, проведя диктант-летучку сразу после начала урока, чтобы успокоить возбужденный класс), либо совсем отказавшись от введения сложной учебной темы, перенеся ее на последующий урок и заменив ее на изучение занимательного страноведческого материала, либо он обращается к одному из приемов игровой технологии, позволяющему привлечь внимание учащихся и, соответственно, вовлечь их в учебную деятельность, в то время как молодой учитель зачастую «слепо» следует заготовленному плану в силу трех причин:

- во-первых, не может точно оценить сложившуюся на данный момент ситуацию;
- во-вторых, не знает способов ее разрешения и возможных последствий своих решений;
- в-третьих, не располагает достаточным арсеналом методических приемов и учебных заданий, позволяющих успешно варьировать ход учебной деятельности в рамках учебной программы.

Известный британский методист Скотт Торнбери в одной из своих последних книг, посвященных обзору существующих методических течений в области обучения иностранным языкам, подчеркивает, что методы являются не предписаниями о том, как преподавать, а скорее источником практического опыта, который учителя могут адаптировать и применять, приспособивая их к собственным нуждам [6, с. viii]. Нет лучшего метода для всех. Обращаясь к исследованиям Джейн Спиро (Jane Spiro), Скотт Торнбери соглашается с ней в том, что главным

является не поиск лучшего метода, а убеждение учителя, что данные методы эффективны в его практике и их применение способствует совершенствованию его педагогической деятельности (are making a positive difference) [6, с. ix]. Отмечая эклектичный характер всех методических течений, британский ученый сравнивает данную черту с работой учителя, когда усвоение и перенастройка (appropriation and reconfiguration) являются характерной особенностью педагогического профессионального роста [6, с. 126].

В своем последнем издании книги «Урок иностранного языка» Е. И. Пассов и Н. Е. Кузовлева определяют адаптационные умения как «способность учителя подготовленно или экспромтно гибко осуществлять свою обучающую деятельность в зависимости от сложившихся и изменяющихся условий в целях поиска адекватных приемов достижения поставленных целей» [7, с. 135]. Таким образом, задача подготовки учителя – с одной стороны, вооружить студентов как можно большим количеством инструментов для реализации программных требований в области обучения иностранным языкам, с другой – подготовить будущего учителя к творческому решению возникающих педагогических задач, с тем чтобы приспособить постепенно расширяющийся арсенал методических приемов к своему индивидуальному стилю общения с классом и апробированному в своей практической деятельности успешному опыту формирования иноязычных речевых навыков.

Если обратиться к рассмотрению данной проблемы со стороны студентов, получающих профессиональную подготовку в области преподавания иностранного языка, то мы получаем следующую картину. Опросив студентов четвертого курса КФУ Института языковой и межкультурной коммуникации (специальность «История и английский язык» и «Математика и английский язык») о своих впечатлениях по завершении педагогической практики (весна 2024 г.), мы выяснили, какие профессиональные проблемы их волнуют больше всего и, самое главное, какие пути решения данных проблем они видят как наиболее эффективные в плане совершенствования подготовки учителя.

Как и следовало ожидать, наибольшую озабоченность вызывает недостаток практических умений. К теоретической подготовке больших претензий нет. Данное отношение к методике как прикладной науке, которая в первую очередь должна вооружать эффективными инструментами реализации плана урока, отразилось и в способах решения возникающих на педагогической практике задач: только около трети опрошенных

обращались к учебнику и лекциям, подавляющее большинство в случае затруднения советовались с учителем-предметником или методистом, а также с однокурсниками, полагаясь на их практические рекомендации. Немногим более половины опрошенных искали ответы в интернет-ресурсах, где можно найти конкретную информацию, основанную на школьном опыте. Такое же количество студентов указали, что хотели бы больше знакомиться с опытом лучших учителей. Однако успешно «работающие» у одного учителя приемы могут у другого учителя и в другой обстановке не дать ожидаемого результата, что и приводит вчерашних студентов к мысли о профессиональной непригодности и бессмысленности пребывания в роли учителя.

Вторым ожидаемым результатом опроса было неумение привлечь внимание учеников, проблема «дисциплины». Данная проблема также тесно связана с наличием практического опыта ведения урока. Казалось бы, молодой учитель может лучше понять подрастающее поколение, учесть его интересы и построить урок в привлекательной для детей форме, избегая устаревших штампов. Однако важнейшей составляющей авторитета учителя остается его знание преподаваемого предмета, в нашем случае – его уровень иноязычной коммуникативной компетенции. Именно поэтому две трети опрошенных хотели бы увеличить количество часов на изучение языка и изучать больше предметов на иностранном языке. Неуверенность в своих знаниях остается барьером на пути профессионального роста, так же как и умение справляться с чувством неуверенности в профессиональной коммуникации. Коммуникативные умения как ведущее профессиональное качество учителя остаются для многих недостаточно освоенной областью педагогической деятельности. Неудивительно, что студенты в своем подавляющем большинстве хотели бы включить в программу обучения коммуникативный тренинг по устранению барьеров в общении.

Осознавая необходимость приобретения педагогического опыта, студенты выражают желание с первого курса иметь возможность выступить в роли учителя. На практике студенты остаются в пассивной роли потребителей знаний вплоть до выхода на педагогическую практику в школе или участия в семинарских занятиях по методике, где они эпизодически вовлечены в квазипрофессиональную деятельность. Закономерно, что две трети опрошенных отметили целесообразность привлечения студентов, выбравших педагогическое направление, к ведению занятий с самого начала обучения в вузе. Проведение даже небольшой части практического заня-

тия дает понимание текущих проблем, малозна- чимых трудностей, из которых состоит труд учи- теля: например, план урока предполагает прове- дение диктанта. Реализация данной задачи озна- чает не только определенную методическую по- следовательность действий учителя на данном этапе урока, но и учет мелочей в виде наличия тетрадей или листочков, а также ручек, что по- зволило бы всем одновременно начать работу. Исследователи отмечают, что «суть опыта за- ключается в возможности осуществлять посто- янное приспособление к окружающей действи- тельности. Опыт является результатом взаимо- действия человека со средой» [8]. Организуя данный опыт, мы погружаем студентов в реаль- ную среду, заставляя приспосабливать имею- щиеся в запасе методические приемы к конкрет- ной педагогической ситуации, с одной стороны, и к особенностям личности учителя – с другой. Немаловажным компонентом подобной практики является также «обретение» собственного языка общения с классом – проблема, осложненная не- обходимостью использовать иноязычный код для адекватной вербализации речевого намерения.

Еще более сложный вариант – проблемная пе- дагогическая ситуация, чреватая непродуктивным конфликтом: «Диктант? Нет, вы нам ничего про диктант не говорили!» Данная проблемная ситу- ация не имеет однозначных рецептов решения, су- ществуют разные подходы к тому, как справиться с возникшим препятствием на пути к реализации плана урока, зависящего от степени усвоения пройденной лексики. Выбор действий учителя за- висит от многих факторов, включая прогнозиро- вание возможных последствий принятого реше- ния: идти на конфликт, обвиняя учеников в не- добросовестности и лживости, или «спустить си- туацию на тормозах» и таким образом создать прецедент безнаказанности, попустительства и возможного повторения коллективного сговора по отказу от выполнения домашнего задания. Разбор и обсуждение похожих проблемных ситуаций по- зволяет выработать психологическую готовность к решению нестандартных педагогических задач.

Педагогическое направление подготовки учи- теля имеет уникальную возможность с первых шагов студента в вузе привлекать его к практиче- ской деятельности в рамках приобретаемой спе- циальности. Формирование профессионального мышления предполагает многократное пережива- ние педагогических ситуаций с целью развития профессиональных качеств и смены ролевой ус- тановки с потребителя знаний на роль умелого организатора их усвоения. Необходима целена- правленная работа по наблюдению и анализу пе- дагогической деятельности опытного преподава-

теля, которую сменяет пробная реализация само- стоятельно разработанного этапа урока. Присут- ствие университетского преподавателя на занятии позволяет студенту решить данную проблему и получить «возможность коррекции имеющегося у него опыта, который может затруднять решение профессиональных задач» [8]. Приобретая подоб- ный опыт участия в занятии, студенты смогут из- бежать трудностей, отмеченных при опросе как свой неуспех в роли учителя иностранного языка: «неумение занять работой весь класс» и «пробле- мы с оценкой знаний учащихся», а также опреде- ление методической концепции урока в целом. Ключом является рефлексивная деятельность, по- священная анализу этапа учебной деятельности или урока в целом, которая должна быть постоян- ным компонентом практических занятий в вузе. И отечественные, и зарубежные исследователи де- лают акцент на значимости рефлексии как эффек- тивного инструмента профессионального роста, отмечая, что именно рефлексивная деятельность позволяет преодолеть пропасть между получен- ными знаниями и применением знаний в школь- ной практике («bridging the gap between the training room and the real-world classroom») [9], то есть формировать адаптационные умения, кото- рые ведут будущего учителя от приобретения элементарных навыков до педагогического мас- терства и преподавания как искусства [7, с. 131].

Таким образом, развивая адаптационные умения на основе практического опыта, полу- чаемого в реально-предусмотренной профессио- нальной деятельности, включающей как обяза- тельный компонент рефлексивную практику, мы помогаем студенту приобрести индивидуальный опыт общения с коллективом учащихся, оценить свой уровень иноязычной компетенции, протес- тировав его в нестандартных ситуациях взаимо- действия как с группой, так и с отдельными уча- щимися, апробировать методические приемы в плане эффективности их применения данным учителем и в данных условиях.

Список источников

1. Шалагина Е. В. Проблемы профессиональной адаптации и интеграции молодых педагогов: способы поддержки // Е. В. Шалагина, Е. В. Прямикова. Педаго- гическое образование в России. № 1. 2022. С. 111–119.
2. Кропотова О. Е., Кондратенко Е. В. Проблема профессиональной адаптации молодых педагогов: опыт регионального исследования // Вестник Марий- ского гос. ун-та. Т. 16. № 4. 2022. С. 443–451.
3. Казакова К. В. Проблемы адаптации молодых специалистов в образовательной сфере // Бизнес- образование в экономике знаний. № 1. Иркутский го- сударственный университет. Иркутск, 2024. С. 72–77.

4. Андрущенко Т. Ю., Аржаных Е. В., Виноградов В. Л., Минюрова С. А., Федекин И. Н., Федоров А. А. Проблемы профессиональной адаптации молодых педагогов // Психологическая наука и образование. 2017. Том 9. № 2. С. 1–16. URL: https://www.researchgate.net/publication/318218823_Issues_of_Professional_Adaptation_in_Young_Teachers (дата обращения: 08.08.2024).

5. Карманова, Л. А., Садвокасова Н. А. Обучение иностранным языкам в современной средней школе. Барнаул: АлтГПУ, 2017. 110 с. URL: <https://library.altspu.ru/dc/pdf/karmanova.pdf> (дата обращения: 08.08.2024).

6. Thornbury S. Scott Thornbury's 30 Language Teaching Methods. Cambridge University Press. Printed by Pintforce, the Netherlands. 2017. 130 p.

7. Пассов Е. И., Кузовлева Н. Е. Урок иностранного языка. 3-е изд. Сургут: Лингва, 2022. 428 с.

8. Горкун М. И. Развитие профессионального опыта как основа построения современного образовательного процесса // Человек и образование. № 4 (57). СПб., 2018. С. 159–162.

9. Matthew Ellman. Key concepts in teacher training #5: Reflective practice. URL: <https://www.cambridge.org/elt/blog/2021/05/11/key-concepts-teacher-training-5-reflective-practice/> (дата обращения: 10.08.2024)

References

1. Shalagina, E. V. (2022). *Problemy professional'noi adaptatsii i integratsii molodykh pedagogov: sposoby podderzhki* [Problems of Professional Adaptation and Integration of Young Teachers: Ways of Support]. E. V. Shalagina, E. V. Pryamikova. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. No. 1, pp. 111–119. (In Russian)

2. Kropotova, O. E., Kondratenko, E. V. (2022). *Problema professional'noi adaptatsii molodykh pedagogov: opyt regional'nogo issledovaniya* [Problems of Professional Adaptation of Young Teachers: The Expe-

rience of a Regional Study]. *Vestnik Mariiskogo gos. un-ta*. T.16. No. 4, pp. 443–451. (In Russian)

3. Kazakova, K. V. (2024). *Problemy adaptatsii molodykh spetsialistov v obrazovatel'noi sfere* [Problems of Adaptation of Young Specialists in the Education Sector]. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy*. No. 1, pp. 72–77. Irkutskii gosudarstvennyi universitet, g. Irkutsk. (In Russian)

4. Andrushchenko, T. Yu., Arzhanykh, E. V., Vinogradov, V. L., Minyurova, S. A., Fedekin, I. N., Fedorov, A. A. (2017). *Problemy professional'noi adaptatsii molodykh pedagogov* [Issues of Professional Adaptation in Young Teachers]. (*Ehlektronnyi resurs*). *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru*. Tom 9. No. 2, pp. 1–16. URL: https://www.researchgate.net/publication/318218823_Issues_of_Professional_Adaptation_in_Young_Teachers (accessed 10.08.2024). (In Russian)

5. Karmanova, L. A., Sadvokasova, N. A. (2017). *Obuchenie inostrannym yazykam v sovremennoi srednei shkole* [Teaching Foreign Languages in Modern Secondary Schools]. (*Ehlektronnyi resurs*). Barnaul, AltGPU. 110 p. URL: <https://library.altspu.ru/dc/pdf/karmanova.pdf> (accessed 10.08.2024). (In Russian)

6. Thornbury, S. (2017). *Scott Thornbury's 30 Language Teaching Methods*. 130 p. Cambridge University Press. Printed by Pintforce, the Netherlands. (In English)

7. Passov, E. I., Kuzovleva, N. E. (2022). *Urok inostrannogo yazyka*. [A Foreign Language Lesson]. 3-е изд. 428 p. Surgut, Lingva. (In Russian)

8. Gorkun, M. I. (2018). *Razvitie professional'nogo opyta kak osnova postroeniya sovremennogo obrazovatel'nogo protsessa* [Developing Professional Experience as a Basis for Building a Modern Educational Process]. *Chelovek i obrazovanie*. No. 4(57), pp. 159–162. St. Petersburg. (In Russian)

9. Matthew Ellman. *Key Concepts in Teacher Training #5: Reflective Practice*. URL: <https://www.cambridge.org/elt/blog/2021/05/11/key-concepts-teacher-training-5-reflective-practice/> (accessed 10.08.2024). (In English)

The article was submitted on 09.09.2024

Поступила в редакцию 09.09.2024

Свирина Людмила Олеговна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
l.o.svirina@yandex.ru

Ашрапова Алсу Халиловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
chudosun@list.ru

Svirina Lyudmila Olegovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
l.o.svirina@yandex.ru

Ashrapova Alsu Khalilovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
chudosun@list.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-336-341

ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВОЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

© Лю Сянюй, Лада Москалева

INTERRELATION AND INTERDEPENDENCE OF THE COMMUNICATIVE-SPEECH AND LINGUOCULTURAL COMPETENCES DEVELOPMENT IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Liu Xiangyu, Lada Moskaleva

This article analyzes the problem of communicative-speech and linguocultural competences in classes of Russian as a foreign language. We discuss the organization of work with linguocultural texts using visualization and game elements to simultaneously develop speech and linguocultural competencies when teaching Russian as a foreign language.

The article provides methodological recommendations for teachers on the selection of certain types of work with linguocultural texts.

As a result of the review, we have come to the conclusion that communicative-speech and linguocultural competences in teaching Russian as a foreign language are closely connected and dependent on each other. A necessary element of the educational process is educational texts characterized by a linguocultural component. The organization of classes aimed at developing linguocultural and communicative-speech competencies in their interrelation and interdependence involves the use of text materials, visual materials and game elements.

The results of the study may be useful for the further development of educational materials aimed at developing linguocultural competence and communicative-speech competence in Chinese audiences.

Keywords: linguocultural text, communicative-speech competence, linguocultural competence, Russian as a foreign language, competency-based approach

В данной статье авторами анализируется проблема коммуникативно-речевой и лингвокультурологической компетенций на занятиях по русскому языку как иностранному. Рассмотрена взаимосвязь формируемых компетенций. Изложен взгляд на организацию работы с материалом лингвокультурологических текстов с использованием наглядности и элементов игры с целью взаимосвязанного формирования коммуникативно-речевой и лингвокультурологической компетенций при обучении русскому языку как иностранному.

В статье даны методические рекомендации преподавателям по подбору видов работы с лингвокультурологическими текстами.

В результате проведенного обзора авторы пришли к выводу, что коммуникативно-речевая и лингвокультурологическая компетенции при обучении русскому языку как иностранному находятся в тесной связи и зависимости друг от друга. Необходимой составляющей учебного процесса является работа с учебными текстами, характеризующимися лингвокультурологической составляющей. Организация занятий, направленных на формирование лингвокультурологической и коммуникативно-речевой компетенций в их взаимосвязи и взаимозависимости, предполагает использование текстового материала, наглядности и элементов игры.

Результаты исследования, представленные в данной статье, могут быть полезны для дальнейшей разработки учебных материалов, направленных на взаимосвязанное развитие лингвокультурологической и коммуникативно-речевой компетенций у китайских студентов.

Ключевые слова: лингвокультурологический текст, коммуникативно-речевая компетенция, лингвокультурологическая компетенция, русский язык как иностранный, компетентностный подход

Для цитирования: Сянью Лю, Москалева Л. Взаимосвязь и взаимозависимость формирования коммуникативно-речевой и лингвокультурологической компетенций в обучении русскому языку как иностранному // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 336–341. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-336-341

Согласно положениям компетентностного подхода в образовательной сфере, использование материала для одновременного формирования коммуникативно-речевой и лингвокультурологической компетенций считается одним из основных направлений построения учебного процесса [1, с. 87].

Коммуникативно-речевая компетенция предполагает способность принимать активное участие в диалоге, наличие необходимых знаний о лингвистической и эмоциональной стороне коммуникации. Лингвокультурологическая компетенция предполагает наличие обширных знаний о социальной культуре страны изучаемого иностранного языка, способности поддерживать общение с представителями иной культуры.

При обучении русскому языку как иностранному необходимой составляющей учебного процесса является работа с учебными текстами, характеризующимися лингвокультурологической составляющей. Текст является ведущей единицей вербальной коммуникации, несет различные аспекты информации, передает эмоции, позволяет обмениваться опытом, идеями, мировосприятием. Методисты выступают за текстоцентрический подход, «который подразумевает изучение языка на текстовой основе и в соответствии с которым текст рассматривается как важнейшая дидактическая единица в обучении языку» [2, с. 13].

Н. Л. Мишати́на под лингвокультурологическим текстом понимает «особый тип учебного текста, связанного с описанием и раскрытием (интерпретацией) понятийного, образного и ценностного содержания изучаемых мировоззренческих или нравственно-эмоциональных лингвоконцептов» [3, с. 331]. Она отмечает: «Лингвокультурологический текст существует в единстве двух составляющих: собственно содержания (более или менее полным словесным портретом концепта или описанием одного из его компонентов) и методического инструментария, позволяющего ученику через продуманную систему вопросов и заданий, материал справочного аппарата освоить концептуальное содержание текста» [Там же].

Такие тексты соответствуют требованиям новизны и оригинальности и обладают актуальностью для учащихся как в отношении лексики, так и в отношении речевых конструкций. При этом лингвокультурологическая составляющая учеб-

ных текстов содержит информацию об истории и культуре народа, сведения об особенностях поведения в обществе. Вследствие этого обучающиеся знакомятся со спецификой речевого и неречевого поведения, которое нетипично для их родной культуры, аккумулируют полученные знания для имитации коммуникации согласно специфике русского коммуникативного поведения и ценностных ориентаций.

Значительным потенциалом для формирования коммуникативно-речевой и лингвокультурологической компетенций обладает художественный текст, созданный на языке оригинала, который является не только инструментом социальной коммуникации, но и проводником опыта предыдущих поколений.

Так, нами рассматриваются рассказы из сборника «Денискины рассказы» В. Ю. Драгунского [4] в качестве лингвокультурологических текстов, имеющих значительный потенциал для изучающих русский язык как иностранный на уровне В1 (аргументы в пользу квалификации рассказов В. Ю. Драгунского как лингвокультурологических текстов приведены нами в статье [5]). Преимущество данных рассказов как лингвокультурологических текстов заключается в возможности взаимосвязанного развития коммуникативно-речевой и лингвокультурологической компетенций, поскольку они содержат: 1) актуальную и востребованную на уровне В1 лексику, среди которой значительное место занимает безэквивалентная лексика, что расширяет знания о культуре и истории общества; 2) живые диалоги с национально-специфичными конструкциями, отражающими речевой этикет в различных ситуациях общения, что восполняет знания обучающихся о социальной культуре общества, эмоциональной стороне коммуникации.

Таким образом, при работе с лингвокультурологическими текстами, в частности с текстами «Денискиных рассказов», целесообразно организовать чтение таких текстов и выполнение на их основе упражнений, способствующих расширению словарного запаса и развитию речевых навыков наряду с выявлением имеющихся лингвокультурологических сведений.

При использовании текста изначально используются языковые задания, далее условно-речевые и затем собственно-коммуникативные.

Семантическая сторона лингвокультуры раскрывается посредством рассмотрения безэквива-

лентной лексики, которая вызывает трудности у иностранных обучающихся в понимании текста и подтекста. Безэквивалентные единицы русского языка содержат информацию об исторических и национально-культурных особенностях страны, что является необходимым при формировании как лингвокультурологической, так и коммуникативно-речевой компетенции.

На занятиях по русскому языку как иностранному обучающимся предлагается обращать внимание на такие группы безэквивалентной лексики, как: 1) наименования предметов быта (название убранства, украшения дома, блюд, праздников, видов труда); 2) наименования этнографических и мифологических явлений; 3) наименования явлений окружающей среды (название растений и животных, географических единиц); 4) наименования элементов государственного строя и социальной дифференциации; 5) наименования лиц и единичных предметов (антропонимы, топонимы, наименование персонажей литературных произведений). Важным также представляется анализ ассоциативных связей (символы цветовой гаммы, интертекстуальные включения, аллюзии на исторические события).

При формировании лингвокультурологической компетенции важно уделить внимание: 1) выяснению лексического состава текста как отражению национально-языковой картины бытия – характеристике слов и словосочетаний, фразеологизмов, которые связаны с русской лингвокультурой (нахождению лингвокультурем, распознаванию этнографизмов и диалектизмов, пониманию значения концептов с обоснованием их контекста); 2) выяснению специфики грамматической организации текста (национально-языковой словообразовательной базы, характерных морфологических единиц, синтаксических конструкций); 3) наблюдению за свойственными для русской культуры художественно-выразительными средствами, описанию их культурного компонента; 4) выяснению интертекстуальных связей с другими текстами; 5) сравнению культурной традиции родного и иностранного языков на материале художественного текста.

Так, в рассказе «Двадцать лет под кроватью» [4, с. 47–52] ярко представлен быт в коммунальной квартире (*прятались за портьеру, или за шкаф, или за сундук; большущий длинный коридор квартиры; возле каждой двери стояли вешалки, а на них висели пальто и шубы*); правила игры в прятки с характерными присказками (*Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать!*; *Пора не пора, я иду со двора!*); особенности именования (*Костик, Мишка, Андрюшка, Марьсеменина*); ассоциативные связи на основе преце-

дентных феноменов (*похожая на бабу-ягу; с собачьей-ищейкой. По кличке Мухтар; как чихну во всю ивановскую, да еще с хвостиком*) и др.

При выполнении языковых упражнений обучающиеся развивают навыки фонетического, лексического или грамматического оформления предложений (*...а теперь в прятки! Давайте в прятки!*; *сердце замерло от испуга; счастье, если час или два*). При необходимости отработки грамматических структур следует перейти к этапу выполнения условно-речевых упражнений. Выполнение речевых упражнений знакомит обучающихся со спецификой употребления языковых единиц в тексте, что способствует формированию как коммуникативно-речевой, так и лингвокультурологической компетенций.

Взаимосвязанное формирование как лингвокультурологической, так и коммуникативно-речевой компетенций является эффективным при использовании наглядного материала. В частности, при ознакомлении с новыми лексическими единицами целесообразно пользоваться иллюстрациями, позволяющими обогатить представление учащихся о культуре народа. Существует множество иллюстраций к сборнику «Денискины рассказы», которые можно дополнить иллюстрациями упоминаемых в тексте предметов быта, что способствует прояснению содержания. Целесообразно использовать портреты исторических лиц, рисунки достопримечательностей, символов, если они упоминаются в тексте. При этом сегодня существуют широкие возможности использовать специальные пособия с репродукциями и фотографиями – картин, скульптур, памятников архитектуры и т. п. Практический опыт исследователей показывает, что учащиеся активно и эмоционально откликаются на такие изображения, что повышает скорость усвоения обучающего материала. Использование иллюстраций углубляет знания и о самой живописи, вызывает желание принять участие в беседе о перспективах развития мировой и русской живописи, о выдающихся художниках, личном взгляде на ценность русского искусства в целом [6, с. 69].

Применение иллюстраций мотивирует также речевую деятельность учащихся, снимает трудности при поддержании диалога и планировании монологической речи. Этот материал используется для аудирования и говорения. Соответственно, использование наглядности позволяет формировать коммуникативно-речевую компетенцию в сочетании с лингвокультурологической. Тематические иллюстрации стимулируют устную и письменную речь учащихся. Например, обучающиеся могут составить рассказ по карти-

не, передать собственное впечатление при её просмотре, провести беседу о картине, найти дополнительную информацию.

При работе с содержанием текста следует использовать такие вопросы, как трансформационные, интерпретационные, анализирующие, синтезирующие, оценочные и прогнозирующие. Трансформационные вопросы мотивируют обучающихся выразить свои мысли относительно содержательного наполнения текста, опираясь на собственный опыт. Интерпретационные вопросы предполагают рассмотрение событий в тексте и установление взаимосвязи между идеей, фактологической информацией и ценностными ориентациями персонажей. Анализирующие вопросы позволяют более подробно охарактеризовать фрагмент текста. Синтезирующие вопросы нацелены на обобщение содержания текста и решение проблемы. Оценочные вопросы связаны с выражением эмоционального аспекта характеристики информации, представленной в тексте. Прогнозирующие вопросы направлены на определение цели сообщения [7, с. 60]. Такие задания эффективны на разных этапах работы и позволяют раскрыть содержание текста, ценностные установки участников коммуникации, социально-одобряемые модели поведения.

Необходимо также обратить внимание на комикс как вид наглядного материала, который ещё не получил достаточного освещения. Комиксы достаточно популярны у современной молодежи, динамичны, содержат диалоги, что позволяет объединить лингвистический и эмоциональный аспекты при раскрытии сюжета, сопровождаемого иллюстрированием речевого поведения героев. При этом герои комикса часто используют именно прямую речь, что способствует развитию навыков чтения, говорения, снятию грамматических трудностей и повышению интереса к русскому языку и культуре. Существуют различные цифровые ресурсы, предлагающие инструменты для самостоятельного создания комиксов. Так, обучающимся можно предложить обсудить комиксы по мотивам прочитанного текста, созданные как преподавателем, так и самими обучающимися.

От работы с комиксом можно перейти к игре. И коммуникативно-речевая, и лингвокультурологическая компетенции успешно формируются посредством игровой деятельности, которая мотивирует учащихся к установлению коммуникации на русском языке [8, с. 136]. Место игры, её характер и длительность находятся в прямой зависимости от того, какой уровень подготовки наблюдается у иностранных учащихся на данный момент, насколько сложным является изучаемый

материал, как сформулирована цель занятия. На продвинутом этапе, когда обучающиеся преимущественно занимаются чтением, отработкой монологической и диалогической речи, освоением большого объема лексики, игра может стать эффективным способом установления межличностной коммуникации [Там же, с. 138].

Организация игры может стать важным этапом взаимосвязанного формирования коммуникативно-речевой и лингвокультурологической компетенций после работы с содержательной стороной текста и выявления лингвокультурологической составляющей коммуникации. В игре обучающиеся могут применить полученные знания в коммуникативных ситуациях, типичных для русской культуры, усвоить правильные речевые образцы и расширить лексический запас. Стоит добавить, что в игре реализуется необходимость многократного употребления языкового и речевого материала, что, как известно, способствует закреплению материала. Игра позволяет за сравнительно короткий промежуток времени обеспечить усвоение грамматических и лексических особенностей речи в различных коммуникативных ситуациях. Также развивается креативность, способность творчески подходить к решению задач, расширяется понимание лингвокультурологического аспекта изучаемого языка. Смещение фокуса внимания обучающихся с учебной цели на игровую позволяет снять у них барьеры коммуникации. Они охотнее иницируют и поддерживают коммуникацию, преодолевают психологическое напряжение в общении с преподавателем, перенимают аутентичное интонационное оформление речи.

Выделяют такие игры, как игры-манипуляции с предметами, игры с использованием изобразительной наглядности, игры-соревнования, игры-инсценировки, сценарные игры.

При формировании коммуникативно-речевой и лингвокультурологической компетенций на основе лингвокультурологических текстов сборника «Денискины рассказы», и в частности рассказа «Двадцать лет под кроватью», считаем целесообразным применение всех отмеченных разновидностей игры в зависимости от цели и бюджета времени.

Игры-манипуляции с предметами и игры с использованием изобразительной наглядности полезны при изучении быта и отражающей его безэквивалентной лексики. Обучающимся предоставляется возможность познакомиться с культурно-историческими особенностями предметов, использовать их по прямому назначению. В процессе предметной игры обучающиеся, получая сведения лингвокультурологического ха-

рактера, прочнее усваивают новую лексику и охотнее делятся впечатлениями, развивая речевые навыки.

Так, игры-соревнования традиционно находят применение на этапе контроля освоенного материала и могут дополнить языковые задания по тексту.

Игры-инсценировки, предполагающие точное и последовательное воспроизведение авторского литературного текста, крайне полезны при работе с лингвокультурологическими текстами, содержащими сведения о вербальном и невербальном коммуникативном поведении. Так, можно предложить обучающимся прочитать по ролям рассказ «Двадцать лет под кроватью» и разыграть наиболее яркую сцену. В такой игре обучающиеся осваивают навыки установления отношений и продуктивного общения, взаимодействия и разрешения конфликтных ситуаций на русском языке в типичных для русской культуры ситуациях.

Также считаем полезным для развития обсуждаемых компетенций разнообразить работу с лингвокультурологическими текстами более сложными в организации сценарными играми, включая игры-драматизации, в которых обучающиеся разыгрывают сюжет, дают ему развитие и создают на его основе новые вариации. Можно включать в занятие игры-драматизации различных видов: игра-имитация образа, ролевой диалог по тексту, инсценировка сюжета произведения, постановка спектакля, игра-импровизация. Такой вид игр, где обучающиеся управляют действиями персонажей и строят их отношения, позволит расширить знания, полученные при знакомстве с лингвокультурологическими текстами и усвоить образцы коммуникативного поведения как свои собственные. Игры-драматизации способствуют развитию речи, обогащению словарного запаса, воображения, творческих способностей, способности управлять собой, удерживать внимание в соответствии с сюжетом, логичности и самостоятельности мышления.

Таким образом, коммуникативно-речевая и лингвокультурологическая компетенции при обучении русскому языку как иностранному находятся в тесной связи и зависимости друг от друга. Организация занятий, направленных на формирование данных компетенций, предполагает использование текстового материала, наглядности и элементов игры.

Список источников

1. Ванюшина Н. А. Работа со словами-реалиями как способ формирования лингвокультурологической

компетенции на уроках русского языка как иностранного // Языки и культуры. Костромской государственный университет, 2019. С. 82–89.

2. Борисова Т. Г., Кузнецова Т. Работа с художественным текстом на уроках русского языка как средство повышения коммуникативной грамотности // Славянские чтения – 2021: Сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. В. Минибаева. Стерлитамак, 2021. С. 8–14.

3. Мишати́на Н. Л. Лингвокультурологический учебный текст и концептоцентрический свертхтекст как лингвометодические понятия // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2008. № 10. С. 330–334.

4. Драгунский В. Ю. Денискины рассказы (сборник). М.: АСТ, 2009. 140 с.

5. Лю Сяньюй, Москалева Л.А. Лингвокультурологические тексты как материал для развития коммуникативно-речевой и лингвокультурологической компетенций (на примере детской прозы) // Казанская наука. 2024. №5 С. 67–70.

6. Горлова Е. А., Ершова О. В. Формирование лингвокультурологической компетенции за счет использования форм наглядности при обучении русскому языку как иностранному // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2018. №. 4 (40). С. 66–77.

7. Шарафутдинова О. И. Текст как средство формирования компетенций // Русский язык в современном Китае. 2015. С. 58–62.

8. Чернышенко О. В. Игровые технологии как лингводидактическое средство при обучении русскому языку как иностранному // Казанский педагогический журнал. 2016. №. 6 (119). С. 136–140.

References

1. Vanyushina, N. A. (2019). *Rabota so slovami-realiyami kak sposob formirovaniya lingvokul'turologicheskoi kompetentsii na urokakh russkogo yazy'ka kak inostrannogo* [Working with Realia Words as a Way of Developing Linguacultural Competence in Lessons of Russian as a Foreign Language]. *Yazy'ki i kul'tury*. Pp. 82–89. (In Russian)

2. Borisova, T. G., Kuznetsova, T. B. (2021). *Rabota s khudozhestvenny'm tekstom na urokakh russkogo yazy'ka kak sredstvo po-vy'sheniya kommunikativnoy gramotnosti* [Working with Fiction in Russian Language Lessons as a Means of Improving Communicative Literacy]. *Slavyanskije chteniya – 2021: Sb. mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Otv. red. S. V. Minibaeva*. Pp. 8–14. Sterlitamak. (In Russian)

3. Mishatina, N. L. (2008). *Lingvokul'turologicheskii uchebny'i tekst i kontseptotsentricheskii sverkhstekst kak lingvomethodicheskie ponyatiya* [Linguocultural Educational Text and Concept-Centric Supertext as Linguomethodological Concepts]. *Aktual'ny'e problemy' filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. No. 10, pp. 330–334. (In Russian)

4. Dragunskii, V. Yu. (2009). *Deniskiny` rasskazy` (sbornik)* [Deniska's Stories (A Collection of Stories)]. 140 p. Moscow, AST. (In Russian)
5. Liu Xiangyu, Moskaleva, L. A. (2024). *Lingvokul'turologicheskie teksty` kak material dlya razvitiya kommunikativno-rechevoi i lingvokul'turologicheskoi kompetentsii (na primere detskoi prozy`)* [Linguocultural Texts as Material for the Development of Communicative-Speech and Linguocultural Competencies (based on children's)]. *Kazanskaya nauka*. No. 5, pp. 67–70. (In Russian)
6. Gorlova, E. A., Ershova, O. V. (2018). *Formirovanie lingvokul'turologicheskoi kompetentsii za schet ispol'zovaniya form naglyadnosti pri obuchenii russkomu yazy`ku kak inostrannomu* [Developing Linguacultural Competence through the Use of Visual Aids in Teaching Russian as a Foreign Language]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psixologo-pedagogicheskie nauki*. No. 4 (40), pp. 66–77. (In Russian)
7. Sharafutdinova, O. I. (2015). *Tekst kak sredstvo formirovaniya kompetentsii* [Text as a Means of developing Competencies]. *Russkii yazy`k v sovremennom Kitae*. Pp. 58–62. (In Russian)
8. Cherny'shenko, O. V. (2016). *Igrovy'e tehnologii kak lingvodidakticheskoe sredstvo pri obuchenii russkomu yazy`ku kak inostrannomu* [Game Technologies as a Linguodidactic Tool in Teaching Russian as a Foreign Language]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*. No. 6 (119), pp. 136–140. (In Russian)

The article was submitted on 09.08.2024

Поступила в редакцию 09.08.2024

Сянюй Лю,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ruzida.hasanova@yandex.ru

Москалева Лада Алексеевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ladamoskaleva@mail.ru

Xiangyu Liu,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ruzida.hasanova@yandex.ru

Moskaleva Lada Alekseevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ladamoskaleva@mail.ru

ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-342-345

К ТАЙНАМ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛОВ... (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ УЧЕНОГО-ЛИНГВИСТА И.В. ЕРОФЕЕВОЙ «ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСТОРИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА»)

© Зульфия Юсупова, Кабир Закирьянов

ON ETIMOLOGYCAL MYSTERIES OF WORDS... (REVIEW OF THE BOOK “A JOURNEY INTO THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE” BY LINGUIST I. V. YEROFEEVA)

Zulfiya Yusupova, Kabir Zakiryanov

Для цитирования: Юсупова З., Закирьянов К. К тайнам происхождения слов... (рецензия на книгу ученого-лингвиста И. В. Ерофеевой «Путешествие в историю русского языка») // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 342–345. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-342-345

Идеи ученых Казанской лингвистической школы И. А. Бодуэна де Куртенэ, И. В. Крушевского, В. А. Богородицкого, касающиеся исторического словообразования, процессов изменения морфологической структуры слова, сравнительно-исторического изучения языков, продолжают развиваться в трудах современных исследователей. К таким исследователям относится Ерофеева Ирина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, чья научно-педагогическая деятельность тесно связана с Казанским университетом. Она автор многочисленных научных статей, нескольких монографий, целого ряда учебников и учебных пособий. Область научных интересов Ирины Валерьевны – «историческое словообразование, история русского литературного языка, лексикология, семасиология, концептология, когнитивная лингвистика» [1, с. 100].

Становление Ирины Валерьевны как ученого происходило в окружении таких ученых, как В. М. Марков, Г. А. Николаев, Т. М. Николаева, Л. Р. Абдулхакова, которые много лет проработали на кафедре истории русского языка Казанского университета.

Ирина Валерьевна в 1995 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Стилистика именных словообразовательных форм в летописном тексте» [2], а в 2000 году защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора фи-

лологических наук на тему «Именное словообразование в языке русских летописей» [3].

Ерофеева И. В. в течение многих лет читает такие дисциплины, как «История русского литературного языка», «Историческая фонетика», «Историческая грамматика», «Старославянский язык», «Современный русский язык», преподает спецкурсы: «Национально-культурная семантика русского слова», «Историческое словообразование и вопросы этимологии», «Тенденции развития современного русского языка», «Филологические аспекты межкультурной коммуникации» у бакалавров, магистрантов, а также преподает дисциплину «Русский язык» у аспирантов.

Она успешно руководит аспирантами и докторантами, является членом диссертационных советов КФУ 058.2, КФУ 058.3, оппонирует и рецензирует кандидатские и докторские диссертации.

Ерофеева И. В. является автором и соавтором многих учебных и учебно-методических пособий, посвященных актуальным проблемам изучения русского языка с точки зрения синхронии и диахронии.

«Путешествие в историю русского слова» – новое учебное издание, подготовленное И. В. Ерофеевой [4], и оно полностью отражает научную, учебно-методическую деятельность ученого. Это своего рода подарок к 220-летию юбилею Казанского университета, в истории которого яркий след оставили ученые Казанской лингвистической школы. Данное пособие достойно

внимания, поскольку сочетает в себе научную информацию, многообразный и познавательный фактический материал, доступное изложение и хорошее художественное оформление.

В аннотации к учебному пособию автор пишет: «Учебное пособие по спецкурсу „Историческое словообразование и вопросы этимологии“ предназначено для студентов, обучающихся по направлениям „Филология“ и „Педагогическое образование“, аспирантов, магистрантов, учителей русского языка и всех интересующихся вопросами истории русского языка. В нем раскрываются тайны происхождения многих славянских слов, объясняются различные причины утраты словами былой внутренней формы, показываются их древнейшие генетические связи. Для описания этимологии слов привлекаются данные других индоевропейских языков. В пособии разбираются многочисленные примеры, позволяющие пронаблюдать за жизнью слов в языке на протяжении множества веков» [Там же, с.2].

Как и в других своих работах, (например, [5], [6], [7], [8]), в этом издании И. В. Ерофеева доказывает, что «знание происхождения слов позволяет понять историю развития культуры человека. Судьба слов вплетается в судьбу народа и отражает веки его истории» [4, с.7]

Неоспоримым достоинством книги являются представленные в книге исторические экскурсы, посвященные словообразовательной структуре, былому фонетическому облику, многообразным семантическим преобразованиям слов русского языка. Несомненный интерес у читателей вызовут те части, в которых рекомендуется материал об энантиосемии, этимологии заимствованной лексики, народной этимологии и др.

Первая часть пособия состоит из 9 глав, каждая из которых предваряется умело подобранным эпиграфом, который отражает суть главы. Например, общим вопросам исторического словообразования и этимологическому анализу посвящена первая глава, в которой автор рассматривает такие вопросы, как процессы изменения морфологической структуры слова, деэтимологизация и рэтимологизация, иллюстрирует их большим количеством примеров [Там же, с. 8–19].

Вторая глава отражает фонетический аспект этимологических исследований, при этом автор отмечает, что фонетический принцип, применяемый при этимологических исследованиях, является наиболее разработанным. Читателям будет интересно узнать, какие звуковые изменения, чередования гласных и согласных происходят в словах, например, как связаны слова *пчела* и *бык*,

облако и *оболочка*, *горло* и *ожерелье* и др. [Там же, с. 20–36].

Третья глава посвящена словообразовательному принципу этимологического анализа, в которой И. В. Ерофеева справедливо отмечает, что «не менее важным критерием при определении исконной мотивировки слова является учет его словообразовательной структуры. ... Ученые относительно недавно стали проявлять внимание к словообразовательному аспекту при выяснении происхождения слов, их исконной, глубинной структуры» [Там же, с. 37]. При этом автор пособия опирается на исследования казанских ученых-дериватологов В. М. Маркова, Э. А. Балалыкиной, Г. А. Николаева, которые активно занимались разработкой вопросов исторического словообразования. Именно словообразовательная реконструкция, по мнению И. В. Ерофеевой, может объяснить происхождение и образование таких слов, как *нелепый*, *ненавидеть*, *хитрый*, *маячить* и др.

Исходя из названия следующей главы «Семантический принцип этимологического анализа», можно утверждать, что в ней обращено внимание на изучение изменений, происходивших в семантике слова на протяжении его длительного существования в языке. Семантическая реконструкция слова считается учеными-этимологами Ю. В. Откупщиковой, В.В. Колесовым, О. Н. Трубачевым одной из важнейших и сложнейших. В этой главе читатели найдут познавательный материал об истории наименований дней недели (например, как связаны *среда* и *середина*), этимологии цветообозначений (*красный*, *белый*, *черный*, *синий*, *зеленый*, *желтый* и др.). Для углубления лингвистического кругозора и осознания изменений в семантике автор пособия знакомит читателей с понятиями «расширение» и «сужение» значений слов.

Следующая глава «Энантиосемия» не может не заинтересовать любителей русской словесности, поскольку раскрывает такое явление, как «противоположность значений в пределах одного и того же корня». Через примеры слов *сладкий* и *солёный*, *начало* и *конец*, *сморд* и *смородина* объясняется, как возникает явление энантиосемии в русском языке.

Глава шестая – самая объемная в пособии, и она представляет собой описание этимологии заимствованной лексики в русском языке. Здесь затронуты вопросы основных признаков заимствованных слов, их источников, семантического освоения, расширения и сужения их значений. В данном разделе с любовью и скрупулезностью собрано и систематизировано большое количество примеров, которые будут стимулировать чи-

тателей к углубленному изучению русского языка, его истории.

К народной этимологии обращается автор пособия в главе седьмой, при этом отмечается, что «народная этимология – явление живое, и обнаруживается оно в разных сферах языковой системы» [Там же, с.122]. Данное явление показано на примере реэтимологизации исконно славянской и иноязычной лексики.

Богато и образно описана этимология фразеологизмов в восьмой главе пособия. Согласимся с автором в том, что «изучение истории фразеологических оборотов раскрывает особенности русской культуры, часто малоизвестные или забытые в силу их древности факты» [Там же, с. 134].

По мнению И. В. Ерофеевой, основы этимологического анализа необходимо давать в школьном курсе русского языка. Применение этимологического анализа может помочь в формировании орфографического навыка учащихся. В пособии приводятся примеры слов, правописание которых учащимся можно показать через этимологическое комментирование: *ежевика, кисель, лепешка, мохнатый, перчатка, сметана, чеснок, черепаха* и др. Познавательным для учащихся будет объяснение написания слов *прекрасный, прелестный, пристальный, привередливый* и др. Затрудняет школьников и правописание заимствованных слов, поэтому в пособии на них обращено особое внимание. Для лучшего закрепления правописания И. В. Ерофеева предлагает объединять их в группы с одинаковыми морфемами: корнями, префиксами, суффиксами. С помощью большого количества примеров автор пособия учит наблюдать за историей заимствованных слов, что позволяет лучше понять их семантику, связи между родственными словами, закрепить в памяти ассоциативный ряд исторически родственных слов.

Композиционным и содержательным финалом рецензируемого пособия является последняя, десятая глава, в которой И. В. Ерофеева предлагает практикум, на основе которого можно потренироваться в применении теоретических знаний в области истории русского языка, в развитии навыков этимологического анализа слов. Каждое задание отличается продуманностью, апробировано многолетним опытом работы со студентами, тщательным подбором языкового материала, наличием множества творческих заданий. Краткий словарь лингвистических терминов из области этимологии позволит лучше усвоить научные понятия, повысить лингвистическую подготовку обучающихся.

Считаем, что рецензируемое пособие имеет несомненную теоретическую и практическую ценность, способствует популяризации знаний в области истории русского языка, приобщает к этимологии, будет полезно для будущих и практикующих учителей русского языка, а также для аспирантов и магистрантов.

И. В. Ерофеева относится к той плеяде ученых-лингвистов, которые проводят большую работу по популяризации знаний в области русского языка. Она выступает с лекциями перед учителями и школьниками, является председателем республиканского этапа Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку, председателем и членом жюри многочисленных конкурсов для школьников и студентов, руководит секциями и круглыми столами в рамках международных научно-практических конференций.

Список источников

1. Ученые-русисты Казанской лингвистической школы: XVIII–XX вв.: энциклопедия / ред. кол.: Е. А. Горобец, Д. А. Мартыанов, Г. А. Николаев, М. О. Новак. Казань: Изд-во Казан. Ун-та. 2017. 260с.
2. Ерофеева И. В. Стилистика именных словообразовательных форм в летописных текстах: автореф. дис...канд. филол. наук: Казань, 1995. 19 с.
3. Ерофеева И. В. Именное словообразование в языке русских летописей: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Казань, 2010. 49 с.
4. Ерофеева И. В. Путешествие в историю русского слова: учебное пособие. Казань, Издательство Казанского университета, 2024. 216 с.
5. Ерофеева И. В. Языковая картина мира русского средневековья сквозь призму летописного текста. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2017. 194 с.
6. Ерофеева И. В. Словообразование и стилистика в истории русского языка: учеб.-метод. пособие. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. 65 с.
7. Ерофеева И. В. Использование этимологических данных в преподавании русского языка как эффективный способ закрепления орфографических навыков / И. В. Ерофеева, Т. К. Иванова // Филология и культура. 2019. № 2(56). С. 266–273.
8. Ерофеева И. В. Летописный дискурс сквозь призму когнитивного подхода / И. В. Ерофеева, Л. А. Усманова // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3–2(54). С. 436–441.

References

1. *Uchenye-rusisty Kazanskoi lingvisticheskoi shkoly: XVIII–XX vv.: entsiklopediya* (2017) [Russian Scholars of the Kazan Linguistic School: The 18th -20th Centuries: An Encyclopedia]. Red. kol.: E. A. Gorobets, D. A. Mart'yanov, G. A. Nikolaev, M. O. Novak. 260 p. Kazan', izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)
2. Erofeeva, I. V. (1995). *Stilistika imennykh slovoobrazovatel'nykh form v letopisnykh tekstakh*:

avtoref. dis....kand.fil.nauk.10.02.01 [Stylistics of Nominal Word-Formation Forms in Chronicle Texts: Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan. gos. un-t. Kazan', 19 p. (In Russian)

3. Erofeeva, I. V. (2010). *Imennoe slovoobrazovanie v yazyke russkikh letopisei: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni d. filol. n.: special'nost' 10.02.01* [Nominal Word Formation in the Language of Russian Chronicles: Doctoral Thesis]. Feder. gos. avt. obrazovat. uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovaniya "Kazan. (Privolzh.) feder. un-t". Kazan', 49 p. (In Russian)

4. Erofeeva, I. V. (2024). *Puteshestvie v istoriyu russkogo slova: uchebnoe posobie* [A Journey into the History of the Russian Word]. 216 p. Kazan', izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Russian)

5. Erofeeva, I. V. (2017). *Yazykovaya kartina mira russkogo srednevekov'ya skvoz' prizmu letopisnogo teksta* [The Linguistic Picture of the World of the Russian Mid-

dle Ages through the Prism of the Chronicle Text]. 194 p. Kazan', izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Russian)

6. Erofeeva, I. V. (2018). *Slovoobrazovanie i stilistika v istorii russkogo yazyka: ucheb.-metod. Posobie* [Word Formation and Stylistics in the History of the Russian Language]. 65 p. Kazan', izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Russian)

7. Erofeeva, I. V. (2019). *Ispol'zovanie etimologicheskikh dannyykh v prepodavanii russkogo yazyka kak effektivnyi sposob zakrepleniya orfograficheskikh navykov* [The Use of Etymological Data in Teaching Russian as an Effective Way to Consolidate Spelling Skills]. I. V. Erofeeva, T. K. Ivanova. *Filologiya i kul'tura*. No. 2(56), pp. 266–273. (In Russian)

8. Erofeeva, I. V. (2023). *Letopisnyi diskurs skvoz' prizmu kognitivnogo podkhoda* [Chronicle Discourse through the Prism of a Cognitive Approach]. I. V. Erofeeva, L. A. Usmanova. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. 3–2(54), pp. 436–441. (In Russian)

The article was submitted on 03.07.2024

Поступила в редакцию 03.07.2024

Юсупова Зульфия Фирдинатовна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Usupova.Z.F@mail.ru

Yusupova Zulfiya Firdinatovna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Usupova.Z.F@mail.ru

Закирьянов Кабир Закирьянович,
доктор педагогических наук,
профессор,
главный научный сотрудник,
Уфимский университет науки и технологий,
450076, Россия, Уфа,
Заки Валиди, 32.
farni@rambler.ru

Zakiryanov Kabir Zakiryanovich,
Doctor of Pedagogy,
Professor,
Chief Researcher,
Ufa University of Science and Technology,
32 Zaki Walidi Str.,
Ufa, 450076, Russian Federation.
farni@rambler.ru

РУКОВОДСТВО ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» публикует статьи по следующим разделам:

- филологические науки;
- психологические науки;
- педагогические науки.

Журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и др.). В тексте статей следует отдавать предпочтение ссылкам на публикации последних 15 лет. В журнале печатаются материалы, которые не опубликованы и не переданы в другие редакции.

Все статьи проходят рецензирование. Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации в журнале «Филология и культура. *Philology and Culture*» сообщаются авторам по электронной почте.

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку.

Рукописи авторам не возвращаются.

Порядок приема и движения рукописи

Редакция журнала принимает статьи исключительно в электронном виде (формат Word, файл типа .doc) на электронный адрес журнала: journal@ifi.kpfu.ru

Научные статьи должны быть объемом от 20 000 до 40 000 знаков (с пробелами).

Аннотация на русском и английском языках должна включать характеристику основной темы, проблемы, стоящие перед автором, цели работы и ее результаты. Не рекомендуется приводить цитаты из текста статьи. Средний объем аннотации от 150 до 250 слов. В тексте аннотации должны быть использованы все ключевые слова (5–7 понятий, терминов и имен собственных).

В конце статьи приводится краткая информация об авторе на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество (жирным шрифтом),
- научная степень (если есть),
- должность, место работы с указанием почтового адреса, e-mail (данные – 12 кегль, почтовый адрес – 10 кегль).

Образец:

Иванов Петр Александрович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ivamariak@mail.ru

Ivanov Petr Aleksandrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ivamariak@mail.ru

Художественные тексты, исторические источники должны быть на языке оригинала, при переводе текста указывается автор перевода.

Образец:
(перевод наш. – П. И., М. А.)

Качество иллюстраций должно быть максимальным (не ниже 600 dpi). Иллюстрации прилагаются к статье отдельным файлом в формате jpeg и должны быть с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье. Подписи к иллюстрациям дублируются в отдельном файле.

После того как рукопись пройдет двойное «слепое» рецензирование, мнение рецензента сообщается автору.

Анкета статьи должна быть заполнена следующим образом:

ФИО автора / Author
Организация / Organization
Страна / Country
Город / City
E-mail:
Наименование статьи / Title of article
Аннотация / Abstract
Ключевые слова / Keywords

1) Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников». Использование слов «Библиографический список», «Библиография» не рекомендуется.

2) В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

3) Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи. Для связи с текстом статьи порядковый номер библиографической записи и страницу указывают в квадратных скобках. Сведения разделяют запятой. Пример:

В тексте статьи:

[10, с. 81]

В Списке источников:

10. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

4) Пристатейный библиографический список помещают после перечня затекстовых ссылок с предшествующими словами «Библиографический список» (в пристатейный библиографический список включают записи на ресурсы по теме статьи, на которые не даны ссылки).

6) Библиографические записи в пристатейном библиографическом списке нумеруют и располагают в алфавитном порядке.

Библиографический список оформляется следующим образом:

– Список литературы (по центру);

– труды должны быть представлены в алфавитном порядке: сначала указывается литература на русском языке, затем – на иностранном языке (согласно алфавиту английского языка);

– References (по центру);

– транслитерированный список литературы (порядок должен быть изменен согласно алфавиту английского языка).

Просьба оформлять научные статьи по следующему образцу:

Текст научной статьи должен быть оформлен на листе формата А4 по ГОСТ 9327-60, ориентация книжная, шрифт Times New Roman, кегль 14. Межстрочный интервал 1,5.

- Формат MS Word
- Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2 см.
- Абзацный отступ – 1,25.
- Выравнивание текста статьи по ширине.

Межбуквенный интервал – обычный.

Квадратные скобки – на латинской клавиатуре.

Межсловный пробел – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях т. е., т. п., т. д.

Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: М., 1995. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: А. С. Пушкин.

Дефис должен отличаться от тире, например: литературно-художественный (дефис), русская литература конца XIX – начала XX века (тире с пробелами слева и справа, без пробелов – в числах и датах, например: 1960–1970 гг., с. 52–65.

Кавычки в тексте статьи:

- французские («елочки»), внутри цитаты – немецкие („лапки“).

Образец:

«Роман И. С. Тургенева „Отцы и дети“ был опубликован в журнале „Русский вестник“».

– при переводе значения иноязычного слова используют английские одиночные (‘марровские’) кавычки.

Образец:

Критика в комментарии может быть также выражена при помощи лексемы *leider* ‘к сожалению’.

- в тексте на иностранном языке употребляются “английские двойные кавычки”.

Образец:

I. S. Turgenev’s novel “Fathers and Sons” was published in the journal “Russian Messenger”.

Точка, запятая и точка с запятой при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски.

Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры.

Буква ё / Ё заменяется буквой е / Е за исключением важных для смысловоразличения контекстов и имен собственных, например: Генрих Бёлль.

При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.

Не допускаются пробелы между абзацами.

Выделения в тексте должны осуществляться по следующим правилам:

Жирный шрифт – для заголовков, подзаголовков.

Разрядка – для смысловых выделений.

Светлый курсив – для коротких примеров.

Образец:

Значение оборота «по сравнению с чем-нибудь» в составе устойчивой конструкции *против / противу прежнего*: «Я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро...» [Пушкин, т. 8, с. 7–47].

Мелкий шрифт с отбивкой от основного текста (полуторный интервал, кегль 12) – для фрагментов текста.

Образец:

Так, у А. И. Куприна читаем:

«В середине августа, перед рождением молодого месяца, вдруг наступили отвратительные погоды, какие так свойственны северному побережью Черного моря. То по целым суткам тяжело лежал над землею и морем густой туман, и тогда огромная сирена на маяке ревела днем и ночью, точно бешеный бык. То с утра до утра шел не переставая мелкий, как водяная пыль, дождик, превращавший глинистые дороги и тропинки в сплошную густую грязь, в которой увязали надолго возы и экипажи» [Куприн, с. 3].

Порядок оформления статьи

В начале статьи указывается УДК (в левом верхнем углу).

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Автор (ы): имя, фамилия.

Далее необходимо продублировать название статьи, имя и фамилию автора (или авторов) на английском языке.

Аннотация на английском языке (интервал 1,5; кегль 12).

Ключевые слова на английском языке. Слово *keywords* курсивом. После ключевых слов точка не ставится.

Аналогично – аннотация и ключевые слова на русском языке. После ключевых слов точка не ставится.

Текст статьи.

Список источников.

Библиографический список (если есть).

References. Библиографический список (если есть).

Данные об авторе: на русском языке и английском языках.

Внимание! Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей.

Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.

Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения.

Например: URL: <http://www.ruslit.ru> (дата обращения: 12.01.2016).

Список источников оформляется на языке оригинала издания с обязательным указанием места издания, издательства, года, количества страниц.

К статье прикладывается расшифровка использованных сокращений.

Примеры оформления списка литературы:

Список источников

Гринвалд Д. Кассандра // Сюжеты. 1990. № 10. С. 3–103.

Зайцев В. В. Теория и практика развития личностной свободы учащихся в системе начального образования: автореф. дис. ... докт. пед. наук: Волгоград, 1999. 48 с.

Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.

Исаева Е. Две жены Париса // Isaeva.ru: Поэтесса и драматург Елена Исаева, 2015. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (дата обращения: 24.02.2015).

Rabassa G. One hundred years of solitude. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2006. 417 p.

References

Grinvald, D. (1990). *Kassandra* [Cassandra]. Siuzhety, No. 10, pp. 3–103. (In Russian)

Ilinskaya, S. B. (1984). *Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poesii XX veka* [Constantinos Cavafy. On the Way to Realism in the Poetry of the Twentieth Century]. 320 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Isaeva, E. (2015). *Dve zheny Parisa* [Two Wives of Paris]. Isaeva.ru: Poe'tessa i dramaturg Elena Isaeva. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (accessed: 24.02.2015). (In Russian)

Rabassa, G. (2006). *One Hundred Years of Solitude*. 417 p. New York, Harper Perennial Modern Classics. (In English)

Zaitsev, V. V. (1999). *Teoriia i praktika razvitiia lichnostnoi svobody uhashchikhsia v sisteme nachal'nogo obrazovaniia*: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk [Theory and Practice of the Learner Personal Freedom Development in Primary Education: Doctoral Thesis Abstract]. Volgograd, 48 p. (In Russian)

Транслитерация текста (пошаговая инструкция)

1. На главной странице сайта <http://translit.net> в строке «Включен» выбираем «русский транслит», вариант BSI (при этом следует делать исключение для имен собственных и названий периодических изданий, которые необходимо транслитерировать в соответствии со сложившейся традицией).

Например:

Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznaniiia, а не Voprosy iazykoznaniiia.

2. Копируем из списка литературы данные об источнике (например: *Ильинская С. Б.* Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.), вставляем в поле и нажимаем кнопку «в транслит». Получаем: P'inskaya S. B. Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poe'zii XX veka. M.: Nauka, 1984. 320 s.

3. После фамилии автора ставим запятую, затем инициалы.

4. В скобках год издания.

5. После названия книги (дается курсивом) в квадратных скобках даем перевод на английский язык.

6. Количество страниц (на английском).

7. Город (указывается полностью, например: Moscow, Leningrad, Kazan, St. Petersburg).

8. Издательство (без кавычек).

9. В скобках указываем язык оригинала:

На русском – (In Russian)

На татарском – (In Tatar)

На английском – (In English)

На немецком – (In German)

На французском – (In French)

На испанском – (In Spanish)

На китайском – (In Chinese)

На турецком – (In Turkish)

На казахском – (In Kazakh)

На польском – (In Polish)

На чешском – (In Czech)

На башкирском – (In Bashkir)

На чувашском – (In Chuvash)

На хакасском – (In Khakas)

На туркменском – (In Turkmen)

На киргизском – (In Kyrgyz)

На корейском – (In Korean)

На узбекском – (In Uzbek)

На азербайджанском – (In Azerbaijani)

На якутском – (In Yakut)

С требованиями к рукописям, обзорами номеров журнала можно ознакомиться на сайте: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

Филология и культура. Philology and Culture

№ 3 (77)

Дата выхода в свет 30.09.2024.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60х84 1/8. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 40,6.

Тираж 1000 экз. Заказ 104/9

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

Адрес издательства:

420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, д. 1/37

Тел. (843) 206-52-14 (1704), 206-52-14 (1705)

Свободная цена

